

Анатолий УТКИН

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК

Книга о попытках США
взять под свой контроль
сырьевые ресурсы планеты
и установить
«новый мировой порядок».

УДК 327
ББК66.4
У 84

Оформление художника *А. Новикова*

Уткин А. И.
У 84 Новый мировой порядок / А. И. Уткин. — М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. — 640 с.

ISBN 5-699-18776-6

После поражения советской сверхдержавы и распада социалистического лагеря США затеяли тотальный пересмотр итогов Второй мировой войны и начали борьбу за контроль над природными ресурсами планеты. Автор книги, известный ученый-американист А. И. Уткин убедительно доказывает, что войны, развязанные США в последнее время в Афганистане и на Ближнем Востоке, «бархатные» и «оранжевые» революции на постсоветском пространстве — это часть стратегии США по установлению «нового мирового порядка».

**УДК 327
ББК 66.4**

ISBN 5-699-18776-6

© Уткин А. И., 2006
© ООО «Алгоритм-Книга», 2006
© ООО «Издательство «Эксмо», 2006

ВВЕДЕНИЕ

О будущем можно не думать, в представлении о будущем можно ошибаться. Будущее властно смешает любые карты, заставит колебаться любой компас — оно неотвратимо и неизбежно придет само. *Прошлое* никогда не превращалось в *будущее* плавным течением; будущее, как и все живое, рождается в муках. Самым жестоким образом оно застанет врасплох того, кто в политической злобе дня ограничивает свой кругозор набором проблем прошлого. Погруженность в споры о былом является своего рода интеллектуальной анестезией, миражом, отвлекающим от умственной работы над подлинно значимыми процессами, определяющими бесконечно более важное время — *будущее*.

Это будущее скрывается за горизонтом грядущих дней, и не стоит полагаться на прорицателей. Но мыслительная работа — изучение статистики, учет новых факторов, анализ проявляющихся себя тенденций, экстраполяция проявивших себя сил, знакомство с прогнозами футурологов в других странах — позволяет составить карту процессов, увлекающих мировое сообщество в неизбежное будущее, в значительной мере позволяет обеспечить рациональное обсуждение того, что ждет человечество, в каком мире и какими заботами будет жить оно в завтрашнем дне.

Особенностью переживаемого ныне периода является константа флюидности — стабильность повсюду уступает место нескончаемым переменам. От Генриха Мореплавателя до майского (1940) вторжения немецких танков во Францию миром правила Европа — неполных пять столетий. А затем полстолетия противостояния двух сверхдержав — Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. А далее вперед вырвалась американская гипердержава, и ее век, думаем, не продлится и полстолетия.

Как признают сами американцы, «окончание «холодной войны» привело к сдвигу тектонических плит, но последствия этих грандиозных событий появились еще не до конца. Среди вопросов, вставших на повестку дня лишь в последние годы, — возникновение новых держав в Азии, новая расстановка сил в Евразии, ближневосточные проблемы и трансатлантические подвижки. Размах и скорость перемен, обусловленных глобализацией, вне зависимости от природы этих перемен, станут характерной особенностью в ближайшие 15 лет»¹.

Трудность предсказания ныне составляет не дефицит сведений, а напротив, их стремительно растущий поток. Встает вопрос не нахождения фактов и статистики, а отбора *значимых* явлений и цифр, определения важного, преобладающего, выходящего на первый план. Мы вступили в неведомый прежде великий век информатики. Прежняя эра газет и радио начинает отступать перед электронными видами информации, испытывающими качественный подъем на фоне формирующейся буквально на глазах многомиллионной глобальной аудитории Интернета.

Перед нами век фантастически растущего обмена идеями, концепциями, критикой и апологетикой различных явлений. Оценка будущего требует тщательного отбора реально значимой информации от заведомой апологетики, пропаганды, просто шумового фона. В новом мире определенно ясно лишь одно: самодовольство и успокоенность будут наказываться немедленно недремлющими конкурентами. Попытка изолироваться от перемен окажется самоубийственной. Любая изоляция наказывает себя сама — и весьма наглядно. Тотальная изоляция будет равнозначна тотальному поражению. Постоянный анализ, поиск новых, более эффективных путей становится попросту очевидной предпосылкой выживания, движения вперед, преодоления трудностей, процветания, сохранения земных ресурсов, избежания смертоносных конфликтов, собственно выживания на нашей планете.

В течение следующих 15 лет ряд стран продолжит свои программы по созданию ядерного, химического и биологического оружия, и некоторые из них смогут увеличить свои возможности. Страны, обладающие в настоящее время ядерным

оружием, продолжают повышать живучесть своих сил сдерживания и почти наверняка улучшат надежность, точность и поражающую силу систем доставки, а также разовьют способность преодолевать противоракетную оборону. Открытая демонстрация ядерных возможностей любым государством будет еще больше дискредитировать нынешний режим нераспространения, вызовет возможный сдвиг в балансе сил и повысит риск перерастания конфликтов в ядерное противостояние.

Страны, не имеющие ядерного оружия, особенно государства Ближнего Востока и Северо-Восточной Азии, могут принять решение любой ценой приобрести его, когда станет ясно, что их соседи и региональные соперники уже работают в этом направлении. Помощь распространителей, включая бывших частных предпринимателей, таких как А.К. Хан со своей сетью, сократит время, необходимое другим странам для того, чтобы обзавестись собственным ядерным оружием.

По мнению американских разведывательных кругов, «страны, не имеющие ядерного оружия... могут принять решение любой ценой приобрести его, когда станет ясно, что их соседи и региональные соперники уже стремятся к этому»².

В то же время всемирная открытость дает особые возможности терроризму, как то со всей наглядностью показали события 11 сентября в США, взрывы в мадридских поездах, расстрел детей в Беслане, кровопролитие в Лондоне. Закрывать границы, установить полицейский режим? Уже в изначальном подходе к проблеме массового насилия *две* точки зрения интеллектуально и эмоционально разделяют футурологов.

Оптимисты верят в преодолимость грядущих неизбежных испытаний, в спасительную силу накопленного исторического опыта, в способность человечества в целом и человека в отдельности преодолеть все мыслимые преграды, осознать самоубийственность насилия, базируясь на своем здравом смысле и на благожелательности к нему мировой эволюции. Их вера покоится на каталоге уже преодоленных испытаний, на мартирологе святых, на спасительности рационализма, на бесценных основаниях науки, на вере в сдерживающие начала человеческой природы, на силе гуманной идеи. Если две мировые войны,

венчающие человеческое безумие, не погубили род людской, то и предстоящие испытания найдут свое разрешение. В 2000—2005 гг. мировой рост населения составил 4,7 процента — самый высокий после 1970-х годов. Впереди — стимулируемое «эффектом CNN», реактивной авиацией и Интернетом сближение народов, приязнь конфессий, вера в планетарный гуманизм. Люди, как и организации, становятся похожими друг на друга *не только* по признаку схожести одежды, наличия *lingua franca* — общепонятного языка, космополитической культуры, пищи, манер, пристрастий, развлечений, трудовых процессов, но и общего ментального и психологического кода. И, разделяя общие ценности, народы и цивилизации сближаются, превращаясь в единую планетарную деревню.

Оптимистическая точка зрения позволяет верить, что некогда в будущем исчезнут разделительные линии между «мы» и «они» — той губительной черты взаимонеприятия, которая, увы, пока составляла смысл мировой истории. А тем временем скажет свое спасительное слово наука: генная инженерия и клонирование, роботостроение и информатика радикально изменят привычный нам мир, обеспечивая и выживание, и прогресс. Всеобщая доступность информации ослабит насильственную функцию государства и таких его органов, как центральные банки и секретные службы. Подобно тому, как изобретение печатного станка фактически упразднило надобность в церкви для протестантов, коммуникационные технологии ослабят необходимость государства как посредника между индивидуумом и внешним миром. В страхе перед терроризмом (включая ядерный) нации сдадут свои суверенные права международным организациям, которые наведут жесткий и стабильный порядок. Возникнет транснациональное гражданское общество. Глобальный бизнес возьмет на себя ряд функций правительств. А на внутренней политической сцене исчезнет различие между левой и правой частями политического спектра, поскольку исчезнет не только классовое деление, но и классовое сознание. Главным будет различие между сведущими, готовыми к переменам, *мыслящими глобально*, и теми, кто стал жертвой традиций, предубеждений, косности, ненависти к переменам. I

Для футурологических изысканий этого толка характерна безусловная вера в *глобализацию*, в ее несказанно благодатные плоды для человечества. Певцы глобализации увлечены успехами коммуникационной технологии, делающей национальные границы прозрачными на пути глобального потока капитала, идей, культуры, популярных образов. Этот процесс решит проблему модернизации — это основное. Скажем, уже сейчас производственные мощности человечества позволяют выпускать 70 млн. автомобилей в год, и этот процесс сдерживается только потребностями рынка, нуждающегося лишь в 50 млн. машин. Как утверждают апологеты глобализации, «мировая политика будет вращаться вокруг глобальной экономики, сокрушающей все виды барьеров между нациями. А главные международные разграничительные линии будут проходить не между цивилизациями, а теми, кто либо отверг ее (как, скажем, Северная Корея), либо, по той или иной причине, оказался неспособным играть по ее правилам (как Россия или Египет, или Эквадор)»³.

Миру предлагается согласиться на слом старых государственных границ, на предоставление права национального самоопределения практически всем желающим. Американский исследователь Р. Райт утверждает, что длительность переходного периода *к будущему* будет зависеть от того, насколько скоро «американские и европейские политические деятели поймут, что часто наиболее верным путем к стабильному миру является создание новых, небольших и гомогенных наций. Ведь войскам ООН гораздо легче охранять *границы, чем общины*»*.

Но не все сообщество футурологов любит розовый цвет бестеневых явлений. Большинство не столь наивны. Реалистическое начало, как и состоящая из бесконечных драм мировая история, заставляет усомниться в близости нового золотого века. *Реалисты* призывают отставить абстрактные грезы: на протяжении минувших тысячелетий природа человека не сформировала иммунитета в отношении безграничных по форме проявлений озлобления и насилия — свидетельством чему вся Голгофа истории, летопись злого насилия, не утихающего в веках, не воспринимающего в должном объеме мучительный (и ставший после августа 1945 г. самоубийственным) опыт человеческого выживания. Более пристальный взгляд в будущее за-

ставляет усомниться в релевантности простых, механических рецептов разрешения человеческих проблем. И оказывается, что оснований для *пессимистического взгляда* на будущее отнюдь не меньше: человеческий разум может быть направлен на разрушение с такой же силой и убежденностью, как и на созидание. Сам гигантский объем перемен и их феноменальная скорость заведомо предполагают «восстание» обществ, тяготеющих к традиционным основам, этническим и религиозным началам, защищающим свою религию и ментальный код. Что бы ни говорили певцы естественного прогресса, перемены всегда воспринимаются человеком и человечеством жестоко болезненно. И порождали сопротивление. Культура отдельных стран противостоит быстрым переменам, а это означает, что людская память и традиции с великой силой инерции могут встать в оппозицию к «расколдованной» стерильной жизни космополитов.

Даже самые удачливые деятели нашего времени (такие, скажем, как финансист и филантроп Дж. Сорос) видят в будущем *кризис* рыночных механизмов, как не удовлетворяющих нуждам человеческого сообщества. Как и многие другие, Сорос сожалеет об излишней вере в «естественный прогресс», в «магию рынка». А не менее удачливый дипломат Г. Киссинджер видит угрозу в том, что государства будущего будут иметь *интересы, но не принципы*. А это ведет к торжеству постулата «войны всех против всех», выдвинутого англичанином Гоббсом. Отсутствие человеческой солидарности, гедонистическая самоуспокоенность одних и жестокие страдания других создадут нетерпимую ситуацию, когда кризис межчеловеческих и международных отношений наложится на легкую достижимость овладения средствами катастрофического массового уничтожения людских масс, как о том с поразительной иллюстративностью свидетельствует американский сентябрь 2001 г., Мадрид, Беслан и Лондон 2004—2005 годов.

А благотворен ли мировой рынок, исключаяющий из процесса международного экономического сотрудничества *только* половину населения Земли? Доклады ООН об экономическом состоянии мира поражают жестокостью оценок самое уравновешенное сознание. На фоне обозначившейся возможности экономической катастрофы сложившийся в англосаксонском

мире своеобразный «рыночный фундаментализм» (основанный на «вашингтонском консенсусе» министерства финансов США, Международного валютного фонда и Мирового банка, направленный на всемерное понижение препятствий мировой торговле) представляет для будущего исключительную опасность. По словам президента Бразилии Ф. Кардозо, «рынок важен для производства товаров, достижения эффективности, но он не предлагает решений для всех проблем. Рынок подвержен маниям, панике и кризисам. Рынок не является решением там, где проблемы завязаны на фундаментальные этические ценности, такие, как мысль о том, что все люди рождены равными»⁵.

Всякий, кто смотрит в будущее, просто обязан исходить из того, что на беднейшие 20% мирового населения приходится лишь 1% внутреннего валового продукта мира, что соотношение между богатой V мирового населения и V беднейшего населения Земли достигло 1:75. Честный наблюдатель не может впасть в ослепление новой технологией и раздвинувшимися рамками информационно-технологического обмена. Критическая степень неравенства в мире не может обещать ничего другого, как массовое стремление изменить *статус-кво*, то положение, которое ведет к глобальным катаклизмам.

Еще одним источником катастроф может стать прогрессирующий хаос в сообществе суверенных государств. Может ли безболезненно рушиться ткань традиционных социальных организмов — то, что происходит ныне повсюду? «От Индонезии до Шотландии, от прежнего Советского Союза до Южной Африки, — пишет профессор истории М. ван Кревельд, — наиболее характерным процессом нашего времени является политическое расщепление, децентрализация и даже дезинтеграция современных государств. Едва ли месяц проходит без того, чтобы новое государство не появилось на карте. И политические трансформации происходят помимо воли государств: каждый раз, когда новый пользователь покупает телевизионную тарелку или подключается к Интернету, природа политики подвергается изменению. Каждый раз, когда возникает новая международная организация, все большее число государств чувствуют себя попавшими в тенета этих организаций. Процесс расщепления идет в ущерб государственным структурам, способствуя

огромному росту значимости этих организаций — многонациональных корпораций, неправительственных организаций и средств массовых коммуникаций... Этот процесс отбрасывает нас в Средние века. Место императора начинает занимать президент США, а место римского папы — Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций. Как и в Средние века, президент владеет военной силой, а секретарь желает властвовать над общественным мнением. Возможно, самым важным является то, что президент испрашивает у секретаря право вести войну в Косове, Сомали и Кувейте... Впереди, как в Средние века, массовые перемещения населения»⁶.

Суровые суждения слышны отнюдь не только из мира академической науки. Общемировые интересы вовсе не равны интересам верхушки меньшинства — благополучной части человечества. Часть представителей западного бизнеса видят в происходящем не модернизацию, а попадание в орбиту влияния США. Не будем заблуждаться, говорит президент одной из крупнейших коммуникационных компаний мира англичанин М. Соррел, «мир не глобализуется, он американизируется. Во многих отраслях индустрии на Соединенные Штаты приходится почти 50% мирового рынка. Что еще более важно, более половины всей деловой активности контролируется (или находится под влиянием) Соединенными Штатами. В области рекламы и маркетинга эта доля доходит до $2/3$. И посмотрите на сферу инвестиций. В ней доминируют огромные американские компании: Меррил Линч, Морган Стенли Дин Уиттер, Голдмен Сакс, Соломон Смит Барни и Дж.-П. Морган»⁷. Все остальные американские и европейские фирмы либо поглощены этими гигантами американского делового мира, либо находятся в зоне их критического влияния.

Но эти феноменальные по силе стороны американского могущества, увы, не гарантируют позитивных черт лидерства-гегемонии. Как раз напротив. Даже те на Западе, кто полагается на «просвещенное руководство» Соединенных Штатов, начинают терять уверенность: «Соединенные Штаты оказались увлеченными собственным успехом, они не могут усмотреть надобности в подчинении своих интересов неким абстрактными общим принципам. Соединенные Штаты ревностно охраняют

свой суверенитет и поведут себя как единственный арбитр, отделяющий правое от неправого. Для того чтобы вести за собой открытое общество наций, Вашингтон должен претерпеть подлинный внутренний переворот»⁸. Признаков такого поворота пока не наблюдается. Соединенные Штаты еще способны вмешаться в дела будущих Сомали, Косова и Афганистана, но они не смогут произвести глубоких структурных перемен, отчуждая Организацию Объединенных Наций. В будущем все более сложно будет отделить центр от периферии — столь усложненной будет глобальная конфигурация мощи и влияния.

Футурологи критического направления отмечают «измельчание личностей». Американский мыслитель Ф. Фукуяма не верит, что великое будущее могут создать люди типа Буша, Проди и Меркель. А деятелей ранга Рузвельта, Сталина и Черчилля, по его словам, на горизонте не видно. Гегелевская «сова Минервы», т.е. *мудрость*, навестит человечество только тогда, когда мир перестанет быть разделенным между странами, включившимися в *глобализацию* и отторгнутыми от нее. Не видится адекватным и силовой — типа иракского — «ответ» Америки: новый Ирак после марта 2003 г. стал значительно более мощным очагом терроризма, превращая Ближний Восток в поле жестокой битвы.

Пессимисты указывают на невероятную уязвимость мировой экономики и человечества в целом, проявившуюся в начале 21 века. Они требуют обратить первостепенное внимание на глобальные процессы, столь опасные по своим последствиям. Скажем, трехкратное увеличение цены на нефть начиная с 2001 г. В прежние времена за таким подорожанием нефти следовала рецессия. Экологические катастрофы не менее опасны. Восемь миллиардов землян (минимум демографического роста к 2050 году) просто не смогут существовать, если уровень потребления земных ресурсов у бедных и модернизирующихся стран приблизится к современному уровню США. Ныне площадь и объем используемых земли и воды, приходящиеся на одного американца, равняются 10 гектарам, а в беднейших странах — одному гектару. Для того чтобы бедным достичь американского уровня, необходимы еще *четыре* планеты Земля. Одно из двух: либо

богатые поймут опасность расточительства, либо богатые и бедные в своей модернизации быстро истощат богатства планеты.

Не лучше обстоят дела и в политической сфере. Представляется, что лежащие впереди десятилетия заставят нас думать о 90-х годах как об относительно спокойном десятилетии — несмотря на жестокие трагедии Югославии, Руанды, Таджикистана. В недалеком будущем мир должен будет решить гораздо более масштабные, роковые вопросы: как ему быть с вызовом международного терроризма, с непрошенной гегемонией Америки, как обеспечить региональный баланс сил в Азии и Европе, как удержать ядерное нераспространение, как остановить нерегулируемые силы глобализации, чтобы позволить целым регионам избежать судьбы Индонезии?

Спокойствия впереди не будет хотя бы потому, что единственная общемировая лига — Организация Объединенных Наций — безусловно, теряет силу, престиж и влияние. Попытки превратить в глобального полисмена военную организацию богатых североатлантических стран неизбежно встретят сопротивление. Отстраненные от участия в ней страны неизбежно будут искать альтернативу и, как показывает мировой опыт, найдут ее.

Грядущий мир еще будет содрогаться в конвульсиях от всех попыток единственной сверхдержавы закрепить то положение, когда на ее неполные пять процентов населения приходится более трети мировых ресурсов и богатств. Речь идет, прежде всего, не о силовом противостоянии, а о солидарности менее счастливо наделенных народов и тех, от кого история явно отвернулась. В ходе всей мировой истории лидер всегда встречал все более согласованное сопротивление остального мира, и история едва ли сделает исключение на этот раз. Такова логика истории, и этой логике будет трудно противиться стране, провозгласившей, что «все люди рождены равными». Все виды национальной противоракетной обороны и тому подобные проекты будут восприниматься как реализация особого статуса, как неравенство. При этом любая, даже самая благожелательная политика потребует от Соединенных Штатов той степени жертвенности (на которую они, похоже, уже не способны), для мобилизации которой американцы должны будут изменить сие-

тему ценностей. Раньше такую мобилизацию облегчал пафос борьбы против кайзера и Гитлера. Историческая самооборона как таковая, если американцы на нее еще способны (скажем в случае ответа самоубийцам из Аль-Каиды), может означать лишь односторонность действий, что так или иначе в конечном счете ведет к новой форме изоляционизма.

Сразу же встает вопрос: возможен ли американский изоляционизм в условиях глобализации мировой экономики? Громадная технологическая мощь дает Америке все шансы извлечь максимум из снижения таможенных барьеров между странами, но перемещенные в зоны более дешевой рабочей силы предприятия неизбежно нанесут удар по квалифицированным рабочим Америки.

Европейский союз и Китай предстают первостепенными претендентами на трансформирование однополюсного мира в более сложную галактику. ЕС уже примерно равен гегемону в торговой и валютной сфере. Ему предстоит проявить себя и в геополитике. Европейский союз посредством Финляндии уже имеет тысячекилометровую границу с Россией; членство Кипра вовлечет его в ближневосточные проблемы, а вхождение Турции создаст общие границы с Ираном и Ираком. И нет сомнений, полагает многолетний прежний директор лондонского Международного института стратегических исследований К. Бертрам, что европейская стратегия будет «очень отличной от американской». Нынешнюю констелляцию сил Бертрам считает очень краткосрочной: «Американская однополярность дышит самодовольством, и в этом таится зарок ее временности»⁹.

Китай мыслит в рамках столетий. По китайским прогнозам, к 2050 году страна будет, как минимум, «средних размеров державой», но во второй половине века она раскроет свой глобальный потенциал. Действия Пекина в своем регионе будут зависеть от отношений с Соединенными Штатами в первую очередь, но также от политики Японии и партнерства с Россией. И есть все основания думать, что выход Китая на линию противоборства с Америкой произойдет значительно раньше — ведь рост КНР между 1978 и 2006 годами был феноменальным, самым быстрым в мире.

Разворачивающейся мировой истории придется дать ответ по трем пунктам: последует ли вслед за смещением производительных сил смещение в юго-восточном направлении центра всемирного идейного творчества, осуществится ли самоценное политическое самоутверждение на новой индустриальной основе, не отпрянет ли мир к традиционным культурно-религиозным основам? Ответ на эти три вопроса составит суть грандиозных процессов двадцать первого века.

* * *

Итак, между двумя крайностями — верой в спасительность разума и опыта и скепсисом в отношении грядущего развития стремительно меняющегося и ожесточенного мира — ищет путь в будущее современная футурология. Она не может не оборачиваться на опыт предшественников.

Картина мира в 2050 году радикально изменится. Китай, Индия, а возможно, и другие страны — такие, как Бразилия и Индонезия, способны в будущем упразднить привычные характеристики Запада и Востока, Севера и Юга, присоединившихся и неприсоединившихся, развитых и развивающихся стран. Традиционные географические группировки уже не будут иметь прежнего значения в международных отношениях. Мир, поделенный на государства, и мир мегагородов, связанных телекоммуникациями и торгово-финансовыми потоками, будут существовать параллельно. Борьба за союзников будет вестись более открыто, и сами союзы утратят свою традиционную прочность.

В январе первого года двадцатого века английский журнал «Двадцатый век и после» опубликовал «Наметки Бога на грядущий век». Одной из первых задач было отложить устаревшие *военные игрушки* всем — начиная с кайзера, поскольку война в век железных кораблей немыслима. Редакторы не могли помыслить о мировых войнах, столь скоро поглотивших британскую морскую гегемонию, богатство и империю. Зигмунд Фрейд писал о «постоянно увеличивающейся взаимозависимости, создаваемой коммерцией и производством, которые неизбежно влекут к моральности». Увы, такие футурологические просчеты,

такие ошибки могут показаться малозначительными в век расширяющегося по всему миру ядерного оружия.

Многовекторность ускоряющегося мирового развития своей сложностью и непредсказуемостью способна поставить в тупик. Но современные футурологи склонны верить в свою способность очертить основные контуры будущего, увидеть возможности гипотетического будущего. «Эти возможности, — размышляет один из ведущих социологов нашего времени И. Валлерстайн, — многообразны. Самые различные силы воздействуют на траекторию разворачивающихся процессов. И *все же мы можем* определить наиболее реальный ход событий»¹⁰. Поверим высказанной надежде, присоединимся к этому выводу. Мы верим, что Россия останется на солнечной стороне истории.

Ключей от будущего нет ни у кого. Но мы можем мобилизовать наши знания и воображение, представить себе несколько возможных дорог. Вместе с нами о будущем думают сотни и тысячи людей, их мыслительная работа состоит в том, чтобы обнажить главные факторы перемен, экстраполировать эти факторы на грядущее и обозначить контуры на горизонте. Мы отправляемся в путь, где нашими попутчиками будут те, кто с самых различных позиций вглядывается вместе с нами в скрытую от всех взоров подлинную дорогу стремительной мировой эволюции наступившего века.

Часть первая

КТО СОЗДАЕТ НОВУЮ КАРТУ МИРА

Ныне, в начале третьего тысячелетия, *десять мощных сил* меняют прежнюю картину мира и уверенно подводят мировое сообщество к новому состоянию. *Первая* из этих сил — реализация геополитической мощи главным победителем в холодной войне — Соединенными Штатами, экстраполяция американской мощи на глобальное окружение, создающая однополярную структуру мира. *Вторая* сила — бурный рост экономики в индустриальном треугольнике мира — Северной Америке, Западной Европе и Восточной Азии, в результате которого развитое меньшинство (страны — члены Организации экономического сотрудничества и развития — ОЭСР) подчиняют своей власти огромное большинство мирового населения. *Третий* могучий преобразователь — разрушительный *хаос*, наступающий на мировое сообщество вследствие ослабления государств-наций (на фоне укрепления влияния транснациональных корпораций и негосударственных организаций, создающих нерегулируемые процессы). *Четвертая* историческая волна — обращение государств (после окончания века идеологий и битв за природные ресурсы) к новой идентичности, базирующейся на возврате к традициям, устоям, исконной религии, историческим святыням. *Пятая* сила — грозящая глобальным взрывом поляризация бедного и страждущего большинства населения планеты и материально благоденствующего меньшинства. *Шестая* из меняющих мир сил — феноменальный демографический рост населения Земли, преимущественно его бедной части. *Седьмая* огромная сила — неожиданный подъем новых гигантов, прежде всего Китая (а также Индии, Бразилии и др.). *Восьмая* страшная по мощи и значимости сила — иммиграция — смещения

колоссальных масс населения в зоны чуждых им цивилизационных канонов. *Девятая* сила — профессиональное разобщение человечества. *Десятый* фактор глобального значения — оскудение земной оболочки нашей планеты, которое увеличивает значимость нефти, меди, цинка и всего подобного на фоне расширения индустриальной зоны, смертельно нуждающейся в ископаемых.

И наука, давшая в наши дни огромный толчок развитию производительных сил и в то же время оснастившая страшными орудиями глобального разрушения, стала фактором давления в сторону сокрушительных перемен.

Таким образом, на мир воздействуют неистребимые по своей природе факторы — *сила, богатство, хаос, идентичность, справедливость, увеличение человеческой семьи, иммиграционные поиски лучшей жизни, столкновение конфессий, опустошение ископаемого слоя земли, наука — как средство господства над природой, дающая самые неожиданные результаты, реконкиста таких стран, как Китай*. Результатом взаимостолкновения этих волн будет новая конфигурация миропорядка, новое соотношение сил, новая геополитическая, экономическая, цивилизационная картина мира. Обратимся же к этим факторам.

Глава 1

ДОМИНИРОВАНИЕ АМЕРИКИ

Пять столетий Запад владел миром, демонстрируя несокрушимую энергию и волю. Все гордые незападные государства, так или иначе, после Колумба, да Гамы и Ченселора, после выхода американцев за Аллегань, после прорыва испанцев к Тихому океану, после колонизации Африки и Азии подчинились Западу. Несколько волн промышленно-научных революций закрепили опеку конкистадоров и колонизаторов над громадными просторами мира. Полтора десятилетия назад не устояла в антизападном противостоянии Россия — последний

избежавший прямого западного контроля район Евразии. Экономический триумф Соединенных Штатов породил поистине жесткую уверенность Запада (как военно-экономического лидера мира) в практически необратимом овладении главными рычагами мирового развития. Глобализация закрепила возможности Запада и его американского авангарда осуществлять мировое доминирование. Зашла речь о «конце истории».

Но именно тогда, когда даже самые большие скептики умолкли, пораженные военно-научно-техническим превосходством Запада, история еще раз начала демонстрировать изумленному человечеству, что для нее нет неоспоримых канонов. И нам остается только потрясенно смотреть в лицо новым фактам, резко меняющим мировую панораму.

В 1989-1991 годах, когда вторая сверхдержава, находясь в руках советских борцов за благополучие «у нас и во всем мире», начала рушиться на глазах у изумленного мира, Вашингтон увидел невероятные, немыслимые прежде внешнеполитические возможности. С крушением Востока окончился полувековой период баланса сил на мировой арене. У оставшейся в «одиночестве» главной победительницы в холодной войне Америки появились беспрецедентные возможности воздействовать на мир, в котором ей уже не противостоял коммунистический блок.

Стабильность однополюсному миру может обеспечить лишь наличие «трех китов» — экономического доминирования; военной силы; культурной привлекательности. Немногие страны в мировой истории удовлетворяли этим условиям. В Европе Нового времени около 1500 г. трем этим условиям в некоторой степени удовлетворяла Португалия, полустолетием позже — Испания, примерно в 1620 г. — Нидерланды, Франция в 1690 и 1810 гг., Британия в 1815—1890 гг. Германия дважды пыталась пробиться к лидерству в двадцатом веке, но безуспешно. *После двух мировых и холодной войны этого положения уверенно достигли Соединенные Штаты Америки* благодаря гигантским размерам их экономики, эффективности их рынков капитала, преобладанию в информационной сфере.

Экономика. У США в начале третьего тысячелетия не только самая мощная, но и самая эффективная экономика мира.

Начавшийся в 1992 году десятилетний подъем закрепил лидирующее положение американской экономики в мировом взаимобмене, в мировых финансовых учреждениях, в осуществлении международной экономической помощи. Между 1990 и 2001 годами американская экономика выросла на 27%, тогда как западноевропейская — на 15%, а японская — лишь на 9%". Доля США в мировом валовом продукте увеличилась между 1996 и 2000 годами с 25,9 до 30,4%¹². На пороге нового века уровень безработицы упал до фантастически низких 4%. В 2005 г. американцы истратили на строительство новых домов 2,5 *триллиона* долларов. Абсолютная и относительная мощь Америки достигла невиданных высот, о чем свидетельствует таблица 1.

В Америке промышленный рабочий работает ныне в год 1966 часов. Это значительно больше, чем в других развитых странах. В Японии данный показатель равен 1889 часам, в Австралии — 1867 часам, в Новой Зеландии — 1838, в Британии — 1731, во Франции — 1656, в Швеции — 1582, в Германии — 1560, в Норвегии — 1399 часов. В среднем американский рабочий трудится на 350 часов больше, чем европейский рабочий. 60 процентов американских тинэйджеров работают — это в три раза больше, чем в среднем в развитых странах. Сознаться в безделье для американца просто стыдно. 90 процентов американцев утверждают, что готовы работать интенсивнее, «если это в интересах дела». 67 процентов не приветствуют социальные изменения, которые ведут к менее напряженной работе¹³. В условиях битвы культур современная Америка стремится сохранить и умножить это базовое качество.

*Таблица 1. ВВП ведущих стран мира в 2006 г. в трлн. дол.
(прогноз)*

США jKM8j	Япония	Германия	Франция	Британия	Италия	КНР	РФ
4,96	3,00	2,28	2,34	1,78	2,24	0,854	

Источник: The World in 2006. London. The Economist Publications, p. 97—110.

Еще в 1990 году опасения в отношении зарубежной конкуренции испытывали 41% американских производителей, а в начале следующего столетия страх почти исчез — лишь 10% опрошенных выразили свои тревоги. Страх в отношении объединенной Европы и неуправляемой Японии ослаб. Теперь 85% лидеров американского бизнеса приветствуют европейскую конкуренцию¹⁴. Годовой доход в расчете на каждого американца составил 43 тыс. дол. Американский бюджетный дефицит в 2006 фин. г. составил 3,9 процента.

Экономика Соединенных Штатов оставила далеко позади потенциальных соперников и ныне, спустя более полувека после окончания Второй мировой войны, ее превосходство над поверженными тогда Германией и Японией убедительнее, чем когда бы то ни было. Восстановившие свою мощь страны не смогли приблизиться к показателям Америки, о чем свидетельствует таблица 2.

Таблица № 2. Доля ВВП прочих стран по отношению к гегемону (в %)

Год	США	Британия	Россия	Япония	Германия
1950	100	24	35	11	15
1985	100	17	39	38	21
2002	100	15	9	38	22

Источник: «International Security», Summer 2003, p. 12

И американский гигант не останавливает своего движения. В 1980 году на научные исследования и разработки на Западе в целом расходовались 240 млрд. дол., из которых на долю министерства обороны США приходилось 40 млрд. дол. Уже в 2000 финансовом году расходы на исследования и разработки стран Запады составили 360 млрд. дол. и доля США в них составила 180 млрд. дол.¹⁵. Величайшая экономика мира является основным источником мирового технического прогресса — на США приходится 35,8% мировых расходов на производство новых технологий. Америка инвестирует в высокотехнологичные

области больше, чем вся Европа, взятая вместе. Общие американские расходы на исследования и внедрение равны совокупным расходам богатейших стран мира — остальных стран «большой семерки». (А «семерка» расходует на эти цели 90% общемировых расходов на исследования и разработки. На занимающую второе место Японию приходится — 17,6%, на Германию — 6,6%, Британию — 5,7%, Францию — 5,1%, Китай — 1,6%)¹⁶. И эти расходы дают весомые результаты: не менее половины новых технологий мира создается в начале XXI века в Америке (что детально показывает Совет по конкурентоспособности — аналитический центр американской индустрии, расположенный в Вашингтоне¹⁷).

Более 40% мировых инвестиций в компьютерную технологию приходится на американские компании — более 220 млрд. дол. Соотношение числа компьютеров к работающим в США в пять раз выше, чем в Европе и Японии. Это дает американскому бизнесу внушительное превосходство над конкурентами. Компании «Интел», IBM и «Моторола» производят существенно важные компоненты собственно компьютерной техники. В то же время «Майкрософт», «Оракл» и «Нетскейп» обеспечивают главные мировые программы, и все они основаны в Америке, где располагаются их штаб-квартиры. Экспорт «Виндоуз» и «Лотус 1, 2, 3» постоянно растет. Основанный министерством обороны США Интернет стал глобальным феноменом, но большинство включенных в Интернет 15 000 телевизионных сетей базируются в Соединенных Штатах¹⁸.

США расходуют вдвое больше средств на душу населения на информационно-технологические нужды, чем западноевропейские фирмы. Более 90 процентов сайтов в Интернете являются американскими. Американские компании являются главными поставщиками «кремниевых мозгов». В стране находятся 40% общего числа компьютеров в мире.

Наличие наиболее эффективного экономического организма, организационные, технические и идеологические инновации (более трети мировых патентов), совершенство индустриальной организации, доминирование в мировой валютной системе, главенствующие позиции в мировой торговле, обладание самыми мощными ТНК, возможность оказывать масси-

рованную экономическую и гуманитарную помощь внешнему миру — все это позволило Америке установить первенство в основных отраслях современной экономики. Университеты США и американский бизнес легко абсорбируют в американскую экономику талантливых иностранцев — как когда-то Римская империя.

Военный аспект. Мощь Америки *ПОКОИТСЯ* на колоссальном военном основании. Окончание холодной войны и разговора о «мирном дивиденде» не ослабили этого основания. Вашингтон продолжает расходовать пропорционально столько средств на *военные нужды*, сколько он расходовал в 1980 году — в пике холодной войны. Американская экономика осуществила в 80—90-х гг. широкомасштабную модернизацию, сделавшую бремя военных расходов менее ощутимым. Как отмечает профессор Бостонского университета Э. Басевич, «для американских мужчин и женщин в военной униформе десять лет, которые прошли со времени падения Берлинской стены, были временем *интенсивной занятости*». На фоне сокращения военных расходов другими странами военные усилия США видны особенно рельефно. Обоснование весьма просто: «Сильный имеет гораздо больше способов справиться с противниками, чем слабый, при этом сильный независим. Соединенные Штаты являются единственной страной, способной создать глобальную военную коалицию, как это было в случае с Ираком и на Балканах»¹⁹.

Сформировались силовые возможности глобального масштаба на основе многочисленных и квалифицированных вооруженных сил, на основе широких и мощных союзов, разветвленной разведывательной сети, эффективной индустрии производства вооружений и воли использовать свои силовые возможности. Американская военная промышленность, поддерживавшаяся десятилетиями щедрых военных бюджетов, безусловно превосходит любые страны, стремящиеся сохранить свое военное производство, по способности быстро мобилизовать, привести в боевую готовность и переместить на огромные пространства значительные воинские контингента.

На любом историческом фоне Соединенные Штаты выглядят самым впечатляющим образом. Мощь глобального масштаба включает в себя стратегическое и тактическое ядерное оружие, атакующие подводные лодки наряду со спутниками в космосе, флот двенадцати тяжелых авианосцев и несравненные силы быстрого развертывания. Революция в военной технологии дала Соединенным Штатам несравненную военную мощь, основанную на спутниковом и прочем слежении за миром, новом поколении средств доставки, точечном использовании ударной силы. Технологии СЗІ (информационные системы поддержания командования, контроль, коммуникации, разведка) держат безусловное первенство в мире.

Разумеется, содержание первоклассных вооруженных сил обходится американской казне в значительную сумму. В мире нет ныне страны, которая расходовала бы в военной сфере средства, сопоставимые с американскими, о чем говорит таблица 3.

Таблица 3. Доля военных расходов от расходов США (в %)

Год	США	Британия	Россия	Япония	Германия	Китай
1950	100	16	107	—	—	—
1985	100	10	109	5	8	10
2002	100	13	26	17	14	13

Источник: «International Security», Summer 2003, p. 12.

Несмотря на увеличение доли американских военных бюджетов в общемировых расходах, в США популярно мнение, что глобальное силовое превосходство обходится могучим Соединенным Штатам не так уж и дорого. Постоянно задается вопрос: «Неужели поддержание американского первенства не стоит оборонных затрат где-то на уровне 3—3,5% ВВП?»²⁰.

Эти военные расходы тем легче переносятся экономикой США, чем шире объем американского военного экспорта — превышающего военный экспорт всех остальных продающих оружие держав, вместе взятых. В новый век Америка вошла как величайший производитель и торговец оружием — среднегодо-

вые продажи американского оружия превышают 15 млрд. дол. (50% всей мировой торговли оружием — по сравнению с 26,7% десятилетием ранее)²¹. Стимулирующим фактором является государственная программа Иностранной военной помощи (ФМА). За вторую половину двадцатого века по настоящее время внешний мир получил американского оружия примерно на 0,5 трлн. дол.²². Получатели американского оружия так или иначе становятся клиентами США не только в военной области, это мощный рычаг воздействия на экономику и внешнюю политику получателя военной помощи или ее импортера.

Отход от взаимного гарантированного сдерживания (ВГС). Весной 2006 года американская военная элита открыто декларировала, что не стоит и пытаться имитировать мощь США — это бесперспективно. «Соединенные Штаты стоят на границе вхождения в ситуацию, когда они достигнут абсолютного ядерного превосходства над любым потенциальным противником в мире. Для Соединенных Штатов станет возможным разрушить ядерный потенциал и России и Китая первым же ударом. Это драматическое изменение в ядерном балансе возможно благодаря тому, что Россия вступила в фазу долговременного упадка, а Китай слишком медленно продвигался в военной сфере. Если политика Вашингтона не изменится, а Москва и Пекин не увеличат размеры и готовность своих ядерных сил (как и прочий мир), то тогда вся планета будет жить в тени американского ядерного превосходства многие годы текущего века»²³.

Американцы полагают, что после 1991 г. Россия потеряла 39 процентов бомбардировщиков дальнего радиуса действия, 58 процентов межконтинентальных баллистических ракет, 80 процентов ракет стратегических подводных лодок. Еще хуже того, что российские стратегические бомбардировщики расположены всего на двух базах, уязвимых для первого удара. 80 процентов российских МБР вышли за пределы гарантированного им срока действия. В море находятся 2 стратегические подводные лодки (в 1990 г. — 60). А у американцев дежурят в океанах 40 процентов их стратегических подводных лодок. Практически всегда все шесть российских подлодок стоят у

пирсов — теряется искусство подводников. Устарела российская система раннего оповещения, в то время как американцы оснастили свои подводные лодки значительно более точными системами «Трайидент IID-5». К 2010 г. Россия сократит численность своих наземных МБР еще на 35 процентов, оставляя себе 150 ракет (в 1990 г. — 1300). Облегчается задача первого удара для США.

У КНР вовсе нет современных стратегических ракет. У Пекина 2 ядерные подводные лодки. В подземных шахтах у китайцев 18 МБР с одной боеголовкой. Китай будет стремиться создать мобильные ракетные системы (DF-31 А, радиусом 8 тысяч км — расположенные на северо-востоке КНР, в провинции Хэйлуцзянь, они могут достичь США), но не в ближайшие годы.

США же заняты усовершенствованием оружия глубинного взрыва — против бункеров; они усовершенствуют боеголовку W-76 и еще ряд уже *имеющихся* систем²⁴.

Контроль в ключевых регионах. Распространение американских военных баз стало элементом глобализации горизонтов американских государственных интересов, ибо, по оценке американского политолога, «как только американские войска располагаются на иностранной территории, эта территория немедленно включалась в список американских жизненных интересов»²⁵.

Исключительно благоприятствующим для распространения влияния США являются контрольные позиции их вооруженных сил в двух экономически могущественных регионах, способных бросить Америке вызов: *Японии* (остров Окинава) и *Германии, где стоит 7-я армия США*. Главный союз — с Западной Европой пережил осуществление своей миссии. НАТО достаточно крепка в качестве инструмента американского контроля над западноевропейским центром. В начале XXI века Соединенные Штаты владеют 395 крупными военными базами и большим числом мелких баз в этом регионе. На территории этих стран находятся американские войска, эти государства связаны с Вашингтоном обязывающими отношениями и не могут сейчас и в ближайшие десятилетия оказать реальное противодействие.

Трудно не согласиться с американскими исследователями Р. Каганом и У. Кристолом, которые подчеркивают, что «международная структура безопасности представляет собой совокупность руководимых Америкой союзов»²⁶. Полагаясь на эту мощь и наличие союзников, американские политологи делают однозначный вывод: «Соединенные Штаты являются единственным в мире государством с потенциалом глобальной проекции мощи; они способны осуществлять базирующееся на наземных плацдармах доминирование на ключевых театрах; они обладают единственным в мире всеокеанским военно-морским флотом; они доминируют в воздухе; они сохраняют способность первого ядерного удара, продолжают инвестировать в системы контроля, коммуникаций и разведки... Следует признать, что *любая попытка непосредственно соперничать с Соединенными Штатами безнадежна. Никто и не пытается*»¹.

Как характеризует сложившееся положение американский политолог Т. Фридмен, мир поддерживается «присутствием американской мощи и американским желанием использовать эту военную мощь против тех, кто угрожает глобальной системе... Невидимая рука рынка никогда бы не сработала без спрятанного кулака. Этот кулак виден сейчас всем»²⁸. Наличие силовых возможностей открыло, по словам американского эксперта Басевича, «перспективу чистого, быстрого и приемлемого решения насущных проблем, вооруженные силы стали предпочтительным инструментом американского государственного искусства. Результатом стала обновленная, интенсифицированная — и, возможно, необратимая — милитаризация американской внешней политики»²⁹.

Условия, сложившиеся в мире после 1991 г., позволили Соединенным Штатам использовать свои вооруженные силы для целей принуждения практически без риска возмездия. Используя превосходную технологию ударов по наземным целям издалека, Соединенные Штаты свели до минимума риск ответного удара по своим вооруженным силам. Соответствующую трансформацию претерпела и разработка американской военной доктрины.

В то время как ни одна страна в ближайшие годы не сможет бросить серьезный вызов американской военной мощи, все боль-

ше стран окажется в состоянии нанести Америке серьезный урон, если та предпримет против них военные действия. Наличие химического, биологического и/или ядерного оружия у Ирана и Северной Кореи и возможное приобретение такого оружия другими государствами в будущем в потенциале также повышает цену, которую придется заплатить США в случае каких-либо военных действий против этих стран или их союзников.³⁰

Культурный аспект. «Культура, — как формулирует один из ведущих социологов нашего времени И. Валлерстайн, — всегда была орудием сильнейшего»³¹. Как и информация в целом. Базирующаяся в г. Атланта, штат Джорджия, CNN обеспечивает Соединенным Штатам благоприятное для них освещение основных мировых событий. Сами американские специалисты указывают, что, владей арабы в начале XXI века каналом CNN, события вокруг Ирака (как и многое другое) получили бы иной мировой резонанс³². Имей катарская «Аль-Джазира» доступ к мировой аудитории, события вокруг Афганистана и Ирака виделись бы в двадцать первом веке несколько иначе.

Хотя английский язык является родным языком лишь 380 миллионов жителей планеты, на нем выходит львиная доля книг, исследований, газет и журналов. Это является практическим отражением того, что страны, говорящие на английском языке, производят 40% мирового валового продукта. Более 80% материалов в Интернете созданы на английском языке, который является средством международного общения в большинстве сфер от мировой дипломатии до воздушного сообщения. Знание английского языка стало условием службы в крупнейших корпорациях и банках мира. Соединенные Штаты безусловно еще долго будут лидировать в критически важных секторах информационной индустрии³³. Электронная почта и всемирная паутина позволят Соединенным Штатам доминировать в глобальном перемещении информации и идей. Спутники переносят американские телевизионные программы на все широты. Информационное Агентство США использует эти технологии подобно тому, как прежде использовало «Голос Америки». Получая доступ к Интернету, мир получает доступ к американским идеям.

Мировая элита воспитывается в американских университетах, где многие тысячи иностранцев получают образование. В США учатся около миллиона иностранных студентов. Возвратившись, в будущем, домой, многие из них займут влиятельные позиции в своих политических системах, облегчая возможности для распространения американского влияния. Одно из определений американского «культурного империализма» дал известный американский исследователь Р. Стил: «Не Советский Союз, а Соединенные Штаты всегда были революционной державой... Мы построили культуру, базирующуюся на массовых развлечениях и массовом самоудовлетворении... Культурные сигналы передаются через Голливуд и «Макдоналдс» по всему миру — и они подрывают основы других обществ... в отличие от обычных завоевателей, мы не удовлетворяемся подчинением прочих: мы настаиваем на том, чтобы нас имитировали»³⁴.

Культурное влияние Голливуда повсеместно. В 22 наиболее развитых странах более 85% наиболее посещаемых фильмов являются американскими (а в таких странах, как Британия, Бразилия, Египет, Аргентина, — 100%)³⁵. «Родители всего мира без всякого шанса на успех борются с волной T-shirt и джинсовой одежды, музыки и фильмов, видео и компьютерных дисков, идущих из Америки и желанных для их детей. Такова массовая культура. Она рождается сейчас, и она определенно рождена в Америке. Даже интеллектуальная и коммерческая дорога будущего — Интернет основана на нашем языке и наших идиомах. Все говорят по-американски. Дипломатия? Ничего значительного в мире не может быть создано без нас»³⁶. Американская пищевая фирма «Макдоналдс» дает работу 15 тысячам ресторанов в более чем семидесяти странах. Значительная часть мира читает американские книги, смотрит американское телевидение, носит американскую одежду, ест гамбургеры — это явление американский политолог С. Хантингтон назвал «кока-колонизацией»³⁷.

Благоприятное окружение. Проявилась заинтересованность практически всех претендентов на лидерские позиции — Китая, России, Британии, Германии, Франции — в дружественности Соединенных Штатов, лидирующих в финансах, торговле, технологии. Стало очевидным, что эти страны в той или иной степени фактически *зависят* от Соединенных Штатов.

Особенная удача Вашингтона заключается в трудности западноевропейского наднационального строительства и том, что Европейский союз ценит свои отношения с США и не намерен с легкостью оборвать их. У ЕС пока нет явно выраженной геополитической цели, нет жертвенной устремленности, нет желания отодвинуть на второй план социальные чаяния своего электората ради нового глобального могущества, нет единой европейской военной системы. Вожди и население Западной Европы пока не готовы к своего рода общественной мобилизации, необходимой для выхода в «свободное плавание» на капризных волнах мировой политики (о чем свидетельствует крах принятия единой конституции). Не существует ясно выраженной подлинно обще- или западноевропейской психологической идентичности. Правящие в западноевропейских странах либерал-социалисты испытывают своего рода аллергию к геополитическому могуществу, к глобальному возвышению. Явления типа голлизма угасли. Ни Британия, ни Франция не желают в результате интеграции становиться провинциями Большой Европы. В целом ориентированные на потребление и рост жизненного уровня европейцы пока не являют собой *геополитического* конкурента Соединенным Штатам.

Американский аналитик Д. Риеф полагает, что «перспективы превращения единой Европы в серьезного соперника Соединенных Штатов весьма спорны... Руки Западной Европы еще долго будут связаны новыми проблемами — ее будущее связано с «необласканными» историей странами Восточной и Юго-Восточной Европы, западными республиками бывшего Советского Союза и собственно Российской Федерацией... где даже такие считающиеся «благополучными» страны, как Польша, еще очень долго не смогут встать на дорогу процветания»³⁸.

У *Китая* большое будущее, но «следующий период экономического развития, — пишет англичанин Хэмиш Макрэй, — не будет прямолинейным. Китай показал свои способности допускать ошибки, и велика вероятность того, что он будет продолжать их делать»³⁹. Китай нуждается в рынке Америки, в американских инвестициях, в американской технологии. Вследствие уязвимости в отношении соблюдения гражданских прав, принятие КНР в элитные мировые организации в значи-

тельной мере зависит от благожелательности Америки. Даже наиболее энергичные китайские сторонники самоутверждения сомневаются в возможности взойти на экономико-политический Олимп, действуя *против* лидера. В Вашингтоне рассчитывают и на то, что к власти в Пекине может прийти более прозападная (скажем, «шанхайская») группа политиков, принципиально отрицающих путь конфронтации.

Россия нуждается в помощи международных финансовых организаций, в западных инвестициях, в допуске своих производителей на западный рынок, в технологическом обновлении, в соблюдении стратегического баланса, в поддержке на отдельных региональных направлениях (сдерживание расширения НАТО и т.п.). На данном этапе Россия не может не ценить благожелательности США, она не желает портить отношения с лидером Запада (за возможность улучшения связей с которым она так много отдала). Вот почему Россия с благодарностью возглавила в 2006 г. G-8.

Величайший страж мирового равновесия, многовековой борец против любой гегемонии во внешнем для нее мире — *Британия* молча восприняла американское возвышение после Второй мировой войны. Лондон не готов вернуться к традиционной многовековой роли мирового балансира в новом столетии. Британия опасается растворения в Европейском союзе и в этом плане ценит «особые отношения» с Вашингтоном, верит в американские сдерживающие Германию механизмы. Лондон нуждается и в содействии в решении североирландской проблемы. И британская военная машина следует за американской в Афганистане и в Ираке. *Франция* видит в опоре на США крайнее средство на случай рецидива германского самоутверждения: французы не могут не опасаться остаться тет-а-тет с рейнским соседом при активизации германского утверждения. Франция не желает отстать от высот современного технологического развития, боится потери региональной роли в франкофонной Африке. *Япония* выдохлась на пороге 90-х годов. Обсуждавшаяся прежде перспектива появления азиатского гиганта «с японской головой на китайском теле» ныне неуместна.

Но даже если Европа, Япония, Китай и поднимутся в геополитическом смысле, в их интересах еще долго будет сохра-

нять дружественность Соединенных Штатов. По мнению австралийца К. Белла, «и европейцы и японцы, скорее всего, в обозримом будущем останутся на стороне американцев, ценя позитивные стороны союза с Америкой больше, чем любые другие международные преимущества, которые они могли бы получить, проводя независимую внешнюю политику, имея свободными руки в мировой дипломатии»⁴⁰. Судя по всему, значительный по силе антиамериканский альянс в начале XXI века едва ли может материализоваться. Этому содействует то, что Соединенные Штаты стремятся более внимательно (чем их предшественники на мировом Олимпе) исходить из исторического опыта и не уподобляться прежним претендентам на гегемонию (наполеоновской Франции, кайзеровской Германии и др.).

В целом именно эта своеобразная *нейтрализация* противодействующих сил позволяет утверждать, что мир ближайших десятилетий дает США *особые возможности*. В будущем от дипломатического мастерства Вашингтона и его союзников будет зависеть многое, но большинство исследователей в США убеждены, что геополитическое окружение позволяет Америке надеяться на долгий период главенства в XXI веке⁴¹.

Империя. Мир не сможет более вынести еще одной мировой войны — этот базовый элемент государственной памяти сторонников однополярности требует: мир нуждается в сплоченности, в ключевом государстве, которое обеспечило бы мировой порядок. Стабильна ли многополярная система? Сомнения на этот счет базируются на опыте многополярного мира без доминирующего лидера между Первой и Второй мировыми войнами. «Коммунистическая Россия, фашистская Германия, Япония и Италия и демократическо-капиталистические Великобритания, Франция и Соединенные Штаты столкнулись в мире, который был лишен центра тяжести, и это столкновение привело к трагическим результатам»⁴². Лучшим будет мир, в котором сила, мудрость и благожелательность Соединенных Штатов Америки обеспечат заслон глобальным и региональным конфликтам, давая простор глобализации, прогрессу, мирной эволюции большинства.

Как пишут американские политологи Дж. Чейз и Н. Ризопулос, «имперская модель — будь то Римская, Византийская, Габсбургская, Оттоманская или Британская империя — идеально обеспечивали не только безопасность для своих собственных граждан, но гарантировали и осуществляли упорядоченный мир, в котором живущие за пределами собственно империи также пользовались благом существующего порядка — политического, законодательного, экономического, — навязанного имперским гегемоном»⁴³. Американский историк П. Кеннеди указывает на исключительно благоприятное сочетание условий: «Глобализация американских коммерческих потоков продолжается, американская культура распространяет свое влияние, демократизация входит в новые мировые регионы... Националисты от Канады до Малайзии устрешены. Огромное число людей предвкушают распространение американского влияния»⁴⁴.

Весь ход дебатов о месте и стратегии США в XXI веке базируется на почти априорном и достаточно популярном в Америке представлении, что «двадцать первый век будет более американским, чем двадцатый, а Вашингтон будет осуществлять благожелательную глобальную гегемонию, базирующуюся на всеобщем признании американских ценностей, признании американской мощи и экономического преобладания»⁴⁵.

В ходе дебатов о степени готовности Америки «воспринять свою судьбу» неизменно выражается мысль, что США не должны уклоняться от принятого курса, не должны бояться вызова своей мощи и положению в мире. Впрочем, пока никто еще — несмотря на все предпринятые усилия, отраженные в алармистской литературе, — не смог доказать основательность и реалистичность противостояния американской гегемонии. И такой мир лучше любого, где Америка не располагалась бы на вершине. Словами авторитетного американского политолога, «ведомый Америкой мир — такой, каким он возник после окончания холодной войны, — более справедлив, чем любая из воображаемых альтернатив. Многополюсный мир, в котором мощь распределяется более равномерно между великими державами — включая Китай и Россию — будет несравненно более опасным и более отдаленным от демократии и индивидуальной свободы»⁴⁶.

Унаследовав от холодной войны масштабные союзы, военную мощь и несравненную экономику, Америка имеет все основания верить в *однополярный мир*. «Создавая сеть послевоенных институтов, Соединенные Штаты сумели вплести другие страны в американский глобальный порядок... Глубокая стабильность послевоенного порядка, — резюмирует известный социолог Дж. Айкенбери, — объясняется либеральным характером американской гегемонии и сонмом международных учреждений, ослабивших воздействие силовой асимметрии... Государство-гегемон дает подопечным другим странам определенную долю свободы пользоваться национальной мощью в обмен на прочный и предсказуемый порядок»⁴⁷.

Американское лидерство, с точки зрения идеологов гегемонии, существенно для разработки и сохранения процедур, обеспечивающих многостороннее международное сотрудничество, без которого едва ли можно говорить о продолжении экономического прогресса. Так полагают идеологи обеих ведущих политических партий США — республиканцев и демократов⁴⁸.

Американским идеологам трудно представить себе, что своими неприкрыто односторонними и агрессивными действиями Соединенные Штаты спровоцируют создание противостоящих союзов. Они напоминают (в данном случае мы приводим слова американского политолога Ч. Капчена), что «даже на пике воздушной кампании НАТО против Югославии американские вооруженные силы по большей части приветствовались в большинстве стран Европы и Восточной Азии. Несмотря на спорадические критические комментарии французских, российских и китайских официальных лиц, Соединенные Штаты в общем и целом рассматриваются как благожелательная держава, а не как хищный гегемон»⁴⁹.

Гегемония. Эта возможность будоражит даже самых хладнокровных среди американских идеологов, исходящих из того, что «Соединенные Штаты занимают позицию превосходства — первые среди *неравных* — практически во всех сферах, включая военную, экономическую и дипломатическую. Ни одна страна не может сравниться с США во всех сферах могущества, и лишь некоторые страны могут конкурировать хотя бы в одной сфе-

ре»⁵⁰. «Очевидной реальностью, — пишет один из руководителей Совета по внешней политике (Нью-Йорк) Р. Хаас, — является то, что Соединенные Штаты — самая могущественная страна в неравном себе окружении»⁵¹. Американский политолог Ч. Краутхаммер предлагает зафиксировать исключительность момента: «Никогда еще за последнюю тысячу лет в военной области не было столь огромного разрыва между державой № 1 и державой № 2... Экономика? Американская экономика вдвое больше экономики своего ближайшего конкурента»⁵².

Гегемония представляется многим представителям страны-гегемона лучшей из возможных систем мирового общежития. Американцы Р. Каган и У. Кристал убеждают читателя, что «гегемония — вовсе не проявление «высокомерия» по отношению к остальному миру — это просто неизбежное воплощение американской мощи»⁵³. Соединенным Штатам, подчеркивает профессор *Техасского* университета Г. Бренде, «присуще особое представление об своем предназначении улучшить долю человечества»⁵⁴.

Миф об американской исключительности, как известно, восходит еще ко временам пилигримов, считавших себя избранными людьми Бога, чьей миссией в этом мире является построение нового общества, служащего моделью для всего человечества. Банкротство коммунизма, коллапс ряда азиатских стран (претендовавших на роль конкурента либеральной идейной модели) в конце 90-х годов усилил тягу к «американскому фундаментализму». Бывший конгрессмен Дж. Кемп провозгласил «наступление 1776 года для всего мира». Потомки пилигримов восприняли миссию: «Представление об американской исключительности вдохновляет современный американский подход к внешней политике, который направлен на всемирное распространение американского либерально-демократического опыта посредством морального убеждения и политической кооптации — когда это возможно, или посредством насилия, если это необходимо»⁵⁵.

Идея однополюсности «стала лейтмотивом редакционных статей и общим мнением специалистов на страницах американских газет»⁵⁶. Главный редактор журнала «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт» М. Закерман с великой гордостью объявил не толь-

ко о пришествии второго американского века, но и о том, что человечество стоит на пороге *новой американской империи* — *novus imperio americanum*⁵¹. Особенно активно развивают идеи подобного рода неоконсерваторы, такие как У. Кристол и Дж. Муравчик, как один из ведущих деятелей фонда Карнеги Роберт Каган, говорящие о традиции либерального лидерства Америки со времен отцов-основателей и особенно после интернационализма Вудро Вильсона. Более критичный де Сантис полагает, что Соединенные Штаты «принимают на себя роль мирового паладина, частично поскольку верят в сохранение их политическим руководством мира от падения в хаос, частично потому, что это соответствует национальному тщеславию»⁵⁸.

Идеологи гегемонии органически не выносят критики «единоначалия»: со времен Геродота однополярность в мире приносила не только печали, но и порядок, своего рода справедливость, сдерживание разрушительных сил. Однополярность гарантирует мир от неожиданных взрывов насилия, регламентирует прогресс, обеспечивает стабильность. В самой Америке понимание уникальности момента и несказанных американских возможностей стало всеобщим. Вашингтон ощутил себя подлинной столицей мира, имеющей свое видение оптимальной структуры мира и свое предназначение осуществлять эту миссию.

Уже создается блистательная проекция: «Франция владела семнадцатым столетием, Британия — девятнадцатым, а Америка, — пишет главный редактор журнала «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт» М. Закерман, — двадцатым. И будет владеть и двадцать первым веком»⁵⁹. Ведущие американские политологи триумфально констатируют, что «Соединенные Штаты вступили в XXI век величайшей благотворно воздействующей на глобальную систему силой, как страна несравненной мощи и процветания, как опора безопасности. Именно она будет руководить эволюцией мировой системы в эпоху огромных перемен»⁶⁰. В наши дни складывается идеология благоприятного для мира американского всемогущества. Ведь «Соединенные Штаты, — по определению государственного секретаря в администрации Дж. Буша-мл. К. Райе, — оказались на *правильно* избранной стороне Истории»⁶¹.

История при анализе данного явления едва ли может быть хорошей советчицей — такой степени преобладания одной страны над окружающим миром не существовало со времен античного Рима. Параллели с подъемом Франции в конце семнадцатого и начале девятнадцатого веков и Британии в девятнадцатом веке «хромают» в том плане, что обе эти страны были все же частью единого европейского — общего сочетания сил. Они были *первыми среди равных*. Чего о современных Соединенных Штатах не скажешь — даже совокупная мощь потенциальных конкурентов *не дает им шансов равного противостояния*. Ч. Краутхаммер имеет все основания утверждать, что «в грядущие поколения, возможно, и появятся великие державы, равные Соединенным Штатам. Но не сейчас. Не в эти десятилетия. Мы переживаем момент однополярности»⁶².

Может ли мир сделать что-либо существенное без (даже не *вопреки*) страны-гегемона? Государственный секретарь США ответил на этот вопрос своим определением Америки: «*Нация, без которой невозможно обойтись*. Она остается богатейшим, сильнейшим, наиболее открытым обществом на Земле. Это пример экономической эффективности и технологического новаторства, икона популярной культуры во всех концах мира и признанный честный брокер в решении международных проблем»⁶³. «*Место Америки — находится в центре всей мировой системы... Соединенные Штаты являются организующим старейшиной всей международной системы*». Директор Брукингского института С. Тэлбот: «Если мы не обеспечим мирового лидерства, никто не сможет вместо нас повести мир в конструктивном, позитивном направлении». Уберите безопасность — и немедленно возникнут барьеры, граница окажется закрытой, и свобода инвестиций исчезнет. Гарантом выступает лишь американская мощь.

Лидеры республиканской администрации уверяют, что после сентябрьских террористических атак «*выбор империализма безальтернативен*, поскольку ни экономическая, ни политическая помощь не решают задачи достижения мировой стабильности».⁶⁴ Президент Буш-мл.: «Подобно тому, как Перл-Харбор пробудил нашу страну, террористическая атака мобилизовала Америку, и Америка будет в этой борьбе руководить

огромной коалицией»⁶⁵. Самый влиятельный американский журнал убежден: «Логика неоимпериализма слишком убедительна, чтобы администрация Буша-мл. могла ей противостоять... Наступил новый имперский момент и логикой своей мощи Америка займет место лидера»⁶⁶. Новым является не то, что Америка — единственная «сверхдержава» мира (таковой она является со времени окончания «холодной войны»), а то, что в Вашингтоне начали ощущать, *осознавать* отсутствие препятствий, свое неслыханное превосходство, возможность пожинать плоды своего успеха.

Теоретические основания. Наиболее выпукло силовую основу внешней политики США осветил неожиданно рассекреченный в 1992 году плановый документ Пентагона: *«Нашей главной целью является предотвращение возникновения нового соперника, будь то на территории бывшего Советского Союза или в другом месте, который представлял бы собой угрозу, сопоставимую с той, которую представлял собой Советский Союз... Нашей стратегией должно быть предотвращение возникновения любого потенциального будущего глобального соперника»*⁶⁷.

Согласно определению, данному президентом Б. Клинтон в январе 1998 года в Национальном оборонном университете, *«дипломатия и сила являются двумя сторонами одной и той же монеты»*⁶⁸. Тогдашний государственный секретарь США М. Олбрайт обратилась к американским военным со словами, которые трудно трактовать двояко: *«Какой резон иметь эту превосходную военную машину, о которой постоянно говорят военные, если мы не можем ее использовать?»* Президент Дж. Буш-мл. продолжил в том же духе: *«Говоря в терминах мощи, наша страна стоит как сверхдержава в одиночестве... Вот почему мы можем проецировать мощь»*⁶⁹.

На стадионе в Вест-Пойнте летом 2002 г. Буша слушали 1000 кадетов и членов их семей. «Война против террора не может быть выиграна в обороне. Мы должны перенести боевые Действия на территорию противника, развеять его планы и встать грудью перед наихудшими угрозами, пока они еще только возникают. Наша нация будет действовать на любой террито-

рии». По существу, этот американский президент сокрушил державшийся триста пятьдесят лет *Cuius regio eius religio*, основу доктрины национального суверенитета. Подкошенным оказался мир национального суверенитета, мир Вестфальской системы. Газета «Нью-ЙоркТаймс» назвала доктрину «предваряющего удара» — политическим изменением текущей политики *огромных пропорций*. Отныне США перестают беспокоиться о том, что они дают дурной пример «односторонними действиями вторжения в другие страны и низвержения их правительств»⁷⁰.

«Доктрина Буша» озвучена была в сентябре 2002 г. на высшем мировом форуме — в Организации Объединенных Наций. Она стала для обретших высшую власть в стране неоконсерваторов а la Рамсфелд подлинным *кредо* Америки на этапе ее единосверхдержавности в двадцать первом веке.

Вашингтон создал военную доктрину, дающую возможность применения Соединенными Штатами атомного оружия в нарушение всех договоренностей. Администрация Буша-мл. не ограничилась просто пересмотром ряда стратегических принципов, таких как паритет в военной сфере и взаимное сокращение ядерных арсеналов. Известный американский военный теоретик (и практик) Р.Перл так изложил новые стратегические принципы: «США имеют фундаментальное право на необходимую защиту. Если какой-нибудь договор мешает нам воспользоваться этим правом, следует выйти из этого договора». США отвергли конвенцию по биологическому оружию, отказались ратифицировать договор о полном запрещении ядерных испытаний, не признали юрисдикции Международного уголовного суда.

Как пишет французский еженедельник, «решения принимаются в одностороннем порядке, зачастую в ущерб интересам не только «остального мира», но даже ближайших партнеров Америки, как показывает решение о введении тяжелых таможенных пошлин на продукты черной металлургии... Уверенная в своей безраздельной мощи, готовая взять на себя риск за беспорядки, которые может спровоцировать ее политика, Америка Джорджа Буша больше не желает ни сотрудничать, ни консультироваться»⁷¹. По поводу отказа США подписать протокол

Киото об охране окружающей среды президент Буш-мл. во время визита в Европу сказал так, выступая перед американскими журналистами: «Я им сказал, что уважаю их точку зрения, но не изменю американскую позицию, потому что так будет лучше для Америки». Его пресс-секретарь: «значительное потребление энергии — часть американского образа жизни, которое для нас — священное понятие».

Забота о военной мощи после некоторой паузы снова вышла на первое место американской политики. Военные расходы США снова значительно увеличились и составили 40 процентов общемировых расходов. На 2006 г. запланирован военный бюджет в 476 млрд. дол. — больше, чем взятый вместе суммарный военный бюджет 15 крупнейших стран мира.

Критика иных систем. Патриарх американской дипломатической теории и практики Г. Киссинджер указывает, что «системы баланса сил существовали очень редко в истории человечества. Такой системы никогда не было в Западном полушарии — *равно как* и на территории современного Китая — уже две тысячи лет. Для огромного большинства человечества и в наиболее продолжительные периоды истории империя была самой типичной формой правления. У империй нет необходимости в сохранении баланса сил. Они не нуждаются в системе международного сотрудничества. Именно так Соединенные Штаты осуществляли свою политику в Западном полушарии, а Китай во всей истории Азии»⁷².

Как пишет германский исследователь И. Иоффе, «мировой осью является Вашингтон, спицами — Западная Европа, Япония, Китай, Россия и Ближний Восток. При всем их антагонизме в отношении Соединенных Штатов, их взаимодействие с нами является более важным, чем их взаимодействие друг с другом»⁷³. В подобном же духе выражается ведущий американский комментатор Ф. Льюис: «Геометрия, связывающая три западных центра мощи, представляет собой скорее прямую линию с Соединенными Штатами в центре и с Европой и Японией по обе стороны»⁷⁴. Американцы Ч. Кегли и Г. Реймонд определили складывающуюся структуру как атом с США в центре и Другими державами, вращающимися вокруг⁷⁵. В результате в

настоящий момент Америка более гарантирована с точки зрения безопасности, экономических перспектив и будущего в целом, чем кто-либо и когда-либо с 1941 года. И ее преобладание устремлено к гегемонии.

Слагаемые будущего успеха. Как пишет американский исследователь Р. Эшли, «с восемнадцатого века героизируется фигура размышляющего человека, который является творцом своей истории и который знает, что мировой порядок не определен свыше, а является делом его ответственности, что ему подвластно определить мировой порядок, достичь полного знания, полной независимости в действиях и сфокусировать тотальную мощь»⁷⁶. Идея уверенности в подвластности будущего позитивному американскому строительству является исторически центральным элементом «американской мечты» и полностью соответствует национальному видению исторического процесса. «Соединенные Штаты, — пишет У. Пфафф из «Интернешнл геральд трибюн», — воспринимают себя как ведущую историческую силу в период, когда другие теряют силу в турбулентной атмосфере переходного периода»⁷⁷. Но для достижения успеха на пути лидерства требуется выполнение нескольких базовых условий. Главные среди них — наличие необходимых *ресурсов*, присутствие общенациональной *воли*, адекватная международная *стратегия*, восприятие общества государства-лидера как достойной имитации *модели*.

Ресурсы (прежде всего военные) имеются на значительное время. За 2000-е годы численность войск для специальных операций увеличилась с 38 тысяч в 92 странах (стоимость 2,4 млрд. дол.) до 47 тысяч в 120 странах (стоимость 3,4 млрд. дол.). Правда, нужно отметить, что, исходя из соображений внутренней политики (сбалансированный бюджет), правительство США под давлением конгресса сократило за *это* же время число своих заграничных консулатов и миссий, уменьшило численность посольств. По относительному показателю внешней помощи США стоят в конце списка стран — членов ОЭСР, в расчете на душу населения. Внешняя помощь США сейчас меньше одной двадцатой их военного бюджета. Но не следует забывать о неве-

роятном росте последнего десятилетия, когда экономическая машина США перевалила за *десять* триллионов долларов.

Воля вести за собой у США, несомненно, значительно более отчетливо выражена, чем у Западной Европы или Японии. Вьетнамский синдром преодолен, но трехлетняя битва в Ираке в значительной мере подкосила американскую решимость жертвовать. В результате, «хотя президент кажется готовым пообещать использовать силы НАТО повсюду в мире для предотвращения злоупотреблений в отношении гражданских прав, есть основания сомневаться в том, что шансы провести операцию НАТО в Судане, чтобы покончить с ведущейся здесь гражданской войной, или на Кавказе, чтобы решить проблему взаимоотношений армян и азербайджанцев, равны нулю»⁷⁸. После потери трех тысяч американских военнослужащих в Соединенных Штатах сформировалась оппозиция силовому курсу. Вопрос о применении американской силы после Афганистана и Ирака в направлении Ирана подвержен острым дебатам в национальном масштабе. Эйфория победителей в «холодной войне» ушла, но пафос строительства империи зависит не только от предполагаемых жертв. Америка все более чувствует, что определила будущее неверным для себя образом: она «демократизирует» Ближний Восток, в то время как главные ее конкуренты укрепляют позиции в Азии и Европе. Не Афганистан, а рвущийся вперед Китай, не Ирак, а интегрирующаяся Европа — вот кто будет решать судьбы американского могущества в XXI веке.

Стратегия. Долговременная американская стратегия в мире предполагает усиленное военное строительство, активную деятельность разведывательного сообщества, укрепление анклавов «нового мирового порядка» в пике многосторонности, увеличения зоны опасного хаоса или твердого самоутверждения. При этом американский электорат осваивает незадачливый урок Ирака. Как пишет Ч.-М. Мейнс, он «не желает платить Долларами и кровью за установление Нового мирового порядка или за внедрение норм демократии в странах, о которых американцы ничего не знают. Американский народ не против более тесных отношений с другими крупными странами, но он не

поддерживает даже умеренную критику таких *ключевых* держав, как Китай. Он утрачен варварством разгоревшихся конфликтов в мире»⁷⁹. Ирак обнажил порочность силового решения межцивилизационных вопросов, указал на порочность идеи «кто не с нами, тот против нас».

Модель для внешнего мира не получилась в свете исключительных условий, созданных американцами на Ближнем Востоке, уникального (и далеко не положительного) опыта США и реальных на сегодня проблем страны. В свое время наполеоновская Франция и викторианская Британия вызывали, без преувеличения, массовое восхищение и желание имитировать. Многие восхищаются и современной Америкой, ее мощной экономикой, системой образования, ее уровнем жизни, издательствами, фильмами, музыкой и т.п. В то же время американское военное давление на другие страны насильственной демократизации вызывает явное противодействие. Требования Вашингтона в отношении политических перемен создают Америке немало врагов.

В целом, обладая феноменальной мощью, Соединенные Штаты не всегда имеют достаточной жертвенной воли и не владеют долгосрочным планированием. Они способны выиграть битвы, но далеки от того, чтобы насильственно изменить характер далеких от нее цивилизаций. Все более серьезно американская элита указывает на, *во-первых*, непредсказуемость российского развития; *во-вторых*, на таящее неожиданности китайское самоутверждение; *в третьих*, на опасное для всех распространение ядерного оружия. Помимо главных проблем, существует бесконечная череда малых конфликтов, требующая американского внимания и, возможно, военного вмешательства⁸⁰.

После навязанного в Дейтоне решения боснийской проблемы, бомбардировки Югославии, оккупации Афганистана и удара по Ираку индикаторами будущего поведения гегемона явилась решимость Вашингтона применить силу против Ирана, демонстрация силы в Тайваньском проливе, расширение Североатлантического союза, свержение прежних и водворение желательных США правительств на Гаити и в Панаме, вмеша-

тельство в Сомали и Руанде, активизация посредничества в арабо-израильском и североирландском споре, проектирование своих интересов на основные мировые регионы, выделение враждебных государств с их последующим преследованием вплоть до постоянного силового наказания (Иран и КНДР), экономического эмбарго (Куба), открытого давления (Иран, Северная Корея, Ливия), формулирование новой стратегической концепции НАТО, предполагающей «военные операции в нестабильных регионах» за пределами прежней зоны ответственности.

Стало предельно ясно, что *США* намерены и в будущем осуществлять контроль над Персидским заливом, обеспечивать свое лидерство в мировой финансовой политике, крепить свое главенство в самом большом в мире — Североатлантическом военном союзе, удержать лидирующее положение в производстве и экспорте конвенциональных вооружений.

Гегемония постулирует новые правила — Америка после победы в холодной войне решительно стала полагаться не на мнение мирового сообщества, не на «устаревшие» статуы и «отринутые временем» международные организации, а на свое лидерство, на свою мощь, на своих ближайших и доказавших свою лояльность союзников. «Соединенные Штаты, — пишет госсекретарь в администрации Дж. Буша-мл. Кондолиза Райе, — играют особую роль в современном мире и не должны ставить себя в зависимость от всяких международных конвенций и от соглашений, выдвигаемых извне». Это означает, что в США возник двухпартийный консенсус относительно нежелательности полагаться на многосторонние коллективные организации, подобные ООН. Показательным является то, что Америка постаралась подчинить механизм ООН своим стратегическим интересам, используя в качестве рычага свой финансовый взнос в эту организацию — она оказалась должной Организации Объединенных Наций более *триллиона* долларов, — но это ей не удалось.

Страна, некогда породившая идею Лиги наций и ООН, ныне предпочитает опираться на отдельных, избранных союзников. Их список — в таблице 4.

Таблица 4. Симпатии американцев (в %)

Страна	Симпатии в США
Канада	72
Британия	69
Италия	62
Мексика	57
Германия	56
Бразилия	56
Япония	55
Израиль	55
Франция	55
Южная Африка	54
Тайвань	51
Южная Корея	50
Польша	50
Россия	49
Аргентина	49
Китай	47
Индия	46
Саудовская Аравия	46
Нигерия	46
Турция	45
Пакистан	42

Источник: «Foreign Policy», Spring 2003, p. 109.

Но отказ от коллективной ответственности Ф. Рузвельта (опора на ООН) и переход к курсу, напоминающему Т. Рузвельта и Р. Рейгана, вызвали спор об оптимальном подходе к гегемонии. Жестко одностороннюю позицию занял американский конгресс. Он ослабил тенденцию к международной многосторонности действий отказом подписать договор, запрещающий использование наземных мин, формирование Международного суда. Как говорит Б. Уркварт, бывший заместитель Генерального секретаря ООН, «американская сторона выдвинула крайне избирательные критерии согласно директиве министра обороны и председателя объединенного комитета начальников штабов, из которой следует, что американское участие в международных операциях возможно только тогда, когда США осуществляют контроль, когда американское общество полностью раз-

деляет поставленные цели, когда победоносное завершение операции гарантировано»⁸¹.

Сделка между президентом Бушем и конгрессом о финансировании ООН была обусловлена компромиссом между Белым домом и конгрессом, который запрещает использование ооновских денег на такие программы, как регулирование семьи.

Ограничители гегемонии. В США в общенациональном масштабе (особенно активно после иракского опыта) растет понимание того, что *гегемония* — огромная цель. Она требует исключительной концентрации мощи и энергии, неколебимой внутринациональной солидарности. Путь формирования таких условий чреват опасностями, ее поддержание накладно, ее реализация способна антагонизировать колоссальные силы. Цена гегемонии может стать непомерной. В свете обозначившихся на руинах Фаллуджи факторов, в США начался общенациональный «спор» об оптимальном поведении страны в условиях ожесточения спора между «золотым миллиардом» и нищей частью земного населения, между различными цивилизационными ценностями.

Несмотря на всемогущество, в начале XXI века США отнюдь не овладели всеми контрольными рычагами мирового развития. Они не сумели, скажем, восстановить порядок в таких странах, как Сомали и Колумбия, не смогли предотвратить распространение ядерного оружия в Южной Азии. Им не удалось предотвратить цивилизационный коллапс в Руанде и Конго, создать во внешне побежденном Ираке проамериканскую коалицию, свергнуть нежелательные для себя режимы на Кубе, в Ливии, Северной Корее, Конго, Малайзии, решающим образом повлиять на экономическую политику Европейского союза и Японии, эффективно вмешаться во внутренние процессы КНР, получить в свои руки ведущих террористов (начиная с Бен Ладена), разрешить противоречия между Израилем и Палестиной, остановить поток движущихся в Америку наркотиков, реально утвердить внесевероатлантические функции НАТО.

Более того, американские действия насторожили многих. Как отмечает сотрудник Института мировой политики (Вашингтон) И. Катбертсон, «кампания возмущения по поводу китайского шпионажа, возмущение китайского правительства и об-

щества по поводу бомбардировки посольства КНР в Белграде, резкая реакция России на акцию НАТО в Югославии ускорили процесс понимания как элиты, так и общественного мнения в Соединенных Штатах, что не все довольны видеть Америку единственным мировым гегемоном... Односторонние американские действия быстро мобилизуют возмущение, переходящее в противодействие и ярость, о чем говорят тысячи антиамериканских демонстраций и беспорядков... И это не лучшая реклама западных и особенно американских принципов, когда становится ясно, что мы готовы жертвовать кровью и богатством только тогда, когда возникает опасность неполучения естественных ресурсов, каковым в частности является нефть, от поставок которой зависит Запад»⁸². Но особое мировое возмущение вызвал удар по общепризнанному суверенитету независимых стран, нанесенный нападением Вашингтона на Багдад.

В результате американское преобладание в мире, столь очевидно открывшееся после крушения Советского Союза, все более нуждается в структуризации, в создании новых институтов, в формировании соответствующей идеологии, в проявлении того пафоса, который держал страну в напряжении все долгие десятилетия холодной войны. Нуждается в поколении «имперских стратегов» типа Д. Ачесона и Дж.-Ф. Даллеса. Готово ли американское общество выдвинуть подобных лидеров, освятить «праведным гневом» свой идеал и курс в бурном мире, претерпевающем конвульсии модернизации, рекультивации, нахождения собственной идентичности?

Глава 2

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Над миром вздыбилась *вторая* (после силовой монополярности) мощная волна, радикально меняющая мировое сообщество, — *глобализация* — слияние национальных экономик в единую, общемировую систему, основанную на новой легкости перемещения капитала, на новой информационной открытости

мира, на технологической революции, на приверженности развитых индустриальных стран либерализации движения товаров и капитала, на основе коммуникационного сближения, планетарной научной революции, межнациональных социальных движений, новых видов транспорта, реализации телекоммуникационных технологий, интернационального образования.

Глобализация, как считают специалисты, предполагает существование обязательств, которым должны подчиниться все страны.

Две фазы. Разумеется, постепенное сближение стран и континентов покрывает всю историю человечества и в этом плане вся мировая история — это своего рода совокупность медленных и быстрых шагов государств и народов в направлении глобального сближения. Но *революционно быстро* темпы этого сближения осуществлялись лишь дважды.

В первом случае — на рубеже XIX и XX вв. мир вступил в фазу активного взаимосближения на основе резкого распространения торговли и инвестиций, распространения международных связей в глобальном масштабе благодаря пароходу, телефону и конвейеру. Теоретики первой волны глобализации — Р. Кобден и Дж. Брайт обосновали то положение, что свободная торговля подстегнет всемирный экономический рост и на основе невиданного процветания, основанного на взаимозависимости, народы позабудут о распрях. Британия со своим морским, индустриальным и финансовым могуществом стояла гарантом этой первой волны глобализации, осуществляя контроль над главными артериями перевозок товаров — морями и океанами, обеспечивая при помощи фунта стерлингов и Английского банка стабильность международных финансовых расчетов.

Благотворное воздействие глобализации на склонную к конфликтам мировую среду было обосновано в книге Нормана Эйнджела «Великая иллюзия» (1909). За пять лет до начала Первой мировой войны автор аргументировал наступившую невозможность глобальных конфликтов вследствие сложившейся экономической взаимозависимости мира: перед 1914 годом Британия и Германия (основные внешнеполитические антагонисты) являлись *вторыми* по значимости торговыми партнера-

ми друг друга — и это при том, что на внешнюю торговлю Британии и Германии приходилось 52% и 38% их валового национального продукта соответственно. Но в августе 1914 года предсказание необратимости глобального сближения наций показало всю свою несостоятельность. Первая мировая война остановила процесс экономически-информационно-коммуникационного сближения наций самым страшным образом. Глобализация уступила место геополитике, стратегическим расчетам, историческим счетам, уязвленной гордости, страху перед зависимостью. Так российское правительство указало на губительность исключительной зависимости России от торговли с монополистом в ее внешней торговле — Германией (на которую приходилось 50% российской торговли).

Реанимация глобального сближения потребовала немало времени после страшного озлобления и фактической автаркии, сопутствовавшей мировым и холодной войнам. Лишь в последние десятилетия XX в., после двух мировых войн, Великой депрессии и многочисленных социальных экспериментов, способствовавших противостоянию социальным системам, либеральный экономический порядок, созданный в XIX в., стал возвращаться в мировую практику.

Второе рождение глобализации началось в конце 70-х годов на основе невероятной революции в совершенствовании средств доставки в космос аппаратов глобального радиуса действия (*средство* переноса информации), в информатике, телекоммуникациях и *числовой* обработке информации (*способ* переноса информации).

За последние тридцать лет реактивная авиация сблизила все континенты, а мощь общего числа компьютеров *удваивалась* в среднем в течение каждых восемнадцати месяцев. Объем информации на каждом квадратном сантиметре дисков увеличивался в среднем на 60% в год, начиная с 1991 года. В результате всех этих изобретений и усовершенствований стоимость переноса информации упростилась, сократилась драматически, и ныне огромные объемы информации могут быть перенесены посредством телефона, оптического кабеля и радиосигналов в любую точку земного шара, что революционным образом действует на имитацию всех лучших образцов в экономике, на экономический рост в целом.

Стал очевидным новый характер глобализационных процессов. Скажем, британский концерн «Юнилевер», имеющий 500 подчиненных компаний в 75 странах, или базирующийся в США «Эксон», 75% доходов которого получаются не в США, могут быть названы национальными компаниями лишь условно. Транснациональные корпорации и неправительственные организации стали с невиданной прежде легкостью пересекать национальные границы и осуществлять власть над населением менее развитых стран, поскольку «ни национальные правительства, ни локальные власти не смогут собственными силами справиться с проблемами, порожденными растущей взаимозависимостью»⁸³. Капитал как бы «позабыл» о своей национальной принадлежности, в массовых объемах бросаясь туда, где, благодаря стабильности и высокой эффективности труда, достигается максимальная степень прибыли. Банки, трастовые фирмы, промышленные компании как бы вышли из-под опеки национальных правительств, и, в результате их новоприобретенной самостоятельности, переток капитала стал своего рода самодовлеющим процессом. Согласно данным, оглашенным на Конференции ООН по торговле и развитию (май 2004 г.), в 2003 г. общая сумма слияний между фирмами различных стран и поглощений местных фирм иностранными составила 1520 млрд. дол. Связки типа «Крайслер-Бенц» или «Рено-Вольво» стали своего рода знаменем времени. На заграничных филиалах в начале XXI века производится товаров стоимостью в 7 трлн. дол.

Наступил второй, современный этап глобализации. В начале XXI в. выработано Соглашение об информационной технологии, заключены многочисленные соглашения о телекоммуникациях и финансовых услугах, достигнуты соглашения, послужившие основой для создания Всемирной торговой организации (и о принятии таких, прежде отстоявших от регламентированного взаимобмена стран, как Китай). Главное: стратегией многих стран — начиная с гиганта США — стало снятие барьеров на пути перемещения капитала и торговых потоков. Целый ряд стран («азиатские тигры» и др.) показали неожиданную способность удивительно эффективного совмещения, взаимодействия высокой технологии с относительно деше-

вой рабочей силой, ведущую к быстрому экономическому росту в условиях облегченного взаимобмена. Особенно поражает воображение фактор Китая, неожиданно смело воспринявшего тысячи видов новой технологии и воплотившего ее в товар на громадных заводах своих бесчисленных городов с миллионным населением. Кратко говоря, в экономическом смысле рядом с Северной Атлантикой встала Восточная Азия, твердо намеренная перенести центр мирового технического прогресса в «четырехугольник «Китай-Япония-Южная Корея-Тайвань». А чуть западнее считавшаяся *безнадежной* Индия совершенствует свою информатику и растет с завидными 6 процентами в год.

Если на первом (столетней давности) этапе глобализации опорой ее служила глобальная Британская империя — ее промышленная база, финансы и военно-морской флот, — то ныне за процессом резко ускорившейся глобализации стоят прежде всего Соединенные Штаты. В американской столице сформировался «вашингтонский консенсус» — соглашение между министерством финансов, Международным валютным фондом и Мировым банком о совместной борьбе против всех видов препятствий на пути мировой торговли. США бросили свой несравненный военный и экономический вес, свою фактическую гегемонию ради открытия мировой экономики, ради создания многосторонних международных институтов, активно участвуя в многосторонних раундах торговых переговоров, открывая собственный рынок для импорта, предпринимая действенные шаги по реализации торгового либерализма.

В практическом мире глобализация означает, прежде всего, уменьшение барьеров между различными экономиками. Если три десятилетия назад торговля давала Соединенным Штатам примерно 4% их валового национального продукта, то в новом тысячелетии эта цифра перевалила за десять процентов. Интеграция Европы в свою очередь дала стимул созданию Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА). В Майами в декабре 1994 года американское руководство наметило создать зону свободной торговли к 2005 году в Западном полушарии. В тихоокеанском бассейне — организации Азиатско-Тихоокеанской экономической кооперации (АСТЕК). В Богоре в 1994 г. США договорились о создании между странами-чле-

нами Азиатско-Тихоокеанской Экономической Ассоциации зоны свободной торговли к 2010 году, а к 2020 — между всеми странами региона. В Осаке в 1995 году восточноазиатские страны поставили перед собой цель снять все барьеры между собой к 2020 году. В 1993 году подписано соглашение о НАФТА. Американские геостратеги и геоэкономисты приступили к задаче экономического сближения с Западной Европой (американские специалисты утверждают, что создание свободной зоны между США и ЕС увеличит ВВП обоих регионов как минимум на 0,5%⁸⁴).

Глобализация — это процесс, определяемый рыночными, а не государственными силами. Чтобы привлечь желанный капитал, где дешевая (и в то же время компетентная) рабочая сила быстро осваивает новые процессы и современную технологию, надеясь на блага, на плоды приложения к своей экономике современной и будущей технологии, государства должны заковать себя в «золотой корсет» сбалансированного бюджета, приватизации экономики, открытости инвестициям и рыночным потокам, стабильной валюты. Глобализация означает гомогенизацию жизни: одинаковость цен, продуктов, уровня и качества здравоохранения, уровня доходов, процентных банковских ставок, которые приобретают тенденцию к выравниванию на мировом уровне.

Глобализация влияет не только на процессы мировой экономики, но и на ее структуру. Набирает силу невероятный по мощи воздействия на человечество процесс, генерирующий трансконтинентальные и межрегиональные потоки, создающий глобальную по своему масштабу взаимозависимость. Скорость решает все: тот, кто успел ввести в производство последние достижения науки, получает невероятные возможности в овладении сегментом мирового рынка. Поле его деятельности — весь мир, согласный потреблять в массовых количествах только новое и сверхполезное. Приведем пример: в 1993 году школьникам лесной школы, специализирующейся на работе с компьютерами, предложили усовершенствовать крупные тогдашние мобильные телефоны. Ориентируясь на самые современные модели, финны сумели быстро создать «Нокию», ставшую мировым лидером в своей сфере. Эта фирма быстро начала давать

6 процентов ВВП Финляндии и вышла на мировые рынки. Не менее важно то, что небольшая Финляндия стала активным участником мировой глобализации, становясь исключительно в ней заинтересованной.

Мировая экономика не просто становится взаимозависимой, она интегрируется в практически единое целое. Различие между взаимозависимой экономикой и экономикой глобализированной — *качественное*. Речь идет не только о значительно возросших объемах торговых потоков, но и о таком мировом рынке, который создаст в будущем практически рынок единого государства. Понижая барьеры между суверенными государствами, глобализация окажет исключительное воздействие на трансформацию внутренних социальных отношений, жестко дисциплинирует все «особенное», требующее «снисходительного» отношения и общественной опеки, она в будущем разрушит культурные табу, жестоко отсечет всякий партикуляризм, безжалостно накажет неэффективность и поощрит международных чемпионов эффективности.

Инвестиции ТНК увеличатся к 2020 г. не менее чем в *четыре* раза и достигнут уровня в 800 млрд. дол. Не меньшими темпами увеличится объем товаров, производимых на зарубежных филиалах транснациональных корпораций (через 20 лет он достигнет примерно 20 трлн. дол.)⁸⁵. Возникнет подлинно единая международная система, отдающая все блага колоссального мирового рынка прежде всего тем, кто без промедления вводит в производство технологические новшества, позитивные перемены. Центром как государственных, так и частных усилий в XXI веке станет повышение уровня образования, развитие инфраструктуры, занятие конкурентоспособных позиций на мировом рынке, прежде всего информатики, микроэлектроники, биотехнологии, телекоммуникаций, космической техники, производства компьютеров, развития возможностей Интернета — привнесение новаций в главные сферы человеческой жизни (медицина, образование, рациональное питание, эффективное лечение, увеличение продолжительности жизни).

«Было бы близоруким, — считает американский исследователь де Сантис, — отрицать то, что глобализация придает миру новый *динамизм*. Она не только порождает энтузиазм сре-

ди кругов бизнеса и консервативного политического сообщества, но она заставляет левых пересматривать свою социальную политику, подобно тому, как это делает британская лейбористская партия»⁸⁶. Особенно это справедливо в отношении таких стран, как Индия, где Бангалор, связанный с внешним миром через спутники и оптическое волокно, являет собой, по сути, часть мирового промышленно-информационного комплекса.

Напомним, что в Индии, где при Индийском национальном конгрессе рост всегда был одинаковым — 3 процента в год — ситуация изменилась в 1991 году, когда рухнули сдерживающие государственные барьеры. Уже через три года годовой рост страны составил 7 процентов. Многие годы Индия имела только 1 млрд. в твердой валюте. В 2005 г. золотовалютный запас Индии составил 118 млрд. дол. «Мы ушли из состояния спокойной уверенности к фантастическим амбициям в течение десяти лет». В 1990 г. торговля США с Индией товарами и услугами составляла 2,5 млрд. дол., а в 2005 г. — 5 млрд. дол. Уже в 1997 г. *дома* работало 11,6 млн. человек. А в 2005 г. — 23,5 млн.⁸⁷

Модернизация станет константой национальной жизни, обязательным условием международного общения. Именно в этом смысле *глобализация* заставит отдельные правительства гармонизировать национальную экономическую политику с потребностями и пожеланиями соседей и потенциальных конкурентов. В обстановке интенсивной конкуренции, когда ускоряется движение потоков капиталов, лишь немногие страны смогут позволить себе до определенной степени независимую валютную политику и поддерживать определенную экономическую самодостаточность. Создание европейского Экономического и валютного союза в мае 1998 года и введение *евро* в 2002 г. отразили усилия Европейского союза наладить большее взаимопонимание и взаимность интересов в пределах Западной и Центральной Европы как предпосылки укрепления позиций ЕС на глобальном уровне.

Возможно, самым важным является то, что прежняя система международного разделения труда, основанная на взаимоотношениях между «развитой индустриальной основой мира», полупериферией индустриализирующихся экономик и перифе-

рией неразвитых стран довольно резко изменится. Произойдет поворот в сторону создания единой глобальной экономики, в которой будут доминировать *старая* «глобальная триада» Северной Америки, ЕС и Восточной/Западной Азии и *новая* «триада» — Китай, Индия, Бразилия. Здесь размещены главные производительные силы мира и «мегарынки» мировой глобальной экономики, в которой центральную роль играют глобализированные транснациональные корпорации⁸⁸. Именно глобализация позволит еще трем титанам — Китаю, Индии и Бразилии — использовать свой главный фактор — дешевую рабочую силу, создающую новые продукты на основе цифровой технологии.

Важно отметить заинтересованность в глобализации двух групп государств:

1) прежде всего лидеров мировой экономической эффективности — тридцати государств — членов организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в которых живет чуть больше десятой доли человечества, но которые владеют двумя третями мировой экономики, международной банковской системой, доминируют на рынке капиталов и в наиболее технически изощренном производстве. Они обладают возможностью вмешательства в практически любой точке земного шара, контролируют международные коммуникации, производят наиболее сложные технологические разработки, определяют процесс технического образования.

2) Государства с относительно низким жизненным уровнем, но имеющие слой технически грамотных менеджеров, способных освоить современные технологии и их освоение массовым производителем.

Взгляд из Вашингтона. Администрация как демократов, так и республиканцев Дж. Буша-мл. открыто декларировала, что «рост на внутреннем рынке, новое состояние мирового сообщества, нового порядка в мире, зависит от *роста за рубежом*». Президент Клинтон изложил свое кредо выступая в 1996 г. в университете Джорджа Вашингтона: «Блоки, барьеры, границы, которые определяли мир для наших родителей и их родителей, уходят под воздействием удивительной технологии.

Каждый день миллионы людей используют портативные компьютеры, модемы, компакт-диски и спутники для того, чтобы посылать идеи, товары и деньги в самые дальние углы планеты за считанные секунды». Советник Клинтона по вопросам национальной безопасности Сэнди Бергер отмечал «возникновение глобальной экономики, формирование культурной и интеллектуальной глобальной деревни... У нас зрелый рынок — мы должны расширять объемы производства, мы должны расти... Мы не можем повернуть процесс глобализации вспять».

Рассекреченный в 1998 г. проект документа «Стратегия национальной безопасности для нового столетия» категорически утверждал: «Мы должны расширять нашу внешнюю торговлю для поддержания экономического роста дома». Мир должен, словами М. Олбрайт, ради собственного процветания «открыться нашему экспорту, инвестициям и идеям».

Администрация президента Буша-мл. приложила значительные усилия по глобальному сближению посредством расширения торговли, увеличения инвестиций в глобальном масштабе и коммерческих сделок на всех континентах. Она «использовала все внешнеполитические рычаги ради достижения коммерческих целей»⁸⁹. Именно исходя из этого кредо республиканская администрация отказалась реагировать на нарушения гражданских прав в странах, где американские корпорации активно участвуют в экономической жизни. Санкции вводились исключительно против стран, имевших минимальное значение для общего процесса глобализации.

Глобализованное будущее. Идеологи глобализации утверждают, что процесс глобализации *неостановим*. Они указывают на крах прежних социалистических экономик; на то, что в Китае процветает сектор свободного рынка; что даже прежняя шведская *социал-демократическая* модель находится в кризисе. Из этого делается вывод, что «Америка нашла, вернее, натолкнулась на лучший способ решения проблем современной технологической эпохи»⁹⁰. Этот способ — открытие национальных рынков частным компаниям — международным чемпионам эффективности производства, уступка государством своих регулирующих функций частному капиталу.

«Среди элиты и связанных с научными знаниями рабочих новой глобальной экономики, — пишет группа американских политологов, — происходит цементирование идеологической приверженностью к неолиберальной экономической ортодоксии... Всемирная диффузия консьюмеристской идеологии создаст новое чувство идентичности, заменяющее традиционные основы и прежний образ жизни. Глобальное распространение либеральной демократии еще более укрепляет чувство возникающей глобальной цивилизации, определяемой универсальными стандартами экономической и политической организации. Эта «глобальная цивилизация» создаст свой собственный механизм глобального управления, будь это МВФ или законы мирового рынка, которым подчинятся государства и народы»⁹¹.

Идеологи *глобализации* указывают на два непреложных правила: совмещение в едином рынке принесет пользу каждой стране; в результате подъема производительных сил, роста доходов и обострившейся конкуренции победители и побежденные есть *в каждой стране*. Возможно, самая большая мировая проблема — *соотношение глобализации с вестернизацией*. Строго говоря, вопрос встает о *сущности* модернизации. По этому вопросу сформировались два подхода.

Первый исходит из того, что глобализация — процесс более широкий, чем вестернизация и во всех практических смыслах равна процессу модернизации. Такой точки зрения придерживаются А. Гидденс, Р. Робертсон, М. Олброу, У. Конноли⁹². Восточноазиатские страны достаточно убедительно показали модернизационные возможности даже тех обществ, где вестернизация не коснулась основополагающих оснований общества, его устоев. Пример Восточной Азии показывает, что индустриализация *во многом* возможна *без вестернизации*.

Второй подход: глобализация представляет собой глобальную диффузию западного модернизма, то есть расширенную вестернизацию, распространение западного капитализма и западных институтов — теории, прежде всего С. Амина и Л. Бентона⁹³. Гилпин, скажем, считает мировую интернационализацию просто побочным продуктом расширяющегося американского мирового порядка. А. Калиникос и ряд других исследователей видят в современных процессах новую фазу за-

падного империализма, при которой национальные правительства явились агентами монополистического капитала⁹⁴. По мнению американского теоретика Н. Глейзера, глобализация — это¹ «распространение во всемирном масштабе регулируемой Западом информации и средств развлечения, которые оказывают соответствующий эффект на ценности тех мест, куда эта информация проникает. Прежний чешский президент Вацлав Гавел предложил образ бедуина, сидящего на верблюде и носящего под традиционной одеждой джинсы, с транзистором в руке и с банками кока-колы, притороченными к верблюду. Возможно, джинсы и кока-кола малозначительны, но транзисторное радио, телевизор и Голливуд подрывают первоначальные ценности бедуина, какими бы они ни были... Когда мы говорим о «глобализации культуры», мы имеем в виду влияние культуры западной цивилизации, в особенности Америки, на все прочие цивилизации мира»⁹⁵.

Между двумя этими школами ведется — и долго будет вестись — весьма ожесточенная полемика. Главная проблема заключается вовсе не в том или ином определении, а в ответе на вопрос сможет ли незападный мир вступить в фазу глобализации, не претерпев предварительно вестернизации, отказа от своей культуры ради эффективных цивилизационных основ вестернизма?

Кто прав в споре о модернизации? Реальность пока такова: *глобализация* ведет к консолидации мира на условиях наиболее развитой его части, но в мир «старого капитализма» стремительно вторгается отставший на несколько столетий мир, сумевший воспользоваться открытостью науки, доступностью технологии, революцией в информатике и биологии.

Анализ глобализации требует ответа на вопрос: в какой степени революционным, рвущим связи с прежними традициями является текущее переустройство мира. Среди апологетов глобализации выделились два подхода: *революционный* и *эволюционный*. Им противостоит — в пике розовой картине будущего, рисуемой идеологами глобализма обеих названных ветвей — группа *скептически* настроенных в отношении глобализации теоретиков. Проследим отличие друг от друга этих *трех школ* на основе сопоставления их взглядов по основным оценочным моментам в таблице 5.

Таблица 5. Три взгляда на глобализацию

	Революционный подход	Эволюционный Подход	Скептический подход
Новое	Наступление глобальной эры	Беспрецедентный уровень глобализации	Формирование торговых блоков, более слабое глобальное управление, чем в предшествующее время.
Главные черты	Глобальный капитализм, управление в глобальных масштабах	Интенсивная и экстенсивная глобализация	Менее взаимозависимый, чем прежде, мир
Мощь национальных правительств	Ослабевающая и распадающаяся	Пересмотренная, реконструированная	Укрепившаяся и приумноженная
Движущие силы глобализации	Свободный капитал и новая технология	Движение к модернизации своего общества	Государственные механизмы и рыночные структуры.
Вид стратификации	Эрозия старых иерархий	Новая архитектура мирового порядка	Усилившаяся маргинализация Юга
Доминирующий мотив	Стандартизация: «Макдоналдс», Мадонна и др.	Трансформация политического сообщества	Реализация национальных интересов
Концептуализация глобализации	Пересмотр природы человеческих действий	Пересмотр межрегиональных отношений	Интернационализация и регионализация
Историческая траектория	Глобальная цивилизация	Глобальная интеграция и одновременная фрагментация	Региональные блоки, столкновение цивилизаций
Суммарный тезис	Окончание исторической релевантности нации-государства	Осуществляется трансформация государственной мощи и мировой политики.	Интернационализация вступает в зависимость от согласия государств и от мирового соотношения сил

Источник: Held D. a. o. Global Transformations. Politics, Economics and Culture. Cambridge: Polity Press, 1999, p. 10.

1. Сторонники *революционных перемен* — американские политологи Р. Кеохане и Дж. Най в книге «Мощь и взаимозависимость» (1977) обосновали то положение, что *простая взаимозависимость стала сложной взаимозависимостью*, связывающей экономические и политические интересы настолько плотно, что конфликт крупных держав теперь уже действительно исключен⁹⁶. Теоретический прорыв в этом направлении совершил в 1990 году японец Кеничи Омае в работе «Мир без границ»: люди, фирмы, рынки увеличивают свое значение, а прерогативы государств ослабевают — в новой эре глобализации все народы и все основные процессы оказываются подчиненными глобальному рыночному пространству. Это новая эпоха в истории человечества, в которой «традиционные нацигосударства теряют свою естественность, становятся непригодными в качестве партнера в бизнесе»⁹⁷.

В *глобализации* видится источник грядущего процветания, умиротворения, единых для всех правил, путь выживания, поднятия жизненного уровня, социальной стабильности, политической значимости, ликвидация стимула в подчинении соседних государств. Глобализационная *волна* пройдет по раундам мировых торговых переговоров, она обусловит выработку нового отношения к введению торговых ограничений, квот, тарифов, субсидий для своей промышленности.

Певцами *революционных перемен* стали такие авторы, как один из лидеров «Нью-Йорк Тайме» Томас Фридмен, несколько экзальтированно подающие блага рыночного капитализма и либеральной демократии, позволяющие капиталу молниеносно перемещаться в страны, где стабильно политическое устройство, где эффективна экономика, где прибыли наиболее многообещающи. Сторонники ускоренной и освобожденной от сдерживающих начал глобализации видят только в ней способ сблизить богатую (западную) часть мира с бедной⁹⁸. Имеется в виду, что бедные страны, подобно Китаю и Индии, сумеют изыскать свою нишу в мировом производстве, опираясь не на косные, традиционно-ориентированные правительства, а на чувствительные к переменам и нововведениям частные компании и на столицы, приемлющие перемены.

Экономическая логика в ее неолиберальном варианте требует денационализации экономики посредством создания транснациональных сетей производства, широкой мировой торговли и гибких, основанных не на одном только долларе, финансов. В этой экономике «без границ» национальные правительства становятся простой прокладкой между взаимодействующими экономиками. С ультраглобалистской точки зрения, прежнее противопоставление Севера Югу теряет всяческий смысл по мере того, как возникает новое глобальное разделение труда, которое заменяет прежнюю (центр-периферия) структуру мирового товарообмена на более сложную архитектуру экономической мощи: обновление и быстрое использование достижений науки против отвергающего рынок планирования.

Гиперглобализм представляет глобализацию будущего как фундаментальную реконфигурацию «всей системы человеческих действий»⁹⁹. Подлинно важные решения «будут приниматься транснациональными компаниями в союзе с региональными правительствами... Это будет своего рода высокотехнологичный архипелаг посреди моря нищего человечества»¹⁰⁰. Как и столетием ранее (в случае с Норманом Эйнджелом, предсказавшем в 1911 г. невозможность новых войн) возникли цивилизационные оптимисты: экономический взаимообмен столь важен и ценен для отдельных стран, что о военном конфликте с их участием нельзя и помыслить по мере роста глобализационного процесса.

А как же Афганистан, Ирак — перлы насилия XXI века? Многие из оптимистов (скажем, американец М. Дойл) полагают, что необратимая взаимозависимость, а с нею и абсолютное господство либеральной демократии, исключающей войны, наступят несколько позже — между 2050 и 2100 годами¹⁰¹. Период же до 2050 года пристрастием к миролюбию отличаться не будет — плата истории за географию.

2. Сторонники *эволюционного подхода*, возглавляемые теоретическими светилами первой величины — Дж. Розенау и А. Гиденсом, считают современную форму глобализации исторически беспрецедентной, относясь как к нерелевантному к сравнению с периодом до Первой мировой войны. Это направ-

ление требует от государств и обществ *постепенной адаптации* к более взаимозависимому и в то же время в высшей степени нестабильному миру¹⁰², характерному неизбежными социальными и политическими переменами, совокупность которых составит суть развития современных обществ и мирового порядка¹⁰³. Глобализация постепенно разрушает различия между отечественным и иностранным, между внутренними и внешними проблемами¹⁰⁴. Дж. Розенау указывает на создание в традиционном обществе нового политического, экономического и социального пространства, к которому должны на макроуровне приспособливаться государства, а на местном уровне — локальные общины¹⁰⁵.

Но сторонники эволюционного подхода (в отличие от радикалов) отказываются — обращаясь к будущему — определять направление охватившего мир процесса, самой сутью которого являются непредсказуемые изменения и чьей главной характеристикой имманентно является возникновение новых противоречий¹⁰⁶. Они видят в глобализации долговременный процесс, исполненный противоречий, подверженный всевозможным конъюнктурным изменениям, и не претендуют на знание траектории мирового развития, считая пустым делом предсказание параметров грядущего мира, четкое определение потребностей мирового рынка или исчерпывающую характеристику возникающей мировой цивилизации. *Эволюционисты* проявляют осторожность и «научную скромность» и осмотрительность, не желая создавать ясно очерченные картины меняющегося калейдоскопа мира. Они не предсказывают создания единого мирового сообщества — не говоря уже о некоем едином мировом государстве.

На них производят впечатление броски и спады, неровность экономического краха. Никто не смог предсказать феноменального развития Китая после 1978 г.; сенсационную остановку японской экономической машины после 1990 г.; потрясающий бросок американской экономики в 1990-е годы; всемирное замедление 2000-х годов, крах Индонезии, Аргентины, Руанды, Кении.

Глобализация ассоциируется у эволюционистов с формированием новой мировой стратификации, когда некоторые стра-

ны постепенно, но прочно войдут в «око тайфуна» — в центр мирового развития, в то время как другие страны, словно заговоренные, безнадежно маргинализируются. Но и при явном разрыве одних стран от других не будет деления на «первый» и «третий» мир, оно будет более сложным. По существу, все три мира будут присутствовать в почти каждом большом городе в качестве «трех окружностей» — богатые (согласные с существующим порядком) и те бедные, кто окажется выброшенным на обочину мирового развития.¹⁰⁷

Произойдет радикальное изменение самого понятия мощи и могущества. Суверенные государства сохранят власть над собственной территорией, но параллельно национальному суверенитету будет расширяться зона влияния международных организаций. «Сложные глобальные системы — от финансовых до экологических — соединят судьбу различных общин в отдаленных регионах мира... Носители мощи и подчиненные в системе этой мощи будут явственно отделены друг от друга едва ли не океанами. Современный институт территориально ограниченного правления окажется аномалией по сравнению с силами транснациональных организаций»¹⁰⁸. При этом эволюционисты отрицают революционную, гиперглобалистскую риторику наступления исторического конца государства-нации как института. Их кредо: традиционные концепции государственности изменяются медленно, но постоянно. Суверенность сегодня — «есть нечто меньшее, чем территориально обозначенный барьер, это скорее источник и ресурс отстаивания прав и привилегий в пределах общей политической системы, характеризующейся комплексными транснациональными сетями»¹⁰⁹. Мировой порядок уже не вращается вокруг оси суверенного государства. (Бомбометания против Югославии и удар по Ираку, защищающему свои права в ООН, — новая черта XXI века). Это принуждает правительства суверенных государств вырабатывать новую стратегию в мире, где завершились два с половиной века независимых суверенных государств Вестфальской системы.

Основная часть теоретиков обоих апологетических направлений полагают, что глобализация так или иначе нанесет смертельный удар суверенным государствам. «Очевидно, что растущая глобальная экономическая взаимосвязь, — полагает амери-

канский теоретик Р. Фолк, — совмещенная с влиянием Интернета и мировых средств связи (особенно телевидения), воспевающих консьюмеризм и создающих общее и одновременное восприятие новостей, изменит наше представление о мировом порядке фундаментальным образом. Государство не будет более доминирующей силой на мировой арене. Глобальные рыночные силы в лице многонациональных корпораций и банков излучают сильное и независимое влияние. Они действуют на международной арене с минимальными ограничениями. Усиливается воздействие локальных и транснациональных инициатив отдельных групп граждан по всевозможным вопросам местного значения — от строительства дамб до противодействия правительственным репрессиям. Международный порядок, определяемый этими силами, представляет собой переход от мира суверенных территориальных государств, к возникающей мировой деревне... В значительной мере социал-демократическая версия *сочувствующего гражданам* государства заменяется нелиберальным жестоким государством»¹¹⁰.

Мнение американского политолога С. Стрейнджа: «Силы деперсонализированного мирового рынка становятся более влиятельными, чем мощь государств, чьи ослабевающие возможности отражают растущую диффузию государственных институтов и ассоциаций, переход власти к локальным и региональным органам»¹¹¹. Создаются новые формы социальной организации, заменяющие нации-государства. В новом, разворачивающемся в XXI веке мире «глобальный рынок подтачивает основы суверенности. Рынок медленно сужает сферу деятельности национальных правительств, оставляя им все меньше пространства для маневра. В то же время глобализация подтачивает демократический контроль. Начинают действовать законы свободного рынка, а не национальных парламентов»¹¹².

За утрату суверенитета своих правительств определенные сегменты общества получают материальный бросок вперед. Вследствие глобализации в 2000—2026 г. наступит фаза ускоренного экономического роста. Наряду с общим улучшением образовательной системы этот рост убедит большинство стран, что их национальным интересам лучше будет служить сотрудничество с глобализирующейся международной системой, а не

изоляция от нее или попытка сокрушить эту систему. После завершения эпохи турбулентности, в 2050—2080 гг. *глобализация* доведет общемировую консолидацию до уровня мировой федерализации, которая захватит и XXII в.

Пресса весьма оживленно обсуждает возможное будущее, особенно с точки зрения возможности появления надгосударственных органов. Так, американский журнал «Нью Рипаблик» предсказывает, что за экономической глобализацией последует *политическая* глобализация, которая доведет дело до создания мирового правительства". Это отражение точки зрения той группы аналитиков, которые восторженно относятся к глобализации, видя в ней продукт новой технологии, порождающей *принудительное следование экономическим интересам с одновременным подавлением национальных страстей*: общества должны сделать выбор между модернизацией, открытием экономики и политических систем и старыми битвами по поводу территорий и национальной славы¹¹⁴.

Глобалисты, при всех их оттенках, свято убеждены, что, несмотря на все противоречия, историческая тенденция повернет в сторону глобализации. И следует (вместо ностальгических воспоминаний о теряемом мире ясно очерченных национальных границ и национальных прерогатив) обратиться к строительству новой мировой структуры, погребаяющей под собой национальные границы. При этом глобализация не всегда «провоцируется сверху», она открывает своего рода простор самым разнообразным оппозиционным силам — защитникам окружающей среды, профсоюзам, фермерским организациям, женскому движению и прочим «малым интернационалам», все меньше обращающим внимание на национальные границы.

Идеологи глобализации представляют государственное планирование, помощь и содействие актами экономического обскурантизма и ретроградства. Даже для терпящих явный экономический крах государств кейнсианство и «Новый курс» президента Рузвельта сегодня табу. «Вашингтонский консенсус» нетерпимо относится даже к умеренной степени государственного планирования, дирижизма, защиты собственной промышленности, не говоря уже о социализме даже в самом бледнорозовом его варианте.

3. Направление *скептиков*. Не все специалисты согласны с советником Клинтона по национальной безопасности С. Бергером в том, что «президентская стратегия овладения силами глобализации благоприятна для американского народа и для всего мира»⁵. Более того, именно в развитых странах, таких как США, начала расти организованная оппозиция — значительные силы не только не все признали благотворность, но и в будущем не признают неизбежности реализации этого процесса. Особенно остро это ощущают профсоюзы. По мнению председателя международного отдела крупнейшего американского профсоюзного объединения АФТ-КПП Дж. Мазура, «будущее явится полем битвы тех общественных интересов, которые определяют структуру мировой экономики двадцать первого века. Силы, стоящие за глобальными экономическими переменами — силы, выступающие против регулирования, помогающие корпорациям, подрывающие социальные структуры и игнорирующие общественные нужды, — встретят сопротивление»⁶.

Скептики указывают на то, что интегрированный мир подвергнет себя новой опасности попасть в зависимость от основанных на насилии традиционно лидирующих регионов, от иступленных жертв неолиберальной идеологии или религии. (Даже президент Клинтон вынужден был признать, что отдельные группы и отдельные государства «могут отныне вторгаться в жизнь соседей и могут парализовать их жизненно важные системы, разрушить торговлю, поставить под вопрос благополучие и благосостояние народов, ослабить их возможности функционировать»⁷. Отсюда и реакция силовых структур США, которые снисходительно молчат по поводу *саморегулирующегося* мира и процветания глобализации.)

Наиболее выдающимися критиками глобализации в США являются Б. Барбер, Д. Кортен, Г. Дейли, П. Бьюкенен. В Европе наиболее выдающимся теоретиком контрглобализма стал Дж. Голдсмит⁸. Против «вашингтонского консенсуса» (сформированного, как уже было сказано, еще в начале 80-х взаимопонимания и союза расположенных в американской столице министерства финансов США, Международного валютного фонда и Всемирного банка) выступили представители *семи* критических направлений, негативно характеризующих различные аспекты глобализации.

Первое направление исходит из того, что мощные современные государства вопреки любой степени глобализации сумеют сохранить собственный силовой и экономический потенциал, они не растворятся в аморфном глобальном конгломерате. При всей важности глобализовавшегося рынка *национальная политика*, а не «невидимая рука рынка» будет определять *экономическое* развитие мира. Трудно опровергнуть справедливость утверждения американского исследователя К. Уолтса о том, что «правительства и народы *готовы пожертвовать своим благополучием*, если речь идет о преследовании *национальных, этнических и религиозных целей*»¹¹⁹. Правительства и народы не готовы сдаться на милость компаний-чемпионов производительности в своей сфере.

На протяжении долгой истории человечества не некие абстрактные экономико-политические интересы, а целенаправленные действия правительств формировали (и будут формировать в будущем) экономико-политические блоки, союзы, ассоциации. Без политической воли, без решения соответствующих правительств не были бы созданы Объединение угля и стали (1951), Европейский союз, НАФТА, ОПЕК, АСТЕС и прочие интеграционные предтечи глобального рынка. В то же время продолжавшаяся долгие годы интеграция Восточной Европы не предотвратила дезинтеграции Советского Союза и Югославии. И в будущем интеграция Северной Атлантики, Западного полушария, Восточной Азии будет реализована лишь в случае, если «менее значимые» страны откажутся от самоутверждения и собственных национальных амбиций. Рассчитывать на это нереалистично. Следует лишь взглянуть на позицию Польши после президента Квасневского и даже на политику малых прибалтийских стран, чтобы оценить потенциал национализма.

В плане критики объединительного потенциала не следует также забывать, что лишь сравнительно небольшие страны импортируют и экспортируют значительную долю своего национального продукта. А крупные страны с большим ВВП производят основную его долю на собственном рынке. Именно поэтому такие страны, как США, Япония, Германия, меньше, точнее сказать, *сравнительно незначительно* зависят от других стран. Они могут позволить себе роскошь самостоятельных

действий, имея несравненно более широкий спектр возможностей, они вовсе не обязательно зададутся целью привязать свою экономику к геоэкономическим комплексам, чьи интересы могут вовсе не совпадать с их собственными государственными интересами. То есть потенциал независимых национальных стратегий и действий никоим образом не будет погашен. В этом глобалисты, говорящие о нераздельной общности мира, уступают националистическим силам — как, скажем, во время проведенного голосования о принятии Европейской конституции в 2005 г.

Все это предупреждает против преувеличения самостоятельной сущности транснациональных корпораций. Критики глобалистических теорий указывают, что столь громко декларируемая интернациональность, *космополитизм* крупных компаний — определения, часто противостоят действительности. При всей их космополитичности, практически о каждой из ТНК можно твердо сказать, где ее подлинная штаб-квартира, кому она платит налоги, чей флаг приветствует, какое правительство считает своим. Среди ста крупнейших корпораций мира нет ни одной, национальная принадлежность которой была бы не ясна, которая являлась бы просто *глобальной*. По всем параметрам — размещение инвестиций, месторасположение исследовательских центров, национальность владельцев, держателей акций, менеджеров и дистрибьютеров — четкая национальная ориентация прорисовывается немедленно. Даже технологический уровень корпорации полностью отражает уровень страны принадлежности.

Таково противостояние глобализму на макроуровне, на уровне межгосударственных отношений и по вопросу о мнимой наднациональности международных корпораций. Но критика глобализации все более активно спускается и на микроуровень, на уровень отдельных соседских общин, городских и пригородных сообществ. Коммунитаристы видят в глобализации антитезу небольшим комьюнити, соседским общинам, которые, с их точки зрения, являются основой подлинной демократии и охраны прав граждан. Мировые рынки ввиду их колоссальной отдаленности подрывают ответственность граждан — базис, на котором зиждется современная демократия. Никакая система тру-

довой мотивации не в состоянии заменить здоровые соседские общины. Выступающий с подобными идеями американский политолог Р. Барбер называет мир глобализации «виртуальным миром *Мак-Уорлд*», который пытается заменить реальный мир фикциями консьюмеристской культуры. Пока аннигиляция национального и непосредственного окружения представляется неубедительной. Силы глобализации еще не обесценили мощь государств, чьи лидеры еще в состоянии будут действительно пользоваться своим политическим контролем.

Второе направление считает, что скоротечное, непродуманное занижение и даже уничтожение национальной идентичности чревато колоссальной дестабилизацией отдельных стран и мировой системы в целом. Своим требованием свободного рынка Соединенные Штаты уже привели к социальным взрывам в неведомых им странах. Недавний пример дестабилизации огромной Индонезии, покорно подчинявшейся глобалистским требованиям МВФ, впечатляет.

Представители этого направления считают, что в целом идея автоматически достигаемой свободнорыночной экономической самостабилизации — «архаична как курьезное наследие рационализма эпохи Просвещения, которое уцелело только в Соединенных Штатах»¹²⁰. Как пишет американец Дж. Грей, «глобальное *laissez faire* является национальным американским проектом». Как полагает американский аналитик Д. Каллео, «стилизованый по-американски глобализм означает однополярный *Pax Americana*, а не диверсифицированный плюралистический мир, где властью нужно делиться. Разрыв между фиксированным однополярным воображением и растущими плюралистическими тенденциями в реальном мире представляет собой постоянно усугубляющуюся опасность. Эта опасность проявляет себя в политической линии, которая противопоставляет Америку одновременно интересам России, Китая и даже Европы»¹²¹.

Восхождение на престол идеологии глобализации, которую Дж. Грей называет «фундаментализмом свободного рынка», полностью соответствует интересам лишь одной страны и одного общества — американского. Фактически США при помо-

щи глобализации попытаются осуществить «революционный захват» мировой экономики, и любая другая «экономическая цивилизация» ими отвергается. Лишь исходя из собственных интересов, американцы убеждены в универсальном характере достоинств свободного рынка, что ведет к жестокому навязыванию рыночных реформ многим незрелым обществам, неподготовленным государствам. Этим глобалистским фундаменталистам все особенности исторического развития подаются просто препятствием к реализации свободной торговли — близорукая оценка процесса модернизации, столь неоднородного и несводимого к единому (глобалистическому) знаменателю.

Противодействие глобализации. Едва ли можно сомневаться в том, что практически ни одна сфера человеческой деятельности не избежит той или иной степени влияния глобализации. Глобальный охват конкуренции подстегнет производительность труда, поощрит научные разработки, привлечет капитал к зонам социальной стабильности и дешевой рабочей силы. Но, как у каждого подлинно значимого явления, у глобализации, помимо позитивной, есть огромная негативная сторона — стоит лишь обратиться к примерам Мексики, Таиланда, Индонезии.

Глобализация *весьма специфически* будет интегрировать мир. Одни интеграционные усилия ведут к искомому объединительному результату, другие обнажают непримиримые противоречия. Дифференциация мирового сообщества не только сохранится, но получит новые измерения — возможно, с элементами ожесточения. Фиксация неравенства (и, еще важнее, отсутствие обнадеживающей альтернативы) в век массовых коммуникаций может очень быстро разжечь пожар несогласия и противостояния.

Лишь примерно десяти развивающимся странам (среди них Турция, Китай, Индия, Таиланд, Индонезия — воспользовались благами глобализации. В этом списке нет России, большинства стран Восточной Европы, Латинской Америки, Африки.

Не забудем при этом, что глобализация, формируя острова зажиточности даже в прежде безусловно бедных Индии, Китае, Мексике, создает покинутый всеми огромный «четвертый мир».

И финал драмы не предрешен. Он зависит от человечества в его стремлении не только к эффективности, но и к состраданию, мировой солидарности, традиции гуманизма.

Суммируем основные характеристики глоболизирующего мира.

1. Зависия от прямого портфельного инвестирования, глобализация затронула лишь часть мирового сообщества, пройдя мимо огромных регионов, оставляя их на обочине мирового развития. Строго говоря, глобализация — при всем своем всеобъемлющем названии — затронула лишь северную часть полюсы развитых стран: 81% прямых капиталов приходится на северные страны высокого жизненного уровня — Соединенные Штаты, Британию, Германию, Канаду. И концентрация в этих странах капитала увеличилась за четверть века на 12%¹²².

2. Увы, *не каждой* стране дается шанс быть частью привилегированной системы. Но практически все государства ставятся под пресс — они должны адаптироваться к вызову глобализации, к уровню наиболее успешных производителей среди частных компаний мира. Глобализацией практически не затронуты Африка, почти вся Латинская Америка, весь Ближний Восток (за исключением Израиля), огромные просторы Азии. (Даже в отдельно взятых странах зона действия сил глобализации ограничена. Например, в Италии в сферу ее действия входит северная часть страны, а Мещподжорно — на юге — не подвластен ей.)

Глобализация может быть причиной быстрого разорения и ухода на мировую обочину развития вследствие всесокрушающей конкуренции. Под ее влиянием государства становятся объектами резких и быстрых экономических перемен, которые способны в короткие сроки девальвировать легитимность правительств. Подданные своих стран оказываются незащищенными перед набором новых идей, противоположных по значимости главным догмам национальных правительств. Богатство у владельцев технологии и ресурсов возникает буквально на глазах — но столь же быстро опускаются по шкале благосостояния и могущества те, кто «замешкался», кто не посмел пожертвовать собственной идентичностью.

«Свобода и ярость, — пишут американцы Менон и Вимбуш, — с которой правительства — по меньшей мере те, которые выразили свое желание участвовать в глобальной экономике, — могут обратиться к репрессиям, уменьшается драматически. Это увеличивает свободу маневра и самоизъявления прежде молчавших национальных меньшинств. Государства, в которых этнические меньшинства размещаются географически концентрированно, теряют рычаги воздействия — их противодействие меньшинствам становится все более дорогостоящим, потому что данное государство теперь уже хорошо просматривается всем внешним миром»¹²³.

«Исключение целых обществ из процесса глобальной модернизации увеличивает риск этно-национальных конфликтов, терроризма, вооруженных конфликтов»¹²⁴.

3. Между развитыми странами — странами Организации экономического сотрудничества и развития — экспорт растет вдвое быстрее, чем в соседних странах. Доля экспорта в 1960 году составляла в ВВП этих стран в среднем 9,5%, а в 2000 году — 20%¹²⁵. Американские профсоюзы напоминают, что глобализация вовсе не означает *повсеместное* расширение торговли. К примеру, доля демократических развивающихся стран упала в общем американском импорте с 53,4% в 1989 году до 34,9% в 1998 году. В этом потоке доля промышленных товаров уменьшилась за указанный период на 21,6%¹²⁶.

4. По-видимому, у развивающихся стран появляется шанс. Скажем, между 1990 и 1997 годами финансовый поток частных средств из развитых стран в развивающиеся увеличился драматически — с 44 млрд. дол. до 244 млрд.¹²⁷. Примерно половину этих средств составили прямые инвестиции, что, казалось бы, давало странам-получателям шанс. Но вскоре обнаружилось, что грандиозные суммы уходят так же быстро, как и приходят (одним нажатием клавиши на компьютере), как только экономическая ситуация в данной стране начинает терять свою привлекательность (исчезает потенциальная сверхприбыль). В кратчайшее время западные частные деньги покинули в середине 1997 года Таиланд, затем Южную Корею, затем Индонезию, вызвав в каждой из стран шок национального масштаба. Надо ли говорить, что терпение жестоко эксплуатируемого — и столь

легко становящегося жертвой — незападного мира небеспредельно?

В случае с обращенными к глобализации правительствами, основная масса населения может, так сказать, воспротивиться жестокому открытию, безжалостной конкурентной борьбе и двинуться в противоположную — обращенную в прошлое сторону. Вспыхивает традиционалистское восстание против чуждых ценностей (подаваемых как универсальные), против страшного разрыва богатства и бедности, против осквернения традиционных святынь и безразличия к потерпевшим. Уже сейчас жертвами подобной глобализации стали осколки Советского Союза и, во многом, азиатские государства — Китай, Пакистан, Афганистан, Индонезия. «Идентичность, основанная на мифе, языке, религии и культуре, может оказаться недостаточно крепкой для сохранения целостности этих государств перед лицом глобализации», — приходят к заключению американские исследователи Р. Менон и У. Вимбуш¹²⁸.

5. Глобализация требует фактической унификации условий. Но в реальной жизни такого не происходит. Скажем, в период азиатского экономического кризиса 1998—1999 годов западноевропейские страны страдали прежде всего от высокого уровня безработицы; Китай шел своим путем, а США били рекорды промышленного роста. Что общего между фантастически быстро растущими сборочными линиями и заводами на мексиканской стороне границы с США и теряющими работу голубыми воротничками Детройта? Можно смело сказать, что американский конгресс — как и американские профсоюзы — *никогда* не смирится с переводом американских капиталов в зоны дешевой рабочей силы таким образом, что это, во-первых, заденет стратегические позиции США, во-вторых, негативно коснется прямых интересов американских производителей, рабочих их компаний — тех избирателей, которые раз в четыре года видят в президентских выборах альтернативу покорному сползанию к высокой безработице (когда рабочие места в массовом порядке начнут «эмигрировать»).

В наиболее индустриально развитом американском обществе к 2020 г. в производственной сфере будет занято значительно меньше 10% общего населения. Эта высокооплачиваемая

мая рабочая сила Америки категорически не заинтересована: а) в переводе американских средств и технологий в страны с дешевой рабочей силой; б) в допуске на богатый американский рынок конкурентоспособной продукции из стран, где государство помогает экспортерам и где издержки на производство значительно меньше американских.

6. Идеологи глобализации утверждают, что рынок ныне становится глобальным. В строгом смысле это не подтверждается фактами. Страны крупных экономических параметров остаются на удивление ориентированными на внутренние рынки. Скажем, невовлеченные во *внешнюю* торговлю и обмен отрасли и сектора американской промышленности охватывают 82% работающих американцев¹²⁹. В Соединенных Штатах «почти 90% работающих заняты в экономике и в сфере услуг, которые предназначены для собственного потребления». В трех важнейших экономиках современности — США, ЕС и Японии — на экспорт идет лишь 12% ВВП¹³⁰. Страны Бенилюкса могут чрезвычайно критически зависеть от импорта и экспорта, но не гигантские экономические комплексы ведущих промышленных держав. Может ли хвост вилять собакой, может ли мощная — но не преобладающая — сфера ориентированного на экспорт производства навязывать свою волю всему обществу?

7. В политическом плане фактом является то, что торжество глобализма означает прежде всего историческое поражение левой части политического спектра практически в каждой стране. Левые политические партии еще могут побеждать на выборах и делегировать своих представителей в правительства. Но они *уже не могут реализовывать левую политико-экономическую программу*. В результате они попросту председательствуют при распродаже своих левых ценностей. И этот кризис левых взглядов и сил, судя по всему, надолго.

Критики глобализации. Критическое направление возглавили такие скептики, как американцы П. Хирст и У. Томпсон, которые в общем и целом считают *глобализацию мифом, направленным на сокрытие конфронтационной реальности развития международной экономики*, все более представляющей собой жестко сдерживаемый баланс сил трех региональ-

ных блоков — Северной Америки, Европы и Восточной Азии (в ареале которых национальные правительства сохраняют всю прежнюю мощь)¹³¹. Ведь глобализация не смягчает, а усиливает мировое неравенство. Силы рынка отнюдь не вырвались из-под контроля, они зависят от регулирующих правил национальных правительств. Новый, меньше ориентирующийся на государственную мощь мир можно найти лишь в воображении не критичных глобалистов. В реальной же жизни правительства вовсе не являются покорными жертвами интернационализации, они являются первостепенными по значимости ее творцами.

По мнению американцев Р. Кеохане и Дж. Ная, «вопреки ожиданиям теоретиков, информационная революция не децентрализовала мировую мощь и не уравнила государства между собой. Она оказала как раз противоположное воздействие»¹³². Процесс глобализации отнюдь не разрешает проблему существующего разительного глобального неравенства, он не размывает сложившейся к началу третьего тысячелетия иерархии богатства и бедности. Глобализация создает дополнительные возможности крупным производителям (чаще всего транснациональным корпорациям, которые, пользуясь феноменально разверзшимся рынком, укрепляют свои позиции) за счет менее крупных и менее приобщенных к современной науке и технологиям производственных коллективов во всех странах Земли. Этим, менее эффективным производителям грозит исчезновение с лица планеты. Не составляет большого труда уже сейчас назвать всемогущих чемпионов глобализации XXI века и ее деморализованных жертв.

По мнению американца Дж. Грея, «глобализация является ошибочным и вредным политическим проектом, оказывающим непомерное влияние на глобальные экономические и финансовые институты. Он отражает предпочтение творцов американской внешней политики»¹³³. Слабые государства становятся жертвами — попадая под пресс глобализации, «национальные правительства начинают делить власть — политическую, социальную, военную — с кругами бизнеса, международными организациями, множеством групп граждан»¹³⁴.

Скептики данного направления категорически отрицают производимую якобы глобализацией эрозию разделительных линий между Севером и Югом. Происходит очевидная маргинализация развивающихся стран — богатый Север, по существу, частично включает, а частично исключает из прогресса огромное большинство человечества. Факт перевода транснациональными корпорациями своих рабочих мест в районы более дешевой рабочей силы Юга преувеличен¹³⁵. Эти критики глобализации подвергают сомнению *многонациональность* ТНК, они показывают, что всегда можно с легкостью определить национальную принадлежность и лояльность транснациональных корпораций¹³⁶. В мире существует и закрепляется мировая иерархия, разительное неравенство, а не некая система всеобщего равенства доступа к информации, технологии и эффективности. Все чаще звучит мысль, что «будущее глобальной экономики, в которой только Соединенные Штаты и небольшая группа богатых получают преимущества, является внутренне нестабильным и с экономической, и с политической точек зрения»¹³⁷.

Четвертое направление критиков глобализации обращает внимание на внутренние проблемы самих лидеров глобализации, на то, что в странах-чемпионах возникают обширные зоны производства, которые самым непосредственным образом *страдают от открытия границ конкурентам*, способным производить сходные товары с меньшими издержками. В развитых странах уже размышляют над судьбой текстильной промышленности, «дымных» отраслей промышленности, на наших глазах перемещающихся в зоны, где защита окружающей среды уступает инстинкту дарвиновского выживания, уже создается организованное сопротивление. В таких странах, как Соединенные Штаты, становится очевидным, что, игра по правилам глобализации окупаема далеко не для всех производителей, не для всех членов общества.

В новой — глобальной экономике миллионы *эффективно* работающих опускаются на дно общества из-за распада традиционных экономических систем и уменьшения возможностей правительств их государств помочь им. Они остаются один на один с социальными пертурбациями, несущими несчастья вплоть до голода и болезней. Эти лишившиеся работы парии

глобализированного мира будут вынуждены мигрировать, предлагать свою работу на любых условиях, приносить в жертву будущее своих детей, опускаясь в страшный мир отчаянного самовывживания. Речь в данном случае идет и о развивающихся, и о развитых странах. Глобализации, строго говоря, безразличен политический строй данной страны, лишь бы стабильность, предсказуемость, транспарентность помогали видеть возможности и опасности массового приложения капитала. «Сигнал, получаемый всеми правительствами, ясен: подчинитесь или страдайте», — приходит к выводу К. Уолте¹³⁸.

Глобализация встречает отчаянное сопротивление самых разных сил — религиозных фундаменталистов, профессиональных союзов, культурных традиционалистов. В городах, где происходили все встречи «большой восьмерки» (в Сиэтле в 1999 году, на Окинаве в 2000 году, в Генуе в 2001 году, в Монтеррее в 2002 году) тысячи протестующих стремились выразить свое несогласие с тем, что им видится тупиком общественно-политической мысли, отходом от цивилизации и гуманизма в джунгли первоначального накопления.

Пятое критическое направление возглавляется Ягдишем Багвати из Колумбийского университета (Нью-Йорк), Полом Крюгманом из Массачусетского технологического института и главным экономистом Мирового банка Джозефом Стиглицем (в эту группу входит и Г. Киссинджер), которые считают, что следует стремиться к системе свободного рынка *для товаров, но не капиталов*. (В эту группу входит и прежний идеолог «шоковой терапии» в России — Джеффри Сакс из Гарвардского университета. Теперь он наряду с другими решительно критикует МВФ за предписание рецессионной политики, которая вызвала коллапс реальной экономики¹³⁹.) Рынки капиталов нестабильны по своей природе и требуют государственного контроля как минимум над обменными курсами. Некоторые критики из этой плеяды заходят так далеко, что выступают за закрытие МВФ, который, с их точки зрения, своей импровизацией и незнанием местных условий способен потворствовать возникновению кризисных ситуаций.

Сейчас примерно такую точку зрения занимает бывший госсекретарь Дж. Шульц, бывший министр финансов У. Саймон,

такие исследовательские центры, как Фонд наследия. Даже президент Мирового банка Дж. Волфенсон и сменивший его Вулфовиц предприняли шаги, чтобы дистанцироваться от «ортодоксальной» политики Международного валютного фонда, скомпрометированной в ходе азиатско-российского кризиса 1997—1998 годов. Все более громко задается вопрос, могут ли встать на ноги потрясенные экономики России, Индонезии, Бразилии. В определенной степени возвращается кейнсианская вера в государство как легитимного участника процесса развития, что подрывающе действует на сами основы глобализационных теорий.

Особую (*шестую*) позицию занимают американские изоляционисты, красноречиво представляемые, в частности, П. Бьюкененом. Они воспринимают глобализацию как систему допуска на богатый и справедливый американский рынок демпинговых товаров из стран с почти рабским трудом, как уход свободного американского капитала (очень необходимого своей стране) в зоны дешевой рабочей силы, что лишает работы большие массы собственно американцев, разрушает американскую экономику, ослабляет в конечном счете международные позиции Америки. В этом смысле П. Бьюкенен назвал глобализацию «заменой коммунизма» в качестве главного противника Америки.

Эти враги глобализации *справа* более всего боятся утраты ясно выраженного национального суверенитета. Культурные и национальные цели самой Америки, по их мнению, требуют поддержания сильного государственного механизма. Глобализация в этом плане видится здесь едва ли не главным противником религиозных и семейных ценностей, общественной солидарности. Религиозное рвение отличает неоконсерваторов от либералов, и оно не позволяет им принять глобализацию — для них это вид нежелательного космополитизма. Проклятием для правых было бы петь глобализации гимны как среде, которая в конечном счете породит некое мировое правительство, отнимающее у заокеанской республики атрибуты суверенности.

Неоконсерваторы непреложно подчеркивают, что США — страна *с идеалами*, что вера Америки в демократию является наследием американской традиции, которую Г. Моргантау назвал «общенациональным универсализмом»¹⁴⁰. Неоконсервато-

рам не нравится метафора с США как «шерифом» хаотического мира вокруг. По этому поводу один из идеологов правых Дж. Муравчик замечает, что «полицейский получает приказы от стоящих над ним авторитетов, но в сообществе наций нет власти более высокой, чем Америка». Как это сопоставить с понятием экономического порядка, основанного на идеях бессмысленности национального суверенитета и национальных интересов в мире, где господствующую роль играют лишенные национальной принадлежности многонациональные корпорации, не имеющие границ экономические системы и никем не регулируемые глобальные потоки капитала?

Правых в США беспокоит возможность обесценения вооруженных сил, которые в глобализационном космополитизме теряют смысл своего существования. «В чем миссия вооруженных сил, — спрашивает американский исследователь Уильям Грейдер, — в защите суверенной нации или в охране безликой глобальной экономической системы? Американские войска размещаются за рубежом от лица базирующихся в США многонациональных компаний или американских граждан? Является ли их главной целью защита американских ценностей или аморальности рынка?»¹⁴¹

Седьмое направление. Противники глобализации *слева* принципиально выступают против давящей гражданина эксплуататорской сути частного капитала. Они со всей страстью выступают против гигантов мирового бизнеса, сделавших весь мир ареной эксплуатации труда капиталом. Вырвавшийся на глобальные просторы капитал кровно заинтересован в том, чтобы создать такую мировую систему, которая гарантировала бы враждебное противостояние рабочих разных стран, возможности для транснациональных монополий искать и находить те места и страны, где заработная плата была бы минимальной, налоги незначительны, государственное вмешательство неощутимо, субсидии создаваемым предприятиям максимальны. Для этих критиков глобализация представляет собой проявление *корпоративной силы* мирового капитализма.

С точки зрения левых, Всемирная торговая организация (ВТО) представляет собой самое последнее по времени олицетворение всей системы глобального корпоративного управления.

Необходимо остановить эскалацию этого явления и ограничить деятельность таких инструментов корпоративного правления, как МВФ и Мировой банк. В журнале «Диссент» американец С. Джордж настаивает на необходимости сокрушить «антидемократические институты, подобные ВТО, провозгласить начало эпической битвы за цивилизацию и свободу против варварства и тирании»¹⁴². Борьба почти отодвинутых, маргинализированных левых идеологов с глобализмом возвратила на политическую поверхность полузабытые термины типа «корпоративного правления». Скептики среди левых (в данном случае Р. Фолк) считают необходимым обнажить «подрывную суть ориентированного на рынок глобализма, который осуществляется сейчас транснациональными корпорациями и банками». В значительной мере вторит этим идеям и И. Валлерстайн: «Выражение «гражданин мира» является глубоко двусмысленным. Оно используется для сохранения особых привилегий»¹⁴³.

Один из ведущих деятелей крупнейшего профсоюзного объединения АФТ-КПП Дж. Мазур указывает на то, что «глобализация создает опасную нестабильность и усугубляет неравенство. Она приносит несчастья слишком многим и помогает слишком немногим... Глобализация объединяет против себя сторонников охраны окружающей среды, адвокатов движения потребителей, активистов движения за гражданские права... Глобализация стала сочетанием все более очевидного неравенства, медленного роста, уменьшающейся заработной платы, которые увеличивают эксцессы в одной отрасли за другой по всему миру. Работающие получают недостаточно для того, чтобы купить продукты своего труда... Эти проблемы исходят с самого верха. Представитель Мирового банка Штиглиц заметил, что консенсус в Вашингтоне по поводу глобализации базируется на полном игнорировании неравенства и «побочных явлений», таких, как ущерб окружающей среде, применение детского труда и опасные виды производства. На раундах переговоров по мировой торговле, проводимых преимущественно в интересах многонациональных корпораций, к странам предъявляются требования изменить торговое законодательство, отказаться от традиционных способов ведения сельского хозяйства и защитить лицензионные права. Но эта система не берет на себя от-

ветственности за человеческие страдания в проведении этой политики»¹⁴⁴.

Такие теоретики, как Дж. Грей, полагают, что идеология свободнорыночного фундаментализма не может продержаться долго — она противоречит высшим идеалам да и интересам большинства государств. Но она будет диктовать свои правила достаточно долго, чтобы привести в беспорядок весь мир. США ни при каких обстоятельствах не променяют свое глобальное всемогущество на подчинение некоему глобальному (скажем, ооновскому) правительству. Мы находимся в начале трагической гоббсианской эры, на протяжении которой анархия рынка и истощение естественных ресурсов приведет к крупным геополитическим конфликтам. Только создание сильных институтов глобального управления, которые регулировали бы соотношение валют и защищали бы окружающую среду, могло бы предотвратить столь мрачное будущее. Это глобальное правительство относилось бы со всем уважением к различию режимов, особенностям культуры, сложившимся местным экономическим укладам. Огромная сила мировой экономики была бы направлена на службу основным потребностям человека, а не достижению сверхдоходов нескольких монополий¹⁴⁵.

Глобализацию подвергают критическому анализу прежде всего те, кто призывает реалистически ответить на два вопроса: *не пострадает ли от нее в будущей большинство мирового населения (1) и кому прежде всего будет выгодна глобализация (2)?* В условиях глобализации происходит радикализация их традиционного электората. Сотни миллионов трудящихся оказались жертвами глобальных финансовых шоков, непосредственными жертвами современных информационных технологий. Часто попросту жертвами проходящих весьма далеко экономических процессов. При этом зримо видны очевидно отрицательные по значению плоды ускоренной глобализации: растущее неравенство в доходах, отсутствие гарантии долговременной занятости, резко возросшая острота конкурентной борьбы — теперь уже в глобальных масштабах. Чувство незащитности, ощущение себя жертвами громадных неподконтрольных процессов, озлобление слепой несправедливостью жизни, ощущение сверхэксплуатации — все это делает глобализацию ареной все более ожесточенной борьбы.

Массовой радикализации может содействовать многомиллионное перемещение сельскохозяйственного населения в мегаполисы двадцать первого века. «Оскорбленное чувство самоуважения, озлобление, ощущение превращения в жертву складывающихся обстоятельств могут в значительной мере укрепить силы, выступающие против глобализации, которая все больше будет восприниматься как благотворная лишь для США, — пишет бывший директор Международного института международных отношений (Лондон) Ф. Хейзберг. — Фашизм и милитаризм Германии, Италии и Японии, самопровозгласивших себя «нациями-пролетариями», были во многом отражением популярных и широко распространенных в этих странах чувств, что они (эти страны) не получили всех выгод от экономического развития своего времени — тех выгод, которые поделили между собой другие страны»¹⁴⁶. Семьдесят лет спустя подобные же чувства снова выходят вперед в весьма мощных странах.

Восьмое. Как признают западные исследователи, всемирное открытие барьеров выгодно прежде всего сильнейшему. Страной, более других получившей от мировой глобализации, являются Соединенные Штаты. На протяжении 1990-х годов США получили от роста экспорта около трети прироста своего ВВП¹⁴⁷. Даже когда кризис поразил часть азиатских стран, потоки капитала неустанно стремились на американский финансовый рынок, давая бесценную энергию буму американской индустрии и сельского хозяйства. «Эта экспансия, — пишут идеологи демократической партии, — ныне самая долгая в истории американской нации, низвела уровень безработицы до нижайшего за последние 30 лет, она подняла жизненный уровень всех групп американского общества, включая сюда наиболее квалифицированных специалистов»¹⁴⁸. Неудивительно, что США намерены выступать наиболее упорным и убежденным сторонником мировой глобализации. «Получая наибольшие блага от глобализации, — указывает американский политолог Э. Басевич, — Соединенные Штаты используют благоприятное стечение обстоятельств, их главная задача — выработка стратегии продления на будущее американской гегемонии»¹⁴⁹.

Девятое. Недооценивается фактор государственности. Государства не могут позволить, чтобы жизни их граждан попа-

ли в огромную и почти необратимую зависимость от глобальных экономических процессов, над которыми у них нет контроля. Эти государства либо возведут барьеры, чтобы защитить себя, либо государства начнут тесно сотрудничать между собой, чтобы не упустить остатки прежнего контроля, видя, что, скажем, финансовый кризис в Восточной Азии в конце XX века был вызван во многом открытием восточноазиатскими странами своих финансовых рынков.

Расходы на образование и медицинское обслуживание в развивающихся странах, которые решат подчиниться глобализационной идеологии, будут вынужденно прекращены, что еще более увеличит рост безработицы в мире высокой технологии. Мексиканские рабочие, скажем, входя в огромную Североамериканскую зону свободной торговли, потеряли после 1994 года более 25% своей покупательной способности¹⁵⁰. Удержалось ли допустившее это правительство?

В Европе своеобразными противниками глобализационных процессов стали (после краха левых) правые партии — германская Народная партия, австрийская партия Народной свободы. Их радикальными антиподами в среде развивающихся государств выступают такие партии, как Джаната парти в Индии. А союзниками — профсоюзы развитых стран, теряющие рабочие места.

Будущее. Протесты против итогов и дальнейшей глобализации довольно широко интерпретированы как начало могучего потока противодействия процессу глобализации. «Крах встречи в рамках Всемирной торговой организации в Сиэтле, — пишут американцы Ф. Рандж и Б. Сенауэр, — показал, как много неверного происходит в мировой торговле — и насколько уязвимым стало будущее общей торговой либерализации. Воинственная американская односторонность оскорбила делегации со всего света и подорвала многокультурный характер встречи»¹⁵¹. В то же время представители банковской, торговой, распределительной сфер больше связаны с глобализацией действиями транснациональных монополий, для них сугубо американские интересы начинают растворяться в межнациональных процессах.

Будущее глобализации неоднозначно; государства и независимые игроки, включая частные компании и неправительственные организации, будут бороться за право определять ее контуры. Некоторые аспекты глобализации, такие, как растущая взаимозависимость, источником которой является революция в сфере информационных технологий, почти наверняка окажутся необратимыми. Но возможно также, хотя это и маловероятно, что процесс глобализации можно замедлить или даже остановить подобно тому, как эпоха глобализации в конце XIX и в начале XX века закончилась крахом в результате катастрофической войны и глобального кризиса. Если не учитывать подобный вариант, то можно сказать, что **мировую экономику, скорее всего, ожидает дальнейший впечатляющий рост: предполагается, что к 2020 году она возрастет на 80% по сравнению с 2000 годом, а средний подушный доход окажется примерно на 50% выше.** Конечно, будут происходить циклические подъемы и спады, периодические финансовые и иные кризисы, но в своей основе траектория развития будет определяться мощным импульсом роста. Большинство стран всего мира — как развитые, так и развивающиеся — выиграют от участия в мировых экономических процессах. Азия, обладая самыми быстрорастущими потребительскими рынками, все большим числом предприятий, которые стали фирмами мирового масштаба, и растущим научно-техническим потенциалом, способна сменить западные страны в роли региона с наиболее динамичной экономикой — при условии, что стремительный экономический рост Азии будет продолжаться.

Тем не менее выгоды от глобализации не будут носить всеобщего характера. Растущие державы будут рассматривать возможности, связанные с возникновением всемирного рынка, как наилучший способ утвердить свой великодержавный статус на мировой арене. Напротив, иные представители «первого мира» станут рассматривать уменьшение отрыва от Китая, Индии и других стран как свидетельство относительного упадка, хотя скорее всего до 2020 года они останутся лидерами. США тоже будут считать возвышение новых держав относительным подрывом своего положения, хотя они и в 2020 году не будут знать себе равных по всем параметрам государственной

мощи. Представители развивающегося мира, отстающие в развитии, будут недовольны возвышением Китая и Индии, особенно если их интересы окажутся ущемлены растущим доминированием новых держав в ключевых секторах мирового рынка. Кроме того, даже в странах-«победительницах» сохранятся обширные очаги бедности.

Самые большие выгоды от глобализации ожидают те страны и группы, которые получают доступ к новым технологиям и сумеют внедрить их. Вообще, уровень технологических достижений страны будет определяться инвестициями в *интеграцию и применение* новых, глобально доступных технологий — станут ли эти достижения результатом разработок в данной стране или будут позаимствованы у технологических лидеров. Растущий двусторонний поток мозгов, занятых в сфере высоких технологий, между развивающимся миром и Западом, увеличение численности компьютерно-грамотной рабочей силы в некоторых развивающихся странах и усилия корпораций по диверсификации своих операций на рынке высоких технологий — все это будет способствовать распространению последних. Технологические прорывы — такие как создание генетически измененных организмов и повышение производительности в сельском хозяйстве — способны стать гарантией от угрозы голода и существенно поднять качество ключевых аспектов жизни в бедных странах. Но разрыв между «имущими» и «неимущими» будет увеличиваться, если только «неимущие» страны не начнут проводить политику, благоприятствующую применению новых технологий, а это подразумевает умелое управление государством, всеобщее образование и рыночные реформы.¹⁵²

Азиатский облик Переживающая подъем (во многом благодаря глобализации) Азия будет и далее оказывать влияние на процесс глобализации, делая его менее американизированным и более азиатским по форме и восприятию. Вместе с тем Азии предстоит изменить стандарты этого процесса. Обладая самыми быстрорастущими потребительскими рынками, большим количеством фирм, превращающихся в транснациональные корпорации, увеличивающейся долей наукоемких производств, Азия, кажется, всерьез вознамерилась потеснить страны Запада

и стать наиболее динамично развивающимся центром мировой экономики, обеспечивающей ее быстрый экономический рост. Министры финансов азиатских стран договорились о создании Азиатского валютного фонда, который в своей деятельности не станет дублировать МВФ, будет накладывать меньше ограничений на валютообменные операции и предоставит азиатским руководителям возможность дистанцироваться от вашингтонского макроэкономического консенсуса.

Если говорить о потоках капитала, то переживающая подъем Азия к тому же способна аккумулировать обширные валютные резервы. В настоящее время у Японии они эквивалентны 850 миллиардам долларов, у Китая — 500 миллиардам, у Кореи — 190 миллиардам, и у Индии — 120 миллиардам; вместе они составляют три четверти от совокупных мировых запасов валюты, однако долларовая их часть будет сокращаться. Стандартной практикой станет использование корзины резервных валют: иен, ренминби (валютных юаней) и, возможно, рупий.

«Мир вовсе не вступает, — пишет редактор журнала «Нэшнл интерес» М. Линд, — в эру гармоничной глобальной взаимозависимости и подлинной либеральной демократии. Глобальная конкуренция подстегнет геэкономическое соревнование, включающее в себя менее богатые, но значительные в военном смысле страны, такие как Россия, Китай и Индия»¹⁵³. Вопреки всем глобалистским лозунгам, огромная часть населения нашей планеты фактически отрезана от возможностей современной технологической революции.

Не будем впадать в крайность. Более внушительным, чем плакаты жертв глобализации, аргументом в пользу продолжения этого процесса, является тот факт, что, вопреки финансовому кризису 1997—1998 годов, государства мира не повернулись «внутрь», к частным, строго национальным проблемам, а продолжили движение к некоей *мировой* экономике, к интеграции в максимально широкий рынок.

Но неизбежно возникнет вопрос другой стороны: согласится ли мировое большинство в обмен на обещанную стабильность и долю участия в мировом прогрессе отдать ключи от национальной судьбы лидерам — это самый большой вопрос будущего. Встает кардинальный по важности вопрос: удовлет-

ворится ли преобладающая часть мирового населения ролью объекта мировой геоэкономики, ролью бессильного потребителя товаров, создаваемых другими, ролью деградирующего свидетеля подъема немногочисленных чемпионов экономического роста? Мировая история знает случаи пассивного смирения, но она же дает образцы активного несогласия с уготованной другими судьбой, образцы восстания против несправедливостей системы, где «победитель получает все», а не занявший призового места лишается геополитической значимости.

Глобализация будет осуществлена лишь в том случае, если, *во-первых*, мировое сообщество согласится пожертвовать своими отраслями производства в пользу более эффективных производителей из стран-чемпионов; *во-вторых*, если высокооплачиваемые трудящиеся в развитых странах согласятся допустить на свои рынки товары из стран, где рабочая сила гораздо дешевле и где экспортерам помогают местные государственные структуры. В первом случае «неготовность» к глобализации выражается в возводимых для защиты национальных экономик тарифах на импорт. Во втором — в протесте профсоюзов богатых стран, не готовых отдать рабочие места своим менее оплачиваемым коллегам из менее богатых стран, а также в недовольстве транснациональными корпорациями, переводящими свои капиталы в зону более дешевого труда.

Согласится ли мир на господство союза чемпионов эффективности из индустриальных зон развитых стран и космополитического капитала их финансовых столиц? Как пишут американские исследователи Дж. Модельски и У. Томпсон, «возможность создания глобальной организации вокруг ядра США —¹ ЕС имеет черты реальности, но проявляет себя и возможность ожесточения в грядущем столетии интенсивной борьбы за лидерство»¹⁵⁴.

В конце концов, в век демократий «легитимность любой современной экономической системы должна измеряться качеством жизни, достижимым многими, а не привилегиями меньшинства. Повсюду среди рабочей силы эти обстоятельства вызывают растущую реакцию против условий глобального порядка»¹⁵⁵. Если раньше такие профсоюзы, как АФТ-КПП, мыслили «геополитически», поддерживая антикоммунизм на гло-

бальной арене, то с глобализацией мировой экономики в начале XXI века проблемы глобализации стали самоценными. «Коллапс Советского Союза изменил отношение правительств к рабочему вопросу. Широкое идеологическое наступление корпораций представило профсоюзы как устаревшие остатки ушедшей в прошлое эры. Но по мере того, как большой бизнес принимал глобальные размеры, борясь при этом с профессиональными союзами, рабочее движение становится все более, а не менее международным»¹⁵⁶.

Глобализация будет наиболее разрушительна там, где не существует независимых профсоюзов, где преследуется их организация. Во многих развивающихся странах существуют секторы экономики, направленные на производство экспортных товаров и на привлечение инвестиций. Не имеют профессиональных союзов трудящиеся — это плата за участие в глобализации. И это неизбежно вызовет взрыв. Поскольку трудящимся в этом «южном» поясе систематически отказывается в праве на организацию и заключение коллективных договоров с работодателями, их заработная плата искусственно сдерживается на уровне одной десятой организованного рабочего сектора индустриального Севера. Неудивительно, что большинство этих трудящихся живет ниже официальной черты бедности в своих собственных странах.

С другой стороны, менее оплачиваемые рабочие наносят удар по более обеспеченным (и, соответственно, более дорогим) коллегам, по существу отнимая у них рабочие места. Историк П. Кеннеди предупредил, что *рыночно ориентированная промышленность Латинской Америки, Индонезии, Индии, части Китая и остальной Юго-Восточной Азии способна вовлечь в следующем поколении в глобальный рынок примерно 1,2 млрд. рабочих. Результат этого немедленно скажется на рабочих развитых стран. Заработная плата в традиционно развитых странах упадет не менее чем на 50 процентов*¹⁵⁷. *Пострадают рабочие Севера.*

А на Юге? Здесь тоже увеличится ярость протеста. «Чем дальше, — пишет П. Кеннеди, — заходит процесс глобализации — американизации, тем больше вероятность ответного наступления, что мы и наблюдаем сейчас в России и Индонезии — и во

многих прочих местах, где население чувствует себя брошенным, оставленным, уязвимым по отношению к творческому потоку международного капитализма»¹⁵⁸.

По мнению американского исследователя Р. Гилпина, политические основания экономической открытости драматически ослабли за последнее десятилетие, а фактически «взрывное» развитие торговли и инвестиций создало невиданное напряжение у глобальных институтов. После всемирно освещенных средствами массовой информации протестов против глобализации в Генуе, Давосе, Ницце, Монтеррее и прочих местах требования противников глобализации в ее антигуманном аспекте не могут более откровенно игнорироваться. Попытки подобного игнорирования могут привести лишь к новому подъему изоляционизма в глобальных масштабах. Это означает, что огромная волна глобализации не сопровождается абсолютно необходимой сменой политических институтов.

Продолжение глобализации. Процесс идет. Глобализация реализовывалась преимущественно благодаря растущему международному участию в Интернете, тому, что Европейский союз принял в себя в 2004 г. десять новых членов. Соединенные Штаты пообещали на 50 процентов увеличить помощь бедным странам. Китай освоился во Всемирной торговой организации. Подписаны несколько десятков соглашений о понижении таможенных тарифов и о создании региональных зон свободной торговли (включая сюда важные соглашения между США и Сингапуром, а также с Чили о свободной торговле).

Ускорителем глобализации выступил Интернет, экономические функции которого становятся важным фактором экономики. Уже *сотни миллионов* пользователей прильнули к всемирным окнам молниеносного общения, более десяти процентов мирового населения. В их руках информация, многократно превосходящая крупнейшие библиотеки мира. И здесь, если рынок развитых стран приблизился к насыщению, возможности населения развивающихся государств еще чрезвычайно велики. Связям способствовало удешевление стоимости персональных компьютеров, уменьшение цены подключения, выход к Интернету талантливой молодежи, умелых молодых пользователей глобальной сети.

Специально отметим, что Интернет пришел и в бедный мир. Здесь число пользователей стало увеличиваться в три раза быстрее, чем в развитых странах. В Китае численность пользователей Интернета растет на 50—100 процентов в год. (При этом следует все же учитывать, что численность пользователей Интернета в бедном мире пока не превзошла *одной десятой* численности его пользователей в богатой части, в развитом миллиарде человечества). Сложилась удивительная ситуация, когда бедные представители человечества конкурируют *между собой* за выход в Интернет. Но рост столь весом, что, согласно прогнозам Конференции ООН по торговле и развитию, в случае сохранения нынешних темпов, примерно через пять лет численность пользователей Интернета в развивающихся странах приблизится к численности его пользователей из «золотого миллиарда».

Телефон также в массовом порядке связал значительную долю человечества между собой. Такие развивающиеся страны, как Венгрия, Индонезия, Ботсвана, Южная Африка, шагнули буквально одним махом от неадекватной телефонной сети прошлого в массовое телефонное единство своих стран при помощи мобильных телефонов. В этих странах сотовые телефоны превзошли по численности стационарные телефонные аппараты. Уже в 2002 г. численность пользователей мобильных телефонов здесь превысила численность владельцев стационарных телефонов — 18, 98 владельцев против 17, 95. А к 2006 г. это соотношение резко изменилось в пользу сотовых телефонов.

Как часть глобализационного процесса, путешествия обрели массовость. Значительно увеличилась численность путешествующих азиатов. Китай вошел в число пяти стран, посещаемых наиболее активно. Исключительной популярностью туристов стал пользоваться Ближний Восток. В странах, привлекающих подобное внимание, улучшилась инфраструктура, возросло количество и качество дорог, аэропортов. Единственным регионом, где туризм *сократился*, стали Соединенные Штаты. Проявления терроризма вовне сократили численность путешествующих американцев, равно как и численность посетителей США.

Неэкономические факторы глобализации, такие как мировой туризм и телефонный радиообмен, продолжают осуществлять свое воздействие с возрастающей интенсивностью — несмотря на такие естественные препятствия, как губительные цунами в Индийском океане, утомительные меры безопасности в аэропортах. Более ста государств предоставили десятки тысяч своих военнослужащих для многочисленных миссий ООН — от Восточного Тимора до Дарфура, причем примечательно растущее участие воинских контингентов развивающихся стран, таких как Нигерия, Пакистан, Бангладеш.

Кто воспользовался. К середине текущего десятилетия обозначились облагодетельствованные глобализацией страны. Согласно мнению специалистов, наиболее успешно воспользовалась возможностями глобализации *Ирландия*, прямые инвестиции в которую из-за рубежа составили примерно 25 млрд. дол. Здесь росла информатика и фармацевтика. Компания «Интел» израсходовала здесь миллиарды долларов на создание нового поколения полупроводников. Вторым на подиум *чемпионов глобализации* вышел Сингапур, чьи экспорт и импорт достигли 340 процентов всей экономической активности страны и который в 2003 г. подписал соглашение о свободной торговле с США, подчеркивая свою уверенность в экономике острова.

В Западной Европе находятся шесть из десяти наиболее интегрированных в глобальную экономику стран (Ирландия, Швейцария, Австрия, Финляндия, Голландия и Дания). Если исходить из доли помощи бедным странам в национальном ВВП, то в Западной Европе находятся десять наиболее отчетливо выраженных доноров бедным странам. *Евро* становится все более влиятельной валютой, объединяющей не только Европейский союз.

Лучше, чем Америка, участвовала в глобализации Канада — самая глобально взаимосвязанная экономика в Западном полушарии после Панамы. Канадские компании инвестировали 6,5 процента всех глобальных инвестиций.

В среде развивающихся стран наиболее интегрированным в глобализацию регионом является Юго-Восточная Азия, сумевшая сохранить эти свои качества даже в условиях общего замедления экономического развития и террористического ожесточе-

ния. Помимо Сингапура в верхней половине глобализированных держав находится Малайзия (20-е место по степени глобализации и 8-е по характеристике экономической интегрированностиTM). Обратясь к современной электронике, Малайзия экспортирует больше, чем богатая Австралия, имеющая вчетверо большую экономику. И даже губительное цунами 2004 г. не понизило степень привлекательности Малайзии с точки зрения туризма (в котором Китай занимает все более видное место).

Новая Зеландия (8-е место) и Австралия плотнее, чем прежде, вошли в мировую экономику. Новая Зеландия стала первой по поддержке миротворческих операций ООН (в соотношении к численности населения и национальному валовому продукту). Австралия заняла 20-е место, увеличив при этом в четыре раза австралийскую долю в прямых заграничных инвестициях. Ведущие автомобильные компании, такие как «Форд» и «Мицубиси», избрали Австралию в качестве стартового пункта своей азиатской экспансии. Именно здесь находятся исследовательские центры этих автомобильных гигантов.

Южная Корея впечатляет вторым местом в мире по числу пользователей Интернета на тысячу человек, по объему сделок в Интернет-сети. Япония продолжает удивлять в телекоммуникациях, и она продолжает оставаться наиболее глобализированной страной региона, усиливающей свою активность в деятельности ООН. Максимальные успехи продолжает демонстрировать Китай: постоянное увеличение доли торговли в национальном валовом продукте, хотя по степени глобализированностиTM КНР уступает непосредственным соседям.

В Восточной Европе наиболее привлекательной с точки зрения глобализации оказались Словения (19-е место в мире) и Словакия, в которых наблюдался заметный рост. В Словении уровень иностранных капиталовложений увеличился многократно. Сюда немало инвестировали не только из Западной Европы, но и из Южной Кореи («Хендай»), Следом идут Чехия и Венгрия. Впечатляющей является телефонизация региона.

Панама занимает 27 место (во многом результат свободной зоны торговли — города Колон, который открывает путь в Панамский канал — крупнейший в мире бесплощинный центр, связывающий Латинскую Америку с внешним миром). На Ближнем Востоке и в Магрибе Тунис занял первое место в сво-

ем регионе в торговле несырьевыми товарами. В Африке наилучшие показатели у небольшой Ботсваны, занимающей в мировом списке 30-е место, где доход, благодаря внешним инвестициям, составил 20 процентов ВВП.

Замедление глобализации. Процесс тормозится. В 1998 г. 87 процентов мировых лидеров и 54 процента публики оценивали экономическую глобализацию благоприятным для мира явлением. Несколькими годами позже это отношение изменилось.

После нескольких лет «жирных коров» в 1990-е годы (с их средним ростом экономики в 4.8 процента в год), в новом столетии ослабили главные глобализационные тенденции. При этом самоуправная политика Америки при президенте Дж. Буше-мл. (и общее ослабление экономического ритма развития) сделали перспективы глобализации в середине 2000-х годов *более размытыми*. Мировая экономика в целом ослабила свой бег, экономический рост снизился до менее чем двух процентов. Факт 10—12-процентной безработицы в ключевых странах, таких как Германия и Франция, прискорбен. Этим странам стало не до туризма, не до роста международных контактов.

Страны отпрянули к себе на фоне террористических атак, несанкционированных войн, растущей односторонности действий, очевидных проявлений национального эгоизма. «Черный» Сентябрь укрепил государство, ибо потребовалась его важнейшая функция — обеспечение безопасности. А ведь еще совсем недавно предполагалось, что два основополагающих принципа, на которых стоит государство, — идея *национального* государства и идея жестко структурированного государства, потеряют под собой почву. Будущее виделось в руках неолиберализма и свободного рынка. Но драма 11 сентября перевернула в данном случае очень многое.

Америка встала собственно перед выбором: мировая глобализация или американская империя. И Вашингтон в 2002—2003 гг. выбрал *империю*.

Империя против глобализации. Фундаментальный постулат неолиберализма, что государство и политика должны быть заменены рынком, оказался погребенным новой реальное-

тью. Представителя американского правительства спросили, не противоречит ли выделение дополнительных 40 млрд. дол. на ведение войны в Афганистане провозглашенному администрацией Буша-мл. неолиберализму, и тот ответил, что «национальная безопасность — первостепенный приоритет»¹⁵⁹. Сам президент Буш подчеркнул, что «безопасность важнее нашего оборонного бюджета».

Весной 2002 г. американское правительство явственно отошло от прежнего курса на всемерное снижение таможенных барьеров и прочих препятствий мировой торговле — оно ввело существенные пошлины (до тридцати процентов) на ряд весьма важных импортных товаров, прежде всего на сталь и прочие продукты металлургии. Это прежде всего ударило по металлургическому экспорту Европейского Союза, России, Китая и ряда других стран. (Жертвы американского протекционизма немедленно подали жалобы во Всемирную торговую организацию и предприняли контрмеры).

8 апреля 2002 г. иммиграционные власти США значительно ужесточили порядок получения американских въездных виз, что сказалось прежде всего на абитуриентах и студентах. Стоимость визы россиянам была увеличена вдвое. Страна эмигрантов — Америка — стала более закрытой страной, ошестившейся визовым режимом. Визы в отношении стран СНГ ввели Польша, Венгрия, Чехия в 1990-е годы и десять новых членов ЕС в 2000-е годы.

В то же время встреча богатых и бедных стран в Канкуне (Мексика) в рамках Всемирной торговой организации зашла в тупик, когда бедные страны восстали против политики субсидий, практикуемых богатыми странами в отношении своего сельского хозяйства. Планы в отношении создания «Свободной зоны для обеих Америк» натолкнулись на разногласия в отношении правил интеллектуальной собственности и инвестиционного законодательства. В возобновившейся конкурентной борьбе Соединенные Штаты и Европейский союз нанесли друг другу ощутимые удары. Война против терроризма укрепила неэкономические рычаги воздействия стран друг на друга. Пакт стабильности внутри ЕС рухнул, и все попытки весной 2005 г. ограничить бюджетные дефициты не привели к желаемому

консенсусу. Война в Ираке привела к противостоянию среди главных индустриальных зон.

Все это привело к тому, что *после 1999 г. четко обозначилась спад интеграционных тенденций на глобальном уровне*. Крах аргентинского рынка стал показательным. Террористические атаки в Индонезии и Кении оставили после себя всеобщее опеченение. Ощутимым было воздействие волны забастовок (рабочих доков и пр.). Связующие организации и процессы общемирового значения ослабили свою хватку, провоцируя взаиможесточение.

Отметим ослабление ритма *прямых иностранных капиталовложений*, резкое ослабление межгосударственных валютных потоков. Поразительное явление потенциальной глубины грядущих конфликтов обозначилось в обострении экономических противоречий. Прямые иностранные инвестиции начали уменьшаться на 40 процентов в 2001 г., на 21 процент в 2002 г., и эта тенденция захватила всю первую половину 2000-х годов. Нижайшая точка — 2002 год, когда был инвестирован всего 651 млрд. дол.¹⁶⁰. Прямые иностранные капиталовложения уменьшились в 108 странах. (Особенно заметна доля падения иностранных капиталовложений в Соединенных Штатах и Британии.) И это вопреки тому, что в 70 странах были приняты сотни законов, увеличивающих внешнее финансирование.

Фондовый рынок отступил в таких странах, как США, Германия, Бразилия, не говоря уже о таких жертвах глобализации, как Аргентина. А *треть* свободного капитала стал размещать за своими границами новый «суперинвестор» — Китай.

Буш против глобализации. Президентство Дж. Буша-мл. стало большим ударом по глобализации. Его иракская авантюра последовала вослед уже нанесенным по атлантической солидарности ударам, о которых говорилось выше, — введению в 2002 г. тарифных ограничений на европейскую сталь в ответ на обильные субсидии и без того не бедствующему американскому сельскому хозяйству.

Неоконсервативная администрация США нанесла удары по глобализации не только экономическими рычагами. Не менее чувствительным был отказ Соединенных Штатов, Чили,

Китая и Израиля присоединиться к работе Международного суда по уголовным преступлениям (38 других стран, включая почти всю Европу, выступили за создание этого суда и в поддержку его прерогатив).

За последнее десятилетие сокращение потока иностранной валюты в европейский регион было менее внушительным, чем в Соединенные Штаты (20 процентов против 60 в США). Скандинавские страны (кроме Финляндии) опустились по шкале глобализационности несколькими ступенями ниже. Наихудшие результаты в глобализации показала в данном регионе Греция (26-28 места), но она была активна на Балканах.

Соединенные Штаты заняли по глобализационной вовлеченности в начавшемся столетии *седьмое* место в мире. Но Америка настроена категорически против таких глобальных предприятий, как Договор о запрете минирования, что привело США к 60-му месту в мире по степени позитивного отношения к международным договорам. Мексика осталась на 45 месте, получая при этом от своих выехавших на закордонные работы эмигрантов более 10 млрд. дол., что вдвое превышает мексиканские доходы от сельскохозяйственного экспорта. Общенациональной проблемой в США, начиная с весны 2006 г., стало отношение к амнистии нелегальных иммигрантов. Вдоль Рио-Гранде стали строить пограничную стену. Свободе перемещения был нанесен критический удар.

Наименее интегрированной страной Юго-Восточной Азии становится Индонезия. В ее экономике глобализирующим фактором является туризм, в котором занято более 7 миллионов человек и который дает 5 процентов национального валового продукта. Туризму нанес значительный ущерб взрыв на самом популярном индонезийском курорте Бали. В Северо-Восточной Азии примечательно ослабление привлекательности Японии (29-е место), Южной Кореи и Тайваня для главных мировых инвесторов. Китай невпечатляющ в области международной помощи (уровень Чешской республики). Он подписал меньше договоров и участвовал в меньшем числе организаций, чем ведущие глобализированные державы.

Худшие показатели у Украины — 43-е место. Наименее глобализированным регионом Земли является Южная Азия во

главе с гигантом Индией (61-е место), потрясенной межконфессиональной борьбой, ослаблением инвестиционного потока. Светлое пятно — растущая численность пользователей Интернета (хотя и составляющих всего 2 процента населения страны). Своего рода жертвой глобализации является Латинская Америка, где резкие девальвации валют в Бразилии и Аргентине нанесли удар по национальной экономике. Импорт снизился в свете поднявшихся цен на импортные товары и услуги. Наименее интегрированная страна региона — Венесуэла, и это несмотря на огромный нефтяной экспорт.

Отрицательным было воздействие глобализации на Ближний Восток и Северную Африку. Здесь высоки тарифные барьеры. Войны в регионе сказались на степени вовлеченности в мировую экономику. Сюда с большим трудом идут зарубежные инвестиции. Египет (60-е место) держится за счет массивной американской помощи. Договорные связи минимальны, инвестиции более чем скромны. При всем нефтяном богатстве Саудовская Аравия занимает лишь 41-е место по уровню глобализированное™ (неконкурентоспособность местной промышленности заставляет бежать привлеченный внешний капитал).

Но подлинное несчастье — положение огромного и растущего населения Африки. Инвестиционные потоки сюда практически иссякли. Помощь неадекватна, экономическое развитие буквально остановилось. Численность пользователей Интернета уменьшается даже в прежде несколько лучше выглядевшей Южной Африке. Связи с внешним миром едва ли не замерли. Несколько увеличился туризм. Но общее бедственное положение поразительно. Находящаяся на 54-м месте Кения оказалась в наихудшем положении, засуха фактически погубила кенийское сельское хозяйство, на которое приходится 53 процента экспорта страны; некогда процветающий туризм (когда-то бывший самой большой статьёй дохода) едва теплится. Даже в «процветающей» Ботсване 35 процентов населения заражены вирусом СПИДа. Это покинутый Богом и людьми край, который требует немедленной помощи.

Обобщенно оценивая картину глобализации, следует видеть главное: едва ли мир будет «ожидать» тот момент, когда мировые связи будут равнозначны прогрессу. Ныне — по оцен-

кам собственно западных специалистов, — в странах, занимающих нижние десять мест «списка степени глобализованности», а это Иран, Индия, Египет, Индонезия, Венесуэла, Китай, Бангладеш, Турция, Кения, Бразилия, — живет более половины мирового населения. Эти страны в высшей степени уязвимы перед внешним давлением и грузом внутренних проблем, перед коварной переменчивостью рынка, ценами на базовые ископаемые, наличием рынка сбыта их экспорта. Многие из них страдают от субсидируемого «суперэффективного» сельскохозяйственного производства развитых стран, пресекающих любые попытки пробиться на мировой сельскохозяйственный рынок.

Перспективы. Перспективы глобального сближения никак не воодушевляют. Встреча богатых и бедных стран в 2003 г. в рамках Всемирной торговой организации в Канкуне (Мексика) окончилась провалом именно тогда, когда развивающиеся страны потребовали от развитых стран сократить субсидии своему сельскому хозяйству. Министр иностранных дел Германии И. Фишер так суммировал угрозы будущего: «Мы должны шире посмотреть на угрозу безопасности — формирование глобализационного процесса честным образом».¹⁶¹ В противном случае, если глобализация будет просто сводиться к обнищанию правительств, сокращению социальной помощи, лишению рабочих массы условий здоровой жизни, если жизнь станет, словами английского философа Гоббса, «отвратительной, жестокой и короткой», сам процесс глобализации может остановиться, как это уже было в 1914 году.

Россия, находящаяся по продолжительности жизни между Египтом и Индонезией, является страной, чье вбрасывание в рынок обескровило некогда могучую державу. От самой России зависит, сможет ли она стать чемпионом в таких отраслях, как авиация, сможет ли она ворваться в глобализованный мир.

Процесс глобализации, несмотря на всю свою мощь, может быть существенно заторможен или даже повернут вспять. Если не говорить о новой мировой войне, которую мы считаем маловероятной, остановить глобализацию может только грандиозная по своим масштабам пандемия. Другие катастрофы, например атаки террористов, могут лишь замедлить ее ход.

По мнению некоторых экспертов, появление новой пандемии — лишь вопрос времени. Вспомним, как вирус гриппа унес в 1918—1919 гг. 20 миллионов человеческих жизней. Если подобные эпидемии вспыхнут в мегаполисах развивающегося мира со слабо развитой системой здравоохранения — в африканских странах, расположенных к югу от Сахары, Китае, Индии, Бангладеш или Пакистане, они будут опустошительными и смогут быстро распространиться по всему миру. Глобализация окажется под угрозой, если счет жертв в некоторых важнейших странах пойдет на миллионы, а распространение заболевания приостановит на длительный период перемещение людей и товаров по земному шару и заставит правительства тратить колоссальные средства на медицинские цели. Как бы то ни было, реакция на атипичную пневмонию (SARS) показала, что международный надзор и механизмы контроля совершенствуются и все более эффективно сдерживают распространение болезней, а новые достижения биотехнологии позволяют надеяться на дальнейшие успехи в борьбе с ними.

Замедление глобализации может быть также связано с распространением ощущения экономической и физической нестабильности, побуждающего правительства вводить ограничения на потоки капитала, товаров, людей и технологий, а следовательно, сдерживать экономический рост. Подобным образом они могут реагировать и на атаки террористов, которые способны унести жизни десятков или даже сотен тысяч людей в отдельных американских и европейских городах, или на масштабные кибернетические атаки на информационные технологии. Пограничный контроль и ограничение технологического обмена могут привести к удорожанию сделок, послужить препятствием для инноваций и экономического роста. Аналогичные ограничительные меры могут быть связаны с отрицательными реакциями на глобализацию, вызванными, с одной стороны, нежеланием управленцев из богатых стран прибегать к аутсорсингу, а с другой — сопротивлением бедных стран, народы которых считают себя жертвами глобализации.¹⁶²

Социальные структуры этих развивающихся стран будут трансформироваться по мере того, как экономический рост будет способствовать расширению среднего класса. В перспекти-

ве этот процесс может иметь далеко идущие последствия и, если не будет прерван, позволит традиционно более бедным странам активнее участвовать в глобализации и пользоваться ее плодами.

Глава 3

ВВЕРЖЕНИЕ В ХАОС

Третья волна перемен обрушивается на человечество вследствие ослабления внутренних структур у самых дисциплинированных общественных механизмов последних столетий — суверенных государств. Хотя государство-нация — сравнительно недавняя форма человеческого общежития (государство-нация было продуктом индустриальной революции XVIII века, результатом уникальных сочетаний исторических условий), гражданская дисциплина подданных государств все Новое время была наиболее обязующим и обеспечивающим порядок фактором. Важнейшим обстоятельством, влияющим на современность (и решающим образом воздействующим на будущее), является явственное ослабление государства по мере вхождения человечества в современную — третью научно-техническую революцию.

Национальное государство останется важнейшим конструктивным элементом мирового порядка, однако экономическая глобализация и распространение технологий, в первую очередь информационных, приведет к колоссальному росту нагрузки на национальные правительства. Рост коннективности будет сопровождаться массовым возникновением виртуальных сообществ со своими собственными интересами, что весьма ослабит эффективность государственной власти. В частности, Интернет приведет к возникновению мировых движений, которые могут стать заметной силой в международных отношениях.

Давление на государство будут также оказывать новые разновидности проявлений религиозной самоидентификации. В

стремительно глобализующемся мире, при серьезном изменении состава и численности населения, верующие станут обращаться к религиозной самоидентификации как к якорю спасения в тяжелые времена, что особенно важно для эмигрантов. В частности, **в ближайшие 15 лет существенное влияние на мировую ситуацию будет оказывать политический ислам, объединяя разнообразные этнические и национальные группы и, возможно, даже становясь источником власти, выходящей за пределы национальных границ.** Сочетание ряда факторов — переизбыток молодежи во многих арабских странах, неблагоприятные экономические перспективы, влияние религиозного образования и исламизация таких институтов, как профсоюзы, неправительственные организации и политические партии — станет гарантией того, что ислам будет по-прежнему серьезной силой.

Уникальные условия доминирования *государственной* формы исчезают. Мощь и возможности государств-наций контролировать свою судьбу уменьшаются. Современные тенденции подрывают государство и систему государств. Процесс ослабления государственного организма касается даже самых могущественных государств. «Сама концепция нации, — пишет американец Д. Риеф, — находится под ударом с множества сторон... Возможно и даже вероятно, что первые десятилетия нового века будут эрой ускорения эрозии мирового порядка, построенного на системе государств»¹⁶³. Как без обиняков пишет американец В. Райнеке, государство «потеряло монополию на внутренний суверенитет, оно стало принадлежностью прошлого»¹⁶⁴.

Нынешний мир неспокоен. 26 процентов землян ожидают прихода эпидемий. 31 процент предсказывает коллапс доллара, 30 процентов не верят в решение иракского кризиса. 53 процента землян ожидают ухудшения репутации Америки в мире. А худшим — опаснейшим городом считается Мехико-сити¹⁶⁵.

Политическая идеология или национализм. Может ли нация держаться только на стержне политической идеологии? 11 сентября 2001 г. окончательно показало, что *нет*. По меньшей мере на этот счет появились весомые сомнения. На глазах

у всех развалились страны, основным объединительным стержнем которых была идеология. И в то же время огромный Китай с увядающей идеологической основой все больше опирается на традиционный ханьский национализм.

Осознание буквально катастрофических перемен стало острым после 11 сентября, когда уязвимость Америки была продемонстрирована со всей очевидностью. Не меньшее значение имеет и то обстоятельство, что стало ощутимым воздействие иммиграции на совокупность демократических ценностей американцев: 1) под ударом оказалась англосаксонская политическая культура; 2) мультикультурализм стал угрожать единству страны самым видимым образом. Как пишет С. Хантингтон, «мультикультурная Америка со временем станет страной с множественным политическим кредо, состоящей из этнических групп, имеющих самые различные культурные основания, определенно особенные политические ценности и принципы, основанием которых будут очень различные и особенные культуры. Мультикультурная Америка со временем станет страной с множественным политическим кредо»¹⁶⁶.

Государства теряют свою национальную идентичность по нескольким причинам.

Во-первых — и прежде всего — гражданское общество перестает видеть в государстве главную и незаменимую форму общественной организации. Кризис государства сказывается, в частности, в том, что ослабляется гражданская лояльность, «приверженность флагу» — всем государственным атрибутам. 34% американцев не доверяют своему правительству. Согласно опросам общественного мнения, падение доверия к правительству зафиксировано в 11 европейских странах¹⁶⁷.

Во-вторых, растет давление негосударственных организаций. В 1909 году в мире было 37 межгосударственных международных организаций и 176 негосударственных международных организаций, а в конце века межгосударственных международных организаций стало уже 260, а негосударственных международных организаций — 5472¹⁶⁸. Если в середине девятнадцатого века в мире за год созывались две или три международные конференции, то ныне в год созывается более 4000 международных конференций¹⁶⁹. Такие организации, как G-8, ЕС,

МВФ, ОПЕК, МЕРКОСУР и пр., принимают на себя ряд функций международных субъектов, попирающих самостоятельность суверенных держав.

В-третьих, интересы их экономической экспансии начинают вступать в противодействие с прежним «священным» желанием четко фиксировать свои национальные границы. Их банки не контролируют более национальную валюту. Они подвергаются нашествию потоков иностранной валюты, приступам террористов, потоку наркотиков, радиоволнам самой различной информации, приходу разнообразных религиозных сект. На государственный суверенитет воздействует хотя бы тот факт, что полмиллиарда туристов посещают ежегодно самые отдаленные уголки планеты. По мнению одного из наиболее видных пророков упадка государств-наций в XXI веке — японца Кеничи Омае, потребности экономического роста не сочетаются со святынями национальной суверенности, национальные границы препятствуют экономическому росту и в целом общественной эволюции. Он предсказывает создание «естественных экономических зон» или «региональных государств», которые сметут мощь прежних национальных столиц¹⁷⁰.

В-четвертых, такие социоэкономические факторы, как новые условия мировой торговли или один лишь возросший поток бедняков из бедных стран в богатые, изменяют характер суверенного государства. Как может быть сохранен суверенитет государства в условиях, когда «многонациональные корпорации настаивают на том, что фундаментальной реальностью Интернета является отсутствие каких-либо ответственных за поток информации? И как сплетение государственной власти с националистической мифологией будет возможно в эпоху массовой миграции?»¹⁷¹

«Децентрализация знаний, — пишет историк П. Кеннеди, — работает в пользу индивидуумов и компаний, а не в пользу наций. Мировые финансы в их свободном разливе неостановимы, и трудно представить, как их можно контролировать. Огромные многонациональные корпорации, способные перемещать ресурсы из одного конца планеты в другой, являются подлинно суверенными игроками мировой сцены. Перемещение наркотиков и международных террористов также являет собой

угрозу традиционным государствам. (Напомним, что торговля наркотиками дошла до 300 млрд. дол., а организованная преступность стала наиболее острой мировой проблемой¹⁷². — А. У.). Кризис окружающей среды, рост мирового населения, неконтролируемая переливаемость нашей финансовой системы ведут к тому, что государства попросту входят в состояние коллапса»¹⁷³.

Подрыву авторитета государств (на что все активнее указывают алармисты) способствует быстро растущая опасность со стороны международного терроризма. Доступ к самой передовой технологии, к прежде недоступной современной технике, оказавшийся возможным благодаря распространению технологии, в огромной мере облегчает вооружение даже небольшой группе фанатиков, террористов, приверженцев любой экстремальной идеи — деструктивным общественным силам. Этот процесс крайне болезнен и таит в себе опасности. Видя отступающее государство, гражданин теряет четкое представление о лояльности. Как пишет американский специалист С. Стрейндж, «в мире многосторонней, претерпевшей диффузию власти наше собственное сознание становится нашим единственным компасом»¹⁷⁴. Это сознание ищет солидарное культурное окружение, а не старинную лояльность к узкочиновничьим структурам.

Суверенитет. Но еще более грозная сила наносит государственным системам удар с другой стороны — со стороны вышедшего на историческую арену в качестве основополагающего этнического самоутверждения всех возможных видов. Словно проснулись демоны, спавшие историческим сном.

Принцип национального самоопределения был отчетливо выражен президентом Вудро Вильсоном восемьдесят лет назад: «Каждый народ имеет право избирать ту форму суверенности, которая для него предпочтительна». Предтечи предупреждали. Размышляя о самоопределении на финальной стадии Первой мировой войны, государственный секретарь США Р. Лансинг записал в дневнике: «Эта фраза начинена динамитом. Она возбуждает надежды, которые никогда не будут реализованы. Я боюсь, что эта фраза будет стоить многих тысяч жизней»¹⁷⁵. Но главенствовать этот принцип стал тогда, когда историческая па-

мать о нем (рассчитанном на конкретную цель — развал противостоящей Австро-Венгрии) стала почти забываться. При этом историческая память народов начала как бы ослабевать, и уже не все помнят, что случилось с распавшимся Китаем в 1920-х годах и во время культурной революции, «с многими африканскими государствами после получения ими независимости, с современной постсоветской Россией»¹⁷⁶.

Да, на флаге Соединенных Штатов первоначально было 13 звезд, означающих численность вступивших в союз штатов. Сейчас их пятьдесят и образовались они из территорий, принадлежавших прежде Британии, Франции, Испании, России, Канаде, Дании, Японии, Мексике, Гавайям, Германии. В последний раз граница между Мексикой и Соединенными Штатами изменялась в 1963 году, а морская граница между ними была одобрена конгрессом США только в 1997 году. Но президент Линкольн нанес незабываемый удар по принципу *сецессии*, по любым попыткам подорвать единство своей страны. Увы, другие государства не имели его решимости. И ныне большинство американских лидеров, по словам гарвардского исследователя Х. Энрикеса, «едва ли всерьез рассматривает возможность того, что нынешние американские границы могут сократиться или исчезнуть. Но менталитет «этого случиться здесь не может» покоится на становящемся все менее прочным основании. В пике популярному восприятию приливная волна сецессионизма, обрушившаяся на весь мир сегодня, является не только продуктом древних националистических импульсов и катастрофических социальных волнений. Она подвижна и глобализацией, которая не оставляет нетронутой ни одну страну мира»¹⁷⁷.

Полагаем, дело скорее не в глобализации, а в примере и поощряющей силе, продемонстрированных двумя крупнейшими европейскими государствами. Этническое самоутверждение всех видов наций и национальностей последовало за феноменальным проявлением этнического самоутверждения Германией и Российской Федерацией в 1989 году. Порожденная объединением Германии и провозглашением суверенности России цепь этнических выделений создала поток, способный привести к распаду даже самые устоявшиеся общества. Если в 1914 году в Европе было 26 государств, в 1922 году — 33, в 2006 году —

46 государств (15 из них возникли после провозглашения суверенитета России).

В XXI век международная система пришла с возникшей в Африке Эритреей. Шотландия и Уэльс проголосовали за создание собственных парламентов, снова взорвался Ольстер, продолжается война с курдами, в огне Кашмир, на виду у всех бомбили суверенную Югославию, фактически отделили Косово, разваливается Македония.

Дипломатия, сопровождавшая вторжение Вашингтона в Месопотамию, была поверхностной и излишне самоуверенной. Ее курс измарал всякую легитимность начала войны и, соответственно, ограничил степень международной поддержки вторжения. Но даже западный мир, его безусловное большинство, осуждал «односторонность» Вашингтона, называя *rogue state* не Ирак, а Соединенные Штаты. Увы, для тех из американцев, которые были в Ираке и наблюдали эволюцию этой страны, было ясно, что Соединенные Штаты вмешались далеко не в краткосрочную операцию. И по международным законам незаконную.

Римская болезнь. Если корень угрозы — в недовольстве последствиями модернизации, если питательной средой для терроризма и насилия становятся нищета и обездоленность, то эффективным лекарством от этой болезни должен стать экономический рост и более справедливое распределение богатства. Если же, напротив, все дело в глубочайших культурно-цивилизационных различиях, то, как полагает американский историк Гарольд Джеймс, «единственной адекватной реакцией должна быть имперская завоевательная политика». Сегодняшние дискуссии вращаются вокруг этих полярных точек зрения. «Вопрос ставится так: что делать промышленно развитым странам с «варварами», вставшими у ворот: откупиться от них или одолеть силой оружия? Оба эти варианта представляют собой разные элементы старого «римского рецепта»: покорить «варваров», а потом дать им процветание. Первый элемент символизирует «воинственное высокомерие», второй — «высокомерие покровительственное». И в том и в другом случае средство достижения цели — усилить гегемонию и модернизацию»¹⁷⁸.

Вторжение американских и союзных с ними войск в 2003 г. в долину Тигра и Евфрата, осуществленное в лучших римских традициях, многое изменило на Ближнем Востоке. *Во-первых*, изменился Ирак, и изменилось соотношение сил на Ближнем Востоке.

Во-вторых, Ирак разделил арабский мир: арабская умма изменилась после американского вторжения. Возросла критика проамериканских режимов, и понизилось доверие к этим правительствам.

В-третьих, обнаружилось отсутствие масштабного видения у американского правительства. Возросло единство арабской уммы, Потеряли свою реалистичность американские планы (демократизация и т.п.) .

В-четвертых, возросла политическая нестабильность в арабских странах, что сказывается на положении Соединенных Штатов в регионе. Нападения на американские войска стали нормой для окружающих Ирак стран.

В-пятых, Ирак объединил официальный ответ арабского мира. Основные арабские столицы находились в недоумении — они не знали, как реагировать на американскую битву в Ираке. Высокую цену платят как те, кто поддерживает США, так и те, кто им противостоит. Официально преобладает поддержка Америки; неофициально растет недовольство. Многие страны полагают, что крушение Ирака ставит их «следующими» в очереди американских жертв.

В-шестых, Ирак расколол американское общество. Этот раскол имел место еще до начала войны, но он стал гораздо более видимым после вторжения. Многие общенациональные опросы, проведенные в США, делают очевидным, что сомнения в рациональности войны вызывают массовое недовольство. Население спрашивает о судьбе обещанного оружия массового поражения, которое Ирак должен был использовать в течение нескольких часов *после начала* войны.

В-седьмых, Перед американским народом встал вопрос о мнимых связях официального Багдада с Аль-Каидой. В результате возросло мнение, что война не сделала положение Америки более надежным и безопасным. (Хотя неоконсерваторы продолжают отстаивать противоположную точку зрения).

Но не менее важно отметить, что погруженный в огонь Ирак *меняет* весь мир. Роль ООН пала самым очевидным образом. Такие страны, как Франция и Германия, заняли позицию, противоположную американской. Противоречия довольно быстро вышли за пределы Ирака. Усилился антиевропейский элемент в американском видении Европы. Такие американские идеологи, как Пол Кеннеди (2003) и Роберт Каган (2003) утверждают, что Европа неспособна противостоять Америке, если даже нефть региона будет жизненно нужна европейской индустрии.

Ирак интенсифицировал проблему терроризма. Односторонние действия Соединенных Штатов обострили проблему гуманитарных несчастий. Изменилась сама концепция военной мощи. Война в Ираке изменила все основные представления о параметрах мощи. Эта мощь не замиряет послевоенный Ирак и не примиряет его основные общины — шиитов (67 процентов населения), суннитов и курдов. Высокотехнологичное оружие не может соревноваться с довольно примитивной ракетой, стоимостью в 5 тыс. дол., которая сбивает самолет, стоимостью 50 млн. дол.

В такой ситуации возможны все сценарии.

Почти всем стало ясно, что этнические конфликты решительно заменили один большой — противостояние Востока и Запада. Вместе с Херстом Ханнумом из Тафтского университета мы можем смело сделать вывод: *«Словесная дань уважения еще отдается принципу территориальной целостности, но распад в течение десятилетия Советского Союза, Югославии, Чехословакии и Эфиопии видится многими протонациями, претендующими на национальное самоопределение, как самый важный прецедент»*¹⁷⁹.

Выводы. Каковы выводы на XXI век? Все большее число специалистов на Западе признают, что *«столетний опыт взаимоотношения движений националистического самоопределения и демократии остается все более проблематичным»*TM. И в этом смысле по меньшей мере *«дипломатия Бонна создала чрезвычайно настораживающий прецедент... Послание, полученное Любляной, Загребом и всеми, кто того желал, значило, что принцип самоопределения может легитимно крушить*

многонациональные государства»^{^^}. А наилучший способ добиться помощи — «вызвать оборонительную войну, а с нею и международную симпатию, за которой следует дипломатическое признание»^{^2}. По крайней мере, в начале XXI века остается еще неясным, будет ли коллективная политическая воля цивилизованных государств «благосклонно относиться к стандартам гражданских прав, которые несет с собой самоопределение, требующее легитимизации суверенной государственности»[^]. И ни международные юристы, ни историки не видят возможности выработки надежно проверяемых критериев, «оправдывающих» сецессию. Общая линия рассуждения специалистов идет по следующему руслу: «Необходим континуум компенсационных мер, начинающихся с защиты прав личности, переходящих в защиту прав меньшинств и оканчивающихся сецессией исключительно в крайнем случае»⁶⁴. Стоит ли в таком случае обращаться к революционному насилию?

Великий Карл Поппер, идеолог философского рационализма, не знал на этот счет сомнений: «Национализм взывает к нашим племенным инстинктам, к страстям и предрассудкам, к нашему ностальгическому желанию освободить себя от груза индивидуальной ответственности»[^]. А ведущий английский авторитет в данном вопросе Альфред Коббен и вовсе не допускал двусмысленности: «Самоопределение потеряло свою историческую релевантность»^m. Один из ведущих экспертов по данному вопросу Энтони Смит подчеркивает, что возникновение новых и новых малых государств «имеет тенденцию производить широкий поток беженцев, эмигрантов, потерявших ориентацию в жизни людей»^{x%1}.

Даже «апостол» самоопределения Вудро Вильсон полагал, что в случае наличия у данной группы населения полных политических прав на личное избирательное волеизъявление, «внутреннего» самоопределения уже достаточно для защиты групповой идентичности. Американские авторитеты с уверенностью указывают на каталонцев, шотландцев, уэльсцев, индийских тамиллов, квебекцев. Но, если оставить «национальное самоопределение» тем, чем оно является сейчас, — самозванным надгосударственным приоритетом 90-х годов, то самоуспокоение безусловно является преждевременным. Первый же поход оранжистов по католическим кварталам пробудит старых демонов.

Превратность национализма. Когда интеллектуальное бессилие достигает апогея, жрецы мира и благополучия прибегают к референдумам и плебисцитам, как бы совершенно не ощущая, что носитель данного культурного кода дает на референдуме ответ вовсе не на «тот» вопрос. Он отвечает своим эмоциям — любит ли он свою общину, язык, традиции. И еще до проведения любого референдума ясно, что любит. Гражданин выступает уже не как гражданин данной страны, а как сын своего этноса — и отказать ему в сыновней любви просто невозможно. Но он не опускает свой голос за фанатика, который завтра воспользуется *его кроткой* или не кроткой любовью и превратит привязанность к своему в ненависть к чужому.

Мир просто обязан думать о мире, в котором растет всеокрушающая сила. Опыт человеческого общежития вопиет против благодушия в деле, которое повсеместно оказывается кровавым, которое на наших глазах унесло больше жизней, чем вся холодная война. Исторический учебник любого народа скажет читателю, что едва ли не каждое государство на Земле было основано в результате завоевания. Значит ли это, что человечество ничему не научилось, что понятие «цивилизация» существует для энциклопедий, что кровь прошлых столетий должна звать к новым кровопролитиям? Никто и никогда не мог (и никогда не сможет) определить объем той дани, которую якобы должны заплатить завоеватели за несправедливость прошедших веков. Подлинной «расплатой» является гражданское равенство, а отнюдь не право крушить эмоциональный, интеллектуальный, культурный и экономический мир, созданный потом и кровью строителей, защитников, а не исторических злодеев. *«Если мы будем сражаться с прошлым, — говорил Черчилль, — мы потеряем будущее».*

Будущее: священность границ или самоопределение. Главные действующие лица на мировой арене и мировые организации начиная с ООН будут в XXI веке стоять перед необходимостью выработки отношения к центробежным силам современного мира. И если сейчас не будут найдены базовые правила, то термоядерной реакции этнического распада нет предела. Согласно мнению Х. Ханума, *«важно отвергнуть утвержде-*

ния, что каждый этнически или культурно отличный от других народ, нация или этническая группа имеет автоматическое право на свое собственное государство или что этнически однородные государства желательны сами по себе. Даже в тех условиях, где гражданские права соблюдаются, глобальная система государств, основанных преимущественно на этническом принципе или на исторических претензиях, определенно недостижима»^m. В любом случае обособление одной национальности будет означать попадание в якобы однородное окружение новых этнических меньшинств. История всегда будет делать *ПОЛНЫЙ* круг — пусть на меньшем, но столь же значимом — витке исторической спирали! Снова определится этническое большинство и сработает прежний стереотип: добиваться прав не за счет равенства, а за счет сепарации.

Все так называемые «права» на сепарацию *никогда* не признавались международным сообществом как некая норма. Международное право не признает права на сепарацию и не идентифицирует (даже в самых осторожных выражениях) условий, при которых такое право могло бы быть отстаиваемо в будущем. К примеру, Северный Кипр в своем новом качестве существует значительно дольше, чем совместное проживание турецкой и греческой общин, но мировое сообщество так и не признало северокипрского государства, равно как инкорпорации Индонезией Восточного Тимора или претензий Марокко на Западную Сахару.

Наивными теперь видятся все те, кто десятилетие назад провозглашал «конец истории», кто воспевал общемировую взаимозависимость, глобализацию международного развития, Интернет и CNN, экономическое и информационное единство мира. Оказывается, что преждевременная модернизация сознания отрывает его от реальной почвы. А реальность — это то, что встав на дорогу главенства принципа национального самоопределения, мир делает двадцать первый век временем, когда на карте мира возникнут еще двести государств и процесс их образования (а отнюдь не Интернет) будет смыслом существования нашего поколения, и следующего, и еще одного.

Определенная часть американского истеблишмента уже ведет серьезную подготовку к такому повороту мировой исто-

рии, к *приятно* «самоопределяющей» фазы как неизбежной. Бывший председатель Национального совета по разведке Центрального разведывательного управления США Г. Фуллер даже не питает сомнения в будущем: *«Современный мировой порядок существующих государственных границ, проведенных с минимальным учетом этнических и культурных пожеланий живущего в пределах этих границ населения, ныне в своей основе устарел. Поднимающиеся силы национализма и культурного самоутверждения уже изготовились, чтобы утвердить себя. Государства, неспособные удовлетворить компенсацию прошлых обид и будущих ожиданий, обречены на разрушение. Не современное государство-нация, а определяющая себя сама этническая группа станет основным строительным материалом грядущего международного порядка»*. В течение века, полагает Фуллер, произойдет утроение числа государств — членов ООН. И остановить этот поток невозможно. *«Хотя националистическое государство представляет собой менее просвещенную форму социальной организации — с политической, культурной, социальной и экономической точек зрения, — чем мультиэтническое государство, его приход и господство попросту неизбежны»*¹⁹.

Те, кто думает о будущем, не могут не понимать, что смещение мирового восприятия к главенству этноцентризма не пощадит никого. Скажем, преобладающей становится точка зрения, что после неизбежного коллапса коммунистической системы в Китае Пекин не сумеет удержать в рамках единого государства исход жителей Тибета, уйгуров и монголов, Индия — Кашмир. И это только верхушка айсберга, поскольку практически все современные государственные границы являются искусственными в том смысле, что все они (включая, скажем, кажущиеся после Линкольна прочными, американские — по признанию самих американцев) — искусственны. И, если не остановить гегемонизацию принципа национального самоопределения, более того, придать ему характер главного демократического завоевания, то можно с легкостью предсказать судьбу тамилов, майя, палестинцев — и так до конца списка.

Главная жертва происходящего глобального переворота — суверенное государство. Недавно получившие независимость

государства обречены распасться уже актом их собственного обращения к принципу главенства национального самоопределения. И сколько бы ни кивали на спасительную глобализацию, неизбежно будут приобретшие и потерявшие, а при господстве идеи самоопределения это только ускорит распад как образ жизни человечества в двадцать первом веке.

Не счесть сопровождающих торжество принципа самоопределения потерь. Сразу же идет рост безработицы, развал городского хозяйства, забытие экологии, примитивизация жизни, несоответствие нового государственного языка нормам современной технической цивилизации, крах социальной взаимопомощи. Может быть, самое печальное в том, что процессу нет даже приблизительного конца. Американский специалист спрашивает: *«Небольшая Грузия получила независимость от Москвы, но сразу же ее северо-западная часть — Абхазия — потребовала независимости. Кто может гарантировать, что северная мусульманская Абхазия не потребует независимости от южной христианской Абхазии?»*^m А северяне-эскимосы Квебека? Если принцип самоопределения взят за основу, не может быть никакого консенсуса по вопросу *«кому давать, а кому не давать»* атрибуты государственности. Американцы сами говорят, что президент Клинтон теперь уже не пошлет войска в Калифорнию, пожелай она государственной обособленности. Линкольн жил во времена господства другого принципа в качестве главенствующего. Помимо прочего, государство ныне очень уязвимо — в условиях наличия столь мощной и софистичной технологии, если решимость воинственного меньшинства превышает «гуманную норму». Если само центральное правительство признало главенство принципа национального самоопределения, то ему весьма трудно найти нового генерала Шермана — он не пойдет жечь Атланту, поскольку дискредитирован с самого начала.

Но часть американских специалистов призывает «главные державы, включая Соединенные Штаты (склонные искать стабильность в любой форме, поскольку это защищает полезный статус-кво), прийти к осознанию того факта, что *мировые границы неизбежно будут перекроены*»¹⁹¹.

Необратим ли процесс? Мир должен принять трудное, но обязательное решение: территориальная целостность государства или, опираясь на Организацию Объединенных Наций, солидарность пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН; сила, которую черпал А. Линкольн, противостоявший даже демократически выраженной южными штатами сепаратизму, или национальное самоопределение. В XXI веке должен быть сделан выбор. Пока же мир, по определению профессора Колледжа армии США Стефена Бланка, «делает попытки вытеснить на обочину ужасную дилемму выбора между территориальной целостностью государств и национальным самоопределением»¹⁹².

Грядущее. Принципом самоопределения руководствуются косовары в Косове, курды на Среднем Востоке, жители Восточного Тимора, сторонники шотландского парламента, жители Ириана, Квебека, Северной Ирландии, албанцы в Македонии, курды и шииты в растерзанном Ираке и прочие борцы за национальное самоопределение. Молчаливое поощрение — или непротивление мирового сообщества — привело к тому, что «мир стал полон диссидентствующих провинций, желающих автономии и суверенитета»¹⁹³.

Пробудившаяся колоссальная тяга к национальному самоопределению начинает раздирать на части даже самые стойкие, исторически сложившиеся государства, даже те из них, которые всегда воспринимались как символы национального единства (такие, как Британия и Франция). Волна национального, националистического самоутверждения, поднявшаяся в 1989 году и создавшая, как уже говорилось, 22 новых государства только в Восточной Европе и на территории прежнего Советского Союза, катится вперед, в будущее, захватывая все новые страны и континенты. Перед глазами пример суверенных республик Югославии и Ирака, чья судьба была проигнорирована даже оплотом независимых государств — Организацией Объединенных Наций.

За последнее десятилетие XX века суверенность самостоятельных стран подверглась воздействию революционного самоопределения, хотя в XXI веке нет и определенно не будет общего для всех определения нации. Что связывает нацию бо-

лее всего? Язык? Но у сербов и хорватов он единый. А Индия с ее семнадцатью языками — без единого преобладающего — сохраняет единство. Религия? Протестанты и католики являются лояльными гражданами одной Германии. В то же время общий ислам не предотвратил отход Бангладеш от Пакистана.

Крушению принципа священности границ суверенных стран стало способствовать ослабление значимости Организации Объединенных Наций. Наступление на ООН началось уже в начале 90-х годов, когда Генеральный секретарь ООН Перес де Куэльяр зафиксировал «возможно необратимый поворот в отношении публики (западной. — А. У.), касающийся защиты угнетенных, их новое убеждение в том, что *во имя морали следует границы и легальные документы поставить ниже заботы о терпящих лишения*»¹⁹⁴. Это был грозный знак в отношении регулирующих возможностей ООН как единственного прототипа всемирного правительства. Тем самым ООН как бы готовили к тому, что защита ею суверенных границ стран — участниц мировой организации менее значима, чем проблемы гуманитарного свойства внутри отдельных стран. Такие деятельные борцы за вмешательство во внутренние дела, как франко-итальянский теоретик Марио Беттати и французский врач и гуманитарный активист Бернар Кушнер, даже сформулировали своего рода доктрину, базирующуюся на *праве интервенции* во внутренние дела стран-нарушителей. И Куэльяр, как бы подыгрывая западным странам, поспешил с заявлением о *необратимом* характере сдвига в сторону вмешательства во внутренние дела суверенных стран. Попустительство такого рода ударило по самой Организации Объединенных Наций.

Ударом по ООН (как регулирующей и предотвращающей хаос организации) является игнорирование Вашингтоном Хартии ООН, исключаяющей вмешательство во внутренние дела других государств без согласия Совета Безопасности ООН. Зависимость финансирования Организации Объединенных Наций от Комитета по выделению финансовых средств американского сената, с каждым годом все выше поднимающего свой «топор» над суммой предлагаемого вклада в ООН, оказалась убийственной.

Представляется, что чем дальше идет продвижение интеграционных, глобализационных процессов, тем успешнее кажется реализация замыслов сепаратистов по отделению от основной части государства. Скажем, для Квебека канадский национальный рынок, не говоря уже о законах, культуре, правилах, не является жизненно существенным для выживания провинции Квебек. Западноевропейская интеграция не осложняет, а облегчает борьбу каталонских и баскских сепаратистов. Двадцать лет назад баски имели испанские паспорта и могли работать лишь в Испании. Теперь у них европейские паспорта и они могут работать повсюду в Европейском союзе. Теперь провозглашение независимости Басконии не ведет к установлению протяженных таможенных линий, введению новой валюты, массовой потере работы, сокращению возможностей путешествий. Вирус сепаратизма поражает не только (отнюдь не только) бедные уголки Земли, такие как итальянское Мещоджорно, противостоящее богатому падуанскому Северу (где Берлускони уже создал свою политическую партию «Форца Италия»).

Напротив, относительно процветающие Западная Канада, Южная Бразилия, Северная Мексика, побережье Эквадора, Северная Италия порождают сепаратистские движения. Две наиболее агрессивные сепаратистские группы в Испании — каталонцы и басконцы — принадлежат к наиболее процветающим.

Долгое время Соединенные Штаты были сильнейшим защитником священности государственных границ повсюду в мире. Даже когда они боролись с Багдадом в 1991 г., то не поддерживали сепаратистов курдов и шиитов на юге Ирака. Они пока молчат о суверенности Косова. Несмотря на поток наркотиков, Колумбия является третьим (после Израиля и Египта) получателем американской военной помощи — несмотря на всю борьбу местных сепаратистов. Но подспудно развиваются процессы противоположной направленности.

На Аляске, столь богатой минералами, нефтью и газом, в 1990 году был избран губернатор, «базирующийся» на сепаратистской платформе. Теперь некоторые из представителей 550 групп первоначального населения Соединенных Штатов требуют почти суверенных прав. И нельзя сказать, что их давление беспомощно и не приносит результатов. Скажем, в 1993 году

американский конгресс и президент Клинтон признали «сто-летнюю годовщину незаконного свержения гаитянской монархии... приведшую к подавлению внутренних прав на суверенность исконного гаитянского народа»¹⁹⁵. Пятью годами позже губернатор Гавайев призвал гавайцев и других жителей островов «выдвинуть план достижения Гавайями суверенности». По мере того, как официальный Вашингтон признает права меньшинств по всему миру на национальное самоопределение, ему становится все труднее игнорировать требования собственных меньшинств. При этом нужно помнить, что из официальных 309 границ 52 (17%) являются спорными. Из 425 морских границ 160 (38%) являются предметом спора. 39 стран оспаривают 33 острова¹⁹⁶.

Даже крупные современные государства отнюдь не застрахованы от распада. В Сингапуре, скажем, видят Китай состоящим из сотен государств масштаба Сингапура. Все чаще национальные рынки становятся менее важными, чем локальные, региональные рынки или глобальная рыночная среда в целом. Руководитель научных прогнозов ЕС Р. Петрелла полагает, что «к середине следующего столетия такие нации-государства, как Германия, Италия, Соединенные Штаты, Япония, не будут более цельными социоэкономическими структурами и конечными политическими конфигурациями. Вместо них такие регионы, как графство Орандж в Калифорнии, Осака в Японии, район Лиона во Франции, Рур в Германии, приобретут главенствующий социоэкономический статус»¹⁹⁷.

Национальное самоутверждение нашло свою легитимацию в мире, где более ста государств имеют этнические меньшинства, превышающие миллион человек. Не менее трети современных суверенных государств находится под жестоким давлением повстанческих движений, диссидентских групп, правительств в изгнании. Современным политологам (таким, как, скажем, американец Фарид Закариа) остается лишь констатировать, что суверенность и невмешательство в начале XXI века стали «менее священными» международными правами¹⁹⁸. А консультировавший Б. Клинтона М. Мандельбаум приходит к выводу, что «святость существующих суверенных границ уже не принимается мировым сообществом полностью»¹⁹⁹.

Косово. Организаторы акции весной 1999 года, резко понизив уровень суверенитета отдельно взятой европейской страны, и не задумывались над самым важным — *следующим шагом*. Это знаменует разительный отход от созданной еще в 1648 году Вестфальской системы независимых суверенных стран, переход к новой системе, где суверенные страны становятся объектом политики более мощных соседей и международных объединений. При этом наблюдатели (скажем, американец Д. Роде) приходят к выводу: «Хотя Запад пытается приуменьшить остроту проблемы, Косово никоим образом не готово стать независимым»²⁰⁰.

На рубеже столетий на Западе возобладала точка зрения, что элементарный гуманизм требует пренебрежения правами суверенных правительств, проводящих жестокую политику, и вмешательства Запада на стороне тех, кто терпит гуманитарную катастрофу. Увы, правота такой стратегии не подтверждается непосредственной исторической практикой. Как пишет заместитель издателя «Уорлд полней джорнел» Д. Рюэфф, «от Сомали до Руанды, от Камбоджи до Гаити, от Конго до Боснии *плохой новостью* является то, что все это вмешательство на стороне гражданских прав и гуманитарных ценностей почти на 100 процентов оказалось безуспешным»²⁰¹. Хаос порождает еще больший хаос. Никто из сторонников вмешательства во внутренние дела не имеет *определенной* идеи — что же делать на следующий день после силового вмешательства.

Насилие над суверенитетом в одном месте немедленно породило продолжение процесса, породило как минимум вопрос: «Если возможно вторжение в Косово, то почему оно невозможно в Сьерра-Леоне?»²⁰² И Нигерия быстро ответила на него, введя в Сьерра-Леоне свой воинский контингент. Вслед за нею в 2000 году то же сделала Британия. Что, собственно, никак не решило вопрос и не дало стабильных результатов.

Следует либо подчиниться новой жесткой западной схеме, либо противопоставить ей нечто, что хотя бы отчасти восстановило баланс сил в мире. Что же ждет человечество на пути отхода от святости государственных границ? Здесь прячутся самые большие опасности для мирной прогрессивной эволюции. «Возникнет, — пишет американский политолог Дж. Розенау, —

новая форма анархии ввиду ослабления прежней центральной власти, интенсификации транснациональных отношений, уменьшения значимости межнациональных барьеров и укрепления всего, что гибко минует государственные границы»²⁰³.

В целом приходится делать вывод, что хаосу будут содействовать религиозный фундаментализм, национализм и расизм, подрыв авторитета международных организаций, приоритет местного самоуправления, религиозное самоутверждение, этническая нетерпимость, распространение оружия массового поражения и обычных вооружений, расширение военных блоков, формирование центров международного терроризма и организованной преступности, насильственная реализация принципа самоопределения меньшинств, экономическое неравенство, неуправляемый рост населения, миграционные процессы, крах экологических систем, истощение природных ресурсов. Городские банды и криминальные структуры могут заместить сугубо национально-государственные структуры. При этом фактом является, что информационная и коммуникационная технологии служат эффективнее индивидууму, чем государству.

Даже мощные военные блоки слабеют в битве с энтропией этноутверждений. Препятствие на пути этнически мотивированного хаоса здесь создает (а в XXI веке это будет еще более ощутимо) даже в блоковой политике проблема растущей цены сдерживания сепаратизма разного рода. На пути самого значимого процесса будущего — *подчинения неэффективной ООН эффективной НАТО* — стоит несогласие не-членов НАТО считать главным инструментом безопасности в Европе этот военный союз. Препятствием глобальной мировой переориентации на Северо-Атлантический союз является неготовность западных обществ нести тяжелое бремя — платить цену за евразийское всемогущество кровью своих солдат. Хотя руководство ведущих стран НАТО периодически выражает готовность вмешаться во внутренние дела отдельных стран, оно в то же время показывает крайнюю степень неготовности нести людские потери. Но главное — военное вмешательство на стороне инсургентов *заставляет* создавать для них (и часто за них) собственное государство, что уже само по себе насилие над историей, меньшинствами, естественным ходом гражданского устройства.

Ускорители хаоса. На горизонте появляются новые ускорители хаоса — опасности, связанные с кибернетической войной. Важнейшие системы электронного управления подвергаются атакам хакеров, которые могут действовать по своей воле, а могут и пользоваться поддержкой своих государственных структур. Кибер-нападениям могут подвергнуться контрольные системы современного индустриального общества, его жизненные центры — электростанции, системы воздушного транспорта, финансовые институты, вплоть до всего, что связано с биологическим и ядерным оружием. Напомним, что уже во время натовской операции против Югославии структуры НАТО и Пентагон подверглись нападениям югославских и китайских хакеров. И чем больше зависимость индустриальных государств от компьютера, тем больше шанс дестабилизации именно в этом направлении. Как определяет эту опасность представитель вашингтонского Института мировой политики Иен Каберсон, «кибернетическая война в будущем может оказаться атомной бомбой бедных»²⁰⁴.

Хаосу содействует распространение в мире автоматического стрелкового оружия, ручных ракетных комплексов типа «Стингер» и САМ-7, невиданных объемов взрывчатых веществ, более ста миллионов наземных мин. Еще более опасно распространение средств массового поражения — химического, биологического, ядерного. 21 января 1999 года президент Клинтон указал в интервью, что «велика вероятность» того, что группа террористов в ближайшие годы может угрожать Соединенным Штатам биологическим или химическим оружием. Об угрозе биологического оружия он сказал, что она «заставляет его вскакивать ночью». Позднее он объявил, что запросит у конгресса 2,8 млрд. дол. для будущей борьбы с биологическим, химическим и электронным терроризмом²⁰⁵.

Президент Буш-мл. уже не думал о *возможности* вооружения террористов ОМП, он был уверен в реализации этой угрозы, почему американские войска и вторглись в Ирак.

Как вершина всесокрушающего хаоса — ядерный терроризм. В недавних публикациях американских разведывательных организаций указывается, что по меньшей мере 20 стран,

половина которых находится на Ближнем Востоке, в районе Персидского залива и в Южной Азии, уже имеют (или имеют возможность создать) оружие массового поражения и средства ракетной доставки этого оружия²⁰⁶. Попадание его в руки террористических групп, «государств-париев», сепаратистских движений чревато дестабилизацией международного сообщества до состояния необратимого хаоса.

Кто же выигрывает от подрыва самих основ международного порядка? «На протяжении нескольких последних десятилетий, — пишет Т. Герр, — антрепренеры, стоящие за этническими политическими движениями, черпали из резервуара недовольства материальным неравенством, политической отстраненности, правительственных злоупотреблений и пускали эти эмоции по необходимым для себя каналам. Оттуда же в свое время черпали революционные движения. Фактически некоторые конфликты стали своего рода гибридами: одновременно и этнические и революционные войны. Левые в Гватемале рекрутировали местных индейцев майя в свое революционное движение, Ионас Савимби построил свое движение на поддержке народа мбунду. Лоран Кабила ввел революционную армию в Киншасу, состоящую из тутси, люба и других недовольных народностей Восточного Конго»²⁰⁷.

Вера в форме воинствующего ислама, христианства или буддизма может с легкостью мотивировать массовые движения. Китайское движение фалунгонг имеет практическую возможность политизировать свою структуру и политизировать свои требования. Сегодня класс, этническая принадлежность и вера являются тремя главными источниками массовых движений, классовой борьбы и религиозного подъема²⁰⁸.

Все громче высказываются мнения о вероятности в будущем «классических» образцов конфликтов. По мнению американца Р. Хааса, «легко представить себе схватку Соединенных Штатов и Китая из-за Тайваня, Соединенных Штатов и России по поводу Украины, Китая и России из-за Монголии или Сибири, Японии и Китая по региональным вопросам. Еще более вероятны конфликты, в которые вовлечена одна из великих держав и средней величины противник»²⁰⁹.

Разумеется, играет роль и обычная человеческая косность в отношении революционных прорывов науки. Мощные новые

технологии провоцируют отчаянное сопротивление. (Напомним, что, создание двигателей внутреннего сгорания вызвало небывалое сопротивление уязвленных поклонников лошадиной тяги. Мирное использование атомной энергии вызвало к жизни не менее упорное сопротивление.) Клонирование и создание систем управления генными процессами порождает небывалый протест. Потребители и сторонники охраны окружающей среды в Европе напрочь отвергли подвергшиеся генетическому воздействию виды растений, исходящие в основном из США, как опасные для человеческого здоровья и благополучия окружающей среды.

Критики вторжения в тайную мастерскую живой природы требуют жесткого обозначения тех товаров и продуктов, которые подверглись указанному воздействию. 72% всей земли, засаженной семенами подвергшихся генетической обработке растений, находятся в США, 17% в Аргентине и 10% в Канаде. На девять других стран, чьи ученые так или иначе имели дело с современной генной инженерией, — Китай, Австралия, Южная Африка, Мексика, Испания, Франция, Португалия, Румыния, Украина, — приходится только один процент. Лишь несколько ферм во Франции, Испании и Португалии сеют генетически обработанные семена²¹⁰.

«Гринпис» использует термин «дьявольские химикаты». В Британии принц Чарлз и певец Пол Маккартни выразили возмущение насилием над природой. Во Франции коалиция фермеров, профсоюзов, защитников окружающей среды и левых сил борется не только с GM (генетически измененными) продуктами, но и с сетью «Макдоналдса», «Кока-Колой» и другими «потенциально опасными» учреждениями. В результате отступления теоретических социальных мечтаний и восстания «зеленых» с их критикой некритического приложения науки произошел кризис модернизма, что имеет — и будет иметь невероятные по важности последствия.

Понимание опасности. Идеологи нового национализма часто готовы заплатить едва ли не любую цену ради реализации своих мечтаний. «В дальнейшем процессы станут неуправляемыми... Тогда следует ожидать воцарения хаоса на протяжении

нескольких десятилетий»²¹¹. «Очевидно, что удовлетворение этнических требований, — полагает американский исследователь Т. Герр, — только воодушевит новые группы и новых политических претендентов выдвинуть подобные же требования в надежде добиться уступок и прийти к власти. Запоздалыми пришельцами в этом деле являются представители Корнуолла в Британии, племя реанг в Индии, монголы в Китае — все они ныне представляют организации, борющиеся за автономию и большую долю общественных ресурсов»²¹².

По мнению советника американского сената М. Гленнона, «замена прежней легальной системы набором расплывчатых, неотчетливо выраженных, спонтанных мер представляет значительную опасность... Не принимая решения, предлагаемые НАТО и Соединенными Штатами, критическая масса наций может начать противодействие»²¹³. Существующие институты в XXI в. могут не выдержать революционных перемен²¹⁴, создавая предпосылки глобального хаоса.

При всей расплывчатости процесса массового национального самоопределения ярость его ревнителers неустанно несет в наш мир смертоносный хаос. Украшение мира — его многоликость — становится смертельно опасной. Напомним, что в начале третьего тысячелетия в мире насчитывалось 185 независимых стран, но при этом более 600 говорящих на одном языке общностей, 5000 этнических групп²¹⁵.

«Аграрные общества, — пишут Алвин и Хайди Тофлер, — стараются завершить свою индустриализацию, попадая в теньта национального строительства. Бывшие советские республики, такие как Украина, Эстония или Грузия, отчаянно настаивают на самоопределении и требуют исторически вчерашних атрибутов современности — флагов, армий, денежных единиц, которые характерны для прошедшей индустриальной эры. Многим в высокотехнологичном мире трудно понять мотивацию ультранационалистов... Для националистов немислимо, что другие страны позволяют субъектам извне вторгаться в сферу их предположительно священной независимости. Но этого требует глобализация бизнеса и финансов... В то время когда поэты и интеллектуалы отсталых регионов пишут национальные гимны, поэты и интеллектуалы современности воспе-

вают достоинства мира без границ. В результате коллизии, отражающие резко отличающиеся по потребностям нужды двух радикально противоположных цивилизаций могут спровоцировать самое страшное кровопролитие в будущем»²¹⁶.

На государства воздействует донациональный трайбализм, часто рядящийся в национальные движения. Американский исследователь М. Каплан предсказывает мир состоящим из множества сомали, руанд, Либерии, босний и ираков, мир, в котором правительства часто отданы на милость картелям наркоторговцев, криминальным организациям, террористическим кланам. Мир XXI века Каплан представляет «большой Африкой»²¹⁷. От академических ученых чувство опасности передается политикам. Госсекретарь США У. Кристофер предупредил комитет по международным отношениям: «Если мы не найдем способа заставить различные этнические группы жить в одной стране... то вместо нынешних сотни с лишним государств мы будем иметь 5000 стран»²¹⁸.

Реализация их права на самоопределение грозит поставить мир на порог грандиозного катаклизма, о котором весьма авторитетные специалисты уже сейчас говорят, что его не избежать: «В двадцатом веке спокойствие в международных отношениях зависело от мирного сосуществования суверенных государств, каждое из которых по своему оправдывало свою легитимность. В двадцать первом веке речь пойдет о мирном сосуществовании между нациями *внутри* одного и того же государства, которые обосновывают *различные принципы* определения суверенитета. В некоторых местах — Боснии или Косове — это может оказаться невозможным... Главной практической проблемой двадцать первого века будет обеспечение мирного сосуществования этих частей»²¹⁹.

Пока же в Косове, на Восточном Тиморе и более всего в Месопотамии вместо разрешения конфликтов посредством достижения компромисса предпринимается интервенция международных сил. Соединенные Штаты, НАТО, Организация Объединенных Наций и Австралия вмешались в этнический и социокультурный конфликт, убедив сами себя, что все прочие методы исчерпаны, игнорируя ООН, мнение большинства мирового населения.

Ослабление государства. Движение вспять (в 1500 году в Европе было 500 политических организаций) уже порождает невероятные катаклизмы. На кону суверенитет отдельных стран. Волна национализма несет не плодотворную самоидентификацию, а жесткое столкновение анахронических и эгоистически понимаемых интересов. Воинственное групповое самоутверждение на националистической основе грозит погрузить мир в хаос, невиданный со времен Средневековья. Складывается впечатление, что в результате суверенитет национальных государств в грядущие десятилетия будет *ослаблен* сверху надгосударственными организациями, а снизу *подорван* довольно неожиданно окрепшим в последнее десятилетие двадцатого века националистическим самоутверждением самоорганизующихся этнических групп, сепаратизмом регионов.

Ослабление роли и потенциала государства приведет в новом веке к этническим конфликтам нового качества и размаха. Прежние крупномасштабные войны того типа, что велись многочисленными и заранее экипированными армиями, которые могли создавать лишь мощные государства, уходят с исторического поля действия. Ныне ведение таких войн менее реально, чем когда бы то ни было за последние два столетия²²⁰. Но «мало признаков того, что мощные государства-члены проявят хоть какое-то намерение изменить иерархическую структуру, на которой традиционно базируется международный порядок, даже если эта иерархия не сможет послужить разрешением все более сложных вызовов порядку в «глобализирующемся мире»²²¹. Все более очевидным становится факт перехода войны в ее партизанскую форму, в форму жестокого тлеющего конфликта, где восставшая сторона успешно уходит от генерального сражения.

Противостояние мировому хаосу. Исторической предопределенности *хаоса* в международных и внутригосударственных отношениях не существует. Несмотря на бурный поток конфликтов на протяжении завершающегося века, мир все же не погрузился в хаотическое безвременье, в безусловное отрицание всех правил на международной арене, в гоббсовскую войну всех против всех. К тому же исторический пессимизм

бесплоден по определению. Трудно анализировать наиболее вероятное развитие событий и возможные пути впереди, если исходить лишь из неизбежности неукротимой мировой враждебности. Помимо опасных поворотов событий существуют иные, более оптимистические глобальные тенденции.

Обнадеживающим является то, что своего рода пик этнического и социального безумия пришелся на мировые войны 1914—1945 годов, на первую половину 1990-х годов. С тех пор мир подспудно не рискует идти на крайние меры. Жестокость конфликтов в Косове, Восточном Тиморе и Руанде несомненна, но налицо и тенденция перехода от неумолимой международной конфронтации к политике взаимных уступок.

Без установления международного порядка хаос в среде ослабевших стран будет лишь усиливаться. Разрушительному хаосу в международных делах противостоят четыре силы: суверенные государства; военно-политические блоки; международные организации; могущественный лидер современного мира.

1. *Щит государств.* Ведь все же *только государства* имеют право вести войну, только внутренняя легитимность государств позволяет призывать молодых солдат — вести их в смертельные схватки и умирать, а всем остальным гражданам в тылу поддерживать функционирование экономической машины, позволяющей вести войну. Говоря словами американского политолога К. Уолтса, «суверенные государства со строго очерченными границами доказали, что они являются наилучшими инструментами поддержания внутреннего мира и обеспечения условий для экономического благосостояния»²²². При всей серьезности антиэтатистского наступления, преувеличением было бы считать мощь государства явлением лишь уходящего прошлого. Напротив, есть немало оснований признать удивительную способность государственных механизмов трансформироваться в соответствии с новыми обстоятельствами, с потребностями новой эпохи. Значительное число специалистов признают, что, вопреки «быстрым технологическим инновациям, разительным изменениям на внутренней и внешнеполитической арене, государства демонстрируют потенциал приспособления, более того, получения дополнительных преимуществ. Национальные системы продемонстрировали высокую степень гибкости»²²³.

Более того, уровень контроля государств над жизнью обществ и функционированием экономик никогда не был более мощным, чем к началу XXI века. За последние сорок лет государственная машина не только *не покинула* национальную арену большинства государств, но, напротив, нашла способы укрепления своих позиций, самозащиты, о чем свидетельствует, по меньшей мере, статистика современных государственных расходов.

Таблица 6. Доля государственных расходов в валовом национальном продукте (в %).

	1960	1998
Австралия	21.2	32.9
Британия	32.2	40.2
Канада	28.6	42.1
Франция	34.6	54.3
Германия	32.4	49.6
Италия	30.1	49.1
Япония	17.5	36.9
Испания	нет данных	41.8
Швеция	31.0	60.8
Соединенные Штаты	26.8	32.8
Средняя величина	28.3	43.8

Источник: «Economist», July 31, 2003 (The Road to 2050)

С этой (государственной) стороны приходу хаотической вакханалии ставится серьезный заслон. О возврате к ситуации до 30-х годов, когда расходы государств на общественные нужды и прежде всего на социальную сферу были мизерными, не может быть и речи. Можно с большим основанием предположить, что в XXI веке силами государственных структур будут созданы гораздо более жесткие правила, направленные на решение главных общественных задач, на стабильный экономический рост, на блокирование передачи разрушительных технологий в сомнительные руки, для «предотвращения вооружения и для обороны от носителей насилия»²²⁴. С большой долей уверенности можно предполагать выработку соответствующей стратегии, создание соответствующих контрольных органов.

По очень распространенному мнению, «демократии редко сражаются друг с другом и смягчают давление на внутренних оппонентов. Обычно в новых демократиях статус меньшинств улучшается»²²⁵. Если принять это положение за аксиому, то есть все основания для оптимизма в борьбе с агрессивным насилием и утратой общественной упорядоченности. Количество государств, приобретших демократические формы волеизъявления населения и системы управления, впечатляет. (К примеру, Латинская Америка перестала быть заповедным полем диктатур и пр.) Соответственно, есть основания надеяться, что процесс демократизации ослабит поток насилия.

Целый ряд государств более целеустремленно и эффективно, чем прежде, решает задачу признания групповых прав и интересов и стремится направить этнические конфликты в русло более искусной компромиссной политики (стремясь предотвратить конфликты, а не только сражаться с их последствиями). Видны признаки некоторого прогресса. Вьетнам и Индонезия ослабили репрессивные меры, направленные против китайских меньшинств. Права малых групп стали в Европе, Азии и Латинской Америке предметом более внимательного общественного отношения, что облегчает решение некоторых проблем еще до стадии необратимого ожесточения сторон. Но и самодовлеющие движения видят сейчас перед собой страшный опыт своих более нетерпеливых коллег, пренебрегших цивилизованными нормами решения социально-этнических вопросов, обратившихся к мерам фактической гражданской войны и в результате заплативших за свою нетерпимость страшную цену.

При этом следует указать на то, что большинство недавних этнических конфликтов начиналось с крайних позиций — с требования полной независимости, а завершать свою борьбу было вынуждено тем, что довольствовалось удовлетворением гораздо более усеченных прав на автономию (разительное исключение представляют собой поведение лидеров повстанцев в Чечне и на Восточном Тиморе).

В конечном счете, как оказалось, главному источнику мирового хаоса — ослаблению государственного механизма, влекущему интенсификацию трайбалистских, религиозных и этнических конфликтов, криминализацию жизни, увеличение

потока беженцев, крушение основ цивилизованной жизни, может быть противопоставлено, с одной стороны, укрепление значимости мирового общественного мнения, требующего сохранения цивилизованных норм жизни, а с другой — согласованные полицейские операции.

2. *Военно-политические блоки.* Военные союзы в общем и целом не заинтересованы в расколе, ослаблении и распаде своего состава. Главный мировой военный блок нынешнего и будущего времени (7 млн. военнослужащих, две трети мировых военных расходов) — Североатлантический союз в общем и целом подчиняет любую форму местного сепаратизма общеплоковым интересам. Приглушена критика Турции в Курдистане — Североатлантический блок закрывает глаза на действия турецкой армии в отношении курдов. Никто не собирается отстаивать права басконцев или корсиканцев. Фактически существует молчаливое согласие НАТО на любые жесткие меры национальных правительств (в данном случае Испании и Франции) по отношению к сепаратистам в Басконии или на Корсике. В то же время действия НАТО весной 1999 года послужили своеобразным сигналом желательности компромисса со своими этническими меньшинствами; в противном случае последователи этнического самоутверждения будут кивать на помощь НАТО самоутверждению косоваров-албанцев в соседней европейской стране. А в марте 2003 г. весь мир бессильно смотрел на вторжение американских войск на неугрожающий им Ирак.

В целом в военных блоках существуют как бы два уровня отношений. На *первом* уровне звучит нечто близкое словам Н. Чемберлена о Чехословакии во время Мюнхена: «Речь идет о споре в далекой стране между народами, о которых мы ничего не знаем». Или госсекретаря Дж. Бейкера, сказавшего в начале процесса распада Югославии: «В этой схватке наши собаки не замешаны».

На *втором* уровне военная организация Запада, ведомая Соединенными Штатами, продемонстрировала способность идти на силовые действия, чтобы заменить хаотический мир, возникший после краха коммунизма в Восточной Европе, новым порядком, не крушащим окончательно суверенитет отдельных стран — трехсотлетнюю основу прежней относительной мировой стабильности.

При этом нужно отметить, что силы возмездия, хотя они и показали свою решимость, едва ли будут действовать более энергично. Пафос наведения порядка не пользуется той всепоглощающей поддержкой, которая была характерна, скажем, для периода холодной войны. Изменились общественные координаты, иссякает жертвенная решимость. Как пишет американский исследователь, вера в то, что население Америки, «питающее отвращение к риску, поглощенное проблемами собственного здоровья, испорченное величайшим экономическим ростом в истории, может поддержать реальную войну, просто ни на чем не основана»²²⁶.

3. *Международные организации.* На интернациональном уровне в XXI в. Организация Объединенных Наций и ее специализированные ответвления: Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Совет Европы, Организация Африканского единства, Организация исламской конференции и др. будут осуществлять функцию поддержания процесса мирного разрешения конфликтов. Есть все основания надеяться, что они предпримут координированные коллективные усилия, стремясь повысить эффективность своей борьбы с хаосом, ведущим мировое сообщество к деградации. Ооновское агентство по обычным вооружениям ужесточит контроль за перемещением потоков оружия. Особое внимание будет обращено к информационному полю с целью блокировать откровенную заангажированность могущественных средств массовой информации: будет более полно учтен опыт Югославии — ее дезинтеграция «началась с войны средств массовой информации, оркестрованных заинтересованными сторонами»²²⁷.

Не будем списывать со счетов ослабленную Организацию Объединенных Наций. Там, где интересы великих держав не затронуты напрямую, Совет Безопасности ООН способен периодически выдавать Генеральному секретарю мандат на защиту прав суверенных государств — жертв интервенции. (В конце 1980-х годов казалось, что миротворческие силы ООН становятся подлинно стабилизирующей силой в мире. Не лишено черт реальности предположение, что продленный в Камбодже мандат на пребывание сил ООН мог бы стабилизировать ситуацию в этой стране.) В 1990-е годы эта тенденция ооновского

активизма проявила себя несмотря на все трудности: если за годы холодной войны в год принимались в среднем 14 резолюций, то в 1990-е годы — по 80 резолюций в год. Наибольший эффект имели специализированные форумы Севера-Юга под эгидой ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992); по населенности и развитию (Каир, 1994); по проблемам женщин (Пекин, 1995); по глобальным климатическим изменениям (Киото, 1997).

Задача укрепления международных регулирующих функций ООН вызывает дебаты прежде всего в направлении расширения числа постоянных членов Совета Безопасности. Из подобных предложений наиболее общие — введение в Совет Безопасности в качестве постоянных членов Германии, Японии и представителя развивающихся стран²²⁸. (Среди развивающихся стран борьба идет между следующими претендентами: Индия — Пакистан — Индонезия, Бразилия — Мексика — Аргентина, Нигерия — ЮАР — Египет.) Очевидно стремление нынешних постоянных членов СБ прямо или косвенно препятствовать понижению своего мирового статуса. «Главную оппозицию реформам осуществляют, — констатирует американец Б. Ривлин, — Соединенные Штаты»²²⁹.

Среди международных организаций, на которые в наибольшей степени падает борьба с *торговым* хаосом, в XXI веке особенно выделяется Всемирная торговая организация (ВТО). По своей структуре и механизму контроля над реализацией своих решений ВТО представляет собой шаг вперед по сравнению с предшествующим ей ГАТТ (Генеральные соглашения по тарифам и торговле). ВТО руководит многосторонними торговыми соглашениями, она владеет долей контроля над торговой политикой отдельных национальных государств, ею выработана система разрешения торговых споров. В отличие от ГАТТ, ВТО обладает правом принятия решений, которые обязательны к исполнению (если только против этих решений не собран консенсус *всех* заинтересованных стран). ВТО имеет возможность стать краеугольным камнем мировой торговли. «Хотя поддержание экономического режима в мировой экономике соответствует интересам США, только будущее покажет, готовы ли США пожертвовать своими особыми позициями *первого среди*

равных ради установления более уравновешенного многостороннего режима», — заключает американец Н. Вудс²³⁰.

Финансовую стабильность мира регулирует Международный валютный фонд (МВФ), в котором более пятидесяти с лишним лет главную роль играют Соединенные Штаты. Некоторые перемены в процедурах и правилах МВФ произошли в 1990-е годы, но лишь США, как и прежде, могут заблокировать любой курс МВФ: иерархия, созданная более полувека назад, продолжает действовать. Международный опыт подводит к выводу, что для эффективного управления глобализирующейся мировой экономикой требуется укрепление международной легитимности МВФ, большей степени привлечения представительств заинтересованных стран. Требуется перемена фундаментального характера²³¹. По мнению американского автора предложений о модернизации МВФ Дж. Голда, «необходим смелый шаг, комбинирующий вес отдельных стран с традиционным равенством стран в международном праве. Следует придать новую силу доктрине равенства государств»²³². Пойдет ли единственная сверхдержава на сознательную демократизацию организации, где она сейчас пользуется огромным весом и непререкаемым влиянием?

4. *США: отношение к хаосу.* Фактом является, что Соединенные Штаты сохранили все инструменты холодной войны на прежнем уровне (министерство обороны, Центральное разведывательное управление, Североатлантический союз). Но эти органы насилия созданы и приспособлены для борьбы с противником класса Советского Союза и Варшавского договора, но не с более дробными и ярко выраженными конфликтами грядущего периода. В то же время Вашингтон ослабил значимость таких организаций, как ООН, уменьшил объем внешней помощи.

В наиболее влиятельной стране предстоящих десятилетий нового века будет идти противоборство двух точек зрения.

Первая {пессимистическая} идейная позиция базируется на том, что уже никто не способен гарантированно *контролировать* растущий мировой беспорядок, что международное сообщество в любом случае воспротивится попыткам привнести упорядоченность: мир более не потерпит существования империй и имперского порядка. И в этом плане США не всемогущи.

Сказывается несовершенная структура вооруженных сил Соединенных Штатов, «мобилизованных для мировой войны, а не конфликтов нового периода»²³³. Пример наказания Ирака за аннексию Кувейта не обладает необходимой убедительностью: будущего нарушителя международных законов только поощрит замедленная реакция и нерасторопность потенциальных противников. Вряд ли он будет спокойно смотреть на то, как армада сил возмездия методично (и уязвимо на этом этапе) в течение долгих недель и месяцев безмятежно высаживается на свой плацдарм (берег Персидского залива в случае с Ираком). Потенциальный агрессор не будет слепо и фаталистически игнорировать полное воздушное превосходство противостоящих сил. Он будет более энергичен, исходя хотя бы из соображений отчаяния и риска.

Пессимисты не верят в способность США вершить мировой порядок по простой причине: сепаратные связи на региональном уровне делают их плохим полицейским. К примеру, стратегический союз США с Израилем делает Вашингтон безразличным к бездонно богатыми нефтью арабам, прежде всего к планам палестинцев. В то же время союзные отношения Америки с такими странами, как Пакистан, делают американскую политику в данном регионе противостоящей фактическому региональному гегемону — Индии. Но еще более огорчает пессимистов растущее небрежение Вашингтона к главному международному инструменту стабильности, к Организации Объединенных Наций (и к другим международным организациям). В начале второй половины XX века США аккуратнее других платили взносы в бюджет Организации Объединенных Наций, они полностью поддерживали Мировой банк, Международный валютный фонд и прочие организации глобального охвата деятельности. До 1990-х годов США были главным адвокатом и защитником созданных в ходе Второй мировой войны (и сразу после нее) международных институтов. В той поддержке мировых дисциплинирующих институтов был свой очевидный резон — статус-кво помогал лидеру удерживать свои позиции. Но к рубежу XXI века в Вашингтоне возобладала суровая критика международных институтов.

В результате в начале нового столетия — впервые после окончания Второй мировой войны — можно представить себе отход американцев от наследства либерального интернационализма Рузвельта — Трумэна — Эйзенхауэра. В ходе второго срока пребывания у власти администрации Клинтона Соединенные Штаты фактически приостановили свое членство во всех основных международных организациях за исключением организации Североатлантического договора (НАТО). Конгресс выступил с угрозой прекратить финансовые вклады, если международные организации не согласятся на ряд существенных реформ. Опросы общественного мнения показали, что американская общественность не выразила возмущения тактикой конгресса, не выплачивающего задолженность этим институтам²³⁴. Вашингтон *никогда* не передавал в ооновское командование свои войска, номинально все же как бы подчинявшиеся не Пентагону, а этой главной международной организации. Если подобная тенденция возобладает, нечего надеяться на стабилизирующую активность США.

Американские солдаты вовсе не хотели бы гибнуть в ситуации, когда их жертвы воспринимаются двусмысленно. Скажем, сомалийского генерала Айдида американское правительство назвало преступником, но боевые действия против него официально декларированной войной не назвало. Американская общественность увидела в действиях против Айдида некую полицейскую операцию, а не начало войны. В войне жертвы воспринимаются как суровая необходимость. Но жертвы в полицейской операции воспринимаются определенно иначе. В ней должны гибнуть преступники, а не полицейские. В этой обстановке правительство США встает перед кризисом в случае смерти добрых полицейских. И правительство Клинтона постаралось как можно быстрее вывести свои войска из несчастного Сомали.

Ирак, Громадное большинство иракцев жаждало ухода американской коалиции. И все песнопения о *демократии в Ираке* с каждым месяцем становились абсурдом. Все больше иракцев полагалось на насилие как на средство напрячь терпение привыкшей к роскоши страны. А президент Буш полагался

на Временный правящий совет, члены которого решали обыденные проблемы, но не осмеливались (пока) проявить свою мусульманскую цивилизационную сущность.

Американцы к началу 2004 года обратились к «знакомому» оружию: деньгам. Они напечатали новые ассигнации без портрета Саддама Хусейна. Американский конгресс ассигновал на уже якобы победную войну 67,5 млрд. дол. Доноры в Мадриде добавили к этой сумме. Буш думал о перевыборах. Но все окружающие всерьез размышляли о долгой зиме, в которую попала самая мощная армия мира, представляющая самую богатую и развитую мировую державу.

Вторая {оптимистическая} точка зрения исходит из того, что поставленная на грань выживания, извлекая опыт из трагедий, подобных югославской, международная система неизбежно вручит бразды правления наиболее мощной и организованной международной силе — Америке. Как полагает американский исследователь, «современный мировой беспорядок, крушение большого числа государств, эволюция характера боевых действий, которые приобрели дикие признаки гражданских войн и колониальных репрессий (в которых различие между военными и гражданскими жертвами исчезает), могут породить нужду в главенствующей имперской державе. Это может произойти несмотря на предостережения защитников гражданских прав относительно того, что такая держава будет действовать исходя лишь из собственных интересов»²³⁵.

Такая логика базируется на том, что сползание к хаосу способен приостановить лишь Запад, ведомый своим лидером. Американский исследователь Д. Риефф: «В настоящее время только Соединенные Штаты способны (и имеют на то волю) навязать порядок в турбулентных районах мира»²³⁶. Но США не должны пытаться передоверять «штабную работу» явно неэффективным партнерам — именно это губит на корню всякую эффективность в деле противостояния нарушителям мирового спокойствия. Прямо и без экивоков Вашингтон должен выразить свое предпочтение односторонним действиям перед многосторонними. С точки зрения, скажем, авторитетного исследователя Дж.-У. Мейнса, «наступил коллапс многосторонности, что принуждает Америку идти своим собственным путем»²³⁷.

Опираясь на свою мощь, Соединенные Штаты наведут должный порядок.

Какая из двух точек зрения — *неверие в возможность обуздать хаос или вера в американское дисциплинирующее могущество* — возобладает в наступившем веке? *Оптимисты* энергично призвали возглавить мировое сообщество, прозвучало напоминание о том, что США являются «величайшим получателем благ от глобальной системы, которую они создали после Второй мировой войны. Как держава несравненной мощи, процветания и безопасности, США должны и сейчас возглавить эту систему, претерпевающую время разительных перемен»²³⁸.

А пессимисты возлагают свои надежды на то, что поддержание порядка, активная борьба с хаосом слишком дорогостояща. Часть американского общества стала отрицать саму возможность жертв ради борьбы с мировым хаосом. Америка будет еще долго сильнейшей державой мира, но ее центурионами все меньше владеет *имперская миссия*, как это было на протяжении пяти веков господства Рима.

В конечном счете возобладает срединный, компромиссный курс. По словам Дж.-У. Мейнса, «Соединенные Штаты будут продолжать распространять идеологию электоральной демократии. Но Америка останется в подходе к внешней политике скорее вильсоновской (т.е. доктринерской.— А. У.), а не следующей за Теодором Рузвельтом (т.е. силовой.— А. У.); это будет не очень органичная смесь вильсоновского триумфализма и реализма в духе теории баланса сил... Соединенные Штаты будут оказывать давление на малые страны, не имеющие ресурсов сопротивляться демократизации и открытию своих рынков. Они будут более скромны в своих требованиях по отношению к таким большим странам, как Китай»²¹⁹. На подиуме ООН США требуют прав вторжения в другие страны с целью надзора за соблюдением гражданских прав. Но категорически отказываются обсуждать практику смертной казни в самих США, проблемы расовой дискриминации в американском обществе.

Представляется, что немало в будущей стратегии борьбы США с хаосом определил афганский опыт 2002 г. и иракский опыт 2003—2006 гг. Словесно Белый дом будет следовать многостороннему подходу, когда сможет, но однозначному — когда

посчитает это для себя необходимым. Почти определенно можно сказать, что Америка *никогда* не передаст право важнейших решений международным организациям. В плане борьбы с хаосом на международной арене это означает, что в мире ослабевают действенные правила и это никак не предвещает упорядоченного будущего.

Хаос терроризма. Почему Сентябрь наступил так неожиданно для американцев? В ноябре 2001 г. журнал «Нэшнл ревью» прямо обвинил Американскую Ассоциацию исследований Ближнего Востока в «полном провале ближневосточных исследований как академического занятия, оказавшегося неспособным подготовить Соединенные Штаты к брутальному терроризму исламского радикализма». ²⁴⁰ Кабинетные ученые, мол, игнорируют национальные интересы США. Завязалась дискуссия. Нет сомнения в том, что многие американские исследователи Ближнего Востока сознательно старались улучшить отношения с арабским миром и поэтому старались не акцентировать внимания на негативных явлениях. Но и это не вся правда: журнал «Форин афферс» поместил в 1998 г. статью Б. Льюиса «Разрешение на убийство: Усама бен Ладен объявляет Священную войну». В 1999 г. М. Фенди издал исследование, значительная часть которого посвящена карьере бен Ладена. Значительное число исследований было осуществлено непосредственно для ЦРУ. Заново мобилизованные, американские специалисты по Ближнему Востоку выдвигают четыре объяснения:

— Влияние войны с Ираком, начатой в 2003 г. — и спустя три года еще более суровой. Тогда США сознательно постарались не ожесточить мусульманский мир. «Чтобы навести глянec на современный ислам, эксперты по Ближнему Востоку постарались занизить значимость мусульманского экстремизма, что привело к самоуспокоенности и самоуверенности» ²⁴¹.

— Многие специалисты по Ближнему Востоку сконцентрировали свое внимание на том, что им кажется наиболее важным — на отношениях США с «умеренными» режимами, с прозападными правительствами Саудовской Аравии, Египта, Иордании, на тенденциях развития связей этого региона с Западом. Это заметно отвлекло внимание от воинствующей

части ближневосточного политического спектра. Недостаток внимания к радикальным режимам сказался. Потенциальная демократизация Ближнего Востока как бы закамуфлировала упорный радикализм.

— Нефть как стратегическое сырье современной экономики заставляет как бы «сквозь пальцы» смотреть на особенности политического процесса в данном регионе.

— Палестино-израильский конфликт так или иначе занимает в американских исследованиях центральное место, как бы уводя в сторону возможность прямого воздействия мусульман на Америку.

Все вышеуказанное лишь частично объясняет то, что 11 сентября 2001 г. на долгое время оказалось в центре внимания американского общества, да и всего мира. На волне общенациональной сплоченности сразу же начались крупномасштабные дебаты, которые в общем и целом вращаются вокруг нескольких ключевых вопросов: Что произошло? В чем причина атаки? Кто виноват? Откуда можно ждать следующий удар? И самое главное: что следует делать? Главными вопросами, без ответа на которые не стоило долбить даже пустынную афганскую землю, являются следующие: кто были люди, совершившие совмещенное убийство и самоубийство? Каковы их мотивы? Что вдохновляло террористов? За что они ненавидели Америку? За то, что Америка сделала, за предполагаемые грехи, за то, чем американцы являются, за предполагаемые и реальные американские доблести, за достоинства или недостатки? Ответ на эти вопросы требует широкого подхода к процессу отчуждения и антагонизма огромных районов мира.

Фанатики сегодняшнего дня не имеют индульгенции, они наносят удар по самым слабым, по беззащитным членам общества. Но мы, если претендуем на победу над терроризмом, должны постараться понять их умонастроение, причины их ожесточения, способы ликвидации их самоубийственного пафоса. Это не дань их умственно-эмоциональному ушибу, это наша тропа спасения. Постараемся хотя бы очертить мир, в котором не будет головокружительной разницы в условиях жизни, где процветающая часть человечества признает хотя бы моральные обязательства в отношении обделенных, где триумф

глобализма не будет автоматически означать надругательство над традицией, исторической памятью и ментальным кодом менее удачливого. Хладнокровное безразличие, может, и не рождает фанатиков, но оно оправдывает их в собственных глазах.

За последние десятилетия и годы общая численность террористических актов не выросла, но поразительно выросла численность жертв в результате одного такого акта. Это устрашающая тенденция.

Администрация Буша-мл. после своих силовых действий уже столкнулась с мировой враждебностью, вылившейся, в частности, в несколько террористических актов против американских посольств и военных контингентов. Именно тогда, во времена президента-демократа, было создано короткое и простое объяснение, ставшее почти частью политической культуры в США: иностранцы будут *не любить* Америку, что бы она ни делала, просто потому, что она является самой мощной нацией на земле, приверженной при этом демократии и свободно-му рынку. Так грозное явление получило самоутрачивающее объяснение, годное на все случаи жизни. Это был легкий ответ, и он привел американцев к представлению, что, словами американского аналитика Д. Саймса, «вмешательство во внутренние дела других стран будет ненакладным; Соединенные Штаты будут нести относительно скромные расходы, а не всю плату за последствия своих действий»²⁴². Эта теория в конечном счете стала «общепринятым здравым смыслом», она стала привычным и поверхностно убедительным объяснением.

Но эта теория является ложной. Вся история терроризма свидетельствует против того, что абстрактные положения политической философии сами по себе достаточны, чтобы спровоцировать силовое противодействие. Это очевидно в случае Израиля, где терроризм связан с арабо-израильским конфликтом. Указанное объяснение не работает в случае террористических атак в Индии, Шри Ланке, России, Испании, Британии, Колумбии, Алжире, Узбекистане. Эйфелеву башню хотели уничтожить из-за связей французского правительства с алжирским военным режимом. Почему Аль-Каида должна быть иной? Возможно, она является ваххабитской ветвью радикального Ислама, предубежденного против западной цивилизации. Но

она же не борется слепо против этой цивилизации как таковой, в противном случае ей нужно было бы напасть на более продвинутые, разрешающие гораздо больше, чем сравнительно консервативные США, страны западной Европы.

Но Аль-Каида направлена против США по совершенно рациональным для нее причинам:

- возмущение военным присутствием США на Аравийском полуострове рядом с мусульманскими святынями;
- поддержка прозападных (умеренных, по западной терминологии) режимов, обрушившихся (особенно активно в случае с Египтом, Иорданией и Алжиром) на правоверных мусульман;
- Аль-Каида выступает против позиции США в арабо-израильском конфликте.

Как утверждает пакистанский президент генерал Мушарраф, «события 11 сентября показали, что люди готовы умереть за бен Ладена. Люди идут за ним потому, что не могут больше выносить бедности, отчаяния, бессилия. Бен Ладен дал своим ученикам проект, который оправдывал терроризм и предоставил им финансовые средства для совершения этих актов. Парадоксально, главной мотивацией воинствующих исламистов была не религия, а политика. Террористы, атаковавшие Нью-Йорк и Вашингтон, отнюдь не были набожными. Они нанесли удар не во имя Аллаха, формальной причиной стал палестино-израильский конфликт»²⁴³.

Сектантское насилие, разгоревшееся между шиитами и суннитами, грозит тем, что Ирак, вместо достойной внимания и повторения демократии, превратится в государство, охваченное тотальной гражданской войной и хаосом. Генерал Кейси сказал корреспонденту CNN, что конфликт будет долгим. «У повстанцев нет проблем с вербовкой новых рекрутов, в их распоряжении постоянно есть множество оружия и амуниции, которые ранее находились на бывших армейских складах, расположенных на территории всего Ирака». Война в Ираке обходится американскому народу в 5,6 млрд. дол. в месяц, здесь уже погибли около 3 тысяч американцев, а конца кровопролитию не видно. США завязли в песках Месопотамии тогда, когда их мощь должна показать себя перед Китаем и Европейским Союзом.

Аналогия с Вьетнамом напрашивается все больше. Бывший военный министр Мелвин Лэйрд пишет в «Форин Афферс», что «во Вьетнаме и Ираке наши противники действуют сходным образом. Они хотят ослабить нашу волю продолжать борьбу и внушить как можно большему числу американцев мысль, что продолжение войны не стоит потерянных жизней американцев и затраченных на нее денег». Но не все согласны. «Неоконы» отметают всякие аналогии с Вьетнамом, они напоминают, что во время подавления иракского восстания в 1920 г. англичане потеряли более 500 солдат — гораздо больше, чем англичан погибло ныне в Ираке. Но, если потери в Ираке не прекратятся, а 87 млрд. дол., выделенных Ираку, не стабилизируют там обстановку; если ценой борьбы с повстанцами будет кризис НАТО, если вместо демократии в новом Ираке воцарится режим шиитских аятолл, когда престижу Соединенных Штатов в мире будет нанесен жестокий урон, тогда Америка будет искать «козла отпущения». И она уже знает, как его зовут.

Много цивилизаций видели берега Тигра и Евфрата, их подъем и падение. Впервые здесь видят попытку принести новую цивилизацию на броне танков. Слоны, верблюды, танки. Но цивилизационный код — это нечто покрепче брони и поддается пересмотру только при помощи времени и благоприятных перспектив. Имперский наскок грозит обернуться провалом.

Глава 4

ФАКТОР НЕРАВЕНСТВА

Четвертая сокрушительная сила, вырвавшаяся в XXI век, — реакция на материальное неравенство в мире, прежде характеризовавшееся как противостояние Север-Юг. Это растущий процесс. Сто лет назад богатые страны были в *девять раз* богаче бедных стран. В XXI веке они богаче в 100 раз.

Двадцать лет назад журнал «Форбс» в своем первом списке миллиардеров зафиксировал 140 владельцев миллиардного богатства. Сегодня (2006) их 793 — рост на 102 человека за пос-

ледный год. По числу миллионеров на первое место вышла Азия — 700 000. В Америке 500 000 миллионеров, в Европе — 100 000²⁴⁴. Первое место по богатству на душу населения делят между собой Дания и Голландия, третье место принадлежит Швеции, четвертое — Австралии и Великобритании, шестое — Канаде, на седьмом месте сразу четыре претендента — Франция, Германия, Норвегия, Соединенные Штаты Америки. Одиннадцатое место принадлежит Финляндии, двенадцатое — Австрии, тринадцатое — Бельгии, четырнадцатое — Италии и Португалии, шестнадцатое — Новой Зеландии, семнадцатое — Греции, восемнадцатое — Ирландии и Швейцарии, двадцатое — Испании, двадцать первое — Японии²⁴⁵.

И за последние 25 лет ни одна бедная страна не приблизилась к слою сверхбогатых. Шесть из десяти наиболее бедных стран находятся в Африке (11 из 20). Постараемся двадцати самым богатым противопоставить двадцать самых бедных. На первом месте здесь Судан, на втором — Демократическая республика Конго, на третьем — Берег Слоновой Кости. На четвертом по бедности и социальному крушению месте — Ирак. На пятом — Зимбабве, на шестом — Чад, на седьмом — Сомали, на восьмом — Гаити, на девятом — Пакистан, на десятом — Афганистан, на одиннадцатом — Гвинея и Либерия, на тринадцатом — Центральноафриканская республика, на четырнадцатом КНДР; на пятнадцатом — Бурунди; на шестнадцатом — Йемен и Сьерра-Леоне; на восемнадцатом — Бирма; на девятнадцатом — Бангладеш; на двадцатом — Непал. Более половины мирового населения живут на \$2 в день, а один миллиард земного населения живет менее чем на \$1 в день. Бедность не позволяет бедным странам мобилизовать ресурсы для определения и противостояния смертельным болезням. Согласно Всемирной организации здравоохранения, на бедные страны приходится 90 процентов болезней в мире — и только 11 процентов мировых расходов на здоровье.

На страну с годовым доходом на душу населения в \$ 250 и меньше приходится 15-процентный риск разгорания внутреннего конфликта в ближайшие пять лет, в то время как при доходе \$ 5000 на душу населения этот риск уменьшается до 1 процента. Численность смертей между 1980 и 2000 гг. из-за инфек-

ционных болезней увеличилась вдвое. Риск птичьей эпидемии (SARS) приближается к 1,2 млрд. человек в беднейших странах. В 80 странах недостаток воды является национальной проблемой. Этот недостаток станет проблемой для 80 процентов населения Земли в 2025 г. В то же время 15 процентов земной суши уже доведены до деградации.

Важно то, что бедные *знают* об этом.

Взгляд из космоса. Снимки из космоса раздвигают все рамки, и кажется, что будущее просматривается более отчетливо. Эти поразительные снимки фиксируют россыпь золотых огней — подлинный триумф земной урбанизации, и затаившуюся темень неосвещенной жизни большинства земного населения. Глядя на них, понятнее становится происходящее на нашей планете. Поразительно ярким на этих снимках из космоса огнем горит благополучная часть — Северная Америка, Западная Европа, Япония. Темна Африка, две трети Латинской Америки, большие пространства Азии.

Полоски огней нагляднее словесных оценок говорят о *разобщении*. Североафриканские города отделяются и от остальной Африки, и от ближневосточного региона. Города Восточной Европы как бы движутся на Запад, но многомиллионная безработица во многом лишает шансов на благополучное будущее и в этом, относительно благополучном углу мира это движение. Самый крупный бриллиант в созвездии — Мехико-Сити знаменует собой многомиллионную стартовую площадку побега на Север, в мегаполисы Северной Америки. У антиподов индийские города залиты светом, а пакистанские погружены во тьму. Огни Китая расположены вдоль тихоокеанского побережья, а западная часть самой растущей страны как бы замерла в темном безмолвии, указывая этим на самую острую проблему будущего, как все это совместить. Из темных провалов выходит ожесточение, отсюда в сторону света идет нескончаемый поток, и этот поток фиксирует собой острое неблагополучие разоренной мировой деревни.

Именно здесь, в темной части планеты, бурно растет население, тогда как в светлой рост повсеместно прекратился. Согласно прогнозу американского Совета национальной раз-

ведки, население Земли в 2015 г. составит 7,2 млрд. человек; 95 процентов прироста придется на «неосвященные» страны. К середине текущего века темная сторона породит *еще четыре миллиарда* жителей планеты, а живущее в светлых секторах Земли лишь сократится. Именно здесь неостановим СПИД и прочие проклятия нашего времени, именно здесь страшные эпидемии встречаются с поразительным равнодушием. Именно здесь исчезает питьевая вода, именно здесь образование — немислимая роскошь. Эрозия почвы совмещается с эрозией человечности, осмысленного решения проблем.

Из темной части в светлую неукротимо стремится постоянный человеческий миграционный поток. Очень наглядно видно, как из обездоленного Юга Индии в более обеспеченный Мумбаи неостановимо течет этот поток. Темные люди медленно движутся непрерываемой цепочкой. А в других местах раз за разом форсируют Рио-Гранде и Амур другие потоки, смысл движения которых тот же. «Гастарбайтеры» в ближайшие десятилетия *десятками и сотнями миллионов* устремятся в североатлантический и восточноазиатский регионы. Преимущественно в города. Миллионный в 1950 г. Лагос в 2015 г. будет насчитывать 24,4 млн. жителей; Карачи за то же время вырастет с 1 млн. до 20,6 млн. жителей; Джакарта — с 2,8 млн. до 21,1 млн. жителей. Население Дакки достигнет 19 млн. жителей. В 1950 г. число городов с миллионным населением равнялось 86, а к 2015 г. их будет 600. Присылаемые в темные регионы отсюда мелкие денежные переводы посланцев мировой деревни давно превзошли в своей массе так называемую экономическую помощь сытого мира.

Окончание «холодной войны» вызвало в 1990-х годах некий всплеск надежд на то, что богатые и могущественные теперь повернутся к бедному Югу. Но получилось нечто обратное: вызрела нечеловеческая идеология *laissez faire* для обездоленных. Это, мол, дело рук самих утопающих. Итог устрашающ. В хаосе якобы «освобожденный» Афганистан, в жестоком хаосе европейская Босния, некоторые анклавов которой вовсе не напоминают традиционную Европу. Ничто не может превзойти по жестокой бедности в условиях насилия и разрухи Восточную Колумбию, «треугольник беззакония» между

Бразилией, Парагваем и Аргентиной, внутренние районы Демократической республики Конго, пригороды Кабула и Кандагара в Афганистане. Страшна участь беженцев в Судане, в районе Великих озер Африки, на Западном берегу Иордана.

О каком мировом порядке можно говорить, если едва ли не самая энергичная и уж точно самая молодая и устремленная к самореализации часть мирового населения неотвратимо осознает крах своих надежд, тупик прогрессивного развития?

Но никто в этом мире — включая ООН и все номинально занимающиеся развитием межгосударственные органы — *не собирается* «осветить» темную часть Земли. Позолоченный светом кубик Объединенных наций слился со световым полководцем Манхэттена. Планов мировой электрификации просто нет. А в последние десятилетия трудное встретилось с циничным, обрел наглую самоуверенность лозунг «выживайте сами». Гимны свободному рынку обрели характер защиты прогресса, тупое безразличие одело одежды самоуверенности. Даже лучшие готовы умыть руки. Насильственная смена режимов, стратегия «предваряющих ударов» пока лишь усугубляет положение.

И все это на фоне окончательного истощения главных из жизненно важных мировых ресурсов. В ближайшие годы человечество вынуждено будет осознать, что ископаемое органическое и неорганическое сырье — дар миллиардов лет солнечной щедрости — подходит к своему концу. Через одиннадцать лет в мире уже не будет добываться цинк, через четырнадцать лет иссякнет ископаемая медь, через сорок лет, при росте современного потребления, опустеют нефтяные скважины; через 60 лет из шахт выйдет последний шахтер. Через двадцать лет комбинация бурного роста населения и резкого сокращения водных запасов просто взорвет Ближний Восток. Будет ли освещенная часть мира при этом столь же благополучна? Не придется ли ей силой гарантировать за собой бесценные остатки земных ископаемых, которые прячутся как раз в темных просторах неосвещенной суши?

Но не везде россыпь золотых огней — знак человеческого благополучия. Золотая арка феноменально растущих городов — Лагос — Каир — Карачи — Джакарта, население которых поч-

ти удвоилось за последние двадцать лет (и еще раз удвоится в грядущие двадцать лет), безмолвно фиксирует едва ли не главную драму нашего времени: наряду с прогрессом разгорается пожар несостоявшихся судеб многих сотен миллионов людей. Здесь нестабильность, террор и болезни будут главными факторами жизни. Глобализация подгоняет строительство огромных аэродромов, но не на бетонных полях, а в бетонных пещерах мегаполисов тлеет и зреет несокрушимая сила, способная остановить и уничтожить любую цивилизацию. Это знаки беды, это убежища практически несостоявшихся государств, это полигон отчаянной реакции униженных и оскорбленных.

Темная сторона планеты отнюдь не безобидна. В то время, когда в свете зримого благополучия создаются еще более впечатляющие планы процветания одной шестой части мирового населения, мрак мировой деревни порождает нечто, от чего залитый светом миллиард может однажды содрогнуться. Здесь, во мраке и нищете зреет, может быть, безрассудный и жестокий, но свой ответ на безразличие освещенных. В гербах шести стран узнаваем автомат Калашникова. Но еще страшнее то, что почти все гербы нищих стран вообще не имеют смысла, крах государственных систем сотни больших и малых государств порождает тот хаос, который не раз в мировой истории породил восстания, потоки гнева, смерть разрушения.

Фактически несостоявшиеся государства, не сумевшие перейти на «солнечную сторону» мировой улицы, определенно способны на одно — на вооружение и на создание средств массового насилия. Мировая руанда уже вышла на тропу, которая может стать тропой войны. Радио очень популярно в темных странах, и руандийские дикторы уже призывают к насилию. Страшно не это, а то, что призывов ждут и им подчиняются. Анархия, крах государственных структур ведет к возрождению этнического разобщения, следующим этапом которого явится межэтническая ненависть, религиозный фанатизм, крушение здоровой окружающей среды.

Разрыв. Разрыв между доходами на душу населения в развитых и развивающихся странах интенсифицировался. Согласно данным ООН, всемирный валовой продукт вырос за последние полстолетия с 3 триллионов долларов до 30 триллионов. Но

распределение созданных богатств крайне неравномерно. За исключением примерно десяти стран (т.н. стран больших возникающих рынков: Бразилии, Индии, ЮАР, Турции, Польши, Южной Кореи, Китая, Аргентины, Мексики, Индонезии²⁴⁶) население большинства стран Африки, Южной Азии и Латинской Америки испытало за последние тридцать лет понижение жизненного уровня. Да и вышеназванные страны жестоко перенесли кризисы, подобные разразившемуся в 1997—1998 годах, унесшие с собой средний класс в Южной Корее, Таиланде и Индонезии.

Значительно выросло социальное неравенство. Представляющие развитый Север страны — члены ОЭСР (менее 19% населения Земли) ориентируются на доход в 30 тыс. дол. на душу населения в год, в то время, как жизненный уровень 85% населения земли не достигает 3 тыс. дол. в год. Специализированные агентства ООН рассчитали, что богатство 20% наиболее богатой части мирового населения в 30 раз превосходило имущество 20% наиболее бедных земель в 1960 году. К концу же XX века это соотношение дошло до критического — 78:1²⁴⁷.

Доклад ООН «О развитии» за 2001 год специально отмечает, что «несмотря на присоединение к мировому рынку, такие страны, как Мадагаскар, Нигер, Российская Федерация, Таджикистан, Венесуэла, не получили экономического выигрыша. Эти страны увеличили свою мировую маргинальность»²⁴⁸. В то время как примерно 40 стран добились ежегодного роста в 3% и более, 55 стран — преимущественно в странах южнее Сахары, в Восточной Европе и в Содружестве Независимых Государств демонстрируют падение доходов на душу населения. Эта пропасть не уменьшается, а увеличивается. Мир в начале двадцать первого века значительно беднее и более несправедлив, чем, скажем, полстолетия назад²⁴⁹.

Стандартными показателями распределения богатств являются: доля в мировом валовом продукте; участие в мировой торговле; прямые инвестиции многонациональных корпораций; доля в мировых валютных потоках.

1. «Мировая экономика концентрируется всего лишь в нескольких ключевых странах»²⁵⁰. В 1990-е годы доля развивающихся стран в мировом ВВП составила 15,8 процента²⁵¹. За

последние пятнадцать лет доход на душу населения понизился в более чем 100 странах. Потребление на душу населения сократилось в более чем 60 странах.

2. Доля развивающихся стран в мировой торговле составляла в 1962 году 24,1 процента против 63,6 процента в индустриальных странах. В 1990 году соотношение было 20,0 процента против 71,9 процента. На страны ОЭСР приходится 71 процент мировой торговли. Примерно 150 миллионов человек — население, равное совокупному населению Франции, Британии, Нидерландов и скандинавских стран, — опустились в нищету с распадом Советского Союза²⁵². («Некогда индустриальная страна Россия обратилась к бартеру»²⁵³.)

3. Складывается парадоксальная ситуация: в колониальный период, до 1960 года, страны третьего мира получали половину прямых иностранных инвестиций. Эта доля упала до одной трети к 1966 году и до одной четверти к 1974 году. В 1990 году она составила лишь 16,9%. Картину сегодняшнего дня несколько «искажает» Китай, огромное население которого получает значительные инвестиции из-за рубежа (собственно, лишь восемь приморских провинций из двадцати девяти и Пекин). Если же исключить благодетельствованный Китай, то картина инвестирования в развивающиеся страны будет выглядеть совсем печальной. В это же время 28% развитых стран Земли получили 91 процент прямых иностранных инвестиций.

4. В банках третьего мира лежат лишь примерно 11 процентов всемирного банковского капитала (512 млрд. дол.). Между тем за одно лишь десятилетие (1975—1985) инвесторы из развивающихся стран поместили в банки развитых государств не менее 200 млрд. дол. В 1990-е годы к этим инвесторам присоединились богатые люди из России и соседних стран. Поток выплат развивающихся стран по процентам прежних долгов втрое превышает поток экономической помощи из развитых стран в развивающиеся. Даже организованная на Всемирном экономическом форуме ассоциация 900 крупнейших транснациональных корпораций (ТНК) признала экстренную необходимость «продемонстрировать то, что новый глобальный капитализм может функционировать в интересах большинства, а не только в интересах менеджеров компаний и инвесторов»²⁵⁴.

Согласно оценкам Мирового банка, экономический кризис, начавшийся в Азии в конце 90-х гг., усилил эту тенденцию. За период 1997—1999 гг. число абсолютно бедных в Восточной Азии увеличилось с 40 до 100 млн. человек. Численность, к примеру, индонезийцев, живущих на менее чем 1 дол. в день, увеличилась за это время с 12 до 34 млн. человек²⁵⁵.

В начале XXI столетия пятая (богатая) часть населения планеты имела:

— 86 процентов мирового внутреннего продукта — на нижние двадцать процентов приходился 1 процент.

— 82 процента мирового экспортного рынка (нижние двадцать процентов владели одним процентом), 68 процентов иностранных прямых инвестиций (на нижние двадцать процентов приходится один процент), 74 процента мировых телефонных линий — главного средства современных коммуникаций (на нижние двадцать процентов приходятся полтора процента).

Две тысячи богатейших людей планеты удвоили свое богатство за период 1995—2005 годов, доведя общую сумму до более чем одного триллиона долларов. Богатство трех наиболее богатых людей превышает совокупный ВВП всех наименее развитых стран, оно больше, чем доход 600 млн. человек, живущих в 36 самых бедных странах.

Надежды на сближение полюсов богатства и бедности в мире в целом и в отдельных странах в отдельности видятся в начале XXI века тщетными. Скажем, в Бразилии богатые 10% населения получают 48% всех доходов нации²⁵⁶. Рубеж столетий только расширил имеющуюся пропасть.

— Всего лишь десять телекоммуникационных компаний владеют 86% всего рынка телекоммуникаций на сумму в 262 млрд. дол. 91% пользователей Интернета приходится на развитые страны (чтобы приобрести компьютер, житель Бангладеш должен суммировать свою зарплату более чем за восемь лет, жителю развитого пояса достаточно одной месячной зарплаты). Английский является языком 80% веб-сайтов, хотя этот язык не понимают девять из десяти жителей планеты.

— На первые 10 компаний приходится 84% мировых исследований и разработок. Более 80% патентов, выданных в развивающихся странах, принадлежат резидентам индустриаль-

ных стран²⁵⁷. 97% всех изобретений приходится на развитые индустриальные страны. Числовая технология прочно закрепила два пояса технологического развития.

Как подчеркивает один из руководителей американской программы помощи Л. Гаррисон, «лишения и отчаяние доминируют в национальной жизни развивающихся стран после десятилетия, прошедшего со времени идеологического триумфа капитализма над социализмом»²⁵⁸. Все это создает «два параллельных мира. Те, у кого высокий доход, образование и — буквально — связи, получают свободный и молниеносный доступ к информации. Доступ остальных труден, медлен, дорогостоящ. Когда люди из этих двух миров живут и конкурируют рядом, отсутствие или недостаток доступа к информации лишает бедных всякого шанса»²⁵⁹.

Жизненные условия. Первое условие выживания — питание. 1,2 млрд. людей, живущих на Западе, потребляют пищи значительно больше, чем требует их организм. В США, к примеру, ежегодно расходуется более 100 млрд. дол. для борьбы с последствиями переедания. Пища является самым рекламируемым товаром в США, Франции, Бельгии, Австрии. Каждый второй американец страдает от избыточного веса (55% населения), а каждый пятый — от тучности. Тучность американцев стоит национальной экономике 118 млрд. дол. ежегодно (не считая 33 млрд. дол., идущих на программы диет и пр.). Избыточный вес населения Британии наблюдается у 51% — численность тучных людей за последние десять лет удвоилась. В Германии избыточный вес имеют 50% населения²⁶⁰. Как отмечает американский профессор Э. Кепстайн, «в то время как большинство американцев и европейцев имеют практически неограниченные потребительские возможности, повседневная жизнь миллионов людей в Африке, Азии, Латинской Америке и в странах бывшего советского блока лишена достатка в продовольствии, медицинском обслуживании, образовании и работе»²⁶¹.

Проблема Север — Юг. До сентября 2001 г. подлинная пропасть в уровне жизни тридцати стран-членов Организации экономического развития и развития (ОЭСР) — «золотого миллиарда» — и пяти остальных миллиардов мирового населения

являлась преимущественно предметом статистики, делом справочников, обстоятельством страноведения. Удовлетворенный Запад мог это важнейшее обстоятельство практически игнорировать. После 11 сентября колоссальное различие в жизненном уровне стало *заглавным фактором мировой политики*. Отныне (если борьба с терроризмом рассчитана на годы и десятилетия) факт материального неравенства богатого Севера и бедного Юга *игнорировать невозможно*.

Неравенство в уровне доходов увеличилось особенно заметно в Латинской Америке, в государствах бывшего Варшавского договора. «Трудный переход от системы центрального планирования к рыночной экономике в Российской Федерации и других восточноевропейских государствах создал самый быстрорастущий раскол и неравенство, когда-либо имевшие место здесь... Нищета порождает насилие»²⁶².

Более половины земного населения — более 3 млрд. людей — страдают от недоедания. Анализ, осуществленный экспертами ООН I, показал, что 1,2 млрд. человек страдают тем или иным видом болезни от недоедания — они просто голодают, — а *втрое* большее число людей недоедает. В Индии от голода страдают 53% населения, в Бангладеш — 56%, в Эфиопии — 48%²⁶³. Средний индус сегодня потребляет пищи в 5 раз меньше уровня жителя Северной Америки и Западной Европы (мировая средняя величина — 6 тыс. калорий). Средний африканец получает меньше калорий, чем сорок лет назад. В пяти африканских странах — Кении, Малави, Сьерра-Леоне, Замбии и Зимбабве хронически голодают 40% населения. Пять миллионов детей умирает ежегодно от недоедания, а многие миллионы не способны учиться и овладевать профессиями, ощущая постоянный голод. По оценкам Всемирного банка, голод лишает Индию примерно 28 млрд. дол. только в свете своего воздействия на производительность труда индийских рабочих. Проведенное Международным институтом питания исследование показывает, что абсолютная численность и доля голодных в крупных урбанистических конгломерациях постоянно растет²⁶⁴.

Среди 4,4 млрд. человек, живущих в развивающихся странах, три пятых живут в условиях, не соответствующих минимальным санитарным требованиям: одна треть лишена нор-

мальной питьевой воды, одна четверть не имеет адекватных жилищных условий, одна пятая недоедает. Почти одна треть жителей беднейших стран не доживает до 40 лет. 8 миллионов человек умирают ежегодно от загрязненности воды и атмосферы. Более 150 млн. человек никогда не посещали школу.

Более 1,3 млрд. живут менее чем на 1 доллар в день (между 1987 и 1999 годами их численность, согласно данным Мирового банка, увеличилась на 200 миллионов²⁶⁵). В большинстве стран Латинской Америки «потерянное» десятилетие 1980-х годов сменилось стагнацией 1990-х годов. В большинстве стран Африки долги, болезни и вражда жестко встали на пути экономического и социального развития. При этом развивающиеся страны могут позволить выделить на сельское хозяйство только 7,5% процента своих государственных бюджетов. В результате в Африке южнее Сахары на миллион экономически активного в сельском хозяйстве населения приходится 42 научных сотрудника (занятых исследованиями сельскохозяйственных проблем), а в развитых странах — 2458 исследователей²⁶⁶.

Добавим еще несколько штрихов в складывающуюся весьма прискорбную картину, фактов, которые неизбежно скажутся на нашем будущем.

- Более половины взрослого населения 23 стран неграмотны. Речь идет прежде всего об африканских странах, но также об Афганистане, Бангладеш, Непале, Пакистане, Гаити.

- Более половины женщин в 35 странах неграмотны. Помимо вышеперечисленных речь идет об Алжире, Египте, Индии, Гватемале, Марокко, Лаосе, Нигерии, Саудовской Аравии. Полмиллиона женщин ежегодно прибывают в Западную Европу для сексуальной эксплуатации.

- Продолжительность жизни опустилась ниже 60 лет в 45 странах, преимущественно африканских, но также в Афганистане, Камбодже, Гаити, Лаосе, Папуа-Новой Гвинее. Продолжительность жизни ниже 50 лет определена в 18 странах. В Сьерра-Леоне она составляет 37 лет. В девяти странах Африки прогнозируется сокращение к 2010 году продолжительности жизни на 17 лет.

- Уровень детской смертности ранее 5 лет превышает 10% в 35 странах, отмечен в 35 странах — африканских, а также в

Бангладеш, Боливии, Гаити, Лаосе, Непале, Пакистане, Йемене²⁶⁷.

• Общая сумма, находящаяся в распоряжении организованной преступности, достигла к новому веку 1,5 трлн. дол. (все это официальные данные ООН).

Эта пропасть не уменьшается, а увеличивается. За последние десять лет доля 10 процентов наиболее процветающего населения планеты увеличилась в мировом продукте с 50, 6 процента до 59,6 процента²⁶⁸ и, соответственно уменьшилась доля 90 процентов мирового населения. Совокупное богатство 225 богатейших людей превышает 1000 млрд. дол., что равняется ежегодному доходу 2,5 млрд. бедняков, составляющих 47 процентов человечества.

Фантомом оказались надежды на рост частных инвестиций. За последние годы века финансовый поток из богатых стран в бедные *сократился* на 80 млрд. долларов. При этом нужно иметь в виду, что 95% частных инвестиций идут в узкий ряд стран — в 30 государств. Фактом является, что технологический обмен, культурное сотрудничество и военная взаимопомощь осуществляются преимущественно внутри довольно узкой сферы Северной Атлантики и Восточной Азии — более 90% прямых иностранных инвестиций не покидают круг развитых стран.

Речь, собственно, уже идет не о процветании, а о выживании большинства мирового населения. Может ли мир надеяться на эволюционное развитие, если, скажем, в Сомали более полумиллиона человек в 2001 году из-за засухи умирает от голода? Если в Центральной Америке не менее полутора миллионов человек сейчас находятся на грани выживания в условиях хронической бедности, отягощенной ураганами и землетрясением? Полмиллиона умирают сегодня в Зимбабве после катастрофических ливней.

Позиция Запада. А что же перепроизводящий продовольствие мир? Здесь проблемой является излишний вес, переедание, ведущие к диабету. В 1985 г. больных диабетом в мире было 30 млн. человек. Десятилетием позже эта цифра возросла до 135 млн. Между 2000 и 2030 годами численность пациентов, больных диабетом, возрастет вдвое — до 366 млн.²⁶⁹.

Теперь о помощи. «Фактом является: в то время как знания Запада о том, как избавиться от бедности, достигли новых высот, помощь бедной части человечества сведена до тривиальных сумм»²⁷⁰.

Пик помощи Запада бедным странам был достигнут в 1991 году — 70 млрд. долларов. Эта цифра стала впоследствии уменьшаться прежде всего из-за того, что уменьшили размеры помощи Соединенные Штаты, на которые приходится 17% помощи индустриального Севера страдающему Югу. Даже официальные представители Комитета по помощи Организации по безопасности и сотрудничеству (ОЭСР) упрекнули США в «неадекватности» помощи развивающимся странам. Международная помощь сельскому хозяйству в голодающих странах уменьшилась между 1986 и 1996 годами на 50%, а общая помощь наиболее богатых стран бедным опустилась до невиданно низкого уровня в 0,22 % от их коллективного валового продукта. Она (эта доля) становится все ниже, и все более удаляется от цели, поставленной Организацией Объединенных Наций — 0,7% от ВВП²⁷¹.

Помощь Севера Югу составляет в начале нового тысячелетия 0,25% северного ВВП — что на 50% меньше рекордного уровня 1991 года. Уровень предоставляемой помощи по странам является таковым: Франция — 0,48% ВВП, Германия — 0,33%, Япония — 0,20%, Британия — 0,27%, США — 0,12—0,08% от ВВП²⁷².

Попытка мобилизовать международные финансы — сложное дело. «Призывы к богатым странам увеличить пожертвования на помощь международному сотрудничеству, — пишет американец С. Швенингер, — в течение многих лет не находили отклика, за исключением наиболее интернационально мыслящих стран среднего размера, таких, как скандинавские страны, — но даже они сокращают объем своей помощи... Мы должны двигаться в направлении некой системы глобального налогообложения, которая не зависит от хрупкого благорасположения национальных правительств — хотя и контролируется ими»²⁷³.

Особенно активно «оберегает» своих налогоплательщиков от расходов на помощь развивающимся странам Вашингтон. После нескольких лет общей помощи в жалкие 11 млрд. дол. в

год, правительство Буша пообещало повысить объем помощи до 17 млрд. дол. Но главным получателем помощи был и будет Израиль, за ним следуют такие клиенты Америки, как Египет и Иордания, далее Боливия, на территории которой США ведут борьбу с наркобизнесом. И даже такая помощь вызвала массовое противодействие. Американское правительство успокоило своих налогоплательщиков: 80% от всех сумм помощи фактически расходуется *на нужды американских корпораций и американских консультантов*^{271*}.

Перспективы. Перспектива на ближайшие 30-50 лет не позволяет надеяться на приближение уровня бедных стран к уровню богатых²⁷⁵. Богатые страны консолидируются — «богатые индустриальные страны сближаются друг с другом, а менее развитые страны обнаруживают, что разрыв между ними и богатыми странами увеличивается»²⁷⁶.

Запад полон готовности не отдать своих привилегированных позиций. Наряду с многими апокалиптическими пророчествами французский дипломат Жан-Мари Гуэнно предвидит наступление «нового имперского века, где сила и влияние будут принадлежать обществам и организациям с развитыми технологическими и информационными возможностями»²⁷⁷.

Для бедных стран практически главным условием выхода из состояния безнадежной отсталости является увеличение потребления энергии. Чтобы поддержать мировое потребление на уровне *одной трети* американского (на душу населения), мир должен к 2050 году *утроить* производство энергии. Откуда же может прийти энергия к беднейшим двум миллиардам мирового населения, которые сегодня *абсолютно* не пользуются электричеством?

Такие растущие страны, как Китай, и в ближайшие десятилетия будут извлекать основную массу необходимой энергии из нефти (после 1995 года Индия и Китай превзошли возможности использования собственных нефтяных месторождений и все более обращаются к Персидскому заливу). Но беднейшим странам здесь недостаточно места, что не может не привести к взаимному ожесточению.

Глобальное значение имеет реакция богатого мирового сообщества на гуманитарные катастрофы более бедных стран. Из уже имеющегося весьма горького опыта можно сделать вывод, что события в таких странах, как Сомали, Руанда, Босния, Сьерра-Леоне, показали, что спонтанная реакция, реакция *ad hoc*, отнюдь не предотвращает гуманитарную катастрофу.

Циклические кризисы больше всего скажутся на поставщиках сырья и дешевой рабочей силы. В условиях истощения природных ресурсов развитые страны постараются овладеть контролем над стратегически важным сырьем, что неизбежно обострит противоречия богатых и бедных. Регионы последних будут находиться в зоне спорадической опеки либо тотального забвения. Но бедный мир не смирится с постулатом заведомого неравенства, результатом которого, по мнению И. Валлерстайна, может быть глобальный экономический коллапс²⁷⁸. Равенства «половин» не предвидится — слишком могуч Запад, слишком разъединены бедные страны, хуже вооружены, экономически слабы, политически не солидарны, здесь отсутствуют воля и организация. При этом линия водораздела между богатыми и бедными в Латинской Америке и в Восточной Азии местами весьма размыта. Незападный мир (куда входит и Россия) слишком сложен, чтобы быть введенным — хотя бы для теоретической ясности — в одни скобки.

Такие исследователи, как американец У. Грейдер, полагают, что необходим «новый Бреттон Вудс, новое соглашение, восстанавливающее равенство между богатыми и бедными, для развитых и развивающихся стран»²⁷⁹. Должно возникнуть нечто вроде легально оформленного мирового сообщества. Это предложение, судя по всему, будет воспринято без всякого энтузиазма питающими отвращение к налогам нациями, жестко стерегущими свой финансовый суверенитет. «Но для американского политического класса, включающего в себя новую экономическую элиту, которая обогатилась на *мировом* рынке, преждевременно превозносить достоинства нового — глобального, безграничного рынка и в то же время категорически отказываться от финансирования политической инфраструктуры, необходимой для обеспечения ее жизнедеятельности»²⁸⁰. Весьма скромный налог в 0,1% на нынешние мировые трансакции в 500

триллионов долларов дали бы солидную сумму в 500 миллиардов долларов — весьма значимую сумму для организационной реформы мировых валютных потоков. Ежедневно в мировых транзакциях проходят примерно 1,5 трлн. дол. Компьютерная система могла бы фиксировать этот поток и налагать справедливый (относительно малочувствительный для облагаемых) налог. Но пока это лишь *проекты* будущего примирения двух частей человечества.

Противостояние богатых и бедных стран, возможно, превысит по интенсивности противостояние времен деколонизации. Индусы пишут о возможности «новой экономической холодной войны между индустриальным Севером, руководимым США, и развивающимися странами Юга»²⁸¹. Заведующий программой помощи ООН развивающимся странам Дж. Спет предупреждает: «Риск подрыва огромным глобальным андерклассом мировой стабильности очень реален»²⁸². Речь идет о явлении, превосходящем масштабы прежней холодной войны. «Одним из вероятных сценариев, — пишет С. Кауфман из Совета национальной безопасности США, — может быть иницируемая экономическим неравенством Севера и Юга война с массовыми потерями»²⁸³. Распространение оружия массового уничтожения делает ситуацию взрывоопасной. К месту отметить, что у стран Юга в 1998–2006 гг. появилось ядерное оружие (Индия и Пакистан стали ядерными державами в 1998 г., а Северная Корея и Иран — в 2006 г. Число ядерных держав среди мировых стран-бедняков, которым мало что терять, может увеличиться. Особенно острый период, по ряду прогнозов, последует после 2015—2020 гг.

Что будут делать богатые. Несмотря на наличие потенциала для крупных технологических прорывов и распространение новых технологий, то есть факторов, способных смягчить различные формы неравенства, в 2020 году будет сохраняться значительная неравномерность распределения благ между развивающимися странами, а также развивающимися странами и странами, входящими в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

По данным ЮНЕСКО, в течение ближайших 15 лет процент неграмотных людей от 15 лет и старше будет падать, однако в бедных и развивающихся странах их будет все еще в 17 раз больше, чем в странах ОЭСР. Более того, среди женщин неграмотность будет почти в два раза выше, чем среди мужчин. В 1950 — 1980 годах показатели продолжительности жизни в более развитых и менее развитых странах стали явно сближаться. Вероятно, эта тенденция сохранится во многих развивающихся странах, в том числе и в самых населенных. По данным Американского бюро переписи населения, примерно в 40 странах — в том числе во многих африканских государствах, странах Центральной Азии и России — продолжительность жизни в 2010 году будет более низкой, чем она была в 1990-м.

Даже если многие страны примут эффективные меры по борьбе с распространением СПИДа, социально-экономические последствия этой эпидемии, уже поразившей миллионы людей, будут сказываться на протяжении ближайших 15 лет. СПИД вызвал резкое увеличение смертности среди взрослого населения Африки, что, в свою очередь, привело к небывалому увеличению числа сирот. Сегодня в некоторых африканских странах один из десяти детей — сирота, причем ситуация продолжает ухудшаться. Ослабление и гибель миллионов людей от пандемии СПИДа будет иметь растущие последствия для экономики пораженных ею стран, особенно стран, расположенных к югу от Сахары: полагают, что с начала 1980-х годов здесь умерло от СПИДа более 20 миллионов человек. Согласно проведенным исследованиям, доходы семьи падают в среднем на 50—80% после заражения кормильца. «Вторая волна» СПИДа накрыла Нигерию, Эфиопию, Россию, Индию, Китай, Бразилию, Украину и страны Средней Азии. «Группы риска» будут по-прежнему способствовать распространению болезни среди всего населения. Это, в свою очередь, может поставить крест на экономических перспективах многих стран, подающих сейчас неплохие надежды.

Итак, проблема Север-Юг обозначилась страшной новой гранью. Д. Уорнер в «Интернэшнл Геральд Трибюн»: «Рост неравенства в распределении богатств и отсутствие доступа к принятию политических решений ведет в конечном счете к аг-

рессии, насилию и терроризму. Чем выше уровень фрустрации, тем выше уровни насилия. Чем выше уровень репрессий, тем выше уровень реакции на них».²⁸⁴

Взаимное ожесточение происходит в условиях фактической прозрачности развитого мира, обеспеченной благодаря современной технологии. Между 1980 и 2000 годами число телевизионных приемников на тысячу человек населения удвоилось — с 121 до 235. «Огромные возможности средств массовой информации сделали неравенство в доходах и в уровне жизни *видимым*, увеличилось число людей и стран, *знающих* о контрасте в благосостоянии»²⁸⁵. Молодое население все более отстающего в уровне развития и благосостояния Юга теряет иллюзии относительно занятия достойного места в мире. Ценность жизни в бедном мусульманском мире ничтожна, а ярость получивших образование детей этого голодного мира беспредельна. Именно эта ярость питает Исламскую армию Алжира, Революционные вооруженные силы Колумбии, Аль-Гамая-аль-Ислами в Египте, Исламскую армию Адена в Йемене. Потерявшие надежду на привлекательное будущее, молодые и энергичные горожане Каира, Джакарты и Мехико, которым нечего терять, радикализуются и являются потенциальными рекрутами мирового терроризма.

«Мы должны посмотреть на мир глазами наших противников. .. Готовность террористов умереть за свое дело малопонятна, если мы не вспомним тот факт, что продолжительность жизни в их странах чрезвычайно невелика. Существует огромное различие между богатством нашего населения и бедностью других стран».²⁸⁶ Ожесточение обиженных уже ощутимо. Не только китайцы и мусульмане, но и *индусы* пишут о возможности «новой экономической холодной войны между индустриальным Севером, руководимым США, и развивающимися странами Юга».²⁸⁷

Неравенство в мире прямо ведет к войне отчаяния. США, если они признают себя частью мировой экономики, просто обязаны обратиться к проблеме Север-Юг. Рушащиеся башни Международного торгового центра «должны подвигнуть США на концептуальный прорыв в проблеме разграничения богатых и бедных»²⁸⁸. Если этого не произойдет, будущее для США будет менее многообещающим.

Противоречия внутри. Резко обострится противостояние богатства и бедности *внутри* самих государств Юга и Севера — «между городскими элитами и бедняками из гетто, фавел и развалин. Выскообразованные (нувориши из иммигрантов. — А. У.), связанные в гиперпространстве, говорящие на одном языке о технологии, торговле, профессиях, разделяющие примерно одинаковый стиль жизни, они будут иметь гораздо больше общего между собой, чем с бедняками собственной страны, бесконечно иными по психологии, навыкам и материальному благосостоянию»²⁸⁹.

Вопреки десятилетиям господства социал-демократии, в западном мире довольно неожиданным образом обостряются классовые противоречия. Речь идет о самых богатых странах, где в определенной мере повторяется едва ли не ситуация «позолоченных» 1890-х годов — когда не было подоходного налога и требующих своей доли профсоюзов — с их исключительным социальным неравенством. И сейчас не может быть речи о социальной гармонии в развитых странах: представители верхнего класса, согласно западной статистике, в целом зарабатывают в 416 раз больше, чем средний рабочий²⁹⁰.

Ведущий американский историк Дж. Шлесинджер признает, что «экономическое неравенство дошло в Соединенных Штатах до той черты, когда оно в эгалитарной Америке больше, чем в странах более определенно очерченной классовой структуры — в странах Европы. Банкир-инвестор, спасший от банкротства город Нью-Йорк, Феликс Рогатин говорит о колоссальном переходе богатства от рабочих из среднего класса к владельцам капитала и новой технологической аристократии. Отодвинутый на дно классовой лестницы пролетариат превращается в воинственный андеркласс»²⁹¹. Даже удачливый банкир и филантроп Дж. Сорос говорит о своем страхе перед «интенсификацией дикого свободного капитализма и распространением рыночных ценностей на все сферы жизни, что представляет собой угрозу нашему открытому и демократическому обществу. Неограниченное преследование собственного интереса явит своим результатом нетерпимое неравенство и нестабильность»²⁹².

В сентябре 2005 года специальный доклад ООН «Human Development Report» признал, что «для позитивных оценок *нет* основания. Простая истина заключается в том, что обещания, данные бедным странам, не выполнены». Будущее 40 процентов мирового населения, живущего менее чем на \$2 в день, остается крайне бедственным. Именно среди бедной части населения планеты находятся 39 млн. зараженных ВИЧ-инфекцией. 20 млн. землян уже погибли от СПИДа.

Возможности смягчения противостояния. Неизбежность *противостояния бедных и богатых* «смягчается» несколькими обстоятельствами.

Во-первых, богатый Север настолько сильнее бедного Юга, что силовое противостояние планомерного и рассчитанного на серьезные силовые сдвиги характера практически исключено на многие десятилетия. Хотя две страны Юга (Индия и Пакистан) уже имеют ядерный потенциал, им еще очень далеко до уровня развитых стран Севера.

Во-вторых, нации бедного Юга не обладают искомой солидарностью, не могут найти даже отдаленного эквивалента канувшего в историческую Лету «движения неприсоединения» 50-х годов, солидарности ОПЕК 70-х годов, организационного взаимопонимания южных развивающихся стран в ходе сравнительно краткого диалога Север-Юг (завершившегося в 1984 году в мексиканском Канкуне и во время встречи Север — Юг в мексиканском Монтерее в 2002 г.).

В-третьих, в среде развивающихся стран уже выделились всевозможные «тигры», успешно использовавшие современную технологию государства типа Южной Кореи и Сингапура. Помимо всемирно признанных «тигров» к категории *участников* мирового развития присоединились такие страны, как Чили, Доминиканская Республика, Индия, Маврикий, Польша, Турция. В менее удачливых странах укрепились острова современной технологии — скажем, Сан-Паулу в Бразилии или приграничная полоса сборочных заводов на севере Мексики.

Вместе с расколом Востока и Запада традиционное деление на Север и Юг также может потерять свой смысл к 2020 году вследствие глобализации и ожидающегося возвышения

Китая и Индии, которые считались частью Юга из-за невысокого уровня развития. Традиционные проблемы неравенства между Севером и Югом, вопросы торговли и экономической помощи, безусловно, останутся на первом плане, но некоторые активно развивающиеся страны, особенно Китай и Индия, вероятно, окажутся среди экономических тяжеловесов, или имущих. Они не станут западными странами в традиционном смысле слова, но их нельзя будет считать и представителями неразвитых или не завершивших свое развитие стран. В частности, Китай получит возможность снова считать себя великой державой после нескольких столетий упадка.

В-четвертых, обозначилось осознание грозности проблемы несколькими важными странами. Скажем, Лондон несколько увеличил внешнюю помощь развивающимся странам. Британское правительство официально напомнило о существовании общечеловеческих проблем: «Глобальное потепление, деградация плодородных земель, уничтожение лесов, утрата биологических различий, загрязнение и неограниченная ловля рыбы в океанах, нехватка пресной воды, рост населения и уменьшение плодородной земли угрожают жизни каждого — богатого и бедного, развитого и развивающегося». Как свидетельствуют опросы общественного мнения, проведенные Департаментом международного развития, большинство англичан стало считать, что «деньги редко доходят до нуждающихся». При этом большинство оказало поддержку выдвинутой правительством цели «уменьшить вдвое к 2015 году численность живущих в абсолютной бедности»²⁹³.

В-пятых, несколько меняется курс важных международных организаций. Последние доклады Всемирного банка также говорят о некоторых шагах в правильном направлении. В докладе «Оценивая помощь» делаются признания в неэффективности прежнего курса, что само по себе позитивно. В докладе упоминается, что «передача развивающимся странам одного процента ВВП привела бы к более чем проценту уменьшения уровня бедности и детской смертности». И доклад признает, что «не существует доказательств того, что частный сектор может быть надежным инвестором бедных»²⁹⁴.

А Север «соблазняет» возможностями глобализации, скоростью инвестиционных потоков в «дисциплинированные» страны, подобные Таиланду. Ныне уже большое число западных политологов (Т. Фридмен, например) видят надежду для «брутализированных и оставленных позади народов в глобализации, позволяющей индивидуумам, корпорациям и нациям-государствам достигать быстрее те группы населения, где производство экономичнее»²⁹⁵.

Явится ли это в двадцать первом веке простой «риторикой надежды», оторванной от земной реальности? Если не отрывать от реальной почвы, надежды бедных стран могут покоиться на возможности выхода их товаров (произведенных дешевой рабочей силой) на богатые западные рынки, на привлечении иностранных инвестиций, на формировании крупных региональных рынков, на повышении квалификации производительной силы своих стран.

Надежда покоится на том, что трудно отрицать общий подъем жизненного уровня. Большая часть мирового населения имеет сегодня более высокие жизненные стандарты, чем пятьдесят или сто лет назад. «Что касается достоверной статистики второй половины двадцатого века, то почти нет сомнений в том, — указывает Д. Филдхауз, — что почти все страны третьего мира, не ставшие жертвой войн, гражданских конфликтов и некомпетентности правителей, стали, согласно реальным показателям, богаче... В их среде заметно увеличение продолжительности жизни, общего уровня обеспеченности и уровня образования... Нет оснований утверждать, что результатом инкорпорации третьего мира в мировое разделение труда станет неизбежное обнищание»²⁹⁶.

В определенной мере можно положиться на следующие выводы:

— Весьма сложно доказать, что образование единой мировой экономики сделало развивающиеся страны беднее.

— Развивающиеся страны безусловно стали зависимыми в процессе международного разделения труда, но значительную степень зависимости от других испытывают и все прочие страны.

— Индустриализация в любом случае ведет (часто медленно) к устойчивому типу развития по мере того, как производительный сектор каждой страны начинает в нарастающей степени встречать международную конкуренцию.

— Торговля, специализация и использование уникальных особенностей каждой страны всегда вели к позитивным результатам; дальнейшее зависит от стратегии развития и уровня компетентности правящей элиты бедных стран.

Если же эти мирные способы повышения жизненного уровня окажутся тщетными, может наступить массовое разочарование не только в глобализации, но и в самом несправедливом к мировому большинству порядке. Это ожесточение может создать тягу к милитаризации вплоть до обретения бедными странами средств массового поражения. Переход к насилию тех, кому нечего терять, может быть самой большой угрозой не только удовлетворенной части человечества, глобальному статус-кво, но и собственно выживанию человечества.

Глава 5

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ВЗРЫВ

Пятый фактор, резко меняющий лицо мира, — исключительно быстрый рост населения на нашей планете. *Демографический взрыв* изменяет картину мира весьма радикально. Между 1950 и 2000 г. население Земли увеличилось с 2,5 до 6 млрд. человек. Проекция на будущее разнится довольно радикально, хотя едины в главном — население Земли будет расти быстрыми темпами. По прогнозам ООН, это население составит в 2030 г. 8,5 млрд. человек, а в 2100 г. — до 14,4 млрд. человек²⁹⁷. По оценке Международного института исследований проблем продовольствия прирост мирового населения между 1995 и 2020 годами составит 73 миллиона в год — до 7,5 млрд. человек²⁹⁸.

Половина прироста населения планеты будет приходиться всего на девять стран. Перечислим их в порядке убывания ожидаемого вклада: Индия, Пакистан, Нигерия, Демократическая Республика Конго, Бангладеш, Уганда, США, Эфиопия, Китай. В период между 2005 и 2050 годами по меньшей мере втрое

возрастет население Афганистана, Буркина-Фасо, Бурунди, Чада, Конго, Демократической Республики Конго, Восточного Тимора, Гвинеи-Бисау, Либерии, Мали, Нигерии и Уганды — т.е. самых бедных государств.

Феноменальный рост. Для того чтобы достичь миллиардной отметки, человечеству понадобились тысячелетия, она была достигнута примерно в 1800 г. Для прироста еще одного миллиарда человек потребовалось несколько более ста лет — к середине XX века. За последовавшие пятьдесят с лишним лет население Земли утроилось (до шести с лишним млрд. человек). Ныне мир прирастает на величину населения Бостона или Одессы примерно за два дня. Новая «большая» Германия добавляется к населению Земли каждые восемь месяцев; для создания новой Мексики нужен год²⁹⁹. На протяжении жизни сегодняшних сорокалетних население Земли еще раз удвоится; на протяжении жизни многих живущих сегодня оно утроится³⁰⁰.

Предполагается, что этот рост будет продолжаться до уровня 8—12 млрд. человек. В следующие два десятилетия следует ожидать прироста примерно в 90-95 млн. человек ежегодно — рекордное число женщин окажется в возрасте деторождения. Стабилизация и (возможное) прекращение роста населения Земли придется на период, последующий за 2020 годом, — по достижению уровня более 10 млрд. человек.

Определение «мирового роста» страдает неточностью. Растет не весь мир, а отдельные его регионы. А если быть точнее, то население всемогущего Севера весьма резко уменьшится, а голодный Юг неустанно множит население планеты. Между 2000 и 2050 годами мировое население увеличится минимум на три миллиарда человек. Но при этом население Азии, Африки и Латинской Америки увеличится на 50 процентов, а население Европы уменьшится, как минимум, на сто миллионов человек.

Напомним, что для воспроизведения существующего уровня населения требуется уровень рождаемости в 2,1 ребенка; на современном Западе этот уровень составляет 1,4 ребенка — ре-

волюция в демографии, резко ослабившая Запад. Уровень рождаемости в развивающихся регионах Земли гораздо выше — он равен 3,4 ребенка. В гигантском Китае этот уровень несколько выше показателя 2. В Южной Корее он ниже 2. В Таиланде — 2,1; в Индонезии — 2,8; в Аргентине, Чили, Бразилии и Колумбии — несколько ниже 3. В бедной Индии — чуть ниже 4, а в обездоленной Африке — 6. Население Африки, составлявшее 700 млн. около 2000 г., в 2025 г. составит 1,6 млрд. человек. Китай и Индия достигнут уровня в полтора миллиарда³⁰¹. Бедный мир Азии, Африки и Латинской Америки ныне прибавляет за год к своей численности численность населения весьма крупной страны — Мексики. К 2050 г. он прибавит *более сорока* таких Мексик.

К 2050 г. численность африканцев *превзойдет численность европейцев в три раза*³⁰². На современных пустынных пространствах между Марокко и Персидским заливом расположатся полмиллиарда жителей. В Южной Азии наряду с 1,5 млрд. индусов — 700 млн. мусульман Пакистана, Ирана, Афганистана, Бангладеш. Китайское население достигнет уровня полутора миллиардов человек.

В 2000 г. население восьми «южных» стран — Нигерии, Эфиопии, Демократической Республики Конго, Южной Африки, Судана, Танзании, Кении и Уганды составляло 400 млн. человек, а к 2050 г. оно перевалит за *миллиард*. За это же время население восьми крупнейших стран Южной Америки увеличится более чем на 40 процентов. Быстрый рост населения наблюдается в африканских Уганде, на Мадагаскаре, в Демократической республике Конго и в азиатских странах — Саудовской Аравии, Йемене, Кампучии. Самый большой прирост населения (показатель от 6,8 до 7,3 ребенка на семью) наблюдается в Йемене, Уганде, Афганистане, Анголе. За ними следуют Чад, Ирак, Боливия³⁰³.

В 1950 г. население Испании превосходило население Марокко в три раза; к 2050 г. население Марокко будет вдвое больше испанского. Население Филиппин, вчетверо меньшее японского в 1950 г, будет на 25 млн. большим в 2050 г.

Таблица № . Наиболее населенные нации мира
в первой половине XXI в. (в млн. человек)

Страна	2000 г.	2025 г.	2050 г.
Индия	1014	1377	1620
Китай	1262	1464	1471
США	276	338	404
Индонезия	225	301	338
Нигерия	123	205	304
Пакистан	142	213	268
Бразилия	173	201	206
Бангладеш	129	178	205
Эфиопия	64	115	188
Конго (Киншаса)	52	105	182
Филиппины	81	122	154
Мексика	100	134	153
Вьетнам	79	106	119
Россия	146	136	118

Источник: *The World at Six Billions. Population Division, Department of Economic and Social Affairs, United Nations, 1999; Jenkins Ph. The Next Christendom. The Coming of Global Christianity. Oxford: Oxford University Press, 2002, p. 84.*

Если в 1900 г. население Африки и Латинской Америки равнялось 13 процентам мирового, то в 2000 г. эта доля увеличилась до 21 процента, а в 2050 г. увеличится до 29 процентов. Традиционно воспринимаемый как «маленький» Вьетнам превзойдет по населению традиционно воспринимаемую как «большую» Россию. В грядущие двадцать пять лет население Израиля вырастет на 2,1 млн. За это же время население соседних арабских стран вырастет на 62 млн. человек. Шестнадцать миллионов палестинцев окружают сегодняшнее государство Израиль. А еще через неполных пятьдесят лет — в 2050 г. рядом с 7 млн. израильтян будут жить 25 млн. палестинцев.

Одновременно с резким уменьшением населения в Европейском союзе, общее арабское население Марокко, Алжира, Туниса, Ливии и Египта увеличится в следующие двадцать пять лет на 73 млн. В 2025 г. население Египта достигнет отметки в 96 млн. человек. Обратим особое внимание на Северную Африку, где (в Марокко, Алжире, Египте, Ливии, Тунисе) между 1990 и 2005 гг. население увеличилось почти на 40 процентов. В Сирии население выросло с 12 млн. до 20 млн. В Иордании оно за тот же период удвоилось — с 3,2 млн. до 5,9 млн. Население Газы и Западного Берега удвоилось. Критически важным явилось резкое увеличение населения в период между 1990 и 2005 гг. в Саудовской Аравии (с 15,8 до 25,8 млн.), в Иране (с 56 до 85 млн.), в Ираке (с 18 до 28,4 млн. человек)³⁰⁴.

В результате **«судьба может компенсировать китайцев, исламские и латинские народы за страдания и нищету в двадцатом веке доминированием на нашей планете в двадцать первом веке»**³⁰⁵. Юг силой демографического преобладания превращается в основную силу, меняющую мир. Точнее говоря, этой силой будет бедный горожанин Юга. Городское население составило 29 процентов в 1950 г. Оно увеличилось до 40 процентов в 1980 г. и до 45 процентов в 1995 г.

Ныне примерно половина мирового населения живет в городах. Эта цифра увеличится до 60 процентов в 2025 г. (прогноз ООН) и до 66 процентов в 2050 г. Главным источником перемен будет *молодое и обиженное* население колоссальных мегаполисов мира, расположенных (кроме большого Токио) преимущественно на Юге. Здесь городское население увеличивается на 150 тыс. человек *каждый день*. В 2006 г. в мире насчитывается 33 города с населением более 8 млн. каждый, из них на развивающиеся страны приходится 27 городских конгломерации.

Вашингтон, Париж и Лондон превзойдут доселе почти неизвестные города Кампала, Киншаса, Дар-эс-Салам, Сана. Но вот что приобретет стратегическое значение: в указанных колоссальных городах 220 млн. человек не будут иметь доступа к чистой питьевой воде. Более миллиарда людей будут жить в атмосфере неприемлемого загрязнения воздуха. Присущим большим городам явлением будет безработица. Большие города станут источником движения за социальные перемены, за революции.

Таблица № 3. Крупнейшие городские конгломераты в 2025 г.
(в млн. жителей).

Город	Население
Мумбаи	27,4
Лагос	24,4
Шанхай	23,4
Цжакарта	21,2
Сан-Паулу	20,8
Карачи	20,6
Пекин	19,4
Дакка	19,0
Мехико	18,8

Источник: Проекция ООН (<http://www.sru.edu/depts/artsci/discover/d-6-9b.htm>).

Города эти будут чрезвычайно молодыми. Уже в 2010 г. в развивающемся мире фантастически проявит себя «выброс молодежи» — до 20 процентов молодежи возраста от 15 до 24 лет. Особенно активно проявят себя эти группы населения в Африке южнее Сахары и в таких ближневосточных странах, как Египет, Иран, Ирак. Здесь группы молодежи составят отряд «нерегулируемого» населения. Именно отсюда будет брошен вызов Европе и Израилю, поскольку перенаселенность, урбанизация, понижение жизненных стандартов и растущая социальная нестабильность создали буквально взрывную ситуацию.

Демографический упадок Запада. Вперед выходит фактор демографии. Долгие столетия после катастрофического четырнадцатого века (когда в результате войн и эпидемии чумы Западная Европа потеряла более трети своего населения) Запад отличался стабильным ростом своего населения. Довольно долгое время западное население держалось на весьма стабильном уровне в 180 млн. человек. И только в восемнадцатом веке население Запада начало быстро расти. В 1900 г. на Европу,

Северную Америку и тогдашнюю Российскую империю приходилось 32 процента мирового населения. Столь большая доля объясняется демографическим взрывом, сопровождавшим индустриальную революцию. К середине XX в. население Запада достигло цифры в 750 млн. человек, то есть более одной четвертой мирового населения (составившего тогда менее 3 млрд. человек).

С этого времени Запад по существу прекратил даже воспроизведение уже достигнутого уровня своего населения. В 1950 г. демографическая доля индустриального мира упала до 29 процентов от всего населения планеты. В дальнейшем ритм этого падения ускорился: 25 процентов в 1970 г., 18 процентов в 2000 г., уже всего лишь *одну шестую* населения планеты — малообещающая проекция на будущее. На 2050 г. проецируется дальнейшее движение вниз — до цифры в 10 процентов³⁰⁶; доля западного населения к концу текущего века снизится до *нескольких процентов* мирового населения. В 1900 г. «северяне» превосходили «южан» как 2,5 к 1; в 2050 г. соотношение между ними станет прямо противоположным.

История знает несколько подобных примеров. В классической «Истории цивилизации» американский историк У. Дюрانت называет «биологические факторы» решающими в падении Римской империи. «Серьезная нехватка населения обнаружилась на Западе после императора Адриана... Законы Септимия Севера говорят о *penuria hominum* — нехватке мужчин. В Греции депопуляция продолжалась уже на протяжении столетий. В Александрии население сократилось к 250 году вдвое... Только варвары и восточные народы увеличивали свою численность как за пределами империи, так и внутри»³⁰⁷. Это и погубило имперский Рим. По мнению историка У. Дюранта, «Рим был завоеван не варварскими нашествиями извне, а варварскими манипуляциями изнутри... Быстро растущие германские племена не имели представления о классической культуре, они ее не принимали и не передавали другим; быстро растущие восточные народы не имели других целей, кроме как уничтожить римскую культуру; владеющие этой культурой римляне пожертвовали ею ради стерильного комфорта»³⁰⁸.

Старение населения будет происходить не везде одинаково. В 2050 г. в экономически развитых странах каждый третий житель будет старше 60 лет, а в остальных, отсталых — лишь каждый пятый. Зато в одиннадцати беднейших странах — Афганистане, Анголе, Бурунди, Чаде, Демократической республике Конго, Экваториальной Гвинее, Гвинее-Бисау, Либерии, Мали, Нигере и Уганде — половина населения будет младше 23 лет.

Увеличивающиеся общины христиан жили большими семьями, и предупреждение рождаемости рассматривалось ими как грех, что, помимо прочего, принесло им историческую победу. Сегодня же христианский Запад убеждает развивающиеся страны (и в особенности мусульман) «использовать, подобно западным народам, контрацептивы, аборт и стерилизацию. Но почему незападные народы должны пойти на самоубийство вместе с нами именно в то время, когда после нас они наследуют планету?»³⁰⁹ Американский исследователь Дж. Бернхэм приходит к выводу, который приобретает такую актуальность: «Трудно определить причины чрезвычайно быстрого упадка Запада, который характеризуется потерей лидерами Запада веры в себя и утратой уникальных свойств их цивилизации... Причина в эксцессах материального процветания и усталости, изношенности, которых, увы, не избежать всему временному на Земле»³¹⁰.

Сказывается воздействие двух первых индустриальных революций. Как пишет американский политолог Дж. Курт, «величайшим движением населения девятнадцатого века явилось движение мужчин из деревень в города. Величайшим движением второй половины двадцатого века явилась переориентация женщин с домашней работы на службу в офисе... Воспитание в семье заменилось «несемейным» образованием»³¹¹. В Соединенных Штатах 1950 г. 88 процентов женщин с детьми до шести лет оставались дома; уже через тридцать лет 64 процента американских женщин с детьми до шести лет работали на производстве или в офисе³¹². Поглощенные своей карьерой женщины не интересуются большими семьями, воспитанием детей, новым «бэби бумом». Цифра 1,4 ребенка на семью в современной Америке отражает состояние главной «ячейки общества», характеризующей крепость или уязвимость нации.

В развитом мире численность населения старше 65 лет к 2025 г. увеличится на 60 процентов. Сегодня в США огромный рост численности пожилого населения виден во Флориде. К 2025 г. картина, подобная сегодняшней во Флориде, будет ясно видна в 30 американских штатах. Во Франции рост рабочей силы (населения в «рабочем промежутке» между 25 и 59 годами) составил между 1950 и 1990 гг. 6 млн. человек. Этот прирост «исчезнет» к 2025 г., а численность населения пенсионного возраста увеличится на 6 млн. человек. Еще более отчетливо проблема обозначит себя в Италии; после 1950 г. прирост населения здесь составил 7 млн. человек. К 2025 г. население Италии уменьшится на 7 млн. человек, а численность лиц старше 60 лет увеличится на 5 млн.

Во всей остроте встал вопрос, какова цена гедонизма для «золотого миллиарда», долговременен ли мир, ориентированный на массовое потребление? Ведь сокращение численности работающих будет означать резкое сокращение собираемых налогов, уменьшение сумм накопления, растущую инфляцию, уменьшение возможности оказывать помощь развивающимся странам. По мнению американского антрополога Дж. Анвина, «человеческое общество свободно в выборе либо великого проявления энергии, либо в пользовании сексуальной свободой. Невозможно иметь *и то и другое* на протяжении жизни более чем одного поколения»³¹³. Вооруженные рычаги государства могут быть беспредельно могучими, но ослабление ткани общества не может быть компенсировано даже точным и «умным» оружием.

Нельзя сказать, что западному миру катастрофически не везло в истории нового и новейшего времени. Напротив, Запад феноменальным образом избежал многих реальных и предрекаемых ему бед. Мальтузианская теория вымирания западного населения от голода оказалась ложной. Пролетарии, вопреки Марксу, не сомкнули руки против буржуазной цивилизации. Великая депрессия 1929-1933 гг., так или иначе, была преодолена. Алармистские доклады Римского клуба оказались не совсем точны в предсказании истощения природных ресурсов планеты. Не слушают ли страхи современные демографы? Увы, их выводы обоснованы и убедительны, так что привычный опти-

мизм на Западе в этом отношении уже не действует, хотя бы ввиду того, что фактическое сокращение и практическое исчезновение Запада *произойдет не когда-то — оно ускоренно происходит сегодня*. Уже сегодня незападный мир многочисленнее западного в пять раз; он будет в 2050 г. многочисленнее в *десять* раз. Из этого процесса Западу уже не вырваться — нет на то никаких указаний. Процесс потери Америкой и Европой своего населения только усугубляется, это население уменьшается не только относительно, но и *абсолютно*.

Американские идеологи задают вопрос, почему Буш, Шредер и Ширак принципиально не отвергают обвинений в адрес Запада? Да потому что они «в глубине сердца верили, что обвинения справедливы и что Запад виновен. Если бы все было иначе, Клинтон не отправился бы в Африку просить прощения за рабство»³¹⁴. *А победа в «холодной войне» лишила Запад очевидного объединяющего начала*. Сила Америки не может простираться на весь огромный мир. Во времена Великой французской революции англичанам хорошо было иметь философа Эдмунда Берка, дававшего интеллектуальную перспективу происходящего, но еще лучше было иметь Нельсона и Веллингтона, владевших контрольными военными рычагами. Где же военный дух Запада, полагающегося на наемную армию сегодня, в мире недовольного мирового большинства?

Европейский новый мир и Япония. Среди двух главных бастионов Запада быстрее других падает демографическая значимость *Европы*. Европейский плавильный тигель перестал работать вопреки пышной фразеологии слепых поклонников западноевропейской интеграции в Западной Европе — второй основе Запада. Даже суверенные государства с тысячелетней историей подверглись сокрушительному удару — из двадцати наций мира, имеющих самый низкий уровень рождаемости в мире, *восемнадцать* находятся в Европе. В 2000 г. европейское население составило 728 млн. человек. Согласно прогнозам, между 2000 и 2050 годами население Европы сократится минимум на одну шестую часть; к 2050 г. европейское население максимально составит 600 млн. человек, а, скорее всего, опустится до отметки в 556 млн. человек³¹⁵. Ныне только одна из

пятидесяти североатлантических наций — мусульманская Албания — продолжает демографический подъем, обеспечивающий ее выживание. К 2050 г. Европа потеряет население, равное численности жителей современной Германии, Нидерландов, Бельгии, Швеции, Дании и Норвегии вместе взятых. В Германии (уровень рождаемости которой равняется 1,3 ребенка на семью), к 2050 г. исчезнут 23 млн. немцев и современное население в 82 млн. человек опустится до уровня в 59 млн. (при этом треть населения будет старше 65 лет). К 2100 г. население Германии низойдет до 38,5 млн. (сокращение на 53 процента). В Италии (уровень рождаемости 1,2 ребенка на семью) население к 2050 г. составит 41 млн. человек; население Испании (1,07 ребенка на семью) сократится на четверть.

Важны макропоказатели. При сохранении современных демографических процессов население Европы к концу XXI века составит треть нынешнего — 207 млн. человек. Европа пошла навстречу своей судьбе, возможно, бессознательно — если говорить об отдельных людях, но *сознательно коллективной волей* народов. Многие прогнозы звучат уже как реквием: это «статистика исчезающей расы... Колыбель западной цивилизации становится ее могилой»³¹⁶.

Но еще более отчетливо обнажается демографическая судьба Японии. Пожалуй, наиболее сложным станет положение Японии. В Японии численность населения старше 60 лет составляла в 1950 г. только 8 млн. человек; к 1990 г. их численность удвоилась, а к 2025 г. удвоится еще раз. Работающее же население Японии сократится на 10 млн. человек. К 2015 г. один из четырех японцев будет старше 65 лет. Уже к 2010 г. на каждого пенсионера в Японии будет приходиться 2,5 работающих. Это приведет к сокращению жизненного уровня японцев на 18 процентов. Япония всегда отличалась высоким уровнем сбережений, но пенсионеры не откладывают денег — снижение уровня сбережений на 15 процентов практически неизбежно. Поддержание пенсионных фондов обойдется японской казне в 5-процентный бюджетный дефицит. Уменьшение численности рабочей силы и рост заработной платы приведет к переносу рабочих мест за границу, что неизбежно сократит традиционный положительный баланс японской торговли — с 130 млрд. дол. в

рекордном 1993 г. до уровня дефицита. Понижение уровня жизни пенсионеров потребует увеличения дешевого импорта.

Население -Японии сократится до 104 млн. в 2050 г. Японская исследовательница Мицуко Симомура признает, что «если не будут созданы общественные условия, где женщина чувствует комфорт, растя детей, Япония будет уничтожена за 50 или 100 лет»³¹⁷. При этом население Японии буквально *катастрофически* стареет. Сокращение рождаемости и увеличение продолжительности жизни привели к удвоению численности граждан старше 60 лет между 1950 и 1990 гг. — с 8 млн. до 16 млн. Эта численность более чем удвоится еще раз к 2025 г. За то же время численность работоспособного населения сократится на 10 млн. человек. При экстраполяции существующих процессов на будущее население Японии сократится до 500 человек в 3000 г. и до одного человека в 3500 г.

Объективный фактор: демография. Все в мире меняется, но не все меняется стремительно. Американская нация меняется из-за растущего наплыва иммигрантов и их специфического характера. Этот наплыв в середине 1960-х гг. составлял 300 тыс. человек ежегодно. В начале 1970-х гг. цифра иммигрантов выросла до 400 тыс. ежегодно, а в начале 1980-х гг. достигла 600 тыс. В 1990-е годы произошел примечательный скачок — до миллиона человек в год (речь идет только о легальных иммигрантах). За десятилетие 1990-х годов население США увеличилось за счет иммиграции на более чем 9 млн. человек. Если в 1960 г. доля рожденных за пределами США граждан составляла относительно незначительные 5,4 процента, то к 2004 г. эта доля увеличилась до гораздо более весомых 11,5 процентов³¹⁸.

Раньше большинство иммигрантов прибывало из европейских государств, имеющих сходную с американской культуру. Те иммигранты были готовы заплатить немалую «цену» за приобщение к американскому обществу — они *хотели* быть американцами. Они прибывали из разных стран — ни одна страна и ни один язык не были преобладающими среди иммигрантского потока. Они расселялись по всей широте огромной страны, не составляя заведомое большинство ни к одному крупном городе, ни в одном отдельно взятом штате. Те из них, кто не сумел при-

способиться к американской реальности, возвращались в свои страны. Новая волна иммиграции в США отличается не только массовостью и своего рода *неукротимостью*, но и *местом* происхождения. На этот раз в своем большинстве иммигранты прибывают из Латинской Америки и Азии.

В отличие от прежних волн иммиграции, данная вовсе не гарантирует, что второе и третье поколение сольются в «правильном тигле» — столь различны культуры новоприбывших. «Многие новоприбывшие американцы теперь (2006 г. — А.У.) не уверены в достоинствах главенствующей культуры и, вместо приобщения к единому руслу, предпочитают доктрину многообразия и равной ценности всех культур в Америке»³¹⁹. Теперь иммигранты, замечает М. Уотерс, «не входят в индифферентную монолитную культуру, но скорее вливаются в сознательно плюралистическое общество, в котором существует множество субкультур, расовых и культурных идентичностей»³²⁰. Пришельцы отныне выбирают среди этих субкультур ту, которая более всего соответствует их прежнему историческому и психологическому коду. Важнейшая особенность: *они ныне могут ассимилироваться в американское общество, не ассимилируясь при этом в головную американскую культуру*. Выделились испаноязычные иммигранты и мусульмане, образовательный уровень которых отличается от других иммиграционных потоков.

За 1990-е годы численность американцев мексиканского происхождения увеличилась на 50 процентов — до 21 миллиона; еще шесть миллионов дают незаконные иммигранты. Мексиканцы, в отличие, скажем, от немцев, с трудом ассимилируются в США — сказываются глубокие различия в культуре, в менталитете. Они не желают изучать английский язык. Собственно, их родной дом не США, а Мексика. Они создают свои радиостанции, газеты, каналы телевидения.

В конце XX в. началась подлинная эрозия американского единства. Это выразилось в растущем этническом обособлении. В формировании особых этноцентрических интересов, которые стали выставлять расовую, этническую и другие «поднациональные» идентичности *над* общей национальной идентичностью; в ослаблении (или отсутствии) факторов, которые прежде обеспечивали ассимиляцию.

Важнейшим фактором стало доминирование среди новой волны иммигрантов представителей одного *неанглийского* языка — испанского, что всерьез поставило вопрос о билингвизме в американской жизни; денационализация важных элементов американской элиты, вызвавшая разрыв ее национальных и патриотических ценностей. К началу двадцать первого века давлению начал подвергаться и господствовавший до того английский язык.

Множество организаций, помогающих иммигрантам, вовсе не ставят перед собой цели введения их в общенациональный *мэйнстрим*, Сохранение уникальной групповой идентичности *не* выдвигается как самая существенная задача. Практически одно лишь федеральное правительство Соединенных Штатов осталось организацией, которая могла бы поставить перед собой задачу сохранения единого языка, общей культуры, но оно, в отличие от начала XX века, не ставит перед собой такой задачи. И, как справедливо судит Дж. Миллер, «культ групповых прав являет собой самую большую угрозу американизации иммигрантов»³²¹.

В прежние времена роль ассимиляторов брали на себя общественные школы, именно они приобщали массу будущих американцев к культуре и языку их новой страны. Ныне же — за 1990-е годы пропорция учащихся, идентифицирующих себя как «американцы», упала на 50 процентов, доля американцев определенного иностранного происхождения сократилась на 30 процентов; зато доля тех, кто отождествляет себя с некой иной страной (или национальностью), *увеличилась* на 52 процента³²². Выражаясь словами С. Хантингтона, «общество, которое столь высоко ценит этническое и расовое разнообразие, дает своим иммигрантам мощный стимул поддерживать и утверждать идентичность своих предков»³²³.

Важнейшим фактом последних десятилетий является то, что доля иммигрантов, пожелавших получить американское гражданство, сократилась драматическим образом, а доля тех, кто наряду с американским гражданством сохранил и гражданство другой страны, поразительно возросла. Это т.н. «трансмигранты» или «транснационалы». Большинство из них исходит из стран Латинской Америки. «Статуя Свободы означает

своего рода конечный пункт для иммигрантов из Европы. Но это вовсе не конечный пункт для латиноамериканцев»³²⁴. Четко осознают свою принадлежность к прежнему гражданству жители прежде всего нескольких следующих стран, пославших значительную долю своего населения в США.

<i>Страна</i>	<i>Доля населения данной страны, живущая в США</i>
Ямайка	23,0%
Сальвадор	16,8%
Тринидад и Тобаго	16,0%
Куба	11,3%
Мексика	9,4%
Барбадос	9,2%
Доминиканская республика	8,5% ³²⁵

Неудивительно, что переехавшее из указанных стран население сохраняет теснейшие связи со своей прежней родиной. В то же время увеличивается число стран, позволяющих формировать двойное гражданство, прежде всего латиноамериканских стран.

Между 1994 и 1998 гг. семнадцать из двадцати наиболее активно посылающих свое население в США стран разрешило двойное гражданство. В течение этих лет из 2,6 млн. прибывших в США иммигрантов 2,2 млн. (86 процентов) сохранило двойное гражданство. Мексиканские консулаты стали поощрять мексиканцев в США принимать американское гражданство, сохраняя при этом и мексиканское гражданство. В Западной Европе ныне численность иммигрантов с двойным гражданством составляет цифру где-то между 4 и 3 млн. В Соединенных Штатах эта цифра превышает 7,5 млн. человек. В то же время три четверти из 10,6 млн. родившихся за пределами США американских граждан являются также гражданами еще и другой страны.

Три тысячи из 200 тысяч колумбийцев, живущих в Нью-Йорке, голосовали на президентских выборах 2000 г. в Колумбии; около двух тысяч участвовали в сенатских выборах

в Колумбии в 1998 г. Тысячи доминиканцев вылетели в Доминиканскую республику на президентские выборы 2000 г. Еще более важными, чем личное голосование, являются финансовые взносы тех, кто, живя в США, ощущает себя гражданином другой страны. 15 процентов всех расходов на президентских выборах в Доминиканской республике пришли из Соединенных Штатов. Относительно новым явлением стало участие в выборах в своих странах граждан с двойным гражданством. Особенно это относится к жителям Мексики, работающим в США. В 1997 г. городской советник г. Хакенсака (Нью-Джерси) выдвигался одновременно в сенат Колумбии. Увеличивают ли такие процессы степень лояльности этих новых граждан к США? Лояльные двум (а иногда даже трем) странам граждане мало похожи на тех, кто полностью и бесповоротно связал свою судьбу с Соединенными Штатами. Добавим к этому огромный денежный поток, идущий от граждан двойного гражданства в их прежнюю родину. И это при всем том, что концепция двойного гражданства абсолютно противоречит американской конституции, провозглашающей, что американцы могут быть гражданами только одной страны и могут голосовать только в одном государстве.

Наплыв иммигрантов нового типа привел к тому, что уровень натурализации опустился в США с 63,6 процента в 1970 г. до 37,4 процента в 2000 г. И новые пришельцы интересуются, прежде всего, не звездами и полосами, не историей США, а федеральными социальными программами. Исследователи П. Шак и Р. Смит с большим основанием утверждают, что «получение социальной помощи, а не гражданство — вот что влечет новых иммигрантов»³²⁶. Встает ли в данном случае речь о лояльности и патриотизме? «Те, кто отрицает значимость американского гражданства, — равным образом отрицает привязанность к культурному и политическому сообществу, именуемому Америкой»³²⁷. Альтернативой ассимиляции стало закрепление внутри Соединенных Штатов той культуры и социальных институтов, которые иммигранты привезли с собой.

Процесс исключительно интенсивной иммиграции испаноязычных привел к тому, что в начале XXI в. вызрела перспектива превращения Соединенных Штатов в англо-испанское

общество. Тому помогли мультикультурализм, раскол среди американской элиты, политика правительства в отношении билингвизма и воспитания на двух языках, громкие акции по поддержке меньшинств.

Демографическая *реконкиста* ведет к тому, что влияние Мексики на территориях, некогда отнятых Соединенными Штатами у Мексики, начинает преобладать над влиянием англосаксонского начала. Этот процесс ведет к тому, что граница между США и Мексикой начинает размываться, и на территориях, бывших до 1840-х гг. мексиканскими, латиноамериканский элемент начал усиливаться с необычайно быстрой силой. Обнаружилось, что иммиграция из Мексики несет в себе чрезвычайно своеобразные черты, заставляющие по-новому взглянуть на это подлинное иммиграционное вторжение в США.

Впервые *главный* поток иммигрантов идет из страны, имеющей с Соединенными Штатами трехтысячекилометровую границу. Все прежние потоки в развитый западный мир, так или иначе, преодолевали морские просторы и связанные с этим сложности. У континентальных соседей, США и Мексики, такой границы нет. Нет в мире и столь яркого противопоставления бедности и богатства, как это имеет место в случае с бедной Мексикой и богатыми Соединенными Штатами. Этот поток (довольно неожиданно для североамериканцев) начал зримо расширяться после 1965 г. Тогда, в 1960 году, Мексика не входила в число пяти главных стран, где родились будущие иммигранты в США (Италия — 1 257 000 человек; Германия — 990 000; Канада — 953 000; Британия — 833 000; Польша — 748 000 человек). Ситуация кардинально изменилась к 2000 г.: Мексика—7 841 000; Китай — 1 391 000; Филиппины— 1 222 000; Индия — 1 007 000; Куба — 952 000 человек.

Итак, оценим новую ситуацию, характерную приобретением Соединенными Штатами нового лица.

Во-первых, резко возросло число иммигрантов. *Во-вторых*, латиноамериканцы решительно заняли первое место в новом иммиграционном потоке (27,6 процента всех иммигрантов только из Мексики; следующие далее китайцы составляют всего 4,9 процента). При этом мексиканцы составляют лишь несколько больше половины латиноамериканского нашествия на

США — они увеличились за период 2000 — 2002 гг. на 10 процентов и превзошли афроамериканцев. *В-третьих*, рождаемость среди латиноамериканцев многократно выше, чем у других этнических групп: 3 человека на сотню среди испаноязычных против 1,8 человека у неиспаноязычных, против 2,1 процента у афроамериканцев. Испаноязычные первенствуют в незаконном переходе границы между Мексикой и США. Две трети всех мексиканских иммигрантов, прибывших в США после 1975 г., являются незаконными иммигрантами; мексиканцы составляют 58 процентов незаконных иммигрантов в 1990 г. и 69 процентов в 2000 г. Ныне ежегодная иммиграция мексиканцев составляет 400 тыс. человек в год. К 2030 г. она увеличится до 515 тыс.³²⁸. При этом характерна географическая концентрация испаноязычного населения. Так, две трети мексиканских иммигрантов живет на Западе США, а почти половина из них — в одном штате, Калифорнии. 46 процентов населения Лос-Анжелеса — испаноязычные (из них 64 процента — выходцы из Мексики). К 2010 г. испаноязычные составят 60 процентов населения этого мегаполиса. В 2002 г. 71,9 процента учащихся здесь были из испаноговорящих семей. Впервые рожденные в городе испаноязычные превысили численность остальных родившихся.

Сепаратизм. И при этом уменьшающееся общее западное население, заглянув в пропасть исторического небытия, не консолидируется, а, напротив, погрязает в межэтнических разногласиях. Не креативный плюрализм, пишет знаток западной культуры Ж. Борзун, а ослабляющий всех *сепаратизм* станет сильнейшей тенденцией текущего столетия. Идеал плюрализма дезинтегрировал, и сепаратизм занял его место; возобладала идея, что «салат лучше, чем плавильный тигель»³²⁹. Вполне возможно, что Калифорния превратится в американский Квебек со всем вытекающим сепаратизмом.

В Великобритании бывшие много столетий назад королевствами Шотландия и Уэльс довольно неожиданно обрели собственные парламенты. В собственно Англии традиционный «Юнион Джек» заменен флагом с крестом Святого Георгия. Во Франции бретонцы, баски и эльзасцы борются за региональное

самоутверждение. Корсика желает независимости и введения собственного языка. В Италии Север рвется отделиться от Юга, а венецианцы борются за независимое существование. В Германии празднуют тысячелетие Пруссии. (Та же участь не миновала и Канаду. Не говоря уже о всемирно признанном феномене Квебека, в канадских провинциях Альберта, Саскачеван и Британская Колумбия создаются партии, борющиеся за региональную независимость.)

Помимо всего прочего, расширяющаяся иммиграция — поток рабочей силы прежде всего из исламского мира — безусловно подтолкнет уже обозначившийся сепаратизм в Италии, во Франции (прежде всего на Корсике), в Испании (Баскония и Каталония), в Британии (Шотландия в первую очередь, но и Уэльс), в Германии (Бавария), в Швеции (Скания), в Бельгии (противостояние валлонов и фламандцев).

Получается так, что Североатлантический союз защищает блок стран, чей внутренний стимул, если свести сложное к простому, — максимум удовольствий и минимум забот. Уже сейчас внешнеполитический активизм характерен, собственно, лишь для Соединенных Штатов. На них, как на щит, смотрит Западная Европа (критичная, впрочем, относительно методов Америки). Вашингтон едва переносит эту критику, растет волна недовольства «самовлюбленной» Европой. Встает вопрос, будет ли американцам резон защищать Западную Европу как отрекшийся сам от себя, от дела самозащиты, регион? Американские стратеги предлагают задуматься, оправданы ли жертвенные усилия Соединенных Штатов, продолжающих служить щитом для «морально расслабленных» европейцев. «Что предлагается американцам защищать в Европе? Христианство? Оно мертво в Европе. Западную цивилизацию? Но европейцы своими решениями сами обрекли себя на исчезновение к двадцать второму веку»³³⁰.

В свете этих оценок новый смысл приобретают следующие аналогии. Когда германский канцлер Бетман-Гольвег накануне Первой мировой войны прибыл из Австро-Венгрии в Берлин, его оценка Вены для кайзера была потрясением. «Мы имеем в качестве союзника *труп*». Примерно это же говорят американцы сегодня о Европе, когда пытаются оценить бойцовские качества региона, номинально состоящего в военном союзе с США.

Американцы почти не скрывают своего скепсиса в отношении волевых и силовых возможностей своих европейских союзников сейчас и в будущем. Им — западноевропейцам — понадобится *несколько лет*, чтобы создать объединенные европейские вооруженные силы. И поможет ли это в регионе, питающем отвращение к силовым акциям?

Евроскепсис популярен в США. «Что-то жизненно важное ушло из Европы, — пишет американский автор. — Некогда западные нации были готовы приносить жертвы «за прах предков и за храмы своих богов». Но европейцы сегодня, более богатые и многочисленные, чем в 1914 или 1939 г., не готовы приносить подобные жертвы. Время Европы ушло».³³¹ Оно, полагают американские эксперты, уйдет еще быстрее, если страны — члены ЕС совершат каждая в отдельности культурное самоубийство, передав все права безликим наднациональным органам, не имеющим пафоса исторической самообороны.

...Несмотря на ряд широкомасштабных кампаний по снижению темпа рождаемости, рассчитывать на замедление этого роста нереально. Футурологи приходят к выводу, что «никакая внутренняя организация, никакая внешняя помощь не может преодолеть высокий процент роста населения... Большие разрывы в доходах возникнут не только между третьим и первым миром, но и между теми частями третьего мира, которые сумеют контролировать свое население, и теми, которые не сумеют»³³².

Изменяется и демографическая география. Основной прирост придется на бедные страны, где дневной заработок составляет менее 2 дол. в день на человека. В 1950 г. в развитых индустриальных странах проживала треть человечества, в 2000 г. — меньше четверти, а в 2020 г. — будет менее одной пятой. В Азии в 2020 г. будет проживать более половины (значительно увеличившегося) человечества. Быстрее всего вырастет доля Африки в мировом населении — с 12% в 2000 г. до 15% в 2020 г. Позитивных (в смысле сдерживания рождаемости) факторов не так много. Позитивным в зоне максимального прироста видится пока лишь опыт Китая, стимулирующего ситуацию «один ребенок в семье». Но и здесь в последнее время обнаруживается ограниченность целенаправленной политики сдержанности.

В развитом западном мире демографическая ситуация будет очень неоднозначной. Напомним, что в последние десятилетия среди развитых стран быстрее всего росли Соединенные Штаты (140 млн. человек в 1950 году, более 270 млн. в 2000 году). Население Соединенных Штатов будет относительно молодым, а в Японии, Германии, Франции и Италии оно будет весьма пожилым. «Германия и Япония, — пишет Х. Макрэй, — не будут бедными странами, стоящими на грани катаклизмов, они будут богатыми странами, но начинающими глобальное отступление»³³³. Во всех развитых странах увеличится численность работающих женщин. (Заметим, что самой крупной сферой экономики станет туризм.)

Но во всех развитых странах — в отличие от развивающихся — численность пожилых людей вырастет в двадцать первом веке очень значительно. Большинство живущих сегодня в этих странах будут активными участниками событий двадцать первого века. Половина женщин, рождающихся сегодня в этих странах, встретит двадцать второй век; половина мужчин доживет до 95 лет. Половина населения Японии, Германии, Италии будет в 2050 году старше 50 лет.

Социально-экономическое измерение демографии. Быстрое увеличение населения нашей планеты обостряет проблему массовой бедности. Чтобы прокормить увеличивающееся население планеты, необходимо к 2020 году увеличить производство зерна на 40%. Однако современные темпы прироста позволяют рассчитывать лишь на одну пятую необходимого прироста. Если развивающиеся страны не смогут сами произвести необходимое зерно, тогда их импорт из развитой части мира должен к 2020 году удвоиться (до минимума в 200 млн. тонн), а импорт мяса должен увеличиться в шесть раз³³⁴. Практически определенно можно сказать, что 135 млн. детей до 5 лет станут в 2020 жертвами голода. Африка встретит первой проблему массового голода — ресурсы продовольствия здесь более всего отстают от роста рождаемости, а численность голодных детей к 2020 году увеличится на 30%. «Возникнет мальтузианская угроза совмещения быстрого роста населения и резко сокращающихся запасов продуктов питания»³³⁵. (Америка в 2020 году

будет продолжать оставаться главной кладовой пищевых запасов мира — 60% зерна будет поступать из США.)

Самым важным демографическим обстоятельством, которое в решающей степени повлияет на мир XXI века, будет противостояние умиротворенного и постаревшего мира развитых стран бушующему океану молодого, возмущенного бедного развивающегося мира. На границах богатого западного мира будут стоять огромные мегаполисы, населенные неудовлетворенной молодежью, одним из главных раздражителей которой будет глобализация коммуникаций. Телевизионный мир богатых стран будет генерировать острое классовое чутье обездоленной части мирового населения. И анклавы процветания посреди бедных стран в этом случае не помогут. Эта дорога, предполагающая сосуществование богатых и бедных, поведет систему международных отношений к хаосу.

Трагедия в Дувре в июне 2000 года заставила руководство ЕС начать процесс пересмотра прежних иммиграционных правил, что обещает понижение барьера въезжающим в Европейский союз иммигрантам. Дело здесь не только в гуманитарном аспекте.

Глава 6

ИММИГРАЦИЯ

Мир пришел в движение. Разумеется, демографические процессы повлияют на политику в сфере иммиграции.

Этот мир будет весьма отличаться от западноевропейского (да и от современного американского). Большинство его жителей уже не будут ощущать европейского родства. Рост американского населения совпал с его перемещением с Северо-Востока на Юг и к Тихоокеанскому побережью. Помимо прочего одно лишь подобное демографическое смещение предполагает ослабление связей Америки с Европой.

Все большее вовлечение азиатской рабочей силы (в первую очередь, из Китая, Индии и Индонезии) в глобальную экономи-

ку будет иметь далеко идущие последствия, которые, возможно, стимулируют рост внутренней и региональной миграции. В любом случае эти последствия трудно переоценить: они скажутся на относительных размерах крупнейших мировых мегаполисов и, быть может, станут ключевой переменной величиной, от которой на ближайшие десятилетия будет зависеть уровень политической стабильности (или нестабильности) в мире. Обширные внутренние миграции выплескивают за пределы отдельных стран только небольшую часть внутренних мигрантов (в настоящее время лишь малая толика 100-миллионной армии внутренних мигрантов Китая оседает за границей), однако и эти выбросы могут кардинально изменить ситуацию в других регионах, в том числе в Европе и Северной Америке.³³⁶

Европа. Согласно докладу ООН, стареющее население ЕС так или иначе затребует к 2035 году привлечения в западноевропейскую экономику не менее 35 миллионов новых работников — без этого невозможно поддержать современную пенсионную систему Союза и его передовые экономические позиции. Иммигранты могут привнести новые экспертные знания, они часто занимают рабочие места, непрестижные с точки зрения местного населения. Часто это очень грязная и тяжелая работа.

Германское правительство готово принять на работу 20 тысяч специалистов в электронике и информатике, ирландское правительство рассматривает возможность впустить в страну 200 тысяч квалифицированных работников. В Британию в 1999 году въехало 70 тысяч иммигрантов (46 тысяч в 1998 году), в Германии запросили убежища 100 тысяч беженцев из прежней Югославии. В Голландии ожидают гражданства 10 тысяч иммигрантов. 13% населения Вены — иммигранты. Китайская община в Британии достигла 250 тысяч человек, во Франции — 200 тысяч. Америка, принимая около миллиона иммигрантов в год, сохраняет самый низкий уровень безработицы.

Вопрос остается открытым. Эгоизм наций, отсутствие планетарного гуманистического видения, узкокорыстные предвыборные интересы, игнорирование подлинной демографической революции способны уничтожить элементы позитивного, наблюдающиеся в свете нужды «золотого миллиарда» в умерен-

ном иммиграционном потоке, в приливе квалифицированной рабочей силы и в понимании опасности ожесточения остальных пяти миллиардов бедной части планеты.

Иммиграция как средство поддержания жизненного уровня. Напомним, что самым населенным регионом Запада пока является Европа. Согласно статистическим данным ООН, в 2000 г. в Европе жили 494 млн. человек в возрасте от 15 до 65 лет. К 2050 г. численность европейцев «рабочего возраста» сократится до 365 млн. В то же время численность граждан старше 65 лет (их число ныне — 107 млн.) превратятся в еще более многочисленное сообщество — до 172 млн. человек — треть населения Европы. За ближайшие пятьдесят лет соотношение работающих и пенсионеров изменится с пяти к одному до двух к одному. Европа станет, по словам французского демографа А. Сови, «континентом старых людей, живущих со старыми идеями в старых домах»³³⁷. Рабочая сила, к примеру, Германии уменьшится за грядущие полвека с 41 до 27 млн. человек. Это создаст напряжение в реализации обширных социальных программ. Имея на четверть меньшее рабочее население и почти удвоение численности пенсионеров, стареющая Европа задумается над привилегиями, от которых никто не собирается отказываться.

Чтобы сохранить общество «благоденствия», западные страны будут вынуждены повышать налоги. Это болезненно, особенно для «стран, где у работающих уже отнимаются не менее 40 процентов заработанного. Если же мы прибегнем к дефицитному финансированию, то быстро израсходуем все накопленное в развитом мире»³³⁸. Выбор невелик: огромные новые налоги плюс увеличение рождаемости. На увеличение рождаемости надежды невелики. Что более реалистично — импорт рабочих из-за пределов региона. Таков неизбежный выбор.

К 2050 г., если Европа пожелает сохранить свой нынешний уровень населения, она будет нуждаться в 169 млн. иммигрантов. Разведывательное сообщество США: «Европейская и японская популяции быстро стареют, что требует более 110 миллионов новых рабочих к 2015 г. для поддержания текущего уровня между работающими и пенсионерами». Цифры на 2050 г. будут, разумеется, значительно больше³³⁹.

Недавно опубликованный секретный доклад французского правительства приводит весь набор аргументов относительно того, что у Европейского союза нет альтернативы призыванию 75 млн. иммигрантов. Англичанин Дж. Стил пишет так: «Чтобы предотвратить падение жизненных стандартов, страны ЕС обязаны будут произвести 60-кратное увеличение потока иммигрантов»³⁴⁰. Если же Европа пожелает сохранить нынешнее *соотношение* работающих и пенсионеров, то она будет нуждаться в 1,4 млрд. иммигрантов. Для многих западных стран массовая миграция представляет собой единственное средство сохранить производительное общество³⁴¹. (При этом французские эксперты признают, какие это породит проблемы в создаваемом расовом обществе-гибриде, но не видят иной дороги, подлинной альтернативы «взаимному культурному оплодотворению»).

Скорее всего, новые рабочие придут из Африки и с Ближнего Востока. Этот процесс идет по «накатанным рельсам». Он берет свое начало в 1960-х годах, когда ограниченные «холодной войной» западноевропейские страны не могли черпать рабочую силу из восточноевропейских источников. Британия обратилась к Ямайке и Пакистану, французы к Алжиру и Западной Африке, немцы к Турции. Между 1993 и 2003 годами численность одних только *незаконных* иммигрантов в ЕС увеличилась в десять раз. В одном только 2000 г. Британия приняла 185 тысяч иммигрантов. И ныне половина Лондона — небелые люди. К концу 21 века их в британской столице будет большинство. По самым минимальным оценкам мусульмане составляют 3 млн. в Германии, 2 млн. во Франции, миллион в Британии и 750 тысяч в Италии.

Поддержание своих семей и друзей является одним из стимулов миграции из Азии, Латинской Америки и Африки в богатые регионы Запада. И не только из предельно бедных. Так, из Малайзии ежегодно выезжают на заработки около полутора миллиона человек. Эти посланцы Юга отправляют домой около ста миллиардов долларов ежегодно — сумма совместимая с прямыми инвестициями в бедные страны. Десятая часть филиппинцев работает за пределами страны, добывая почти 10 процентов валового национального продукта Филиппин.

В странах, никогда не бывших (в отличие от Соединенных Штатов) «плавильными тиглями», нашествие иностранцев может вызвать культурный и политический шок. Африканцы и азиаты стали частью западноевропейской структуры, базирясь прежде всего на крупных городах. Марсель, собственно, уже не французский город, а Франкфурт заметно теряет немецкие черты (30 процентов иммигрантов, 27 мечетей). Мусульмане составляют пятую часть населения Вены. В Лондоне прежнее белое большинство превратится в меньшинство уже к 2010 г. (А по всей стране белое население станет меньшинством к 2100 г.³⁴².)

Этот поток неостановим хотя бы потому, что его фактически требуют предприниматели, им нужна рабочая сила. И прибывающие из Северной Африки и Ближнего Востока арабские иммигранты везут с собой в Европу как свою собственную религию и политические взгляды; речь идет, прежде всего, об исламе. Массовая миграция из исламского мира настолько изменит этнический и конфессиональный состав Европы, что у европейцев уже никогда не будет волевых ресурсов вмешиваться в дела Северной Африки, Персидского залива, Ближнего Востока. (Показательно, что европейцы уже сегодня игнорируют американские санкции в отношении Ирана, Ирака, Ливии).

Миграция населения. Согласно данным американского Бюро цензов, примерно половина населения земного шара живет в странах и регионах, где уровень рождаемости недостаточен для простого воспроизводства имеющейся численности населения. Эти территории включают в себя не только Европу, Россию и Японию, где проблема стоит особенно остро, но также и такие развитые страны, как Австралия, Новая Зеландия, Северная Америка, а также некоторые восточноазиатские страны, такие, как Сингапур, Гонконг, Тайвань и Южная Корея. Некоторые развивающиеся страны, включая арабские и мусульманские государства, такие, как Турция, Алжир, Тунис и Ливан, также подходят к уровню ниже коэффициента 2,1 ребенка на одну женщину, который необходимо поддерживать для обеспечения долгосрочной стабильности численности населения.

Сегодня половина врачей и дипломированных специалистов, родившихся в Нигерии, живут в Соединенных Штатах. Большинство экспертов полагает, что утечка мозгов из стран Ближнего Востока и Африки не уменьшится. Напротив, ее уровень может возрасти с увеличением возможностей устроиться на работу в развитых странах, особенно в Европе³⁴³.

В этих условиях неизбежна миграция бедного населения. «Зоны демографически высокого давления в Азии, — отмечает индийский специалист Гурмит Канвал, — будут породить движение в зоны низкого демографического давления в Америке и Австралии; даже самые суровые иммиграционные законы не остановят это движение, что неизбежно вызовет применение силы»³⁴⁴. Среди трех наиболее развитых капиталистических регионов Япония категорически и абсолютно закрыла себя от въезда иммигрантов. Две другие зоны — Европа и Америка — руководствуются другой политикой. Наиболее открыты США и Канада. Соединенные Штаты принимают в год около миллиона иммигрантов — больше, чем все другие развитые страны, взятые вместе (увы, предпочтение дается не максимально нуждающимся, а молодым и образованным специалистам).

Рядом с Европой (самое старое и богатое в мире население) находится Африка с самым молодым и самым бедным населением. Приглашая дешевую рабочую силу во время бума 50—70-х годов, западноевропейцы способствовали созданию значительных анклавов африканского, азиатского, мусульманского населения. Но позднее свобода приема сменилась на ужесточение во всех основных странах Западной Европы. Практически неизбежно, что и в ближайшие десятилетия Европа устроит иммиграционный контроль. (Международная миграционная служба ООН полагает, что на незаконном ввозе иммигрантов преступные организации зарабатывают до 7 млрд. дол. ежегодно. Исследователи доводят эту цифру до 12 млрд.³⁴⁵.)

Эмиграция из бедных стран изменит лицо мира. Обездоленные нашего мира все больше устремляются в регионы с более высоким жизненным уровнем. Так, за 80—90-е гг. в США легально и нелегально въехали 15 млн. иммигрантов. И этот поток по направлению Юг-Север будет шириться. Да и как может быть иначе, если, скажем, фирма «Асеа Браун

Бовери» за одну и ту же работу платит в Германии 30,33 доллара в час, а в соседней Польше — 2,58 доллара. Можно ли остановить алжирцев, имеющих доход в 700 долларов в год от попыток прорваться во Францию, где уже обосновалась многомиллионная арабская община и где рабочий получает в среднем примерно 30 тысяч долларов в год? В Гонконге президент Ассоциации судовладельцев А. Боуринг предупреждает: «Если вы получаете двадцать долларов в месяц и смотрите по телевидению американские мыльные оперы, искушение отправиться в путь неукротимо»³⁴⁶.

Богатые обособляются. Даже самые лучшие умы Запада не видят способа остановить миграцию бедных, кроме создания в качестве границ богатого мира «проволочных оград с током высокого напряжения. Без такой политики мигрантов остановить нельзя»³⁴⁷. Хороший вывод из уст тех, кто славословил крушение берлинской стены. Прежде благожелательная к черным иммигрантам Британия практически закрыла въезд иммигрантов. Мир 2020 г. для Британии в этом смысле — если некоторая готовность лейбористов к приоткрытию острова не будет поддержана населением — будет сильно отличаться от мира 1990 г. Трагедия в Дуврском порту, где по пути в благополучную Британию погибли в июне 2000 года 58 нелегальных китайских иммигрантов, подчеркнула глубину проблемы. В марте 2006 г. автор наблюдал прибытие в Испанию из Мавритании в лодке «плавучих мигрантов». 29 из них были уже мертвы.

Судя по росту правого экстремизма в данном вопросе, более чем вероятно, что небелые, живущие в Европе, будут подвергаться той или иной форме дискриминации. Этническая неприязнь и дискриминация, вероятно, станут общим феноменом всех частей Европы.

В США, полагает американский исследователь Х. Макрэй, к старой вражде между белыми и черными присовокупится новая вражда между новыми иммигрантами (скажем, корейцами) и афроамериканцами³⁴⁸. В Италии прежний премьер и лидер партии «Форца Италия» Сильвио Берлускони выступил за контролирование побережья страны военными кораблями, начина-

ющими огонь по прибывающим незаконно судам без предупреждения. Во Франции шовинист Ле Пэн — второй по значимости после президента республики политик страны. Швейцария готовится к референдуму, который сократит число иностранцев в стране с 20 до 18% от общего населения. Ведущий деятель ХДС в ФРГ Ю. Рутгерс ведет борьбу против иммиграции под лозунгом «Дети — не индейцы», имея в виду, что приезд представителей других культур создаст опасность для молодого поколения Германии. Среди главных угроз международной безопасности американские исследователи выдвигают на первый план «революцию или широко распространившееся гражданское недовольство в Мексике, которое неизбежно вызовет резкое увеличение потока беженцев в направлении границы США»³⁴⁹.

Иммигранты помогут продлить бум в экономике (скажем, американской), но они создадут опасные культурные противоречия между собой и — что не менее важно — между «новыми» США и остальным миром. В США будут существовать более заметные, чем в Западной Европе или Японии, анклав очень бедного населения — острова третьего мира посреди в высшей степени индустриализованного общества. Это скажется на образовательных стандартах, уровне занятости, способе участия в политической жизни. В Западной Европе тоже сформируются впечатляющие анклав культуры, отличной от главенствующей, — но не в масштабах, сравнимых с Соединенными Штатами, где, к примеру, испанский язык будет языком народных масс Калифорнии, а английский — языком сужающейся элиты (в результате чего граница США с Мексикой будет практически стерта).

Выступающая против прилива иммиграции оппозиция на Западе в наступившем веке укрепит свои позиции. Американская элита (прежде всего, в республиканской партии) усилит призывы прекратить помощь и легальным, и нелегальным иммигрантам пенсионного возраста³⁵⁰. В 2006 г. в Америке началась борьба «за» и «против» амнистии в отношении 12 миллионов незаконных иммигрантов. Пообещавший выселить из Франции три миллиона иммигрантов Ж.-М. Ле Пэн уже получил 17% голосов избирателей на национальном уровне во время президент-

ских выборов 2002 г. В будущем, предсказывает англичанин С. Пирсон, «в условиях постоянной большой безработицы французский народ поставит вопрос о дополнительном бремени и социальном хаосе, создаваемых наличием больших меньшинств — иммигрантов из Северной Африки. В это же время меньшинства (прежде всего, арабские), сами страдающие от высокого уровня безработицы — почти в 50%, выйдут на улицы с требованием равенства всех граждан Франции»³⁵¹. Теневой кабинет консерваторов в Британии выступает за ужесточение иммиграционных законов, и в случае возвращения консервативной партии к власти, Британия станет еще менее «проницаемой». Антииммиграционные тенденции Народной партии Хайдера в Австрии, видимо, лишь окрепнут.

Все это не обещает безоблачных времен для мирового общества, ожесточение богатых и бедных может принять любые формы вплоть до силовых. Расовый нативизм в Западной Европе породил в 1990-е годы политические партии, получившие до 20 процентов голосов электората.

Америка. Как относится к эмигрантскому наплыву американское население и лидеры страны? Преимущественно негативно. 84 процента американской общественности (51 процент лидеров) считали перевод рабочих мест за границу негативным явлением, которое следует сдерживать. Среди 22 наиболее развитых стран Америка значится восьмой по общественной поддержке таможенного протекционизма. Это означает, что средний американец боится конкуренции более дешевой рабочей силы, порождаемой прежде всего иммиграцией. 84 процента американской общественности (и 61 процент лидеров) считают международный терроризм «критической важности угрозой» для США.

Напомним, что за два последних десятилетия XX в. в США въехало больше иммигрантов, чем когда-либо за американскую историю. 90% всех иммигрантов из развивающихся стран прибыли именно в Америку. США останутся единственной среди развитых государств страной, которая в XXI в. не перекроет (сознательно, определенно и однозначно) каналы въезда на постоянное проживание. (Хотя будут действовать введенные ис-

полнительной и законодательной властью квоты для иммиграции в США для всех стран, дающие преимущества определенным группам населения). Это скажется на демографическом составе страны. В 2050 г. белое население еще будет большинством, но уже весьма шатким. Между 2000 и 2050 годами доля испаноязычного населения вырастет с 10 до 21% (по некоторым прогнозам до 25% всего населения — 100 млн. человек³⁵²), азиатское население составит 11%, чернокожее — до 16%, краснокожие американцы — до 1,5%. Доля белого населения уменьшится с 75 до 53%³⁵³. Американский мир уже не сможет управляться не только взятыми отдельно англосаксами, но и белой расой в целом.

Канада и Мексика будут значительно интегрированы в Североамериканское общество (с известной потерей прежней американской идентичности). Миграция квалифицированных канадцев и малоквалифицированных мексиканцев будет массовой. К 2020 г. уровень жизни в приграничных с США районах Мексики достигнет такого уровня, что пресс иммиграции через реку Рио-Гранде, отделяющую Мексику от США, ослабнет. Ближе к США станет и остальная Латинская Америка, а в США будет все больше «маленьких Доминиканских республик».

Стремление сдержатъ. Часть испаноговорящей элиты довольно быстро переходит в космополитическое состояние, овладевая английским языком. Но обширные группы населения держатся за свои ценности, им свойственна высокая степень национальной гордости. Здесь очевидно стремление сохранить прежние нормы в пределах приемлемых условий эволюции, традиционные каноны языка, культуры, ассоциаций, религиозной и национальной идентичности, обычаев. И общественность на опросах проявляла больший, чем у элиты, пессимизм в отношении США и пребывания в них: в 1998 г. 58 процентов широкой общественности (и только 23 процента элиты) полагали, что в XXI в. будет больше насилия, чем в XX в.

Хотя об Америке принято думать как о нации иммигрантов, было бы ошибкой думать, что население Соединенных Штатов благосклонно относится в массовой иммиграции. И это явление не только сегодняшнего дня. В 1930-е годы до 83 процентов американцев выступали против массового наплыва им-

мигрантов. Между 1945 и 2002 г. до 66 процентов американского населения противились расширению иммиграции. В 1997 г. США были пятой державой (уступавшей только Филиппинам, Тайваню, Южной Африке и Польше), чье население противилось иммиграции. 62,3 процента населения США — «нации иммигрантов» — хотели закрыть дорогу вновь прибывающим. Даже недавно прибывшие испаноговорящие требовали сокращения потока въезда новых граждан или рабочих.

Если история дает основания для суждений, то трудно отказаться от мысли, что неотвратимое быстрое демографическое изменение способно вызвать взрыв по северную сторону Рио-Гранде. Практически нет сомнений, что североамериканский социум ответит на изменения жестко. В далеком 1917г. Т. Рузвельт буквально заклинал: «Мы должны иметь один флаг. Мы должны иметь один язык. Это должен быть язык Декларации независимости, прощального послания Вашингтона, речи Линкольна при Геттисберге».

Новая реальность — новый характер американского общества уже создает т.н. *нативистское движение*. Идеино оформляются *новые белые националисты*. Их характеризуют сегодня как «культурные, интеллигентные, часто обладающие внушительными научными степенями, данными лучшими американскими университетами; они очень отличаются от политиканов-популистов или лидеров ку-клукс-клана Старого Юга». Они не будут призывать к провозглашению расового превосходства белых. Они выступают за «расовое самоопределение и самосохранение».

Как пишет С. Хантингтон, «если бы ежегодно миллион мексиканских солдат пытался вторгнуться в Соединенные Штаты, и более 150 тысяч проделывали бы это успешно, обосновываясь на американской территории (при этом мексиканское правительство требует от США признания законности этого вторжения), американцы бы пришли в ярость и мобилизовали бы все свои ресурсы для выдворения захватчиков из своих пределов. Но нелегальное демографическое вторжение сравнимого объема происходит каждый год, и президент Мексики призывает его легализовать»³⁵⁴.

В США протест белых материализуется скорее не в создании новой политической партии, а в формировании достаточно

широкого политического движения, чье влияние приобретет исключительную значимость для противоборства основных двух политических партий. Британский «Экономист» уже отмечает, что в Калифорнии «белые, некогда бывшие столь щедрыми в отношении новопришельцев, стали вести себя как меньшинство, находящееся под давлением»³⁵⁵. Если Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения — легальна, то почему должны смотреться нелегальными национальные организации, защищающие права белого населения? В одном из исследований уже можно прочесть: «Измена белой расе является собой лояльность человечеству»³⁵⁶. Пока в тексте звучит самоуспокоение. Как долго?

Серьезные американцы, критически оценивают «меняющуюся демографию, появление мощных новых социальных сил, продолжение существования политики расовых преференций, растущие запросы этнических меньшинств, продолжение действия либеральных иммиграционных законов, растущую обеспокоенность американцев потерей трудовых мест, требования мультикультурализма, способность Интернета собирать вместе одинаково думающих лиц с целью их сплочения для выработки стратегии, воздействующей на всю политическую систему... Америка рискует войти в крупномасштабный расовый конфликт»³⁵⁷.

Такие американские идеологи, как С. Хантингтон, ставят вопрос достаточно жестко: не существует *Americano Dream*, есть только *American Dream*, созданная англо-протестантским обществом. Американцы латиноамериканского происхождения могут разделять эту мечту, если будут мечтать о ней по-английски. В текущей же ситуации — «без национальных дебатов или сознательно принятых решений Америка трансформируется в нечто, очень отличное от того, чем она была прежде»³⁵⁸. Америка превращается в страну с двумя народами и двумя официальными языками, двумя культурами и, фактически, двумя цивилизациями.

Это обстоятельство будет иметь общеглобальный отзвук — мультикультурализм вступит в решительную борьбу с «плавающим тиглем» — начало долгого сражения общецивилизационного значения.

КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ БУДУЩЕЕ МИРА

В течение ближайших пятнадцати лет религиозная идентичность, скорее всего, будет становиться все более значимым фактором самоопределения человека³⁵⁹.

Шестой фактор феноменальных перемен носит конфессиональный характер. Религия играет все более важную роль в самосознании людей. И прозелитизм присущ практически всем мировым религиям. Наблюдается рост числа новообращенных и проявление **более глубоких религиозных убеждений** у верующего большинства планеты.. Например, в таких странах, как Китай, влияние марксизма ослабевает, тогда как конфуцианство, буддизм, христианство и другие религии получают широкое распространение. А в традиционно глубоко католической Латинской Америке растет процент новообращенных евангелистов. Во многих обществах границы между религиозными группами и внутри них могут становятся не менее важными, чем национальные границы. К примеру, христианско-мусульманские разногласия в Юго-Восточной Азии, раскол в исламском мире между шиитской и суннитской общинами, и островки потенциальных религиозных и этнических конфликтов в Европе, России и Китае, которые станут существенными факторами в картине мира 2050 года.

Новое христианство. На протяжении последних пяти столетий христианство было неразрывным образом связано с западным миром, с Европой и Северной Америкой. До недавнего времени подавляющее большинство христиан приходилось на белые нации Запада, что позволяло говорить о «европейской христианской цивилизации». Собственно, *христианство было религией Запада* и было идеологической основой западного империализма, религией богатых. Собственно, еще в 1970-х годах

«христиане» в США обозначали нечерных, небедных и немолодых. Важно указать на перенос центра тяжести отдельных религий. Обратимся прежде всего к христианам.

Таблица № 4. Наибольшее число христиан по странам (в млн. человек).

Страна	2000	2025	2050
США	225	270	330
Бразилия	164	190	195
Мексика	95	127	145
Филиппины	77	116	145
Нигерия	50	83	123
Конго (Киншаса)	34	70	121
Эфиопия	36	65	79
Россия	90	85	80
Китай	50	60	60
Германия	58	61	57

Источник: Jenkins Ph. The Next Christendom. The Coming of Global Christianity. Oxford: Oxford University Press, 2002, p. 90.

В 2005 г. в мире живут около двух миллиардов христиан. Наибольшее их число сегодня — 560 млн. человек — живут в Европе, 480 млн. человек в Латинской Америке, 360 млн. в Африке и 260 млн. в Северной Америке. Но уже в 2025 г., когда в мире будет 2,6 млрд. христиан, 633 млн. из них будут жить в Африке, 640 млн. — в Латинской Америке, 460 млн. в Азии. Европа с 555 млн. опустится на третье место³⁶⁰. В 2050 г. белые (неиспанского происхождения) христиане составят только *одну пятую* от общего числа христиан в мире. «Эра западного христианства прошла, и встает рассвет южного христианства. Факт этого изменения уже нельзя отрицать, это *уже* случилось»³⁶¹.

Когда в 1998 г. отмечалась пятидесятая годовщина создания Мирового совета церквей, то проведена всемирная конференция была в Зимбабве. Одним из главных (если не главным) христианских центров будет Бразилия. А 60 процентов католи-

ков будут жить в Африке и Латинской Америке (66 процентов в 2050 г.).

Бороться с этими цивилизациями сложнее. Как пишет англичанин Роберт Харви, «войну против коммунизма, сравнительно краткосрочной секулярной идеологии, можно было выиграть; война против глубоко укоренившихся религиозных верований сотен миллионов людей не может быть выиграна принципиально»³⁶². Возможно, ислам — уникально авторитарная вера, но уже одного его противостояния с христианством достаточно для эпической битвы.

Футурологи еще привычно рисуют будущее как продолжение современного мира, но это все более оторванные от жизни мечтания. Отметим, что среди двадцати пяти наиболее крупных стран мира в 2050 г. в *двадцати* будет преобладать **либо ислам, либо христианство**.

Представляется, что и растущее незападное христианство не будет встречено в США с подобающей серьезностью — как примитивный ориентализм, как жалкая потуга «третьего мира» породить *учение*. Как просто нечто чудовищное, породившее, скажем, массовые самоубийства в Уганде в 2000 г. Кровавое противостояние в Индонезии или Судане оценено Западом как просто зверство. До сих пор Запад был способен лишь *обличать* «шиитских монстров» и стереотипы примитивной Африки, явления из пустынь и джунглей.

Между тем все главные конфликты наступившего третьего тысячелетия так или иначе связаны с различием в религиозной и культурной лояльности, что с трудом представлялось всего лишь десятилетие назад. Конкурирующие концепции бога заменили диалектический материализм. Как пишет Ф. Дженкинс, много насилия таит в себе представление, что «некоторые жизни более ценны, чем другие». Битвы, которые уже ведутся в Африке и Азии, определяют лицо двадцать первого века. В мире, где Запад будет секулярным, рациональным, а остальной мир — фундаменталистским, Запад может встретить, при всей своей мощи, тяжелые времена.

Хватит ли у него силы? Готовы ли США поддерживать независимость Кувейта перед лицом стомиллионного Ирана и пятидесятимиллионного Ирака после 2025 года? Создать вариант

«регентства Макартура» над огромным арабским миром США уже не могут чисто физически. При этом следует учитывать, что, как минимум, у Ирана будет ядерное оружие и ракеты.

В предстоящей борьбе противником Америки будет не традиционный военно-политический антагонист, а иное видение места на планете человека и Бога. Исход грядущей битвы будет прежде всего зависеть от деятельности образовательных систем, от ориентации масс медиа, от преобладающего общественного мнения, от мировосприятия молодого поколения нашего мира, от доминирующей культуры и фактора решимости ее защищать. При определенном культурном повороте Запад может оказаться не в состоянии выдвинуть политических деятелей, способных на выработку стратегии, а не суммы рефлекторных действий.

Где будут соборы. Кенийский исследователь Дж. Мбути приходит к выводу, что «университетские церковные центры располагаются уже не в Женеве, не в Риме, Афинах, Париже, Лондоне или Нью-Йорке, а в Киншасе, Буэнос-Айресе, Аддис-Абебе и Маниле»³⁶³. В 1950 г. в списке наиболее населенных христианских стран значились Британия, Франция, Испания, Италия. Ни одной из этих стран *не будет* в подобном списке 2050 г.

*Таблица № 5. Католики в мире 2025 г. .
в млн. верующих (прогноз).*

Континент	2000	2025
Латинская Америка	461	606
Европа	286	276
Африка	120	228
Азия	110	160
Северная Америка	71	81
Океания	8	11
Общая численность	1056	1362

Источник: World Christian Encyclopedia. New York: Oxford University Press, 2001, p. 12.

Религиозный баланс между крупнейшими странами в XXI веке. 1. Преимущественно мусульманские страны: Пакистан, Бангладеш, Саудовская Аравия, Турция, Иран, Йемен. 2. Преимущественно мусульманские страны со значительными христианскими меньшинствами: Индонезия, Египет, Судан. 3. Преимущественно христианские страны: США, Бразилия, Мексика. 4. Преимущественно христианские страны со значительными мусульманскими меньшинствами: Россия, Филиппины, Конго (Киншаса), Германия, Уганда. 5. Страны, где ни христианство, ни ислам не являются преобладающим большинством: Нигерия, Эфиопия, Танзания. 6. Страны, где не преобладает ни христианство, ни ислам: Индия, Китай, Вьетнам, Таиланд, Япония.

Два блока европейских держав покатались к катастрофе 1914 г. руководимые сведущими, образованными, блестящими людьми — и вовсе не фанатиками. Почему подобная судьба должна миновать мир, где гораздо меньше взаимопонимания, чем в научно-умудренной Европе — не говоря уже об остальном мире — начала XX века?

Относительно «спокойная» фаза, последовавшая за падением коммунизма, неизбежно окончится — и достаточно скоро. Да и эпоху 1990-х гг., характеризующую кровавыми войнами на Балканах, где Запад, сравнивая сербов с нацистами, неожиданно выступил на стороне мусульманских сил, игнорируя (как пишет Ф. Дженкинс) «значительные масштабы агрессии и brutality мусульманских сил, включающих в себя хорошо вооруженные интернациональные бригады фундаменталистов»³⁶⁴, едва ли можно назвать спокойной.

Многие адепты религиозных течений — будь то индуисты-националисты, последователи христианских евангелических церквей в Латинской Америке, ортодоксальные иудеи в Израиле или радикальные мусульмане — становятся борцами своей религии — «активистами». Они отстаивают необходимость изменения общества, стремятся вернуться к резкому разделению добра и зла в духе манихейства и верят со всем религиозным рвением, что конфликты местного значения являются частью «великой битвы».

Ислам. Частичным результатом натовского вторжения в югославские дела, а затем американского в ближневосточные стало массивное наступление мусульманских сил, подъем их воинственности в юго-восточной Европе за счет древних христианских общин. В то же самое время «угнетаемые христиане Судана не получили никакой поддержки со стороны НАТО или любой западной христианской страны. Даже церкви на Западе не пожелали осудить эти преследования»³⁶⁵. Едва ли будет чистой фантазией представить себе противостояние *Республика Христиана* против *Дар-аль-Ислама*, мусульманского мира, что низвело бы мир до жестокого четырнадцатого века с его черной чумой, ухудшившимся климатом и бесконечными войнами.

В большинстве регионов, которые испытывают на себе увеличение числа религиозных «активистов», также наблюдается рост доли молодежи в обществе, с чем эксперты и связывают большое количество радикальных адептов вероучений, включая мусульманских экстремистов.

Ожидается, что проблема увеличения доли молодежи особенно остро встанет в большинстве ближневосточных и западноафриканских стран и продлится по меньшей мере до 2005-2010 годов, однако последствия будут ощутимы и долгое время спустя.

Возрастающее влияние радикального ислама на Ближнем Востоке отражает протест многих молодых мусульман против косной и не представляющей интересов народа власти и связанной с этим неспособности многих государств, в которых преобладает ислам, извлечь сколько-нибудь существенные экономические преимущества из глобализации. Отчасти притягательность радикального ислама объясняется тем, что он призывает мусульман вернуться к истокам, когда исламская цивилизация была в авангарде мировых перемен. Коллективное ощущение отчуждения и разобщенности, к которому апеллирует радикальный ислам, едва ли рассеется, пока мусульманский мир не окажется снова более глубоко интегрированным в мировую экономику. Радикальный ислам сохранит привлекательность для многих мигрантов-мусульман, которые тянутся на Запад из-за больших возможностей трудоустройства, но чувствуют себя неуютно в чужой культуре.

Распространение радикального ислама будет оказывать существенное влияние на весь мир вплоть до 2020 года: возможно, что совершенно несовместимые этнические и национальные группы сольются воедино, и, возможно, даже появится властный орган, выходящий за пределы государственных границ.

Исследования показывают, что, по мере того, как западно-европейские страны становятся более открытыми, иммигранты-мусульмане интегрируются, однако многие иммигранты во втором и третьем поколении оказываются втянутыми в радикальный ислам, потому что сталкиваются с препятствиями на пути к полной интеграции и барьерами в осуществлении того, что они понимают под нормальной религиозной практикой.

К 2050 г. население Центральной Азии увеличится до ста миллионов человек — бедное население, живущее рядом с незаселенной Сибирью. Чем это грозит? Разведывательные службы Соединенных Штатов определили Центрально-Азиатский регион как «зону, грозящую потенциальным конфликтом» на протяжении нескольких ближайших десятилетий³⁶⁶. На Ближнем Востоке усилится ярость столкновения ислама с иудаизмом, поскольку в 2000 г. 20 млн. евреев уже противостоял миллиард мусульман. В дальнейшем, к 2050 г. это соотношение увеличится до *одного к ста*. Логично предположить начало конфликтов в странах, где имеется уже сейчас весьма мощное противостояние между исламом и христианством. Мы уже достаточно хорошо знаем о боях межцивилизационной битвы, которая, если быть точными, уже началась. И трактователь «столкновения цивилизаций» С. Хантингтон приходит к неутешительному выводу, что «в конечном счете победит Мухаммед».

Вдумаемся, арабы, которых сегодня 240 млн., в 2050 г. достигнут полумиллиарда. Будут ли они спокойно сидеть на двух третях мировой нефти? Соединение ислама и нефтяного богатства уже дало заметные результаты. И будет давать, ведь не видно дна главной энергетической кладовой мира. Иным будет мировидение таких стран, как Узбекистан, которые к 2050 г. удвоят свое население. В Китае ислам примет под свое крыло многие десятки миллионов новых верующих в Синьцзян-Уйгурском автономном районе..

Обе великие религии пытаются войти в зону действия друг друга. И здесь действует значительное отличие. Христианские миссионеры говорят о 10–40 уязвимых местах, где христианское наступление считается возможным, хотя и с большими трудностями. Христиане — разумеется, эти случаи крайне редки — могут перейти в ислам, но обратное движение крайне трудно. Популярная поговорка гласит: «Ислам — это движение в *одном* направлении. Ты можешь войти в ислам, но ты не можешь из него выйти». Для мусульманина покинуть свою веру почти невозможно.

Фундаментальным по важности является вопрос, могут ли ислам и христианство мирно сосуществовать. И хотя историк может показать столетия относительно мирного сосуществования ислама и христианства, в западной мысли начинает преобладать точка зрения, что «долговременный прогноз относительно сосуществования религий «нехорош... Две сестры слишком похожи друг на друга, чтобы жить вместе... За последние двадцать лет мусульманский мир пережил массовое религиозное возрождение»³⁶⁷. Фанатизм вспыхивает каждые полстолетия. На фоне процессов глобализации, действующих явно не в пользу мусульманских стран, мир ислама явственно ожесточился. Согласно выводам американской разведки, к 2015 г. «в значительной части Ближнего Востока население значительно вырастет, оно при этом станет беднее, будет живущим уже преимущественно в городах и все более теряющим иллюзии»³⁶⁸. Согласно американским прогнозам ситуация усугубится к 2050 г. еще более. Мусульмане настаивают на том, что их вера требует создания мусульманского государства — вне зависимости от существования иных религиозных верований, меньшинств, религий, сект. Вывод: неважно, по каким причинам, но мусульманская враждебность к христианам в грядущем возрастет»³⁶⁹.

Ничто не предвещает исчезновения или ослабления основных факторов, породивших международный терроризм, в течение следующих 15 лет. По оценке экспертов, большинство международных террористических групп будут и дальше солидаризироваться с радикальным исламом. Возрождение мусульманского самосознания создаст основу для распространения радикальной исламской идеологии, как на Ближнем Востоке,

так и за его пределами, включая Западную Европу, Юго-Восточную и Среднюю Азию.

Это возрождение сопровождается ростом солидарности между мусульманами, втянутыми в национальные или регионально-сепаратистские конфликты, которые продолжаются в таких местах, как Палестина, Чечня, Ирак, Кашмир, Минданао или южный Таиланд. Эти конфликты возникли как реакция на репрессии со стороны государства, коррупцию и неэффективность власти.

Захват власти радикалами в одной из мусульманских стран на Ближнем Востоке может подхлестнуть распространение терроризма в регионе и убедить людей в том, что новый Халифат — это не пустая мечта.

Неформальные сети благотворительных фондов и другие механизмы будут и дальше распространяться и использоваться радикальными элементами. Безработная, социально неинтегрированная молодежь будет по-прежнему оставаться резервом для вербовщиков в террористические организации. «Наибольшее беспокойство у нас вызывает тот факт, что террористические группы могут приобрести биологически активные вещества или, что менее вероятно, ядерное устройство. И то и другое может привести к массовой гибели мирного населения»³⁷⁰.

Существуют явные указания на то, что желание исламских радикалов спровоцировать транснациональный мятеж, иными словами — стремление мусульманских экстремистов свергнуть якобы отступнические светские правительства в странах с преобладанием мусульманского населения, будет находить отклик в сердцах многих мусульман. Сопrotивление глобализации и политике США может сплотить и расширить ряды тех, кто сочувствует террористам, сотрудничает с ними и финансирует террористические структуры.

Количество постоянных членов «Аль-Каиды», возможно, будет и дальше уменьшаться, но другие группировки, вдохновленные «Аль-Каидой», а также отдельные личности, которых обычно называют джихадистами (объединенные общей ненавистью к умеренным режимам и Западу), скорее всего, будут продолжать террористические атаки. Место членов «Аль-Каиды», прошедших подготовку в лагерях Афганистана, постепенно

займут выжившие участники иракского конфликта. Все они будут сопротивляться распространению многих проявлений глобализации в традиционно мусульманских странах. **«К 2020 году на смену «Аль-Каиде» придут не менее фанатичные, но более рассеянные группы исламских экстремистов»³⁷¹**.

Кровоточащий Ирак и другие зоны будущих конфликтов обеспечат приток свежих новобранцев в тренировочные лагеря, давая технические навыки и хорошее владение языком для нового класса «профессиональных» террористических бригад, для которых политическое насилие станет самоцелью. Иностранцы джихадисты — люди, готовые воевать всюду, где, как им кажется, мусульманские земли оккупированы «неверными захватчиками», — получают большую поддержку со стороны мусульман, вовсе не обязательно одобряющих террористические методы.

Даже если количество экстремистов уменьшится, террористическая угроза, скорее всего, останется. Через Интернет и другие технологии беспроводной связи злоумышленники смогут быстро находить и собирать сторонников в более широком, даже всемирном масштабе, причем делать это незаметно. Быстрое распространение биологических (и других смертельно опасных технологий) увеличит риск для человека, не связанного ни с какой конкретной террористической группировкой, станет причиной гибели многих людей.

Большинство террористических актов будет совершаться с применением преимущественно традиционных видов оружия, но с помощью новых трюков, направленных на то, чтобы сбить с толку тех, кто планирует контртеррористические мероприятия. Возможно, террористы проявят наибольшую оригинальность и изобретательность не в применении технологий или видов вооружения, а в идеях осуществления самих терактов — их размаха, подготовки или обеспечения.

Одна из таких идей, которая, скорее всего, получит дальнейшее развитие, заключается в большом количестве *одновременных* терактов — в как можно более удаленных друг от друга местах.

Хотя импровизированные взрывные устройства, смонтированные на транспортных средствах, по-прежнему останутся широко распространенными в качестве асимметричного ору-

жия, террористы, скорее всего, поднимутся выше по технологической лестнице и будут применять новые взрывчатые вещества и беспилотные воздушные аппараты. «Следовательно, использование террористами биологически активных веществ весьма вероятно, и диапазон их будет расширяться».³⁷²

Религиозное рвение мусульманских экстремистов будет усиливать в них желание совершать теракты, приводящие к большому числу жертв. Как известно из истории, религиозный терроризм наиболее губителен, поскольку такие группы обычно не связывают себя никакими ограничениями. Наиболее тревожной тенденцией являются усиленные поиски оружия массового поражения, предпринимаемые некоторыми террористическими группировками.

Биотерроризм больше всего устраивает небольшие, хорошо информированные группы. На самом деле лаборатория биотеррориста может вполне уместиться в домашней кухне, а созданное там оружие может быть по размеру меньше тостера. Следовательно, использование террористами биологически активных веществ весьма вероятно, и диапазон их будет расширяться. К примеру, такие диагнозы, как сибирская язва или оспа, могут быть подтверждены лишь через определенный период времени после заражения, так что при «кошмарном сценарии» террористическая атака может быть успешно проведена задолго до того, как власти смогут это осознать.

Применение устройств радиологического рассеивания вполне способно вызвать панику, поскольку общество не имеет представления о том, какое количество людей может погибнуть в результате такого теракта. С продвижением исследований, нацеленных на создание упрощенного ядерного оружия, террористы продолжают искать способы заполучить ядерное топливо. Одновременно можно ожидать, что они будут продолжать попытки закупить или украсть такое оружие, особенно в таких странах, как Россия или Пакистан. Учитывая вероятность того, что террористы могут приобрести ядерное оружие, нельзя исключать и возможности его применения ими до 2020 года.

Террористы попытаются заполучить или развить возможности для проведения кибернетических атак с целью повредить компьютерные системы и разрушить важные информационные сети.

Фронты. Некоторые фронты уже сформировались. В Судане правительство объявило ислам господствующей религией, чему сопротивляются 2 млн. христиан и 8 млн. анимистов. Здесь уже погибли полтора миллиона человек. К 2050 г. население Судана составит вместо сегодняшних 25 млн. почти 84 млн. населения, и масштаб конфликта, нужно думать, вырастет соответственно. Допустим, Судан слишком беден. Но в гораздо более богатой Саудовской Аравии христианство запрещено *полностью и абсолютно*. В соседнем несколько более богатом Египте ощутима дикриминация христиан-коптов.

Колоссальный очаг насилия зреет в Нигерии, где мусульман и христиан примерно поровну, примерно по 45 процентов от общего населения. Север — мусульманский, восток — христианский. К 2001 г. шесть из 36 нигерийских штатов ввели шариат. К 2050 г. в Нигерии будут жить 300 млн. человек, а к концу века — полмиллиарда. Американская стратегическая разведка обозначила Нигерию как первостепенный по важности источник конфликта в ближайшие 15 лет. И еще более важный и жестокый в дальнейшем. Начало взаимоубийства христиан и мусульман, скажем, в соседнем Камеруне, весьма легко может вызвать вмешательство мусульманской части Нигерии. Соседние страны с преобладающим христианством ответят на вмешательство нигерийцев. Собственно, разделенная по религиозному признаку Нигерия быстро может (не без помощи Уганды) дойти до края ожесточения, и апокалиптическое видение происходящего превзойдет региональные границы и доведет дело до глобального уровня.

Нетрудно представить себе и битву христианских Филиппин с мусульманской Индонезией — обе страны могут прийти на помощь своим страждущим единоверцам, вначале не обязательно открыто, но постепенно втягиваясь все больше. В ближайшие десятилетия здесь, пожалуй, не избежать конфликта. Китай в будущем вполне способен взять на себя роль защитника китайских общин в этой части света, особенно по мере того, как США, Британия и Австралия будут действовать здесь с вполне понятной осторожностью.

Трепещут три миллиона пакистанских христиан. За поимание всуе пророка Мохаммеда их может ждать смертная казнь.

В Индонезии примерно в таком же положении находятся 21 млн. христиан. Через пятьдесят лет это будет гигантская страна, но острота конфликта в ней лишь усилится. Насилие нависло над собственно Западом. К 2050 г. мусульман во Франции будет не менее десяти процентов всего населения страны. Это не сможет не повлиять, в частности, на позицию Парижа, скажем, в ближневосточном конфликте. Это усилит значимость арабской нефти. В Австралии с ужасом воспринимают проекцию роста индонезийского населения к 2050 г. Индонезийцы будут превосходить австралийцев в соотношении четырнадцать к одному.

Ислам будет доминировать в бедном мире, но при этом он будет главенствовать и в богатейших нефтеносных странах и будет иметь союзников в зависимых от потребления энергии странах. Хуже всего придется странам, где уже сейчас происходит схватка прозелитических религий. Речь идет прежде всего о колоссальных Бразилии, Индонезии, Нигерии, Филиппинах, но также и о странах вроде Судана и Гватемалы, характерных жестким религиозным расколом. Ислам может опираться в определенных вопросах на христианские движения бедных стран.

Индуизм. Но не только ислам выступит на дорогу самоутверждения и противостояния другим религиям. Индуизм, его мощь и направленность особенно привлекают внимание, поскольку население Индии довольно скоро обойдет по численности население Китая, составив самое большое в мире государство (1,5 млрд. человек будут жить в Индии 2040 года, среди которых приверженцами индуизма будут не меньше 1,2 млрд.). Насилие индуистов в отношении христиан уже получило освещение на газетных полосах, но пока не подверглось подлинному анализу. Пока на Западе предпочитают видеть пример непротивленца Махатмы Ганди, но, как показывает опыт, индуизм может иметь весьма воинственные формы, что мы собственно видим сейчас в Кашмире и Пенджабе, в контактах индуистов с сикхами и мусульманами.

Подлинную катастрофу таит обращение высших каст с низшими, с так называемыми неприкасаемыми, которых в Индии от 150 до 250 млн. человек. Формально их религиозная эксплу-

атация отменена в 1950 г., но в реальности «неприкасаемые» подвергаются самым грубым и жестоким формам насилия. Западное христианство стремится оказать низшим сектам помощь. Неоспоримо то, что высшее духовенство — христианские священники в Индии — вышли преимущественно из высшей индийской касты, но подлинная благодарная паства — «неприкасаемые». Они уже начинают выдвигать вперед своих религиозных деятелей. Католическим архиепископом Хайдарабада уже является бывший «неприкасаемый». Стимулируя вступление многих «неприкасаемых» в лоно христианства, христианский Запад начинает попадать в зону противостояния с потенциально самой населенной страной мира. В настоящее время уже 23 млн. «неприкасаемых» приняли христианство и многие *десятки* миллионов готовы обратиться в него.

Заметим, что, по индийским законам, каждый житель страны считается *приверженцем индуистской религии* по вере, если он специально не оговорил свою иную религиозную принадлежность. Начиная с 1997 г. индуистские политические деятели в Индии находятся на подъеме, и им совсем не безразлично, что христианские проповедники уводят у них паству. В 1999 г. австралийский миссионер и его двое сыновей были сожжены заживо. Особенно жестокие столкновения произошли в отличающемся своей бедностью индийском штате Гуджарат. По крайней мере, в одном случае толпа превратила христианский храм в индуистский (как считается, с молчаливого одобрения фундаменталистской индуистской Джаната парти). Отдельные города и даже штаты уже приняли постановления и законы, запрещающие обращение индуистов в христианство. Следует полагать, что это только начало.

Индия и Пакистан понимают, какую цену им обоим придется заплатить в том случае, если между ними, ядерными державами, вспыхнет вооруженный конфликт. Однако националистические эмоции в этих странах очень сильны и вряд ли они пойдут на спад. Согласно одному из вероятных сценариев, Пакистан может применить ядерное оружие, чтобы не допустить успешных действий индийских вооруженных сил, которые численно значительно превосходят пакистанскую армию, особенно если учесть отсутствие у Пакистана основательного стратегического мышления.

Буддизм. Буддизм в меньшей степени пока проявил себя боевой политической силой, что вызвало у некоторых исследователей предположение, что он прошел пик своего влияния и жесткости самозащиты. Некоторых наблюдателей «успокаивает» тот факт, что в 1900 г. буддисты составляли 20 процентов мирового населения, а в 2000 г. — только 5 процентов³⁷³. Такая оценка может быть самоутешительной и не соответствовать конфессионально-политической реальности. По мере роста — экономического и политического — таких стран, как Китай, Вьетнам и Таиланд, можно предположить, что буддизм почти несомненно войдет в некое силовое противостояние с христианством и исламом. Приверженцы буддизма утверждают, что религия, провозглашающая мир и самопожертвование, не склонна приобретать воинственный характер. Но ведь сходные черты «в теории» проявляют и прочие основные мировые религии, что не мешает им периодически звать своих приверженцев в бой, к силовому противостоянию. Ничто не дает основания полагать, что буддизм ждет иная судьба, и мы *не* увидим жесткого самоутверждения буддизма по мере роста значимости стран — его носителей, по мере «посягательств» основных прозелитических религий.

Уже сейчас сокращается процентное отношение азиатских студентов, отправляющихся учиться в Европу и Северную Америку, зато образовательные центры Японии и даже Китая становятся в их глазах все более привлекательными. Похоже, что новая, более азиатская культурная идентичность пользуется в Азии все большим спросом, который растет вместе с ростом доходов и распространением информационных сетей. Корейскими поп-певцами уже всюду увлекаются в Японии, японские мультфильмы имеют множество поклонников в Китае, а фильмы о китайском кунфу и танцевально-музыкальные эпопеи Болливуда смотрят миллионы людей по всей Азии. Даже Голливуд начал испытывать на себе эти азиатские влияния, которые к 2020 году могут только усилиться³⁷⁴.

Христиане. В середине наступившего столетия христиане (благодаря, в основном, их католическому ответвлению), возможно, еще будут первой по численности религией мира. Но

центром (прежде всего, по численности) планетарного христианства будет *не европейская зона, а Экваториальная Африка*. (Более ста миллионов христиан будут проживать в каждой из шести ведущих христианских стран — Бразилии, Мексике, Филиппинах, Нигерии, Конго и Соединенных Штатах. Среди католических стран будет первенствовать Бразилия со 150 миллионами католиков (в ней также будут жить 40 миллионов протестантов). Чрезвычайное распространение получит беднейшая ветвь христианства — пятидесятники).

Западная Европа находится в стороне от этой набирающей обороты глобальной «религиозности», за исключением общин мигрантов из Африки и Ближнего Востока. Многие функции, традиционно осуществляемые церковью: образование, социальные услуги и т.д., — теперь выполняются государством. Однако всепроникающий, настойчивый антиклерикализм может помешать культурному принятию новых иммигрантов-мусульман, которые считают дискриминационным запрет на публичное проявление своей религиозной принадлежности, установленный в некоторых западноевропейских странах.

На что следует обратить особое внимание: христианство и мусульманство выделятся «в своих лагерях». Первые будут преобладать в относительно уменьшившемся «золотом миллиарде», а вторые — в среде бедной части мирового населения. Практически несомненно произойдет поляризация. По мнению Ф. Дженкинса, в 2050 г. 20 из 25 крупнейших государств мира будут либо преимущественно христианскими, либо мусульманскими.

Относительно незаметно вызревает новый приход фундаментализма и экстремизма, в том числе и христианского. Ислам не будет единственным представителем религиозного экстремизма³⁷⁵. Как отмечает профессор истории в католическом университете Нотр Дам С. Эплби, «экстремисты обеих религий будут господствовать в обществах, лишенных базовых гражданских прав, угнетающих женщин и нетерпимых к иным верованиям. Эти процессы будут проходить на фоне гонки вооружений в странах Азии и Африки, правительства которых одно за другим будут обзаводиться оружием массового поражения, в том числе химическим и биологическим. Грядущие бедствия

приобретут такой масштаб, по сравнению с которым кровавые религиозные войны прошлого покажутся всего лишь утренней гимнастикой»³⁷⁶.

Б. Барбер обращает внимание на южных христиан: новый мир придет не благодаря джихаду, а ввиду крестового похода южных христиан³⁷⁷. Эту точку зрения не разделяет растущее число исследователей. Подлинной религией будущего (приходит к выводу известный американский историк религии Ф. Дженкинс) будет ислам, и «международная политика грядущих десятилетий будет вращаться вокруг конфликта между христианством и исламом. Понимание этого с трудом проникает на Север, вытесняемый на обочину мировой истории. Северяне испытывают сложности в осознании религиозных процессов, определяющих возникающий новый мир и в буквальном смысле слова неспособны к контактам с иными верованиями»³⁷⁸.

Схватки вполне вероятны и между христианскими государствами по ряду причин. Скажем, практически лишенные будущего африканские страны южнее Сахары имеют государственные границы, которые вовсе не совпадают с этническими границами. Унижение одного из племен легко может перекинуться через существующие государственные границы. Уничтожение относительно-небольшой народности в Руанде в 1994 г. вызвало серию войн и интервенций, которые обрушились на гигантские территории Конго, Анголы, Зимбабве, Намибии, Уганды и Руанды. Погибло примерно два миллиона конголезцев. В результате Конго стала чем-то вроде Германии после окончания Тридцатилетней войны, унесшей две трети германского населения.

Германия восстала из пепла Тридцатилетней войны — и то же может произойти с нынешними африканскими жертвами милитаризма, но не требуется особой фантазии, чтобы представить себе, что Нигерия, Уганда и Конго предстанут в не столь уж далеком будущем хорошо вооруженными державами. На Западе не все осознали, что движение «простить долги» бедной части мира энергично поддерживается религиозными деятелями Юга, в том числе и христианами. Лидерами выступили кардинал Родригес из Гондураса и англиканский примас Ньонгулу Ндунгане (заменивший известного Десмонда Туту в Кейптауне).

В то же время воинствующий консерватизм папы Иоанна Павла Второго объективно способствовал религиозному противостоянию. Этот папа сформировал свою внешнеполитическую философию в процессе противостояния коммунизму, несколько абстрагируясь от реальных конфликтов современности и будущего. Ему еще не был виден мир, где католиками будут прежде всего африканцы и латиноамериканцы. Где вместо Бельгийского Конго будет Конголезская Бельгия.

Как отнестись к изменению характера веры, владеющей Западом со времен императора Константина? Как отнестись к факту, что большинство христиан становится коричневым?

Через 20 лет. Совместное действие демографических и религиозных факторов определит мир XXI века. Отсутствие баланса между тем, где создаются богатства, и тем, где живут люди, — вот вопрос будущего. И встанет вопрос: как Западу отнестись к своему превращению в едва заметное меньшинство человечества?

Согласно оценке американского разведывательного сообщества, впереди штормовой межконфессиональный спор: «Христианство и ислам, две крупнейшие религиозные группы, растут самым значительным образом. Обе распространились на несколько континентов, обе используют современную информационную технологию для распространения своей веры, обе пытаются привлечь сторонников для финансирования многочисленных групп влияния и политических организаций. Наиболее активные компоненты этих и других религиозных групп будут все более усиливаться в спорах по таким вопросам, как генетическое манипулирование, права женщин, различие в доходах между бедными и богатыми»³⁷⁹.

Западный мир будет иметь дело с силами, природу которых он, судя по ведущейся на Западе дискуссии, не понимает. То, как Запад имел дело с Ираном, Ливаном, а сегодня с Ираком и Палестиной, говорит об ограниченности аналитических способностей правящей западной элиты. Западные политики никогда и не пытались понять суть и движущие силы ислама, действуя с примерной самоуверенностью, фактически отвергая

концепцию религиозной мотивации. Если одиночное убийство на религиозной почве в странах Запада еще привлекает внимание, то многотысячные жертвы религиозных столкновений в незападном мире (скажем, в Нигерии, Индонезии, Судане) подаются лишь как элементы сенсации. При этом «либеральные представители Запада неохотно обращаются к темам, которые могут показать их как противников мусульман или противников арабов; они вдвойне подозрительны по отношению к христианам из третьего мира»³⁸⁰.

Америка. Отвечая на самим собой поставленный вопрос «почему они нас ненавидят?», президент Буш указал на свободы, которыми пользуются американцы. «Тем самым, — полагает американский политолог Э. Басевич, — Буш избавил себя и своих соотечественников от любых попыток переосмыслить глобальное влияние воздействия на мир американской мощи — политической, экономической, культурной. Поступая так, президент оживил старую склонность пренебрегать мнениями о себе иных — включая союзников, — тех, кто видит в американском влиянии на мир явление случайное, проблематичное и периодически ошибочное»³⁸¹.

Все страны имеют свои религиозные и ценностные основы. И за них в таких традиционалистских странах, как Америка, стоят твердо.

Не спрашивайте, где находятся в воскресное утро американцы. Они стоят, сидят (или даже полулежат и танцуют) в одной из бесчисленных церквей пятидесяти штатов. В Соединенных Штатах верующими себя провозглашают 94 процента населения. Это *втрое* больше, чем в породившей основную массу американцев Европе. Не ищите на купюрах других стран кредо типа «Мы верим в бога». Такое откровение есть *только* на долларе. Наиболее краткую характеристику Америки дает, пожалуй, американский историк Сеймур Мартин Липсет: «Наиболее *религиозная*». Америку справедливо называли «дитя Реформации». Америка была основана как общество протестантов и на протяжении двух столетий в сердцевине созидания американской культуры были протестанты.

В Америке сегодня в *шесть раз больше* (пропорционально) верующих, чем, скажем, во Франции. Если же определить Бога как некий «универсальный дух», то в Соединенных Штатах верующих оказывается 94 процента всего населения — цифра просто невероятная для современного мира. Атеистами или агностиками здесь открыто называет себя лишь 1 процент населения. И это, напомним, в стране, где церковь решительно отделена от государства и первая поправка к конституции звучит так: «Конгресс не имеет права принимать законы, поощряющие отправление религии».

Избранность. От вождей пуритан в шестнадцатом веке и до президента Кеннеди и борца за права афроамериканцев Мартина Лютера Kinga Америка называлась Богом избранным Новым Израилем, словно США были библейским Израилем, а американцы — избранным народом. Дело начали бежавшие из Старого света пуритане, чьи общины возникли в Англии XVI века. Это были «железные» люди, они буквально перевернули Англию своей революцией, а затем решили основать новый мир в Америке.

Основополагающим элементом пуританизма был *кальвинизм*. Первый его элемент — учение «о предназначении», избранном для каждого человека на небесах. Второй — фактически определенная политическая доктрина: вернуть, «очистить» христианство до состояния Ветхого завета. Пуритане не боялись называть себя «избранным народом Господа». Они отныне жили в «земле небесного обетования» и многократно называли себя «новым Израилем». Губернатор Массачусетса Джон Уинтроп пишет в 1630 г.: «Мы найдем здесь божий Израиль». А Томас Джефферсон во втором инаугурационном президентском послании говорит, что нуждается в помощи «того, кто вел наших отцов, как в Израиле старых времен, из наших первоначальных земель в страну, где есть все для удобной жизни», — парафраз из библейского места о стране, «где течет молоко и мед».

Именно пуританизм фактически трансформировался в *американизм*. Мы находим пуритан среди основных американских конфессий — конгрегационалистов и пресвитериан, среди

баптистов и квакеров, в среде епископальной англиканской церкви, среди методистов и приверженцев унитарной конфессии — фактически во всех ответвлениях американского протестантизма. И не только протестантизма.

В своем наставлении «Информация для тех, кто решил переехать в Америку» Бенджамин Франклин в 1782 г. пишет: «Атеизм здесь неизвестен; неверие — редкость, и оно окружает себя тайной; каждый может жить здесь до преклонных лет и не встретить ни атеиста, ни неверующего». Европейский наблюдатель Ф. Шафф в девятнадцатом столетии писал, что в Америке «каждое явление имеет протестантское основание». Религия всегда играла огромную роль в Америке. Религиозное «великое пробуждение» 1740-х годов сыграло исключительную роль в подготовке американской революции. В течение семидесяти лет после войны за независимость Америка стала еще более строго религиозной страной. Религиозное «возрождение» 1801 г. дало невиданный старт методистской и баптистской сектам, лишенным внутренней иерархии и своего рода «духовному республиканизму». Баптисты, методисты, Ученики веры Христовой довольно быстро обогнали по численности даже старые церкви и секты. (При этом именно американские миссионеры заложили основание американской внешней политики). Конгрегационалисты, которые в 1745 г. имели больше священников, чем какая-либо другая конфессия в Америке, к 1845 г. имели в десять раз меньше священников, чем методисты. В ходе дальнейшей конфессиональной эволюции (второе религиозное возрождение) евангелисты, как пишет йельский историк Гарри Стаут, «стали продолжением национализма на религиозных основаниях». И в речах таких государственных деятелей, как президент Линкольн, мы слышим призывы к Богу ради поддержки Союза штатов.

Авраам Линкольн называл американцев *избранным народом*. Во втором инаугурационном президентском послании Линкольн упоминает Господа четырнадцать раз, внося в текст послания четыре прямых цитаты из Библии. И он не был последним владельцем Белого дома, кто полагал именно так. Следующее религиозное возрождение пришлось на XX век, являясь одной из основ взглядов Т. Рузвельта, В. Вильсона,

ф. Рузвельта. Один из подлинных творцов современного американизма — сын и внук пресвитерианских священников — президент Вудро Вильсон просто *говорил и писал* языком Библии. Его первое инаугурационное послание: «Нация глубоко взволнована торжественной страстью, она поколеблена, видя повергнутые идеалы, несправедливое правительство... Она желает Божьей справедливости, где правда и милость примирились, где судья является еще и братом». Вильсон видел руку провидения во всех своих действиях, при нем американизм окончательно приобрел современные формы. Он просто жаждал распространить американизм на весь мир.

Историк Уильям Лойхтенберг пишет о периоде Вудро Вильсона: «Соединенные Штаты верили в то, что американский моральный идеализм может быть распространен на внешнюю сферу и что он приложим повсеместно... Кульминацией долгой политической традиции упора на жертвенность и решающую моральную схватку стала Первая мировая война, которую американцы восприняли как финал борьбы за праведный мир на стороне Бога». Объявляя войну Германии, президент Вильсон призвал американский конгресс «сделать мир обеспеченным для демократии». Говоря об Америке, Вильсон утверждал, что «Бог помогает ей, и никому другому».

Сторонники гражданских прав всюду цитировали Библию. При президенте Эйзенхауэре слова «В Бога мы верим» стали официальным лозунгом Соединенных Штатов. В Капитолии была открыта молельная комната. В официальных клятвенных текстах начало «по воле Божьей» стало обязательным.

Начиная «холодную войну», президент Трумэн в «доктрине Трумэна» выступил с выражением классического американизма: «Свободные народы мира ждут от нас поддержки в борьбе за свою свободу». Это едва ли ни прямой повтор Линкольна и Вильсона. В мемуарах президент Трумэн рассказывает, что впервые полностью прочитал Библию в четырнадцать лет, а затем повторил это еще семь раз. При окончании холодной войны президент Рейган так же называл Америку «сияющим градом на холме», как и первые американские пуритане (Джон Уинтроп в 1630 г. процитировал эту фразу пророка Исайи и евангелиста Матфея).

Особенные черты. В целом, как формулирует американский политолог У. Миллер, религия в Америке определяет едва ли ни все. «Либеральный протестантизм и политический либерализм, демократическая религия и демократическая форма правления, американская система ценностей и христианская вера проникли друг в друга и оказывают огромное воздействие друг на друга». Особенностью этого общенационального явления стала массовая убежденность в возможности очевидного для всех выделения и противопоставления *добра и зла*. В том числе и в формировании национального характера. Ничего подобного нет ни в одной другой стране мира. Такая откровенная вера в собственную избранность — явление в истории нечастое.

Автор вышедшей недавно книги «Молитва в Овальном кабинете» журналистка Барбара Виктор полагает, что религия играет все большую роль при принятии политических решений. Принцип отделения церкви от государства оказался под угрозой при «родившемся заново» президенте-христианине Джордже Буше-младшем, считает Барбара Виктор, предупреждая об опасности перерождения американской демократии в теократию.

Понятие *свободы* американские теологи выводили из «Исхода» Ветхого завета (Сэмюэль Мэзерс: «Фигуры и типы Ветхого завета», 1673 г.; Коттон Мэзерс: «История Новой Англии в семнадцатом веке», 1702 г.; Джереми Ромейн: «Американский Израиль», 1795 г.). Вот слова из проповеди Николаса Стрита в 1777 г.: «Британский тиран действовал в той же порочной и жестокой манере, что и фараон — король египетский по отношению к детям Израилевым 3 тысячи лет тому назад». В день принятия Декларации американской независимости Бенджамин Франклин, Джон Адаме и Томас Джефферсон готовили новую печать для новорожденного государства. Они избрали образ израильтян, пересекающих Красное море и Моисея, освещающего путь со словами «Мятеж в отношении тиранов является знаком покорности Богу». Эта печать не была принята, но каждый может познакомиться с ней в архиве Континентального конгресса.

Понятие *равенства* вышло из ветхозаветного «Генезиса», в котором говорится, что Бог создал человека по образу и подобию своему, и где пророк Самуил страстно выступает против коронованных земных владык. Президент Линкольн считал это самым важным шагом во всей американской истории. Он так интерпретировал это обращение к Библии: «То было возвышенное, мудрое и благородное понимание справедливости Создателя в отношении своих созданий. Да, джентльмены, ко всем своим созданиям, ко всей огромной человеческой семье».

И понятие *демократии* американцы взяли не из античных республиканских Афин и Рима, но из пуританской интерпретации Библии. Считающаяся первым словесно и законодательно закрепленным выражением демократических принципов, конституция Коннектикута 1638 года («Фундаментальные законы Коннектикута») была создана знатоком Библии Томасом Хукером, цитировавшим ее в своем законодательстве: «Изберите себе мудрых людей, знающих ваши племена, и я сделаю их вашими вождями» («Дейтерономия» 1: 13). Через полтора столетия, в 1780 г., пастор Симеон Хауард из Бостона на основе того же места в Библии призвал хранить демократические ценности: «Моисей избрал способных людей и сделал их правителями израильтян в пустыне, и то был выбор народа». Проповедники до- и революционного периода Америки были более влиятельны, чем более знакомые нам теперь идеологи типа Томаса Пейна и Джона Локка. В годы рождения независимых Соединенных Штатов *три четверти* американцев были пуританами, еженедельно слушавшими злободневные проповеди.

Неоконсервативные наследники. Преобладающие ныне в США неоконсерваторы консолидируются на общей вере в то, что Америка выше других в *моральной* сфере, ближе других к Богу. А как иначе послать фермера из Айдахо или Небраски освободить мир от Саддамов хусейнов? Еще Честертон называл Америку «нацией с душой церкви». Современные американцы говорят это без тени сомнения или иронии. Они косо смотрят, скажем, на Англию с ее официальным англиканством; Америка полагает, что вместила в себя *все* оттенки иудео-христианства. Библия для американца гораздо более значима, чем Писание на

других континентах, она не только источник моральных ценностей, но источник энергичной самореализации. И своего рода «окно в мир». Американцы абсолютно серьезно верят, что могут реализовать свободу, равенство и демократию *повсеместно*, даже в таких отдаленных во всех смыслах странах, как Афганистан.

Можно ли посягнуть на столь поразительную веру? Библейские корни американизма делают всякую критику этой страны своего рода святотатством. Даже внешне лишённые библейского вида документы американской истории — начиная с вышедшей в эпоху Просвещения Декларации американской независимости — являют собой уверенный в себе американизм с его дидактической обращенностью ко всему миру. А уж творения более ранних «отцов-основателей», таких как Уинтроп («Америка — это город на холме») звучат чистым провозглашением американизма, ведущего через Адамса к Линкольну, Трумэну, Рейгану. Эта форма современного радикального республиканизма, этот вид *американизма*, который американцы без колебаний называют «Богом данным», кажется современным американцам более, чем естественным. Президент Джордж Буш-мл. многократно утверждал, что американские принципы «даны Богом». Это не риторическое украшение, президент *верит* в это. И неправ тот, кто думает, что современная Америка вызрела из секулярных просвещенческих взглядов Томаса Джефферсона. Джордж Буш верит в то, что говорит.

В начале XXI в. примерно треть американцев определяет себя как «возродившиеся христиане» — 39 процентов американцев назвали себя таковыми. К ним принадлежит и нынешний президент. Речь идет о большинстве баптистов в стране, примерно трети методистов и более четверти лютеран и пресвитериан. Очень существенно отметить, что основной рост идет в рядах тех, кого следовало бы отнести к рядам консервативных христиан — евангелических протестантов, тех, кто определяет себя как «зановорожденные христиане», мормонов (рост за десятилетие на 19,3 процента), консервативных евангелических Христианских Церквей, церковью Христа (рост на 18,5 процента), южных баптистов (17 процентов роста). Характерным признаком является формирование т. н. «Христианской коали-

ции» преподобного Пэта Робертсона, объединившей 1,7 млн. человек. Более 2 млн. вошли в такие организации, как «Фокус на семье», «Ассоциацию американской семьи», «Женщины, беспокоящиеся об Америке» (крупнейшая женская организация в стране с 600 тыс. членов).

В новой трансформации Америки, где 94 процента населения объявили себя верующими, протестантизм и евангелизм занимают самые выдающиеся места. Евангелисты особенно активны среди быстрее всего растущей группы населения — испаноязычных католиков. В семи тысячах магазинов религиозной книги продаются 3 млн. книг. 130 издательств специализирующихся на религиозной литературе (17 млн. книг продается в год). В стране, как грибы, растут радио- и телестанции — 1300 религиозных радиостанций и 163 телевизионные станции. В Соединенных Штатах построены огромные сети магазинов религиозной направленности, 600 мегацерквей вместительностью до двадцати тысяч человек. Такие организации, как «Христианская коалиция», устремились в американскую политику, чрезвычайно влияя на выборы всех уровней. Напомним, что в 2000 г. Дж. Буш-мл. получил голоса 84 процентов членов белых евангелических протестантов — не менее 40 процентов всех, кто за него голосовал. И то же повторилось в 2004 г. *Евангелисты стали основной силой республиканской партии.* На вопрос, кто является наиболее существенным, с его точки зрения, политическим философом, Дж. Буш-мл. ответил: «Христос, потому что он изменил мое сердце». Через десять дней после прихода к власти президент Буш-мл. выдвинул программу федеральной поддержки участия религиозных групп в общественной деятельности, включая центр религиозной поддержки при Белом доме.

Творец всего сущего — неперемный персонаж речей Джорджа Буша. Нет числа его прокламациям, что «Бог на нашей стороне», «Бог с нами», «мы с Богом не можем потерпеть поражение» и т.п. Не слишком ли легкое обращение? Не слишком ли обжитым богом стал скромный тexasский Кроуфорд? Вспомним, что посреди поразительной битвы — гражданской войны — полтора года назад и Авраам Линкольн рискнул *однажды* помянуть Господа. «В глубине своей души я скромно

надеюсь, что, приложив праведные усилия, мы сможем оказать-ся *на стороне Бога*». Величайший из американских президентов лишь скромно надеялся.

Оторопь. Это явление вызывает оторопь даже среди самых близких союзников Америки в Западной Европе, где французы гордятся своей культурой, англичане считают себя «прирожденными лидерами», а немцы не верят, что их можно превзойти. В Европе критическое отношение к христианскому самоутверждению Америки возникло в XIX веке. Выход Америки на мировую арену в XX веке умножил удивление и скепсис.

Британский экономист Джон Мейнард Кейнс, говоря о своем опыте наблюдения за президентом Вильсоном, пришел к выводу, что «теологический пресвитерианский темперамент стал опасным аппаратом самообмана. Многие поколения предков президента убедили себя, что каждый их шаг поощрен свыше». Находившийся рядом британский дипломат Гарольд Никольсон увидел в американском президенте «духовно высокомерного наследника пресвитерианской традиции». Не без оснований президента Рейгана называли «восхитительной пародией на проповедника морального возрождения». Журналист Кольмен Маккарти написал, что Рейган «дошел до уровня аятоллы Хомейни».

В XXI веке в Западной Европе периодически оценивают Америку как «гигантскую фундаменталистскую христианскую страну, населенную людьми, повсюду читающими Библию», как страну «религиозного экстремизма, угрожающую миру больше, чем бен Ладен». Бывший вице-президент Альберт Гор в сентябре 2004 г. увидел в вере президента Буша «американский вариант фундаменталистского импульса, который мы видим в Саудовской Аравии, в Кашмире и во многих религиозных центрах мира».

США всегда рассматривается как коммерческая республика, защищенная политической системой. Джефферсоновский принцип отделения церкви от государства в демократическом обществе так же указывает на эти, казалось бы, светские основы американского самоосмысления. Однако при этом забывают, что истоки американской исходной религиозности и мисси-

онерства институционализированы в политические учреждения и установления, в коллективные представления, которые и есть главная softpower США для самих себя — источник их высокомерия и западного фундаментализма, которого нигде кроме мы не найдем на Западе. Именно фундаментализм, неприятие чужих культур, мультикультурализма и мультиконфессионализма в глобальном масштабе создает идейный фундамент доктрины Буша, у которой много приверженцев не столько на политическом Олимпе, сколько в миссионерском сознании глубинной Америки, не знающей и не желающей знать о других.

Америка ищет выход. Какие же меры предлагают те, кого страшит изменение культурно-ментального кода доминирующе англосаксонской Америки под влиянием критических по важности демографических процессов?

Особенностью ответа современной Америки является очередная (четвертая по американской исторической классификации) религиозная революция в стране. Полвека назад 53 процента американцев считали, что церковные организации не должны быть вовлечены в политику, но ныне тенденция изменилась: 54 процента американцев полагают, что церковь должна быть активной на политической арене³⁸². Видя начало этого религиозного обновления в конце двадцатого века, футуролог Дэниэл Белл определил в качестве ее центральных мотивов «индивидуализм, стремление к свершениям и равенство возможностей». Белл утверждает, что особенностью нового религиозного взлета в США является то, что «противостояние между свободой и равенством, которое вызывает огромные философские дебаты в Европе, преодолевается в Америке индивидуализмом, вбирающим в себя оба элемента»³⁸³.

На протяжении последнего десятилетия происходит рост религиозных убеждений, значимость религиозных организаций. Исследователь П. Глин характеризует ситуацию так: «Одной из наиболее поразительных и неожиданных черт окончания XX века стал ренессанс религиозных чувств как очень важной силы в политике и в культуре».³⁸⁴ Это было неожиданным поражением секуляристов, и тех, кто прибыл в США вовсе не в поисках свободы. Один из лидеров американского секуляризма признал в 2002 г.: «Религия вошла во все возможные сферы»³⁸⁵.

Весьма неожиданно это своего рода «религиозное возрождение» стало одним из наиболее примечательных явлений в жизни американского общества, готового ответить на новый вызов истории.

2. *Второе* исконное качество, укрепляемое в начале XXI в. в *борьбе культур*, — *трудолюбие*. Исключительной особенностью Америки является буквально неимитируемое трудолюбие, ставшее частью национального эпоса, чертой национального характера. Только в Соединенных Штатах на вопрос «Что вы делаете?» никто не ответит «Ничего» — столь велик авторитет трудолюбия. (И этот авторитет растет). В общенациональном опросе на вопрос «гордитесь ли вы своей работой?» 87 процентов опрошенных ответили «Очень». Подобный ответ в Италии дали 30 процентов опрошенных, в Голландии — 26 процентов, в Германии — 17 процентов, во Франции — 15 процентов³⁸⁶. В богатой Америке трудящиеся отдыхают в три раза меньше, чем их германские коллеги. Американцы сегодня имеют 10 оплачиваемых дней отпуска в год — значительно меньше, чем, скажем, в Германии (30 дней), в Испании (30 дней), Британии, Голландии, Австралии (25 дней), Японии (18 дней), Китае (15 дней).

3. *Третья* особенность, которая способна помочь Америке удержать лидирующие позиции, — тяга к личной свободе. Эта тяга сложилась и окрепла на протяжении четырех веков как основа жизнеустройства в колониях, ставших Соединенными Штатами. Главной «иконой» страны продолжает оставаться self-made man, сам себя создавший человек. Рожденный протестантской реформацией, *индивидуализм* подвигает американцев на пятом веку своего существования верить в то, что каждая личность получает веления в своей жизни «прямо сверху, от Господа». И, по словам С. Хантингтона, «пуританское наследие стало сутью американизма». Любимой максимой Бенджамина Франклина было: «Бог помогает тем, кто помогает себе сам». (Пятнадцатый ребенок в семье, Франклин, напомним, к 42 годам создал такое состояние, которое позволило ему удалиться от дел). Философию индивидуализма он успешно распространял и пропагандировал в Европе. Ральф Уолдо Эмерсон в эссе

1841 г. воспел обычай «полагаться на самого себя». Его сподвижник Генри Торо прямо-таки требовал *отделиться* от общества для создания и упрочения цельности собственного характера. Индивидуализм воспет Уолтом Уитменом и бесчисленным хором менее талантливых его американских певцов.

Америка стала продолжательницей *общеευропейских* традиций между гражданской и Первой мировой войнами (1865—1914 гг.). Но в этот период англосаксонской Америке удалось ассимилировать три вторгшихся новых компонента — ирландский, германский и скандинавский. Столь сильно беспокоившая Бенджамина Франклина германская община в Пенсильвании оказалась ассимилированной. Соединенные Штаты сквозь столетия пронесли институты тюдоровской Британии начала семнадцатого и восемнадцатого веков, включающие в себя концепцию фундаментального права, ограничивающего систему управления; смешение функций исполнительной, законодательной и судебной власти и разделение власти между отдельными институтами; относительное всевластие носителя исполнительной власти; двухпалатный парламент; ответственность законодателей перед местными избирателями; систему законодательных комитетов; опору скорее на милицию, чем на постоянную армию. В Британии все это в значительной мере изменилось, но в Соединенных Штатах своеобразным способом законсервировалось³⁸⁷.

И ныне США обладают невероятной «soft power», основа которой — демократическое самоочищение (комиссия 9/11 — один из наиболее ярких современных примеров действенной силы энергичной демократии, 225 лет придерживающейся установленных норм народоправления и республиканизма.

А. Закреть границы. Наиболее радикальное — полностью перекрыть границы, прежде всего южные и восточные, откуда в американское общество поступает испаноязычный элемент. Но такой переход от иммиграционной открытости к изоляционизму образца 1924 — 1965 гг. большинству не кажется реалистическим. Не минировать же берега Рио-Гранде?

Гораздо более реалистическим видится введение более суровой системы въездных квот. Звучит требование остановить

поток испаноязычной иммиграции на цифре 160 тысяч въезжающих в год (такую цифру назвала Комиссия конгрессмена Джордана). Остановись на этой цифре и жестко пресекая нелегальную иммиграцию, Соединенные Штаты могут еще переломить заглавную тенденцию в изменении характера американского общества. Да, пострадает сельскохозяйственный бизнес Юго-Запада; но поднимется заработная плата трудящихся здесь наемных рабочих. Дебаты о двуязычии постепенно увянут. Система образования на испанском языке потеряет свою притягательность. Потеряют свою остроту споры о системе «вэлфэр» и других системах социальной помощи. Произойдет столь желательная для охранителей статус-кво диверсификация иммиграционного потока в США. Это приведет к новой привлекательности изучения английского языка, к новому магнетизму американской культуры. В Майами снова направятся англоязычные канадцы. Отойдет в сферу абстракций страх перед расколом американского общества на англоговорящее и испаноязычное.

Президент Дж. Буш-мл. назвал решение суда в пользу мультикультурализма «смехотворным», демократический лидер сенатского большинства Т. Дэшл определил это решение как «малозначашее», губернатор штата Нью-Йорк Дж. Патаки определил его как «суррогатное выражение правового решения». Согласно опросу журнала «Ньюсвик», 87 процентов населения страны возразили этому решению и лишь 9 процентов одобрили. Но в Соединенных Штатах 9 процентов — это значительная численность.

В 2000 г. конгресс США принял резолюцию, требующую мер по устранению невежества в изучении национальной истории. В 2001 г. департамент образования получил большие дополнительные дотации для указанных целей. В 2002 г. президент Буш, выступая перед двумястами деятелями образования, предложил серию мер по созданию единого курса национальной истории. В 2003 г. сенатор Ламар Александер внес законопроект о создании в Соединенных Штатах сети летних школ для преподавателей, специально занимающихся проблемами американской истории.

ФАКТОР КИТАЯ

Подъем Китая — самое важное событие в мире

Дж. Несбит, 2004

Глобальное смещение. Седьмой фактор — новый Китай, жадно поглощающий земные ресурсы и меняющий мировую экономику. Большинство прогнозов развития до 2020 года и на более длительный срок предусматривают превышение показателей роста экономики развивающихся стран над аналогичными показателями сегодняшних лидеров мировой экономики. Такие страны, как Китай и Индия, сумеют добиться здесь большего успеха, чем Европа или Япония, чьи стареющие трудовые ресурсы могут затормозить их рост.

Около 2020 года Азия будет производить более 40% мирового ВВП³⁸⁸. На Азию будут приходиться 16 из 25 крупнейших городов мира. Именно в этом регионе за последние годы построены шесть (из семи созданных в мире) атомных реакторов. К 2050 же году на долю Азии придется, если экстраполировать современные тенденции, примерно 57% мировой экономики. Из шести величайших экономик мира пять будут азиатскими. В 1950 г. на Китай приходилось 3,3 процента мирового ВВП, в 1992 г. уже 10 процентов, а по прогнозам на 2025 г. — более 20%. Совокупное национальное богатство Китая в долларовом выражении к 2020 году может выйти на второе место в мире, обогнав при этом США по общему объему валового внутреннего продукта. По объему ВВП Китай, согласно прогнозам, обгонит Соединенные Штаты уже в первые десятилетия наступившего века³⁸⁹.

Согласно прогнозу ЦРУ, после Китая с 20 триллионами валового национального продукта, второе место займут США — 13,5 трлн. дол. Далее идет Япония — 5 трлн.; четвертое место занимает Индия — 4,8 трлн.; затем Индонезия — 4,2 трлн., Южная Корея — 3,4 трлн. и Таиланд — 2,4 трлн. дол. И Азия не остановится на достигнутом. Тенденция такова: в 1995 году ва-

ловой национальный продукт Соединенных Штатов был равен совокупному продукту Японии, Китая, Индонезии, Южной Кореи и Таиланда, вместе взятых. Через двадцать пять лет американский валовой продукт (который удвоится за это время) будет составлять менее 40% общего продукта указанных стран³⁹⁰.

КНР представляет собой самую быстрорастущую экономику мира. Факты роста претендента на преобладание в Восточной Азии впечатляют. Соединенным Штатам понадобилось сорок семь лет, чтобы удвоить свой валовой продукт на душу населения. Япония это сделала за тридцать три года, Индонезия за семнадцать, Южная Корея за десять лет. Китайская экономика росла в последние два десятилетия со скоростью девять и восемь десятых процента в год. По оценке Всемирного банка китайская экономика уже превратилась в четвертый мировой центр экономического развития наряду с США, Японией и Германией. В состав КНР вошел тринадцатый по объему торговый партнер Соединенных Штатов (24 млрд. дол. взаимного оборота) — Гонконг.

«Обозначились контуры *будущего*, в котором Китай начинает производить *все* — автомобили, грузовики, самолеты, корабли, национальные телефонные системы, заводы, подводные лодки, спутники и ракеты»³⁹¹. Реальной становится перспектива, что XXI в. будет *азиатским* — после XX *американского* века и XIX — *европейского* века. Такие эксперты, как Р. Холлоран, полагают, что подъем Азии «лишит Запад монополии на мировое могущество. Модернизация Азии навсегда переделает мир»³⁹². Средний темп прироста ВВП азиатских стран превышает 6% в год, а у Запада он равен 2,5—2,7%. Феноменальный экономический рост позволил азиатам сделать за несколько десятилетий то, на что Западу понадобились столетия.

Лидер Азии. В Азии обозначился лидер — после столетий своего рода летаргии, Китай поднимается на ноги, начав с 1978 г. впечатляющее вхождение в индустриальный мир. Конфуцианский мир цивилизации континентального Китая, китайских общин в окрестных странах, а также родственные культуры Кореи и Вьетнама именно в наши дни, вопреки коммунизму и капитализму, обнаружили потенциал сближения, группирования в

зоне Восточной Азии на основе конфуцианского трудолюбия, почитания властей и старших, стоического восприятия жизни — т. е. столь очевидно открывшейся фундаменталистской тяги. Поразительно отсутствие здесь внутренних конфликтов (при очевидном социальном неравенстве) — регион лелеет интеграционные возможности, осуществляя фантастический сплав новейшей технологии и традиционного стоицизма, исключительный рост самосознания, поразительное отрешение от прежнего комплекса неполноценности. Он успешно совмещает восприятие передовой технологии со стоическим упорством, традиционным трудолюбием, законопослушанием и жертвенностью обиженного историей населения.

На будущую четверть века китайские официальные лица намечают рост *не меньше 7 процентов* в год, чтобы создавать такую численность рабочих мест, которая использовала бы всю рабочую силу, выходящую на рынки труда. На мировой рынок вышел новый гигант. Китай не просто имитирует чемпионов. В 2005 году КНР потратила 60 млрд. дол. на исследования и разработки. (Больше израсходовали только США — 282 млрд. и Япония — 114 млрд. дол.).

В 2005 г., согласно данным американской компании «Морган, Стэнли», Китай купил 7 процентов мировой нефти, четверть всей стали и алюминия, треть мировой железной руды и угля, 40 процентов цемента.³⁹³ Китай потребляет 30 процентов железной руды в мире (14 млн. тонн. В 1990 г. и 148 млн. тонн, в 2003 г.), 21 процент платины, 15 процентов алюминия (рост с 1 млн. тонн, до 5,6 млн. тонн). Импорт меди вырос с 20 тонн в 1990 г. до 1,2 млн. тонн, в 2003 г. Импорт платины вырос с 20 тыс. унций в 1993 до 1,6 млн. в 2003 г.³⁹⁴ Продолжающаяся бурными темпами индустриализация Китая предполагает значительное увеличение потребления сырьевых материалов. В критическую плоскость встает потребление энергии — импорт электричества, нефти, газа. В результате бума импорт Китая к 2004 г. составил 140 млрд. дол.

На Китай в 2004 г. приходилось 20,6 процента производимой в мире меди (на США — 16 процентов). В 2005 г. на Китай приходился уже 21 процент глобального потребления алюминия (США — 20 процентов); 35 процентов добываемого в мире

угля, 20 процентов цинка, 20 процентов марганца; 16 процентов фосфатов. КНР сегодня производит 220 млн. тонн, стали — больше, чем США и Япония, вместе взятых. Планы китайцев: производить еще 200 млн. тонн, стали в ближайшие годы. Урбанизация китайского населения создает невероятный спрос на сталь и прочие необходимые в строительстве материалы.

Китай занял место Соединенных Штатов в качестве *величайшего* потребителя ведущих сырьевых материалов и стал основным определителем цен на медь, железную руду, алюминий, платину и другие ископаемые. Выход Китая на *мировой* рынок сырья можно сравнить лишь с подобным выходом на этот рынок Соединенных Штатов в начале XX века. Стремление Китая получить широкий и безопасный доступ к запасам сырья приведет к тому, что эти страны превратятся из локальных игроков в мировых (в то время как взаимозависимость Европы и России, скорее всего, усилится).

Инвестиции. При этом китайцы *инвестируют* в дальнейшее производство феноменальные 45 процентов (доля внутреннего домашнего продукта) — самая высокая доля в мире.³⁹⁵ (Большинство успешно развивающихся стран доводят уровень накоплений лишь до 30 процентов).

В самую растущую экономику будут инвестировать *все*. Начиная с 1978 года, в Китай были инвестированы половина триллиона дол. иностранных инвестиций. Каждый день в Китай прибывают сотни иностранных специалистов во всех сферах экономики. В Китай двинулись производители всего — дешевая рабочая сила и искусство местных рабочих перевернули картину мира. В 2001 г. 25 американских компаний «переехали» в Китай. Далее — более. Только за первые три месяца 2004 года 58 американских, 55 европейских и 33 азиатские компании меняли свой адрес на китайский³⁹⁶.

«Одно из наиболее мощных экономических орудий Китая — его способность привлекать целые отрасли индустрии, привлекая критические массы компаний, которые катализируют креативный фермент, который ведет к быстрой инновации. Глобальные телекоммуникации и регулярные авиарейсы требуют немало усилий для воссоздания того, что Америка ввос-

ледствии потеряла лишь в процессе индустриальной депопуляции»³⁹⁷. Китай является на сегодняшний день третьим в мире производителем промышленных товаров, его доля возросла в этой сфере за последнее десятилетие с 4 до 12%. Через несколько лет Китай легко перегонит Японию не только по объему производства, но также и по мировому экспорту. Конкуренция со стороны «китайских цен» уже оказывает мощное понижающее воздействие на мировые расценки промышленных товаров.

На внутреннем китайском рынке китайская компания «Лидженд» владеет 26 процентами продаж, в то время как американские ИБМ — 6 и Хьюлет-Паккард — 3,8 процентами китайского рынка. В 2003 г. КНР совместно с Гонконгом лидирует в производстве 8 из 12 ключевых продуктов потребительской электроники. Ныне на Китай приходится более половины мирового производства цифровых камер и проигрывателей DVD; более трети мирового производства ноутбуков и настольных компьютеров; около четверти всех мобильных телефонов, цветных телевизоров и автомобильных приемников.

Промышленность. В 2005 г. рост промышленной продукции достиг феноменальных 18 процентов. Страна жестко стремится стать мировым лидером и в электронике — в индустриальном мировом масштабе, обходя в компьютерах и компьютерном оборудовании Тайвань (мировой лидер экспорта в данной сфере), а в программном обеспечении Индию. Результаты впечатляют. Продажи электронных программ увеличились с 819 млн. дол. в 1995 г. до 3,5 млрд. дол. в 2001 г. А продажи электронного оборудования за то же время выросли с 759 млн. дол. до 9,68 млрд. дол. Чтобы обогнать двоих своих конкурентов, Пекин наметил *в десять раз* увеличить свой электронный экспорт к 2010 г.

Поразителен выбор направления удара в экономике. Пока Россия забивала себе голову ваучерами, Китай сделал решительную ставку на электронику. Число стационарных телефонов между 1989 и 2003 гг. увеличилось в 90 раз и достигло цифры 397 млн. единиц. Произошел прыжок пользователей Интернета, с 8,9 млн. в 2000 г. до 69 млн. в 2003 г. Более 200 млн. китайцев пользуется кабельным телевидением — са-

мая большая национальная аудитория в мире, которая удвоится уже в 2005 г. Такое же число китайцев пользуется мобильными телефонами, и это число увеличивается каждый месяц на 2 млн. человек. Еще в середине 1990-х годов китайцы почти не покупали легковые автомобили, в 2004 г. ежегодные их продажи достигли 2 млн. штук. При таких темпах в частном пользовании к 2010 г. в стране будет 28 млн. автомобилей.

Более 120 компаний производят в Китае автомобили — ничего подобного не может представить ни одна страна. Разумеется, во всех отраслях промышленности выделятся лидеры. По международным прогнозам, Китай по производству автомобилей обгонит Германию до 2010 года, а Японию — до 2015 года. Затем последует относительно продолжительный период, когда КНР будет производить 4 млн. автомобилей в год. Но в конечном счете страна с потенциальными 100 млн. владельцев автомобилей обгонит и Соединенные Штаты, производящие 17 млн. автомобилей в год³⁹⁸. Ближайшая цель: 770 000 автомобилей «Фольксваген» к 2007 г. Американский «Форд» уже инвестировал 1 млрд. дол. в два сборочных завода. А рядом «Хонда», «Тойота», «Ниссан».

Китай планирует на протяжении следующих 20 лет построить в стране 32 атомные электростанции. Но главные инвестиции — в образование нации. В Китае 17 млн. студентов университетского класса. Но, вспомним, что исследователи в Китае получают значительно меньше. В Китае 743 тыс. ученых; в США — 1,3 млн.). В 2004 г. иностранные компании инвестировали 15 млрд. дол. в индустрию полупроводников Китая. Такие страны, как Франция, готовы продать лучшее, что имеют, — скоростные поезда ТЖВ, самолеты «Аэробус», атомные станции, военное оборудование.

Торговля. Китай стал торговать лучше всех. Неукротимый экономический подъем довел китайский экспорт до 6 процентов мирового. За последние десять лет китайский экспорт в США увеличился феноменально, в пять раз. Прежде всего, Пекин стремится на богатые рынки Запада, к развитию взаимных связей с ним. И добился своего. Импорт из всей Азии в КНР увеличился за период 1995—2003 гг. с 72,1 млрд. дол.

до 160,6 млрд. А экспорт в «свой» регион увеличился втрое: с 29,8 млрд. до 81,9 млрд. дол. Объем полуфабрикатов из Азии в КНР увеличился значительно, тем самым экономическая взаимозависимость региона стала весьма значительной. Пекин сознательно идет на весьма значительный торговый дефицит в торговле с соседями. Дефицит в торговле с Тайванем — 31,5 млрд. дол.; с Южной Кореей — 13,1 млрд.; с АСЕАН — 7,6 млрд. дол.; с Японией — 5 млрд.; с Австралией — 1,3 млрд. дол.

За последнее десятилетие экспорт из США в КНР увеличился с 16,1 млрд. дол. до 27, 3 млрд.; экспорт из Западной Европы — с 21,3 млрд. до 38,5 млрд. дол. В то же время Китай упрочился на положении второго экономического партнера Соединенных Штатов, обогнав Мексику (не давая ей шанса). Доля Китая в импорте США — 11,2 процента. Импорт «Большого Китая» (КНР, Гонконг, Тайвань) составил в 2004 г. 850 млрд. дол. — значительно больше, чем у Японии (673 млрд. дол.). (Отметим торговый дефицит США в товарообмене со всеми странами Азии). Валютные резервы Китая составляют 500 млрд. дол., он обогнал по этому показателю Японию и Тайвань. Отметим огромное положительное сальдо торгового баланса КНР в торговле с США — 200 млрд. дол. в 2005 г.

Китай отнимает рабочие места. Импорт из Китая уже "отнимает" у США 680 тыс. рабочих мест. Первый устрашающий прогноз прозвучал в Америке в конце 2005 года: 830 тыс. рабочих мест «ушли» из Америки в Китай. Еще 3,3 млн. рабочих мест пройдут тем же путем до 2015 года. «Голдман, Сакс» предсказал «убытие» 6 млн. рабочих мест к 2014 г. Университет в Беркли предсказал «убытие» 14 млн. американских рабочих мест в течение десяти лет.³⁹⁹ Речь идет о десяти процентах рабочей силы Соединенных Штатов.

Неоспоримо, что Китай получает значительную прибыль от торговли с Соединенными Штатами. Но это ничего не гарантирует. Как пишут Р. Бете и Т. Кристенсен, «КНР, возможно, не желает убивать курицу, несущую золотые яйца, но не хотят убивать ее и Соединенные Штаты и Тайвань. Почему тогда Пекин должен быть более склонен к отступлению, чем Вашингтон и Тайбэй?⁴⁰⁰» Взаимозависимость делает политический конфликт игрой, в которой каждая сторона ожидает от противосто-

ящей, что та уступит, в результате чего происходит движение не к компромиссу, а к столкновению. К тому же твердая позиция может быть существенной для выживания политического режима, в то время как сторонние наблюдатели смотрят на то, что они калькулируют как «национальные интересы» Китая. В любом случае американские эксперты сходятся во мнении, что Соединенные Штаты не могут довольствоваться только экономическими стимулами для достижения геополитических целей⁴⁰¹.

Вступление в ВТО не повысило уровень безработицы. Главным торговым партнером Китая является Европейский Союз, торговля с которым выросла на 25 процентов в 2003 году и на 40 процентов в 2004 году — превзойдя 200 млрд. дол. Торговля КНР с США лишь едва уступает этой цифре. В 2004 г. ЕС инвестировал в китайскую экономику более 40 млрд. дол., обещая еще 30 млрд. В Китае созданы почти двадцать тысяч фирм, созданных с помощью и инвестициями Европейского Союза⁴⁰².

В то же время отношения Китая с Японией замерли на весьма низкой точке. При премьерере Коидзуми в японском правительстве возобладали «ястребы», сумевшие ухудшить отношения с Пекином. Это дает дополнительный шанс России.

Прогноз. Поразительны проекции на будущее. К 2025 г. на Китай будет приходиться 30–40 процентов производства металлов в мире. Международное энергетическое агентство прогнозирует увеличение потребления нефти Китаем между 2001 и 2030 гг. с 1,7 млн. баррелей в день до 9,8 МБД. Россия здесь — один из важнейших потенциальных партнеров. Практически нет сомнения в том, что Пекин постарается наладить тесные отношения с импортерами энергии — страна уже обогнала Японию и стала вторым в мире импортером нефти. КНР собирается импортировать 3,3 млн. баррелей нефти в день в 2010 г. и 7,3 млн. баррелей в 2030 г. (на США будет приходиться 24,3 млн. баррелей в день, на Западную Европу — 14,6 млн., на Японию — 6,8 млн.). Китай намеревается вывозить сжиженный газ из Австралии, Индонезии и Ирана. Такие цивилизации, как восточноевропейская, латиноамериканская, индуистская,

хотя и проходят определенную фазу самоутверждения, не проявляют открытой враждебности по отношению к западной цивилизации.

Цифры роста Китая безусловно впечатляют, но не следует забывать и о том, с какого низкого старта начинала великая страна. Слабым местом Китая является неравномерное развитие 29 провинций. К 2020 г. такие провинции, как Гуандун и Гонконг, будут одними из богатейших провинций мира. Процветающие приморские провинции стоят большим контрастом по отношению к бедным внутренним родственникам. Внутренние регионы немного получают от экономического бума. Возможное ослабление роли Коммунистической партии Китая будет содействовать сепаратизму.

Возможность модернизации, развития по пути интенсивного роста с сохранением собственной идентичности стала реальной после изобретения конвейерного производства, «убивающего» как раз то, в чем Запад был так силен, — самостоятельность, инициативность, индивидуализм, творческое начало в труде, поиски оригинального решения. Оказалось, что конфуциански воспитанная молодежь приспособлена к новым обстоятельствам упорного труда. Шанс, данный Фордом в Детройте, подхватила Восточная Азия, иная цивилизация, иной мир. Для истории привыкшего за пять столетий к лидерству Запада это радикальный поворот. Если у Запада есть Немезида, то ее зовут Восточная Азия — именно этот регион получит исторический шанс в XXI веке.

Экономические и политические амбиции нового Китая уже ощутимы в Юго-Восточной Азии, Центральной Азии, на Дальнем Востоке, в акватории Южно-Китайского моря. В начале XXI в. Китай начал фактически возглавлять общеазиатский торговый блок и напрямую встал вопрос, кто определяет условия экономического развития самого растущего региона мира. Гонконг внутри и хуацяо вовне стали новыми мощными инструментами растущего китайского могущества

Стремление Китая приобрести на мировой арене статус «сверхдержавы» приведет к тому, что он приобретет мощные экономические рычаги воздействия не только на страны своего региона, но и на другие государства; кроме того, Китай будет

продолжать наращивать свою военную мощь. Восточноазиатские государства будут адаптироваться к усилению мощи Китая посредством установления более тесных экономических и политических связей с Пекином, потенциально приспосабливаясь к его предпочтениям, особенно в таком чувствительном для Китая вопросе, как судьба Тайваня.

По оценке разведывательного сообщества США, через два десятилетия Китай, как уже говорилось, превзойдет США по объему валового продукта, достигнет значительных высот в военной технологии, обзаведется своей зоной влияния в наиболее динамично растущей зоне — восточноазиатской, бросающей вызов экономико-геополитической гегемонии единственной сверхдержавы. Джеффри Сакс призывает американцев готовиться к тому, что в 2050 году китайская экономика будет превосходить американскую на 75 процентов⁴⁰³. Американцы пока едва ли не безмятежны — такого еще никогда не было — и это ведь происходит на противоположном краю мира.

При этом китайцы смотрят на карту, значительно превосходящую карту собственно КНР, к китайской цивилизации они относят не только собственно континентальный Китай. С их точки зрения, все имеющие китайскую кровь, принадлежащие к одной расе, имеющие одну кровь и выросшие в одной культуре, являются членами одного китайского сообщества и в той или иной степени подопечны китайскому правительству. Прежде всего это китайцы Тайваня и Сингапура, китайские анклавы в Таиланде, Малайзии, Индонезии и на Филиппинах; некитайские по крови меньшинства Синьцзяна и Тибета, и даже «дальние конфуцианские родственники» — корейцы и вьетнамцы. Китайская диаспора чрезвычайно влиятельна в регионе.

Идейное самоутверждение. Наряду с экономическим подъемом впервые в мировой истории нового времени происходит энергичное утверждение азиатской культуры как имеющей не только равные права на уважение, но по многим стандартам находящейся выше западной. Идеология «Азия для азиатов» имеет долгую и устойчивую традицию. «Запад должен признать, что долгая эра контроля над Азией внешних для Азии держав — когда величайшая военная сила в Азии была не азиатской — быстро подходит к концу»⁴⁰⁴.

По мнению многолетнего сингапурского премьера Ли Куан Ю, общинные ценности и практика восточноазиатов — японцев, корейцев, тайваньцев, гонконгцев и сингапурцев — явятся их самым большим преимуществом в гонке за Западом. Работа, семья, дисциплина, авторитет власти, подчинение личных устремлений коллективному началу, вера в иерархию, важность консенсуса, стремление избежать конфронтации, вечная забота о «спасении лица», господство государства над обществом (а общества над индивидуумом), равно как предпочтение «благожелательного» авторитаризма западной демократии, — вот, по мнению восточноазиатов, «альфа и омега» слагаемых успеха в XXI веке. Появились даже идеологи «азиатского превосходства», призывающие даже Японию отойти от канонов американского образа жизни и порочной практики западничества, выдвигающие программу духовного возрождения, «азиатизации Азии» как антитезы западного индивидуализма, более низкого образования, неуважения старших и властей.

Будет ли китайское правительство мудрым опекуном экономики, изгоняющим коррупцию? Счастливы ли китайцы своим прогрессом или они безнадежно угнетены как граждане и эксплуатируются как рабочие? Потонет ли китайский пейзаж в индустриальном мареве? Станут ли китайские банки мощными мировыми игроками? Войдут ли китайские крестьяне относительно мирно в урбанистическое будущее или их ждут восстания? От ответа на эти вопросы зависит *мировое* будущее.

Традиции строгой централизации государственной власти в Китае сильны как никогда. В то же время 72% населения — крестьяне¹, живущие в сельской местности, начали избирать своих руководителей — критически важный факт. Экспортно-мощная провинция поставляет треть своих товаров на национальный рынок — мощный якорь против сепаратизма. Внутренняя миграция также укрепит национальное единство.

Отношение к Америке. Через несколько дней после американской травмы 11 сентября жестким реализмом прозвучали слова официального американского документа: «Существует возможность того, что в регионе Восточной Азии предстоит противостояние со страной колоссальных ресурсов»⁴⁰⁵. В Пекине

эти слова восприняли как неприкрытую угрозу Китаю, как сигнал американской убежденности в будущем противостоянии.

Некоторые обстоятельства сгладили остроту обозначившегося противостояния. Пекин должен думать о восстаниях в Синьцзяне, о предстоящих в 2008 г. Олимпийских играх, которым китайцами придается большое значение. Но более серьезными стали обозначившиеся геополитические обстоятельства. Главное среди них — движение России в западном направлении. «Для Китая это значит, что Соединенные Штаты заполняют новые ниши, последний участок на северо-востоке этого круга оцепления»⁴⁰⁶. Теперь Центральная Азия предоставила американцам свои аэродромы. США сняли санкции с Индии и Пакистана, заметно сблизившись в Пакистаном — главным союзником Китая в Азии и частью китайского контрбаланса Индии. Даже Иран попытался улучшить отношения с Вашингтоном на волне лозунга президента Буша: «Кто не с нами, тот против нас». Снова возник старинный страшный призрак: Китай в кольце далеко не дружественных держав. Арабы отстраненнее, Япония и Индия — более настойчивые, Россия, обернувшаяся к Западу, среднеазиатские страны, сотрудничающие с Америкой. Государства к югу от Китая более отчуждены — они знают, кому принадлежит мощь и инвестиции совместно с технологией.

Американцы на встрече президента Буша с Ху Цзиньтао в 2006 г. показали, что на данном этапе Китай — далеко не самый главный партнер США. Это чувствовалось и в обсуждении тайваньского вопроса. В том, что американцы не согласились предоставить запасные части к стоящим мертвым грузом на китайских аэродромах вертолетам «Блэкхоук». Со своей стороны, Пекин не выразил открытой поддержки бомбардировкам Афганистана. Но более всего не понравилась китайцам следующая ремарка Буша: «Война с терроризмом не должна включать в себя преследование меньшинств». Попытки китайской делегации в Пекине внести в шанхайские документы осуждение сепаратизма успехом не увенчались.

Когда следующей целью антитеррористической коалиции американцев стал Ирак, Китай не поддержал эти действия. И

главное: Китай не хотел бы видеть 19 миллионов своих мусульман ожесточенными происходящей рядом битвой цивилизаций. Не забудем и то, что 30 процентов потребляемой нефти Китай импортирует преимущественно из стран Персидского залива. Без этой нефти китайский бум лишится важнейшего компонента.

В Синьцзяне и Тибете ждут своего часа сепаратисты. Активное сближение с США может подтолкнуть уйгуров, часть которых, как предполагается, имела контакты с бен Ладеном. Китайское руководство внутри страны уже подвергается критике за излишнюю уступчивость по поводу эпизодов 1999 г. (Белград) и 2001 г. (сбитый над территорией Китая китайский самолет).

Китайцы задают вопрос: если Америка в час своей нужды не готова продать запасные части к вертолетам, проданным более десятилетия назад, то что же можно ждать от нее в момент триумфа? Китайцы знают, что американское руководство не едино, что прежний госсекретарь Колин Пауэлл был настроен более дружелюбно, но министр обороны Рамсфелд ожесточен китайской политикой в области распространения ядерного оружия и жесткостью Пекина в тайваньском вопросе. Президент Буш еще 25 апреля 2001 г. сказал, что будет препятствовать «всеми возможными средствами» попыткам овладения Тайванем. Буш ввел санкции против одной из китайских фирм, заподозренной в содействии распространению ядерного оружия в Пакистане. 46 процентов американцев поддержали линию президента, но 34 процента заявили, что он слишком мягок в своей китайской политике⁴⁰⁷.

Теперь, когда американцы смотрят на Китай из киргизской базы «Манас» — всего несколько сот километров до китайской границы, — Пекин имеет все основания почувствовать себя ущемленным.

Менталитет будущего Китая. Следует предвидеть стремление новой силы пересмотреть прежний баланс сил, который сформировался в то неблагоприятное для Китая время, когда он был слаб. Китай провозгласил, что «стремление к многополярному миру является растущей тенденцией... Китай го-

говит себя к роли одного из центров будущего многополярного мира»⁴⁰⁸.

«В Китае ожил,— пишет Р. Холл оран,— менталитет Среднего Царства, в котором другие азиаты видятся как существа низшего порядка, а представители Запада как варвары»^{*09}. К. Либерталь из Мичиганского университета, полагает, что *«китайские лидеры обратились к национализму, чтобы укрепить дисциплину и поддержать политический режим»*⁴¹⁰. Западные аналитики начинают сравнивать подъем Китая с дестабилизирующим мировую систему выходом вперед кайзеровской Германии на рубеже XIX—XX веков. О подъеме Китая как стратегическом мировом сдвиге говорят геополитики Р. Эллинге и Э. Олсен: *«Китай рассматривает себя в качестве естественным образом доминирующей державы Восточной Азии, чтобы китайцы ни говорили. Китай следует этой политике шаг за шагом и, в отличие от Японии, оказывающей преимущественно экономическое влияние, он, по мере того как становится сильнее, стремится осуществлять, помимо экономического, политическое влияние»*⁴¹¹.

К середине XXI века североатлантическая зона получит полнокровного соперника. *«Китайцы станут равными американцам и европейцам в высоких советах, где принимаются решения о войне и мире»*⁴¹². И делается это не путем модернизационной амнезии. В Китае очевидно «движение к основам» — активное восстановление Великой стены, более патриотично настроенные учебники, критика язв капитализма, новый культ Конфуция. Премьер Сингапура Ли Куан Ю оценил подъем Китая следующим образом: *«Размеры изменения Китаям расстановки сил в мире таковы, что миру понадобится от 30 до 40 лет, чтобы восстановить потерянный баланс. На международную сцену выходит не просто еще один игрок. Выходит величайший игрок в истории человечества»*^{411'}.

В Восточной Азии Китай, Япония и движущийся в этом смысле параллельно мир ислама занимают в начале XXI века все более жесткую позицию в отношении Запада. Характерна китайская уверенность в себе и стремление преодолеть исторические препятствия на пути к национальному возвышению. Новый мировой гигант уже сейчас смотрит на Запад без всякой

симпатии. Более того, антизападничество и, прежде всего, антиамериканизм становятся частью национального самоутверждения и даже самосознания. У руководителей и интеллектуалов Китая складывается мнение, что после «благожелательности Запада» 70—80-х гг. в дальнейшем мир посуровел в отношении Китая, иссякло желание помочь в его развитии.

В Пекине зазвучали аргументы о «теряющей влияние державе, отчаянно стремящейся предотвратить взлет Китая... Менталитет США не позволяет им отказаться от навязывания своей политики, которая нечувствительна к внутренним проблемам Китая»⁴¹⁴. Ставшая бестселлером книга *«Китай может сказать «Нет»* призывает бороться с культурным и экономическим империализмом США, бойкотировать американские продукты, требовать компенсацию за такие китайские изобретения, как порох и бумага, ввести тарифные ограничения на импорт американских товаров, наладить союзные отношения с Россией на антиамериканской основе. В Пекине говорят о необходимости проведения нефтепроводов из Центральной Азии в Китай с тем, чтобы избежать возможности блокады Америкой и Японией морских путей доставки, т.е. избежать стратегической зависимости⁴¹⁵. (Китай с 1993 года стал «чистым» импортером энергии, он лидирует в растущем азиатском спросе на энергию и все более заинтересован в увеличении своей доли нефти из Персидского залива.)

На мировой сцене. Азия обращается к «незападным обществам» с призывом отвергнуть англосаксонскую модель развития — подвергается сомнению вера в свободу, равенство и демократию, подаваемые Западом непременным условием геополитического успеха. В Восточной Азии критически относятся к стремлению *«забыть прошлое»* ради результатов развития в будущем. Огромный развивающийся мир от Средней Азии до Мексики должен воспринять не уникальные западные догмы, а реально имитируемый опыт Азии. *«Азиатские ценности универсальны. Европейские ценности годятся только для европейцев»*⁴¹⁶.

Китай получит весомую экономическую и политическую поддержку со стороны богатых и влиятельных диаспор в

Сингапуре, Бангкоке, Куала-Лумпуре, Маниле, Джакарте. Конфуцианский мир Китая и китайских общин в окрестных странах обнаружил потенциал взаимосближения. Общие активы 500 самых больших принадлежащих китайцам компаний в Юго-Восточной Азии — 540 млрд. дол. Отметим торговый дефицит США в товарообмене со *всеми* странами Азии. Торговля с Китаем станет для Запада, и в частности для США, фактором стратегического значения.

Внутрирегиональная заинтересованность — новое явление для Китая. Пекин ныне ведет интенсивные переговоры с АСЕАН о создании региональной зоны свободной торговли. Речь идет о создании так называемой организации АСЕАН+: страны АСЕАН и Китай, Япония и Южная Корея. Предполагается обсуждение идеи создания регионального валютного фонда. Китай полагает, что участие в таких организации ослабит страх перед его новым могуществом.

Сейчас китайская доля в общеазиатском экспорте электроники превысила 30 процентов (а в 1997 г. равнялась 14 процентам). Азиатские соседи вынуждены потесниться (за исключением Южной Кореи — 17, 1 процента). Экономическая роль КНР возрастет еще более, если к власти на Тайване возвратится Гоминьдан с его политикой «одного Китая», заменив нынешнее тайваньское правительство, питающее идею тайваньской независимости. В абсолютных цифрах импорт Китая в Азии вырос между 1970 и 2003 гг. с 4,1 млрд. дол. до 370 млрд., а экспорт — с 4,6 млрд. дол. до 380 млрд. дол.⁴¹⁷

Экономическое влияние быстро начало переходить в общеполитическую сферу. Ныне КНР доминирует, как минимум, в трех соседних азиатских странах. В 2000 г. Цзянь Цзэминь посетил Лаос и Камбоджу. Центральному правительству Лаоса он помог воздействовать на мятежные северные племена, капитализируя это в преобладание во Вьентьяне. Еще более впечатляющим является случай с Камбоджей: всего десять лет назад центральное правительство Пномпеня весьма холодно относилось к Пекину из-за китайской помощи движению Кхмер Руж. После первого визита Цзянь Цзэминя в Камбоджу в 2000 г. Камбоджа решительно вошла в китайскую зону влияния.

Еще более впечатляющим стал поворот Таиланда. В начале 2004 г. тайский премьер Таксин Чинават объявил о переориентации внешней политики страны. Этот многолетний союзник Соединенных Штатов и Британии отныне ориентируется на Китай «как на наиболее важную страну во внешней политике Таиланда». В 2004 г. Китай подписал 24 новых экономических соглашения с Бирмой. Обильные инвестиции в Монголию сделали эту страну фактическим сателлитом Китая. Некогда непримиримо сражавшаяся с КНР Индия ныне установила с Китаем довольно близкие отношения в области экономики и безопасности. Россия подписала договор о дружбе. Даже Южная Корея, с 37 тысячами американских войск, смотрит на Китай как на брокера в своих отношениях с Северной Кореей. На ежегодном форуме в Боао (нечто вроде европейского Давоса) азиатские элиты обсуждают мировые проблемы. Даже Восточный Тимор заявил о том, что хотел бы создать «максимально тесные» отношения с Китаем. Похожую позицию периодически занимает Казахстан.

Но Китай смотрит еще шире. В октябре 2003 г. новый китайский президент Ху Цзиньтао получил возможность выступить в австралийском парламенте. А новый китайский премьер Вэнь Цзябао совершил весной 2004 г. тур по Европе, заключив соглашение о совместной, ЕС-КНР, программе освоения космоса, совместно осуждая американский авантюризм. Практически была достигнута договоренность о продаже европейского оружия Китаю.

Как это повлияет на другие регионы? Американцы не без злорадства указывают своим европейским конкурентам, что бурный индустриальный рост Китая *бьет прежде всего по европейской промышленности*. «Когда дым рассеется, мы увидим Азию более процветающей, чем прежде, Соединенные Штаты покрытыми синяками, но выстоявшими — а на месте Европы нечто вроде руин испанской империи»⁴¹⁸.

Новая дипломатия. Прежнее отстояние от международных организаций и процессов претерпело явственное изменение. В действиях китайцев сегодня видна новая гибкость, китайская дипломатия демонстрирует новое умение, компетентность

и искусство. Предпосылкой этой активизации послужила нормализация отношений и разрешение территориальных споров с Россией, Казахстаном, Киргизстаном, Таджикистаном, Вьетнамом, Лаосом, Индией. Китай получил лишь примерно 50 процентов оспариваемой территории, но он ныне, имея менее спорные за последние двести лет границы, ослабил давление по поводу спорных островов Сенкаку, Парасельских, Спратли и обрел желаемую свободу действий. При столь растущем потреблении мировых ископаемых не требуется больших усилий, чтобы представить, что Китай, как прежде все прочие великие державы, выработает внешнюю политику и военную стратегию, направленные на защиту своего доступа к сырьевым материалам, который (доступ) современный Китай весьма ценит и будет защищать всеми силами. После одиночества, характерного для периода Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, Пекин, *во-первых*, расширил сферу двусторонних отношений. Совершенно особое значение имеет заключенный в 2001 г. договор с Россией «О добрососедстве и дружеском сотрудничестве». С 1996 г. Китай является участником встреч «Азия — Европа». В 2003 г. КНР впервые имела особые контакты с Североатлантическим Союзом.

Во-вторых, Пекин обратился к прежде практически игнорируемым международным организациям. Впервые за историю ООН Китай придает немалое значение своему участию в ней, особенно с Советом Безопасности ООН.. Пекин вошел в «шанхайскую шестерку». Летом 2003 г. Пекин оказал немалое воздействие на КНДР (перемещение войск на совместной границе, прекратил морские поставки нефти, задержал северокорейское судно, начал исполнять роль посредника между Пхеньяном и Вашингтоном). Но важен и договор о ежегодных встречах с представителями АСЕАН. Пекин предложил постоянные связи между военными ведомствами азиатских стран. И Китай определенно улучшил отношения с Россией, которая в лице Путина дала понять, что будет стоять рядом в случае ухудшения китайских отношений с Западом. Созданная в новом веке «Шанхайская шестерка» знаменует собой организацию огромного пласта евразийской территории. Новая китайская дипломатия представляет собой определенный отход от строго коммунистического

курса, приближение к традиционнo национальнoм линиям поведения. Новое поколение китайцев, безусловно, гордое своими достижениями, смотрит на мир в значительно более национальнoм духе — они отражают не только традиционнoю китайскую цивилизацию, но, прежде всего, новую геополитическую мощь «поднебесной». Строго говоря, в «новой дипломатии» не так много нового, этот путь проходили все индустриальные страны: Пекин выработает специфическую внешнюю политику и соответствующую ей военную стратегию для защиты подходов к наиболее важным ископаемым ресурсам. По мере того как Китай распространит свою торговлю на Латинскую Америку, Африку и Ближний Восток, он распространит и политико-культурные связи. Да, прошло 500 лет с того времени, как Китай посылал мощные эскадры за горизонт, но ритм экономического роста страны делает возможным невозможное, и есть все основания предположить, что китайский Теодор Рузвельт создаст флот мирового охвата.

То, как Китай будет действовать в спорных зонах, можно с большой степенью вероятности определить, скажем, по тому, как КНР ведет себя сегодня в Судане. Китай уже разместил в Судане 4 тыс. солдат для охраны нефтяной трубы, созданной совместно с малайзийской фирмой «Петронас». Пока мир смотрит на страдания Западного Судана, китайцы без большого шума крепят свои позиции в этой отдаленной и бедной стране. Здесь уже расположились 4 тыс. китайских солдат. Новое средство — и способ — сближения являют собой двусторонние предложения о создании Соглашений о свободной торговле. Пекин ведет переговоры об этом с Канберрой как крупнейшей кладовой природного газа, угля, железной руды, и других сырьевых материалов. В ходе состоявшегося в Аддис-Абебе диалога Пекин-Африка предусмотрен рост торговли с 12,4 млрд. дол. до 30 млрд. в 2005 г.⁴¹⁹

Экономическое «стратегическое партнерство» Китай предлагает Бразилии, которая именно в этом видит основу диверсификации своей экономики и ухода от северной гегемонии. И Китай действительно рассматривает себя как потенциальную сверхдержаву. Китайские фирмы планируют инвестиции в алюминиевую промышленность Бразилии объемом в 2 млрд. дол., а

также 1,5 млрд. — в стальную промышленность Бразилии. Еще в 1999 г. Китай был 15-м экономическим партнером Бразилии, а сейчас — второй. Бразилия намеревается довести экспорт в Китай до 10 млрд. дол. Еще один существенный потенциальный партнер — Чили. Свои новые финансовые возможности Китай использует не вполне обычным способом. Так за 2003-2004 гг. он купил государственных ценных бумаг американского правительства более чем на 100 млрд. дол. Поразительно, но Китай бросает вызов Америке там, где он раньше ничего не значил. От Китая становятся зависимыми страны, которые прежде жестко были в сфере американского влияния — Австралия, Бразилия, Южная Африка. И нетрудно представить себе, что завтра в китайскую зону влияния попадут такие страны, как Демократическая республика Конго, Папуа-Новая Гвинея и даже Саудовская Аравия. Раньше Вашингтон категорически противился размещению китайских войск за пределами КНР, ныне такое отношение меняется *de facto*. Сейчас *впервые* после крушения Советского Союза некий центр бросает Америке своего рода вызов в сфере того, что получило название soft power: комбинация экономической активности, интеллектуального горения, культурного самоутверждения, привлекательной торговли, настойчивой и вежливой дипломатии — и это на фоне растущей военной мощи. Как оценивает американский журнал, «Китай еще не может делать фильмы лучше голливудских, создавать компании типа «Дженерал Электрик» или соперничать с лучшими традициями государственного департамента (по меньшей мере, там, где Америка действительно заботится о результате). Но игра продолжается, и Китай начинает подрывать культурное, экономическое и дипломатическое влияние США. К сожалению, односторонность и близорукий фокус Америки на терроризм дает Пекину шанс»⁴²⁰. В марте 2006 г. в Пекине было объявлено о 14,7-процентном увеличении расходов на оборону. Размер оборонного бюджета в 2006 г. составляет 35,3 миллиарда дол. Весной 2006 г. китайцами был создан одноместный истребитель «Сяолун-4» («Яростный дракон») с одной силовой установкой (максимальная дальность полета — до 3500 км.), отвечающий особенностям ведения боевых действий в XXI веке.

Особое впечатление на весь мир произвели военные учения армий России и Китая, проведенные осенью 2005 г. на территории России и Китая. ШОС стал значить нечто большее, чем консультативный блок.

Глава 9

ПАДЕНИЕ ЕВРОПЫ

Если США сместит центр своих интересов в Азию, то партнерству между США и Европой придет конец⁴²¹.

Европейский новый мир

Восьмой фактор — падение Европы. После того, как французские и голландские избиратели проголосовали весной 2004 г. против единой Европейской конституции, процесс интеграции в Европе заглох. Шок был столь силен, что процесс ратификации конституции оказался отложенным на неопределенный «период размышления», чтобы позволить другим странам (например, Британии) не наносить дополнительного удара по процессу ринувшейся вспять интеграции. Ситуация оказалась резко осложненной неспособностью главных стран ЕС достичь согласия относительно бюджета на 2007—2013 годы — здесь столкнулись англичане и французы, споря о финансовых льготах для Британии и о Единой сельскохозяйственной политике. Все прежние достижения западноевропейской интеграции, казавшиеся необратимыми, подверглись сомнению.

Значимость мусульманского нашествия. Именно в 2004—2006 годах гордая Европа погасила свои огни. Неудавшаяся конституция лишила ее надежд на создание единого государства, а отчаянный напор 30 миллионов мусульман, уже заселивших крупнейшие европейские города, изменил сам характер прежнего центра мира. На горизонте появилась Евразия.

Прежняя Европа стала объектом мусульманской ненависти — французы, британцы и немцы заняли главенствующие

позиции в ядерных переговорах с Ираном. Объединенная Европа под эгидой НАТО усилила значимость своего военного присутствия в Афганистане — участвуя в боях. Одновременно «Евроислам» стал настаивать, что «между исламом и демократией *не* существуют непримиримых противоречий, что шариат и Коран — это две разные вещи, что женщины, имеющие водительские права и право голосовать, — не конец Востока, что недостаток образованности или экономическое отставание являются таким же позором для уммы, как и пытки, коррупция и суеверие»⁴²².

И все же. Как пишет французская «Монд», «после неожиданного краха коммунизма в 1989 г, демократия «обогатилась» пышным цветом твердолобого высокомерия. Победоносный либерализм вновь почувствовал себя вершителем судеб на планете, счетоводом и ремесленником всемирной эмансипации, присягнувшим на верность грядущему универсализму. Запад встал в оппозицию к культурным изгибам Аравии и Малой Азии, восстал против национальной пассивности Востока и религиозного фанатизма и ведет себя так, будто старается подавить свою растерянность и пытается игнорировать пустоту, которая — и он об этом знает — притаилась внутри него.... Он не задается вопросами о своей современной ипостаси и либеральной глобализации, он считает их привилегией и догмой. Нет больше бунтарского духа, осталась идеология завоевателей. Запад старается воздвигнуть вокруг себя баррикады и отторгнуть остальной мир»⁴²³.

Вот как описывает ближайшее будущее американец Тони Блэнкли: «Мусульманские советы Британии, Франции, Германии и Голландии соберутся на встречу в Лондоне. Прежде в них преобладали умеренные мусульмане. Но молодые мусульмане Европы видели в такой тактике откровенную сдачу европейским крестоносцам. Желание сотрудничать с европейскими правительствами стало рассматриваться как признание того, что они далеко *не* верные мусульмане. Главным средством общения мусульманских радикалов стал Интернет, превратившийся в основного мусульманского организатора. Они потребовали от брюссельского парламента введения шариата как официальной судебной системы мусульман»⁴²⁴.

Убийство в ноябре 2004 г. Тео ван Гога, дальнего родственника и автора сценариев к фильмам, брутально убитого прямо на улице за фильм, повествующий о судьбе мусульманских женщин, всколыхнуло всю Европу. Полтора десятка мусульманских школ и общественных центров были сожжены в отчаянном стремлении к отмщению. Правые депутаты получили дополнительную поддержку населения. И все же все большее число европейцев считает, что большинство среди европейских элит, несмотря на то, что «волки собираются в лесу», продолжает *business as usual*.

Может ли Европа стать мусульманским доменом? А верил ли царь Дарий в 333 году до Рождения Христа, что через три года потеряет и царство и жизнь? Верили ли миллионы американцев в 1860 году, что их ждет четырехлетнее кровопролитие? Думали ли европейцы в 1939 году, что они вступают в эру фантастической схватки, которая лишит жизни 50 миллионов человек?

Природа угрозы. Смертельная угроза исходит не от Усамы бен Ладена и его нескольких тысяч членов «Аль-Каиды». Против Европы встает громадный исламский мир, целая цивилизация, пятая часть человечества. Соотношение сил было неравным в 1900 году — 12 процентов приходилось на мир ислама и 30 процентов на уверенный в своем могуществе христианский мир. Но войны и падение рождаемости в XX в. привели в тому, что мусульман в мире стало примерно столько же, как и христиан, — двадцать с лишним процентов от мирового населения.

Мощь подъема ислама трудно переоценить. Все усилия выделить «Сторонников джихада» и отделить их от всего мира ислама — бессмысленны. Опасно бессмысленны. Первый порыв исламского напора на Европу приходится на Испанию и Португалию в VIII веке, а затем исламская энергия захватила Болгарию, Сербию, Адрианополь, Косово, а затем и весь Балканский полуостров — Константинополь, Будапешт, Трансильванию, Валахию, Молдавию, Персию, Египет, Сирию, всю Грецию. Этот поток был остановлен только под Веной в 1683 г. И ныне мы видим поток исламской страсти, в чем-то напоминающий Европу, вышедшую из Ренессанса, устремившуюся на Запад, в век географических открытий, в век завоевания всего мира, им-

периализма и капитализма. И, как считают сегодня западные специалисты, качество людского материала Европы XV века напоминает современный поток исламского извержения.

Сегодня мы видим поток человеческой страсти, сходный с магмой ренессансной Европы, Европы эпохи географических открытий. Но не кривые сабли сегодня являются оружием ислама. Таковым сегодня являются глобализация и Интернет. Последний служит исламу так, как станок Гутенберга служил протестантам и Европе полтысячи лет назад. Сегодня такие проницательные наблюдатели ислама, как Майкл Шойер, утверждают, что подъем Ислама был бы невозможен без Интернета⁴²⁵. Интернет создал виртуальное сообщество общих интересов. Для исламских террористов — это форум подготовки ко всем аспектам терроризма. Интернет делает сеть подготовительных лагерей (подобных тем, которые Усама бен Ладен создал в Афганистане, начиная с 1991 года) ненужными. Каждый боец джихада получает образование и инструкции благодаря специальным интернетовским программам. Численность интернетовских сайтов, поддерживающих террористов, выросла за короткие несколько лет с двенадцати до более чем двух тысяч.

И это — не говоря о вебсайтах, которые просто поддерживают исламскую линию в мировой политике, — их невозможно сосчитать. Особенно активна исламская диаспора в секулярной Европе, где наличие подобных сайтов попросту осложняет любые виды ассимиляции. Этнически гомогенные европейские нации просто не могут ввести иммигрантов с Востока в ассимиляционный тигель — это не Америка, не нация иммигрантов. Но и в Соединенных Штатах культурная самозащита от исламского медиа-напора на удивление невнушительна.

Слабость Европы. Фантастическое снижение уровня рождаемости заставляет даже европейских финансистов задумываться над тем, кто будет платить налоги в странах, теряющих рабочие единицы. «В умах европейцев происходит рассвет идеи, что комбинация сокращения европейского аборигенного населения с расширяющимся и настаивающим на своих принципах мусульманским населением может привести к краху европейской цивилизации в течение одного столетия».⁴²⁶

Огромное число европейцев уже фаталистически смотрит на явление, именуемое Еврабией. Но обозначили себя и очаги сопротивления. Так, вся Голландия буквально «вспыхнула» после убийства мусульманином Тео ван Гога в ноябре 2004 года. Глубокий страх породил не только жажду мщения, но и желание «построить европейский редут». Инстинкт самосохранения проявил себя в одной из наиболее мирных европейских стран.

Но против этого инстинкта в Европе выступают важные общественных явления:

1) Мультикультурализм.

2) Правила *политической корректности* (влиятельные в медиа-сфере Европы и в академических кругах).

3) Полустолетняя практика европейских организаций, координирующих интеграционные процессы.

4) Шестидесятимиллионные потери во Второй мировой войне, нацистские лагеря смерти ослабили христианскую веру во всемогущего Бога.

5) Друг на друга наложились два противоположных по направленности течения. С одной стороны сверхогромные программы социальной помощи, потеря религиозной веры, культурная пассивность, слепое безразличие к внешним угрозам. А с другой стороны — восстанавливающий свои силы, поднимающийся ислам.

6) При этом нельзя сказать, что Европа безгрешна, — она колонизовала в свое время исламские страны, разделила после Первой мировой войны Ближний Восток. Она дала примеры социализма и фашизма исламским странам. Строго говоря, не ее вина, что история наложила европейские и исламские процессы друг на друга в период их почти противонаправленного развития.

Эти явления делают самозащиту Европы вялой и не скоординированной. Против активной национальной самозащиты выступает неистребимая память о двух мировых войнах, повергших Европу из положения *центра мира*, унесших с собой цвет европейской молодежи. Национализм утонул в морях пролитой крови. Сознательно борясь с национализмом, европейцы создали Европейский Союз. А гитлеровская мания об арийской расе отвратила европейцев от поисков новых изгоев.

Еще поколение назад Европа была готова встретить любую угрозу с решимостью и стойкостью. Но нынешнее поколение, как и грядущее поколение, лишены энергии, смелости и твердости защитить свою культуру, свой строй и быт. Совсем немногие из европейцев готовы пойти на то, что сделала поколение назад Америка: вернулась к более свободному рынку, к религиозному возрождению, к традиционным ценностям, увеличенному деторождению, к увеличению военной мощи, обновленной гражданской гордости.

Теперь, когда ислам *в третий раз* оказывает чрезвычайное давление на Европу, Старый свет не демонстрирует качеств, которые выдвинули ее в авангард мирового развития после Ренессанса, в годы географических открытий. Если Европа не найдет в себе сил восстать в условиях исламского наступления, если исламский вызов не найдет в себе силы для адекватного ответа, прежняя Европа уйдет в прошлое. В историческую реальность выйдет Еврабия. Старая Европа перестанет быть союзником Соединенных Штатов. Более того, она постепенно станет базой операций против Америки.

Запад потеряет свою лидирующую роль, разочарованная Америка поневоле примет ту или иную форму изоляционизма, как малый остров Запада в достаточно враждебном мире.

Отмщение индейцев. Американские теоретики сравнивают нынешнюю ситуацию с той, когда американские индейцы встретили на побережье первых европейцев. От Южной до Северной Америки индейцы многократно превосходили белых пришельцев. Но европейцы не были собственно только солдатами, и отношения между двумя расами не являли собой сплошную битву. На самом деле обе стороны находились друг с другом едва ли не в дружеских отношениях и немало сотрудничали друг с другом. Если бы индейцы увидели в европейцах врагов, они истребили бы их и довольно быстро — несколько сот европейских ружей не смогли бы справиться со многими сотнями тысяч индейцев. Только постепенно европейское вторжение начало выглядеть как вторжение, движимое частично исследовательскими целями и стремлением расширить торговлю. Европейцы создали плацдармы в глубине и вторжение измени-

ло свой характер в мощи движения, в прибытии новых поселенцев. И постепенно пришельцы обошли аборигенов.

Индейцы потерпели в этой войне поражение, несмотря на огромное материальное и численное превосходство, более точное знание географии местности, которая превратилась в поле битвы. А дело было в том, что в историческом опыте индейцев не было подобного опыта и ничто не предвещало им столь печальный конец.

Сегодня весь Запад испытывает на себе прибытие мусульман, часто очень полезное для западной индустрии. И у западных народов нет опыта — чтобы при таком своем материальном и военно-техническом преобладании он стал чувствовать смертельную угрозу. Все, что происходит, является *новым* и для европейцев, и для американцев. Поток переселяющихся к ним мусульман — это новое в истории западных народов. То, что происходит, не похоже и на более ранние исламские вторжения.

Ввиду того, что происходит нечто новое, западные традиции, законы, этические нормы не приспособлены к тому, чтобы обнаружить смертельную угрозу. Заново ощущается правота великого американского юриста Оливера Уэндела Холмса: «Жизнь закона заключается не в его логике, а в его опыте». Культурные институты Запада попросту не приспособлены к своего рода культурному восстанию глобализированного, интернетизированного, основывающегося на биологическом, химическом и ядерном оружии вызове. Может быть, лучшую характеристику происходящему дал президент Авраам Линкольн: «Догмы спокойного прошлого неадекватны штормовой современности. Новые события насыщены сложностями. И, поскольку для нас происходящее внове, мы должны думать по-новому и действовать по-новому»⁴²⁷.

Угроза. Первые признаки контрастности видны в 1928 году, когда Хасан аль-Банна основал в Египте общество «Братья-мусульмане» — первое современное массовое движение политического ислама, безоговорочно ориентированное на поражение западного империализма и секуляризма. «Братья-мусульмане» призывали вернуться к временам раннего ислама, к десятилетиям пророка Мухаммеда и последовавшему фантас-

тическому расширению исламского мира. Между 1940 и 1960 годами ведущим теоретиком воинственного ислама стал Сайид Кутб, чьи основные идеи были изложены в работе «Сигнальные огни на дороге». Именно эта книга заложила теоретическое основание для джихада и террора, якобы необходимых для изменения условий павшего мусульманского мира. Тогда на Ближнем Востоке и в Центральной Азии вышло течение, полное ненависти к тем мусульманским лидерам, которые вели себя как пленники Запада, противостоящие *подлинному* исламу.

Стало ощущаться и влияние возникшего в 1744 году ваххабизма, который увлек на свою сторону родоначальников саудовской династии в Саудовской Аравии. С этого времени саудовцы встали на путь распространения аскетического ислама с явно выраженным антизападным элементом. Особую силу вахабиты Саудовской Аравии представили собой после того, как в 1970-х годах, полагаясь на финансовую силу резко подорожавшей нефти, саудовцы стали главными инвесторами и опекунами антизападных учений, распространившихся по всему миру ислама. Именно тогда возникает понятие об «индивидуальном джихаде», одним из «героев» которого становится Усама бен Ладен⁴²⁸.

Это радикальный отход от прежней концепции джихада как движения всей уммы. Подоспел и Интернет, позволивший индивидуальные связи радикалов со своими союзниками. Теперь расположившиеся в небогатых комнатах западных городов самозванные мученики ислама с необычайной ловкостью могли связываться с единомышленниками в резко растущей среде ислама в Западной Европе — перевалившей за 20 млн. человек.

Они ведут примечательные беседы: интегрировать в западные общества, отгородиться от Запада или обратить Запад в ислам. Израильяне менее многих верят в возрождение энергии Запада. Бат Еор в недавно изданной книге «Евразия: Евро-арабская ось» высказывает эти сомнения. Те, кто панически воспринимает европейскую неготовность остановить волну джихада, требуют, чтобы эта книга стала обязательным чтением на Западе.

Отчуждение от европейской культуры. Несомненно, можно найти арабов, которые в принципе согласны признать достоинства европейской культуры. Но цифры опросов и исследований, оценки специалистов говорят определенно о том, что растущее количество мусульман чувствует растущее отчуждение от Европы, куда устремился поток арабской эмиграции. Тому есть две причины. *Первая*, европейцы очевидным образом охладели к мусульманской иммиграционной волне (в этом их трудно сравнить даже с несколько более умеренными американцами). *Во-вторых* (и это наиболее важно), изменяется характер дебатов внутри мира ислама. *Многие мусульмане начинают приходить к выводу, что их религиозной обязанностью является не интегрироваться в европейское общество.*

Начинается нечто новое в жизни исламской общины: массовый отход мусульман от устоев той локальной культуры, в лоно которой они попали. Растет стремление бросить европейской секулярной Иудео-Христианской культуре вызов, противопоставить европейцам исламскую культуру. И уже значительная группа мусульман перешла от идей мирного конфессионального сосуществования в мир жесткого межрелигиозного противоборства. Этот переход делается убежденно, основой перехода становится личный опыт, личный джихад, а не некие мудрствования исламских дидактов, теоретиков и трактователей Корана.

Постоянно растущей питательной средой отчуждения двух цивилизаций является растущее движение салафизма, интегрирующее радикальный, реформистский, очистительный элемент ислама. Как миролюбивое, так и радикальное крыло салафистского движения едины в том, что они не усматривают возможности компромисса с не-исламскими правительствами.

В результате исламский поток в Европе готов воздействовать не только на внутреннюю, но и на внешнюю политику европейских стран. На удивление большая доля приверженцев ислама сегодня *готова убить значительную долю неисламского населения в Европе**²⁹. Но еще более подействовало на главные европейские политические партии создание и быстрое распространение Исламской партии освобождения (Хизб ут-Тахрир аль-Исламийя). Здесь тип и форма исламского неопундаментали-

лизма сделала значительный шаг вперед, если сравнивать даже с «Исламским братством». ИПО требует создания халифата, который охватывал бы все мусульманские народы (всю исламскую *умму*).

Исламская партия освобождения создала отделения в *сорока* странах. Антивестернизм этой исламской партии превосходит прежние антизападные объединения. Перед Европой впервые встал вопрос, как противостоять политической партии, не выходящей из своих келий. Ведущие исследователи ислама пришли к выводу, что ИПО ставит цели, равнозначные целям террористических организаций. «Исламская партия освобождения требует замены «иудео-христианского доминирования системой независимых государств-наций», в которой ощутимо было бы мнение наднациональной и межнациональной *уммы*. Как полагает Зейно Баран, «показательно, что насилие никогда не осуждалось Партией освобождения. Это партия элегантно разделенная работы исламского освобождения на теоретическую и практическую».

И как это сказывается в современной Европе? Живущий в Канаде теоретик ислама Ирхад Манджи так высказался на международной Аспеновской конференции: «То меньшинство мусульман, которые решили прибегнуть»⁴³⁰; террору, плотно прикрыты огромным большинством умеренных мусульман, которые далеки от искусства дискуссий... Коран пришел после Торы и Библии (исторически и хронологически и потому является безупречным манифестом Божьей воли.... Аллах запрещает редактировать его — это вершина священных книг. Мы не задаем вопросов в Европе — это то, чего европейцы не понимают»⁴³⁰. Наличие иерархии, в которой исполнителей-террористов «братья мусульмане» не спрашивают о мудрости их смертоносных решений, придает силу исламским общинам, постепенно обволакивающим Европу.

Американские авторы сравнивают складывающуюся ситуацию с нацистским периодом, когда вначале НСДАП была относительно небольшой партией, но была хорошо организована и агрессивна, претендуя при этом, что она говорит от имени древней и аутентичной германской культуры. Именно это и «купило» германскую молодежь, что сейчас происходит с молодежью исламской⁴³¹.

Мусульмане сегодня — в традиционно мусульманских землях и особенно в Европе — находятся в схожем положении. Радикальные исламисты призывают своих более умеренных коллег вспомнить славные подвиги ислама в восьмом веке, в годы Оттоманской империи и т. п., добиваясь гордости за исламскую религиозную культуру. Радикальные муллы призывают молодежь гордиться своим прошлым и не обращаться к покорным родителям с просьбами о советах, вставая на путь индивидуального джихада. Создается особая — европейская версия ислама, все более отходящая от ближневосточных основ⁴³². Она своим острием обращена против либеральной и секулярной Европы, уступающей поле битвы традиционному исламу.

Ради джихада идеологи нового завоевания Европы позволяют своим послушникам употреблять алкоголь, брить бороды и делать многое из того, что считалось бы аморальным в поведении любого мусульманина. Вожди джихада действуют (по мнению американских теоретиков) как лидеры нацизма на рубеже 1920—1930-х годов: они обращаются сугубо к молодежи, говоря, что старшее поколение «предало Германию». Даже самые разумные среди старших тогда оказались физически и интеллектуально запуганными, они вынуждены были замолчать. Сначала их молчание, затем сотрудничество и наконец, полная поддержка привели к тому, что германское общество оказалось в объятиях нацистов. По мнению американских трактователей происходящего, идеологи джихада так же поступили с умеренными среди старшего поколения мусульман. И теперь многим из них кажется, что ветер истории дует им в спину и первое поле битвы онемевшая после Мадрида, Лондона и Парижа старая Европа уступила, усомнившись в собственных возможностях.

Европа не может без притока исламской рабочей силы.

Население европейских стран (за заметным исключением Албании) очевидным образом уменьшается. Приведем цифры для отдельных стран до середины текущего века (в тысячах человек населения).

Страна	2005-	2015	2025	2050
Австрия	8189	8288	8339	8073
Бельгия	10419	10 540	10 590	10 302
Германия	82 688	82 513	81 967	78 765
Греция	11 120	11 233	11 173	10 742
Италия	58 093	57 818	56 307	50 913
Румыния	21 711	20 871	19 858	16 757

(Относительный рост населения в таких странах, как Франция и Британия, до 2050 г. объясняется увеличением мусульманской общины.)

Источник: Blankly T. The West's Last Chance. Will We Win the Clash of Civilizations? Washington: Regnery Publishing, Inc. 2005, p. 187.

Самым важным решением, которое должны будут принять европейцы в XXI веке будет — боятся ли они господства ислама больше, чем более упорной работы за меньшую плату. И приема Турции в ЕС.

Средства информации и рекрутирования. Томас Фридмен из «Нью-Йорк Тайме» в январе 2005 года привел интервью, которое ему дали в Париже две восемнадцатилетние мусульманские девушки, рожденные и выросшие в Париже: «Что я узнал от них? Да они сами берут новости из телевизионного канала «Аль-Джазира». Потому что они не верят французскому телевидению, потому что более всего они восхищаются в этом мире Усамой бен Ладеном — он умело защищает ислам, самоубийцы-святые оправданы, потому что нет более славного подвига, чем умереть в защиту ислама. Эти девушки видели себя прежде всего мусульманками, а уже потом французскими гражданками — и все их родственники и знакомые думают так же»⁴¹³.

Эти дети, которые никогда не видели Ближнего Востока, формируют свою мусульманскую идентичность посредством активного общения через Интернет, чтением соответствующих книг, просмотром видеофильмов, где доминируют идеи радика-

лов ислама. Послушаем западноевропейцев: «На вебсайтах на каждом европейском языке, равно джихадистских или пиетистских, господствует оживленная полемика с постоянными ссылками на средневековых ученых, в чатах, лингвистических передачах царят исламские формулы. В английском тексте встречаешь сокращение РВУН (что означает «Хвала да будь возложена на него») по-арабски. Все это мало касается подлинной жизни мусульманской общины в европейской стране. На этом странном языке говорят те, кто поляризует исламскую общину»⁴³⁴.

Интернет преисполнен радикальными «экспертами» и муллами, которые отвечают на вопросы, как готовиться к джихаду, как трактовать Коран, что говорили древние мудрецы. В этой возбужденной обстановке в Европе рождается бесстрашный радикальный ислам, оторванный от аравийских корней, бесконечно далекий от немусульманских соседей и всей европейской культуры. Поразительно то, что к этому исламу начинают примыкать новообращенные европейцы — и их численность *растет*. Известный эксперт Оливер Рой выделяет четыре группы новообращенных: 1) те, кто ищет новых религиозных истин — это та молодежь, которая поколением ранее ушла бы в марксистские кружки (Джон Уокер Линд, примкнувший к Аль-Каиде в Афганистане, олицетворяет собой эту группу; 2) дно европейского общества, начиная с наркоманов и бродяг, — они ищут *любую* поддержку; 3) африканцы, приезжие из латинских стран, для которых принятие ислама — способ выразить свой протест против буржуазного европейского общества, которое отвергло их (боевые организации с одобрением и вниманием смотрят на этих новообращенных именно потому, что они внешне *не* выглядят типичными арабами, что можно сказать и о следующей группе; 4) дети от смешанных браков⁴³⁵

Местом рекрутирования весьма часто становятся тюрьмы и любые места заключения. Очевидное невежество стражи позволяет ваххабитским муллам развернуться здесь во всю ширь. Они «работают» здесь подобно католическим и методистским священникам. Терроризм рассматривается здесь как отмщение несправедливому обществу.

Численность этого явления растет. Согласно опросу «Гардиан» в марте 2004 года 13 процентов британских мусульман

выступали за новые атаки на Соединенные Штаты. В ноябре 2004 года (та же газета) за нападение выступали 14 процентов. А 61 процент британских мусульман выступал за введение шариатских юридических норм. Европейцев удручает тенденция этого процесса к росту. Явственно уменьшается число сторонников интеграции в британскую культуру. Новые иммигранты в абсолютно преобладающем числе еще более враждебны в отношении западной культуры⁴³⁶.

Дар аль-Харб. В январе 2005 года лондонская «Тайме» сообщила о деятельности муллы Омара Бакри Мухаммада, обьившего Британию землей Дар аль-Харб — «землей войны». Текст проповеди впечатлял: «Аль-Каида и все ее подразделения и организации в мире — это победоносное войско, имеющее своего эмира — и ты обязан присоединиться к ним»⁴³⁷. Через два месяца этот мулла возвестил, что голос покойных муджахетдинов зовет мусульман-британцев к борьбе. «Эти люди кричат тебе издалека: джихад, джихад. Они спрашивают, мои дорогие исламские братья: «Где ваше оружие? Где ваше оружие? Присоединяйтесь к джихаду»⁴³⁸. И британские власти не посмели обратиться к Закону о террористических преступлениях и безопасности.

В апреле 2004 года германское Ведомство по охране конституции выпустило доклад о мусульманском терроризме в стране, в котором были названы 57 300 «мусульман-радикалов». Министр внутренних дел ФРГ Отто Шили отметил, что в реальности, на самом деле численность экстремистских групп, пользующихся поддержкой не проявивших себя сочувствующих, *гораздо больше*. Эти организации занимаются «дезинтегрирующей деятельностью антизападного характера»⁴³⁹. В ноябре 2004 года германское телевидение передало слова турецкого имама в Германии, призывающие баварскую конгрегацию «воспользоваться возможностями, предоставляемыми демократией для укрепления *нашего* дела»⁴⁴⁰.

Итак, Западная Европа стала Дар аль-Харб или Дар аль-Сулх («землей перемирия»). Это уже стало традицией — называть Запад «землей перемирия». Мы видим, что один из десяти британских мусульман говорит о своей готовности осуществ-

вить террористический акт, а один из трех готов защитить, спрятать террориста от властей. Шесть из десяти мусульман предпочитают британским законам *шариат*. И все отмечают ослабление тенденции к ассимиляции.

Мусульманские части Парижа, Роттердама и многих других европейских городов уже названы «зоной, куда не следует ходить» этническим европейцам, включая вооруженных полицейских. Растет число маленьких Фаллудж. Продвижение ислама в зоны пассивных, скованных, лишенных предприимчивости местных жителей происходит повсюду. Из сферы фантазии в область реальной политики приходят три явственные угрозы: 1) Культурное доминирование в Европе ислама. 2) Цена сопротивления этому процессу будет постоянно повышаться — особенно быстро, если правительства европейских стран не ответят на смелые действия воинов ислама. Европа станет полем битвы, местом городской партизанской войны. 3) С укрепившихся баз терроризма будут наноситься террористические удары по уязвимым местам Западной Европы⁴⁴¹.

Сдадутся или предпочтут сражаться? Наполеоновские войны и две мировые войны говорят о потенциале европейского сопротивления. Но, заметим, что и столетием после Наполеона и между мировыми войнами большинство европейцев считало, что последняя война позади. И за последние 60 лет европейцы, так сказать, денационализировали свою психику, сблизилась экономически и подошли вплотную к европейской конституции — как бы возвращаясь к ситуации, существовавшей до Реформации. Но история сделала крутой поворот, и немислимый прежде исламский вызов начал закрывать горизонт европейского будущего.

Первый поток мусульман в 1960-е годы воспринимался как визит «гастарбайтеров». Понадобилось много лет, чтобы один из отцов этой идеи, федеральный канцлер ФРГ Гельмут Шмидт сказал в декабре 2004 года: «Концепцию мультикультурализма трудно совместить с демократическим обществом... В 1960-е годы мы сделали ошибку, разрешая прибытие представителей других культур»⁴⁴².

Лишь в 2005 году стало ясно, что гости задержались и уже нет силы вернуться к *status quo ante*. В современной Европе и в

Европе грядущего начнется бой европейской юриспруденции и суда шариата. Если европейским правительствам не удастся защитить свою культуру, то насилие охватит весь континент. В феврале 2005 г. Рональд Ноубл — руководитель объединенного Интерпола европейских стран объявил о том, что «угроза биологических террористических атак со стороны аль-Каиды *чрезвычайно реальна, но мир к этому не подготовлен*»⁴⁴⁴. Через неделю сэр Иен Блэр, глава лондонской полиции, а также Портер Госс (глава ЦРУ) предупредили, что «значительное число мусульман стремится обрести химическое, биологическое и ядерное оружие, и вопросом времени является обретение ими такого оружия... Опасность такова, что оправданным было бы остановить любого выглядящего как мусульманин прохожего в Лондоне, даже если у полиции нет особых претензий»⁴⁴⁴. Секретные службы европейских правительств знают о присутствии в главных городах Европы ячеек Аль-Каиды и «Хезболлы», готовящих террористические выпады⁴⁴⁵. Английские власти признали при этом, что в стране находятся до 12 млн. незаконных иммигрантов.

В своем докладе от июня 2005 года Комитет по международным делам американского конгресса объявил, что оружие массового поражения будет использовано в течение следующих *десяти* лет. Никто не может ныне предсказать итога столкновения цивилизаций, и многое будет зависеть от европейских правительств как главной организующей силы.⁴⁴⁶ «Только постоянный приток мусульман может заменить нехватку собственно европейских детей и сохранить для Европы роль достойного конкурента Америки и Азии»⁴⁴⁷.

Но история в 2004—2005 гг. предупредила Европу: сначала в марте в Мадриде, в сентябре — в Беслане, в ноябре — в Амстердаме. Вся Европа была поражена реакцией исламской общины: «Если вы наносите оскорбление исламу, вы должны платить за это». Это вызвало соответствующую реакцию. Через 6 месяцев после Беслана 48 процентов итальянцев считали, что «столкновение цивилизаций» между исламом и Западом *уже идет и Запад отстывает*⁴⁴⁸ 70 процентов англичан выступили против импорта рабочей силы. Дания принял запретительные законы. Летом 2004 г. на съезде европейской интеллигенции в Оксфорде мультикультурализм был практически осужден.

Характерным было выступление профессора Джайлса Кеппела, который отметил, что «мы видим рост экстремистского салафистского движения, чье влияние усилило спорное давление в университетах, где преподаватели теперь видят в исламе постоянный вызов европейским ценностям».

И если в 2004 году прилагательное *христианская* по отношению к Европе представлялось политически некорректным, то в январе 2005 года слово это было вставлено в проект Европейской конституции (хотя и в весьма размытом виде).

Сдача стареющей, видящей в мусульманах единственную подходящую рабочую силу, Европой своих позиций будет стоить ей ее тысячелетней культуры. Дружественный Америке континент превратится в Еврабию, противостоящую Северной Америке. Каждый день уступок ослабляет родину гуманизма и науки, делая «столкновение цивилизаций» заглавным явлением XXI века.

Ответ Запада. Теперь уже ясно, что ни США, ни Западная Европа не ожидали того, что случится 11 сентября 2001 г., что ожидает Мадрид, Лондон в 2005 году и лично Тео ван Гога в 2004 г. Встает вопрос, как может добившаяся столь больших успехов цивилизация столь немощно и неумело ответить на брошенный ей со всей суровостью вызов. Европейцы пригласили мусульман делать ту грязную работу, которую не хотели делать сами, но они не могли себе представить, что униженные гаастарбайтеры объединятся и проявят себя вовсе не благодарными жителями «золотого миллиарда». Более того. Что люди ислама приложат такие усилия для доказательств своего культурного превосходства — уже тогда, когда мусульмане составят сорок процентов населения Роттердама. Если ныне рокошущий процесс продлится еще 50 — 100 лет, то речь пойдет о судьбе прежних обитателей Европы.

Американец Тони Блэнкли: «Будущее Европы оказалось в опасности из-за того, что Европа забыла свое прошлое. В средние века европейцы испытывали здоровое чувство уважения, даже почтения и страха перед мощью и энергией исламской культуры — и испытывали это во времена исламского завоевания Северной Африки, Испании, Святой земли, Ближнего Востока — вплоть до осады Вены в 1683 году, когда польский

король Ян III разбил осаждающую Вену армию великого визирия Кара Мустафы. В те времена европейцы знали о столкновении цивилизаций. Европейцы постепенно забыли опасность и потрясающую силу исламской культуры — по мере того, как исламский мир впадал в упадок, а Запад поднимался. Но в короткий период, когда европейская технология превозмогшая мусульманскую культурную уверенность, подошел к концу, — именно тогда европейцы начали полагаться на приглашенную к себе мусульманскую рабочую силу»⁴⁴⁹.

Запад просчитался, когда увидел в мусульманских иммигрантах абсолютное подобие всем прочим иммигрантам — ярким, полным надежд, трудолюбивым и желающим стать интегральной частью успешной культуры принявшей их страны. Ныне мусульманские иммигранты не видят успешности в принявшей их культуре, они не желают себя идентифицировать именно с ней, они не хотят принять предписываемую им форму. Не работает то, что привлекало: образование, культура диалога, экономическая помощь, уважение к особым нуждам иммигрантов. Более мусульмане *не желают интегрироваться*. Они желают доминировать.

Европейцы сделали вторую ошибку, приглашая массовую исламскую иммигрантскую общину. Они не сумели осознать, что Европа стала культурно слабой, они не смогли осознать новой силы ислама. Народам был дарован мультикультурализм и исламская трансформация Европы прошла почти незамеченной. Глобализация как естественный ход событий закрыла им сознание. Глобалистский проект прикрыл конфликт между интернационализацией и желанием простых людей сохранить собственную культуру.

Европейцы могли бы не беспокоиться за свою культуру, если бы они сами придерживались глубин своей собственной культуры, своих собственных ценностей — толерантности, права на частную жизнь, права равной защиты перед судом. Приходит день, когда европейцам придется выбирать: собственные, столетиями завоеванные права или *терпимость* в отношении тех, кто желает уничтожить Европу. И это объясняет смущение европейцев: реагировать на них насилием означает разрушать собственные ценности. Вся проблема в том, что Запад теряет уверенность в собственной цивилизации.

Мультикультурализм и политическая корректность ограничили умственный горизонт региона, который всегда гордился презрением к границам. Как сказал американский историк Артур Шлессинджер-младший, «культ этничности, превращенный в мультикультурализм, скоро уничтожит нацию»⁴⁵⁰. Джон Бернхэм еще в 1964 году написал, что «то, что на Западе называют «либерализмом» является идеологией западного самоубийства»⁴⁵¹. Запад, который между 1600 и 1950 годами не обращал внимания на культуры хинду, Китая и исламского мира, довольно неожиданно стал на глазах терять веру в себя. Для них либерал, или группа, нация или цивилизация, инфицированная либеральной доктриной и ее ценностями, беззащитна перед теми, кто заведомо ставит свою культуру выше. «Если нынешняя немыслимая толерантность продолжит свое доминирование в Европе, то западные ценности будут заменены в Европе ценностями радикального Ислама»⁴⁵². В то время как исламский мир растет очень заметными темпами и становится все более радикальным, готовым к силовым действиям, Европа становится континентом постхристианского секулярного атеизма, руководимого релятивизмом. Представить себе, что такой континент склонится перед агрессивным исламом, нетрудно. И станет трамплином перед броском ислама на последний оплот Запада — Североамериканский континент.

Всего лишь примерно пять лет назад Запад обратил внимание на два решающих факта — что мнимые христиане Европы, не посещают церкви и что уровень рождаемости в Европе катастрофически катится вниз. И вот уже пришло время для самых суровых выводов. Следующие двадцать лет будут решающими.

Глава 10

НАУЧНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Девятый великий фактор перемен — ускорившийся научный поиск человека. Стремительно набирая обороты, научно-техническая революция меняет лицо Земли и судьбы челове-

чества. Строго говоря, человечество в принципе уже решило проблему своего выживания тем, что создало в наше время генетически модифицированные продукты питания.

Биотехнологии. Биотехнологическая революция только начинает разворачиваться. По мере продвижения XXI века возможности биологических наук резко возрастут благодаря информационным технологиям и они совершат множество ключевых открытий. Исследования позволят серьезно продвинуться в инновационной медицинской технологии, здравоохранении, восстановлении и защите окружающей среды, сельском хозяйстве, биологической безопасности и связанных с ними областях.

Следует признать, что биотехнология может послужить фактором, способствующим выравниванию условий жизни в развитых и развивающихся странах, поскольку она способствует применению важнейших достижений экономики и здравоохранения в беднейших уголках мира.

Ожидаемые прорывы в биомедицине, создание антивирусного барьера положат предел распространению СПИДа, способствуют разрешению продолжающегося гуманитарного кризиса в странах, лежащих к югу от Сахары, облегчат бремя экономического роста для развивающихся стран, таких как Индия и Китай. США продолжают вкладывать деньги в обеспечение национальной безопасности и поэтому финансируют исследования и открытия в области биотехнологий. Со временем их результаты могут сыграть колоссальную роль в охране здоровья людей, не ограничивающуюся защитой США от нападений террористов.

Больше развивающихся стран станет инвестировать средства в собственные биотехнологические разработки, а рыночная конкуренция будет все сильнее подталкивать компании и исследовательские центры Запада к поиску технически подготовленных партнеров в развивающихся странах.

Но даже если развитие биотехнологии подает надежду на улучшение качества жизни, оно несет в себе и серьезную угрозу безопасности. Поскольку доступ к биотехнологической информации будет постоянно расширяться, возрастет и число людей, потенциально способных использовать эту информацию

во зло и погубить множество человеческих жизней. Атакующая сторона окажется в более выгодном положении, ибо в ее распоряжении будет широкий выбор средств; обороняющейся же стороне предстоит готовиться к защите от любого из них. Кроме того, поскольку достижения биотехнологии будут находить все более широкое применение, все труднее будет тормозить разработку новых видов наступательного биологического оружия. В ближайшие 10 или 20 лет будет существовать риск того, что прогресс биотехнологии приведет не только к наращиванию оборонительных программ, но и к разработке средств ведения наступательной биологической войны — созданию новых веществ, рассчитанных на поражение различных целей — людей, животных, посевов.

Наконец, некоторые технические новинки, способные существенно продвинуть развитие медицины, вызовут и серьезные споры, связанные с соблюдением этических норм и прав личности. Эти споры будут вестись вокруг таких предметов, как клонирование, исследования стволовых клеток и расшифровка кода ДНК, позволяющая обнаруживать предрасположенность к тем или иным болезням, некоторые познавательные способности, склонность к антисоциальному поведению.

В то же время предполагается, что только к 2020 году технология станет источником напряженности. Фронт этой напряженности будет достаточно широк: от конкурентной борьбы за воспроизводство и привлечение важнейшего компонента технического прогресса — самих людей — до сопротивления некоторых культурных и политических групп тем его аспектам, которые будут увязываться ими с нарушением прав личности или нивелирующим воздействием вездесущей технологии.

Третья часть производимой в США кукурузы, более половины соевых бобов и хлопка уже производятся по законам биотехнологии — 26 миллионов гектаров генетически модифицированных (ГМ) сельскохозяйственных продуктов. Наука позволяет планировать вид продукта, задавать ему необходимые свойства. Но главное, ГМ-продукты дают твердую надежду, что 9 миллиардов землян в 2050 году могут получить достаточно пищи для выживания и воспроизводства — и это несмотря на то, что площади обрабатываемых земель значительно (вдвое) сократятся.

Генетически модифицированный рис, «укрепленный» бета-каротином, может спасти 100 миллионов детей, страдающих сегодня от недостатка витамина А. Биотехнология поможет преодолеть болезни растений, засуху, оскудение почвы, поражение бактериями и вирусами. Генетически модифицированные виды растений могут преодолеть любую насылаемую природой напасть. Уже через несколько лет ГМ-продукты могут предотвратить потерю 25% зерна, собранного на полях. Бедным странам уже обещан «золотой рис», обогащенный витаминами, спасающими миллионы жизней.

Информатика. Одновременно набирает темп подлинная революция в информатике. Компоненты транзисторов стремительно приближаются к опасному минимуму, к длине в несколько атомов. В недалеком будущем в оптических компьютерах электрические провода заменят легкие лазерные лучи — оптический полупроводник уже изобретен. Пока он величиной с автомобиль, но все говорит о том, что вскоре, построенный на микропроцессорах в три измерения, он станет напоминать по величине стандартный кремниевый компьютер. И уже разрабатывается идея создания процессоров на принципе молекулы ДНК — молекулярных и квантовых компьютеров.

Пока же мы считаем число транзисторов на чипе. В 1970 году это был один транзистор, в 1975 году — 10, в 1983-м (286-й) — более ста, в 1990-м (486-й) — около тысячи. Пентиум приблизил число к тысячам, Пентиум-III — к 10 000; Пентиум V — от 5 до 7 GHz. К 2015 году при такой скорости на чипе будет *миллиард* транзисторов, что даст компьютеру необозримые возможности. Подлинным рубежом, намечаемым примерно на 2020 год, явится создание электронно-вычислительной машины, приближающейся по числу операций к мозгу человека. По усредненному подсчету мозг человека имеет десять миллиардов нейронов, каждый из которых имеет примерно 1000 связей с другими нейронами, каждая из которых способна осуществить примерно 200 операций в секунду. Обычные кремниевые полупроводники не способны угнаться за человеческим мозгом, но на горизонте обозначились возможности (уже полученные в лабораториях) создания трехуровневых цепей, созданных

на основе восьмиугольных лучей атомов углерода. Несколько сантиметров такого чипа будет в миллион раз мощнее обрабатывающей возможности человеческого мозга.

Возникает по меньшей мере теоретическая возможность имитации человеческого мозга, копирования схемы его работы. Возможно, к 2030 году новые электронные роботы научатся сканировать работу человеческого мозга. Заменяющие роботы, «нанороботы», будут столь малы, что смогут путешествовать по капиллярам мозга и сканировать его работу, сообщая данные в объединенный компьютер. Поняв алгоритмы его действия, мы сможем передать его синтетическим нейтральным эквивалентам. И принципиально возможно создать компьютерную систему, работающую в 10 миллионов раз быстрее электрохимических процессов, происходящих в мозгу. Где-то уже в первой половине XXI века встанет вопрос о создании адекватных моделей отдельных нейронов. Уже в третьем десятилетии этого века будет создана детализированная карта всех основных функций нейронов, их связей в человеческом мозгу и возникнет возможность воссоздать эту картину на мощном компьютере. Эти имитаторы человеческого мозга соединят сложность работы человеческого мозга с огромной — превышающей человеческую многократно — скоростью компьютеров будущего. Возникнет нечто «умнее» человека.

Микроскопические нанороботы, машины величиной с молекулу, превзойдут способность человеческого мозга, видимо, около 2030 года — они будут производить 100 триллионов операций в секунду. Человек получит помощников, имеющих многократно лучшую память, активнее использующих все пять чувств, способных постигать и анализировать. Ко второй половине века связь между человеческой мыслью и технологическим воплощением ее будет практически стерта. Наш опыт, наше сознание, наш интеллект будут усилены колоссальным образом. У человека появятся невероятные по стойкости помощники, которые будут бороться с болезнями, очищать природу, кормить, строить дома и дороги. Бродя по кровеносным сосудам человека, они будут убирать холестерин. Они научатся перedelывать атомы угля в алмазы, создавать сплавы в сотни раз крепче стали. Конструируя ДНК, они смогут отдавать приказы самой природе.

Если нынешняя скорость увеличения быстродействия компьютеров сохранится, то к 2050 году она достигнет 500 триллионов байтов в секунду, что значительно быстрее мыслительных способностей человека. Есть смысл остановиться на этой грани.

Интернет. В двадцать первом веке способы сообщения между странами и людьми получают колоссальные возможности. Как известно, Интернет существовал с шестидесятых годов XX века, но только в середине 90-х годов обнаружился его огромный общественно-политический потенциал. Между 1994 и 2000 годами численность пользователей Интернета увеличилась с 13 миллионов до более чем 300 миллионов. В настоящее время 50% пользователей Интернета живут в США, 40% — в Европе, 5% — в Японии и Корее и 5% — в остальном мире.

Проекция на будущее выглядит революционно: в течение ближайшего десятилетия более половины пользователей Интернета сместится в развивающиеся страны и главным используемым языком вместо английского станет *китайский*. Бедный мир получит практически неограниченный доступ к библиотекам, книгам — к знаниям Запада. Одно лишь это даст им шанс конкурировать там, где вчера на то не было никаких шансов.

Интернет 2020 года станет разветвленной сетью. Подключенными к Интернету будут самолеты и автомобили, а также многие дома — их содержание будет определяться Интернетом. В конечном счете программирующие устройства будут так дешевы, что станут частью повседневного обихода. Интернет через два десятилетия будет доступен преимущественно посредством мобильных телефонов. Связанный с Интернетом небольшой мобильный телефон будет кошельком следующего поколения пользователей, записной книжкой, идентификационным удостоверением, пунктом отправки сообщений по электронной почте, листом чистой бумаги, кинокамерой. На заводах будет царить автоматическое производство, контроль над качеством и над распределением возьмут на себя диспетчеры, находящиеся на противоположном конце земного шара.

Интернет станет *другим* с переходом на оптические технологии, позволяющие прохождение многих триллионов битов информации в секунду. Оптические волокна, видимо, надолго

останутся основой сети, но к ним присоединятся самые разные аксессуары. Интернет выйдет в межпланетное пространство. Для жителей планеты значимость Интернета будет сводиться прежде всего к тому, что мировая информация станет доступной человеку, находящемуся буквально повсюду. Издалека последуют необходимые медицинские консультации. Автомобили будут управляться согласно рекомендациям, полученным по Интернету. Но уже сейчас возникает тревожный вопрос: не опасны ли знания всех заинтересованных о нашем физическом и, скажем, финансовом здоровье? Как облагать налогами корпорации, знающие технику уклонения от них? Возможны и глобальные атаки вирусов. Если человечество заранее не застрахует себя от этих и подобных опасностей, то будущее может окраситься в мрачные тона.

В целом воздействие науки на мир будет двояким. С одной стороны, она даст убедительные средства борьбы с голодом, болезнями, прихотями природы. С другой стороны, она безжалостно обнажит неравенство пользующихся ее плодами представителей развитого мира и отрешенных от ее живительных источников миллиардов, населяющих остальной огромный мир. Но ясно одно: мы живем во время невероятно возросших скоростей и на пути человека его ошибки становятся все дороже. В мире двадцать первого века эмоциональные бури современности будут предельно опасны. Уже сейчас 44 страны владеют технологией производства ядерного оружия⁴⁵³ и, понимая фактическую неприменимость этого оружия (гарантирующего лишь одно — самоубийство), тем не менее продолжают гонку с неприемлемым исходом. В этом смысле случившееся после окончания холодной войны подлинно удручает: прежние противники не сложили свое самоубийственное оружие, а действуют так, словно враг готовит решающую битву. Расширение НАТО и все подобное позволяет лишь усомниться в рациональности человечества, готового закрыть глаза на растущую вероятность глобальной катастрофы.

Автомобили будущего. Они будут сверхлегкими. В 2000 г. была создана машина среднего размера под названием «Революция». Ее вес 857 кг, что в 2 раза меньше, чем у обычного автомобиля подобного класса. Батарея топливных элементов

мощностью 35 кВт обеспечивает пробег в 530 км с заправкой 3,4 водорода; машина разгоняется до 100 км/час за 8,3 сек.

Медицина будет стараться продлить жизнь человека. Главными ее врагами будут не те болезни, которые преимущественно убивали в XX веке.

Основные болезни прошлого и будущего

1990 год	2020 год
1. Воспаление легких и другие сердечно-сосудистые заболевания	1. Инфекционные заболевания дыхательных путей
2. Заболевания, сопровождающиеся диареей	2. Депрессия
3. Детские болезни	3. Последствия ДТП
4. Депрессия	4. Инфаркты и инсульты
5. Сердечно-сосудистые заболевания	5. Эмфизема и бронхиты.
6. Инфаркты и инсульты	6. Пневмония
7. Туберкулез	7. Туберкулез.
8. Корь	8. Последствия военных действий.
9. Последствия ДТП	Заболевания, сопровождающиеся диареей
Врожденные дефекты	СПИД

Предстоит вакцинация многих миллионов людей.

Глава 11

СКУДЕЮЩИЕ НЕДРА ЗЕМЛИ

Десятый фактор исходит из того, что природа оказалась менее щедрой, чем представлялось. Целый ряд жизненно важных сырьевых ресурсов природа разместила в ограниченном числе стран. Это особенно наглядно видно в случае с водными

и нефтяными ресурсами. Нил протекает по территории пяти стран, Меконг — шести, Евфрат — трех. Нефть обильна в регионе Персидского залива и Каспия, природный газ — в Северо-Западной Сибири, уголь — в Англии, Аппалачах, Кузбассе, Китае, Руре, уран — в Конго, Чехии, Ферганской долине, медь — в Чили и на Таймыре. Все эти ископаемые интенсивно используются уже значительное время. Критическое значение в цивилизации моторов приобрела в конце XIX века нефть.

Существеннейшее обстоятельство: из 24 основных даров, предоставленных планетой в наше распоряжение, 15 расходуются быстрее, чем идет их естественное восстановление.⁴⁵⁴

Цена процесса индустриализации. До начала XXI века процесс индустриализации и экономического развития, рост мировой экономики значительно превышал рост народонаселения. При утроении за последние полстолетия населения Земли (с 2, 5 млрд. человек до более 6 млрд.), мировой валовой продукт между 1950 и 2000 годами увеличился *почти в семь раз* — с 6 трлн. дол. до 41 трлн. дол. Мировой валовой продукт на душу мирового населения вырос с 2500 дол. в 1950 г. до 5750 в 2000 г.⁴⁵⁵. 90 процентов роста населения планеты пришлось на менее чем одну десятую долю его истории. И при этом *человечество стало потреблять 40 процентов органической пищи и 50 процентов питьевой воды планеты.*

Можно привести много примеров общемирового экономического прогресса за последние полвека. К примеру, в 1950 г. в мире было 53 млн. частных автомобилей, а через полвека в десять раз больше — 520 млн. единиц. Рост современных отраслей индустрии впечатляет еще больше. Скажем, услуги информационной технологии, стоившие 327 млрд. дол. в 1997 г. вырастут до 1 трлн. дол. в 2008 г.⁴⁵⁶.

Казалось, это дает основание для оптимизма: экономика решительно обгоняет рост человеческой семьи. Это было бы верно при одном условии — земные недра являлись бы неисчерпаемыми. Но это не так и *именно нашему поколению придется в этом убедиться.*

Еще полвека назад это звучало почти неоправданным алармизмом, но сегодня звучит как глас здравого смысла: природ-

ные богатства нашей планеты иссякают. Скажем, бокситов еще хватит на 85 лет, запасов железной руды — на 55 лет, медной руды — на 14 лет, цинка — на 11 лет⁴⁵⁷. Один только неожиданный рост Китая оказался способным создать в мире беспрецедентное напряжение в отношении базовых сырьевых материалов.

Впечатляющий экономический рост был достигнут лидерами индустриальной экспансии за счет легкого и бездумного обращения с общим достоянием землян — их невозвратными *конечными* сырьевыми ресурсами нашей планеты⁴⁵⁸. За последнюю треть XX в. человечество потребило *треть* естественных богатств Земли⁴⁵⁹. Особенно ощутимы потери лесной зоны, рыбных богатств, питьевой воды, горючего.

Вода. Существуют ресурсы, не имеющие эквивалентных заменителей. Это относится, прежде всего, к пресной воде, без которой невозможен не только экономический прогресс, но и сама жизнь. Пресной воды на нашей планете примерно три процента от общего запаса воды. Значительная ее часть закована в ледники и айсберги. При этом только половина одного процента воды на Земле пригодна к употреблению человеком. При этом поразительный факт: каждые двадцать лет мировое потребление воды *удваивается*.

Самое главное: рост населения на Юге и рост уровня жизни на Западе постоянно увеличивают потребность в пресной воде. Потребляется примерно 12 тысяч кубических километров в год, из имеющихся на планете запасов половина уже задействована. Снимки со спутников указали на значительное потепление земной атмосферы (лето приходит в северном полушарии на три недели раньше), что значительно влияет на биосферу. В Северной Атлантике вода стала испаряться быстрее, океан стал более соленым. Если не будут предприняты экстренные меры (создание колоссальных по мощности опреснительных установок, бурение глубоких скважин), то к середине XXI в. вся наличная пресная вода *будет использована*.

И это при том, что, по данным ООН, более миллиарда живущих на нашей планете уже *не имеют доступа* к свежей питьевой воде. Если упростить термин до просто «питьевой воды», то численность страждущих возрастет до трех миллиардов че-

ловек. При современной системе потребления воды потребности в питьевой воде превзойдут наличные ресурсы примерно в 2025 г. Еще будет бить из скважин нефть, а питьевой пресной воды на земле уже не будет.

Примечательная особенность: в последние годы идет стремительная приватизация пресных просторов. Капитал почувствовал наиболее важное. Брат американского президента — губернатор штата Флорида Джеф Буш приватизировал большую часть знаменитого заповедника Эверглейдс. Приватизация пресной воды набрала невиданные темпы от Боливии до Англии, от Калифорнии до Индии. И уже встретила протест. Жители Боливии фактически восстали против «водной» политики североамериканского гиганта «Дженерал моторз».

Леса. Второй по значимости дар природы населению Земли — девственные леса, некогда занимавшие огромные пространства планеты. В библейские времена знаменитые кедры покрывали 90 процентов территории Ливана; ныне, спустя две тысячи лет, произошли удивительные изменения — леса здесь занимают только 7 процентов. Это сломало весь водный цикл — нет знаменитых ливней прошлых лет. А плодороднейший «полумесяц» между Тигром и Евфратом превратился в выжженную пустыню. В сегодняшних условиях месопотамская цивилизация не смогла бы возникнуть — не то что расцвести. Тексты на найденных глиняных табличках говорят о том, что только в конце своего цивилизационного цикла, четыре тысячи лет тому назад, жители Шумера и Аккада стали понимать причину надвигающегося запустения — уходящие навсегда леса.

Античные греки уничтожили свои леса к 6 веку до нашей эры. Римляне — несколькими веками позже. Но Германия тогда была сплошь покрыта девственным лесом, и в Европе не ощущалось скудости в отношении лесов. Но шли года, пашни и города отвоевывали лесную землю с нарастающей скоростью.

В наше время леса исчезают с поразительной быстротой. И инициаторами сегодня выступают не ожидаемые лесоперерабатывающие компании, а довольно неожиданные агенты, скажем, пищевые компании. Послушаем специалистов: «Самой обычной причиной, по которой исчезают леса Южной и

Центральной Америки, является корпоративная жадность: приверженность американцев к мясу создает неожиданный экономический бум среди владельцев многонациональных корпораций — именно они виновны в разрушении влажных тропических лесов обеих Америк, они уничтожают древние леса, замещая их единственным нужным им — травой для скота... Соединенные Штаты импортируют двести миллионов фунтов баранины ежегодно из Эль Сальвадора, Никарагуа, Гватемалы, Гондураса, Коста-Рики и Панамы — в то время как средний гражданин в этих странах ест меньше мяса, чем средний американский домашний кот»⁴⁶⁰. Это уничтожение лесов Латинской Америки тем более депрессивно, если учитывать, что в этой уязвимой части Земли были расположены 58 процентов всех влажных лесов планеты (19 процентов — в Африке и 23 процента в Азии).

В Европе площадь лесов уже сокращена на текущее время до 27 процентов территории, в Азии — до 19 процентов, в Северной Америке — до 25 процентов. Уход лесов почти сразу же вызывает засоление почвы, прежде очищаемой корнями деревьев. Деревья прежде очищали подземные воды; уход лесов заражает пруды, озера и реки. Городским водопроводам стало опасно брать оттуда воду. Во многих крупных городах содержание соли в воде водопровода приближается к 1300 частей на миллион (чнм), что уже опасно для здоровья. Уходят в прошлое миллионы километров поверхности листьев, многие сотни лет дававшие нам кислород. А человечество с упорством, достойным лучшего применения, ежедневно продолжает наступления на невозможные леса.

Почва и океаны. Уход лесов приводит не только соль. Почва становится все менее пригодной для сельскохозяйственных работ. Не происходит прежнего: корни деревьев не способствуют выводу камней на поверхность. Одновременно происходит распыление почвы. Каждую *минуту* в мире исчезает 300 тонн плодородной земли. А ведь после уничтожения лесов для создания новой плодородной почвы требуется около 400 лет.

Несмотря на программы восстановления, леса нашей планеты уменьшаются на 0,5 процента в год (что равно всем лесам

Великобритании). 70 процентов тропических лесов уже истощены. А рост новых лесов весьма продолжителен. Согласно официальному заключению международных авторитетов, «наша земля становится менее плодородной, распространяются болезни растений, гены из генетически модифицированных организмов (ГМ) входят в живую природу, неся неведомые последствия, а теперь пустыми стали и океаны»⁴⁶¹.

Комиссия ООН по продовольствию и сельскому хозяйству уже в 1994 г. пришла к выводу, что 70 процентов фауны мирового океана уже истощены. Доклад 15 мая 2003 г. говорит о 90 процентах уничтоженной в мировом океане рыбы⁴⁶².

Энергия. Создание двигателя внутреннего сгорания резко увеличило потребление угля и нефтепродуктов в топках паровозов и моторах автомобилей. Человечество обратилось к ископаемым богатствам в массовом порядке. Массовый бросок в величине пищевых и прочих запасов пришелся на Земле на период между 1860 и 1930 годами, когда население выросло с одного до двух миллиардов человек. Когда оказалось, что нефть можно использовать не только как топливо, но и для создания пластмассы, в строительстве, в производстве одежды и удобрений.

Едва ли нужно обстоятельно доказывать, что современная технотронная цивилизация немислима без органических носителей энергии. Индустриальный мир в значительной мере зависит от этих носителей — нефти и газа. Повышение в три раза цены на нефть за последнее десятилетие стало одной из причин текущего энергетического кризиса. Основой феноменального экономического развития мировой экономики является исключительно интенсивное *потребление энергии*. Согласно прогнозу Центрального разведывательного управления США, потребление энергии вырастет к 2015 г. на 50 процентов⁴⁶¹.

Современная промышленная революция потребовала чрезвычайного объема *электричества*, вырабатываемого из пяти основных носителей энергии. В развитых странах (9590 киловатт/час в год на душу населения) производство электричества на 37,2 процента производится за счет сгорания угля, 6,8 процента за счет нефти, 16 процентов — за счет сгорания газа;

14 процентов за счет гидроэлектростанций; 26 процентов — за счет атомных электростанций. В странах со средним и низким доходом (средняя цифра потребляемого электричества 6518 киловатт/час в год на душу населения) на уголь при производстве электричества приходится 39,6 процента; гидростанции — 22,7 процента; газ — 19 процентов; нефть — 10,7 процента; ядерная энергия — 8 процентов⁴⁶⁴.

В начале третьего тысячелетия более всего энергии миру дает нефть (39,5%); за нею следует уголь — 24,3%, природный газ — 22,1%, гидростанции — 6,9%, атомные станции — 7%⁴⁶⁵

У развитых стран все более значимое место занимает атомная энергия: 79% во Франции, 60% в Бельгии, 39% в Швейцарии, 37% в Испании, 34% в Японии, 21% в Британии, 20% в США. В мире действуют 434 атомных реактора, вырабатывающих электричество. Повышение цены на нефть снова заставило многие страны вернуться к ядерной энергетике. ОЭСР предполагает, 41 о к 2025 году две трети новообразованной энергии (учитывая подъем Китая и Индии) должны приходиться на развивающиеся страны.

С точки зрения истории. Источники этой энергии меняются постоянно. В 1850 г. 90 процентов мировой энергии давала древесина; ее превзошел в 1890-х годах — в качестве главного источника энергии — уголь, доля которого в мировом производстве энергии поднялась до более чем 60 процентов в 1910-х годах. «Царь уголь» был главным источником энергии до 1960-х годов; в дальнейшем его место заняла гораздо легче транспортируемая нефть. В 1850-е годы люди начали использовать нефть в румынском Плоешти и в пенсильванском Титусвилле. Миллиардное земное население только приступило к использованию давнего солнечного дара.

Индустриальный мир в чрезвычайной мере зависит от органических энергообразующих ископаемых. Потребление нефти ныне достигло немыслимых высот — 70 миллионов баррелей в день (мбд). (Уголь как источник энергии опускается все ниже — в 1999 году природный газ обошел его как источник энергии). Половина глобального потребления угля падает на США (26 процентов мировой добычи) и Китай (24 процента

мировой добычи). За пределами этих двух угольных «сверхдержав» увеличение использования угля наблюдается в Индии и Японии, но падает в Западной и Восточной Европе, включая Россию (которая, как и Англия, прекратила субсидирование добычи угля).

Королевский военно-морской флот Британии в 1908 г. перешел с угля на нефтепродукты, а фордовские конвейеры сделали массовым автомобиль, который (вместе с самолетом и тепловыми станциями) сделал нефть важнейшим мировым сырьем. И мир будет приближаться к американскому показателю насыщенности автомобилями — *775 автомобилей на тысячу жителей в 2020 г.* Со времен первой индустриальной добычи — установки первых нефтедобывающих вышек в Пенсильвании — человечество откачало 742 млрд. баррелей нефти. Нефть стала всеобщим предметом потребления в 1930-е годы, когда население Земли подошло к двум миллиардам человек. Это потребление стало массовым к 1960 г., когда население Земли достигло трех миллиардов, а многие миллионы сели за руль автомобиля. Следующий миллиард был достигнут через 14 лет, в 1974 г., еще один — к 1987 г., а шестой миллиард земного населения был достигнут в 1999 г.

В современном мире на нефть, природный газ и уголь приходится, соответственно, 32, 22 и 21 процент от мирового производства энергии⁴⁶⁶. Первая цифра растет. К концу первого десятилетия XXI в. на нефть будет приходиться примерно 39 процентов всех потребляемых на планете энергетических ресурсов. На второе по значимости энергетическое сырье — уголь — придется 24 процента. На природный газ — 22 процента, на атомную энергию — 6 процентов⁴⁶⁷. В будущем значимость нефти только увеличится. В 2020 г. на нефть будет приходиться примерно сорок процентов производимой в мире энергии. На нефть и газ взятые вместе будут приходиться две трети общемирового источника энергии. Более половины добываемой нефти (нефтепродуктов) пойдет на снабжение автотранспорта (52 процента).

И в потреблении углеводородов господствует исключительное неравенство. Средняя цифра — ежегодное увеличение потребления нефти на протяжении последних полутора десят-

ков лет — равнялось 1,2 процента в год. Самый внушительный показатель приходится на США — 18 баррелей на душу населения в год, в Канаде — 13 баррелей, в Западной Европе, Японии и Австралии — 6 баррелей на душу населения в год.⁴⁶⁸ Соединенные Штаты расходуют *более четверти мировой нефти*. Доля Японии — 8 процентов; доля быстро растущего Китая — 6 процентов. Россия использует 4 процента мировой добываемой нефти. Резко растет потребление нефти в Южной Корее и в Индии.

Имеющиеся ныне запасы нефти на нашей планете составляют примерно 1000 млрд. баррелей. Экономически развитые и растущие регионы Земли в будущем станут потреблять львиную долю добываемой нефти, экспорт из нефтедобывающих районов мира в индустриальные вырастет чрезвычайно. Согласно современным прогнозам, в 2030 г. на США будет приходиться 24,3 млн. баррелей в день (бвд); на Европу — 14,6 бвд; на Китай — 7,3 бвд; на Японию — 6,8 бвд. Мировая торговля нефтью выросла с 33,3 млн. баррелей в день (бвд) в 1991 г. до 42, 6 млн. бвд. в 2000 г.⁴⁶⁹.

Экономические лидеры настроены на все более активное использование углеродных носителей энергии — нефти, газа, угля. В качестве примера посмотрим на прогноз министерства энергетики США. Расчетной единицей в нем является общепотребимая в мировых расчетах единица — т.н. *British thermal unit (BTU)*, которая позволяет обобщенно анализировать соотношение основных источников энергии.

Таблица № 1. Мировое потребление энергии между 2000 и 2020 годами (в квадрильонах БТУ). Данные за 2000 г. и прогноз на будущее.

Вид сырья	2000	2005	2010	2015	2020
Нефть	157,7	172,7	190,4	207,5	224,6
Природный газ	90,1	111,3	130,8	153,6	177,5
Уголь	97,7	107,1	116,0	124,8	138,3
Атомная энергия	24,5	24,9	25,2	23,6	21,7

Источник: U.S. Department of Energy. Washington, 2001, A2.

Практически нет сомнений в том, что в течение грядущих двадцати лет потребление нефти увеличится не менее чем в полтора раза; потребление газа — вдвое, угля — как минимум, на 40 процентов. И только использование атомной энергии несколько сократится.

Отсюда печальный итог: нефти хватит на еще одно, максимум два поколения. Экономически зависящие от добычи нефти компании стремятся снять этот накал экстренности в сложившейся обстановке. Скажем «Эшленд кемикал компани» в своем докладе с великой легкостью утверждает, что запасов нефти на Земле хватит на 45 лет.

Женевская фирма «Петроконсалтс» полагает, что пик добычи нефти был пройден в 1974 г.⁴⁷⁰. *Критическим видится 2050 год: на Земле 10 млрд. населения, но энергии хватает только для трех миллиардов. Остальные обречены на вымирание?* Исследования, проведенные под эгидой норвежского правительства, ведут к пессимистическому выводу: запасы планеты содержат менее 700 млрд. баррелей нефти. Может быть, есть запасы, о которых мы не знаем? Но большая часть мира просвечена рентгеновскими лучами специализированных спутников, сейсмические станции провели свои исследования. Найдены 41 тысяча месторождений, на нефть землю исследуют 641 тысяча поисковых буров, и феноменальных прибавок к уже найденным запасам не найдено.

Велики ли мировые запасы самого ценного сырья? В начале текущего века разведанные запасы нефти на планете оценивались в 1 033 млрд. баррелей. Этого объема при современном темпе употребления нефти хватит всего лишь еще на сорок лет⁴⁷¹. Если же потребление возрастет всего лишь на два процента в год (а именно это предсказывает федеральное американское министерство энергетики), то срок потребления разведанной нефти сократится до 25—30 лет.

У некоторых отдельно взятых стран назвать запасы месторождений на национальной территории впечатляющими еще более трудно. Обратимся к самой важной геостратегически и геоэкономически стране. Согласно статистическому отчету «British Petroleum Amoco», при сохранении нынешнего уровня годовой добычи в 370 млн. тонн, нефти собственно в США не

более 3 млрд. тонн., или примерно на 8,5 лет. Еще один прогноз для США: при современном темпе использования собственно американских месторождений (2,8 млрд. баррелей в год) американцы истощат свои национальные месторождения к 2010 г.⁴⁷². Даже не принимая во внимание необходимость экономического роста, США уже через 6 лет будут восполнять недостающую часть с помощью довольно резкого повышения спроса на *импортируемую* нефть и газ.

Но здесь природа ставит неодолимый барьер. Даже если Соединенные Штаты сократят потребление бесценного сырья, быстрый рост таких ненасытных потребителей органической энергии, как Китай и Индия, не позволит снизить общее потребление нефти — как раз напротив, ожидается буквально безмерное повышение потребления этого сырья. Представить себе Китай с автомобилем в каждой семье — значит представить себе конец нефтяной эры, даже если учитывать нефть Аляски, Венесуэлы и Бразилии.

Изобилие нетронутых богатств уходит в прошлое. В пределах США и Европейского Союза этих ископаемых недостаточно. Американская и западноевропейская зависимость от импорта нефти давно превысила 50 процентов, и эта зависимость продолжает возрастать. В марте 2000 г. эксперт Центра стратегических и международных исследований в Вашингтоне Р. Эйбл заявил на слушаниях в американском конгрессе: «Мы в полном смысле сидим на крючке дешевой нефти и сейчас гораздо меньше чем когда-либо способны прийти к разумному пониманию будущего». Оба региона, США и ЕС, обращаются к богатым этими ископаемыми странам, к импорту нефти и газа.

Западноевропейцы, чтобы платить за импортируемую нефть, довели свой экспорт на Ближний Восток до 63,7 млрд. дол., а американцы — до 23 млрд. Ради контроля над стратегически важным регионом американцы не желают покидать военные базы (созданные на территории Саудовской Аравии в 1990 г. в ходе войны в Персидском заливе), хотя стоимость содержания американских войск здесь значительна — 60 млрд. дол. в год. Контроль над Саудовской Аравией имеет для Вашингтона глобальное стратегическое значение. Итак, еще 45 лет прежней жизни, прежних темпов сжигания органического топлива — и все.

Однако статистика говорит об увеличении потребления нефти на 2,8 процента в год; а в этом случае время бездумного (современного) расходования жидкого топлива уменьшается до 30 лет. Указанная проекция вовсе не предполагает, что однажды буровики просто снимут свое оборудование. Уже тогда, когда запасы нефти уменьшатся вдвое, цена на нее начнет резко расти, а могущественные державы будут держаться за «свои» источники сырья. И это при том, что в следующие двенадцать лет бедный Юг добавит еще один миллиард к мировому населению. Среди этого миллиарда Китай, Индия и Мексика будут активно соперничать за жидкое топливо. Они будут строить нефтеперегонные станции и нефтеперерабатывающие заводы со скоростью, значительно превосходящую американскую и западноевропейскую.

Реалистично предположить, что потребность в нефти удвоится к 2020 г., во многом благодаря скоростной индустриализации Азии, особенно Китая. Самая энергопотребляющая страна мира — США. Они добывают (и потребляют) более 10 млн. баррелей нефти в день. Вторым по объему потребляемой нефти является Западная Европа, где собственную нефть добывают лишь Британия и Норвегия в Северном море. Следует, однако, учесть, что запасы Северного моря уже исчерпаны на 70—90 процентов. Между тем Международное энергетическое агентство предсказывает на ближайшие двадцать лет рост потребности в нефти с 77 миллионов баррелей в день до 120 миллионов.

(Китайцы уже строят гидроэлектростанцию «Три ущелья», при помощи которой они надеются сберечь 90 млн. баррелей нефти в год, сберегая национальные месторождения нефти — эквивалент 18 АЭС. Американцы же практически исчерпали даже нефтяные богатства Аляски — как прежде полностью исчерпали месторождения Пенсильвании, Оклахомы, Калифорнии, Техаса.) Как пишет американский исследователь Том Хартман, «стремление держать нестабильные режимы в богатых нефтью краях под американским каблуком ведет к сомнительной политике и сомнительной морали — но такая политика все же возможна, она может продержаться два-три десятилетия. (Другое дело — пресная вода — это значительно сложнее.)⁴⁷³».

Нефтяные ресурсы распределены на нашей планете крайне неравномерно, о чем дает представление нижеследующая таблица.

Таблица № 2 Глобальные резервы и добыча нефти

Страна-производитель (по значимости)	Обнаруженные запасы (млрд. баррелей)	Доля запасов (в %)	Производство (млн. бар/день)
Саудовская Аравия	261,5	24,8	9,2
Ирак	112,5	10,7	2,2
Объединенные эмираты	97,8	9,3	2,7
Кувейт	96,5	9,2	2,2
Иран	89,7	8,5	3,8
Венесуэла	72,6	6,9	3,3
Россия	48,6	4,6	6,2
Мексика	47,8	4,5	3,5
США	30,5	2,9	8,0
Ливия	29,5	2,8	1,4
КНР	24,0	2,3	3,2
Нигерия	22,5	2,1	2,2
Норвегия / Британия	16,1	1,5	6,0
<i>Общий объем</i>	949,6	90,1	53,9

Источник: BP Amoco, Statistical Review of World Energy 1999; «ForeignAffairs», March/April 2002, p. 16 — 31.

Нефть концентрируется всего лишь в нескольких довольно отчетливо обозначенных зонах. Четырнадцать стран владеют 90 процентами всей разведанной нефти: Саудовская Аравия, Ирак, Объединенные Арабские эмираты, Кувейт, Иран, Венесуэла, Россия, Мексика, США, Ливия, КНР, Нигерия, Норвегия, Великобритания. Среди указанных четырнадцати *пять* стран доминируют: Саудовская Аравия, Ирак, ОАЭ, Кувейт, Иран — в

их руках две трети мировой нефти. Жесткий факт: 25 процентов мировых запасов (261 млрд. баррелей) приходится на Саудовскую Аравию.

В Персидском же заливе даже в случае увеличения добычи с 20 до 40 мбд, огромные запасы нефти останутся еще на долгие года. При этом все основные прогнозы говорят об увеличении зависимости западной в целом и американской экономики в частности, от нефти Персидского залива.

Среди энергетических источников наибольшую значимость сегодня (и в обозримом будущем) имеет нефть. На протяжении всех последних лет мировая потребность в нефти росла примерно на 1,5 — 2 миллиона баррелей в день (мбд).

Распределение энергии в будущем. Американская и западноевропейская зависимость от импорта нефти давно превысила 50 процентов, и эта зависимость, как уже говорилось, продолжает возрастать чрезвычайными темпами по меньшей мере до 2020 г.

Таблица № 3. Прогноз мирового потребления нефти по регионам (в млн. баррелей в день).

Регион или страна	2000	2005	2010	2015	2020
Развитый мир	44,9	47,4	50,1	52,3	54,5
США	19,5	21,2	22,7	23,7	24,7
Западная Европа	14,4	14,8	15,3	15,6	16,0
Восточная „ Европа и бывший СССР	6,0	6,1	6,4	6,6	6,9
Развивающиеся страны	26,2	31,4	37,0	42,9	48,7
Китай	4,6	5,0	6,4	8,1	8,8
Мир в целом	77,1	84,8	93,5	101,8	110,1

Источник: U.S. Department of Energy. *International Energy Outlook 1999, Table A4.*

Главным потребителем нефтепродуктов являются развитые страны Запада. Запад в критической степени зависит от потребления энергетического сырья, потребление которого в 2002 г. достигло рекордной цифры. Самая энергопотребляющая страна мира — США. Львиная доля потребляемых ресурсов придется на Северную Атлантику. Самыми энергопотребляющими странами мира являются Соединенные Штаты и государства Западной Европы⁴⁷⁴. Колоссальным является рост потребления и незападными регионами, особенно растущим Юго-Восточным регионом Азии. Китайская Народная Республика удвоила за 1990-е годы свой ВВП на основе буквально «бешеного» роста потребления энергии. Конкретно это означает, что на мировом рынке появился «супертигр», также претендующий на углеродные ресурсы. Согласно прогнозу американского министерства энергетики, потребление энергии между 2002 и 2020 годами в Китае будет расти на 4,3 процента в год — самый интенсивный в мире рост. Растущие экономики Китая, Индии, Бразилии также вступят в спор за энергетическое сырье (разумеется, не в силу некой природной агрессивности, но ввиду абсолютной жизненной необходимости, ради выживания и подъема экономического уровня).

В Соединенных Штатах автомобильный пробег населения увеличился с 1,5 трлн. миль в 1982 г. до 2,5 трлн. миль в 1995 г. — и в более мощных и крупных автомобилях. Средний американский — хорошо отапливаемый — дом увеличился за последние тридцать лет не менее чем на треть⁴⁷⁵. Здесь нефтепродукты как потребительский товар стоят втрое дешевле, чем, скажем, в Западной Европе.

Эксперт Центра стратегических и международных исследований в Вашингтоне Р. Эйбл заявил на слушаниях в американском конгрессе: «Мы в полном смысле сидим на крючке дешевой нефти и сейчас гораздо меньше, чем когда-либо способны прийти к разумному пониманию будущего». (Нужно учитывать, что повышение цен на нефть на 2 дол. за галлон означает дополнительное бремя на каждую американскую семью до 2 тыс. дол. в год, 250 млрд. дол. общим объемом — весьма политически рискованное увеличение налогов для любого американского политика⁴⁷⁶). Еще более зависят от импорта топ-

ливных ресурсов Западная Европа и Япония. Исключительная зависимость от ископаемых ресурсов таит в себе немало неизвестного и неожиданного.

Импорт. Потребление мировых энергетических ресурсов крайне неравномерно. Треть прироста импорта пришлась на США. Более половины увеличенной добычи стран ОПЕК идет в Америку. Ныне Соединенные Штаты встречают сильнейшую конкуренцию в «перехвате» нефтяного потока со стороны Китая и Индии. Постепенно «энергетический» оптимизм убывает. Последняя треть добываемой нефти будет исключительно дорогостоящей. Страны начнут создавать стратегические запасы, ценность месторождений резко вырастет.

Может ли помочь ненасытному Северу богатый нефтью Юг, а точнее — регион Персидского залива?

Таблица № 4. Импорт нефти из Персидского залива между 1997 и 2020 гг. (в млн. баррелей в день — мбд).

Импортирующие регионы или страны	1997	2020 (прогноз)	Рост
Северная Америка	2,0	4,1	105%
Западная Европа	3,5	3,7	6%
Китай	0,5	5,3	960%

Источник: U.S. Department of Energy. *International Energy Outlook 2000. Table 13.*

Соединенные Штаты, как главный в мире потребитель нефти, по мере прохождения XXI в. острее других ощущают зависимость от стран Персидского залива с их двумя третями мировой разведанной нефти. Говоря об опасности Четвертой мировой войны, отметим следующее: имея 5 процентов мирового населения, Соединенные Штаты употребляют *четверть* нефти Ближневосточного региона.

Это повышает значимость источников нефти. Постоянно предпринимаются попытки диверсификации источников не-

фтяного импорта. Совет национальной безопасности США доложил президенту, что «Венесуэла стала первым заграничным поставщиком нефти и доля Африки увеличилась до 15 процентов импортируемой нами нефти»⁴⁷⁷. Наибольший интерес представляет в мировом масштабе Каспийский регион, где западные нефтяные компании обещают поднять добычу нефти до 100 млрд. дол.: Россия, Казахстан, Азербайджан, Туркменистан. Западу придется смириться с определенным возвращением России в каспийский регион после 11 сентября 2001 г.

Запад надеется на добычу Россией до 10 млн. баррелей в день — на 2 млн. баррелей в день больше, чем у Саудовской Аравии. Это возможно, потому что по новым подсчетам российские нефтяные резервы на 15 процентов больше саудовских⁴⁷⁸.

И все же колоссальная значимость ближневосточной кладовой ощутима самым острым образом.

Надежды на глубоководные зоны Атлантического океана и Северную Сибирь невелики. Нефть требуется экономике Японии, Китая, Южной Кореи, Индии и Индонезии, где среднегодовой прирост потребления нефти за последние 35 лет составил 14 % (самый высокий показатель в мире).

Дальнейшее увеличение явственно осложнено: на планете нет необходимых ископаемых. Если человечество не остановится, то внутренние столкновения придутся на текущий двадцать первый век. Нынешний ритм роста уже ведет в бездну. Без оставленных нам прежними потоками солнечного света нефти и угля население планеты составляло бы цифру где-то между четвертью миллиарда и миллиардом — столько, сколько было на Земле до начала использования угля и нефти.

Ограниченность самого ценного сырья. На что все же можно рассчитывать? Специалисты-скептики предвидят нахождение еще от 200 до 900 млрд. баррелей нефти. Исследователи-оптимисты ожидают — или считают резонным предположить наличие в земных недрах от 1250 до 1950 млрд. баррелей нефти. «Умеренные» аналитики сходятся в цифре 1600 млрд. баррелей⁴⁷⁹. При современном ритме потребления (73 млн. баррелей в день) таких запасов хватит на *шестьдесят* лет.

Если в ближайшие десятилетия потребление естественных ресурсов будет расти в прежнем темпе, кладовые Земли грозят истощением. Увы, на шестьдесят лет нефти не хватит, если учесть ежегодный рост потребления нефти на 1,9 процента. Это означает, что в 2020 г. потребление достигнет 113 млн. баррелей в день. При таком росте потребления нефть на Земле иссякнет не в 2060-м, а в 2040 году. В любом случае уже в третьем десятилетии XXI в. человечество начнет ощущать нехватку главного органического топлива — нефти⁴⁸⁰. Даже если не поддаваться особому алармизму, кризис в использовании этого типа ресурсов наступит уже в середине XXI в.

Америка и ранее старалась подстраховаться — на случай противостояния со всем исламским миром — посредством резкого увеличения нефтяного экспорта недалекой географически Венесуэлы (которая в 1990-е годы увеличила свою добычу до 3 млн. баррелей в день) и стала первым поставщиком сырой нефти на американский рынок. В ответ Саудовская Аравия резко увеличила свою добычу, и цена на «черное золото» пошла вниз вплоть до коллапса 1998 г. Эр-Рияд сумел восстановить свое лидерство. Сегодня он поставляет 1,7 миллиона баррелей в день из 10-миллионного ежедневного импорта Америки (у Саудовской Аравии самая большая доля).

По долгосрочным международным расчетам доля нефти в общем балансе мира сократится, но по физическому объему будет примерно такой, как сейчас. И все же, по мере того как старые месторождения истощаются, мировое соперничество растет. Выбор как у индустриальных, так и у развивающихся стран невелик: введение рационирования; субсидирование импорта нефти; задействование стратегических резервов. Или *использование силы* для получения дополнительной нефти. Эта сила будет применена прежде всего в главной кладовой нефти.

Газ. Параллельно с нефтью несказанную энергетическую значимость приобретают немалые запасы газа. Уже сейчас ясно, что в мировом энергетическом потреблении довольно резко возрастет доля *природного газа*. На газ, напомним, приходится 23 процента мировых запасов энергии. Газ, как было показано выше, превзошел каменный уголь как источник энергии.

Перевод сжиженного газа по трубным газопроводам дал новые возможности газу. Потребление природного газа в мире растет на 1,9 процента в год. В развитых странах газ заменяет уголь в гигантских силовых генераторах. США потребляют *27 процентов добываемого в мире газа*; Европа — 20 процентов. В обоих регионах наблюдается тенденция еще более масштабно использовать газ. Уменьшилось потребление газа в Восточной Европе ввиду деиндустриализации региона.

По запасам газа чемпионом является уже не Персидский залив, а Россия. Ей принадлежит 32 процента мировых разведанных запасов газа. Россия значительно превосходит Иран (15 процентов) и занимающий третье место — Катар (7 процентов), не говоря уже о Саудовской Аравии с Объединенными Арабскими эмиратами (4 процента), США и Алжире (3 процента).

В добыче газа нет ОПЕК. Даже минимального взаимопонимания России с Ираном достаточно, чтобы Запад имел дело с почти монополистом на газовом рынке, поскольку обильные газом Туркменистан, Узбекистан и Казахстан в очень большой степени зависят от российской системы газопроводов.

Западные компании уже ощутили это обстоятельство. Европейский союз покупает 62 процента российского газа, что составляет 20 процентов импорта ЕС в этом виде сырья. Российский газ — 70 процентов турецкого газового импорта. Российское правительство намерено в ближайшие 20 лет удвоить свой газовый экспорт в Западную Европу. Германские «Рургаз» и «Винтершаль», итальянская ЭНИ инвестируют в российские проекты. «Газпром» намерен построить колоссальный газопровод от полуострова Ямал до германской границы. Итальянская ЭНИ совместно с «Газпромом» строит газопровод через Черное море. Отметим, что прибыль «Газпрома» составила в 2002 г. 14,5 млрд. дол.

Оскудение планеты: спорные моменты. В 2026 г. страны планеты будут потреблять нефти на 40 процентов больше, чем в 2006 г. Когда в следующие несколько десятилетий нефть станет значительно более редким ископаемым, цена на нее начнет расти чрезвычайно. Ничего нового: то же было с ценой на древесину в Месопотамии, Греции и в Римской империи. И что

далее? Как пишет Том Хартман, «когда цена источников горючего, от которого зависит вся экономика, начнет стремительно расти, небольшая доля населения, которая контролирует богатство и армии всего мира, сможет завинтить свои вагоны и защитить свои интересы, но население в целом вступит в пору больших трудностей. Мы можем сегодня судить по Гаити, где восставшее население бросилось на ограниченные запасы энергии, что повело к еще большей нищете и голоду. Мы, на Западе, находясь на вершине пирамиды энергии, возможно, будем последними, кто испытает на себе тяготы нехваток. (Это предполагает, что наши армии будут все еще нетронутыми, так что мы еще сможем заставить арабские и южноамериканские страны продолжить продажу нам своей нефти, когда ее запасы начнут истощаться... Но встанет вопрос: чем мы будем загружать наши самолеты и танки, если нефтяное горючее начнет иссякать»⁴⁸¹).

Очень существенно то, что изменились параметры стратегического могущества. Еще несколько лет тому назад ядерная стратегическая мощь и могучие союзники были главным мерилом значимости государства в мире. После 1991 г., после глобализационного вихря масштаб экономики вкуче со способностью к технологической инновации стали определяющими параметрами влияния государства в мире. Осуществлять руководство мировым сообществом отныне может лишь динамичная экономика, способная обойти конкурентов в области экономического роста и обновления, в завладении мировым рынком высокотехнологичных товаров, в их мировом экспорте. Даже министерство обороны США пришло к выводу, что «национальная безопасность зависит от успешного вторжения в глобальную экономику»⁴⁸².

Может ли помочь долгое время бывшая служанкой Запада наука? Не все разделяют беспокойство по поводу конечности ресурсов. Так любимец республиканской партии США Джулиан Саймон во всеуслышание утверждает, что глобального кризиса ресурсов не будет никогда, потому что «человеческие существа настолько изобретательны, что при любом повороте событий они найдут необходимый выход»⁴⁸³. Но убедительных рациональных выводов эти принципиальные оптимисты не приводят. Пока создание «искусственной клетки» энергии к реальности не приблизилось.

Американцы при президенте Буше-мл. пытаются договориться на межгосударственном уровне с Европейским союзом относительно альтернатив зависимости от нефти, относительно создания новых источников энергии. Пока без особого успеха. Ни попытки консервации, ни совместные научные проекты не дали особых результатов. В XXI веке американская сторона обратилась к изысканиям основанной на водороде технологии — и пока безуспешно. О подобной технологии многие говорят, но пока реальных результатов нет. Чтобы избежать паники и уверить легковверных, владельцы самого важного ископаемого умело утешают: подлежащая изобретению замена нефти как источнику энергии альтернатива «не будет дорогой»⁴⁸⁴. В Америке все более упорно говорят о необходимости чего-то, похожего по концентрации сил на «проект Манхэттен».

Пока все это лишь в области мечтаний.

Возникнет весьма грозная обстановка, когда мотивом столкновения будет не получение неких преимуществ, а собственно *выживание*. И нам не зря напоминают, что «большинство войн велось за контроль над ресурсами, такими как леса, поля, угольные шахты и минеральное сырье»⁴⁸⁵.

Российские нефтяные компании не всегда готовы быть образцом эффективности, но дни становления уже позади. Они быстро реинвестируют капитал. Опираясь на них, Москва получает дополнительное оружие в своей геополитике. «Готовясь бросить вызов Саудовской Аравии как лидеру Организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК), Россия, — пишет американская газета «Крисчен сайенс монитор», — беспокоится о защите своих растущих экономических интересов в Средней Азии и на Кавказе, которые вдоль и поперек исполосованы нефте- и газопроводами — и где могут быть проложены новые потенциально прибыльные маршруты»⁴⁸⁶. Госсекретарь США Колин Пауэлл заявил, что казахская нефть становится критически важной. Французская «Монд» уже задает вопрос: «Не сможет ли Россия потеснить Саудовскую Аравию с места привилегированного нефтяного партнера Вашингтона?»⁴⁸⁷

Разрабатываемое итальянской компанией «ЭНИ» богатое месторождение Кашаган выйдет на полную мощность в 2008 г. Россия намерена перекачивать кашаганскую нефть по своим

трубопроводам в Новороссийск, но «ЭНИ» и правительство Казахстана контактируют с иранцами для проведения самого короткого нефтепровода в направлении Персидского залива. Цитированный выше журнал «Ньюсуик» напомнил, что Соединенные Штаты размещают в данном регионе свои вооруженные силы и посылают военных советников в Грузию, «ни для кого в каспийском регионе не является тайной, что Грузия имеет большее отношение к маршрутам транспортировки нефти, чем к охоте на Усаму бен Ладена»⁴⁸⁸.

Россия во многом испытывает ожесточение в отношении введомой Саудовской Аравией ОПЕК. Прежде всего, никому не нравится некий шантаж ОПЕК в отношении России. Даже американцы признают, что «политика Эр-Рияда в сфере нефти видится как продолжение антироссийской политики в отношении Афганистана в 1980-е годы, как поддержка движений за независимость в Центральной Азии в начале 1990-х годов, как помощь повстанцам в Чечне, как создание исламских образовательных учреждений в России — все это противоречило российским интересам»⁴⁸⁹. В конце концов Россия меньше зависит от цены на нефть, чем Саудовская Аравия, — и может позволить себе пойти на войну цен. В Москве, кстати, не забыли, что генерированное саудовцами падение в 1985—1986 годах добавило к бедам страны, развалившейся в 1991 г. Москва готова вернуть себе то, что ей принадлежало 15 лет назад. И Россия огромная страна, ее просторы еще способны удивить всем, в том числе и недрами. Вероятна идея — посредством создания совместных компаний — российского нефтяного преобладания в Китае и Индии. И в США признают, что «посредством кооперации Москва и Вашингтон могут по-своему реструктурировать поле битвы»⁴⁹⁰. ОПЕК может нанести очень тяжелый удар по России, если опустит цены до уровня 10 дол. за баррель на протяжении, скажем, двух лет. Но и ОПЕК, не имеющий такого внутреннего рынка, как рублевый российский, пострадал бы при этом жестоко. А пока цены в 2004—2005 годах поднялись до немислимых прежде 65 дол. за баррель.

Возникла идея некоего каспийского ОПЕК, руководимого Россией с участием Казахстана, Азербайджана, Узбекистана и Туркменистана. Минимальное согласие с линией Москвы пока

достигнуто не со всеми; азербайджанцы хранят настороженность, но три среднеазиатские республики практически готовы войти в картель. Центральная Азия присоединяется в данном случае к России. (Западные компании не смогли войти в газовую сферу так же, как они вошли в нефтяную промышленность Азербайджана и Центральной Азии). На Евразийском экономическом саммите, проходившем в Алма-Ате, российская делегация возвестила, что топливно-энергетический комплекс и развитие инфраструктуры, прежде всего транспортной, должны стать ключевыми направлениями сотрудничества между странами центральноазиатского региона. Если традиционным партнерам в этом регионе удастся развить сотрудничество в модернизации ТЭК и транспортной инфраструктуры, последует экономический рост и последует углубление интеграционных процессов.

В условиях роста влияния «зеленых» снабжение газом стало мировым фактором. Вместе с богатой газом Средней Азией (второе после России место в мире) Москва будет иметь в своих руках немислимый по мощи рычаг. Почти нет сомнения в том, что Россия и Иран будут доминировать на рынках энергии Южной Азии. «Газпром» уже активно сотрудничает с иранскими компаниями. Стратегия «Газпрома»: Западная Европа, Северовосточная Азия, Восточная Азия. И действовать одновременно. Брукингский институт (Вашингтон) приходит к выводу, что, «имея систему газопроводов и прочую инфраструктуру, с помощью иностранных инвестиций, увеличения производительности, Россия может ответить на растущие требования покупателей газа. Уже осуществив вторжение в Европу, она вероятно повторит его в Азии. В 2006 г. Россия является растущей энергетической державой. Она может стать энергетической супердержавой в следующие 20 лет»⁴⁹¹.

А в Северо-Восточной Азии намереваются довести закупки энергии до трети мировых. Китай, Япония, Южная Корея с большим интересом относятся к месторождениям газа в Якутии, Восточной Сибири и на Сахалине. Огромный растущий рынок Азии дает «Газпрому» новый шанс. Напомним, что основной прирост добычи нефти в период до 2020 года падает на восточную Сибирь — месторождения Красноярского края, Иркутской области и Республики Саха.

Как пишет американская «Нью-Йорк тайме», «Россия, может быть, уже не является военной сверхдержавой, но она стала за последние годы колоссом в нефтяном бизнесе — явление, имеющее важные политические последствия для Соединенных Штатов и их союзников. Москва уже имеет возможность ограничить способность Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК) манипулировать ценами на нефть. Россия может укрепить репутацию ответственного и надежного поставщика энергоресурсов в Европу»⁴⁹². При этом отмечается, что, хотя большая доля российской нефти в настоящее время добывается частными компаниями, Кремль сохранил решающее влияние на уровень ее добычи и экспорта.

С полной уверенностью можно утверждать, что удовлетворяющего всех режима эксплуатации сырьевых источников создать невозможно. Почти полное исчезновение идеологических конфликтов неизбежно «выпятило» значимость мировых источников сырья. При этом увеличилась не только чисто экономическая стоимость сырьевых ресурсов, но геостратегическая значимость приобщения к драгоценным ресурсам. Возникающее их истощение ставит проблему борьбы за доступ к жизненно важным сырьевым материалам в конкретную плоскость⁴⁹³.

Постоянное увеличение мирового спроса, уменьшение запасов сырья и усиление требований и претензий отдельных государств делают мирное распределение мировых ресурсов маловероятным. Рост потребностей в энергообеспечении, который будет наблюдаться особенно в поднимающихся силах (Индия и Китай), будет оказывать в 2020 году решающее воздействие на геополитические взаимоотношения. Самым важным из факторов, определяющих спрос на энергию, будет глобальный экономический рост в Китае и в Индии. Китай и Индия — страны, не располагающие достаточными собственными энергетическими ресурсами — будут добиваться надежного доступа к внешним ресурсам; поэтому потребность в энергии будет главным фактором в формировании их внешней и оборонной политики, включая наращивание военно-морской мощи.

Эксперты считают, что Китай будет вынужден увеличить потребление энергии примерно на 150%, а Индия должна будет

почти удвоить потребление к 2020 году, чтобы обеспечить устойчивый уровень экономического роста.

Постоянно возрастающие потребности Пекина в энергии могут подтолкнуть Китай к принятию на себя более активной роли в международных делах — в частности, на Ближнем Востоке, в Африке, в Латинской Америке и Евразии. В своем стремлении максимизировать и диверсифицировать свои энергетические ресурсы Китай опасается стать уязвимым и подверженным давлению со стороны Соединенных Штатов — страны, которую китайские официальные лица характеризуют как государство, проводящее агрессивную энергетическую политику, зачастую направленную против Пекина.

На протяжении более десяти лет китайские официальные лица открыто утверждали, что продукция китайских фирм, инвестирующих средства за границей, более качественна и безопасна, чем продукция, приобретаемая на международном рынке. Китайские фирмы поощряются к тому, чтобы инвестировать средства в регион Каспия, в Россию, в страны Ближнего Востока и Южной Америки в надежде обеспечить себе более надежный доступ к ресурсам.

Несмотря на тенденцию к более эффективному использованию энергии, общее потребление энергии в мире, по-видимому, возрастет на 50% за следующие двадцать лет (сравните с увеличением потребления энергии за период времени с 1980 по 2000 год на 34%), при этом возрастет роль нефтепродуктов.

Обновляемые энергоресурсы, такие как гидроэнергия, солнечная энергия и энергия ветра, будут, по-видимому, составлять лишь около 8% от общего количества потребляемой энергии в 2020 году. В то время как Россия, Китай и Индия планируют расширение сектора ядерной энергетики, в глобальном масштабе доля ядерной энергии в следующем десятилетии будет уменьшаться. Международное энергетическое агентство (IEA) пришло к выводу, что — при условии осуществления достаточных инвестиций в новые мощности — имеющихся энергоресурсов хватит для удовлетворения возросших мировых потребностей.

Рыночные силы создают могучий резонанс локальным конфликтам. Глухие раскаты грома из Сьерра-Леоне, Заира и

Боливии — предвестье того, что глобализируется в ближайшие десятилетия. «После Второй мировой войны постоянная погоня за природными ресурсами была скрыта политическими и идеологическими требованиями американско-советского соперничества; окончание этого соперничества более реалистически осветило наличную картину»⁴⁹⁴.

Велик потенциал споров по поводу богатств прибрежного морского дна. Яркий пример — Южнокитайское море, где в битве за ресурсы дна столкнулись семь государств — Китай, Индонезия, Филиппины, Тайвань, Малайзия, Вьетнам и Бруней.

«Конфликт, — пишет американский исследователь М. Клер, — может возникнуть между государствами, имеющими доступ к жизненно важному сырью или запасам этого сырья, равно как и внутри государств по вопросу о распределении ограниченных доступных ресурсов. По мере того, как будут расти цены, конкурирующие группы и элиты в богатых ресурсами странах получат мощный стимул для захвата и удержания контроля над ценными шахтами, нефтяными месторождениями и лесными угодьями. Результатом станет неизбежный конфликт по поводу критически важных ресурсов»⁴⁹⁵.

Возможность конфликта увеличивается в свете того факта, что, как бы ни старался Запад диверсифицировать источники своего нефтяного импорта, Венесуэла и Нигерия по многим причинам (в частности, из-за внутренней нестабильности в этих странах) пока не могут найти подлинной замены феноменально богатому нефтью Персидскому заливу. Из этого следует, что стремление доминировать в этом регионе будет лишь расти. Учитывая, что четверть мировых запасов этого драгоценного сырья находится под юрисдикцией Саудовской Аравии, а еще 11 процентов в Кувейте, немудрено, что американцы не имеют желания покидать военные базы, созданные на территории Саудовской Аравии и в Кувейте в 1990 г. — в ходе войны в Персидском заливе.

Стремительно растет важность тех проливов, через которые проходят огромные танкеры с нефтью. Министерство энергетики США выделило шесть «важнейших точек нефтяного транзита», через которые в день провозится примерно 30 млн.

баррелей нефти, что составляет примерно 40 процентов потребляемой в мире нефти в целом. Первый — Ормузский пролив, выход из Персидского залива в Индийский океан — 15,4 млн. баррелей в день (мбд). Второй по важности пролив—Малаккский (между Малайзией и индонезийским островом Суматра), соединяющий Индийский океан и Южнокитайское море (9,5 мбд). Третий стратегически важный пролив — Баб-эль-Мандеб (между Йеменом и Эритреей) у входа в Красное море (3,3 мбд). Четвертый — Суэцкий канал, соединяющий Красное море со Средиземным (3,1 мбд). Пятый — Босфор и Дарданеллы, соединяющие Черное море со Средиземным (1,7 мбд). Шестой — Панамский канал, связывающий Атлантический и Тихий океаны (0,6 млн. баррелей в день). (Для Японии наиболее важен район Южнокитайского моря; для Западной Европы — Суэц).

Вероятие противостояния. Со времени Второй мировой войны Соединенные Штаты вытеснили Британию с положения гегемона в областях основных энергетических ресурсов мира. Ныне многие просто забыли, что прежде Британия была более влиятельна, чем США, в таких «драгоценных» с точки зрения энергетики местах, как Венесуэла, Нигерия, Аравийский полуостров, полуостров Апшерон, вся зона Персидского залива. Венесуэлу американцы «вернули» при президенте Теодоре Рузвельте, в Нигерию и Бруней вошли после деколонизации; в Баку американцы вошли не в далеком 1918 году (это тогда сделали англичане), а почти столетием позже.

Противостояние в Персидском заливе тоже началось не сразу, а со строительства лендлизовских баз для СССР в 1942 г. Союзники и противники США в данном регионе прошли значительный эволюционный и революционный путь. Скажем, Иран проделал путь от главного союзника США в регионе до главного антагониста. Дело осложняет и обостряет фактор уже обозначившейся конечности земных ресурсов. Соединенные Штаты могут ввести в зону влияния Ирак с его десятью процентами мировых запасов нефти. Но уже соседний Иран представляет собой гораздо более сложную задачу. Потенциальные объекты экспансии начинают учиться страшному уроку: прежде чем бросаешь вызов единственной сверхдержаве, обзаведись

оружием массового поражения — как мы сейчас видим, уважают лишь сильного, ему (как Пакистану и Индии) позже прощают переход в другой силовой класс. Следите за Северной Кореей, оповестившей о своем ядерном статусе в начале 2005 г.

Конечность ресурсов бросает вызов человеческим способностям решать технические задачи. Но пока массовое опреснение воды и искусственный синтез бензина далеки от практического решения, а значит, битва за ресурсы — условие выживания и прогресса — грозит стать реальностью начавшегося с силовых акций нового (последнего?) века.

Часть вторая

МЕНЯЮЩИЙСЯ МИР

Глава 12

ПОИСК НОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Массовость культуры. Сокрушитель современной мировой системы — массовое, в глобальном масштабе, изменение прежнего мировидения в свете крутых культурно-цивилизационных перемен. В последние десятилетия двадцатого века, в условиях ускорившейся модернизации, предполагалось, что этническая и религиозная идентичность уступит место «модернизации», в рамках которой найдется место каждому из членов мирового сообщества. Но под давлением очевидных новых фактов и факторов прежняя система лояльности в западноцентричном мире, основанная на оптимистической вере в мировую модернизацию, потеряла свою убедительность для огромных масс мирового населения. При этом не произошло замены ее новой системой восприятия мира. Претензии *глобализационного* мирообъяснения не обрели желаемого ее авторам тотального идейного господства — слишком очевиден раскол между владеющими технологией и капиталами лидерами глобализации и ее фактическими жертвами.

Понимание этого фактора пришло с трудом. Весьма долгое время господствовал своего рода культурный релятивизм (особенно непререкаемый в академическом мире), практически делавший табу приданию критической важности культурным ценностям других народов и цивилизаций, особенностям их менталитета. Все культуры подчеркнуто подавались *равными* (словно фиксация культурной пестроты мира автоматически ведет к расизму, надменности, принижению и т.п.). Те, кто думал отлично

от академического канона, получали клеймо сторонников этноцентричности, нетерпимости или даже расистов. Подобная же проблема встречала тех экономистов, которые полагали, что люди повсюду *отвечают на экономические сигналы однообразным способом, безотносительно к их культуре*. К примеру, глава Федеральной резервной системы США А. Гринспен (говоря, кстати, о России) жестко утверждал, что капитализм «является частью человеческой природы».

Лишь очевидный рост значимости самоидентификации, оказавшийся критически важным в 90-е годы, привел к повороту в сознании многих, к выделению цивилизационно-ментальных основ. Гарвардский профессор Д. Ландес в монументальном исследовании «О богатстве и бедности народов» (1998) приходит к важнейшему выводу: если история экономического развития чему-либо учит, то «прежде всего тому, что культура является виднейшим компонентом. Она и создает различие в степени развитости». Зафиксированная и подчеркнутая мировым неравенством грядущая стадия развития человечества оказалась способствующей выходу вперед фундаментализма самого разного характера, жесткого национализма, обращения к родовым ценностям. Мир фрагментаризируется на гигантские цивилизационные блоки. «Культурная глобализация, гомогенизация, которые предсказывают в будущем интерпретаторы глобального сближения и единства мира, являются не более чем мифами»⁴⁹⁶.

Однако реалии жизни *заставили* сделать существенные поправки, приведя в конечном счете к выводу, что культура является *критическим фактором общественного развития*. И тот же Гринспен на пороге нового века, после десятилетия неудач в России, сделал весьма примечательное признание, по существу противоположное прежнему своему мнению: «Дело вовсе не в человеческой природе, дело в культуре». Нужно думать, что у М. Вебера это вызвало бы улыбку понимания. Требовалось претерпеть столь многое, чтобы прийти к выводу, о котором, собственно, только и говорит мировая история.

Для многих критически важным стало рассмотрение опыта Юго-Восточной Азии. Заново были пересмотрены конфуцианские ценности — упор на будущее, работу, образование, ува-

жение к достоинству, призыв к плодотворности. Появились исследования цивилизационных особенностей латиноамериканского мира, индуизма, православного ареала влияния, мусульманского цивилизационного кода.

Латиноамериканские интеллектуалы (рассматривающие вопрос о том, какие факторы, кроме империализма, являются виновниками неразвитости региона и его авторитарных традиций и ужасающего социального неравенства) указали на отличие этих ценностей от латиноамериканских. Пришлось вспомнить слова Боливара, сказанные в 1815 году: «До тех пор, пока наши соотечественники не воспримут талантов и политических достоинств наших северных братьев, политической системы, основанной на общественном участии в управлении, нас ждет крах. Нами владеют грехи Испании — насилие, неумные амбиции, мстительность и жадность»⁴⁹⁷.

Перуанский писатель Марио Льюса: «Культура, в которой мы живем сегодня в Латинской Америке, не является ни либеральной, ни демократической. У нас есть демократические правительства, но наши институты, *наши рефлексy и наш менталитет очень отличны*. Они остаются популистскими и олигархическими, абсолютистскими, коллективистскими, догматичными, преисполненными социальных и расовых предрассудков, в огромной степени нетерпимыми по отношению к нашим противникам, преданными худшей из всех монополий — правде»⁴⁹⁸. К подобному самобичеванию присоединились представители и других культур.

Разрушительность модернизации. Модернистская вера оказалась отражением иллюзий, заключавшихся в демонизации социализма. Крушение левой идеологии (обещавшей модернизацию через социализм) это только подчеркнуло. Наконец-то подлинная суть социализма как насильственной модернизации оказалась понятой и на Западе, и на Востоке. «Холодная война была конфликтом двух версий прогрессивизма — социализма и неоклассического капитализма,— пишет японец Сакакибара.— Крах социализма и окончание холодной войны избавили мир от гражданской войны между двумя вариантами прогрессивизма, но поставили подлинно фундаментальный вопрос о сосуществовании различных цивилизаций»⁴⁹⁹.

Можно ли (и нужно ли) воспринять модернизационные ценности безболезненно? По словам американского исследователя Э. Эбрамса, «модернизация может оказаться разрушительной для стиля жизни и морали, вызывая противонаправленную реакцию: поиск более притягательной традиционной идентичности, поиск устойчивости и безопасности группового членства и удобное обоснование неприятия всех, кто несет черты отличия. Этот феномен можно наблюдать в своей наиболее благопристойной форме, когда британское правительство дарует часть своего суверенитета и «вверх» — в Брюссель, и «вниз» — шотландской и уэльской ассамблеям. Но в других частях мира на это явление смотрят менее благосклонно»⁵⁰⁰.

Мы находимся в начале процесса огромной исторической важности. Окончание идеологического противостояния привело «в начале третьего тысячелетия к кризису идентичности огромных масс. Во все возрастающей степени наша психика и даже материальные потребности начинают требовать усложненной самоидентификации»⁵⁰¹. В условиях социально-политического краха социализма как практики и теории, старые боги (существовавшие задолго до социальных доктрин двадцатого века) как бы молча всплыли в сознании миллионов людей — и не только в Югославии и Восточной Африке (где поток крови был особенно обильным), но и повсюду в мире. Словами А. Аппадюрай, «центральной проблемой современного глобального противодействия является столкновение культурной гомогенизации и культурной гетерогенизации... Взаимная канибализация показывает свое отвратительное лицо в мятежах, в потоках беженцев, в этноциде»⁵⁰².

В начале третьего тысячелетия обозначился массовый поворот к старым ценностям вплоть до этнически-трайбалистского начала, к религиозно-цивилизационному единству отдельных частей мирового населения как к своему новому универсуму. Стало казаться возможным, что в XXI в. массовая переориентация групповой лояльности и массовой идентичности закрепится.

Э. Смит называет этот процесс «культурной политизацией»: «Чем более полно документирована этноистория, чем распространеннее данный язык, чем строже соблюдаются местные обычаи и обряды, тем сильнее стремление убедить друзей и

врагов в возможности рождения новой «нации»... Чтобы создать нацию, недостаточно просто мобилизовать сограждан. Они должны быть убеждены в том, кем они являются, откуда они пришли и куда идут. Они превращаются в нацию посредством процесса мобилизации местной культуры... Старые религиозные саги и святые превращаются в национальных героев, древние хроники и эпос становятся примерами проявления национального гения, возникают истории о прошлом «золотом веке» чистоты и благородства. Прежняя культура некоей коммуны, которая прежде не имела целей за своими пределами, становится талисманом и обретает легитимность... Наступает период интенсификации культурных войн... Заново открытая этноистория начинает разделять наш мир на дискретные культурные блоки, которые не дают никаких надежд сближению и гармонизации этих блоков... С точки зрения глобальной безопасности и космополитической культуры это мрачное заключение»⁵⁰³.

Вырвавшиеся демоны собственного исторического опыта, традиционных религиозных воззрений, исконных ментальных кодов, собственных языков, аутентичного морально-психологического основания, воспоминаний об униженной гордости — с огромной силой бросают тень на благодушие глобалистов, делая ожидание мира и спокойствия вершиной наивности. Обращение вспять несет в себе невиданный потенциал насилия. Даже весьма умеренно-оптимистические американские футурологи А. и Х. Тофлер⁵⁰⁴, призывающие современное государство трансформировать процессы демократизации в политику самоидентификации, видят в качестве главной угрозы трансформацию ограниченных межгосударственных войн в ничем не ограниченные этнические конфликты: «Уже сейчас не так много стран, чьи граждане готовы отдать жизни за свое государство, но, увы, растет готовность жертвовать жизнью за этнически-религиозную идентичность. Мы пробили стену нерушимости государственных границ, и назад дороги нет»⁵⁰⁵.

Мир как бы отпрянул к своим основам. И это могло бы породить новую гармонию (как отвлечение от международных трений), но вопрос-то как раз в том, что исконные основы у каждого субъекта мирового сообщества очень разные. Прежде это различие камуфлировалось идеологическими одеждами,

ныне камуфляж отброшен и культурное, традиционное — т.е. цивилизационное отличие целых регионов друг от друга обнажилось во всей очевидности.

Время определить первые результаты этого «отлива истории», обнажившего не пестроту мира (что было очевидно всегда), а фундаментальную противоположность нескольких основных цивилизационных парадигм. Семь таких парадигм — западная, латиноамериканская, восточноевропейская, исламская, индуистская, китайская и японская — как бы забывают о «предписанной» им историко-экономическими законами прошлого интеграции мирового хозяйства и культуры, упорно сохраняя цивилизационную дистанцию и образовывая почти непроходимые рубежи между столь сблизившимися благодаря телефону и самолету пространствами. На этих-то рубежах и вспыхивают основные конфликты современного мира.

Вперед выходит призрак предсказанного превосходным западным политологом-еретиком С. Хантингтоном столкновения цивилизаций: «Фундаментальным источником конфликтов в возникающем новом мире будет не идеология и не экономика. Величайшей разделяющей человечество основой будет культура. Нации-государства останутся наиболее мощными действующими лицами в мировых делах, но основные конфликты в мировой политике будут происходить между нациями и группами наций, представляющих различные цивилизации. Столкновение цивилизаций будет доминировать в мировой политике. Культурные разделительные линии цивилизаций станут линиями фронтов будущего»⁵⁰⁶. По мере вхождения в третье тысячелетие «культура разделит страны. Культурные табу сделают, скажем, невозможной покупку чужими покупателями предприятий в Японии и во всей Юго-Восточной Азии»⁵⁰⁷.

Война за югославское наследство показала, что может произойти в случае ускоренной и одобряемой извне перемены идентичности (поскольку гражданская война здесь быстро выдвинула вперед религиозные, исторические, цивилизационные факторы). Нечто еще более значимое может произойти в случае утверждения цивилизационной идентичности у населения огромного Китая. Обозначилось движение по этому пути ядерной Индии и миллиардного мусульманского мира. Последний в

ряде случаев пошел на противостояние с Западом (которое американский исследователь Б. Барбер назвал «противостоянием Джихада и Мак-Уолда»⁵⁰⁸).

Культура порождает насилие. Исторический опыт показывает, что отстаивание национально-культурной идентичности порождает невиданное насилие. Обращенные к новой идентификации «продолжительные этнические конфликты практически не поддаются региональному и международному воздействию», — приходит к справедливому выводу американский исследователь Т. Керр⁵⁰⁹. Война в Судане скорее всего продлится до тех пор, пока одна из сторон конфликта не победит решающим образом. Нет реалистических оснований предполагать разрешение курдского конфликта в Ираке и в Турции, сдерживание убийственного конфликта хуту и тутси в Руанде, компромиссное решение в Грузии, Азербайджане, Бугенвиле, Северной Ирландии. Весьма реалистично предположить начало нескольких конфликтов в Южной Азии. Индия стоит перед вызовом нескольких сепаратистских групп. Равно как и Индонезия: Ачех и Ириан. Конфликты зреют в Бирме (провинции Карен и Шан) и в Китае (Тибет).

Два процесса как бы действовали вопреки друг другу. С одной стороны, слабело геополитическое влияние исламского мира, столь могучего между VII и XVI веками; его децентрализация, отступление перед колониальным натиском Запада, трудность модернизационных преобразований, неадекватность элиты в процессе мирового прогресса. Развал Оттоманской империи, контроль Британии и Франции над наследием Стамбула, Багдада, Индостана, Индонезии, Магриба и Леванта низвел мусульманский мир до положения сугубых жертв мировой эволюции. С другой стороны, колоссальный демографический рост исламского мира (12 процентов мусульман в мировом населении в 1900 г. и 30 процентов в 2000 г.) на фоне постоянного повышения стратегической значимости нефти — главного сырья мусульманского мира — начали медленный, но *обратный* процесс некоторого восстановления позиций, столь очевидно утерянных после семнадцатого века.

Чувство исторического унижения, столь очевидное для мира Ислама, с трудом — в условиях отсутствия соответствующего эмоционального опыта — ощущается на Западе. Как формулирует У. Эко, «бен Ладен знал, что в мире есть миллионы исламских фундаменталистов, которые, чтобы восстать, только и ждут доказательств того, что западный враг может быть «поражен в самое сердце». Так оно и произошло в Пакистане, в Палестине и в других местах. И ответ, данный американцами в Афганистане, не только не сократил этот сектор, но и усилил его»⁵¹⁰.

На этот большой процесс наложились более конкретные явления. Американские вооруженные силы взяли под свое крыло политические режимы Египта, Саудовской Аравии, Пакистана, Турции. Пытались контролировать Ливан и Сомали. В 1990 г. американская армия высадилась в Саудовской Аравии, а позднее в Кувейте. Окончилось противостояние Запада с Востоком, которое периодически позволяло (скажем, Египту, Алжиру, Индонезии, Сирии, Ливии, Ираку, Судану, Сомали) играть на великом противостоянии «холодной войны». Последовала буквально массовая фрустрация ожесточенных мусульманских политиков. Об этом ныне отчетливо свидетельствуют такие исламские средства массовой информации, как телекомпания «Аль-Джазира» из Катара.

Мусульманская элита Саудовской Аравии, Египта и многих других стран Магриба, Леванта, стран Персидского залива, начиная с Ирана и Ирака, ощутила чрезвычайную ненависть к тем, кого эта мусульманская элита считает компрадорами и «продавшимися Западу». Аятолла Хомейни и Саддам Хусейн стоят в том же ряду антизападных деятелей, где занял место Усама бен Ладен. Именно Саудовская Аравия и Египет дали основу Аль-Каиды, Хезболлы и прочих антизападных террористических организаций, действующих от Марокко до Филиппин. В рекрутах и жертвованиях здесь нет недостатка и уход бен Ладена в данном случае ничего не изменит.

С другой стороны, триумфализм Запада после победы над Ираком в 1991 г., нежелание ни республиканцев, ни демократов в США вооружиться конструктивной политикой в отношении своего рода «пасынков истории», привело к утере контактов со

средним классом мусульманского мира, отторгнутого деятелями типа Мубарака, алжирского и турецкого военного руководства от непосредственных контактов с западным миром технологии, денег и идей. Э. Коэн называет это отношение Запада, и прежде всего США, «сочетанием клиентеллизма, реальполитик и культурного презрения» к миру Ислама, в то время как «Израиль платит цену за отсутствие интереса к прогрессу в гражданском обществе Палестины». В той степени, в какой «американские лидеры закрывают свои глаза на реальности больного и отвергнутого арабского сообщества как части большого исламского мира, они *будут терпеть поражения в попытках понять подлинную природу войны, в которую они оказались вовлеченными*»[^]. Ожесточение маргинализируемых дважды — и глобально, и на национальной арене — мусульманского мира (уммы в целом) стало зримым фактором мировой политики.

Роль глобализации. Предпосылка новой эффективности исламского фундаментализма, вызвавшая 11 сентября, — глобализация. Можно, конечно, отворачиваться, пожимать плечами и т.п., но до сих пор глобализацию видели, в худшем случае, как раздражающий источник замешательства, причину пока *теоретических* баталий. В одном только 2000 г. границы США пересекли 489 млн. человек, 127 млн. легковых автомобилей, 11,5 млн. грузовиков, 829 тыс. самолетов, 2,2 млн. железнодорожных вагонов. «Возможно наиболее серьезной угрозой, порожденной атакой 11 сентября, — пишет американец С. Флинн, — является обнаружение мягкого подбрюшья глобализации. Та же самая система, которая питала славные дни 1990-х годов — открытость американской экономики миру — увеличила американскую уязвимость. На протяжении многих лет американские политики, переговорщики и лидеры бизнеса действовали исходя из наивного предположения, что у раскрытия ворот мировой торговли и путешествий нет побочного негативного эффекта»⁵¹². Американцы опомнились поздно — теперь в США не купить карт основных водных резервуаров, атомных электростанций, мостов и тоннелей. Карты нефте- и газопроводов изъяты из Интернета.

В лице бен Ладена глобализация получила наиболее последовательного противника, готового принести на алтарь своей страшной борьбы собственную жизнь. Объединяющей (хотя бы словесно) мир глобализации бен Ладен жестко противопоставил разъединение этого мира. В течение нескольких минут могучий мировой процесс ощутил воистину тектонический толчок и едва не начал обратное движение. Террористы полностью использовали все возможности глобализации для четкого планирования своей операции. И получилось так, что *претерпевшая от глобализации периферия нанесла удар по ее центру*, где чемпионы, победители, триумфаторы глобализации начинали свой трудовой день».⁵¹³

И все же, видимо, самые страшные конфликты уготованы Африке — некогда вотчине западных метрополий, посылавших детей местной элиты в Оксфорд и Сорбонну, надеясь на последующую массовую рекультуризацию населения. Надежды оказались напрасными, и европейски образованные лидеры деколонизованных стран к третьему тысячелетию сменили европейские костюмы на традиционные местные (часто экзотические) одежды. Оболочка в данном случае отразила суть. В огромной зоне от Судана и Эфиопии через район Великих озер к ангольским высокогорьям и Конго лежит сплетение готовых вспыхнуть конфликтов. А рядом, в Западной Африке, революционные и этнические войны зреют в Нигере, Мали, Либерии, Сьерра-Леоне и Чаде. Возможно, самый страшный конфликт готов вспыхнуть в Нигерии (мусульмане на севере страны и христиане на юге). Все здесь складывается трагически — наследие прежних репрессий, возникновение воинственных националистических групп, отсутствие международного внимания. В целом «Косово, Восточный Тимор и Чечня иллюстрируют то положение, что стратегия разрешения этнических конфликтов зависит от того, принимаются ли повстанцами предлагаемые компромиссные идеи»⁵¹⁴, или их новая самоидентификация представляет собой ценность, обесценивающую саму жизнь в старых культурно-цивилизационных рамках.

Современная, отчетливо выразившая себя тенденция говорит о том, что возрождение старой этнической и трайбалистской памяти изменит убеждения огромных масс и, соответс-

твенно, направленность их интернационально значимой деятельности. На международной арене возможно появление множества новых этнически-цивилизационно особых государств — до нескольких тысяч в новом столетии. И этот процесс «породит насильственные беспорядки и человеческие страдания в беспрецедентном масштабе»⁵¹⁵. В результате произойдет полная реструктуризация системы международных отношений.

Итак, оптимистически воспринимаемая модернизация посредством накопления в основном западного опыта зашла в своего рода тупик. И большей ценностью в новом веке замаячил призрак возврата к домодернизационным идолам, где кровь, обычай и символ веры одерживают верх над обещаемым гедонистическим благодушием авангарда глобализированного мира.

Ограничители. Что можно противопоставить этим аргументам? Обеспокоенных перспективой *межцивилизационных столкновений* успокаивает японский исследователь Сакакибара: «Цивилизации действительно поднимаются вверх, а потом начинают терять влияние. Они часто сталкиваются друг с другом; но, что более важно, они *взаимодействуют и сосуществуют* между собой на протяжении почти всей истории»⁵¹⁶.

Невозможно отрицать факт частичного смешения различных культур, особую — объединяющую роль английского языка, своего рода *lingua franca* нового времени, появление «космополитических» средств массовой информации, что оставляет шанс не только размежеванию основных цивилизаций, но и их взаимообогащающему сближению. Создается определенная возможность формирования целых областей, где не будет доминирующего цивилизационного кода, где смешение рас, языков, обычаев и традиций взойдет на более высокий уровень, характеризуемый неприятием цивилизационного самоутверждения. Окрашенные культурной терпимостью области, по мнению культуролога Э. Смита, «могут служить в качестве моделей в долговременной перспективе для все более широкого межконтинентального сближения»⁵¹⁷.

Глобальная культура будет оказывать свое воздействие на нескольких уровнях одновременно — как высококачественный культурный продукт, как пользователь денационализированных этнических и народных мотивов, как серия генерализованных гуманитарных ценностей и интересов, как унифицированный научный дискурс. Феноменальный рост коммуникационных возможностей создает предпосылки широчайшего воздействия «лучшего против своего».

Глобальная культура будет неизбежно походить на доминирующие культуры прошлого. Нет ничего нового в распространении чужих культурных ценностей в гордящихся своим своеобразием ареалах. Греко-македонская культура была чрезвычайно успешно распространена на весь Древний Ближний Восток. Культура Древнего Рима столь же успешно и надолго распространилась по всему Средиземноморью.

Восприимчивости нового сегодняшнего *космополитического* кода может способствовать то обстоятельство, что «сегодняшняя возникающая глобальная культура не привязана ни к определенному месту, ни к четко ограниченному историческому периоду. Создается подлинная смесь идущего отовсюду и ниоткуда, рожденная на современных колесницах глобальных телекоммуникационных систем... Эkleктическая, универсальная, безвременная и техническая, глобальная культура будет преимущественно «сконструированной» культурой, окончательным и наиболее распространяемым из человеческих конструкторов эры освобождения человека и его возобладания над природой, и не следует забывать, что «нация» это тоже всего лишь конструктор»⁵¹⁸.

Если существует общечеловеческое воображение, если проявляют себя общечеловеческие ценности, то почему должен быть бессильным перед потоком культурного цивилизационного самоутверждения человек, могущий иметь самые различные кровно-культурное наследие и привязанности? Почему голос одной цивилизации должен нейтрализовать общечеловеческое?

Есть надежда и на то, что межцивилизационным столкновениям воспрепятствует взаимная вражда стран одной и той же цивилизации. На протяжении многих столетий международная система держится на суверенности отдельных государств, по-

чему же эта суверенность должна в определении своей судьбы в будущем уступить место цивилизационной дисциплине, встать на путь внутрицивилизационного сближения? Так ли легко государства расстанутся со своим суверенитетом? Сейчас и в будущем критически важна национальная (в пику цивилизационной) самоидентификация — надежный внутренний цемент государств как подлинных субъектов международных отношений. Именно национальная идентичность способна затормозить силовое цивилизационное самоутверждение. Главным аргументом против первенства цивилизационного фактора является указание на то, что суверенная нация способна ненавидеть цивилизационного соседа не меньше, чем представителя далекой иной цивилизации.

Наиболее устойчивыми перед ударами истории и соблазнами цивилизации оказались не глобально-цивилизационные явления культуры, а ценности, основанные на трех компонентах единого опыта:

— ощущение продолжения опыта наследующими друг друга поколениями;

— общая память об особых событиях и исторических персонажах, знаменующих собой поворотные пункты коллективной истории;

— чувство общей судьбы у тех, кто разделяет единый опыт.

На нынешнем этапе наиболее мощно эти три элемента проявляются у наций. Как пишет Э. Смит, «упрямым фактом является то, что национальные культуры являются *особенными, привязанными ко времени и экспрессивными*... Можно, конечно, «изобрести», даже произвести традиции как готовый продукт, служащий интересам особого класса или этноса. Но все это может выжить и процвести только лишь как часть репертуара национальной культуры»⁵¹⁹. С точки зрения большого числа культурологов национальная объединительная сила может стать самым серьезным препятствием на пути колоссальных центростремительных сдвигов внутри огромных цивилизаций.

Так было на протяжении всей истории: конфликты внутри цивилизаций не менее яростны и часты, чем столкновения межцивилизационного характера.

Итак, окончание битвы идеологий открыло базовые разногласия, производные от различных традиций, прошлого, куль-

туры, языка, религии, этических норм, обратило к исходным ценностям, к родовым обычаям, к религиозным устоям, к патетике прежних ценностей, поколебленных могучим ростом Запада в XVI—XX вв. Впервые в Новое время мир стал отчетливо многоцивилизационным, западные ценности перестали видаться универсальными, а модернизация перестала быть синонимом вестернизации. Сразу же встал вопрос о степени обязательности вестернизации в процессе модернизации. И ответ на него перестал быть однозначным.

Сами западные исследователи приходят к выводу, что, «если на ранней стадии перемен вестернизация способствует модернизации, то на последующих фазах модернизация вызывает девестернизацию и подъем автохтонной культуры — увеличивает общую экономическую, военную и политическую мощь и способствует усилению веры данного народа в свою культуру, укрепляет его культурное самоутверждение»⁵²⁰. «Отлив истории» обнажил фундаментальную противоположность основных цивилизационных парадигм — *западной, латиноамериканской, восточноевропейской, исламской, индустской, китайской и японской*. «Забывается» интеграция мирового хозяйства и культуры, упорно сохраняется межцивилизационная дистанция, образуются непроходимые рубежи между столь сблизившимися благодаря телефону и самолету пространствами. На этих-то рубежах и будут протекать основные процессы XXI в.

Глава 13

МЕНЯЮЩИЙСЯ ОБЛИК АМЕРИКИ

Экстраполяция обозначенных в предшествующих главах факторов и тенденций создает *пять* основных сценариев будущего.

Хватит ли силы на век? Нет сомнения в том, что США будут играть важную роль при формировании международного порядка всего XXI века. Вашингтон может столкнуться с непрерывным ростом проблем при попытках уладить приемле-

мым способом взаимоотношения с Европой, Азией и Ближним Востоком и прочими регионами при отсутствии единой всеобщей угрозы, создающей основу для достижения консенсуса. Но, хотя впереди ждут серьезные трудности, США по-прежнему будут пользоваться колоссальными преимуществами, сохраняя лидерство в широчайшем спектре вопросов: экономических, технологических, политических и военных, на которое в 2020 и даже 2050 году еще не сможет претендовать ни одно другое государство. Основываясь на передовой военной технологии, в обозримом будущем Америка продолжит стремительный рывок, ее армия и флот получают возможность наносить удар по любому противнику в любом месте земного шара в любой момент с исключительной точностью, причем в подавляющем большинстве случаев противник узнает о нанесенном по нему ударе в момент самого удара. Все большую роль станут играть наземные и летающие боевые роботы. Военнослужащие получают обмундирование, созданное на основе нанотехнологий, делающее их неуязвимыми от огня стрелкового оружия, залечивающее раны, позволяющее перепрыгивать через стены высотой несколько метров и невидимое в инфракрасном и даже оптическом диапазоне. Каждый солдат будет иметь индивидуальный компьютер, космическую систему навигации и связи, а также личный БПЛА, позволяющий вести разведку. Такого бойца можно отправить и на войну иракского типа, поскольку риск гибели сводится к минимуму. Только в таком варианте возможно существование наемной армии, если ее целью является участие в реальных войнах.

Возможность гегемонии. Прогноз большинства футурологов в отношении возможности продления на будущее превосходных современных показателей Америки, в отношении сохранения ею исключительных мировых позиций, обретенных между 1942—2002 годами, сводится к тому, что заокеанская республика имеет все возможности в течение нескольких десятилетий владеть ключевыми мировыми позициями в Северной Америке, в Западном полушарии, в Западной Европе и Восточной Азии, во всех четырех океанах и космосе, в военной мощи и военных исследованиях, на основных мировых рынках,

в науке и практических разработках, в информационной революции, в производительности труда, в привлечении наиболее талантливых иммигрантов, в мировом университетском образовании, в ведущих средствах масс-медиа, в популярной культуре, в привлечении молодежных симпатий и в международной помощи. Практически Америке обеспечены десятилетия сильнейшего воздействия на мир и на ход мировой эволюции.

Действуя в качестве прототипа экономики нового образца, США увеличивают мощь своей индустриальной поступи и военного могущества, что позволяет им сохранять глобальное влияние. Складывается впечатление, что умелая мобилизация американских ресурсов и ослабление потенциальных противников может обеспечить Соединенным Штатам положение лидирующей державы мира как минимум на 20 лет в будущем. Даже самые критичные аналитики (в данном случае Д. Риеф из Института мировой политики, Вашингтон) приходят к выводу о прочности обретенных Америкой позиций. Незачем ломать копыя: «В начале нового тысячелетия кажется очевидным, что ни одно государство и никакой союз государств не сможет в обозримом будущем посягать на гегемонию Соединенных Штатов — в традиционном понимании этого термина»⁵²¹. Такие исследовательские центры, как аналитическая служба влиятельнейшего британского журнала «Экономист», тиражируют свой вывод о обоснованности сомнений в дальнейшем бурном росте экономики США и соответствующего роста их могущества⁵²².

Итак, возможности налицо. Соответствуют ли им воля, национальная устремленность, чувство миссии в этом мире, массовое жертвенное восприятие этой особой ситуации не только элитой, но и собственно американским народом? Возникает вопрос об американских национальных приоритетах. Может ли единственная сверхдержава, обладающая феноменальными материальными возможностями, способная обойтись без помощи других стран, не воспользоваться предоставленной ей историей возможностью?

Едва ли. Сторонники, апологеты и вожди однополюсной гегемонии призывают американскую элиту воспользоваться редчайшим и бесценным историческим шансом. «Соединенные

Штаты совершенно явственно предпочли бы однополюсную систему, в которой они были бы гегемоном»⁵²³.

Мировая история подсказывает футурологии: Соединенные Штаты не преминут воспользоваться редчайшей исторической возможностью. В этом случае главной геополитической чертой мировой эволюции станет формирование *однополярной мировой структуры*. Америка прилагает (и будет в обозримом будущем прилагать) огромные усилия по консолидации своего главенствующего положения. С этим выводом согласны наблюдатели за пределами страны-гегемона, да и сами американские прогнозисты: «Соединенные Штаты сознательно встанут на путь империалистической политики, направленной на глобальную гегемонию. Они (США) умножат усилия, выделяя все более растущую долю ресурсов на амбициозные интервенции в мировом масштабе»⁵²⁴. Свернуть с этой дороги пока не сможет ни один ответственный американский политический деятель, любой президент должен будет опираться на массовое приятие страной своего положения и миссии. Уже сейчас высказывается твердое убеждение, что «еще не одно поколение американцев будет готово идти этой дорогой: тяжело отказываться от всемогущества»⁵²⁵.

Будет ли безусловный лидер стремиться к отчетливо заявленной *гегемонии*? Причиной *неприкрытого самоутверждения* мог бы быть некий внешний вызов (скажем, массовый всплеск международного терроризма). Катализатором демонстративного гегемонизма могли бы стать несколько интервенций типа афганской — если они будут краткосрочными, малокровными и успешными. В пользу своего рода институционализации гегемонизации могло бы действовать давление американских и транснациональных корпораций, банков и фондов на правительство США с целью получения доступа к новым инвестиционным рынкам, рынкам сбыта, источникам сырья; эти организации по своей природе стремятся расширить зону предсказуемости, зону упорядоченности прав собственности, стандартов оценки банкротства, разрешения конфликтов, унификации гражданских и профсоюзных прав, женского равноправия, демократии и защиты окружающей среды — готова тем самым благоприятную для контрольных позиций США почву.

Существуют внутри- и внешнегосударственные группы, выступающие против распространения наркотиков, терроризма, геноцида, преступлений против человечности и так далее. Эти группы оказывают давление на правительство США с целью активизации внешней политики, расширения зоны воздействия на законодательство иных стран с целью изменения их законов, конституций, правил поведения в соответствии с американскими стандартами⁵²⁶.

Учитывая все вышесказанное, мало оснований для сомнений в том, что США постараются воспользоваться исключительно благоприятными обстоятельствами для своеобразной формы контроля над труднопредсказуемым мировым развитием, который обеспечит Соединенным Штатам многие годы исключительных возможностей и прав — речь идет о 20-30 годах своего рода Pax Americana. Если США сохранят Организацию Североатлантического договора до 2050 г. (то есть блокируют военную самостоятельность Западной Европы), они останутся главной военной силой мира.

Продолжительность. В случае с американской гегемонией четыре фактора сыграют решающую роль: наличие ресурсов, твердость национальной воли, успешная стратегия и дипломатия, привлекательность своего общества.

Насколько долго продлится наступающий «американский век»? История говорит, что доминирование может быть продолжительным, гегемония может оказаться долговременной — о чем говорит история, скажем, Рима или Византии. Столетие длилось преобладание Британии. Причина исторической устойчивости «пирамид доминирования», полагает американец Д. Уилкинсон, в том, что «однополярность является внутренне стабильной и может длиться десятилетия. Однополюсная конфигурация обладает внутренними саморегулирующими факторами»⁵²⁷. Дисциплина, пусть даже навязанная, лучше хаоса. В однополюсном мире быстрее разрешаются возникающие конфликты, он внутренне эффективнее менее централизованных систем.

Австралийский политолог К. Белл предполагает, что гегемония Америки будет длиться как минимум еще сорок лет, а

может быть, и значительно дольше — многое будет зависеть от американской стратегии. Долговременная гегемония принесет революционные перемены в окружающий мир, она «внесет серьезные изменения в самые старые — в самые базовые нормы и соглашения, которыми долгое время руководствовалось сообщество государств»⁵²⁸.

Раз установившуюся, американскую гегемонию будет чрезвычайно трудно низвести с пьедестала в свете приверженности всего мирового авангарда — западных демократий — общим принципам открытости, взаимности, многосторонности, общим экономическим и политическим основам, общим институтам развитого индустриального мира. Для потенциального государства-противника становится все более сложным ввести в мировой обиход новую совокупность принципов. По мнению американского исследователя Р. Фалька, американская гегемония «становится в высшей степени институционализированной. Лишь крупномасштабная война или мировой экономический кризис могут нанести удар по американской гегемонии. Если даже большая коалиция государств выдвинет альтернативный тип порядка, для того, чтобы быть принятым, благо перемен должно быть слишком очевидным, а это трудно себе представить. Пока на горизонте нет достойных претендентов»⁵²⁹.

И они не скоро появятся — столь велико американское могущество. Реальностью современного мира является то, что лишь несколько крупных держав способны в будущем радикально воздействовать на международный мир, стабильность и процветание. Большинство из них пока либо дружественны Соединенным Штатам, либо испытывают ту или иную форму зависимости. Поразительным образом потенциальные противники крайне осторожны и не рискуют противопоставить себя американской мощи. Дж. Айкенбери: «Не видно признаков того, что некие страны приступают к фазе создания контрбаланса американской мощи»⁵³⁰.

В ходе дебатов в американской политологии выделились *четыре* подхода к реализации американской гегемонии в двадцать первом веке.

/ . *Гегемонистский реализм*. Если искать исторические истоки этого направления, то на ум приходит именно указанный столетней давности «универсализм» президента Теодора Рузвельта, давшего немеркнущую метафору о необходимости говорить мягко, неся большую дубину (1), и ожесточенный рейтингизм 1980-х годов (2). Такие идеологи консерватизма, как Р. Каган, считают, что *реализм мирового гегемона* должен идти не от идеалиста Вудро Вильсона, а от Теодора Рузвельта с его «практичным идеализмом, идеализмом без утопий, национализмом интернационального толка, вооруженным либерализмом»⁵³¹. Главное свойство современного варианта этой философии заключается в том, что «американские националисты предпочитают махать большой дубиной и делают это сами, не прячась за спины коалиции, действуют односторонне. Они полагают, что Соединенные Штаты несут особые обязательства по сохранению мирового геополитического и морального международного порядка, который они смело называют *просвещенной империей*»TM.

Консервативные политологи, в частности, группирующиеся вокруг журнала «Уикли стандарт», такие как У. Кристол и Р. Каган (занимавшие видные места в администрации Буша), напомнили читающей публике слова патриарха американского политического реализма Г. Моргентау о том, что «человеческая природа, из которой черпаются законы политики, не изменилась со времен классической философии Древних Китая, Индии и Греции, где были сформулированы эти законы». А если это утверждение справедливо, от современных государств не следует ожидать более разумного поведения, чем у их древних предшественников. У Америки не должно быть иллюзий относительно того, что борьба за влияние в мире перманентна и будет продолжаться. Сильнейшая держава современного мира должна постоянно думать о перспективах своей исторической эволюции, исходя из того, что международная политика всегда будет безжалостной битвой за доминирование.

А если мир всегда будет джунглями, где правила диктует сильнейший, то не следует предаваться розовым иллюзиям — напротив, необходимо крепить силовую базу могущества и, в условиях временного ослабления *всех* потенциальных конку-

рентов, определить правила международного порядка, благоприятные для гегемона. Исходя из этого постулата весьма влиятельная группа американских теоретиков, для которых достижение мировой гегемонии стало легитимной и вдохновляющей национальной целью, приняли вариант *гегемонистского реализма*. Суть этого подхода американских неоконсерваторов заключается в том, что «благожелательная глобальная гегемония» Соединенных Штатов должна основываться на растущем военном бюджете, на очищении внешней политики страны от беспочвенных иллюзий, на целенаправленной дипломатической деятельности, поддерживающей союзников и наказывающей (потенциальных) противников.

Согласно известному американскому специалисту Р. Такеру, «гегемонистическая мощь Америки определяет ее особую ответственность за мировой порядок, который может быть установлен только посредством инструментов американской мощи»⁵³³. Вышеупомянутый «Уикли стандарт» декретирует, что внешняя политика должна иметь «три основы — военную мощь, высокую мораль и господство... Соединенные Штаты достигли нынешнего силового могущества не посредством принципа «живи сам и давай жить другим», не пассивным ожиданием возникающих вдали угроз, а именно активным утверждением в мире американских принципов управления — демократии, свободного рынка, уважения к свободе». Энергичная внешняя политика, не исключая вторжений за пределами страны и интервенции, «породит,— утверждают сторонники этой школы,— уверенность в силе нашей воли, будет способствовать поддержке наших усилий внутри страны и за ее пределами»⁵³⁴.

В свете этого:

— США должны открыто стремиться к гегемонии — природа не терпит пустоты и, если миром будет управлять не Вашингтон, то центр мирового могущества просто сместится в другую столицу. Пусть лучше Америка управляет миром, чем некто другой в этом мире будет управлять Америкой.

-- Внутренне склонная к анархии, международная система нуждается в разумном контроле; США ныне — единственная страна, способная осуществлять этот контроль, альтернатива — хаос.

— США просто обязаны перед своим народом и историей преградить путь любому претенденту на мировое лидерство, лишить этих претендентов средств достижения гегемонии, ослабить их силовой потенциал.

— Возможно, никто не любит гегемона, но США будут более терпимым и гуманным гегемоном, чем кто-либо другой, более сдержанным, менее агрессивным, более склонным осуществлять гуманитарную опеку.

— Возникает шанс создания лучшего мира — на основе демократических ценностей и преимуществ рыночной экономики. Этот исторический шанс не должен быть упущен⁵³⁵.

Можно утверждать, что эти упорные интеллектуальные усилия с наибольшей силой сказались на воззрениях военного и разведывательного сообществ в США. В результате, возможно, наилучшим образом *гегемонистский реализм* характеризует увидевший свет в конце 1992 года меморандум Пентагона, который поставил задачу *«всеми силами противостоять стране или группе стран, препятствующих реализации американских интересов»*. Этот документ со всей прямотой призвал *«не только воспрепятствовать возникновению еще одной угрозы из Москвы, но сделать так, чтобы американские союзники, особенно Германия и Япония, остались в зависимом состоянии»*TM.

Нужно оговориться, что, смущенная откровенностью постановки вопроса, ушедшая с национальной арены в 1992 году администрация Буша постаралась представить меморандум американских военных как проходной рабочий документ. Возможно, это и так. Но идеи *воспользоваться историческим шансом* имеют не только отвлеченно-теоретическую, но и практическую сторону, говорящую о реальной значимости идей. А в этом — практическом отношении релевантность меморандума 1992 года очевидна. Официальный Вашингтон продолжает сохранять военные базы в 35 странах — прежде всего в Германии и Японии, — а с 1997 года начал увеличивать американский военный бюджет с низшей точки в 270 млрд. дол. до 376 млрд. дол. в 2003 финансовом году.

Развивая прежние постулаты, стратегическая мысль руководства вооруженных сил США продолжила движение в уже обозначенном направлении. К концу десятилетия в Пентагоне

был создан базирующийся на прежних идеях документ под названием «Совместное видение мира 2000», который ставит перед Соединенными Штатами грандиозную цель: «*Сохранить способность победить быстро и самым убедительным образом в ряде происходящих синхронно операций, или, другими словами, Сохранить Доминирование по Всему Спектру*»¹¹.

В начале третьего тысячелетия американская военная и политическая элита ставят перед собой задачу «достичь такого уровня абсолютного доминирования, когда Соединенные Штаты превзойдут всех противников уже одним лишь внушением ужаса перед американской мощью, делая тем самым непосредственное ведение войны ненужным. Доминирование, предусматриваемое «Совместным видением 2010», предполагает овладение могуществом, невиданным еще в истории человечества»⁵³⁸. Особое внимание в указанном документе сконцентрировано на угрозах, создаваемых глобализацией (американские военные говорят о них как об «асимметричных угрозах»), — терроризм, преступность, религиозный фанатизм, амбициозные политики тиранического типа, вожди анархии, возжелавшие власти и влияния ученые. Достижение доминирования в американском планировании не исключает даже угрозу использования оружия массового поражения.

В аналитической мысли *гегемонистских реалистов* указанные пентагоновские документы рассматриваются как программная ориентация курса США.

Вот как формулирует цели США в мире один из ведущих «практикующих» американских политологов, советница обеих Бушей (и специалист по России), идеолог республиканской администрации Дж. Буша-мл. К. Райе:

— обеспечить Америке способностью военными средствами предотвратить любой силовой конфликт, сделать американскую мощь готовой сражаться за свои интересы в том случае, если сдерживание не работает;

— расширить возможности экономического роста посредством снятия тарифных барьеров, распространения свободной торговли и стабилизации международной валютной системы;

— гарантировать прочные и тесные взаимоотношения с союзниками, которые разделяют американские ценности и готовы разделить экономическое бремя в достижении этих ценностей;

— сфокусировать американскую энергию на достижении выгодных всеобъемлющих отношений с крупными мировыми силами, особенно с Россией и Китаем, которые могут участвовать в определении характера будущего мирового политического расклада;

— решительно противодействовать государствам-париям и враждебным странам, представляющим растущую угрозу с точки зрения терроризма и вооружения средствами массового поражения⁵³⁹.

К. Райе полагает, что «военная готовность займет в будущем центральное место. Американские технологические преимущества должны быть использованы для построения сил, более легких в перемещениях и более смертоносных по своей огневой мощи, более мобильных и гибких, способных наносить удары точно и с большого расстояния»⁵⁴⁰.

Приверженцы *гегемонистического реализма* вынуждены признать, что в конечном счете многочисленные недовольные в мировом сообществе могут восстать против гегемона и — как учит история — лишить их мирового пьедестала. Но этот тяжелый миг следует отнести как можно далее в будущее, сколь бы дорогой ни была цена этого. Несколько десятков миллиардов долларов увеличенного военного бюджета — относительно малая цена за безопасность и преобладание.

Никто в администрации президентов Клинтона и Буша-мл. не дезавуировал столь грандиозные цели. В то же время конкурирующая республиканская партия в этом отношении разделяет убеждения демократических соперников. Республиканцы Р. Каган и У. Кристол: «Целью американской внешней политики является сохранение гегемонии так долго в будущем, насколько это возможно». Овладевшие в 2001 году Белым домом республиканцы сделали своим *кредо* именно эти идейные постулаты, ставшие наиболее релевантными после террористической атаки против Нью-Йорка и Вашингтона в сентябре 2001 г. Самый влиятельный американский внешнеполитический журнал «Форин Аффферс» задает читателям весной 2002 г. риторический вопрос: «Можно ли говорить о США как о неимпериалистической сверхдержаве?» И сам же отвечает: «Война с терроризмом фокусирует внимание на впавших в хаос государствах,

предоставивших убежище нигилистическим отщепенцам — от Судана и Афганистана до Сьерра-Леоне и Сомали. Когда возникают такие угрозы, у великих держав имеется готовое оружие: империализм»⁵⁴.

2. *Умеренный реализм.* Немалое число тех, кто в американской политической элите причисляет себя к реалистам, смущены прямым фактическим призывом править миром в условиях единовластной мировой гегемонии. Их не устраивает излишняя прямолинейность, их шокирует беспардонное самоутверждение, их пугает реакция других стран на неприкрытую мировую претензию. Подобная неосмотрительность, полагают реалисты-критики открытого гегемонизма, ослабит позиции США скорее всего. Реализм вовсе не равен прямолинейному движению собственным курсом. Требуется более тонкий подход.

Такие представители клинтоновского министерства обороны, как У. Перри, Дж. Най, А. Картер, призывали не забывать сути оборонных усилий Соединенных Штатов — защита Североамериканского континента (1) и Североатлантического региона (2). Им полностью вторит пришедшая к власти в 2001 г. «жесткая тройка» республиканцев вице-президент Чейни, министр обороны Рамсфелд и его заместитель Вулфовиц. Уход с центра на периферию, перенесение центра приложения усилий на дальние страны — в ущерб подлинно значимым — отвлечет критически важные ресурсы, завяжет Америку на решение второстепенных задач, подорвет моральные и физические ресурсы. Поэтому при выработке стратегии очень важно отделить первостепенные угрозы (и задачи) от второстепенных — действуя лишь таким образом, США могут сохранить необходимые им жизненные силы. Группа теоретиков и политиков, которых мы называем *умеренные реалисты*, выделяют три категории угроз:

— непосредственно угрозы американскому будущему. В указанном смысле речь может идти о грядущем вызове Китая, о «веймарском» синдроме России, о распространении оружия массового поражения в направлении «государств-париев»;

— региональные войны, прежде всего в Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии — от Ирака до Северной Кореи;

— важные международные проблемы, не затрагивающие собственно американских интересов (конфликты типа афганского, косовского, Босния, Руанда, Сомали, Гаити, Сьерра-Леоне).

Умеренные реалисты не верят в то, что в будущем рациональный и приемлемый для большинства мир возникнет благодаря распространению гуманитарных идеалов, принятию мировым сообществом общих ценностей, общего символа веры. В мире будущего по-прежнему будут править интересы, стремление к безопасности, правильная или ложная оценка ситуации. Мир будет оставаться местом разрешения споров, столкновения взаимоисключающих курсов, стремления вынести на внешнюю арену внутренние конфликты. В этой ситуации с точки зрения национальных интересов Америки было бы глубоко ошибочно становиться защитником мирового *статус-кво*, было бы неверно концентрироваться на конфликтах *третьей* категории — бесконечных локальных спорах с одновременным ослаблением интереса к проблемам *первой* группы. *Умеренные реалисты* указывают на строгую необходимость:

— обращения к внешнему миру, исходя из очередности приоритетов. В качестве иллюстрации можно указать, что представители этой школы поддерживали применение американской военной силы в Персидском заливе (ведь речь шла о стратегическом сырье), но не в необжитом Афганистане, Косове или забытой Богом Сьерра-Леоне;

— необходимой видится им выработка шкалы мер невоенного характера в разрешении неизбежных международных проблем. Экономическая помощь, вовлечение в торговый оборот, предоставление части американского рынка видятся ими столь же эффективными средствами манипуляции потенциальными партнерами, как и прямое силовое воздействие;

— очень важное положение этой школы заключается в признании ошибочности сугубо односторонней политики — в Этом случае потенциал США подвергнется ненужному напряжению. Американский шериф не должен быть одиночкой. Вместо проповедей среди неверующих, утверждает Р. Хаас из Брукингского института, Соединенные Штаты должны привлекать для поддержки своей политики союзников и нейтралов, создавать широкую коалицию своих помощников во всем мире, схожую с альянсом времен холодной войны⁵⁴².

Умеренные реалисты призывают отставить безоглядность и действовать исходя из шкалы собственных ценностей. У Со-

единенных Штатов в этом случае есть все шансы сохранить и внутренние силы и главенствующее положение в мире. «Если оставаться в пределах взглядов школы реальполитик,— пишет Э. Эбрамс,— просто невероятно представить себе будущее, в котором своими мощными дипломатическими усилиями Америка не смогла бы собрать силы в поддержку действий, которые она считает необходимыми для себя. Более того, наше военное доминирование делает любую международную интервенцию, осуществляемую вопреки нам, очень трудной и даже практически невозможной»⁵⁴³.

Это влиятельная школа со старой традицией, и ее влияние в будущем скорее всего будет весьма ощутимым.

3. *Гегемонистский либерализм*. Это направление включает в себя либералов, которые не хотели бы ассоциироваться с теориями жесткого реализма и силового удержания мирового баланса. Холодная, строго себялюбивая отстраненность во внешней политике для них неприемлема. Откровенная битва за эгоистически определенные национальные интересы им претит, равно как и циничный выбор важных и неважных регионов. Но *гегемонистские либералы* признают, что мир несовершенен, что на пути США могут встретиться опасные угрозы и, владея непревзойденной американской мощью, следует высоко держать знамя либеральных принципов и воспротивиться посягательствам на них преступных, безответственных режимов.

Америка могуча как никогда, она расходует на военные нужды на 20% больше всех своих европейских и азиатских партнеров и союзников вместе взятых. Если Соединенные Штаты не будут дисциплинировать мир, тогда зачем они расходуют так много средств на военные нужды? И нетрудно представить, как быстро упадет авторитет Америки, если она не будет наказывать буянов.

При этом не следует преувеличивать тягот лидерства. Либералы этого направления признают сложные реалии современной жизни, но верят в способность Америки справиться с этими проблемами без *одиозного* насилия. В конечном счете, кто может бросить вызов Америке? Китай с его 19 стратегическими ядерными боеголовками и техникой уровня 50-х годов? Теряющая свою мощь Россия, чье военное производство ныне

составляет менее 15% от уровня 1991 года? КНДР, Иран, Ирак, Сирия, Куба, чей совокупный военный бюджет не составляет и 2% американского, чья экономика в руинах, чей жизненный уровень падает?

Издатель журнала «Ньюсуик» М. Элиот отмечает: «Прежнее определение национального интереса не указывает на то, за что стоило бы сражаться сейчас по той причине, что в современном мире *не существует* подлинной угрозы развитым демократиям. Какие бы войны ни вела Америка в XXI веке, можно с определенностью сказать, что ни одна из них не будет напоминать Вторую мировую войну. Но многие грядущие войны будут напоминать косовский конфликт»⁵⁴⁴. Поэтому не следует драматизировать события и воспринимать каждое несогласное с американским выступление за угрозу национальному существованию страны. А следует градуировать угрозы демократии и свободному рынку, следует помимо страшного ядерного меча иметь достаточно гибкие конвенциональные рычаги, с тем чтобы не завывать планку очередного конфликта.

Рассуждая в том же духе, заместитель главного редактора журнала «Уорлд полней джорнэл» Д. Риефф предлагает использовать военное превосходство Америки не для жесткого утверждения гегемонии (так остро воспринимаемой Китаем, Россией, Японией, Германией), а для наведения порядка в нецивилизованных углах, вроде Руанды и Сьерра-Леоне. Америка должна помогать там, где менее мощные державы отстают, где она может показать пример гуманного поведения, более цивилизованного морального стандарта. «Америка — это взрослый, оказавшийся на школьной игровой площадке, где жестокие подростки избивают беззащитных детей. Не имеет ли взрослый морального обязательства остановить злоупотребление силой?»⁵⁴⁵

Сторонники этой точки зрения уверены, что устаревшие ооновские запреты можно нарушать ради торжества действительного гуманизма и мирового порядка. И Америка наступившего века будет проводником этих принципов. Силой, если понадобится.

Данное направление обрело значительный вес среди американских либералов, среди влиятельных политиков, связан-

ных с международным бизнесом классом менеджеров, среди влиятельных журналистов, в среде политологов, стремящихся избежать выхода Америки на ненужную прямолинейность и агрессивность.

4. *Новые либеральные интернационалисты.* Они более осторожны в отношении способов реализации либерального гегемонизма. Их теоретические построения базируются на тезисе, что демократические государства значительно реже вступают в конфликты между собой, чем автократические и нелиберальные государства (особенно активен в отстаивании этого тезиса американец М. Дойл). Отсюда задача Соединенных Штатов: посредством свободной торговли и открытого рынка способствовать формированию среднего класса, который является движущей силой демократических преобразований. США должны не озира́ться в поисках возможного соперника, а укреплять в мире идеологию, автоматически делающую Америку лидером.

Как пишет Фред Бергстен, *«Соединенные Штаты должны либо приспособиться к новым условиям, либо вести длительные арьергардные действия, все более дорогостоящие и бессмысленные — подобные тем, которые осуществляла Британия на протяжении десятилетий после того, как их лидерство было поколеблено»^{5^}.*

В воззрениях сторонников этого подхода слышны отголоски движения за вильсоновскую Лигу Наций и рузвельтовских мечтаний об ООН как ответе на насилие в мире, которое, с точки зрения *либеральных националистов*, уже не может никому принести позитивных результатов. Процесс глобализации делает войны бессмысленными и уж никак не прибыльными для все большего числа стран. «В начавшийся после окончания холодной войны период, — пишет Ч.-У. Мейнс, — завоевания не могут принести с собой обогащения; напротив, они влекут за собой лишь огромные расходы. И нельзя заставить завоеванные народы согласиться со своей участью — они будут сражаться вплоть до своего освобождения... Германия, например, не стала бы богаче и влиятельнее, если бы снова попыталась захватить часть территории своих соседей»⁵⁴⁷.

Сторонники либерального мирового порядка полагают, что новые угрозы безопасности в мире являются общими для всего

земного населения. Свободная мировая торговля будет благом для всех. И напротив: загрязнение атмосферы или всеобщее потепление климата будут общей бедой.

Обращаясь к проблеме гегемонии, сторонники *либерального мирового порядка* предпочли бы, чтобы США увеличивали не свой военный бюджет, а помощь нуждающимся, финансирование международного сотрудничества и охраны окружающей среды, увеличивали бы помощь входящим в мировой рынок странам. Либеральные интернационалисты считают, что Америка *морально* обязана взять на себя ответственность за мировой порядок. В США это видится многими как осуществление национальной судьбы, как продолжение моральных обязательств нации. Как страна, более других заинтересованная в сохранении статус-кво, Америка всегда выиграет от введения и укрепления общих правил игры, общих сдерживающих механизмов. Успешное международное сотрудничество *по правилам*, а не самостоятельное плавание в бурном море меняющейся мировой политики, могло бы обеспечить долговременность особого положения Америки в мире.

Такие теоретики, как Ч. Капчен из Совета по международным отношениям, утверждают, что в высших интересах Америки было бы *заранее* приготовиться к спуску с вершины. Было бы гораздо мудрее и безопаснее идти впереди «кривой линии истории», заранее создавая более безопасную комбинацию международных сил, чем однажды найти себя неспособным ответить на новые вызовы мировой эволюции. «Возникающая новая система потребует для своего создания еще одно или два десятилетия. Но курс Вашингтона может уже сейчас стать определяющим обстоятельством — возникнет ли многополярная система мирно или ворвется с соперничеством, которое так часто приводило в прошлом к войнам великих держав»⁵⁴⁸.

Обобщая рассмотрение четырех вышеуказанных направлений, следует отметить, что во всем спектре американских идеологических направлений происходит заметный отход от символа веры предшествующего поколения — безусловного уважения международных установлений и законов. Еще совсем недавно, в 1986 году, совершенно революционно и почти маргинально звучали мысли Ч. Краутхаммера о том, что

«уважение суверенитета не является моральным императивом» и что «существуют ценности, ради достижения которых возможно ограничение суверенитета отдельных стран»⁵⁴⁹. После Косова и натовских доктринальных изменений эти мысли уже не смотрятся еретически-революционными. «Сегодня мысли Краутхаммера,— пишет американский исследователь Фарид Закария,— кажутся самоочевидными, почти банальными»⁵⁵⁰. Такая «революция в мышлении» не может не породить внешний отклик.

То, к какому выводу придет Америка в результате этих дебатов, обострившихся после актов террора сентября 2001 г., будет одним из самых важных обстоятельств, определяющих наступающий век. Скорее всего, на вопрос о форме, пределах и функциях *гегемонии* не будет дан кристально ясный ответ. Но большинство человечества на себе ощутит этот ответ. И трудно представить себе, что по зрелому размышлению Америка отвернется от мира. Реалистичнее предположить противоположное. Большинство американских идеологов соглашались в том, что «в грядущие десятилетия соблазн и видимая полезность американского вмешательства в международные дела окажутся неукротимыми... Если теория гуманитарного вмешательства является продуктом двадцатого века, то уникальные обстоятельства начала двадцать первого века дадут многочисленные основания для практического приложения этих теорий»⁵⁵¹.

Выступая перед Советом по международным отношениям (Нью-Йорк) в 1998 году, президент Клинтон заявил о необходимости выработки нового курса на глобальной арене с целью закрепления глобальных американских позиций, основываясь при этом на либеральных ценностях и приверженности Америки интернационализму. В ходе слушаний в сенатском комитете по международным делам тогдашний кандидат в государственные секретари М. Олбрайт так определила свое видение американской стратегии в мире: «Мы должны быть больше, чем просто мировая аудитория, больше, чем просто действующие лица, мы должны быть творцами мировой истории нашего времени. Американская мощь будет задействована для того, чтобы решающим образом воздействовать на пятьдесят процентов истории и законов нашего времени»⁵⁵². Американскому избирателю дали

понять, что уход коммунизма в историю, всеобщее торжество рыночных отношений и идей демократического устройства вовсе не означают окончание глобальной вахты США — напротив, новое время знаменует собой фантастические возможности для единственной сверхдержавы, обещает ей исторический бросок в будущее.

В общем и целом идеологи дипломатического курса Дж. Буша-мл. вырабатывали его в русле скорее *либерально-интервенционистского подхода*, хотя и со значительными оговорками. Идеологи XXI столетия сделали жесткий вывод из актов громкого терроризма: «Опыт показывает, что выбор неимпериалистического подхода *ненадежен*»⁵⁵³.

Почему согласится мир. По мнению идеологов *гипердержавы* (термин, применяемый французами), мир согласится на американскую гегемонию по нескольким причинам.

Во-первых, потому что ей нет альтернативы. Как формулирует американский исследователь Ч. Краутхаммер, «альтернативой однополярности является вовсе не стабильный, статичный многополярный мир. Мы живем не в восемнадцатом веке, где зрелые державы, такие как Европа, Россия, Китай, Америка и Япония, играют в великую игру наций. Альтернативой однополярности является хаос»⁵⁵⁴. Идеиные адепты гегемонии США уверены в том, что внешний мир будет вынужден признать благо централизованной мировой структуры, поскольку, как формулируют американцы Р. Каган и У. Кристол, «американская гегемония является единственной надежной защитой против краха мира и международного порядка»⁵⁵⁵.

Так думают и некоторые американские союзники. Австралиец К. Белл указывает, что «главным достоинством однополярности является предотвращение ведения войны сразу на нескольких уровнях. На широчайшем уровне (война за гегемонию, война как Армагеддон или то, что Сэм Хантингтон называет «войны цивилизаций») огромное преобладание мощи на стороне держав статус-кво эффективно предотвращает вызов любого рационально настроенного политика. На локальном уровне та же колоссальное преобладание будет удерживать готовую к насилию сторону — как лидеров этих стран, так и об-

шественность. Конечно, всегда останутся вожди типа Саддама Хусейна, готовые «попробовать» свою силу на локальном уровне, останутся страны, подобные Индии и Пакистану, — слишком большие, чтобы подвергать их давлению. Тем не менее реальность начала войны в однополярном мире меньше, чем в биполярном и многополярном»⁵⁵⁶. Однополярность, с точки зрения ее апологетов, способствует выработке общепонятных норм и правил.

Во-вторых, мир согласится на американское всемогущество и гегемонию не только в свете их неимитируемой мощи, но и ввиду относительной *сдержанности* Соединенных Штатов, стремящихся в общем и целом не злоупотреблять своим могуществом. Америка как бы следует совету К. Уолтса: «Умелая внешняя политика передовой страны требует достижения успехов без провоцирования ожесточения других государств, без запугивания их»⁵⁵⁷. Сила Америки помимо прочего в том, что она сумела *не антагонизировать* главных потенциальных соперников, проявить благожелательность, продемонстрировать открытый характер американских политических институтов, чувствительность к интересам других государств. В Вашингтоне как бы осознали, что неограниченная настойчивость может заставить потенциальных противников США объединить усилия: не коварный внешний мир, а ошибки самой Америки, если она ожесточится, могут подорвать основания американского главенства.

В-третьих, противостояние с Америкой попросту опасно и пока малоперспективно. «Ни одна из крупных держав не берется сегодня расходувать средства с целью противопоставления себя Соединенным Штатам. Более того, большинство среди них стремится присоединиться к лидеру. Даже если это ограничивает их возможности... Один лишь взгляд на современное распределение мощи в мире не оставляет им реалистических надежд на противостояние Соединенным Штатам»⁵⁵⁸.

В-четвертых, на геополитическом горизонте не видно непосредственной угрозы уникальному положению США. В теории существуют три пути «низвержения» гегемонии: *возникновение контрбаланса в лице коалиции конкурирующих государств; региональная интеграция; резкий рост мощи одного из*

противостоящих центров. Но на ближайшее будущее чрезвычайно малореалистично предположить, что хотя бы один из этих способов обретет черты актуальности. Рассмотрим эти угрозы однополярному миру.

1. Создание противостоящей доминирующему центру коалиции — довольно сложный процесс. Сплотить коалицию, способную сконцентрировать силовые возможности, равные, как минимум, 50% мощи гегемона, весьма непросто. Исторически союзы консолидируют совокупную мощь за счет отказа от части собственных суверенных прав, а это всегда болезненно и на ближайшие годы малоактуально. «История международных отношений показывает, как сложно координировать союзы, направленные против гегемонии. Государства склонны к сохранению свободы своего поведения, к распоряжению своими ресурсами... Государства боятся быть покинутыми своими партнерами, боятся быть вовлеченными в конфликт своими партнерами... Государства неэффективны в слиянии своих сил и это более всего сохраняет однополюсную систему»⁵⁵⁹.

Все прежние коалиции — против Франции в XVII—XVIII вв., против Германии в XX в. и др. — создавались против очевидной угрозы соседям, в условиях локальной ограниченности этой угрозы, путем нахождения обеспокоенных соседей, расположенных в уязвимой близости к нарушающей баланс державе. Гораздо труднее создать союз против омываемых (и охраняемых) океанами Соединенных Штатов, отдаленных, имеющих военные анклавы повсюду в мире и мощных союзников. США готовы расколоть любую складывающуюся коалицию, они всегда постараются поддержать противостоящие складывающемуся союзу страны (как, скажем, они поддержали КНР против СССР в годы холодной войны).

2. Противостояние Соединенным Штатам могло бы осуществиться на основе сближения конкурентов в экономической и, особенно, в военной сфере в случае подлинной интеграции Европы, Центральной Евразии или сближения двух восточно-азиатских гигантов — трех регионов, где интеграционный процесс наиболее многообещающ (ЕС), либо имеет шанс для своего воплощения в реальность (наследие России), либо его можно представить умозрительно (сближение Китая с Японией). Но

на пути этого превращения стоят труднопреодолимые национальные эгоизмы. Представить себе отказ Франции и Британии от собственного владения ядерным арсеналом и предоставление ими доли контроля над ним Германии — весьма трудно. Еще более трудно представить себе восстановление центральноевразийского полюса. «Россия продолжает падение. Государства не поднимаются быстро после такого падения, которое случилось с Россией. Для восстановления статуса международного полюса притяжения России понадобится еще одно поколение — даже если ей повезет. Для быстрого создания азиатского полюса необходимо слияние возможностей Японии и Китая. Как и в случае с Европой и Центральной Евразией, очень многое должно случиться, чтобы Токио и Пекин оказались готовыми поделиться суверенитетом друг с другом»⁵⁶⁰. Итак, представить себе быстрое создание центров-противовесов ныне весьма сложно.

3. *Возвышение над соседями Германии, России, Китая и Японии* так или иначе тоже означало бы собирание сил Европы, Центральной Евразии или Восточной Азии. Но прежде всего это означало бы контролирующее возвышение главенствующей в своем регионе державы. Выше мы уже касались сложностей на пути возвышения каждого из этих претендентов, если они поставят цель ограничить всевластие США. Напомним еще раз, что Япония остановила свой экономический быстрый бег довольно неожиданно в 1990 г. Германия окружена настороженными соседями, а на ее территории базируется американский воинский контингент — все это препятствует неожиданному броску.

Китаю еще предстоит осуществить огромный военный и экономический рост и реализовать качественное возвышение, *преодолевая огромные трудности* и множество барьеров. Речь идет как минимум о трех десятилетиях. Многие специалисты разделяют мнение 36. Бжезинского: «Нет никакой уверенности в том, что взрывной рост Китая продержится в следующие два десятилетия. Продолжение современного темпа развития потребовало бы невероятно благоприятного стечения обстоятельств — успешного политического руководства, политического спокойствия, социальной дисциплины, высокого уровня

сбережений, обильных зарубежных инвестиций и региональной стабильности. Долгосрочное наличие всех этих компонентов маловероятно»⁵⁶¹. Следует учитывать при этом, что и США не будут стоять на месте.

Таким образом, уникальное стечение обстоятельств налицо. Противостояние Соединенным Штатам в ближайшие годы могло бы осуществиться лишь в случае фантастически безответственного поведения Вашингтона, неожиданного ослабления американской мощи или паралича национальной воли.

Американская гегемония извне. И все же, при любой степени благожелательности лидирующей страны, само понятие «гегемонизм» порождает у внешнего мира протест. Как формулируют политологи, «для того чтобы быть успешной, любая политическая доктрина должна быть привлекательной для самых различных аудиторий — не только внутри страны. Гегемония не выдерживает этого теста»⁵⁶². Даже сами американцы, отдавая дань реализму, признают, что «момент однополюсное™, который так восхищает американцев, кажется, вызывает радость далеко не всюду. Большинство главных стран мира — даже наши друзья — сделали главной темой своей внешней политики создание противовеса американскому могуществу»⁵⁶³. А если так, то важно определить характер восприятия страны во внешнем мире. Напомним, что доля американского населения — меньше пяти процентов в общемировом населении. Для укрепления уникального положения США необходима та или иная степень молчаливого согласия окружающего мира. Как этот мир смотрит на фантастический подъем Америки? Окружающий мир на природу американского первенства смотрит с четырех точек зрения.

1. ***США как краеугольный камень мирового порядка.*** **Что** бы там ни говорили, Америка остается единственным подлинным основанием пусть несовершенного, но все же функционирующего мирового порядка. Только США могут гарантировать сохранение основных параметров статус-кво, могут решающим образом влиять на организации типа Международного валютного фонда. Только США могут осуществлять маневры своих вооруженных сил в глобальном масштабе. Вашингтон не нуж-

дается в некоем зафиксированном кодексе поведения типа Стратегической концепции, принятой странами НАТО. «Европейцы достаточно хорошо знают, что мир будет гораздо более опасным местом, если у США не будет двусторонних и многосторонних союзнических обязательств, а также военных средств для поддержания этого порядка»⁵⁶⁴. Меньше, чем западноевропейцы, верят во всемогущую стабилизирующую руку Америки азиатские союзники Соединенных Штатов. И все же многие из них полагают, что США могут и в дальнейшем играть свою роль колоссального буфера, разделяющего между собой Китай, Тайвань, Японию и Корею.

2. *Благожелательный лидер.* Возможно, убедительнее многих представил такое видение Америки политолог М. Мандельбаум: «Вообразите себе 400-килограммовую гориллу, думающую лишь о своих бананах, а все вокруг смотрят на нее»⁵⁶⁵. США — единственная сверхдержава мира, у нее нет настоящего соперника. Она обладает бесподобной военной мощью, главенствует в самых мощных военных союзах, доминирует в информации. Мир не может игнорировать ее, но США фокусируют свое внимание на собственных внутренних делах. Скорее сильная, чем brutальная; скорее простодушная и, возможно, наивная, чем злостная или злонамеренная, — таковы грани подобной оценки. Даже оценка Соединенных Штатов Америки французским министром иностранных дел Ведрином как «гипердержавы» не содержит уничижительного оттенка, не предполагает неких злых мотивов в их поведении. В его оценке только намек: «Разве США не слишком велики для того, чтобы быть справедливыми и не следовать только собственным интересам?»

3. *Счастливый своими полномочиями шериф.* США откровенно указывают на свою превосходящую военную силу как на инструмент своей внешней политики, во многом игнорируя веками выработанные методы дипломатии⁵⁶⁶. Обращение к вооруженной силе в странах, столь различных, как Афганистан, Панама, Сомали, Гаити, Босния, Сербия, Ирак, позволяет говорить о новой «дипломатии канонеров». Очевидна при этом тяга к односторонности в принятии практических решений. Такие регионы, как, скажем, арабский мир, без всякого энтузиазма

восприняли полицейские меры против Афганистана. Они почувствовали, что происходящее в горах Гиндукуша или Тора-Бора может оказаться и их судьбой.

Все это объективно подстегивает тягу ряда режимов к обретению оружия, которое исключило бы югославский вариант. «Косово на протяжении двух месяцев бомбардировок демонстрировало, до каких пределов могут дойти Соединенные Штаты в некоторых типах кризисов, — пишет бывший директор лондонского Международного института стратегических исследований. — Наблюдая за превосходящей все возможное американской военно-воздушной силой, страны типа Ирана приходят к выводу о необходимости избежать ошибки Ирака — действовать агрессивно, имея при этом в своем распоряжении надежные ядерные силы, которые сдерживали бы Соединенные Штаты... При этом США могут уничтожить фармацевтическую фабрику в Хартуме и китайское посольство в Белграде — ошутима удивительная легкость ошибочной калькуляции. В нейтральных странах испытывают страх в отношении того, что Вашингтон может допустить непоправимую ошибку, действуя против Северной Кореи или — что гораздо более значимо — против Китая. Никто не знает, как далеко могут зайти США в своей защите Тайваня.

Критики Соединенных Штатов указывают на то, что Вашингтон все реже употребляет экономический рычаг, полагаясь в возрастающей степени на голую силу. Американская внешнеэкономическая помощь с годами постоянно уменьшается, составляя в начале XXI века лишь *четверть* внешней помощи, предоставляемой внешнему миру Европейским союзом. В Вашингтоне постоянно говорят о непопулярности в американском обществе оказания помощи другим странам. Но в американской столице никто, собственно, не приложил сил, чтобы сделать эту помощь популярной среди американцев. Мировой шериф оказался очень скупым. После бомбардировки Косова группа югославских экономистов задала вопрос: «Имела бы место дезинтеграция прежней Югославии и ужасные межэтнические войны, если бы последний премьер-министр единой Югославии Анте Маркович (в 1991 году. — А. У.) получил от Запада запрашиваемый кредит в 4 млрд. дол.»⁵⁶⁷

4. Грубое, идущее своим собственным путем государство.

Представление о том, что Соединенные Штаты грубо ломают более или менее установившийся порядок и поэтому являются противниками *статус-кво*, имеет немало приверженцев. Ясно, что Вашингтон никогда не подчинится Совету Безопасности ООН. Это особенно ощущают боящиеся американского всемогущества государства, прежде всего Россия и Китай. То, как все более проявляющий свою исключительность лидер ломает статус-кво, впечатляет многих:

— противопоставление Японии Китаю в качестве противовеса;

— принятие на вооружение такой стратегии военного сдерживания на Ближнем и Среднем Востоке, которая предопределяет враждебность двух наиболее мощных арабских стран региона при одновременной поддержке ряда слабых государств-клиентов, чье внутреннее состояние близится к революционному взрыву;

— активное соперничество с Россией в Средней Азии и в Закавказье;

— продолжение укрепления американских вооруженных сил с особым акцентом на воинских частях, способных быть использованными в отдельных районах;

— воинственная риторика в отношении режима нераспространения оружия массового поражения — отказ американского сената ратифицировать договор о полном и всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия,

— применение бомбардировок против суверенных государств без мандата ООН;

— нападение на страну, которая сама не совершила агрессии в отношении соседей (Югославия), что подрывает саму идею суверенности государств, — революционная мера в отношении сложившейся мировой системы;

— «даже благожелательный в отношении США российский наблюдатель не сможет найти успокаивающей рациональности в американской политике в каспийском регионе, арене легитимных территориальных, экономических интересов, интересов безопасности региона, включая Россию. Более подозрительно настроенные русские могут найти такую политику недопустимой»⁵⁶⁸;

— американцы не желают поставить себя в положение хотя бы частично ущемленной суверенности — американцы категорически противятся созданию Международного уголовного суда, под чью юрисдикцию они бы попадали; одновременно, проводя политику глобализации, США принуждают другие страны крушить основные традиции своего существования;

— в отношении проблемы гражданских прав США как бы создали две зоны. В пределах первой (большинство мирового населения) они выступают жесткими судьями. В пределах второй (от Турции до Индии) они не придают подобным нарушениям абсолютного, категорического значения — вполне очевидная политика двойных стандартов.

Ощущающие опасения страны видят не «невольное» вмешательство США, а сознательное и целенаправленное вмешательство, дерзкую целенаправленную политику.

Вышеуказанные типы восприятия Америки (прежде всего в ракурсе ее роли в международном сообществе) не могут быть статичными в век постоянных динамичных перемен. Они могут угаснуть в случае проявлений американской дружелюбности. Но они могут стать растущим феноменом, если, скажем, сенат США по-прежнему будет отвергать Договор о всеобщем запрете на испытания ядерного оружия во всех средах, стараясь одновременно, грубо нарушая прежние договоренности, реализовать национальную систему противоракетной обороны.

Препятствием может быть только резкое изменение внутривнутриполитической ситуации в США, когда в обществе и во власти возобладают пацифистские настроения европейского типа или расходы окажутся неподъемными даже для гигантской экономики США.

Кто сможет нагнать? Европейские страны едва ли начнут гонку за Америкой. Они — в первую очередь Великобритания, а также Австралия, Япония и Израиль — получают часть американской военной технологии. Британская армия останется средством усиления ВС США. Страны континентальной Европы, впавшие в глубочайший пацифизм, более не рассматривают возможности участия в классических войнах. Их армии

превращаются в глобальные МЧС с полицейскими функциями. Угнаться за Америкой попытаются Китай и Индия. Причем Индия не будет видеть в Америке противника, но постарается быть «на уровне» с целью повышения своего престижа, а также обеспечения возможности доминировать в Индийском океане и успешно противостоять Китаю.

Китай постарается соперничать с Америкой по-настоящему. Страны «третьего мира» не будут даже рассматривать возможность военного противостояния с США, их ВС станут смесью классических армий и полицейских формирований для локальных разборок внешнего и внутреннего характера. При этом серьезной альтернативой регулярным ВС станут разного рода партизанские и террористические формирования. Наиболее яркий пример — война на территории бывшего Заира (ныне — Демократическая республика Конго), в которой участвовало несколько регулярных армий соседних стран и множество местных и иностранных иррегулярных формирований. Несколько стран, видимо, будут иметь достаточно сильные классические армии, возможно, с элементами высоких технологий. Кроме Израиля это могут быть Турция, Египет, Саудовская Аравия, Сирия, Иран, Пакистан, Таиланд, Малайзия, Вьетнам, Республика Корея, Бразилия, Аргентина. Большинство из них будет играть чисто региональную роль.

При этом надо учитывать, что уровень боевой подготовки ближневосточных армий традиционно невысок в силу причин социокультурного характера. Поэтому главным «полюсом силы», наряду с США, станет Южная и Восточная Азия. Именно здесь будут сосредоточены самые мощные армии XXI века. И именно США и Азия сформируют новые военные традиции, лишив Европу многовековой монополии на них.

Слабые стороны американской армии. И все же. Авторитетный в США Центр стратегических и бюджетных оценок, куда Конгресс США ежегодно направляет проект военного бюджета, получил от Пентагона заказ на исследование состояния войск в Ираке (под названием «Тонкая зеленая линия»). Основной вывод доклада американского Центра стратегических и бюджетных оценок оказался поразительно самокритич-

ным. «Уровень стресса и напряжения среди личного состава достиг критической черты. Солдаты и офицеры воюют из последних сил. Еще несколько месяцев — и военный контингент США в Ираке перестанет существовать как организованная структура. Мы не сможем подавить вооруженное сопротивление как минимум в ближайшие год-два. А с каждым новым днем войны число желающих служить в армии будет сокращаться. Если не предпринять срочных мер, мы можем столкнуться с тем, что боеготовность упадет до опасного уровня не только в Ираке, но и во всех ВС США в целом. Напряжение в рядах армии и в КМП достигло высокого уровня и продолжает расти. Это ставит под угрозу сам принцип формирования ВС на добровольной основе»⁵⁶⁹.

Мотивация наемника, идущего служить не за идею, а за деньги и льготы, не подразумевает участия в войне, на которой убивают. Ведь деньги в гроб не положишь. Разумеется, есть люди, которые считают военное дело своим призванием. Это офицеры и профессиональные наемники, «псы войны». Однако ни из тех ни из других полноценную армию составить нельзя. Вернуть всеобщий призыв американское руководство не может по политическим соображениям. Более того, это, пожалуй, уже не спасет. Об отправке призывников в Ирак не может быть и речи, но даже если пойти на паллиативный вариант — оставлять призывников служить в самих Штатах и Европе, а высвободившихся контрактников слать в Ирак — проблема с нехваткой контрактников никуда не денется. Они все равно не захотят умирать за деньги. Америка оказывается перед выбором — либо полностью отказываться от возможности силовых акций за рубежом, либо развивать технику, обеспечивая себе возможность воевать без потерь⁵⁷⁰. На смену недавно изжитому вьетнамскому синдрому, безусловно, придет иракский, поэтому в ближайшем будущем проведение крупномасштабных операций иракского типа представляется для США *невозможным*. При этом в новейшие технологии будут вкладываться огромные деньги.

Существуют тенденции, в том числе драматические изменения в системе союзов и взаимоотношений с Европой и Азией, служившей фундаментом американской мощи в период после Второй мировой войны. Функции важнейшего европейского

института все в большей степени станет исполнять не НАТО, а ЕС, и, скорее всего, именно его европейцы сделают своим инструментом на мировой арене. Взаимоотношения США с Азией, возможно, будут представлять для Вашингтона более серьезную проблему вследствие огромных изменений, вызванных появлением двух новых мировых экономических и политических гигантов, еще не полностью вписавшихся в международную систему. Куда приведут отношения США с Азией, еще в большей степени зависит не от действий Вашингтона, а от тех решений, к которым азиаты придут в своем кругу. Можно представить целый спектр возможностей — от усиления роли США как посредника между соперничающими силами до утраты Вашингтоном своего влияния. С расширением мировой торговой сети американская экономика окажется более зависимой от других экономик. Зависимость Америки от зарубежных поставок нефти также повышает ее уязвимость в условиях ужесточения борьбы за гарантированный доступ к энергоносителям и повышения возможности политических катаклизмов в странах-поставщиках⁵⁷¹.

Итак, со временем американское всемогущество обнаружит свои пределы. У Америки появятся другие заботы.

Идентичность. Национальные интересы любой страны вытекают из ее национальной идентичности. Прежде чем определить свои интересы, каждая страна, так или иначе, определяет, какова ее идентичность, «кто она такая». Падение блоковых барьеров в конце XX века и ускорившаяся экономическая глобализация остро поставила вопрос об идентичности отдельно взятых народов. Характер отдельных наций начал претерпевать быстрые изменения. (Это касается и России, и многих других стран).

Но особое внимание неизбежно обращено к кризису идентичности гегемона современного мира — Соединенных Штатов Америки, поскольку формирование новой американской идентичности непосредственно воздействует на основные международные процессы. От выбора типа идентичности зависит многое. В частности — характер будущей внешней политики Соединенных Штатов, которая после окончания «холодной

войны» пришла в своего рода смятение, с трудом нащупывая методы реакции на быстро меняющийся мир XXI века.

Пять типов идентичности. Разнообразие и особенность Америки не должны ставить в тупик. Четыре элемента исторически *определяют* идентичность нации прежде всего: раса, этническая принадлежность, культура (язык и религия в первую очередь) и идеология. Все четыре элемента сохраняют стабильность в условиях постепенного длительного развития и определенной обособленности национального развития. Исходя из определяющего характера указанных элементов, следует твердо сказать, что Америка в течение первого столетия своего независимого существования справедливо воспринималась как *продолжение Британии*. Америка делила с ней единство по расе, религии, этничности, ценностям, культуре, богатству, политической традиции. В начале XXI в. Америка как бы встала на развилке пяти дорог, выбирая между различными типами идентичности.

1. Соединенные Штаты — «*универсальная нация*», основанная на ценностях, близких всему человечеству, на принципах, понятных всем народам. Многие из «отцов-основателей» именно так смотрели на создаваемую ими страну: Америка — это мировой авангард, опробывающий социальные и материальные схемы, чтобы затем передать их менее счастливой части человечества. В Америке собрались наиболее энергичные представители *всех* государств планеты, она отстаивает общечеловеческие ценности. Если Америка принадлежит к *первому* типу и ее идентичность являет собой универсальные принципы свободы и демократии, тогда не следует подчеркивать узкую «американскость» — Соединенные Штаты — это лаборатория всего мира. Целью американской внешней политики должно быть глобальное распространение принципов свободного волеизъявления и свободного рынка.

2. Соединенные Штаты — *западная* нация, чья идентичность определяется европейскими корнями, наследием европейских институтов и истории, начиная от самоуправления англов и саксов в темных германских лесах. Если Америка относится ко *второму* типу — она являет собой одну из западных

стран; европейское культурное наследие является основой ее «геополитически-генетического» кода, а ее принципы и идентификационные корни принадлежат *не всему миру, а Западу*. Если США — прежде всего лидер западных стран, то основополагающим принципом Вашингтона должно быть укрепление западной солидарности всеми возможными способами. США обязаны в этом случае безусловно считаться с европейскими политическими, экономическими и демографическими интересами. Цель Америки в этом случае — сохранение, прежде всего, Североатлантического союза и обращение к остальному миру от лица своего североатлантического региона, своей западной цивилизации.

3. Америка — *уникальная* нация, исключительная по своей истории и особенностям, созданная в особых, неповторимых, неимитируемых условиях североамериканской изоляции и реализации на практике блестящих идей европейского Просвещения. Сторонники этой точки зрения утверждают, что Америку, собственно, породили три — но всеобщих — начала: англосаксонское понимание свободы; европейская Реформация и *siècle de lumière*, век Просвещения. Вольнолюбивые бритты принесли идею парламента, народовластия. Протестантское происхождение сделало Америку непохожей ни на одну другую протестантской нацией. Блестящая плеяда вокруг Джефферсона и Мэдисона на практике реализовала то, о чем мечтали Локк и Монтескье. Америка — это прежде всего «фрагмент Просвещения», своего рода воплощение идей Джона Локка⁵⁷².

4. Америка — это то, во что ее превращает масса наиболее влиятельных и активных на данный момент поселенцев-иммигрантов. Когда-то на побережье открытого континента Северной Америки устремлялись голландцы и шведы, им на смену твердо пришли французы и англичане; затем вздыбился поток ирландцев, немцев, итальянцев. За ними последовали жители Восточной Европы. При таком определении идентичности особое внимание падает на тот поток, который главенствует *в данном историческом периоде*. В этом случае на начало XXI в. следует выделить определяющие элементы подобной уникальности, которые на настоящий момент видятся в массовой миграции в США испаноязычного населения. Исходя из такого понима-

ния идентификации, Соединенные Штаты должны решительно повернуться к Латинской Америке, завязать на себя все Западное полушарие, превращая его в резервуар американского влияния и мощи.

5. Американская нация — это сообщество людей с очень своеобразными общими идентификационными основаниями — по существу минимальными; эта нация, чей хрупкий общий базис — это краткая Декларация независимости, Конституция и общая законодательная база. И ничего (фактически) более. Как писал в свое время самый проникательный исследователь Америки — де Токвиль: «В Америке все родились равными, и поэтому ее жителям не нужно бороться за это»⁵⁷³. Равными — значит не выделяющимися и не определяющими. В этом случае Соединенные Штаты обязаны будут отказаться от поисков «родственных» цивилизационных отношений и дать собственное неповторимо-особенное определение того, «что есть Америка», и не пытаться искать общие корни с другими регионами. В этом случае логично предположить, что конфликты за пределами Соединенных Штатов не имеют непосредственного отношения к собственным интересам американского народа и правительству Соединенных Штатов не стоит столь пристально всматриваться в базово чуждый внешний мир. Следует сконцентрироваться на внутриамериканских улучшениях, действовать посредством примера, а не навязывания своей воли и институтов — что в принципе невозможно — таким далеким и таким отличным от США странам как Филиппины, Вьетнам, Ирак.

Характер страны. Современные исследователи специально подчеркивают, что «Америка была основана поселенцами семнадцатого и восемнадцатого веков, почти все из которых прибыли с Британских островов. Их ценности, институты и культура заложили основание Америки последующих столетий. Они первоначально определили идентичность Америки в терминах расы, этничности, культуры и, что еще более важно, религии. В восемнадцатом веке они добавили Америке идеологическое измерение»⁵⁷⁴. Эта культура первых поселенцев держалась в течение всех последующих веков. Была бы Америка

похожей на сегодняшнюю, если бы ее основали не английские протестанты, а французские, испанские или португальские католики? Вовсе нет — тогда на месте современной Америки был бы Квебек, Мексика или Бразилия.

Но произошло противоположное. В четырех сосредоточиях колониального развития — в Новой Англии, в долине реки Дэлавэр, в заливе Чезапик и в гряде Аппалачских гор культурными основаниями были заимствования с Британских островов. Исследователи отмечают, что в первые столетия заселения будущих Соединенных Штатов «почти все было фундаментально английским: формы собственности и воспитания, система образования, управления, базовые положения права и правовых процедур, видов развлечения и характера использования свободного времени и бесчисленных других аспектов колониальной жизни»⁵⁷⁵. Отсюда непреложный факт: «Основу американской идентичности создали первые поселенцы, ими была заложена основа. Затем эту культуру восприняли поколения иммигрантов, породивших в своем политическом опыте американское кредо. В сердцевине этой культуры находится английский язык, этика протестантизма, приверженность к самоуправлению.

Между 1820 и 1924 годами в Соединенные Штаты въехали 34 млн. европейцев. Первое поколение было *частично* ассимилировано, зато второе и третье — самым определенным образом. Около ста лет тому назад И. Зангал написал свою знаменитую пьесу «Плавильный тигель», и аллегория вошла во все учебники. Мир плавящихся в едином котле национальностей стал популярным символом Америки. К периоду Второй мировой войны произошла решительная ассимиляция в американское общество значительного числа представителей Восточной и Южной Европы. Собственно *этничность*, казалось, перестала быть определяющим элементом национальной идентичности. Период сознательного сокращения иммиграции продолжался между 1920 и 1965 г. Англосаксонская культура и сопутствующее ей кредо либеральных свобод сумели пережить эти испытания. До 1960-х годов от иммигрантов ожидалось «расстаться с основными чертами своего прежнего наследия и полностью ассимилироваться в существующие культурные нормы, представляющие собой англо-конформистскую модель»⁵⁷⁶.

Особые черты. Американская идентичность обнаружила особые черты. Не имея в своем укороченном историческом прошлом феодальных и иных предрассудков, американское общество с самого начала своего формирования приобрело специфические признаки. Алексис де Токвиль сказал еще в начале девятнадцатого века, что американский характер — это нечто новое, «неизвестное старым аристократическим обществам». И если даже каждая нация уникальна по-своему, то американская нация *особенно уникальна*.

Во-первых, высокий жизненный уровень. Заметим, что даже в колониальной Америке уже в 1740-х годах *уровень жизни на душу населения был самым высоким в мире*⁷⁸. Америка и сегодня пропускает впереди себя по этому показателю только Люксембург и Норвегию, имея 35 тыс. дол. на душу населения в год. В 18,3 процента американских семей имеется три и больше автомобиля. Сегодня Соединенные Штаты представляют собой *третью* по численности нацию мира, производящую треть мировых товаров и услуг, стоящую во главе материального и иного прогресса.

Во-вторых, особое положение закона и тех, кто помогает его отправлению. В Америке всегда было много адвокатов; сегодня их 3,11 на тысячу населения — значительно больше, чем во всех других развитых странах, где адвокатов в среднем значительно меньше одного на тысячу.

В-третьих, индивидуализм.

В-четвертых, религиозность. Америку справедливо называли «дитем Реформации». Америка была основана как общество протестантов и на протяжении двух столетий в сердцевине созидания американской культуры были протестанты»⁷⁸.

Англосаксы отступают. Главное явление американской демографии — сокращение «неиспанского» белого населения в США, которое составляло 75,6 процента всего населения в 1990 г. и 69,1 процента в 2000 г. В Калифорнии, на Гавайях, в Нью-Мексико и в округе Колумбия они уже являют собой меньшинство населения. Особенно ощутимо ослабление позиций этого отряда населения в крупных городах. В 1990 г. белые-немексиканцы были меньшинством в 30 из 100 крупнейших аме-

риканских городов. В 2000 г. они были меньшинством уже в 48 из 100 крупнейших городов и составляли всего 44 процента населения этих городов. Демографы предсказывают, что к 2040 г. белые неиспаноязычные будут *меньшинством среди всех американцев*.

Первой нацией Запада, сознательно согласившейся с превращением прежнего большинства в меньшинство, будут Соединенные Штаты Америки. И произойдет это еще до 2050 г., когда радикально изменится этнический характер страны.

Европа как «общая родина» американцев удаляется в историческую даль. И очень быстро. В 1960 г. только *шестнадцать* миллионов американцев вели свою родословную не от европейских предков. В 2002 г. таких американцев *восемьдесят* миллионов. Англосаксы стали меньшинством в Калифорнии в 2000 г. а в Техасе — в 2005 г. Америка более не является обществом 1960 г., имеющим две расы, с 90 процентами белых. Белое население составляло в США в 1960 г. 88,6 процента; в 1990 г. — 75,6 процента; к 2020 г. белые составят лишь 61 процент американского населения⁵⁷⁹. В стране 31 млн. родившихся за ее пределами — половина из которых пришла из Латинской Америки, а четверть — из Азии. Именно иммигранты на 100 процентов «ответственны» за родившихся в 1990-е годы новых американцев. При этом треть прибывших в США за последнее десятилетие легальных иммигрантов не имеет среднего образования. Треть прибывших живет за чертой бедности. У американцев уже нет прежней признанной череды героев — Вашингтона, Джефферсона, Джексона, Линкольна. Все эти личности подвергаются критическому переосмыслению. Половина нации в 2000 г. не удосужилась даже проголосовать.

Посмотрим на промежуточный этап. В 1900 г. в США жили 77 млн. человек. Основой американского населения были 41 млн. «местного белого населения», потомки уже нескольких поколений, живших в Америке, потомки англосаксов. 26 млн. «нового белого» населения были недавними пришельцами, из них 30 процентов — англосаксы, 31 процент — немцы, 4 процента — шведы, 4 процента — русские, 4 процента — австрийцы, 3 процента — итальянцы. В стране жил миллион евреев. 9 миллионов были потомками африканских рабов, 114 тысяч

представляли монгольскую расу (90 тысяч китайцев и 24 тысячи японцев). Местных индейцев осталось 237 тысяч человек.

И совсем недавно преобладание белого населения выдилось столь стабильным. Еще в 1930 г. на 110 млн. белых в США приходилось 12 млн. афроамериканцев и 600 тысяч «других» (азиаты и индейцы). В 2004 г. 38,5 млн. американцев определили себя как американцы испанского происхождения; 35 млн. — афроамериканцы; 12 млн. — выходцы из Азии. Азиаты и испаноязычные совместно составляют сегодня 15 процентов всего населения, а вместе с афроамериканцами — более четверти американского населения. В 3500 приходах сегодня в США молятся по-испански.

Подъем испаноязычных. Испаноязычное население (которое само себя называет «бронзовой расой») только начало свое возвышение в общем спектре национальностей, составляющих американскую нацию. С наступлением ночи на трехтысячеклометровой границе между США и Мексикой начинается движение к северу, в котором принимает участие даже мексиканская армия. Растущее ежегодно на миллион жителей мексиканское население движется к более богатым землям севера. Защищающие границы Кореи, Ирака и Косова американские войска не могут защитить собственную границу.

Идея мексиканского президента В. Фокса о фактическом объединении США, Канады и Мексики получила весьма благоприятный отклик таких столпов общественного мнения как «Уолл-Стрит Джорнэл». При этом мексиканский жизненный уровень (пять тысяч долларов в год) значительно ниже американского. Половина мексиканцев живет в невиданной бедности, восемнадцать миллионов жителей страны существуют менее чем на два доллара в день. В США же минимальная ежедневная заработная плата равна 50 долларам в день. Естественно предположить, что открытие границы вызовет неслыханный поток мексиканцев, направляющихся в США. В Калифорнии треть населения уже принадлежит к латинской расе, четверть населения родилась не в США. В Техасе город Эль-Сенизо объявил испанский язык официальным языком городских властей. Легислатура штата Нью-Мексико выдвинула предложение име-

новать штат Нуэво Мексике Латинские студенческие организации американских университетов выступают за *возвращение* юго-западных американских штатов Мексике. Столицей новой мексиканской провинции называют Лос-Анджелес. Президент Лиги объединенных граждан латиноамериканского происхождения М. Обledo указал, что «Калифорния станет мексиканским штатом». Мексиканский президент Э. Седильо провозгласил, обращаясь к американцам мексиканского происхождения: «Вы — мексиканцы, живущие к северу от Мексики»⁵⁸⁰.

На протяжении 1990-х годов бомба истории начала тикать в крупнейшем американском штате — Калифорнии. Население штата выросло за десятилетие на три миллиона, но численность англосаксов уменьшилась на полмиллиона. Графство Лос-Анджелес потеряло полмиллиона белых. Теряя сто тысяч англосаксов каждый год, увеличивая за десятилетие азиатское население на 42 процента, имея среди молодежи моложе 18 лет 43 процента испаноязычных, крупнейший штат Америки прямо движется к превращению в преимущественно испаноязычный регион.

К 2050 г. испаноязычные жители страны будут составлять 33 процента всего американского населения (100 млн. американцев). Американцы испаноязычного происхождения явятся третьей в мире латинской конгломерацией после Бразилии и Мексики. Трудно не согласиться с утверждением, что «ни одна нация в истории не подвергалась таким гигантским переменам, оставаясь при этом самою собой — все той же нацией»⁵⁸¹. В Америке зазвучали голоса, что прежние герои сброшены с пьедесталов, что прежняя культура унижена, что ценности прежних лет осмеяны, что новое поколение повели вперед вовсе не представители традиционной культуры. «Не мы покинули Америку, Америка покинула нас». В последней трети двадцатого века «иудео-христианский моральный порядок оказался отвергнутым миллионами жителей Запада»⁵⁸². Произошла культурная революция. Доминирующие черты этой культуры могут быть названы «постхристианскими или антихристианскими, ибо ценность этой новой культуры является антитезой всему тому, что является христианским»⁵⁸³.

Испаноязычные амбиции. Поразительным фактом является то, что в 2000 г. 21 млн. иммигрантов заявил публично, что не может адекватно изъясняться на английском языке. В одном только штате Массачусетс в 2002 г. около полумиллиона человек (7,7 процента всего населения штата) не говорило (в достаточной степени) по-английски. А зачем необходимо это знание? Растущее число частных предприятий говорит с клиентами не по-английски. И бизнес в целом начинает пересматривать свое отношение к английскому языку. Если в 1900-е годы компания «Форд» была лидером американизации иммигрантов, то через столетие в этой многонациональной корпорации даже члены руководящего совета являются *неамериканцами*. Крупные компании должны учитывать то обстоятельство, что покупательная способность иммигрантов и этнических меньшинств перевалила за 1 трлн. дол. ежегодно. Американские компании ныне расходуют «около 2 млрд. дол. ежегодно на продажу своих товаров тем, кто желает приобрести продукты, пользуясь при этом своим собственным языком. Товары, продаваемые на иностранных языках, теперь приветствуются нашей корпоративной культурой»⁵⁸⁴.

Испаноязычные идеологи имеют все основания для ликования. *Хосе* уже опередил *Майкла* в качестве наиболее популярного имени на американском Юге. Профессор университета Нью-Мексико Ч. Трухильо предсказывает, что к 2080 г. юго-западные штаты США и северные штаты Мексики создадут новое государство — «Северную республику». Наблюдатели ищут подходящее название новому образованию: «Мексамерика», «Амексика», «Мексифорния». Популярен стикер: «Пусть последний англоговорящий заберет с собой и флаг».

Реалистичным является прогноз, согласно которому испаноязычное сообщество в США примет решение структурно зафиксировать свою особенность и свое преобладание. Уже сейчас крупнейшие кубинские организации называют наиболее острой проблемой «столкновение культур, столкновение между нашими ценностями и ценностями американского общества». Нет недостатка в доказательствах «превосходства» латинского мира. Скажем, известный мексиканский писатель Карлос Фуэнтес талантливо и убедительно определил различие между совмещенным испано-индейским наследием, «куль-

турой католицизма» с одной стороны, и американской протестантской культурой, «идущей от Мартина Лютера», с другой. Испаноязычные идеологи говорят о «более глубоких корнях» испанской культуры. Англоязычные идеологи, отбиваясь, указывают на неверие испаноязычных в два столпа «традиционной Америки» — образование и упорную работу.

Культурная пропасть начинает все отчетливее разделять две общины. При этом 38-миллионная испаноязычная община растет быстрее, она начинает ощущать свою силу и все энергичнее самоутверждается. Общая покупательная способность испаноязычных в США перешагнула за половину триллиона долларов; это означает, что значительная часть американской экономики ориентируется уже на испаноязычных — материальная предпосылка более независимого курса. Что касается мировоззрения и единого мировосприятия происходящих из латинской Америки, то здесь важную роль играют единые для всего испанидада средства массовой информации. Речь идет об общих телевизионных каналах (таких, как «Унивизион»), которые работают качественно и уже конкурируют с ведущими американскими англоязычными каналами, начиная с CNN.

Испаноязычная среда в США ныне никак не похожа на прежний слой поденщиков, ощущающих свою зависимость от работодателей-гринго. Самоутверждение следует за самосознанием. Латинская элита *не просит* о равенстве с богатыми северянами или о едином общественном пространстве (всегдашняя мечта новых иммигрантов). Латинский мир идет еще дальше. В испаноязычной среде выделились такие идеологи, как Уильям Флорес и Рина Бенмайор, которые попросту отвергают идею «единого национального сообщества». Любые попытки «культурной гомогенизации», особенно базирующиеся на укреплении функций английского языка, воспринимаются ими как проявления ксенофобии и культурного высокомерия. Задача испаноязычных, с их точки зрения, «укрепить латинскую идентичность, латинское политическое и социальное сознание». Отсюда требование отдельного «культурного гражданства», предоставления латиносам «ясно обозначенного культурного пространства»⁵⁸⁵. Таким образом адвокаты испаннизма открыто (и все чаще демонстративно) стремятся осла-

бить основу англо-протестантской культуры как головной. Объективно это ведет к превращению Соединенных Штатов в двуязычное общество двух культур.

Испанизм уже сделал в этом направлении значительные шаги повсюду, начиная с главного атлантического мегаполиса. Как отмечают Флорес и Бенмайор, «Нью-Йорк уже является двуязычным городом, где испанским языком широко пользуются в обыденной жизни, в бизнесе, в общественных и социальных институтах, в школах и в домашней обстановке». А если говорить в масштабах всей страны, то, как утверждает профессор Илан Ставанс: «Мы являемся свидетелями пересмотра национальной лингвистической идентичности»⁵⁸⁶.

Прежде у иммигрантов не было находящейся рядом и активно их поддерживающей родины. Мексика тоже не сразу взяла на себя эту роль, с трудом преодолевая известные исторические обиды. Но с продвижением идей общего североатлантического рынка с США и Канадой Мехико-Сити осознал свой негаданный козырь. Непосредственно после своего избрания в июле 2000 г. президент Мексики Висенте Фокс посчитал необходимым заявить, что его целью является открыть американо-мексиканскую границу для людского потока с юга на север. Его министр иностранных дел Хорхе Кастанеда (известный социолог) указал, что для центрального мексиканского правительства немыслимо «сдерживать своих граждан от эмиграции — тогда социальный котел Мексики может взорваться»⁵⁸⁷.

В результате стимулируемого мексиканским правительством потока иммигрантов на север, в 2004 г. численность испаноязычных в Соединенных Штатах составила 38,8 млн. человек — рост на 9,8 процента в год после ценса 2000 г. (среднеамериканский уровень демографического прироста — 2,5 процента). В прежде единых Соединенных Штатах обнаружился новый факт революционного значения: более 47 млн. человек в США (из 283 млн.) говорят дома не по-английски. Общая тенденция благоприятствует «не-англо». Сенатор Хайякава придает делу необходимый пафос: «Почему ни один филиппинец или кореец не протестуют против английского языка? Не возмущаются японцы. И, конечно же, вьетнамцы, счастливые пребыванием здесь. Они быстро изучают английс-

кий язык. И только испанцы представили собой проблему. Возникло влиятельное движение за превращение испанского языка во второй официальный»⁵⁸⁸.

Федеральный центр отстывает. 14 июня 2000 г. президент Клинтон сказал о том, что он — «последний президент США, не говорящий по-испански». Через год, 5 мая 2001 г., президент Дж. Буш-мл. приветствовал мексиканского президента по-испански. Кандидаты на пост губернатора Техаса начали вести теледебаты по-испански. 4 сентября 2003 г. впервые дебаты на пост президента США от демократической партии велись именно по-испански.

Д. Кеннеди замечает: «Отрезвляющим фактом является то, что Соединенные Штаты не имеют опыта, подобного тому, что разворачивается на Юго-Западе. Мексиканцы прибывают на территории, которые некогда были мексиканскими, они чувствуют себя находящимися на собственной земле»⁵⁸⁹. Тем более что не менее 25 поселений мексиканцев оставались жить даже будучи оккупированы американцами в 1848 г. Население шести из двенадцати наиболее населенных американских городов вдоль границы с Мексикой уже является на 90 процентов мексиканским, трех других — мексиканским на 80 процентов, один — на 79 процентов и только два (Сан-Диего и Юма) мексиканские менее чем на 50 процентов. В долине Эль-Пасо мексиканцами являются 75 процентов населения⁵⁹⁰. Но самым *испанским* среди городов США является Майами, где выходцы с Кубы фактически заставляют англоязычных покидать насиженные места. Майами уже называют «столицей Латинской Америки». Испаноязычные здесь — две трети населения, 96 процентов иммигрантов. Три четверти населения говорят здесь не по-английски (55,7 процента в Лос-Анджелесе, 46,7 процента в Нью-Йорке). Испаноязычные телеканалы превосходят здесь англоязычные. Ведущая газета — «Эль Нуэво Геральд». Современный «большой Майами» производит больше, чем большинство отдельно взятых латиноамериканских стран. И является очень крупным банковским центром для всего Испанидада. Если Лос-Анджелес повторит судьбу Майами, то исход англоговорящих из Калифорнии, самого большого американского штата, станет массовым.

Весьма неожиданным фактом является то, что испаноязычные вовсе не стремятся получить американское гражданство. Американское гражданство среди иммигрантов-филиппинцев получили 76,2 процента, среди корейцев — 71,2 %, китайцев — 68,5 %, поляков — 61,3, а среди мексиканцев — 32,6 процента.⁵⁹¹ При этом до 45 процентов испаноязычных находятся в США нелегально. Испаноязычные не стремятся жениться на представителях других этнических общин. И в целом самая популярная поговорка по-испански: «Дядя Сэм — не мой дядя».

По умеренным прогнозам к 2040 г. численность испаноязычных составит не менее 25% населения США⁵⁹². Министр образования США Р. Райли предсказал, что к 2050 г. более *четверти* населения Соединенных Штатов будет говорить по-испански. Все это позволяет исследователю М. Крикоряну определить испаноязычный приход в США как «не имеющий прецедентов в американской истории»⁵⁹³.

Внутри США создается этнический и социально-политический блок, который, говоря попросту, необратимо меняет характер Соединенных Штатов, поворачивает развитие американской истории. Рождается ли здесь американский Квебек? Заметим, что, в отличие от Южной Калифорнии, Квебек очень далек от Франции, и сотни тысяч французов не направляются ежегодно в Монреаль. «История учит, что в случае посягательства жителей одной страны на чужую территорию, стремления обрести особенные права возникает серьезный потенциал конфликта»⁵⁹⁴. В начале XXI в. более 26 млн. американцев говорили дома по-испански (рост на 65 процентов по сравнению с 1990 г.). Абсолютное большинство испаноязычных желает, чтобы их дети говорили по-испански.

При продолжении этой тенденции культурное размежевание между испаноговорящими и англоязычными заменит собой расовое деление белых и черных в качестве самого серьезного противоречия американского общества. Изменяются базовые основания американского развития последних трех столетий. Новой характеристикой американского общества стала его уязвимость. По существу оказалось, что общими элементами его стали лишь язык и политическая система. Единые традиции и объединяющая культура стали отходить назад.

По определению С. Хантингтона, «сражение с расовыми, двуязычными и мультикультуралистскими вызовами системе американских ценностей, английскому языку и основам культурного кода США стали ключевым элементом американского политического ландшафта в начале XXI века. При этом, если внешние угрозы Америке будут менее значительными, редкими и неярко выраженными, американцы будут в большей мере разделенными в отношении своих политических убеждений, языка и ключевых культурных факторов своей национальной идентичности»⁵⁹⁵.

Изменение характера. Нелепо задавать вопрос: отличается ли Мексика по внутренним чертам своего населения от Соединенных Штатов? Но логично предположить, что чем «больше Мексики» придет в США, тем сильнее изменится характер этой меняющейся страны.

Во-первых, ощущает давление исконно присущий американцу индивидуализм, то краеугольное, что звучит как «полагаться прежде всего на себя». Американское *friend* всегда значило меньше, чем все более распространенное сегодня *amigo*. Англосаксы в Майами удивительным образом походят на кубинцев, задающих тон в общественной и социальной жизни города. Об американцах на юге можно было сказать все, кроме того, что они *сибариты*. Теперь понятие *сиеста* входит в жизнь Техаса и Аризоны.

Во-вторых, стремительно теряется безупречное — безумно ценящее время — отношение американского мэйнстрима к жизненному расписанию. Южное «*manana*» стало входить в жизнь англосаксов, не смевших прежде отложить на завтра то, что можно сделать сегодня. В своей «Культуре нарциссизма» Кристофер Лэш показал, что американцы, все более проявляя эгоистические черты, видят во времени не шанс что-то сделать, а возможность *enjoy the time*. Особенно это касается 70 млн. «бэбибумеров», детей всплеска рождаемости 1960-х годов.

В-третьих, заметному давлению подверглась доминирующая *религия*, американский протестантизм. В свое время католики и иудеи были первыми, кто ощутил дискомфорт преобладания реформизма, но в XXI в. протестантам противостоят ка-

толики не только из прежних очагов иммиграции — Германии, Польши, Ирландии, Италии, но и из Мексики, Кубы, Центральной Америки, Пуэрто-Рико. Очень важный факт: в 2000 г. численность протестантов (некогда безусловно преобладавших) в стране уменьшилась до 60 процентов. Очень существенное обстоятельство.

На национальном уровне возник вопрос, следует ли в школах читать Библию? В 1962 г. Верховный суд впервые запретил обязательные строго регламентированные молитвы в школах. Государству запретили спонсировать чтение Священного писания в школах. Из официальной клятвы изъяли слова «по воле Божьей»: в июне 2002 г. трое судей из Девятого апелляционного округа Сан-Франциско пришли к выводу, что эти слова представляют собой «слова поддержки религии» и являют собой «поддержку религиозной веры монотеизма». Сторонники этого решения вышли на улицы с лозунгами, указывающими на то, что Соединенные Штаты являются секулярной страной, что Первая поправка к конституции запрещает поддержку со стороны правительства как материальной, так и риторической поддержки религии.

Некий доктор М. Ньюдоу задал обществу вопрос: «Почему я должен ощущать себя аутсайдером?» Суд согласился с тем, что слова «с Божьей милостью» указывают неверующим, что они аутсайдеры в своем обществе. Неверующие не должны повторять слова клятвы и быть невольными участниками религиозных церемоний. В 1999 г. в городе Бойз штата Айдахо начался процесс за снятие двухметрового креста, установленного на общественной территории (подобные же процессы вскоре начались также в Сан-Диего и Сан-Франциско под предлогом того, что «для буддистов, евреев, мусульман и прочих жителей крест является символом того, что они находятся на чужой земле»⁵⁹⁶ .

В-четвертых, негласное подчинение британо-американской культуре стало угасать. Выросла жесточенность противников американского мейнстрима. Г. Круз пишет: «Америка — это нация, которая лжет самой себе относительно того, кем и чем она является. Это нация меньшинств, которая управляется таким меньшинством, которое думает и действует так, как если бы в стране преобладали белые англосаксонские протестан-

ты»⁵⁹⁷. Идея не новая, но тон новый. В 1994 г. девятнадцати ведущим американским историкам и политологам был задан вопрос, доминирует ли общенациональная идентичность в США над всеми другими идентичностями. Исследователей попросили определить уровень американской интеграции между 1930 и 1990 гг., используя такую шкалу оценок, где 1 представляла собой высший балл, а 5 — низший. 1930-й год получил 1.71 балла; 1950 — 1.46; 1970 — 2.65; 1990 — 2.65. Получается, что пиком американской цельности был 1950 год и последующее десятилетие, символом которого были известные слова президента Кеннеди: «Спрашивай не о том, что твоя страна может сделать для тебя, а о том, что ты можешь сделать для своей страны». В дальнейшем общность американского общества подверглась сомнениям, в результате которых усилилась социальная и культурная фрагментация американского общества.

В-пятых, университетское образование потеряло прежнюю национальную цельность. Между 1900 и 1940 гг. содержание американских учебников по своей идейной направленности колебалось в схеме «нейтрализм-патриотизм-национализм-шовинизм» между патриотизмом и национализмом. Начиная с 1960 г. «большинство учебников колебалось между нейтрализмом и патриотизмом». Исчезли патриотические военные истории, «дававшие детям политические идеалы»⁵⁹⁸. Исследование 22 учебников последних десятилетий XX века показало, что только несколько текстов из многих сотен «несли патриотический заряд». В большинстве учебников абсолютно не упоминаются о прежних традиционных героях — Патрике Генри, Дэниэле Буне, Поле Ривере. Общий вывод: «Морализм и национализм более не в моде»⁵⁹⁹.

В Стэнфордском университете обязательный прежде курс истории западной цивилизации оказался замененным курсом, фиксирующим обучение на изучении меньшинств, народов «третьего мира», истории женщин. Последовало изменение курсов в Беркли, Университете Южной Калифорнии, Университете Миннесоты и других университетах. В конце XX в. историк Артур Шлесинджер-мл. пришел к выводу, что «студенты, которые оканчивают 78 процентов американских колледжей и университетов, не обращаются к истории западной цивилиза-

ции вовсе. Целый ряд высших учебных заведений — среди них Дартмут, Висконсин, Маунт Холиоок — требуют завершения курсов по третьему миру или этническим исследованиям, но не по западной цивилизации»⁶⁰⁰. Результат движения в этом направлении обобщила С. Стоцки: «Исчезновение американской культуры в целом»⁶⁰¹. А Н. Глейзер в 1997 г. провозгласил «полную победу мультикультурализма в общественных школах Америки»⁶⁰². В начале XX в. ни один из пятидесяти лучших университетов Соединенных Штатов не требовал обязательного прохождения курса американской истории, что сняло вопрос об изучении общих основ американского общества. Только четверть студентов элитарных университетов смогла идентифицировать источник слов «правительство народа, для народа, посредством народа». Хантингтон приходит к горькому выводу: «Люди, теряющие общую память, становятся чем-то меньшим, чем нация»⁶⁰³.

В-шестых, получил шанс *мультикультурализм*, заменяющий собой прежний «плавильный тигель», ставший символом многовековой англосаксонской идентичности Соединенных Штатов. Разумеется, мультикультурализм вызрел не сразу. Угрозу перерождения в США начали ощущать еще в начале XX в., когда явственно ослаб главный — *европейский* ингредиент «плавильного котла», что стало сказываться на самоидентификации прежде единой американской нации. Президент Теодор Рузвельт, подчиняясь растущему давлению, вынужден был поддержать идеи *Лиги сокращения иммиграции*. В дальнейшем он первым среди американских глав исполнительной власти выступил за радикальную реформу иммиграционных законов в сторону их запретительности: *слишком много не-англосаксов* прибывает в Америку, «ухудшая» сложившуюся в стране этническую основу, грозя расколом общества, вплоть до социальной дезинтеграции. То были отдаленные раскаты грозы.

В 1963 г. Н. Глезер и Д. Мойнихэн опубликовали своего рода манифест сил, противостоящих «плавильному тиглю». Эти авторы утверждали, что «отчетливо выраженные язык, признаки культуры и обычаи теряют свою отчетливость лишь во втором поколении, а чаще всего в третьем». И они утверждали, что потеря явных изначальных признаков — явление сугубо

негативное, что «большой Америке требуется цветение всех разнообразных этнических цветов», что приобретаемый иммигрантами новый опыт в Америке нужно присовокупить к прежним социальным формам»⁶⁰⁴.

В 1970 г. конгрессмен Р. Пучинский (представлявший Чикаго) выдвинул законопроект «Об этнических исследованиях», который, будучи принятым, обязал федеральное правительство содействовать оживлению отдельных этнических величин в США. Вызрело — впервые в американской истории — настоящее противостояние «мультикультурализма» и «англо-конформистской» культуры. Мультикультуралисты стали утверждать читающую публику, что, хотя они представляют собой меньшинство сейчас, им принадлежит будущее. Они говорили о времени, когда Америку нельзя будет назвать «культурно компактной группой»⁶⁰⁵. С окончанием холодной войны американцы польского происхождения (как и многие другие восточноевропейцы) так или иначе усилили свой интерес к странам своего прежнего проживания, усиливая тем самым позиции мультикультуралистов. Их целью становится решительный вызов «англо-конформистам» Америки. Мультикультуралисты обращаются к тому будущему Америки, в котором Соединенные Штаты «никогда более не будут едиными, когда в стране более не будет культурно определяющей группы»⁶⁰⁶.

Именно в последнее десятилетие XX в. в ряды мультикультуралистов вступили видные интеллектуалы, представители академической общины, профессура американских университетов. Их целью стало отменить приоритет английского языка в системе образования, «трансформировать школы в аутентичные культурные центры», делающие акцент на «культуре субнациональных групп»⁶⁰⁷. Один из лидеров мультикультуралистского направления Дж. Бенкс поставил целью мультикультурного воспитания «реформирование школ и других образовательных учреждений таким образом, чтобы учащиеся из различных расовых и социально-классовых групп могли ощутить образовательное равенство»⁶⁰⁸. Все это происходило *одновременно с нападками на «возможность и релевантность» единой истории.*

И множество других изменений. Скажем, бережливость всегда была достоинством пуритан. Сегодня долг *на кредитных карточках* составляет в США на душу населения 985 дол. в год. Крепкая семья уступила место фантастическому уровню разводов — 6,2 развода на тысячу в год (по сравнению с 3,4 разводами в Канаде, 3,1 разводами в Японии, 1,4 развода на тысячу населения в Испании, 1,0 развод на тысячу человек населения в Италии). Опрятность пуританских городов вошла в поговорку, а ныне на душу населения в США приходится 1637 фунтов мусора в год (в Германии — 823 фунта, во Франции — 572 фунта, в Италии — 548 фунтов).

Указанные факторы ослабили единую идентичность американской нации. Но настоящая опасность обозначилась в начале XXI в., когда совершенно отчетливо обозначилось противостояние христианства с исламом в Америке. Предвестником грозы стал опрос 2000 г. среди американских мусульман: 32 процента из них полагали, что американское общество не питает уважения к их религии — 45 процентов американского населения увидело в исламе угрозу.

Белый дом вынужден был — в стране невероятной важности избирательных голосов — сдаться. В 1996 г. президент Клинтон с примерным душевным спокойствием оценил это качественно новое явление такими словами: «Сегодня, благодаря, прежде всего, иммиграции, уже не существует главенствующей расы на Гавайях, в Хьюстоне и в Нью-Йорке. В течение следующих пяти лет не станет главенствующей расы в самом большом штате — Калифорнии. Менее чем через пятьдесят лет в Соединенных Штатах не будет расового большинства. Ни одна нация в истории не подвергалась демографической перемене такого масштаба в столь короткое время»⁶⁰⁹.

Растущие опасения. В этом случае история и психология ставят под вопрос национальное единство. Впереди замаячит новая Австро-Венгрия, а конфедерации не существуют долго. Если испанский элемент продолжит свое нынешнее движение, то впереди будет вариант Канады. Если превалирующий англосаксонский компонент пойдет на активные предотвратительные меры, то политический строй США может претерпеть измене-

ния в сторону более жесткого политического порядка. В этом случае следует ожидать резкой активизации протестантских конфессий — своего рода охранителей прежней американской идентичности.

Падение Востока поглотило те внешние силы, необходимость бороться с которыми предотвращала внутренние процессы раскола в американском обществе. Стало ясно, что преобладание идеологии мультикультурализма ослабило объединяющую сущность канонов американского единства и общих идеологических основ.

Особенное этническое развитие Америки за последние годы поставило перед ней вопрос, который стоит не у всех мировых наций: как определить свое «мы», свою этническую принадлежность? Есть ли у Соединенных Штатов свой «корневой» этнически-исторический ствол, или Америка — это мультикультурная мозаика с трудом совмещаемых этнических величин?

Напомним, что ни одно общество не является вечным. Сегодня Соединенные Штаты — это невероятная мозаика народов, все меньше напоминающая общество, отделившееся в 1776 г. от Британии. *То* общество было преобладающе белым, в нем господствовал британский элемент и протестантизм, общая культура, совместная борьба за независимость и совместные конституционные основы.

Ныне американцев в сто раз больше, чем при основании государства; Америка многорасовая и многонациональная страна. В ней 69 процентов белого населения, 12 процентов испаноязычного населения, 12 процентов — афро-американского, 4 процента — азиатского, 3 процента иного. В США 63 процента — протестанты; 23 процента — католики; 8 процентов представляют другие религии. Деятельность многих групп населения непосредственно направлена против национального единства страны.

Впервые в своей истории Соединенные Штаты могут лишиться «главенствующего стержня» — англосаксонской культуры — и стать страной многокультурного многоцветья с ослабленной притягательностью прежних базовых политических институтов.

Под воздействием событий и явлений, посягнувших на цельность американского общества, **стала изменяться традиционная американская идентичность.** *В пике военного и экономического могущества Америка встала перед угрозой внутреннего перерождения,* когда стало ясно, что побеждает не прежнее стремление заставить активнее работать американский плавильный тигель, а новое для Америки убеждение, что усилия по американизации не нужны, что многоцветье обещает больше, нежели национальная сплоченность и единая культурная идентичность. Уже сейчас многие на Западе полагают, что самым большим сюрпризом будет, если США 2025 г. будут в общих своих параметрах напоминать сегодняшние Соединенные Штаты.

Часть американского истеблишмента увидела опасность, специалисты по американской культуре разделяют эти страхи. Уже в 1983 г. социолог М. Яновиц пришел к выводу, что «испаноязычное население создает в эволюции американского общества такую бифуркацию, что социально-политическая структура Соединенных Штатов приближается к состоянию национального раскола. Близость Мексики к США и сила мексиканских культурных основ ведет к тому, что «естественная история» мексиканских иммигрантов вступит в противоречие с эволюцией других иммигрантских групп. Для Юго-Запада наступит этап культурного и социального ирридендизма, широкой мексиканизации, ставящей под вопрос единство страны».⁶¹⁰ Д. Кеннеди говорит, что «если испаноязычные выберут этот путь, они могут сохранять свою культурную особенность бесконечно. И они смогут сделать то, о чем другие культурные группы не смели и мечтать: они смогут бросить вызов существующей культурной, законотворческой, коммерческой и образовательной системе с целью реализации фундаментальных перемен не только в языковой области, но и в основных общественных институтах».⁶¹¹ Р. Каплан отмечает, что «история медленно и верно уже вершится — происходит воссоединение Штата «Одинокой звезды» (Техаса) с северовосточной Мексикой»⁶¹².

Влиятельный теоретик М. Уолцер заметил, что «у Америки нет единой национальной судьбы»⁶¹³. Социолог Д. Ронг: «Никто не выступает за «американизацию» новых иммигрантов, как

это было в старые дни этноцентризма»⁶¹⁴. П. Бьюкенен жалуется, что «никто не собирается остановить вторжение в Соединенные Штаты, рискуя увидеть радикальное изменение характера страны, превращение ее в две нации с двумя языками и культурами — как израильтяне и палестинцы на Западном Берегу»⁶¹⁵. Известный американский политолог С. Хантингтон пишет: «Вторжение (ежегодно) более чем миллиона мексиканцев является угрозой безопасности американского общества... Это угроза нашей культурной цельности, нашей национальной идентичности и потенциально нашему будущему страны»⁶¹⁶. Ныне 72 процента американцев хотели бы сократить поток иммигрантов, а 89 процентов предпочли бы объявить английский язык официальным языком Соединенных Штатов. Хантингтон предупреждает: «Если ассимиляция не удастся, Соединенные Штаты окажутся разделенной страной, создающей все возможности для внутренней борьбы и последующего разъединения»⁶¹⁷.

Стремление сдержанность. Желание видеть свою страну и нацию единой владеет правящим слоем американцев со времен революции и войны за независимость. Один из героев этой войны Джон Джей в 1797 г. писал: «Мы должны американизировать наш народ»⁶¹⁸. Томас Джефферсон полностью присоединился к этому мнению. Наиболее упорные и настойчивые усилия в этом направлении предпринимались в конце девятнадцатого и начале двадцатого века. По определению очень активного тогда судьи Луиса Брендайса, сделанному в 1919 г., «американизация означает, что иммигрант принимает одежду, манеры, доминирующие здесь обычаи... принимает вместо родного английский язык, делает так, что его интересы, предметы восхищения становятся глубоко укорененными в американской почве и становятся полностью совместимыми с американскими идеалами и стремлениями; новый иммигрант сотрудничает с нами в достижении этих целей, обзаводясь национальным сознанием американца»⁶¹⁹. Все старые пристрастия и лояльности забыты, нити прежних связей разорваны.

Ради этого единства полегли на фронтах гражданской войны 1861 — 1865 гг. шестьсот тысяч американцев. А президент

Линкольн в мраморе сидит над столицей под надписью «Спасителю Союза». Среди многонациональных стран Америка в этом плане уникальна — она сохранила свое единство. Среди соседей Соединенных Штатов, созданных в 1776 г., развалился Советский Союз (основанный в 1922 г.) и на глазах разваливается Великобритания (созданная в 1707 г. союзом англичан, шотландцев, уэльсцев и ирландцев).

Происходящие перемены несут с собой опасность социального взрыва.

У англоязычных в США *три* возможности. Они могут признать свое подчиненное положение и жить, так сказать, «параллельно», постигая, что такое быть меньшинством; они могут попытаться ассимилироваться в испанскую культуру и стать частью латинского мира; они могут покинуть ставшие менее знакомыми и менее гостеприимными края (скажем, Майами за последние двадцать лет покинули примерно 200 тысяч англоговорящих), отступая перед валом латинского мира. Все три «выхода» означают, по-существу, признание поражения. Коренная Америка не готова пока к такому признанию. Она отчаянно ищет способ решения этой главной внутренней задачи.

Укрепить веру, трудолюбие и свободу. В современных Соединенных Штатах растет чувство, что спасительным объединительным средством может послужить только религия. И «борцы за единство», за сохранение прежней идентичности обращаются к религии предков.

Укрепить «веру наших отцов» — усилить значимость англопротестантской культуры, как стержня единства страны. В противостоянии нашествию новых идей, нового опыта, новых нравов Америка усиливает элемент *религиозности*. Ныне происходит исключительно интенсивное религиозное новообращение Америки. Страна не только осталась нацией верующих — религия стала играть *еще большую роль* в американском обществе — необычная и уникальная среди развитых стран религиозность.

Это мощное религиозно-консервативное движение вызвало немедленное чувство зависти у демократов. Дж. Коткин приходит к выводу, что «ни одна рана не ощущалась демократической партией более остро, чем «развод» демократов с религиоз-

но активными силами». ⁶²⁰ Демократы предприняли все необходимые действия для восстановления религиозных связей. И в ходе президентской кампании 2004 г. демократ Керри говорил о «ценностях» не меньше республиканца Буша-мл.

Относительно новым явлением явилось религиозное движение в среде американского бизнеса. Здесь почти повсеместно появились религиозные группы, выступающие за старые религиозные ценности.

Нетрудно увидеть, что это борьба за умы и сердца, за ментальную ориентированность прежде всего тех, кто недавно — или только сейчас — вступил в американский мир. Это борьба за идентичность 300-миллионной Америки.

Здесь может быть несколько сценариев. *Первый* определяется всемогуществом Соединенных Штатов, имеющим шансы продлиться на десятилетия. Почти ничто на горизонте не предполагает немотивированного и внезапного ослабления Америки, и немалое число наблюдателей склонны согласиться с предсказанием английского футуролога Х. Макрэя: «Американская военная мощь, единство нации, ее размеры и показатели, по-видимому, еще на одно поколение обеспечат Соединенным Штатам политическое лидерство в мире. Ни один из двух других развитых регионов — Европа или Восточная Азия — не имеет такой комбинации элементов могущества» ⁶²¹. Пределы этому периоду американской гегемонии могут положить лишь объединение конкурентов или зарождение национальной апатии.

Второй сценарий, предполагающий переход однополюсного мира в *биполярный*, исходит из появления у Соединенных Штатов глобально значимых конкурентов, прежде всего в лице поднимающегося Китая или (и) Европейского союза, складывания ожидаемых и неожиданных коалиций, чье самоутверждение сразу же вернет из прошлого картину дипломатического баланса сил. Гегемония не может быть приемлемой схемой, на нее соглашаются по принуждению или из страха перед хаосом. При малейшей же возможности гордые своим прошлым (что закрепляет устойчивые черты самосознания) державы воспользуются шансом для выхода из-под самой благожелательной опеки. Такова психика человека и такова история мира. Биполярность же обычно вызывает устойчивую поляризацию

международного сообщества, окружение державы-полюса кругом союзников, подопечных, клиентов. Противостояние может длиться долгие годы.

В качестве *третьего* сценария предстает схема *многополярного* мира, в котором прежний гегемон совместными действиями соперников теряет главенствующие позиции. В этом случае собственной зоной влияния окружен уже значительный ряд государств — таких, как КНР, Германия, Россия, Индия, Бразилия. И эта схема хорошо знакома мировой истории, в данном случае происходит сложное взаимодействие самых разнородных сил, мировая история представит собой сочетание мирных периодов и конфликтных ситуаций, постоянные поиски более удобных партнеров, конкуренцию за зоны влияния и стремление расширить круг клиентов.

Четвертый сценарий мирового развития предполагает параллельное сосуществование шести или семи цивилизаций, утверждающих себя в качестве самодостаточных и самостоятельных центров мирового развития. По этому пути человечество пойдет, скорее всего, лишь в случае краха модернизационной идеологии, крупных общенациональных разочарований мнимым прогрессом со стороны ряда ключевых стран, неожиданного подъема автохтонных начал — таких, как подъем основных мировых религий (среди разочарованного бездуховным материализмом и тщетой пробиться в авангард развития населения).

Пятый сценарий дает примеры апокалиптического видения мира. Приведены несколько вариантов крупнейших международных катаклизмов, перехода от мирного развития к спазмам силовых решений, к силовому разрешению назревающих геополитических, экономических, культурно-цивилизационных противоречий. Упор сделан не на том, как конкретно будет протекать очередной многоплановый международный кризис, а на том, что практически все отдельно взятые ходы этого кризиса *возможны и вероятны*. В политологическом сообществе не должно быть места самоуспокоению. К сожалению, апокалипсис возможен. Человечество проделало огромный путь от колеса и лучины, но оно сохранило потенциал агрессивности, непомерной гордыни и презрения к компромиссам.

Попытаемся непредвзято взглянуть на наше возможное будущее.

Отношение к внешнему миру. Американская самоцентричность отмечалась (справедливо) многократно. Но примитивным было бы утверждение об абсолютной потере американцами интереса к миру за пределами их границ. Помимо прочего американцы желают знать, откуда следует ожидать опасности. Характерно, что в этом плане американцы начинают перемещать фокус своего внимания все более на Восток, о чем свидетельствует следующий опрос населения.

Таблица б. Ответ на вопрос «Какие страны наиболее важны для США?»

В 1999 году	%	Прогноз на 2010 год	%
Восточная Азия	35,4	Восточная Азия	48,8
Западная Европа	25,0	Западная Европа	14,6
Патинская Америка	9,8	Патинская Америка	10,4
Северная Америка	8,5	Вост. Европа/Центр. Азия	8,5
Северная Африка/Бл. Восток	7,3	Северная Америка	7,9
Центральная Европа	6,1	Сев. Африка/Бл. Восток	4,3
Вост. Европа/Центр. Европа	6,1	Южная Азия	4,3
Южная Азия	1,8	Центральная Европа	1,2
Африка южнее Сахары	0,0	Африка южнее Сахары	0,0

Источник: «Orbis», Fall 2002, p. 628.

Мы видим, что волнующая сегодня американцев Восточная Европа уйдет на абсолютно задний план, что сократится доля внимания к Западной Европе. Но возрастет внимание к происходящему в Восточной и Южной Азии, к непосредственному североамериканскому окружению. И все же окружающему миру будет трудно противостоять феноменальной силе Америки.

Однако самоуспокоению нет места. Мировая история учит, что любой вакуум немедленно заполняется, любая гегемония вызовет противодействия. В США не закрывают на это глаза, идет постоянное обсуждение очередных вызовов: Японии, которая может сказать «нет», китайского восхождения, российского потенциала, западноевропейского интеграционного строительства. Постоянно проводятся опросы общественного мнения на эту тему. Какие же угрозы видят американцы на своем историческом горизонте?

Таблица 7. Уровень угроз безопасности США сейчас и в будущем
(в % от общего числа опрошенных).

В 1999 г.		Прогноз на 2010 г.	
Распространение оружия массового поражения	18,6	Распространение оружия массового поражения	16,3
Негативно настроенные гос-ва	12,8	Гегемония КНР	14,1
Международный терроризм	11,3	Негативные гос-ва	10,6
Гегемония КНР	9,7	Межд. терроризм	10,0
Уход США с позиций лидера	9,5	Уход США с поз. лидера	9,0
Мировая экономика	7,7	Мировая экономика	8,9
Исламский фундаментализм	6,4	Восставшая Россия	7,0
Восставшая Россия	6,4	Исламский фундаментализм	6,3
Торговля наркотиками	5,7	Торговля наркотиками	4,6
Этнические конфликты	3,8	Этнические конфликты	3,7
Организованная преступность	3,4	Организованная преступность	3,4
Информационная война	1,7	Информационная война	2,5
Окружающая среда	1,6	Окружающая среда	2,0

Источник: «Orbis», Fall 2001, p. 632.

Как видим, растущую озабоченность вызывает усиление Китая, оружие массового поражения будет казаться менее страшным — как и международный терроризм, как и ухудшение окружающей среды. Эволюция России ставится на один уровень с исламским фундаментализмом.

Основные опросы показывают, что в американском обществе главенствуют консервативные настроения. Большинство американцев считает, что США *должны* оставаться мировым лидером, что они должны прибегать в случае необходимости к односторонним действиям, что мировая торговля должна расти, открывая новые возможности для американского бизнеса, что на военные нужды следует расходовать *больше*, что США должны создать систему национальной противоракетной обороны. Рассмотрим детальнее, как сами американцы воспринимают удивительный оборот истории, давший им такое невероятное могущество.

Противостояние гегемонии. Перед строителями однополярного мира сразу же встают два вопроса. *Во-первых*, может ли страна с населением в 280 млн. человек, представляющая менее 5% всего мирового населения, диктовать свою волю шести с лишним миллиардам, достаточны ли физические ресурсы и политическая воля Америки в деле руководства пестрым мировым сообществом? *Во-вторых*, согласятся ли могущественные гордые страны (наследники непримиримой многовековой борьбы против всех, кто покушался на гегемонию в Европе и мире в целом) на добровольное подчинение «благожелательной» гегемонии Америки? Смыслом мировой истории является восстановление мирового баланса после его нарушения — т.е. отвергнутые и ослабевшие неизбежно объединятся против Сильного. Реализации *однополярности, американской гегемонии* препятствуют обстоятельства *внутреннего* характера — отказ американского народа платить цену за имперское всевидение и обстоятельства *внешнего характера* (отсутствие гарантированной солидарности союзников, организованное противостояние потенциальных противников).

Обстоятельства внутреннего характера. Чрезвычайно важна в этот момент всемогущества поддержка активной внешней политики преобладающей частью американского общества. Без этой поддержки ни о каком однополярном мире в будущем говорить не приходится. Именно отсутствие этой поддержки погребло под собой планы президента Вудро Вильсона по глобализации американской внешней политики после Первой мировой войны. Именно эта поддержка позволила президентам Франклину Рузвельту и Гарри Трумэну осуществить мировой охват в защите интересов США после Второй мировой войны. Эта поддержка — основа, ее наличие сегодня — предпосылка любых глобальных планов Америки. Опросы среди экспертов по внешнеполитическим проблемам и проблемам безопасности, журналистов, ученых, религиозных лидеров, политических деятелей, губернаторов, мэров, бизнесменов, конгрессменов и их аппарата, профсоюзных деятелей показывают, что более двух третей этих влиятельных в США сил не только удовлетворены тем, как «идут дела в мире», но и хотели бы видеть про-

должение этого, благоприятствующего Соединенным Штатам положения в будущем⁶²².

Претензии к союзникам. Есть основания предположить, что к 2020 году «внутренняя поддержка международного лидерства может значительно ослабеть. Если США перестанут быть богатейшей страной в мире, почему они должны будут платить за безопасность стран, способных обеспечить эту безопасность?... США оставят в Европе лишь символические силы. И в Азии останется лишь небольшая часть контингента 1990-х годов. Америка придет к выводу, что Европа способна защитить себя сама, равно как и Япония. США сохранят особый интерес к таким регионам, как Ближний Восток и Латинская Америка... Но прямые угрозы Соединенным Штатам потеряют свою убедительность, и население страны будет все более выказывать нежелание вмешиваться во все спорные мировые вопросы, если только на кону не будут прямые американские интересы. *США не вернуться к изоляционизму, но они придут к выводу, что не в состоянии решить все мировые проблемы лишь собственными силами*»⁶²³.

Ослабление жертвенности. Важнейший вопрос: готовы ли они на жертвы ради сохранения статус-кво, готовы ли они на материальные и даже людские жертвы ради постоянного и жесткого контроля над внешней средой? Интервенционистский опыт Америки (от Вьетнама до Косова) породил противодействие внутри США в смысле неубедительности для многих необходимости подвергать себя риску и преодолевать неподвижные сложности. «Примерно 15—20 лет будет длиться война между двумя капитальными американскими традициями: грубый индивидуалистический расчет лишь на самих себя, создавший американский капитализм и сделавший США богатейшей страной мира,— и более новая тенденция отказываться от излишней ответственности за последствия своих действий»⁶²⁴. И возобладает вторая традиция. Американцев покидает жертвенность в достижении далеких целей при растущей обращенности к внутренним проблемам. В бюджете страны внутренние расходы ежегодно несопоставимо масштабнее трат на внешнеполитическую и внешнеэкономическую деятельность. Это устойчивая тенденция.

На национальном уровне в США возврата к самоуверенности 50-х годов не произойдет, роль международных проблем ослабевает. На рубеже веков лишь 13% американского населения высказывались за активное лидерство США в мировых вопросах, а 74% хотели бы видеть свою страну действующей в этих акциях не в одиночестве⁶²⁵. Большинство (55%-66%) высказывают ту точку зрения, что «происходящее в Западной Европе, Азии, Мексике и даже Канаде не оказывает воздействия (или оказывает малое воздействие) на их жизни. Среди американцев будет сказываться недовольство «бременем» организации международных сил в самом широком спектре — от Югославии до Афганистана (где США используют силу), угрожая экономическими санкциями 35 странам. Как бы ни оплакивала внешнеполитическая элита этот факт, Соединенные Штаты лишаются внутренней политической базы, необходимой для создания и поддержания однополярного мира»⁶²⁶.

Неоизоляционизм. Снова обозначился потенциал изоляционизма, вернее, новой его модификации. Истоки его — из попытки ответить на вопрос, а может ли в принципе Америка думать о долговременном *непосредственном* главенстве? Две крайние точки обозначились уже относительно давно: С одной стороны, многие американские традиции восстают против силового господства, против откровенного диктата в бушующем неблагоприятном и ожесточенном мире. Еще в 1939 году историк Ч. Бирд яростно утверждал, что «Америка — это не Рим».

Знамя *неоизоляционизма* несут два лагеря — неоконсерваторы и реалисты.

1. Такие *неоконсервативные* идеологи, как П. Бьюкенен, полагают, что Соединенные Штаты должны дистанцироваться от турбулентного внешнего мира: «С исчезновением советской угрозы Америка не будет более зависеть от того, что происходит за ее пределами»⁶²⁷. Благоденствующая Америка (пресловутый «средний класс») середины наступившего века будет жить в закрываемых на ночь общинах, окруженная персональными телохранителями, оплачивая гигантские страховочные счета. (В условиях не спадающей преступности 1,3% ВВП идет в США на поддержание закона и порядка; помимо полумиллиона

официальных полицейских в стране существует целая армия в 800 тысяч частных охранников; в США работают около миллиона юристов).

13% ВВП США идет на медицинское обслуживание — доля в два раза большая, чем в Западной Европе или Японии. Средняя семья, страхующаяся и ловящая свой гедонистический шанс, не сможет аккумулировать значительный капитал. Эта семья будет жить ненамного лучше (материально), чем их предки в 1970 г., особенно, если в семье будет один работающий. Средняя семья в Западной Европе и Японии догонит американскую семью по доходам — а это даст «решающий» аргумент в пользу отказа от «мировой опеки».

Признаки этого уже налицо. Между 1988 и 1996 годами ежегодная американская помощь сельскому хозяйству бедных стран сократилась на 57% (с 9,24 млрд. дол. до 4,0 млрд.). Между 1986 и 1996 годами сократились займы, даваемые бедным странам на развитие своего сельского хозяйства (с 6 млрд. дол. до 3,2 млрд. дол.)⁶²⁸.

Изоляционисты, близкие к взглядам П. Бьюкенена, открыто выступают за уход вооруженных сил США на свою собственную территорию (будучи при этом готовыми нанести удар по потенциальному противнику). Гарантии американской помощи следует дать лишь очень узкому кругу стран. Изоляционисты (при всей пестроте этого идейно-политического явления) считают ошибкой не только высадку американских войск на Гаити, бомбардировку Югославии, но и высадку в Персидском заливе, и войну против Ирака. С точки зрения американских изоляционистов, в интересах Соединенных Штатов было бы:

— выйти из Пакта Рио-де-Жанейро, обязывающего США отвечать за безопасность всего Западного полушария;

— отказаться от всех военных договоров и соглашений, которые автоматически вводили бы США в состояние войны;

— вывести американские вооруженные силы из Западной Европы и Южной Кореи. Америка должна быть одинокой и хорошо вооруженной, а не хорошо вооруженной и связанной по рукам;

— пересмотреть членство США в международных организациях, таких как НАТО и ООН, отвергнуть все концепции

международных законов, которые могут оказать сдерживающее, «связывающее» воздействие на Соединенные Штаты.

2. *Реалисты* усматривают в международных отношениях прежде всего борьбу за могущество между суверенными государствами, в которой национальные интересы полностью преобладают над идеологическими пристрастиями и модами повседневности. Реалисты не желают платить цену за идейную чистоту консервативной политики, за крестоносный поход идеалистов в поисках земли обетованной.

Реалисты замечают, что страсти, терзавшие американских консерваторов в 30-е годы в отношении троцкистов, в 50-е годы по поводу холодной войны, распространения демократии сегодня — все это преходящие эмоции, за которыми консерваторы не видят суть явлений. Реалисты считают оптимизм прямолинейных консерваторов смехотворным. В их мире все воюют против всех, «неоконсервативный империализм не только обречен на поражение, но и на рождение яростной реакции внешнего мира, стремящегося сократить американское правление»⁶²⁹.

Консерваторы более популярны — они обращены к популярным ценностям. Американцев не зря называют нацией, «приверженной принципам», и они всегда верили, что их принципы всемирно универсальны. От основания республики и до наших дней американское внимание сконцентрировано на событиях внутренней жизни (которые большинство из них считает всемирно значимыми). Это заранее обуславливает неизбежность столкновения консерваторов и реалистов. Мнение таких реалистов, как Дж. Кеннан, о том, что зарубежный опыт также имеет значение и должен быть принят во внимание, воспринимается многими американцами как весьма оригинальное.

Мультикультурализм Двести с лишним лет *кредо* американского общества являлась вера в то, что *права личности, отдельного индивидуума* безусловно важнее *прав групп*, построенных на этнических, религиозных или прочих основаниях. Национальным лозунгом был: *e pluribus unum* — *едины в многообразии*. Президент Т. Рузвельт предупреждал, что «единственным абсолютно верным способом погубить нацию целиком было бы позволить ей превратиться в клубок ссорящихся меж-

ду собой национальностей»⁶³⁰. Такие историки и политологи, как А.-М. Шлезингер и С. Хантингтон, предупреждали и предупреждают сейчас, что необходимо *перестать воспевать превосходство группы над индивидуумом*, отдельного сообщества — над гражданином.

На рубеже третьего тысячелетия произошло качественное изменение. Национально главенствующей стала точка зрения *отдельных этнических общин*. Пресловутый плавильный тигель наций практически перестал работать. Более того, с 1970 года число американцев, имеющих многорасовые корни, увеличилось в четыре раза. После трех лет ожесточенных эмоциональных дебатов между традиционалистами и активистами многорасовости в самоидентификации американцев произошли существенные перемены. В национальном цензе (проводимом каждые десять лет) 2000 года респондентам впервые было дано право идентифицировать себя *по расовому признаку*. Теперь американцы впервые подчеркнуто открыто указали на свою принадлежность к одной (или нескольким) из четырех мировых рас — белая, афроамериканская, азиатско-тихоокеанская, индейско-эскимосская (испаноязычные остаются в особой этнической группе).

«Ассимиляция американских этнических меньшинств во враждебное принявшее их общество стала *не соответствующей духу времени* среди как уже утвердившихся, так и недавно организованных, ориентирующихся на свои национальные государства диаспор... Многие диаспоры, обосновавшиеся в Соединенных Штатах, не ощущают давления американского государства в пользу ассимиляции, они не видят особой привлекательности в ассимиляции в американское общество и даже не стремятся получить здесь гражданство»⁶³¹. Происходит нечто весьма важное: главная эмигрантская страна в мире меняет ориентиры, переходит от практики ассимиляции в одну большую американскую нацию к торжеству «множественных» лояльностей. Главенствующим для многих американцев становится проявление воли диаспор, проявляющих больше лояльности к покинутой, чем к приобретенной родине.

Произведенная реформа будет иметь долговременные последствия. Совсем не ясно, как будут использоваться новые де-

мографические данные. «Будет ли,— спрашивает журнал «Экономист»,— дочь афроамериканского отца и белой матери считать себя черной женщиной в случае, если легислатура штата постарается создать округ с преобладающим черным населением? А как быть с гражданином, утверждающим себя в качестве потомка белых, черных и азиатов? Будет ли правительство считать его одним из них?»⁶³²

Итак, в то время как богатство Америки и ее мощь занимают высшую ступень в мировом табеле о рангах, национальное единство американского народа начинает испытывать на себе давление отдельных этнических общин. Экономическое равенство и культурная цельность начинают терять свою значимость и в будущем станут находиться на значительно менее высокой отметке, чем на протяжении прежних двух с лишним веков американской истории. Складывается ситуация, когда главными противниками Соединенных Штатов в будущем явятся не Китай, Россия, ислам или некая враждебная коалиция, а нечто более приближенное к центру американской мощи: подлинная угроза американскому единству, культуре и мощи окажется размещенной значительно ближе — и имя ей мультикультурализм.

Происходит своеобразное *дробление* внешнеполитической стратегии как между элитой и обществом, так и между потомками различных меньшинств. Американцы польского происхождения приложили максимальные усилия, чтобы увидеть Польшу в НАТО. Выходцы из Кубы формируют антикастровскую политику Вашингтона, китайское лобби прессирует в пользу благожелательности к КНР, армянские сообщества заняты выработкой армянской политики США и т.п. Диаспоры предоставляют наиболее квалифицированные аргументы, аналитические материалы, выдвигают кандидатов для дипломатических миссий и даже рекрутов в добровольческие силы. Диаспоры оказывают огромное воздействие на американскую политику в отношении Греции и Турции, закавказских стран, в дипломатическом признании Македонии, поддержке Хорватии, введении санкций в отношении Южной Африки, помощи черной Африке, интервенции на Гаити, расширении НАТО, введении санкций против Кубы, решении конфликта в Северной Ирландии, уста-

новлении отношений между Израилем и его соседями. *Основанная на диаспорах политика может иногда совпадать с общими национальными интересами США, но может проводиться и за счет американских интересов и американских отношений с давними союзниками.*

Как сказал бывший министр обороны США Дж. Шлесинджер на лекции в Центре стратегических и международных исследований (Вашингтон), Соединенные Штаты начинают проводить внешнюю политику «скорее не в духе традиционной политики сверхдержавы, а как серию усилий, предпринимаемых под давлением отдельных групп избирателей... Результатом является потеря связности, цельности американской внешней политики. Такое едва ли ожидается от ведущей мировой державы»⁶³³. Все это позволило сделать вывод (С. Хантингтон), что «внешняя политика как совокупность действий, предназначенных защищать и реализовывать интересы Соединенных Штатов как единой общности, противостоящей другим коллективным общностям, будет медленно, но постоянно исчезать»⁶³⁴.

Без помпы и громких деклараций в Америке периода ее геополитического триумфа произошла своего рода революция — замена базовых ценностей, низвержение общеобъединяющих ориентиров. Для многих стран, возможно, такая «смена вех» не столь и существенна. Китай с пятитысячелетней историей и 92%-ным этническим преобладанием в собственной стране был и останется Китаем вне зависимости от господствующих идей и политической философии. Британия, Франция, Япония, Германия и немалое число других стран были и останутся собой вне зависимости от очередного идеологического поветрия.

Но не мультикультурная Америка. Считать триумфом Америки не формирование единого сплава в тигле многих национальностей, а радость пестрого *многоцветья мультикультурализма* вряд ли логично. Гарвардский профессор С. Хантингтон задает вопрос: «Смогут ли Соединенные Штаты пережить конец своей политической идеологии? Соединенные Штаты и Советский Союз напоминают друг друга в том, что не являются нацией-государством в классическом смысле этого слова. Обе страны в значительной мере определяли себя в тер-

минах идеологии, которая, как показывает советский пример, является более хрупким основанием единства, чем единая национальная культура, базирующаяся на общей истории. *Если мультикультурализм возобладает и если консенсус в отношении либеральной демократии ослабнет, Соединенные Штаты присоединятся к Советскому Союзу в грядущем историческом пепле»*⁶³⁵.

Речь идет, прежде всего, о процессе формирования национальной стратегии. Никогда господствовавшие между 1776—1865 гг. англосаксы и преобладавшие в период 1865—1991 гг. американско-европейцы не строили свою внешнюю политику на неких *кровных* преференциях. Но ситуация изменилась после краха коммунистического Востока. Комиссия по американским национальным интересам пришла к выводу: «После десятилетий необычной сосредоточенности на сдерживании советской коммунистической экспансии, мы являемся свидетелями проводимой Вашингтоном политики спонтанных действий и шагов. Если дело будет продолжаться подобным образом, это плавание по течению представит угрозу нашим ценностям, нашей собственности и даже нашим жизням»⁶³⁶.

Конгресс американцев польского происхождения заполнил Белый дом и Капитолий в 1994 году телеграммами, требующими включения Польши в НАТО⁶³⁷. Кубинское лобби определяет политику США в отношении Кастро, а еврейское — в отношении Ближнего Востока. Армянское лобби влияет на политику Вашингтона в Закавказье, греческое — в отношении Турции (оно сумело даже блокировать отправку в Турцию американских вертолетов и фрегатов). Вторжение на Гаити диктовалось давлением черных американцев.

Влияние глобализации. Угроза со стороны мультикультурализма не является единственной. Американская национальная идентичность в XXI веке будет находиться под угрозой *мультикультурализма*, наносящего удар *снизу*, и *космополитизма* (порожденного глобализмом) — *сверху*. Эта *верхняя* линия водораздела в американском обществе будет пролегать между «денационализированной элитой и националистическим обществом. Обращенный к международным связям класс бизнесме-

нов, официальных лиц, академических ученых и журналистов возник вследствие их постоянных путешествий, взаимодействия друг с другом, защиты политики расширения внешней торговли, инвестиций за пределы страны и получения именно там доходов, продвижения по всему миру либеральной демократии и рыночной экономики. Эти цели противодействуют экономическим интересам и культурным привязанностям основной массы американского общества. В результате, как и предупреждал Кофи Аннан, возникла националистическая, антилиберальная и популистская реакция на глобализацию»⁶³⁸. Учитывая, что «патриотизм и религия являются центральными элементами американской идентичности»⁶, возникает *вторая* (после мультикультурализма) сила, противодействующая национальному единству американского народа.

Но есть и *третья* сила. Возникает очень существенное различие во взглядах американской элиты и основной массы населения. Согласно опросу Совета по международным отношениям (Чикаго), лидеров интересует распространение ядерного оружия, а общество — распространение наркотиков, наплыв иммигрантов, дешевый импорт, потеря работы американскими рабочими. 60% общества считают необходимым повышение (сохранение) тарифных барьеров против импорта. А среди элиты такой позиции не наблюдается. Общественность выступает против программ экономической помощи и внешнеполитических авантюр, в чем ей противостоит американская элита. (Отсюда битва против ВТО в Сиэтле, массовые демонстрации против «восьмерки» в 1999—2002 годах).

Вначале элита реагирует на пассивность массы избирателей высокомерно. «Когда массы населения, — пишет американский исследователь Г. Уилле, — теряют интерес к внешней политике, внешнеполитическая элита приходит к заключению, что этот предмет находится за пределами понимания большинства. Эта тенденция быстро усиливается ростом секретности в вопросах национальной безопасности»⁶⁴⁰. Но потерю заинтересованности избирателей трудно компенсировать. Отстояние большинства населения лишит проведение американской внешней политики необходимой электоральной, финансовой, моральной поддержки. Единственный способ преодолеть эту апа-

тию среднего американца — указать ему на страшные ракеты Северной Кореи сегодня и китайские ракеты завтра.

Само понятие «однополярность», полагают многие, все больше будет вызывать массовое противодействие, и в этом смысле был, возможно, прав С. Хантингтон, предложивший свой эвфемизм — «одно-многополярность», как бы намекая на то, что главенство США *не будет* жестокой гегемонией. Не будет тотальной и всепроникающей, иначе цена главенства во всем мире становится слишком высокой. Как выразился У. Кристофер, «любой кризис неизбежно становится нашим кризисом»⁶⁴¹. И Вашингтон в этом случае должен превратиться во всемирное министерство по чрезвычайным ситуациям, число которых в мире, судя по всему, будет постоянно увеличиваться.

Обстоятельства внешнего характера. Еще десятилетие назад, в условиях борьбы с коммунизмом США могли твердо рассчитывать на солидарность западноевропейских стран и Японии. Добившись своих официальных целей (сокрушив коммунизм) американцы продемонстрировали миру, что их подлинной целью является глобальный контроль. Они продолжают «патрулировать» мир и строят свою стратегию на долговременном присутствии своих войск в зарубежных странах точно так, словно холодная война не закончилась. Британский дипломат замечает, что «только в Соединенных Штатах складывается впечатление, что весь мир желает американского лидерства. В реальности же речь идет об американском высокомерии и односторонности»⁶⁴². Для реалистов всех оттенков однополярность — наименее стабильная из конфигураций, потому что огромная концентрация мощи на одном полюсе угрожает другим государствам и заставляет их предпринимать усилия по восстановлению баланса⁶⁴³. В прошлом «доминирование одной державы,— пишет К. Уолте,— неизбежно вызывало реакцию других держав, стремящихся создать противовес»⁶⁴⁴.

Не нужно быть Кассандрой, чтобы предсказать следующее развитие событий: вовне Соединенных Штатов случится исторически обычное — в дальнейшем требования дисциплины и солидарности неизбежно ослабеют, произойдет восстановление баланса в мире. Так было всегда. Антинаполеонов-

ский союз, победоносный в 1815 г., развалился в 1822 г. Победоносная в 1918 г. Антанта распалась в начале 20-х годов. Антигитлеровская коалиция 1945 г. к 1948 г. превратилась в противостояние антагонистов. До сих пор ни один союз в истории никогда не переживал своей победы. Судьба лидера практически всегда одинакова: уступающие ей по мощи государства смыкают свои силы, противодействуя лидеру. И нынешний случай не будет исключением — природа человека и обществ в этом демонстрирует историческую неизменность. Или, как пишет К. Уолте: «Облагодетельствованные чувствуют раздражение против своего благодетеля, что ведет их к мысли об исправлении нарушенного баланса силы... Особенно громкие жалобы слышны со стороны французских лидеров, страдающих из-за отсутствия многополярности и призывающих к росту мощи Европы»⁶⁴⁵.

Согласятся ли гордые державы на диктат сильнейшего? Будущее может быть для США более суровым. Уже сейчас, пишет Р. Хаас, «американское первенство, не говоря уже о гегемонии, далеко не всеми странами приветствуется — и среди противников столь разные государства, как Китай, Россия, Франция, Иран»⁶⁴⁶.

Однополюсная гегемония практически неизбежно ведет к имперскому всевластию одной страны, ее обращению к силовому диктату, доминированию меньшинства над большинством. Такая ситуация — если мировая история хоть чему-то учит — вызывает у большинства ощущение безальтернативности будущего, чувство исторической обреченности, ожесточение в отношении новых форм эксплуатации, активное противодействие компрадорским кругам. Огромный внешний мир — даже при изначальной симпатии к Америке — не может восхищаться такой структурой мирового сообщества, когда функцию принуждения осуществляют владельцы технологии и распорядители финансов. Одна из немногих подлинных истин: лидера и распорядителя никто не любит. Ему могут подчиниться, но всегда не без задней мысли, не без желания сломать диктатуру, изменить отношения «лидер — ведомый» на более равные.

Предупреждения звучат постоянно. «Америке со все возрастающей силой будет противостоять недовольная их дей-

твиями коалиция... После пика напряжения Соединенные Штаты и их главные оппоненты возвратятся к более традиционной системе баланса сил»⁶⁴⁷. Такие мастера геополитики, как Г. Киссинджер, призывают заранее готовиться к многополярности как к естественному состоянию⁶⁴⁸. Складывается впечатление, что перенапряжение экономики, ослабление внутреннего лидерства, негативный эффект авантюры на международной арене возвратят многополюсный мир⁶⁴⁹. «Можно представить себе несколько вариантов будущего,— пишет профессор Йельского университета М. Райзман,— когда мощь Америки будет нейтрализована. Такое будущее могло бы возникнуть в случае более тесной организации Европы, имеющей собственную внешнюю политику и адекватно финансирующую эффективный военный механизм; либо речь может идти о сближении России и Китая, которые бросят вызов США»⁶⁵⁰.

Самый свежий исторический опыт, подобный полученному Америкой в Югославии (стране, чей ВВП не достигает и одной шестнадцатой доли того, что США расходуют лишь на военные нужды) показывает, сколь удобны могут быть калькуляции на бумаге и как сложна реализация гегемонии в реальном мире. Внешний мир попросту неуправляем из одного центра — вероятно, что однажды этот вывод станет для американцев убедительным.

Сомнения испытывают сами американцы. Нельзя сказать, что американские политики и их советники, вся изошренная среда заокеанской политологии не ощущают хрупкости любого владычества, опасности подняться над другими. Здесь меньше, чем могло бы быть, иллюзий относительно союзнической верности и лояльности. Напротив, немалое число американских политологов весьма критично оценивают теряющих критическое чутье идеологов имперской системы.

Внушительное число аналитиков утверждают, что «однополярность — это иллюзия, это краткий момент, который не может длиться долго»⁶⁵¹. «Почему,— пишет американский исследователь Г. Уилле,— другие нации обязаны следовать за руководством США, а не за национальным руководством?»⁶⁵² Ф. Закария предсказывает, что «подъем антиамериканских настроений будет ощущен во всем мире — от коридоров Кэ д'Орсэ

до улочек Южной Кореи дипломаты будут высказывать свое недовольство американской демонстрацией силы»⁶⁵³. Благожелательная гегемония — этот американский словесный оборот воспринимается в остальном мире как нарушение логики. Британский дипломат пишет: «О желании мира иметь американскую гегемонию можно услышать только в Соединенных Штатах. Повсеместно в других местах говорят об американском высокомерии и односторонности»⁶⁵⁴. Америка не всегда права, более того, она часто не права и сомнамбулически не ощущает этого, находя новый Вьетнам, новое Сомали, новое Косово, новый Афганистан. «А если наши ракеты,— пишет американец Э. Басевич,— сокрушат пассажирский поезд, убьют незадачливых беженцев или поразят зарубежное дипломатическое представительство, мы выражаем соболезнование в ожидании, что наши жертвы поймут нас»⁶⁵⁵.

Однополярный мир — просто нестабильная система. Опека одной страны вызывает немедленное противодействие, итогом чего является создание новых центров силы. Немецкий политолог И. Иоффе отражает мнение многих, когда напоминает, что «история и теория учат неприятно международной системе превосходства одной страны. Следуя за международным опытом, необходимо предвидеть превращение Соединенных Штатов в объект недоверия, вызывающий страх и стремления сдерживать эту державу. После краха альянса периода холодной войны, члены этого альянса (по логике истории) объединят свою мощь против Соединенных Штатов. От держав № 2, 3, 4 и др. должен поступить сигнал: мы проводим линию на песке; вы не должны владеть всеми плодами, используя вашу невероятно благоприятную для вас позицию»⁶⁵⁶.

Независимые государства при малейшей возможности отвергают посягательства на свой суверенитет. Международное сообщество интуитивно противостоит гегемону. Униженность в иерархии не может приветствоваться гордыми странами, чей генетический код исторического самосознания не позволяет опуститься до уровня *управляемой* геополитической величины. Не столь просто Вашингтону полностью перевести в русло желаемой для себя политики Китай, Россию, Британию, Францию, чье прошлое и национальное самосознание препятствуют унижительной зависимости от любой державы.

Не связанные же с США государства, в которых проживают две трети мирового населения, — Китай, Россия, Индия, арабские страны, мусульманский мир, большинство африканских стран — пойдут еще дальше, они неизбежно будут воспринимать Соединенные Штаты как внешнюю угрозу своим обществам. Эти государства видят в США страну, склонную к «вмешательству, интервенции, эксплуатации, односторонним действиям, гегемонизму, лицемерию, двойным стандартам, финансовому империализму и интеллектуальному колониализму, с внешней политикой формируемой преимущественно собственной внутренней политикой»⁶⁵⁷.

Индийский исследователь утверждает, что США противостоят Индии почти по всем существенным для нее вопросам. Китайский специалист указывает, что руководство его страны видит в политике Вашингтона главную угрозу миру и стабильности: «Новоприобретенная склонность НАТО к интервенционизму за пределами прежней сферы действия вызывает опасения не только в России, но также в Индии и Китае, она оказывает очевидный дестабилизирующий эффект на возникающий Новый мировой порядок. Односторонние действия США и их союзников в Ираке и Югославии могут ускорить формирование невоенного треугольника Индия-Китай-Россия и даже «стратегического треугольника» как своего рода залога уменьшения зависимости от США»⁶⁵⁸.

Арабская пресса называет США «злой силой» на международной арене. Общественный опрос в Японии в 2004 г. показал, что США видятся второй после Северной Кореи угрозой стране. Исключена ли договоренность за спиной США? На Западе признают, что «наиболее жесткой формой реакции было бы формирование антигегемонистической коалиции, включающей в себя несколько крупных держав... Встречи при отсутствии США лидеров Германии, Франции и России... двусторонние встречи представителей КНР, России, Индии стали международной реальностью»⁶⁵⁹.

Объективные препятствия. Важны объективные обстоятельства. Для создания мира, фактически контролируемого из одного центра, необходимы, как минимум, две предпосылки: *языковое сближение и религиозная совместимость.*

Lingua franca. Гегемония или просто главенство США требует утверждения всемирной роли английского языка. В современном мире признанными являются примерно 1200 языков. Но среди них, разумеется, есть гиганты. Первое место занимает китайский язык, на котором говорят 890 миллионов человек. На английском разговаривают 310 млн., по-испански 280 миллионов, по-арабски — 200, на бенгали — 195 миллионов, на хинди — 190 миллионов, по-португальски и по-русски — по 180 миллионов, по-японски — 130 миллионов, по-немецки — 100 миллионов⁶⁶⁰.

Между 1950 и 1990 годами из 100 освободившихся колоний 56 были британскими и одна — американской. Английский язык был государственным языком во многих странах, но так не могло продолжаться вечно. В освободившихся странах начали набирать вес суахили, хауса, хинди, урду и другие местные языки. Одновременно происходит процесс расширения ареала испанского языка в обеих Америках, французского в некоторых прежних колониях. Арабский распространяется в Северной Африке и на Ближнем Востоке, китайский в собственно Китае и на прилегающих территориях, хинди — в многоязычной Индии. Французы тратят миллиарды евро на распространение зоны употребления французского языка. Германское правительство финансирует работу 78 Институтов Гёте, поглощается арабским язык берберов в Северной Африке и жителей Южного Судана. В Сингапуре проходит двадцатилетняя программа «Говори по-китайски». Важность местных языков будет возрастать по мере того, как популярные писатели, влиятельные торговцы, создатели фильмов, миссионеры, различные отряды местной интеллигенции будут активно стремиться к расширению зоны действия своего языка. Все борцы за местную идентичность будут волей или неволей выступать против мирового *lingua franca*.

Реальностью является уменьшение во второй половине XX в. числа говорящих по-английски с 9,8% земного населения до 7,6%, и эта тенденция продлится в XXI в. Английский язык не становится стержнем мирового общения — если говорить о всемирном масштабе. Может ли быть управляем мир страной, чей язык непонятен 92% мирового населения? (Напомним, что

доля земного населения, говорящего на всех диалектах китайского языка равна 18,8%)⁶⁶¹.

Что ни говори, «профессиональные лингвисты колеблются предсказать, говоря об отдаленном будущем, дальнейшую глобализацию английского языка. Исторически языки поднимаются и падают вместе с военными, экономическими, культурными и религиозными силами, поддерживающими их. Есть основания полагать, что влияние английского языка в конечном счете ослабнет. Прежде всего потому, что на нем говорит лишь незначительное и нетипично удачливое меньшинство. По мере глобализации всего — от торговли до коммуникаций — произойдет регионализация и усиление значимости региональных языков. Арабский, китайский, хинди, испанский и несколько других региональных языков уже начинают расширять зону своего влияния — и период их бурного роста еще впереди»⁶⁶².

Да, до 90 процентов сайтов в Интернете созданы по-английски. Но число пользователей Интернета в США выросло в последний год века на 40%, а в Китае — на 500%, в Индии — на 300%. «От Астурии до Зулу,— пишет лингвист Дж. Фишман,— практическая зависимость мира от местных языков растет в той мере, в какой эти языки способствуют формированию местной идентичности. А это означает, что на пути главенства одной страны, говорящей не на самом распространенном языке, встанет весомое препятствие.

Религия. Что касается религиозной совместимости, то за XX в. две главные прозелитические религии — западное христианство и ислам — не добились решающего перевеса в свою сторону. Но в сопоставлении численности своих приверженцев наметилась неблагоприятная для Запада в целом и для США в частности тенденция. Численность западных христиан увеличилась с 26,9% мирового населения до 29,9% в 2000 г. и понизится до 25% в 2025 г. В то же время численность мусульман поднимется с 12,4% в 1900 г. до 30% мирового населения в 2025 г. Для апологетов однополярного мира это создает весомое препятствие⁶⁶¹.

Требование равенства в торговле и финансах. Заглядывая в будущее, многие футурологи полагают, что «любая система торговли по самой своей природе неизбежно уменьшит роль

США в мировой экономике, поскольку многие господствующие позиции Америки в организациях вроде Всемирного банка или МВФ, полученные после Второй мировой войны, подвергнутся сомнению и протесту. В любой новой системе Соединенные Штаты будут иметь меньше прав голоса и меньше влияния. Как только начнутся переговоры о новой системе торговли и американской публике станет ясной потеря Америкой бывшего могущества, эта публика не поддержит новые соглашения... в таких бумажных организациях, как Всемирная торговая организация (где каждая страна имеет один голос)... В отличие от периода Бреттон-Вудса (1944) США не могут посадить всех за стол переговоров и принудить принять созданную американцами торговую систему»⁶⁶⁴. Отныне США не могут безоглядно следовать только собственным интересам.

Угрозы, которые Америка встретит в будущем, будут мало похожи на угрозы десятилетней давности. Америка должна быть готовой к отражению атак террористов, а не к запуску боев ракет. Вопреки фундаментально изменившейся реальности, стратегия и тактика вооруженных сил США не изменилась принципиально со времен холодной войны. Воздушные силы требуют создания новых типов бомбардировщиков; наземные силы хотят разработки новых танков и бронетранспортеров; ВМС — 12 авианосных соединений. Но кто будет сражаться с партизанами на улицах Могадишо или Митровицы? Это означает, что американские вооруженные силы в XXI веке встретят свои задачи неадекватно. Вооруженные силы США, при всем их феноменальном могуществе, будут становиться все менее эффективным инструментом в силовых конфликтах, которые обещает нам XXI век.

Смириться? «Американцам неизбежно придется примириться, — приходит к заключению экономист Л. Туроу, — с потерей своего положения господствующей в мире экономической, политической и военной державы. Рациональный подход требует, чтобы американцы играли активную, но меньшую роль на мировой сцене»⁶⁶⁵. Ему вторит известный политолог Р. Хаас: «Способность Соединенных Штатов быть постоянно впереди со временем, конечно же, ослабнет. Существуют частичные исключения, но общая долгосрочная тенденция подвергнет Соединенные Штаты эрозии»⁶⁶⁶.

Самодовольство, столкнувшееся с суровой реальностью в Персидском заливе, Сомали, Боснии, Косове, Афганистане, породило критику триумфализма, требующую выработки декларируемой стратегии, постановки конкретных задач, критику республиканцев Дж. Буша-мл. за невнятность курса, за «стратегию лозунгов».

Официальный Вашингтон. Все эти перемены отразились на позиции Белого дома, ощутившего на себе силу этнического давления внутри страны и упорство неподатливого мира извне. На внутренней арене переход к «многорасовости» стал для президента Клинтона своего рода «переходом Рубикона». Он оказался первым американским президентом, который поставил «разнообразие выше единства той страны, которой он управляет. Поддержка реализации собственной этнической и расовой идентичности означает, что недавние эмигранты более не являются объектом того давления, которое испытали на себе прежние эмигранты, стремившиеся интегрироваться в американскую культуру. В результате этническая идентичность стала более важной и увеличивает свою значимость в сравнении с национальной идентичностью... Не имея общей культуры, основа национального единства становится хрупкой»⁶⁶⁷.

Едва ли проводимая в таком ключе политика способна укрепить «монолит США». Под новый мировой порядок гегемонии США подкладывается заряд огромной разрушительной силы. Увеличиваются основания для сомнений в том, что американский народ пойдет на большие материальные жертвы, на жертвы жизнями своих сограждан ради достижения целей, преследование которых — дело рук лишь одного из этнических меньшинств.

Пришедший к власти в 2001 году Дж. Буш-мл. устранился демонстративного мультикультурализма и постарался снова заставить работать старый «плавильный тигель» национальностей в США. Но джинн уже выпущен из бутылки.

Конгресс на троне изоляционизма. В апреле 1999 года палата представителей конгресса США отвергла предложение послать наземные войска США в Косово. Ситуация частично

повторилась с наземными операциями в Афганистане, где американцы предоставляли действовать «Северному альянсу». Но в Ираке американский «волк» бросился вперед, не ожидая ооновского, мирового одобрения. И получил годы кровавой бойни, раскол страны, бессмысленные потери.

Напомним, что, помимо этого, американские законодатели отвергли предложение ратифицировать Договор о всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия. Председатель подкомитета по боевой готовности комитета по вооруженным силам палаты представителей США Г. Бейтмен признал, что «очень хорошо осведомлен о бытующей в рамках республиканской партии точке зрения относительно того, что Америке не стоит стараться быть мировым полисменом, что она слишком часто берет на себя миссии, не представляющие собой жизненной важности с точки зрения национальной безопасности США... Значительную часть республиканцев в конгрессе можно определить как группу, объединенную лозунгом «Прочь из Организации Объединенных Наций»⁶⁶⁸. В военном бюджете уже на 2000 финансовый год сенатор К. Хатчисон внес поправку, призывающую сократить глобальные обязательства США и вывести американцев из тех мест, где их обязательства уже выполнены, — прежде всего из Южной Кореи и Саудовской Аравии. И только ожесточение войны в Ираке заставило американских конгрессменов увеличить военный бюджет страны до колоссальных 476 млрд. дол.

На Ближнем Востоке уникальный шанс манит, и многие не желают разменять возможность господства на некие абстрактные ценности. Как пишет современный американский историк Э. Басевич, господство диктует слишком соблазнительные условия. Но конец операции не обрадует Вашингтон. «По всей очевидности, американцы проснутся в реальном мире, где Соединенные Штаты должны будут принять на себя суровое бремя — частично они уже это бремя чувствуют, — ибо имперское правление налагает такую большую ответственность, что это скажется не только на нашем благосостоянии, но и на нашей идентичности. Даже отрицая то, что это было нашей целью, *Америка может стать Римом*»^{6*9}.

Шансы гегемонии. Физические обстоятельства могут позволить утверждать, что США фактически являются и еще долгое время будут преобладающей мировой силой. Но природа доминирующей роли США будет меняться. На *первой* фазе своего возвышения (1945—2000) источником американской мощи были огромные ресурсы. В дальнейшем США становятся крупнейшим в мире должником. Они начинают принимать на свою территорию больше иммигрантов, чем все остальные страны мира, вместе взятые. На *второй* фазе (начинающейся в новом веке) увеличивается значимость того, что Дж. Най назвал «мягкой силой» — способность достичь большего не подталкиванием, а привлекательностью американского общества, выгодностью не противостоять Соединенным Штатам, а пользоваться плодами дружбы с ними. Особенно красноречив в этом духе премьер-министр Великобритании Тони Блэр.

Сторонники закрепления американской гегемонии утверждают, что самая опасная система — биполярная: «Жесткая биполярная система обычно возникает на закате исторического цикла и в любом случае она ведет к конфликту, изменяющему саму систему. Биполярность — не единственная причина конфликта, но она создает такую совокупность обстоятельств, которые почти неизбежно ведут к конфликту»⁶⁷⁰. Из этого следует, что движение к восстановлению биполярности (с любыми действующими лицами в качестве соперника США) следует остановить и заблокировать.

Обречено ли мировое сообщество в грядущие десятилетия на американское лидерство вплоть до гегемонии, до презрения ко всем атрибутам суверенности — места в ООН, ненападения на чужие страны? Такой обреченности, исторической заданности не существует. Контроль США над внешней сферой не абсолютен. И ничто не вечно, любой процесс имеет как начало, так и конец.

«В ближайшем будущем — от пяти до десяти лет — американское вмешательство в заграничных делах, — пишет американский исследователь Фарид Закария, — будет происходить благодаря стимулам внешнего мира — вакуум власти, гражданские войны, проявления жестокости, голод; но характер

вмешательства будет определяться внутренними обстоятельствами — прежде всего внутренними приоритетами, боязнью крупных потерь и стратегического перенапряжения, гибели американцев. Американцы будут стремиться достичь обе цели, вооружившись риторикой интервенционизма — делая вид активной задействованности — и в то же время в действительности отстоя от реального участия в том, что касается траты времени, денег и энергии. В результате Вашингтон во все большей степени будет превращаться в пустого по своей сути гегемона»⁶⁷¹.

Даже апологеты возвышения США определяют образовавшийся к третьему тысячелетию мир как испытывающий на себе несравненное американское могущество и в то же время не контролируемый полностью инструментами этого могущества. Реализм требует характеризовать существующий мир как таковой, в котором есть *«единственная сверхдержава, но не сформировался однозначно однополюсный мир»*, или *«однополюсный мир без гегемонии»*. Тем самым подчеркивается «неабсолютный» характер американского преобладания в мире, где США, являясь единственной сверхдержавой, «периодически проявляют себя как гегемон в двусторонних, региональных и функциональных отношениях, но не могут позволить себе самоутверждения *всегда и везде*, что не позволяет считать Америку в полном смысле *системным гегемоном»*⁶¹².

Когда идеологи, подобные Роберту Кагану и Уильяму Кристолу, утверждают, что «мир во всем мире и безопасность Америки зависят от американской мощи и воли использовать эту мощь», и говорят о необходимости поддерживать «стратегическое и идеологическое превосходство»⁶⁷³, они, собственно, говорят о мире, где была жесткая дисциплина, о мире, который более не существует, который ушел невозвратно вместе с Берлинской стеной. «Творцы американской политики уже не смогут создать парадигму, которая была бы поддержана американским обществом... Энергичное использование мощи зависит от наличия ощущения исполняемой миссии, а его, увы, нет. Последние рейганисты плетут соломенных чудовищ, пользуются алхимией слов, стараясь возбудить хорду иррациональности в американцах, пытаясь превратить побочные конфликты в центральные, но время крестовых походов ушло, нечего призывать туда, где нет цели»⁶⁷⁴.

ПЕРЕХОД ОТ ОДНОПОЛЮСНОГО МИРА

Естественная диффузия мощи предопределяет шаткость положения лидера. Отсутствие непосредственных соперников, забвение прямых (и даже косвенных) угроз неизбежно порождает коварную самоуверенность, чувство самодовольства, чреватое невниманием к проблемам других, что стимулирует их объединение, ведущее к конечной потере лидером своего могущества. В то же время «фактом является, что остальной мир реагирует на американскую мощь в классической манере поиска противовеса, ведь не мотивы и намерения важны, а относительная мощь государств»⁶⁷⁵.

Нестабильность гегемонии. История учит, что гегемония — с трудом удерживаемая позиция. Особенно, если речь идет о десятилетиях нашего бурного времени. Гегемон не может не совершать ошибки. Его внутреннее психологическое поле не может быть постоянно настроено на жертвенность. Внутренние проблемы статистически чаще преобладают над потребностями контроля в отдаленных пределах. В большом историческом смысле Америка не может рассчитывать на феноменальную историческую исключительность. Конечность ее лидерской миссии определена природой человеческих и международных отношений. Гегемония, полагает живущий в Париже американский обозреватель У. Пфафф, «является внутренне нестабильной, поскольку международная система естественным образом стремится к балансу и противится гегемонизму. Гегемон постоянно находится в опасности»⁶⁷⁶. В то же время «гегемон обуреваем гордыней и эксцессами изнутри, и угрозами извне»⁶⁷⁷.

Односторонность американского внешнеполитического поведения подвергается сомнению и критике еще и потому, что она не является уже ответом на некую (прежде советскую) угрозу, а проявляется как *качество само по себе* — как неукротимое стремление к лидерству. Это не первый в истории случай,

когда лидерство, параллельно с огромными возможностями, несет с собой опасность противостояния с недовольным внешним миром.

Два столетия назад в положении современных Соединенных Штатов находилась Великобритания — она тоже испытывала страх перед потерей глобального могущества. Один из ее великих мыслителей и ораторов Эдмунд Берк выразил свои сомнения так: «Я боюсь нашей мощи и наших амбиций; я испытываю опасения в отношении того, что нас слишком сильно боятся... Мы можем обещать, что мы не злоупотребим своей удивительной, неслыханной доселе мощностью, но все страны, увы, уверены в противоположном, в том, что мы, в конечном счете, своекорыстно воспользуемся своим могуществом. Раньше или позже такое состояние дел обязательно произведет на свет комбинацию держав, направленную против нас, и это противостояние закончится нашим поражением»⁶⁷⁸. Пессимизм Берка на новом этапе англосаксонского могущества разделяется немалым числом специалистов как внутри США, так и в огромном внешнем мире.

Логику Берка хорошо понимают (и солидарно разделяют) те, кого называют *неоизоляционистами* — наследники движения «Америка превыше всего», либертарианцы, убежденные пацифисты, все те, кто отвергает миссионерский пыл гегемонистов.

Объективные факторы. Фаза почти неестественного по мощи подъема одного из субъектов мировой политики не может длиться бесконечно. *Американский век* может не наступить по объективным причинам.

Во-первых, Соединенным Штатам, даже будучи близким к гегемонии, будет чрезвычайно трудно контролировать *все основные* мировые процессы. Мир значительно более сложен, чем его подают безоглядные сторонники «воспользоваться уникальным шансом»; мир практически непредсказуем, в своей эволюции он опасен, и даже малая тучка на горизонте способна принести разрушительную бурю. Предотвратить *все* проявления мировой анархии, пренебречь всеми угрозами международного терроризма не может никакая сила, будь она даже преисполне-

на невероятной жертвенности; но даже малую жертвенность возродить весьма сложно, поскольку любые сегодняшние подрывные процессы не способны угрожать жизненным устоям США, а значит бесконечная жертвенность неоправданна.

Даже если учитывать только материальные обстоятельства. Полвека назад США производили половину мирового валового продукта, в своей торговле имели колоссальное положительное сальдо, хранили у себя две трети мирового запаса золота, кредитовали едва ли не все развитие мира. В начале XXI века на США, в которых живут менее пяти процентов мирового населения, приходится примерно 20% мирового валового продукта. У них хронический торговый дефицит, золотые запасы Америки вдвое меньше европейских. Америка превратилась в крупнейшего мирового должника.

Для поддержания гегемонии США, по оценке экспертов, должны увеличивать в год военный бюджет на 60—80 млрд. дол.⁶⁷⁹. (Такое увеличение военных расходов мы видим в 2002—2006 финансовых годах.) Сторонники укрепления американской гегемонии в конгрессе США предлагают расходование дополнительно 60-100 млрд. дол. в год на протяжении ближайших двадцати лет. Поддержание благоприятного для себя соотношения сил требует от США расходов на военные нужды не менее 3,5% своего ВВП. Законодатели и население не всегда видят в этих расходах резон. Неизбежные новые экономические проблемы наложат ограничения на внешнеполитические возможности. Не забудем, что уже наказание Саддама Хусейна в 2003 г. стоило Америке сотен миллиардов долларов. Одна лишь операция в Боснии, оцениваемая примерно в 10 млрд. дол. в год, никак не может осуществляться за счет только американских средств, основываться на возможности США «процировать мощь», служить полицейским мира. Операция в Афганистане в 2002 г. вызвала напряжение в американской экономике. Соединенным Штатам при определенном стечении обстоятельств может оказаться сложно сохранить обязательное условие американской гегемонии — «сохранение более эффективного контроля над европейскими военными возможностями в рамках и контексте НАТО»⁶⁸⁰.

Во-вторых, будущее уже не может предоставить Америке прежних, невероятно благоприятных условий. В начале XXI века долг США перевалил за 1 трлн. дол., увеличиваясь ежегодно на 15-20% (одна лишь Япония владеет американскими облигациями на 300 млрд. дол., а Китай — на 50 млрд. дол.). В будущем инвестиции иностранцев в США значительно превзойдут американские инвестиции за рубежом, знаменуя собой окончание великого наплыва американских инвестиций во внешний мир. Теперь этот мир сам пришел в Америку.

Присоединение к агрессивному экспорту Японии и «тигров» — Китая, Индонезии, Малайзии и Мексики — привело к напряжению в американской экономике, к потере целых отраслей, к безработице и падению жизненного уровня даже квалифицированных рабочих. Дополнительные (колоссальные) мощности, созданные новыми индустриальными странами в производстве полупроводников, выплавке стали, текстильной — ориентированной на экспорт мировой промышленности (в Китае например, на уже перегруженный экспорт ориентируется примерно 70% промышленности), сделали ясным, что в новом веке экспортные отрасли производителей будут работать быстрее, чем способна потребить их продукцию Америка. В то же время в стране с многотриллионным долгом нельзя потреблять выше некоей планки — дальнейшее растущее потребление поведет к опасному долгу страны.

К тому же стареющее население Америки явится менее перспективным массовым покупателем будущего. Сохранение баланса национальной экономики США потребует от американского правительства ограничить допуск на национальный рынок иностранных экспортеров. Все большее число развитых и развивающихся стран встретит горькое разочарование на прежде казавшемся бездонным рынке Америки. Привязанность тех, кто построил свою экономику (а, соответственно, и политику) на использовании сегмента богатейшего американского рынка, неизбежно ослабнет.

В-третьих, Соединенным Штатам, поднявшимся на необычайную вершину, все труднее рассчитывать на *солидарность* союзников, главные среди которых — Германия и Франция — категорически отказались поддержать США в войне

против Ирака. Действует неистребимое правило: отчуждение лидера, почти автоматическое формирование контрбаланса. Скажем, европейские союзники выступают против излишнего рвения Вашингтона в войне с Ираком. Ощутимо было сопротивление политике в Косове. Вашингтону не удалось принудить Россию отказаться от строительства атомного реактора в Иране, военного сотрудничества с Китаем и Индией. Канада вопреки американскому сопротивлению налаживает контакты с Кубой. В мире нарастает критическое отношение к отказу США ограничить процессы, загрязняющие окружающую среду.

Многократно повторяемое положение: в условиях паранойи холодной войны солидарность союзников проявлялась почти автоматически. Но исчезновение «общей миссии» неизбежно поведет дело союзнических отношений по руслу экономической конкуренции, а на этом пути солидарность уступает место жестоким законам рынка и потенциальные (прежние) союзники могут весьма быстро ожесточиться — что мы уже многократно видели в ходе восьми послевоенных раундов торговых переговоров в рамках ГАТТ и теперь уже ВТО. Соединенные Штаты могут усугубить ситуацию, дав выход «праведному гневу» в отношении ненадежных союзников, неблагодарности клиентов, жесткости несправедливой конкуренции, тяготы решения «неразрешимых» проблем — общей цены лидерства, переходящего в гегемонию.

В-четвертых, периферия всегда объединяется против центра. Остальные страны начинают ощущать, что они не могут более доверять, сотрудничать, получать нечто позитивное от гегемона, они начинают предпринимать действия по созданию контрбаланса. Диффузия капитала, технологии и информации трансформирует внутреннюю жизнь огромного числа стран, порождает неожиданную жизненную силу, трансформирует прежний образ жизни; это делает ее более пестрой, многосторонней и непредсказуемой — в любом случае это развитие подрыывает статус-кво, столь благоприятный для Соединенных Штатов.

В мае 2004 г., сразу же после взятия повстанцами Фаллуджи, председатель объединенного Комитета начальников штабов генерал Ричард Майерс сказал: «В случае перелома здесь нас

ждет общий успех». Шестью месяцами позже — перед ноябрьским наступлением на Фаллуджу генерал Джон Абизайд, командующий американскими войсками в Ираке и в Афганистане, пришел к заключению: «Когда мы выиграем эту битву — а мы ее выиграем, — в Ираке не останется места прятаться от нас». Фаллуджу американцы взяли, и генерал Джон Саттлер, командующий военно-морской пехотой в Ираке сказал, что на этот раз повстанцам перебит спинной хребет». Но шли месяцы, а ожесточенность иракского сопротивления *не* ослабевала. Несмотря на это, через семь месяцев вице-президент Ричард Чейни заявил, что повстанческая активность в Ираке находится «при последнем издыхании». С ним согласился генерал-лейтенант Джон Вайнс — командующий союзными войсками в Ираке: «Инсургенты уже не усиливают своих операций»⁶⁸¹. Но весь этот показной оптимизм рухнул в 2005—2006 годах по мере того, как иракские силы доказали, что их не сломить.

Ирак был первым испытанием «доктрины Буша», ее сердцевины — обоснования необходимости «упреждающего удара». Один из высших представителей администрации указал прямо и непосредственно: «Ирак — пример того, что случается, когда Соединенные Штаты что-либо ставят в свою повестку дня, а затем привлекают весь остальной мир к решению поставленной задачи».

В то же время колоссальная военная мощь никогда не будет достаточной для контроля по всем азимутам. «Американские вооруженные силы показывали себя непобедимыми до тех пор, пока конфликт мог быть сдержан в пределах определенных географических и технических границ. Любая выступившая против США держава примерно размеров Кувейта или Кореи использует только обычное оружие, она не нападает на базовые структуры, которые позволяют превосходной американской мощи, и уже поэтому такая держава обречена. Но держава, которая осуществляет свою военную программу как раз с намерением нейтрализовать эти главные американские преимущества, имеет лучшие шансы — как в ходе ведения военных действий, так и в том, чтобы (это более важно) сдерживать само американское выступление... Вместо того чтобы конкурировать в произ-

водстве более совершенных танков и самолетов, отдавая сферу технологического совершенства Западу, Азия сдвигается в сторону средств массового поражения и баллистических ракет, средств доставки боеголовок. Разрушительные технологии Азии разворачиваются прямо перед глазами Запада, но остаются едва ли не незамеченными, поскольку Запад концентрируется на проблеме своего общего лидерства... Это не вопрос о двух «нациях-изгоях», идущих всем вопреки. Если создание баллистических ракет и средств массового поражения делает государство «парией», то в Азии существует уже как минимум восемь таких государств. Израиль, Сирия, Иран, Пакистан, Индия, Китай и Северная Корея — все реориентируют свои военные системы с пехотных войск на сокрушительные технологии. Некоторые страны стремятся к обретению химического и биологического оружия; некоторые создают атомное оружие; некоторые строят все эти виды вооружений. Но общим является направленность на баллистические ракеты»⁶⁸².

Наиболее показательным примером противостояния американской империи стало поведение Ирана, устремившегося к овладению ядерными технологиями.

Удар по Ирану? Многие американские специалисты всерьез сомневались в том, что администрация Буша может нанести удар по Ирану. Но в конце марта 2006 года эти сомнения начали ослабевать.

Вице-президент Ричард Чейни произнес важную речь, в которой содержалась угроза, направленная против Ирана. Государственный секретарь США Кондолиза Райе заявила перед Конгрессом США, что Иран является самым серьезным вызовом Америке. Президент США Буш обвинил Иран в пособничестве нападению на американских солдат. «Неоконсерваторы бьют в барабаны, в то время как кабельные средства массовой информации обрамляют свои сообщения баннерами с такими словами, как «обратный отсчет» и «решительное выяснение отношений. Месяцами я говорил тем, кто брал у меня интервью, что никакой высокопоставленный политик или военный не рассматривает всерьез военное нападение на Иран. В последние несколько недель я изменил свое мнение».⁶⁸³ Глава министерства национальной безопасности Джозеф Циринционе: «Я им дока-

зывает, что военный удар стал бы губительным для Соединенных Штатов. Он привел бы к тому, что иранская общественность сплотится вокруг в остальном непопулярного режима; он разжег бы гнев против американцев во всем мусульманском мире; он поставил бы под угрозу и без того уже хрупкие позиции США в Ираке».

Если Америка выступит против Ирана, тот просто начнет помогать иракским шиитам. Нападение на Золотую мечеть в Самарре уже вызвало консолидацию шиитов. Причем даже центральная милиция является более дестабилизирующим элементом, чем инсургенты. Ее численность увеличилась за прошлый год с 6 до 10 тысяч человек.

Постоянно осуществляется помощь из-за рубежа. Иран помогает Верховному Совету Исламской революции. Саудовская Аравия, Иордания и отдельные лица из Сирии помогают суннитам, оказавшимся в новом Ираке в сложном положении. Если суннитское племя оказывается атакованным в Ираке, имея родственников в соседних странах, это племя немедленно обращается за помощью и получает ее.

Ричард Хаас, недавно бывший главой отдела планирования госдепартамента, говорит, что гражданская война «явственно будет иметь антиамериканский характер»⁶⁸⁴.

Президент Буш сказал в конце марта 2006 года, что «Саддам Хусейн, а не американское правительство, виноват в гражданском раздоре в Ираке»⁶⁸⁵.

Результаты войны. В течение нескольких дней стало ясно, что американская армия и ее союзники «приготовлены к войне, но не к миру». Воинские части на протяжении нескольких месяцев не могли даже восстановить электрического освещения в одном лишь Багдаде, не могли восстановить цивилизованной жизни хотя бы на уровне режима Саддама Хусейна, не могли обеспечить работой огромную массу иракцев, вернуть к труду демобилизованную иракскую армию.

Субъективные факторы. Не гранитной является и *воля* гегемона. Образ глобального шерифа в общем и целом, вопреки пропаганде и жесткому прессу десятилетий холодной войны, не

импонирует большинству американцев. Более того, значительно изменился фокус их непосредственного внимания. Американскую общественность ныне больше беспокоят внутренние проблемы — ухудшение окружающей среды, распространение наркотиков, криминал, терроризм. «Общественный интерес к политико-военным проблемам, который определял международные дела во время холодной войны, упал даже среди тех, кто характеризует себя интернационалистами... Общественность в общем и целом протестует против одностороннего вмешательства Соединенных Штатов в разрешение споров в отдаленных местах — в Баня-Луке, Тимишоаре, Центральной Африке — особенно если это представляет угрозу военному персоналу американских вооруженных сил. Поддержка американского участия в миротворческих операциях ослабла. Отказ конгресса вносить взнос в ООН не вызвал общественного возмущения»⁶⁸⁶. Американские законодатели отказались дать президенту особые полномочия для заключения торговых соглашений с внешними партнерами страны.

Проблема заключается в том, что «американцы любят считать себя первой мировой державой, но они не имеют глубоких исторических обид или страстей, необходимых для того, чтобы доминировать над другими или реформировать других; они не склонны наделять свое слабеющее правительство необходимыми полномочиями, а себя заковывать в дисциплину, требуемую для осуществления глобальной гегемонии»⁶⁸⁷. Как пишет У. Пфафф, противостоящий изоляционизму «интернационализм является более теорией, чем практикой, и основывается на значительном невежестве относительно происходящего за рубежом. Конгресс не всегда отражает общественное отношение, но в той мере, в какой он это мнение отражает, американский ответ на угрозы национальным интересам — даже коммерческим интересам — чаще всего является односторонним и несущим черты ксенофобии. Это шаткое основание для проведения политики глобальной гегемонии»⁶⁸⁸.

Расширяется пропасть между *продолжением оснащения* таких вооруженных сил, которые выиграли две мировые войны, готовых вести одновременно две войны типа тех, что имели место в первой половине XX века, и неготовностью общества и

элиты платить кровью, убивать и жертвовать собой в этих конфликтах. На пути силовой политики встает новое фундаментальное правило (мы цитируем в данном случае американца Д. Риэфа): «Население Соединенных Штатов не потерпит ни длительной войны (подобной вьетнамской), ни ощутимых, значительных потерь»⁶⁸⁹. Если эта пропасть будет расширяться, то центральная роль Америки в мире подвергнется изменениям довольно быстро. «Вот почему,— пишет Д. Риэф,— факт отсутствия у США соперника где-нибудь на горизонте делает современную ситуацию такой настораживающей»⁶⁹⁰.

Несколько субъективных факторов, ощутимых и в США и за их пределами, следует выделить особо.

Во-первых, происходит дегероизация американского политического Олимпа, а собственно, и самой американской политической системы. Между Уотергейтом и скандалами периода Клинтона исчезла аура, которую мир видел над воином-политиком Эйзенхауэром и «юным цезарем» Джоном Кеннеди. «Потрясенная неурядицами внутренняя сцена Америки,— пишет историк П. Кеннеди,— внутренняя направленность ее культурных войн предопределяют растущую сложность нахождения лидеров, которые фокусировали бы свое внимание на международных проблемах... Все это ослабит способность Америки к мировому лидерству»⁶⁹¹.

Во-вторых, как бы завершился своего рода «крестовый поход» американцев во внешнем мире. Они одержали все возможные победы. Не пора ли почтить на лаврах? Возникает картина, когда основная масса американского населения все еще поддерживает идею мирового лидерства, но, повторяем, весьма нерасположена «платить» за него — она явно не готова к самоотверженности, она против американских жертв. Американцы не расположены видеть свою страну глубоко вовлеченной в долгосрочные внешнеполитические кризисы. Речь не идет о некоем возврате американского изоляционизма, но явно иссякает энтузиазм следовать клятве президента Дж. Кеннеди «заплатить любую цену» за свое лидерство в мире.

Об ослаблении интереса простых американцев к прежде привлекательному миру можно судить хотя бы по туристическим потокам. В XX веке число американцев, выезжавших за

границу, значительно превышало численность иностранцев, посещавших Соединенные Штаты. На рубеже XX—XXI вв. эти цифры почти сравнялись (по 45 млн. человек выезжали из США и приезжали в них). Численность иностранцев, навещающих Америку, в XXI в. будет значительно больше массы американцев, выезжающих за границу.

В-третьих, во внешнем мире растет убежденность в том, что американский опыт практически неимитируем, что повторить американский путь не сможет никто. Хотя бы потому, что недостаточно земных ресурсов и уровень американского потребления, воспроизведенный в массовых масштабах, просто опустошит планету — основных ископаемых при американском темпе потребления хватит лишь на несколько десятилетий.

Соответственно, нетрудно предположить, что будут расти сомнения в воспроизводимости, имитируемости столь пропагандируемой системы ценностей, в либерально-экономической модели Америки, подаваемой как неизбежное будущее человечества («конец истории» и т.п.). Как приходит к выводу американский исследователь де Сантис, «либерально-демократическая идеология, может быть, и одержала триумф над государственнической коммунистической альтернативой и над азиатской моделью индустриального планирования и политической опеки. Но это не означает, что другие нации торопятся повторить американский путь, еще менее готовы они последовать путем, который считают противоречащим их интересам. И чем больше необходима будет помощь других стран для реализации американских инициатив, тем больше те будут настаивать на собственном пути»⁶⁹².

В-четвертых, ослабевает магнетическая притягательность массовой культуры США. Даже средний американец не будет доволен жизнью в стране, где «половина браков завершаются разводом, где в двухчасовом фильме сотня сцен насилия. Уже есть признаки изменения системы ценностей — призыв к контролю над оружием, реформация системы общественного здравоохранения»⁶⁹³. Скепсис набирает сторонников. «С распадом Советского Союза никакая сила уже не угрожает существованию Америки и никакая внешнеполитическая идея не возбуждает общественного интереса. Конгресс во все большей степе-

ни «балканизирован» — многие демократы не убеждены в достоинствах свободной торговли, а республиканцы питают слабый интерес к международным проблемам, у них нет желания посвящать время международным делам. Президент должен учитывать эти тенденции»⁶⁹⁴.

В-пятых, неясен ответ на вопрос, как совместить прием огромного числа иммигрантов (столько же, сколько принимает у себя весь остальной мир) с центральной ролью Интернета и построенной на нем экономики со всеми новыми присущими ему (Интернету) ценностями? Как сочетаются между собой национализм и космополитизм, мир клятвы новой родине и анонимный мир современных массовых коммуникаций?

В-шестых, критически важным обстоятельством является разлад в отношениях между внешнеполитической элитой США и основной массой американского населения. Обратимся к социологической статистике. Согласно опросам чикагского Совета по международным отношениям, 98 процентов американской элиты категорически выступают за мировое лидерство. Гораздо сложнее отношение к этому вопросу основной массы американцев. Американская общественность не выразила никакого энтузиазма по поводу новой предполагаемой атаки против Ирака в феврале 1998 года, не выказала энтузиазма в случае с балканской военной интервенцией весной 1999 года, не была готова к полномасштабным операциям в Афганистане и Центральной Азии в 2002 году. Расширение НАТО на Восток получило весьма сдержанное одобрение незначительного большинства американцев.

Элита уже не может преподносить своему народу нечто «логически безукоризненное» типа стратегии «сдерживания». (Сдерживать СССР уже поздно, а КНР еще рано.) В то же время 72% американцев полагают, что Соединенные Штаты не должны слишком вовлекаться в международные дела, а должны концентрироваться на внутренних национальных процессах — этого мнения элита явно не разделяет. По умозаключению Ф. Закариа, «общественность более не верит, что элита идет правильным путем. Общественность полагает, что элита слишком интернационально настроена, слишком концентрируется на грандиозных проектах — таких, как поддержание стабильного

мирового порядка или расширение зоны свободной торговли, а не на интересующем американский народ улучшении внутриамериканской жизни»⁶⁹⁵.

Обратимся хотя бы к мировой торговле. 79% представителей элиты выступают за ликвидацию таможенных барьеров и расширение мировой торговли, среди широкой общественности такую идею поддерживают лишь 40% населения⁶⁹⁶. Только 51% представителей элиты считают защиту американских рабочих мест «очень важной целью» — каковой ее считают 84% общественности. Такого водораздела между широкой публикой и элитой не существовало в годы холодной войны, но он обрел очевидную зримость в начале третьего тысячелетия. И если настроенные на долгосрочную гегемонию политики не сумеют создать массовую поддержку жесткому международному курсу страны, внутреннее основание гегемонии прогнется несмотря на все" физическое могущество.

Как резюмирует де Сантис: в конечном счете «Соединенные Штаты не владеют достаточными ресурсами и необходимой волей, чтобы осуществлять свою (контрольную) работу бесконечно»⁶⁹⁷. Более углубленные в себя, менее прозелитирующие как носители новых ценностей американцы встретят жесткое конкурентное давление менее избалованных исторической судьбой соперников-конкурентов. И судьба Америки может оказаться стандартной для мирового центра: цена «имперской вахты» окажется для более самососредоточенного общества все менее и менее приемлемой.

Лидерство в неудовлетворенном мире. Как оценивает ситуацию С. Хантингтон, «однополюсная система предполагает наличие одной сверхдержавы, отсутствие крупных держав, множество мелких стран»⁶⁹¹. Только в такой обстановке сверхдержава могла бы эффективно решать основные международные вопросы, и никакая комбинация, никакой союз других держав не мог бы противостоять единственному силовому полюсу. На протяжении многих столетий такой державой был античный Рим, а в своем дальневосточном регионе — Китай.

«Нечасто,— отмечает У. Пфафф,— американцы задаются вопросом, имеют ли они достаточные моральные и интеллекту-

альные ресурсы для осуществления роли гегемона... Но реальность, сила вещей, эвентуально поставят во всю ширь этот вопрос, даже если сейчас он и непопулярен»⁶⁹⁹. Некоторые умудренные американцы задают роковой вопрос уже сейчас: «Великий вопрос американской внешней политики уже сейчас заключается в противоречии между настойчивым желанием оставаться главной глобальной силой и постоянно растущим нежеланием платить цену за такую позицию»⁷⁰⁰.

Отмечая свое девяностолетие, патриарх американской политологии Дж. Кеннан дал весьма критический анализ возможности для Соединенных Штатов осуществлять мировую гегемонию: «Перед нами в высшей степени нестабильный и неудовлетворенный мир — преисполненный противоречий, конфликтов и насилия. Все это бросает нам такой вызов, к которому мы не готовы. В течение 60 лет внимание наших руководителей и общественного мнения было монополизировано *совсем другими угрозами*... Наши государственные деятели и общественность не приспособлены реагировать на такую мировую ситуацию, в которой нет четко выраженного фокуса для проведения национальной политики»⁷⁰¹. Кеннан не утверждал, что Америка нуждается в четко прописанной великой стратегии (имитирующей стратегию сдерживания), но он констатировал факт, что Вашингтон едва ли готов к решению проблем нового мира XXI века. Он указал и на внутреннее разъединение, и на противостояние несклонного быть управляемым внешнего мира.

Иные приоритеты. Кеннан прав, говоря об изменении фокуса национального интереса. Опросы общественного мнения подтверждают этот факт. Американцы воспринимают внешние угрозы следующим образом (в процентах, начиная от наиболее значимых): международный терроризм (80%); применение химического и биологического оружия (75%); возникновение новых ядерных держав (73%); эпидемии (71%); превращение Китая в мировую державу (57%); поток иммигрантов в США (55%); конкуренция Японии (45%); экономическое соперничество со странами с низким жизненным уровнем (40%); исламский фундаментализм (38%); военная мощь России (35%); региональные этнические конфликты (34%); экономическое соревнование с Западной Европой (24%)

Большинство американцев в общем и целом, повторяем, предпочитают интернационализм изоляционизму, но при этом не склонны к жесткой вовлеченности и сопутствующим издержкам. (В этом отношении американская империя повторяет эволюцию британской империи. Британские генералы Второй мировой войны Монтгомери и Александер в качестве молодых офицеров видели страшные потери Первой мировой войны, обескровившие целое поколение. Став старшими военачальниками, они прежде всего думали о минимизации людских потерь. Такую же эволюцию претерпевают американские младшие офицеры периода вьетнамской войны — теперь четырехзвездные генералы более всего боятся массовых людских потерь.)

Мир не окрашен для американцев одной краской, они выделяют более важные для себя страны, за чьей политикой следует следить в первую очередь. Шкала жизненных интересов размещает такие страны (по степени уменьшения значимости для США в % населения и политических лидеров):

Таблица 9

Страна	Общественность США	Лидеры США
Япония	87	94
Россия	77	93
Саудовская Аравия	77	88
Китай	74	95
Израиль	69	86
Канада	69	89
Кувейт	68	89
Мексика	66	93
Британия	66	84
Иран	61	72
Германия	60	83
Южная Корея	54	82
Южная Африка	52	52
Тайвань	52	52
Босния	51	48
Куба	50	48
Египет	46	66

Афганистан	45	45
Франция	37	57
Индия	36	36
Индонезия	33	50
Бразилия	33	75
Турция	33	33
Гаити	31	33
Польша	31	42
Эстония, Латвия, Литва	27	30

Источник: «Foreign Policy», Spring 2003, p. 103.

В опросах американского общественного мнения только в одном случае американцы выражают готовность применить американские вооруженные силы за пределами США — в случае вторжения Ирака в Саудовскую Аравию, ради наказания Аль-Кайды в мусульманском мире.

В результате внешняя политика США находится под влиянием интересов отдельных групп, влиятельных частных, а не общенациональных интересов, не общенациональной стратегии. Некоторых американских политологов это раздражает: «Если современная эра американского превосходства подойдет к преждевременному окончанию, а за ней последует период повышенного насилия и окончания процветания, то объяснением этому будет американская глупость, а не внезапный подъем противника»⁷⁰².

Неприемлемые материальные расходы. Такие американские исследователи, как У. Грейдер (посетивший немало число заграничных баз — места дислокации американских войск на самых разных широтах), приходят к выводу, что на определенном этапе чисто материальная цена поддержания огромной зоны влияния окажется неприемлемой для большинства американцев. Грейдер пишет: «Даже если современный консенсус по поводу поддержания текущих уровней вооруженных сил сохранится, бюджетное напряжение, уже видимое и осязаемое, станет в конечном счете непереносимым. Цена еще более дорогостоящих исследований и разворачивание новых систем вооружений, необходимых для обеспечения минимального уровня американских потерь, значительное повышение зарплат и пенсий военно-

служащим, рассчитанное на предотвращение их ухода в гражданские области, на поддержание нынешнего масштаба воинского контингента и индустриальной инфраструктуры, создаст бремя, которое, попросту говоря, станет невыносимым для американцев даже в период экономического процветания»⁷⁰³.

С одной стороны, ослабление желания выполнять внешнеполитические обязательства и предпринимать инициативы за пределами границ США произойдет еще более естественным образом в случае замедления роста американской экономики, когда расходы на социальные нужды выйдут на первый план и нанесут удар по бюджету вооруженных сил США. При этом создание высокотехнологичных видов вооружений может *очень быстро* стать настолько дорогостоящим (учитывая безусловный настрой американского населения на предотвращение *всех* возможных потерь), что начнут поглощать основную массу ассигнований на военные нужды, создавая объективно нужду в его увеличении.

С другой стороны, усилия по сохранению в армии «лучших и самых ярких» станут бессмысленными в случае продолжения экономического бума в экономике страны. Американская армия начнет терять самый квалифицированный персонал. Скажем, гражданские авиакомпании будут сманивать лучших военных пилотов. Способность содержать армию, годную к глобальной миссии, станет все более трудной. Эти взгляды наиболее убедительным образом выразил бывший пилот ВМС сенатор Маккейн, весьма ярко проявивший себя во время избирательной кампании республиканцев в 2000 году.

С третьей стороны, настроения молодого поколения американцев едва ли окрашены в героический дух жертвенной обороны трансконтинентальных границ — вех всемирной зоны влияния. Американское общество эволюционировало в направлении не тяги к имперской славе, а в направлении ценностей комфорта, долголетия, индивидуального самоутверждения. «Наше общество, — подчеркивает Д. Риефф, — сделало *здоровье* общепризнанно наиболее важной социальной ценностью... В Америке индивидуумы, попавшие в катастрофу или ущемленные неудачным поворотом событий, немедленно принимают искать, кого можно в этих несчастьях обвинить. В таком

культурном контексте старые доблести жертвенности, подчинения, дисциплины и риска теряют свой смысл, и неудивительно, что армия США должна приспособиться к этим реалиям»⁷⁰⁴.

В течение уже долгого времени американцы полагают, что проблема может быть решена за счет революции в передовой военной технологии, позволяющей наносить сверхточные удары, сохраняя при этом людскую силу. Отсюда огромные усилия по созданию целого потока направляемых лазерным лучом ракет, управляемых снарядов и бомб, которые должны минимизировать людские потери. Подлинная проблема заключается в том, что, не желающее ничего слышать о людских потерях, американское население в то же время выросло в твердой вере в буквально безграничную американскую военную мощь.

Для лидерства в мире США нуждаются в самом образованном населении. В то же время серьезные исследователи отмечают, что американская система образования дает сбой, что американские дети учатся меньше на 40-80 дней в год, чем их сверстники в Европе и Японии; качество образования также оставляет желать лучшего. Инвестиции в образование, инфраструктуру и исследования сократились. Американцев будет заботить, что их правительство «ничего не сделало для повышения уровня образования тех, кто не учится в университетах. Для экономики первого мира массивная рабочая сила третьего мира — не самый прочный экономический фундамент»⁷⁰⁵.

Мир не разделяет многие из американских ценностей. Мы видим, как возглавляемая канадцами группа из 20 стран отвергла «американский культурный экспорт», целые коалиции фактически препятствуют Соединенным Штатам снова осуществить меры военного воздействия на Ирак. Собственно, остается загадкой не это противодействие, а удивительное *непротивление* европейских и азиатских стран диктуемому Америкой порядку, их прямая и косвенная поддержка.

«Другие нации, — размышляет У. Пфафф, — имеют собственные мифы национального происхождения, своей уникальности и судьбы. Американский опыт представляет для других народов некоторый исторический интерес, но особого политического значения он не имеет. Другие общества могут восхищаться Соединенными Штатами, эти общества могут завидо-

вать американцам по-хорошему и по-плохому. В Соединенные Штаты продолжается иммиграция тех, кто жаждет того, что воспринимается как свобода и приобщенность к материальным богатствам. Но огромное большинство человечества *индифферентно к американским порывам*, если вовсе не враждебно к ним; элита прочих наций мира не готова воспринимать такую иерархию политических обществ и культур, в которой Соединенные Штаты всегда находятся на вершине»⁷⁰⁶.

Как удержать доминирующие позиции. Американская элита, лидеры обеих политических партий верят в возможность удержания главенствующих позиций в мире. Примером могут служить сказанные в американском сенате слова государственного секретаря Мадлен Олбрайт: мы (американцы) должны сохранить за собой функции «авторов истории своего времени»⁷⁰⁷. А если так, то дело в правильной стратегии, в разумном расходовании сил, в нахождении оптимальной схемы преобладания. Предполагается, что выбор адекватной стратегии продлит пребывание США на мировой вершине в функции «авторов» истории двадцать первого века.

По существу же, США будут вынуждены — это будет их исторической судьбой в XXI веке — решать задачу предотвращения *объединения* потенциальных конкурентов и соперников. Прежде всего, важна форма, стиль, верное обращение с переменчивым миром. Американский исследователь Г. Биннендийк призывает вспомнить старую мудрость президента Теодора Рузвельта: «Говори вежливо, но неси большую дубину»⁷⁰⁸. Но за счет стилевых особенностей не решишь роковую задачу преобладания и контроля. Дебаты в США, как и в остальном мире, дают основания для размышлений по этому поводу. Выделим *десять способов* решения этой задачи, вытекающих из интенсивной мозговой атаки, которую проводят сторонники закрепления американских позиций в мире на максимально долгое время в двадцать первом веке.

1. Первый способ представляет собой *имитацию поведения Британии*, когда та в XIX веке добилась доминирующей мировой позиции, но тоже не могла рассчитывать на повсеместный контроль в свете демографических, экономических,

транспортных, социальных и прочих ограничений. Такая имитация диктует отстояние от мелочной опеки и контроля, равно как и отказа от автоматически обязывающих союзов на дальней периферии и предполагает энергичное вмешательство в заморские дела лишь в случае открытого заявления о себе претендента (или группы претендентов) в качестве противников благоприятного для гегемона статус-кво. Английский король Генрих VIII первым выдвинул принцип *Cui adhaero praeest* (*Том, кого я поддерживаю, возобладает*). И британский лев сражался на стороне противников испанской гегемонии в Европе, против французов во времена Людовика-Солнца и Наполеона, против немцев кайзера Вильгельма Второго и Гитлера. То есть Вашингтону предлагается выбор стратегии *борьбы с возникающим претендентом на мировое могущество по мере возникновения угрозы* и посредством поддержания сил, выступающих против очередного претендента.

Можно согласиться, что Америка в некоторых отношениях напоминает Британию. В 1881 году на Британию приходилось 25% мирового ВВП — столько же, сколько приходится сегодня на Соединенные Штаты. США сегодня (как Британия тогда) являются финансовым центром мира. Британия 1880 года являлась — как и США сегодня — единственной сверхдержавой мира. Сходно и практически «островное», охраняемое двумя океанами положение, обладание неоспоримо преобладающей военно-морской мощью и другими элементами «проекции мощи» в практически любые земные регионы (непререкаемая военно-воздушная мощь и космические средства слежения).

Британский способ сохранять свое лидерство посредством «бросания своей мощи» на весы в решающий момент может в двадцать первом веке оказаться привлекательным для Вашингтона. Даже если бы, скажем, Россия и Китай совместили свои потенциалы, «Соединенные Штаты могли бы сдерживать их настолько долго, что смогли бы нанести неприемлемый ущерб каждой из этих стран»⁷⁰⁹. Для США в данном случае было бы важным добиться противостояния такому союзу ЕС и Японии; бросая свой вес на чашу исторических весов, Америка гарантировала бы преобладание *своей* коалиции.

И все же, сколь ни выигрышным смотрится такой вид поведения, такая стратегия, США XXI в. очень отличаются от Британии XIX в. *Во-первых*, Лондон не был, по существу, интегральной частью мировой системы. Он отстоял от основных заморских процессов, лишь периодически в них вмешиваясь. Вашингтон же самым непосредственным и существенным образом является звеном мировой системы — он непосредственно вовлечен в региональные балансы, он содержит войска в ключевых регионах, он присутствует явственно и зримо почти повсюду. Ухудшение положения в любом из важных регионов практически немедленно сказывается на США. *Второе* отличие — Америка не может рассчитывать на то, что региональные конкуренты просто своим соперничеством нейтрализуют друг друга. Трудно представить, скажем, как Европейский союз может нейтрализовать Китай. *В-третьих*, хотя Соединенные Штаты и могут периодически высаживать десант (как это было в Персидском заливе в 1991 г. и в Косове в 1999 г.), но полагаться лишь на «точечные удары» Вашингтон не сможет. Геополитический бум XXI в. не будет похож на плавное течение XIX столетия.

И главное. Как ясно теперь, три миллиона квадратных миль колоний не укрепили Британию, а напротив, рассредоточили ее ресурсы. Ясное видение центральной проблемы безопасности оказалось замутненным вниманием к кризисам в самых отдаленных районах Азии и Африки. Увлечшись наведением порядка на Занзибаре, в Судане и Уганде, Лондон «просмотрел» бросок вперед своего подлинного противника — кайзеровской Германии, сконцентрировавшей свою мощь в решающем регионе, Европе, и изменившей соотношение сил здесь кардинально. Британский лев развернулся к Европе тогда, когда стало практически поздно, а исправлять сложившуюся ситуацию стало весьма накладно. Почему подобной участи должен избежать американский орел?

Имитировать «блестящую изоляцию» Британии может оказаться для лидерских притязаний США *контрпродуктивно*. В этом случае следует вспомнить «правило Уолтера Липпмана», сформулированное им в 1941 году: не связывай себя обязательствами, которые превосходят твои возможности, постоянно ду-

май о балансе обязательств и мощи, оставляй часть мощи в резерве. В противном случае недалеко и до банкротства. «Соединенные Штаты должны обеспечить свои планы ресурсами, когда и — что еще более важно — наличествует национальное намерение выполнить взятые обязательства, когда есть возможность выполнить взятые обещания, когда политика осуществляется в реальной жизни, а не в риторике»⁷¹⁰. Перекоз вызовет кризис.

2. Если учитывать геополитический опыт, то Соединенные Штаты должны следить прежде всего за *центральным* балансом сил. Тогда вперед выйдет *бисмарковская* модель поведения. После объединения Германии канцлер Бисмарк, руководя рейхом в условиях превращения его в ведущую силу Европы, заботился прежде всего об избежании изоляции страны в Европе и мире. (К современной — как и к тогдашней ситуации можно применить слова британского премьера Дизраэли: «Перед нами новый мир. Прежний баланс сил полностью разрушен».) Именно по причине разрушения прежнего баланса бисмарковская Германия (как и США сегодня) была самым уязвимым участником нового уравнивания мощи в мире. Подобным же образом Америка XXI века будет стоять перед задачей, в некоторых отношениях подобной — перед избежанием изоляции. США в будущем (как и Германия на рубеже XIX—XX вв.) могла бы *сокрушить каждую из стран, взятых в отдельности, но не может* возобладать *над всеми соперниками, взятыми вместе*).

Основное правило Бисмарка было высказано им русскому послу Сабурову: «Вся политика может быть сведена к формуле — постарайся быть среди *троих* в мире, где правит хрупкий баланс *пяти* великих держав. Это единственная подлинная защита против формирования враждебных коалиций». Подобным же образом стратегией Соединенных Штатов в грядущем могло бы стать тщательно отслеживаемое и скрупулезно осуществляемое противодействие попыткам создания (потенциально) враждебных коалиций на основе присоединения к сильному большинству. Согласно этой схеме поддержание баланса как защите статус-кво Америке следует осуществлять не *извне* (подобно Англии Пальмерстона и Гладстона), а *будучи в центре системы* — как бисмарковская Германия. Популярной метафо-

рой при данном подходе является сравнение Соединенных Штатов с *осью*, а Западной Европы, Японии, Китая, России, Ближнего Востока со *спицами* этой оси.

3. Третий способ удержать глобальное доминирование в XXI веке заключается в том, чтобы в каждом из мировых регионов поддерживать *вторую* по значимости державу, тормозя тем самым выделение региональных лидеров, ставя на их пути к возвышению могучее препятствие в виде (квази)союза с *противником* претендента на местный контроль. Это означает, что в Западной Европе следует поддерживать Британию против лидера Европейского Союза Германии. В Восточной Азии следует поддерживать военный и экономический союз с Японией как страховку на случай проявления претензий Китая на региональное лидерство. Следует поддерживать в Восточной Европе Украину, страхуясь тем самым от курса России на региональное лидерство. В Латинской Америке США должны поддерживать Аргентину в пику явственно выделяющейся Бразилии. В регионе Персидского залива оптимальный курс Вашингтона заключается в поддержке Саудовской Аравии как противовеса 70-миллионному Ирану. В Южной Азии логический выбор — ориентация на Пакистан как фактически единственное препятствие региональной гегемонии Индии.

Следует воспользоваться тем обстоятельством, что большинство значимых стран так или иначе нуждаются в США — для страховки против влиятельных соседей, если те выйдут на дорогу самоутверждения. Фактом реальной жизни является то, что в Евразии США имеют лучшие отношения с Россией, Китаем, Японией, Южной Кореей, чем они сами между собой. В будущем стратегия США должна заключаться в том, чтобы основные мировые силы нуждались в Америке в качестве противовеса соседям (предлагая свой самый прибыльный рынок, являясь поставщиком технологии и т. п.). Скажем, на Ближнем Востоке США, полвека назад заменив после Суэца Англию и Францию, стали посредником между арабами и Израилем, в отношениях между умеренными и радикальными арабскими режимами.

Сила этого подхода в том, что региональная держава № 2 весьма часто с охотой соглашается опереться на помощь вели-

чайшей мировой державы, способной, во-первых, оказать экономическую, военную и политическую поддержку; во-вторых, помочь реализации «заветных чаяний» страны, желающей нейтрализовать регионального координатора. Это весьма эффективный способ быстро «войти» в местный расклад сил, оставляя «жертвенную часть усилий» самой державе № 2 в регионе. Негативной стороной этого подхода является сравнительно быстрое отчуждение региональных лидеров. Никто еще не доказал, что поддерживать местный № 2 против местного № 1 беспроигрышно. Здесь таится опасность просчета, антагонизации наиболее важных лидеров второго мирового звена.

4. Выбор среди всего мирового расклада сил *нескольких преференциальных партнеров*. Утверждение, что Соединенные Штаты могут все на мировой арене делать собственными силами и поддерживать свое первенство без союзнической помощи, является стратегической ошибкой. При таком сочетании психологических и материальных факторов все большую привлекательность обретут схемы раздела глобальных прерогатив с избранными союзниками, с потенциальными соперниками. По опросам общественного мнения, осуществленным чикагским Советом по международным отношениям, 72% американцев считают необходимым в случае кризисной ситуации не предпринимать односторонние действия и заручиться поддержкой союзников⁷¹². «Что будет означать американское лидерство в отсутствие демократических союзников? Какого типа нацией станут Соединенные Штаты, если они позволят Великобритании, Германии, Японии, Израилю, Польше и другим демократическим странам отгородиться от мировых вызовов, выдвигаемых внешним миром? США должны быть не «прибрежным балансиром», не спасителем других в экстремальных условиях. Они должны находиться в постоянном контакте со своими союзниками и активно этих союзников использовать»⁷¹².

Америке нужны союзники — но не декоративные сателлиты, а организованные и эффективные партнеры. Правильное видение будущего мира, утверждает Ч. Капчен, «требует от США создания директората, состоящего из главных держав Северной Америки, Европы и Восточной Азии»⁷¹³. Логично предположить членство в таком директорате «первых» стран

своих регионов — Японии, Германии, России, Индии, Бразилии. В интересах Соединенных Штатов было бы «привлечь Россию, Китай и Индию на *правильную* сторону глобализации и демократизации... Россию следует привязать к Западу... Китай включить в ВТО... Измением позиции по Кашмиру улучшить отношения с Индией»⁷¹⁴.

Логично предположить сближение «группы семи» — наиболее развитых стран западного мира. Такие экономисты, как Л. Туроу и Г. Кауфман, как финансист Дж. Сорос, выступили адвокатами более регламентированного регулирования внутри «большой семерки», создания эффективных многонациональных заемных организаций, координации стратегии ведущих банков, регламентации правил и стандартов инвестирования и отношений между заимодателями и должниками.

Предлагается не замыкаться в рамках уже обозначившейся «семерки» и расширить ее состав с тем, чтобы не антагонизировать лидеров отдельных регионов. Считается логичным, оправданным и выигрышным для Соединенных Штатов закрепление полного членства России, а также приглашение на форумы и дискуссии — вплоть до предоставления полного членства — Бразилии, Китая, Индии. Имеются и более широкие идеи. Скажем, предложения о создании мирового директората в составе десяти членов, пять из которых были бы постоянными: «Соединенные Штаты сосредотачиваются на Западном полушарии; Россия и, возможно, Германия, наряду с ротирующимися представителями новообразованного Западноевропейского союза безопасности, отвечают за европейский регион; Китай и Япония плюс ротирующийся член из Юго-Восточной или Восточной Азии курируют дальневосточный регион; одно или два государства от ближневосточного региона плюс альтернативный представитель средиземноморских стран и стран Персидского залива полномочны на Ближнем Востоке; одно или два африканских государства — в Африке. В оперативном плане региональные организации безопасности будут обращаться с петициями к Организации Объединенных Наций, которая создаст международный Директорат Безопасности для поддержания мира»⁷¹⁵.

Наиболее логичным и привлекательным видится сплочение «большой восьмерки» плюс такие важные страны, как Китай, Индия, Бразилия. Подобная «группа одиннадцати» могла бы установить минимальные нормы и правила ради выгоды всех участников, США в первую очередь.

Соединенные Штаты должны энергично руководить этим процессом, выступая в роли честного международного шерифа. Именно «*шерифа*, а не *полисмена*. Последний должен демонстрировать большую степень власти, большую способность действовать в одиночестве, большую последовательность в *собственных* действиях. По контрасту шериф должен осознавать недостаточность своих прерогатив во многих отношениях, он обязан работать вместе с другими и он обязан решать, где ему следует проявлять власть, а где воздержаться от ее проявления»⁷¹⁶.

В этом подходе есть *за* и *против*. Позитив — в возможности опоры на подлинно мощные и растущие страны, способные оказать поддержку мировому лидеру. Негатив в том, что однозначная поддержка регионального лидера способна превратить его внешнеполитические замыслы в реальность — в итоге чего степень воздействия на него Соединенных Штатов в искомом регионе в дальнейшем сокращается. С другой стороны, получая немедленную поддержку, выигрывая на короткой временной дистанции, Соединенные Штаты рискуют в этом случае проиграть в отдаленной исторической перспективе. Лояльность и союзническая готовность подлинно крупных стран не может быть гарантированной *всегда и повсюду*.

5. *Пятый* способ американский идеолог де Сантис называет стратегией *координированных действий*. Даже не организуя союзников, можно добиться взаимопонимания с ними и на этой основе создать безусловно преобладающую силу в мире. Эта доктрина ориентируется скорее на интересы, чем на некие (общие) ценности в системе международных отношений. Она предполагает скорее региональную, чем глобальную координацию действий. При этом координация не будет посягать на прерогативы национальных органов — напротив, будет поддерживать собственную мощь союзных государств-наций, учитывать их интересы.

Разумеется, учитывая лидерство Соединенных Штатов, *взаимокоординация* будет прежде всего означать «штабное планирование» Америки и периодическое делегирование полномочий региональным партнерам. Региональными «шерифами» в различных ситуациях могут быть разные союзные страны. Конкретные задачи потребуют конкретных действий — *взаимокоординация* будет приспособлена к потребностям реального мира, к меняющимся обстоятельствам, а не к догмам. В этом случае политический и экономический ландшафт двадцать первого века будет сформирован не хаотическим потоком событий, а корреляцией потребностей стран, входящих в авангардную группу. *Взаимокоординация* будет отличаться тем, что особые, наиболее насущные интересы политически и экономически значимых сил не будут игнорироваться, будут учитываться посредством сотрудничества и взаимодействия, а стало быть и не будут чреваты взрывом или созданием узлов противоречий⁷¹⁷.

В этом есть нечто сходное с поведением крупных корпораций, осуществляющих слияния не только внутри национальных границ, но и с компаниями других стран. К примеру, «Бритиш Петролеум» объединилась с американской «Амоко Ойл», германский «Даймлер-Бенц» — с американским «Крайслером» — так создаются стратегические союзы, что укрепляет мощь лидеров, и вместо смертельных ссор происходит совмещение мощностей, умножающих общую силу, осуществляется полюбовный раздел зон влияния. Чем не пример для США в региональном и глобальном плане?

Наиболее эффективным воплощением данной стратегии было бы расширение полномочий Североатлантического союза. Это знакомая тропа. Лишь НАТО, пишет американский исследователь И. Катбертсон, могла бы обеспечить «необходимое планирование и кризисное регулирование, реализующее глобальную проекцию мощи; в противном случае приходилось бы полагаться только на американскую вовлеченность»⁷¹⁸. Проблема в данном случае заключается в отсутствии энтузиазма у европейских членов НАТО в отношении глобального расширения функций блока.

6. *Шестой* способ заключается в повороте США к странам своего — Западного полушария. Североамериканская зона сво-

бодной торговли (НАФТА) уже привела к удвоению объема торговли США с непосредственными соседями, укреплению соседских отношений. В этом направлении сделаны и другие шаги. В апреле 1998 года на «саммите двух Америк» 34 государства Западного полушария провозгласили в качестве цели формирование «зоны свободной торговли двух Америк». У США есть возможность создать зону свободной торговли для обеих Америк (ФТАА), которая не замыкалась бы сугубо на торговле, а определила бы сотрудничество в военно-политической сфере, равно как и в совместной охране окружающей среды, борьбе с преступностью, обеспечении гражданских прав и свобод.

7. Некоторые теоретики усматривают выход в *изоляциялизме*. Эта традиция идет от Дж. Вашингтона (призывавшего остерегаться внешних конфликтов) и от сенаторов периода эпилога Первой мировой войны (отказавшихся связать судьбу США с Лигой Наций). *Не стоит преувеличивать готовности США на привлечение других суверенных стран к решению глобальных проблем.* «Почему,— спрашивает известный американский социолог Дж. Айкенбери,— государство-гегемон, находясь в зените своей мощи, должно прилагать силы для институционализации порядка, который неизбежно ограничивает его автономию?»⁷¹⁹

Изоляционизм начала XXI века покоится на трех основаниях:

А. Непосредственной опасности стране не существует, преувеличенное внимание к странам, находящимся на периферии мирового развития,— Сомали, Боснии, Косову, Сьерра-Леоне, способно лишь ослабить первую страну мира, дело которой — передовая технология, мировой университет, преобладающие вооруженные силы.

Б. Америке не следует демонстрировать излишние амбиции: все мировые проблемы все равно не решишь (зачем пахать море?), участие США лишь обостряет конфронтационный элемент в них. Ангажированность в очередном принципиально неразрешимом кризисе вызовет новый «синдром Вьетнама», раскол американского общества, утрату морального лидерства.

8. США *не могут позволить себе* сверхактивность во внешнем мире, Соединенным Штатам *не нужна* пустая активность

за далекими морями, поскольку внутренние американские проблемы не терпят отлагательства и потому что ресурсы даже самой богатой страны ограничены. Сохраненная внутри страны энергия — лучшая гарантия внешней мощи государства. Внешнее перенапряжение опасно — оно затрагивает основы американской мощи.

Последний пункт занимает в изоляционизме центральное место. Даже находясь в апогее своего влияния в мире, Америка должна прежде всего думать о сохранении ресурсов; не обращаться с людскими и природными ресурсами как с возобновимыми. Вся совокупность внешних усилий США — оборонные расходы, разведка в глобальных масштабах, помощь зарубежным странам, широкие дипломатические усилия — медленно, но верно подтачивают мощь нации. Историк П. Кеннеди упорно отстаивает все более популярные идеи — тезис об опасности *перенапряжения* в мире — от него погибли все мировые империи. Новый изоляционизм весьма влиятелен в конгрессе (более половины которого хвалятся отсутствием заграничных паспортов), он находит своих выразителей среди таких претендентов на высший пост в стране, как Пэт Бьюкенен и Росс Перо.

8. Группа американских политологов разочарована перспективами единения всего Запада. Слишком пестрая картина, слишком необязательный и аморфный получается (если получается) союз. Следует сузить круг подлинных союзников до тех из западных стран, которые разделяют американские ценности. Предлагается искать помощь в осуществлении глобальных функций у социально-идейно-цивилизационно родственных стран — Великобритании, Канады, Австралии и Новой Зеландии, а также Ирландии и ряда островных стран Карибского и Тихоокеанского бассейнов. Ибо «только на Западе, и прежде всего среди сообщества англоязычных стран, был найден и осуществлен средний путь между анархией и деспотизмом»⁷²⁰. Именно среди этих стран возможен союз единомышленников, подлинно понимающих друг друга народов. Главное общее достояние — единый язык (чего нет, скажем, в объединяющейся Европе) — сильнейшее средство сближения, взаимопонимания, единства. И неважно, что население США более пестро, чем население Соединенного Королевства. Фактом является, что

даже тридцать миллионов американских выходцев из Африки при помощи языка Шекспира создали общую культурно-политическую традицию; даже те, кто населяет Карибский бассейн (бывшие английские колонии), имеют благодаря общему историческому опыту и привнесенному Англией наследию предпосылки взаимопонимания.

Американский исследователь Р. Конквест, придерживаясь указанной позиции, обосновывает органичность всемирного союза англосаксов, взаимодополняемость предлагаемого альянса. «Такие страны, как Объединенное Королевство, Канада и Австралия имеют навыки и способности, но не имеют средств действовать автономно, их активность может иметь лишь локальный эффект. Но и их интересы глубоко вовлечены в события мировой сцены, и они могут внести свой немалый вклад... Такие страны, как Объединенное Королевство, могут разделить с Америкой не только политическую, но и военную ответственность»⁷².

Лондон—логичный и привлекательный союзник. Британия экономически более связана с США и Канадой, чем с Европейским союзом — ее торговля с Северной Америкой вдвое превосходит торговлю со всеми странами ЕС вместе взятыми (и доля ЕС уменьшается, а торговый поток из США в Британию растет). За последние десять лет прямые инвестиции США и Канады в Британию в полтора раза превзошли инвестиции в британскую экономику Европейского Союза. В то же время британские инвестиции в Северную Америку вдвое превышают инвестиции прочих стран ЕС. Не лишне упомянуть, что США и Канада за последние пятнадцать лет создали на два миллиона больше новых рабочих мест, чем все страны Европейского Союза. США и Канада при вступлении Британии в НАФТА не потребовали бы от нее некоей жертвы суверенитета (чего нельзя сказать о членстве в ЕС). В НАФТА нет аналога Единой сельскохозяйственной политики, против которой всегда выступал Лондон. В ней нет строгой социальной политики, подобной проводимой Германией и Францией, — никогда не вызывавшей симпатии Лондона. Главное: Британия не отдала бы Соединенным Штатам долю своего суверенитета, как это предвидится в случае с ЕС. Громадность США? Если Канада,

40% ВВП которой приходится на США, не теряет свой суверенитет, то почему это должно случиться с Британией?

Именно сейчас многие решения, касающиеся Британии, принимаются в ее отсутствие. Став же членом НАФТА, Британия могла бы более определенно защищать свои интересы. (Не следует, скажем, забывать, что конфронтацией с Ираком Британия, Канада и Австралия «подтолкнули» Соединенные Штаты к силовым мерам. В этом случае взаимозависимость возникла не вследствие жесткого напора Вашингтона, а из-за собственного желания англосаксонских стран — американских союзников.) Все это делает логичным, привлекательным и предпочтительным для Британии выбор ассоциации с Североамериканской зоной свободной торговли (НАФТА) как альтернативы углублению связей с ЕС. Подобный выбор базировался бы на предпочтении англо-американской модели свободного рынка, характеризующегося умеренным налоговым обложением и ограниченными социальными расходами. Со временем будут опровергнуты и аргументы тех, кто считает, что в таком союзе Британия потеряет свою историческую оригинальность, попадет под жесткий американский контроль.

Канада уже пригласила в 1998 году Британию в НАФТА. Прежде главенствовавшая «тирания расстояний» при помощи реактивной авиации, спутниковой связи и пр. преодолена. Подобная ассоциация была бы определяющей силовой структурой в дальнесрочной перспективе. «Если Соединенные Штаты и остальной англоязычный мир смогут совместить свою мощь, они обеспечат создание силового центра, вокруг которого будет создано новое мировое сообщество»⁷²². Этот союз для США гораздо более благоприятен, чем словесно поощряемый Вашингтоном Европейский союз, который на самом деле раскалывает Запад. В отличие от Брюсселя англоязычный союз не будет никого отталкивать или игнорировать. В конечном счете и западноевропейцы будут благодарны за действенный союз мирового охвата, выигрышно «не напоминающий» их немощный интеграционный результат.

Тенденция предпочтительного сближения трех англоговорящих стран — США, Британии и Канады — усиливается⁷²³. Примечательно, что в Лондоне заговорили о необходимости не

ограничивать себя европейскими рамками, желательности определить трансатлантические перспективы⁷²⁴. Идею эту поддерживают такие аналитические центры, как Институт предпринимательства (Вашингтон), у нее появились сторонники по обе стороны Атлантики. Уже зашла речь о созыве Межконтинентального конгресса, формировании аппарата, процессе координации внешней политики, оборонительной системы, экономического пространства. Это будет подлинный центр и пример для прочих стран.

Трудности реализации такого союза очевидны. Ряд стран третьего мира видит в ней возрождение колониализма. В Британии против идеи объединения стран английского языка выступают левые лейбористы, не желающие содействовать укреплению «цитадели мирового капитализма». В Соединенных Штатах идее противятся ультрапатриоты, не желающие видеть мировой курс США определяемым кем-либо помимо американского правительства и конгресса. И все же идея союза англоговорящих стран может иметь будущее.

9. Неолиберальная модель торгово-экономической активизации. На рубеже тысячелетий часть американского истеблишмента, как кажется, увидела магическую формулу сохранения гегемонии в экономическом развитии на основе финансовой либерализации, направленном на экспорт промышленном росте. У этой модели три основания:

— «высвобождение» мировой финансовой системы способно либерализовать потоки капитала, бросающегося туда, где технологии и квалифицированная рабочая сила создают наиболее эффективное производство. Рыночные силы формируют «твердую основу» открытой системы, создающей (де-юре или де-факто) ведомую Америкой политико-экономическую коалицию, включающую в себя помимо США Западную Европу. Рыночное сближение, создающее политическую и экономическую конструкции, породит и общую военную систему;

— ориентация на экспорт (столь блистательно прежде продемонстрированная Японией, Тайванем, Южной Кореей) мобилизует мировую конкуренцию, не позволит американской экономике впасть в эгоистическое самолюбование, предотвратит технологическое отставание;

— сохранение за Соединенными Штатами роли первого в мире потребителя, наиболее выгодного рынка и главного «стабилизатора» мирового экономического роста обеспечит массовый приток в американскую экономику международного капитала.

Такая схема предполагает увеличение значимости международных финансовых институтов, обеспечивающих долговременное движение капитала между развитыми и развивающимися странами. США увеличат финансирование важных проектов в развивающихся странах. Глобальная «сеть финансовой безопасности» уменьшит риск, связанный с интеграцией мирового рынка, с глобализацией. В будущем Соединенные Штаты осуществят реформирование МВФ, стремясь реализовать две цели: создание гигантской трансатлантической зоны свободной торговли (1); эффективную либерализацию важных развивающихся стран (2).

Условием в данном случае является отказ Соединенных Штатов от практики санкций по отношению к отдельным странам. (За последнее время США вводили санкции в отношении 26 отдельных стран, в которых проживает половина человечества. Эти санкции стоили Америке более 20 млрд. долларов (потерянный экспорт), 200 тысяч рабочих мест и никаких практических выгод⁷²⁵.) Соединенные Штаты — крупнейший экспортер мира и страна с одними из наиболее низких таможенных тарифов — могут получить самые большие выгоды именно благодаря либерализации мировой торговли.

10. *Оборонительный щит над Америкой.* Если дипломатические усилия по удержанию гегемонии не дадут результата, то, по мнению жестких сторонников гегемонии, «следует взять увесистую дубину,— полагает американский аналитик Г. Биннендийк.— Требуется усилить готовность вооруженных сил к непредвиденным случайностям, следует избежать старения вооружений. Предложение администрации израсходовать дополнительные 112 млрд. дол. в предстоящие пять лет дают необходимые ресурсы»⁷²⁶.

По мнению давних сторонников рейгановской СОИ и клин-тоновской Противоракетной системы национального масштаба, условием *sine qua non* американской стратегии глобального до-

минирования становится создание ПРО стратегического масштаба (которая могла бы прикрыть не только территорию США, но и три критически важных для США региона — Западную Европу, Восточную Азию и Персидский залив). «Только хорошо защищенная Америка будет способна сдерживать — и, если нужно, отбросить — агрессивные режимы, бросающие вызов региональной стабильности. Только в том случае, если Соединенные Штаты закроют себя от угрозы шантажа ядерным, биологическим и химическим оружием, они смогут эффективно влиять на формирование желательного им международного окружения, соответствующего их интересам и принципам»⁷²⁷.

Contra в данном случае — позиция ближайших союзников — Западной Европы, противодействие России, недовольство Китая.

Признаки отхода. И все же тактика и стратегия не всегда могут решить судьбу великой страны и ее сферы влияния, если ветер истории перестает дуть в ее паруса. П. Кеннеди (ведущий авторитет в исторических аналогиях «взлета и падения великих держав») напоминает вопрос Вольтера: «Если Рим и Карфаген пали, то какая же держава может оказаться неуязвимой для превратностей судьбы?» И отвечает убежденно: «Никакая»^{12*}.

Политолог Ч. Капчен из Совета по международным отношениям приходит к подобному же заключению: хотя в грядущие годы Америка еще некоторое время будут оставаться на вершине мировой иерархии, впереди уже видится глобальный ландшафт, чертами которого будет более ровное распределение могущества и влияния. С более ровным распределением мощи придет и традиционная геополитика, возвратится конкурирующее балансирование. «История дает в этом отношении отрезвляющий урок. Снова и снова послевоенное затишье в международном соперничестве и провозглашение ухода войн в прошлое сменится возвратом баланса сил и в конечном счете конфликтом великих держав»⁷²⁹.

Американская политика будет продолжать перемежение периодов лихорадочной активности с периодами отступления, поиска «новых окопов», новой линии обороны. Проявившееся

уже в американской элите своеобразное «отсутствие дисциплины», довольно энергичное отрицание внутренней дисциплины основным американским политическим массивом может способствовать подрыву возможностей гегемонии. Складывается впечатление, что на внутренней американской арене конгресс, суды и губернаторы действуют под влиянием проявившего себя еще в годы холодной войны инстинкта ослабить президентские полномочия. И, как полагают многие, «без присущего периоду холодной войны чувства опасности и наличия у президента всех необходимых полномочий американская внешняя политика станет заложницей частных интересов и бюрократов, каждый из которых будет выдвигать собственную повестку дня»⁷³⁰.

Первый признак — отсутствие последовательного стратегического планирования. Президент Клинтон любил говорить о «строительстве мостов в двадцать первый век», но даже не сформировал команду мостостроителей, не говоря уже об основных направлениях этого строительства. «Правдой является, — пишет прежний сотрудник госдепартамента Х. де Сантис, — что Соединенные Штаты не создали маршрута движения в будущее». Каждый новый кризис разрешается фактически *ad hoc*, очевидным образом отсутствует единство замысла, цели и методов ее достижения. Можно ли исключить вероятность того, что следующий кризис поставит Америку в тупик?

Вторым признаком «глобального отступления» является ослабление американской поддержки созданных ими же международных организаций, таких, как Международный валютный фонд, Мировой банк и, особенно, Организация Объединенных Наций. США фактически поощряют частный сектор заменить МВФ и МБ; американская доля в финансировании ООН уменьшается, и этот процесс, видимо, будет продолжаться. Америка задолжала ООН огромные суммы, она вышла из состава ЮНЕСКО. За последние шесть лет правительство США закрыло сорок американских посольств и консульств за пределами страны. На Соединенные Штаты сейчас приходится лишь 13 % помощи, идущей от развитых стран развивающимся, и эта доля постоянно уменьшается, достигая нижней в истории США точки.

Если эти тенденции получат дальнейшее продолжение, американское влияние во внешнем мире неизбежно будет ослабевать. Уже обсуждают возможные последствия такого глобального эскейпизма. По мнению англичанина Х. Макрэя, примерно около 2020 г. дни Америки как единственной сверхдержавы будут сочтены — слишком высок уровень расходов внутри и уровень неприемлемого риска вовне; американцы не желают копить; США начнут ощущать давление внешнего долга; произойдет ухудшение качества американского образования и вероятным станет радикальное смещение американских национальных приоритетов на внутреннюю арену⁷³¹.

Третьим признаком, своего рода лакмусовой бумагой, является позиция американского конгресса, который без особого энтузиазма одобрил в 1993 году создание Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА), еще меньший энтузиазм проявил при ратификации в 1994 году соглашения «раунда Монтевидео» по либерализации мировой торговли в рамках Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ). Далее конгресс отказал президенту Клинтону в предоставлении особых полномочий при расширении рамок торговли с латиноамериканскими странами, проявил скептицизм в процессе американского вовлечения в Боснию и Косово. После месяца воздушной кампании против Югославии в 1999 году 249 членов палаты представителей (против 180) отказались оплачивать посылку американских наземных войск в Югославию без специального разрешения конгресса. Даже резолюция, одобряющая бомбардировки, не была поддержана большинством (213 против 219 голосов). Конгресс склонен в будущем заставить союзников больше расходовать на военные нужды. (Как уже говорилось, едва ли не половина американских конгрессменов хвалится тем, что не имеет иностранных паспортов, т.е. *не выезжает за границу*).

Четвертым важнейшим признаком является растущее нежелание американцев — простых налогоплательщиков и элиты — нести материальные расходы и прежде всего жертвовать американскими жизнями. Вера же в обеспеченность *спокойного* лидерства способна породить разочарование. Ч. Капчен пишет: «Иллюзия относительно того, что можно поддерживать

интернационализм посредством минимальных потерь — или вовсе обходясь без них — будет преследовать Соединенные Штаты в грядущие годы, ограничивая их способность использовать силу, когда это окажется необходимым»⁷³². При этом все больше растет число американцев, не имеющих международного опыта, такого, как участие во Второй мировой войне или присутствие при создании НАТО, при битвах холодной войны. Эти молодые американцы не обязательно будут изоляционистами, но они определенно меньше заинтересованы в международных делах. Не имея мобилизующей угрозы, они все больше будут индифферентны к развитию международной ситуации, что недостаточно для «несения глобального бремени».

Уже сейчас даже наиболее интернационалистическая элита согласна (при определенных обстоятельствах) пойти на использование американских войск лишь в Израиле, Косове, Саудовской Аравии, Южной Корее и на Тайване. Широкая же публика согласна на использование американских войск только в случае нападения Ирака на Саудовскую Аравию (опросы общественного мнения Чикагским Советом по международным отношениям)⁷³³.

Согласно опросам общественного мнения, цели американского общества таковы (по убывающей доле интереса):

- предотвращение распространения ядерного оружия (85%);
- предотвращение распространения наркотиков в США (83%);
- защита рабочих мест американских рабочих (78%);
- борьба с международным терроризмом (77%);
- обеспечение поступления в США необходимого объема энергии (70%);
- борьба с голодом в мире (65%);
- поддержание военного превосходства (60%);
- контроль над незаконной иммиграцией (55%);
- решение экологических проблем (54%);
- уменьшение торгового дефицита США (52%);
- укрепление ООН (47%);
- обеспечение гражданских прав в других странах (40%);
- расширение зоны рыночной экономики (35%);
- поддержание жертв агрессии (33%);

— реализация демократических форм правления в других странах (29%);

— улучшение условий жизни в менее развитых странах (28%).

Не видно особой решимости увеличивать значительно военные расходы (30% за увеличение военных расходов, 28% за сокращение, 38% за поддержание на современном уровне)⁷³⁴

Есть и косвенные доказательства утраты «вкуса к самоутверждению». Отметим, что из 300 субботних утренних радиобращений президента Клинтона лишь 35 (менее 12%) были посвящены проблемам внешней политики. Особенно заметен был слабый интерес к внешней сфере в ежегодных Посланиях о положении в стране⁷³⁵. Президент Буш-мл. немало говорил о терроризме, об Антитеррористической коалиции, но предпочитал не детализировать эту тему.

Указанные сложности порождают сомнения в *релевантности гегемонии*, в ее оправданности в большом историческом контексте. Какова альтернатива? Исторически гегемония чаще всего сменялась «концертом держав» — балансом нескольких центров силы. В среднесрочной и даже краткосрочной перспективе наиболее многообещающим и реалистичным решением был бы возврат к системе традиционного баланса сил под эгидой глобального концерта великих держав, предусматривающий регулярные консультации на высоком уровне, с коллективными действиями по реализации политических решений. «В этом можно обнаружить черты «элитизма» или (что еще хуже) высокомерия великих держав. Возможно, это так. Но альтернатива — посмотрите только на десятилетний югославский кризис — кажется еще хуже»⁷³⁶. Идея Франклина Делано Рузвельта о «постоянно действующей системе общей безопасности» в свободно торгующем внутри себя мире может оказаться наиболее реалистичным предсказанием для XXI века.

Ч. Капчен приходит к выводу, что «увядание однополярности произойдет ввиду двух причин: региональной амальгамы в Европе и ослабления интернационализма в Соединенных Штатах»⁷³⁷. Проблема с Америкой в том, что она никогда не была «игроком команды», равным другим членам коалиции. Она всегда была либо в стороне, либо на вершине. Этот устой-

чивый стереотип явственно проявит себя в мире будущего. Американские исследователи Дж. Чейз и Н. Ризопулос уже сейчас приходят к выводу, что «на границе тысячелетия существует явственная возможность создания системы глобального баланса, который *более адекватно* приспособлен для мирного сдерживания двойного удара сил фрагментации и глобализации, которые подрывают стабильность мира, сложившегося после окончания холодной войны»⁷³⁸. 54% американцев считают глобализацию позитивным явлением для США, но уже 20% видят в ней угрозу стране⁷³⁹.

Смятение многих наблюдателей можно понять — спустя более десятилетия после окончания холодной войны природа нового мира еще не определилась окончательно. Для успеха блокирования пути других претендентов на политический Олимп необходимы мощь и национальная воля. Современный лидер — США — наделен огромной мощью. С окончанием холодной войны Соединенные Штаты остаются и долго будут оставаться доминирующей державой, настолько мощной, что, по мнению американского исследователя Р. Гилпина, «они более не нуждаются в глобальных союзах». Что же касается второго компонента — национальной воли, то представляются убедительными признаки ослабления такой воли.

Глава 15

БИПОЛЯРНЫЙ МИР

«Соединенным Штатам придется выступить против мирового общественного мнения, которое значительно изменилось со времен «холодной войны»⁷⁴⁰.

Доклад «Контуры мирового будущего», декабрь 2004 г.

Количество выпускников высших учебных заведений по инженерно-техническим специальностям в США достигло пика в 1985 году и с тех пор сократилось на 20 процентов. Доля студентов, желающих специализироваться в инженерно-техни-

ческих дисциплинах, поставила страну на предпоследнее место среди развитых стран мира. Количество дипломированных инженеров, выпускаемых учебными заведениями Китая, превосходит их число в США в три раза. К тому же всеобщая обеспокоенность безопасностью жизни в США, возникшая в результате террористической атаки 11 сентября, затрудняет привлечение иностранных студентов в американские вузы, а в некоторых случаях служит и причиной отказа иностранным специалистам в разрешении работать в американских компаниях. В этой ситуации университеты других стран, где не возникает подобных затруднений с получением визы, пытаются использовать открывшиеся возможности и переманить студентов.

Объем частных инвестиций в исследования и научные разработки (составляющий 60% всех инвестиций, выделяемых в США на эти цели), хотя и возрос в текущем году, находился на низком уровне все предыдущие три года. Более того, ведущие транснациональные корпорации создают свои собственные исследовательские центры за пределами США.

Исторический опыт. Представляется, что в будущем государства и граждане будут встречать опасности прежде всего *внутреннего* характера: этнические войны, терроризм, наркотики, гангстеризм — проблемы скорее для полиции, чем для армии. Это новая постановка вопроса для государств, долгие годы пребывавших в условиях холодной войны с ее ярко выраженной *внешней* угрозой. Решать *чужие* проблемы, вмешиваться в конфликты соседней страны, сколь бы дружественной она ни была, будет все более дискомфортно, для американцев в первую очередь. Это и подтолкнет реализацию многополярности. Что говорит нам опыт нового времени?

1. Впервые став многополярной (именно системой), конструкция международных отношений в восемнадцатом веке в конечном счете эволюционировала в биполярное соперничество Британии и Франции. На несколько лет Наполеон сумел заручиться поддержкой России, завоевать континентальную Европу, чем практически нейтрализовал Британию, потерявшую к тому же североамериканские колонии. Стремление к абсолютному господству бросило французского императора на

Москву, но завоевание *всего* мира оказалось невозможным. Французская гегемония была сломлена под Бородином, Лейпцигом и Ватерлоо.

2. Между Ватерлоо и Садовой (где Пруссия разбила Австрию и стала лидирующим германским государством) Россия и Британия полвека сохраняли биполярную систему, нарушенную ослаблением России (Крымская война) и триумфом национализма в Италии и Германии. Первая индустриальная революция укрепила германские государства, Францию и Италию, в результате чего снова восторжествовала многополярная система. Германия, сокрушив Австрию и Францию в 1866—1870 годах, после Бисмарка стала нарушать многополярную систему своей претензией на континентальное (читай глобальное) первенство, чем вызвала формирование противостоящей *Entente cordiale*.

3. Приложив колоссальные усилия, внешний мир между 1914 и 1945 годами отверг германские посягательства. Одновременно он покончил с династической дипломатией. Из антигитлеровской коалиции очень быстро выделился американско-советский дуэт, и система снова стала на сорок лет биполярной (Америка заручилась поддержкой Западной Европы, а СССР заключил союз с Китаем). С отчуждением Москвы и Пекина, внутренним раздором в СССР биполярность снова канула в историю и выделился американский лидер.

Американские политологи не скрывают, что «Соединенные Штаты, конечно же, предпочли бы находиться в однополюсной системе, где они владели бы положением гегемона... С другой стороны, крупные державы предпочли бы многополярную систему, в которой они могли бы преследовать свои интересы собственными силами и коллективно, избегая при этом ограничения, принуждения и давления единственной сверхдержавы. Они ощущают угрозу в стремлении Америки к глобальной гегемонии»⁷⁴¹.

Обозначились некоторые устойчивые черты. Во-первых, та или иная система сохраняется примерно одно-два поколения. Во-вторых, финалом дипломатически-социального конструкта является конфликт. В-третьих, движение идет от хаоса к формированию многополярной системы, в которой выделяются два

лидера (биполярная система), один из которых после (продолжительного) соперничества становится гегемоном. Соперники объединяются, выступают против своеволия лидера — общие интересы и общие страхи сближают, — и мир снова погружается в некое подобие хаоса.

Итак, обычным является следующий цикл: из свободной игры независимых центров, где господствует переменчивость и гибкость дипломатии нескольких центров, вызревает тенденция большей жесткости, формируется обычно *биполярный мир*. Биполярность обычно ведет к продолжительному конфликту (холодная война). Затем побеждает один из центров и возникает лидер, чье своеволие неизбежно вызывает оппозицию и объединение потенциальных противников. Монополярный мир неизбежно раскалывается, и весь процесс восходит на новый круг. Такова мировая история.

Занимая влиятельные позиции в глобализирующемся мире, используя американское недовольство трудностями имперского всевластия, ряд суверенных стран получит реальный шанс вырваться из орбиты единственной сверхдержавы. Первым этапом трансформации однополюсной системы будет *биполярный мир*. Он придет в ходе противостояния, выработки позиции в ходе спора о региональной гегемонии между ЕС и Россией, между Китаем, Индией и Японией»⁷⁴².

Противостояние коалиций. Существуют различные варианты возвышения новых центров. Их сил на этапе становления нового мирового центра скорее всего окажется недостаточно для вызова Америке, для реального противостояния мировому гегемону. Первым шагом на пути реформирования международной системы, переходной фазой на пути межгосударственной биполярности может стать сближение ряда американских конкурентов между собой. Исторический опыт говорит об относительной легкости сближения стран, если обнаруживается параллельность их интересов. Сепаратное блокостроительство возможно и в Западной Европе, и в Восточной Азии. Среди предсказываемых антигегемонистских блоков выделяются *пять* вариантов.

Первый основывается на реальности отчуждения ряда западноевропейских стран, которые могут найти дружественную силу в России. Скажем, лидер современной социологии И. Валлерстайн предсказывает «высвобождение» Западной Европы от обязательств по Североатлантическому договору. Параллельно российско-китайскому охлаждению осуществится приход Китая в американско-японский лагерь, а России — в западноевропейский. В сформировавшихся двух великих коалициях — американско-японско-китайский союз против европейско-российского союза. Между 2000—2025 годами осуществится экспансия обоих блоков. Затем конфликтные интересы не позволят избежать столкновения и возникнет угроза долговременной мировой войны⁷⁴³.

Второй вариант исходит из цивилизационной прочности Атлантического союза, которому с гораздо большей естественностью будут противостоять основные азиатские государства — Китай и Япония. (В чисто экономическом смысле эти две страны являются естественными партнерами — одна имеет технологию, ноу-хау, другая — естественные ресурсы и огромный рынок. Одна — стареющее умудренное население, другая — энергичную молодежь, одна имеет специфически азиатский демократический опыт, другая — однопартийную систему.) Обе страны могут оказать чрезвычайную помощь друг другу, преодолев прежний горький исторический опыт, различие в идеологии, самоутверждение Китая, его нечувствительность к японским опасениям, то обстоятельство, что Япония договорами связана с США.

Две великие азиатские страны могут забыть взаимные обвинения. И одновременно вспомнить прежние обиды от американцев и европейцев, если внутри обеих стран возобладают сторонники «возвращения» Тайваня и «возвращения» Окинавы. Продолжение бурного экономического роста КНР поможет восстановлению прерванной на десятилетие яростной экономической экспансии Японии. Китай уже стал вторым — после США — торговым партнером Японии⁷⁴⁴. Эти обстоятельства немедленно вызвали американскую озабоченность⁷⁴⁵. Союз Японии и Китая мог бы создать партнерство, способное претендовать на доминирование любого уровня.

Третий вариант — сближение России и Китая — на Западе реалистичным пока не считается. Обе страны очень ценят западные инвестиции, они не столь гармонично дополняют друг друга, модернизируя экономику в погоне за западными экономическими показателями. И все же сближение двух гигантов Евразии имеет черты реальности. По мнению австралийского исследователя, «наиболее вероятным наследником современной однополярной структуры явится новый *биполярный* баланс, который восстановит старый союз Москвы и Пекина 1950 года на основе укрепившей свои силы России и экономически и в военном отношении развившегося Китая, подключая некоторые силы из мусульманского мира — например, Иран. В традиционных показателях «*status quo* альянс» (США, Европа и Япония) будет обладать гораздо большей экономической и военной силой, чем *ревизионистский* альянс. Но напряжение будет напоминать 1949—1962 годы — пик холодной войны»⁷⁴⁶.

Успехи Запада, отставание его «преследователей», раздражение России и Китая по поводу пристрастности США и их союзников в вопросе национального самоопределения живущих в России и Китае народов — могут резко стимулировать вчера еще невероятное сближение Пекина и Москвы. По крайней мере вооружение Россией китайской армии на фоне ужесточения китайской политики в вопросе о будущем Тайваня создают правдоподобный сценарий вольного и невольного сближения двух крупнейших (по населенности и по размерам территории) стран мира. На протяжении всех последних лет русские и китайцы делали осевой идеей своего отношения к внешней политике сотрудничество «во славу многополярности».

В декабре 1996 года обе страны провозгласили в совместном коммюнике: «Партнерство равных прав и доверие между Россией и Китаем направлено на стратегическое сотрудничество в XXI веке».

Россия продала Китаю стратегически важные системы наведения и контроля своих систем СС-18 и СС-19 для китайских комплексов ДФ-31 и ДФ-41. В порты КНР прибыли современные российские подводные лодки, проданные Китаю. В Китае построены заводы, производящие части для мобильных межконтинентальных баллистических ракет «Тополь-М» (СС-27).

Россия помогает Китаю создать новое поколение баллистических ракет подводных лодок и сами подводные лодки с практически бесшумными двигателями, примерно равные по классу американским системам «Виктор-Ш», которые в США будут взяты на вооружение лишь в 2007 году. Российские заводы предоставили Китаю части мобильных СС-24 и СС-25. Китай получил от РФ технологию создания мирвированных ракет на твердом топливе, что чрезвычайно увеличило точность китайского стратегического оружия⁷⁴⁷. Существуют планы строительства Россией в Китае до двадцати атомных реакторов⁷⁴⁸. По мнению американского специалиста С. Бланка, «Москва видит военный рост Китая и намерена содействовать ему»⁷⁴⁹. Уже решен, в частности, вопрос об учебе в Москве китайских ядерных физиков.

«В результате Китай и Россия,— пишет американец Г. Биннендийк,— сблизилась в сфере безопасности, несмотря на наличие ряда факторов, препятствующих сближению. Глобализация как бы притягивает обе страны к Западу, но противоречия с Западом препятствуют этой тенденции. Укрепившиеся китайско-российские связи базируются на взаимном недоверии в отношении Запада, растущих общих интересах, на заинтересованности в торговле оружием, на разрешении прежних пограничных и прочих противоречий... Очевидны и связи Китая и России с государствами-париями. Не может не вызывать озабоченности то, что нации, имеющие серьезные противоречия с Западом, формируют отношения сотрудничества, что ведет к опасной биполярности»⁷⁵⁰.

В конце 1998 года премьер российского правительства Е. Примаков выдвинул проект тройственного союза Россия — Китай — Индия, что можно рассматривать как апофеоз планов сплочения главных незападных сил. В 2000 году президент России В. Путин выдвинул во время визита в Пекин сходные планы. В 2005 г. в ШОС (Шанхайскую организацию шести) был принят Узбекистан. В 2006 г. Киргизия дала понять Вашингтону, что присутствие американских войск на ее территории нежелательно. Потенциал этой схемы в будущем будет зависеть от многих составляющих.

Четвертый вариант является едва ли не самым большим кошмаром для американских футурологов — союз Западной Европы с Китаем, объединяющий величайший в мире общий рынок с самой многочисленной нацией на Земле.

Затраты на оборону отдельных европейских стран, включая Великобританию, Францию и Германию, будут на протяжении ближайших пятнадцати лет снижаться, особенно по сравнению с Китаем и другими поднимающимися силами. Но в совокупности оборонные расходы Евросоюза будут превышать расходы других стран за исключением США и, возможно, Китая. Члены Евросоюза сталкивались в своей истории с большими трудностями в координации и оптимизации оборонных расходов, направленных на обеспечение роста благосостояния, укрепление безопасности и возрастание роли ЕС на международной арене. Вопрос о том, будет ли создана единая армия в рамках ЕС, остается открытым — частично по той причине, что ее создание могло бы привести к дублированию функций с силами НАТО.

Хотя вооруженные силы объединенной Европы вряд ли способны к развернутым боевым действиям за пределами региона, мощь ЕС может быть использована — благодаря приверженности идее многосторонности — для выработки модели глобального и регионального управления, которая может оказаться привлекательной для поднимающихся сил (таких, как Китай и Индия), особенно в том случае, если они предпочтут «западную» альтернативу, чтобы избежать односторонней зависимости от Соединенных Штатов. Например, альянс Евросоюз — Китай хотя и остается маловероятным, но уже не воспринимается как немыслимый.

Старение населения и сокращение численности рабочей силы в подавляющем большинстве европейских стран окажет большое влияние на судьбу континента, поставив перед ним серьезные, но, по-видимому, разрешимые экономические и политические проблемы. Среднеевропейский коэффициент рождаемости составляет ныне около 1,4, что ниже уровня простого воспроизводства населения, коэффициент которого равен 2,1 ребенка на одну женщину. На протяжении ближайших пятнадцати лет экономика стран Западной Европы будет нуждаться в

нескольких миллионах рабочих для того, чтобы заполнить бреши, образующиеся в связи с уходом на пенсию своих ветеранов труда. Европа стоит перед дилеммой: либо она сумеет адаптировать свои трудовые ресурсы к сложившейся ситуации — то есть реформировать системы социального обеспечения, образования и налоговую систему и интегрировать растущее иммигрантское население (особенно выходцев из мусульманских стран), либо впадет в продолжительную экономическую стагнацию, которая может свести на нет все успехи, достигнутые в процессе создания более единой Европы.⁷⁵¹

Этого более всего боялись в свое время президенты Вашингтон и Джефферсон: евразийский колосс, объединяющий свою экономическую и военную мощь с громадными людскими массами Азии — союз Срединной Европы и Срединного Царства, союз введомой Германией Европы и введомой Китаем Азии. Главной глобальной задачей Соединенных Штатов должно быть предотвращение такого союза. Если же готовиться к худшему и согласиться в принципе с неизбежным отчуждением внешнего мира, то в качестве противовеса следует подготовить союз с Японией, Россией и Индией. Подобной ситуации, такого варианта «жесткого» будущего следует избежать за счет мобилизации проамериканских сил в Европе.

Пятый вариант не выглядит пока реалистичным, но обсуждается в западной научной литературе. Речь идет о сближении Западной Европы и Японии. В принципе это очень логичная тема: против самого сильного блокируются находящиеся рядом. (К тому же ряд исследователей предвидят «грядущую конфронтацию между Китаем и Японией»⁷⁵².)

Отметим ежегодные встречи лидеров ЕС и Японии на высшем уровне, встречи на самых различных форумах, на регулярных сессиях ООН, Всемирной торговой организации и пр. За последние годы «Европейский союз расширил географические рамки двустороннего диалога... Эти встречи влияют на восприятие ЕС и Японией друг друга. Ощутимость этого сближения связана с угрозами экономического характера и в безопасности, исходящих от Китая и Корейского полуострова»⁷⁵³. Важно отметить принятие в 1994 году Европейским союзом

«новой азиатской стратегии». Стало очевидно восприятие Брюсселем Японии как своего рода моста между Европой и Азией. С японской стороны определенное сближение связано с благоприятным откликом премьера Кайфу на призыв западноевропейцев оказать помощь Восточной Европе, не дожидаясь американской реакции⁷⁵⁴. Кооперация двух сторон в ВТО «облегчает взаимоподдержку ЕС и Японии в отношении американских требований»⁷⁵⁵.

Фактически Европейский союз и Япония закладывают фундамент для совместных действий в XXI веке. При всем нежелании Японии рисковать своими особыми отношениями с США, если последние примут более «самоцентричный» курс, — Токио может усилить ориентацию на западноевропейский центр. «В то время как, — пишет английская исследовательница Дж. Гилсон, — Соединенные Штаты продолжают уменьшать свое вмешательство в европейские и азиатские дела; новые проблемы «менее стратегического» значения занимают все большее место на международной арене. Именно сейчас Япония и ЕС становятся ключевыми игроками в сфере международной экономической и политической активности, и они уже вырабатывают партнерство в решении глобальных вопросов»⁷⁵⁶.

Но складывание коалиций — это непростой и часто длительный процесс. Суверенные государства, вступающие в союзы, склонны проявлять не дисциплину, а самостоятельность. Наряду с коалиционным блокостроительством привилегированному положению США будет грозить антиамериканская эволюция отдельных крупных государств. Их немного, но они суверенны и потенциально могущественны.

Не Север — Юг и не Восток — Запад явятся политической дихотомией будущего. Двумя реальными претендентами на роль независимого от США полюса являются *объединенная Европа и Китай*. «Хотя весьма сложно предсказать условия, которые будут господствовать в Европе или в Китае через 25 лет, — приходит к выводу историк П. Кеннеди, — оба эти региона имеют потенциал, необходимый для того, чтобы стать равными — или даже превзойти Соединенные Штаты, — по крайней мере в экономическом могуществе»⁷⁵⁷.

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ ВЫЗОВ

Атлантическое направление останется наиболее приоритетным для США в XXI веке. Причины очевидны — в Северной Атлантике сосредоточена самая большая экономическая и военная мощь мира. Здесь, на двух берегах Атлантического океана, живет самое образованное и квалифицированное технологически население — около 800 млн. человек (13 процентов мирового) — привыкшие к мировому лидерству представители единой цивилизации, общего исторического и культурного наследия. В их руках мировая наука и огромные индустриальные мощности. Примерно уже сто лет Запад производит две трети промышленного производства мира. (Пик пришелся на 1928 год — 84,2%. В дальнейшем подверглась падению и доля Запада в мировом промышленном производстве — с 64,1% в 1950 году до 48,8% в 2000 году — грандиозная, определяющая доля.)

Среди 500 крупнейших компаний мира в 1999 году 254 компании были американскими и 173 — западноевропейскими. Вместе они составляют абсолютное большинство (на долю чемпиона Азии — Японии — приходится лишь 46 компаний)⁷⁵⁸. Можно смело предположить, что США и Западная Европа еще очень долго в XXI веке будут главным средоточием центров высокой технологии, науки и эффективного производства. Не менее внушительно смотрится Запад и в военной сфере. Армии Запада, оснащенные наиболее совершенной военной техникой, — самый мощный военный конгломерат в мире⁷⁵⁹.

Три тенденции. Но как только объединяющее напряжение холодной войны в 90-х годах начало спадать, в отношениях между двумя западными регионами, Северной Америкой и Западной Европой, обнаружили несоответствия в позициях, выявилось частичное взаимонепонимание и все более отчетливое различие в интересах. *Три* глубинные тенденции проявляют свою силу.

Первая достаточно резко определилась в различиях темпов экономического развития. В Соединенных Штатах с 1992 года начался бум, позволивший стране совершить большой скачок вперед, «добавив» на протяжении первого президентства Клинтона к своему валовому национальному продукту долю, примерно равную валовому национальному продукту всей объединенной Германии, а во второе президентство Клинтона — объем экономической мощи, равный ВВП Японии. США закрепляют свои позиции на фронтах научно-технической революции, а страны Европейского союза пока не могут восстановить темпы своего экономического роста. В США самый низкий за последнюю четверть века уровень безработицы — 4,2%, а в Западной Европе самый высокий — 12-процентная безработица. Безработица в Германии превысила уровень 1933 года, когда Гитлер взял власть в стране, критикуя бездействие властей в отношении безработицы.

Вторая — усиливается различие в направленности интеграционных процессов. Оба западных центра предпринимают активные усилия по консолидации близлежащей периферии, что естественным образом будет способствовать размежеванию направленности их интеграционной политики, центра приложения национальных усилий. Создав Североамериканскую зону свободной торговли (НАФТА), Вашингтон стал видеть свое будущее связанным с Канадой и Мексикой — непосредственными соседями по континенту. Западноевропейские же столицы укрепляют северное направление западноевропейского интеграционного процесса (включив в свой состав скандинавские Швецию и Финляндию) и всей своей мощью разворачиваются к Восточной Европе, где бывшая ГДР (а теперь новые пять земель Германии) вместе с Австрией становятся форпостами воздействия на Центральную и Восточную Европу.

Решение Вашингтона связать свою судьбу с демографически и экономически растущей Мексикой и другими латиноамериканскими странами довольно решительно меняет само этническое лицо Соединенных Штатов, еще более укрепляет латиноамериканский элемент в североамериканской мозаике. В то же время ассоциация с Восточной Европой делает этнически

иным западноевропейский конгломерат. В обоих регионах ослабевает «объединяющая нить» англосаксонско-германского элемента, теряющего позиции как в североамериканском «плавленном тигле», так и в западноевропейской конфедерации народов. Меняющееся этнополитическое лицо США и Западной Европы (как и направленность их непосредственных политико-экономических инициатив) отнюдь не сближают два региона Запада.

Третья — различная геополитическая ориентированность. Соединенные Штаты после окончания холодной войны нацелены (если судить хотя бы по рассекреченному в 1992 году меморандуму Пентагона об американских стратегических целях) на *«глобальное предотвращение возникновения потенциальной угрозы США, на сохранение американского преобладания в мире»*. Западная же Европа все более видит свои интересы именно в пределах Европы, ограничивая себя в оборонных функциях Средиземноморьем и новой линией по Бугу и Дунаю. Подчеркнутый глобализм США и не менее акцентированный регионализм ЕС ставят два западных центра на принципиально отличные друг от друга позиции.

Эти различия акцентируются военным строительством в двух регионах. Соединенные Штаты лишь незначительно сократили военное строительство (по сравнению с пиком десятилетней давности), а Западная Европа по военным изысканиям и модернизации отстает от своего старшего партнера на порядок. Проекция силы для США — глобальный охват; проекция силы для Европейского союза ограничена Гибралтаром, Балканами, Прибалтикой, Скандинавией. И это отличие акцентируется настоящей революцией в военном деле, делающей для США необходимыми (а для ЕС недоступными) такие элементы военного могущества, как тотальное слежение со спутников, электронная насыщенность вооруженных сил, электронная разведка по всем азимутам, двенадцать авианосных групп, новое поколение авиационной техники, — все то, что в американской специальной литературе называют SR + 4C (слежение, разведка плюс командование, контроль, оценка, компьютеризирование). По рангу военного могущества США поднялись на огромную вы-

соту, и свой военный рост они отнюдь не «связывают» только с участием в Североатлантическом союзе. *Различная* степень развитости индустриально-научного потенциала в военной сфере ставит два региона Запада на разные ступени военно-стратегического могущества.

Кумулятивный эффект трех указанных процессов однозначен: Соединенные Штаты и Европейский союз видят себя в мире отлично друг от друга, различно воспринимают существенные мировые процессы, неодинаково формулируют свои интересы и в целом дрейфуют не друг к другу, а скорее в различных направлениях.

Превращение США в единственную сверхдержаву заставило страны ЕС *задуматься над своей ролью в будущем*. Задуматься над тем, какую роль они себе готовят. Выбор существен — быть младшим помощником Соединенных Штатов или постараться занять позицию более равноправного партнера. Оба варианта развития событий нельзя исключить: согласно *первому* два берега Атлантики расходятся, согласно *второму* общая цивилизация и общие интересы заставят Америку и Европу сблизиться.

Вызов ЕС. Крупнейшие западноевропейские столицы ищут пути восстановления своей геополитической значимости, они пытаются поднять свой вес как за счет активизации собственной стратегии, так и за счет объединения усилий. Предпосылки этого объединения уже созданы. «*Формы противодействия гегемонии в коалиции*, — полагает С. Хантингтон, — *сформировались еще до окончания холодной войны: создание Европейского союза и единой европейской валюты. Как сказал министр иностранных дел Франции Юбер Ведрин, Европа должна создать противовес доминированию Соединенных Штатов в многополюсном мире*»¹¹.

Объединив в Европейском союзе силы, западноевропейцы могут в любой момент снова обратиться к геополитике. Огромные территории, многочисленное население, необъятные ресурсы, высокая степень технологической изоэдренности, внутреннее социальное и политическое единство, эффективная

военная машина, способность проецировать свое могущество в самые отдаленные районы планеты и волевая готовность осуществлять эти воинские операции, административная способность быстро принимать решения и реализовывать их — вот что будет характеризовать узкую группу могучих держав, которые через несколько лет (десятилетий) могли бы трансформировать однополярность в биполярность.

Западная Европа находится в самой середине долговременного процесса экономической и политической интеграции, которая постепенно снижает значимость внутренних границ, создает центральную власть Европейского союза. Тенденция такова, что ЕС постепенно превращается в соперничающий с гегемоном центр — пятнадцать членов ЕС создают подлинную критическую массу; распространение ЕС на восток Европы как бы склоняет баланс (в негласном и заочном соревновании с США) в пользу Европы. Европейский союз уже стал организацией большей, чем *конфедерация*, и в обозримом будущем ЕС возможно станет европейской *федерацией*. Огромный торгово-политический блок ощутил свою силу и не намеревается отдавать другим жизненно важные и прибыльные позиции.

И, как пишет 36. Бжезинский, «возникновение подлинно политически объединенной Европы представило бы собой базовое изменение в мировом распределении сил»⁷⁶¹.

Экономический соперник. Западноевропейская интеграция дала Европе новый шанс. Совокупная экономическая мощь Западной Европы приближается к американским показателям — 19,8% общемирового валового продукта (США — 20,4%)⁷⁶². Население Европейского союза — 380 млн. человек — на 40% больше американского, и тенденция преобладания по демографическому показателю сохранится на долгие годы. «Евроленд,— пишет американский экономист Ф. Бергстен о будущем потенциального соперника,— будет равным или даже превзойдет Соединенные Штаты в ключевых параметрах экономической мощи и будет во все возрастающей степени говорить одним голосом по широкому кругу экономических вопросов... Экономические взаимоотношения Соединенных Штатов и Европейского союза во все более возрастающей степени будут основываться на основаниях равенства»⁷⁶³.

Таблица 7. Соотношение показателей США и ЕС
сейчас и в будущем.

	США	ЕС-15	ЕС-27	ЕС и Турция
Население	273 млн.	380 млн.	480 млн.	545 млн.
ВНП	9,3 трлн. дол.	8,5 трлн.	9,2 трлн.	9,6 трлн.
ВНП на душу	31,5 тыс. дол.	21 тыс.	15 тыс.	14,8 тыс.
Воен. расходы	290 млрд. дол.	170 млрд.	222 млрд.	230 млрд.
Воен. расходы как % ВНП	3,4%	1,85%	2%	2,06%
Общий экспорт	0,9 трлн. дол.	2 трлн.	2,2 трлн.	2,23 трлн.
Доля экспорта в мировом	16,5%	37%	40%	40,7%
Общий импорт	0,76 трлн.	2 трлн.	2,15 трлн.	2,17 трлн.
Доля импорта в мировом	13,5%	36%	38%	39%

Источнику: The WorldFactbook (Wash., CIA, 1999); Direction of Trade Statistics. Wash. IMF, December 1999; The World in 2006. Economist Statistics. London, 2000; «The National Interest», Summer 2000, p. 18.

Реальная жизнь в подвергающейся суровой экономической конкуренции североатлантической зоне в принципе поглощает сантименты и требует выбора, от которого зависит уровень экономического подъема и трудовой занятости стран-участников. На этом поле глобальной экономической битвы ощущается тенденция к выбору пути самостоятельного от США развития. Римский договор, Маастрихт, переход к единой валюте, реанимация Западноевропейского союза как возможной основы сепаратной военной системы — этапы долгого пути, ведущего к существенной самостоятельности. «Европейцы, — пишет английский журнал «Экономист», — желают укрепить свою мощь до такой степени, чтобы суметь отделить себя от Америки. Нигде в мире нет такой силы, которая могла бы продемонстрировать столь мощный волевой акт»⁷⁶⁴. Они ищут пути восстановления своей значимости за счет активизации собственной стратегии и за счет объединения усилий.

Европейское стремление к международной независимости понятно: Западная Европа значительно больше, чем Соединенные Штаты, зависит от внешнего мира. Общая торговля с внешним миром у ЕС примерно на 25% больше, чем у Соединенных Штатов, и вдвое больше, чем у Японии. Доля экспорта в германском ВВП равна 25%. Доля экспорта в ВВП Франции и Британии — 18%, Италии — 15%. (Доля экспорта в ВВП США — 7%.) Европейский союз осуществляет безостановочную торговую экспансию. Заключив соглашения об ассоциации с 80 странами, он намерен увеличивать свою значимость как торгового блока, как источника инвестиций, как мирового культурного центра.

Формы противодействия гегемонии определились: создание Европейского союза как сопоставимого по экономической мощи государства, введение единой европейской валюты, конкурирующей с долларом, создание зон собственного влияния. Американский аналитик У. Пфафф не сомневается: «Европейский союз является единственным действующим лицом на мировой сцене, который способен бросить серьезный вызов Соединенным Штатам, — и он почти наверняка бросит этот вызов»⁷⁶⁵. Этот вызов не обязательно будет иметь характер военной угрозы. Речь пойдет прежде всего об интенсивной экономической конкуренции, к ходе которой, как пишет У. Пфафф, «Соединенные Штаты вовсе не обязательно выиграют — ни одна сторона, вероятнее всего, не выиграет — но политические последствия такого соревнования приведут к окончанию доминирования Америки в будущей международной системе»⁷⁶⁶.

Лидеры Западной Европы наметили создание центра автономного информационного общения. Итальянская и германская информационные компании практически слились, а «Бритиш телеком», «Дойче телеком», «Франс телеком» и испанская «Телефоника» стремятся создать свой электронно-коммуникационный мир. (Напомним, что телекоммуникации через несколько лет оттеснят автомобильную промышленность в качестве лидирующей мировой отрасли; на эту отрасль приходилось — 267 млрд. дол. в 2003 году.) Подобные же процессы происходят в западноевропейском авиационном сотрудничестве и в ряде других сфер.

Слабое место выдвигающей исторические претензии Европы — неэффективность ее рабочей силы. За прошедшую четверть века США создали несколько миллионов рабочих мест, а Западная Европа — почти ничего. Если такая ситуация продлится еще два-три десятилетия, то шансы ЕС бросить вызов США будут ослаблены.

Военный аспект. Выше уже говорилось, что в декабре 1999 года были заложены основания новой европейской политики в области безопасности и обороны. Европейский совет поставил задачу создания Европейского корпуса быстрого реагирования в 60 тысяч, который может быть сформирован в течение двух месяцев для действий на протяжении двух лет. Это эквивалент армейского корпуса, он будет иметь военно-морской и военно-воздушный компоненты. (Официальное объяснение необходимости его создания — избежание «трех Д» — дублирования, дискриминации, «декаплинга» — размежевания оборонительных военных функций.) Контингент создан к 2003 году. Создается некий эмбрион западноевропейского военного штаба. Прежний генеральный секретарь НАТО Хавьер Солана, а не некий безликий клерк, стал возглавлять процесс военного становления ЕС. Он возглавил ЗЕС и военно-политический орган ЕС, придав Западноевропейскому союзу очевидную значимость. Встреча военных и внешнеполитических представителей поставила в конкретную плоскость вопрос о членстве в ЕС долго отвергавшейся Турции. И, разумеется, речь идет о совместном европейском производстве современных вооружений.

Резонно предположить, что в XXI веке западноевропейцы еще более повернут к координации в военно-промышленной области. Претендуя на роль второго полюса мира, Западная Европа будет стремиться создать собственную военную промышленность, независимую от американской. «Во все более возрастающей степени европейские союзники США постараются производить собственные виды вооружений... Хорошим примером этого является запрограммированный на будущее процесс создания общеевропейского истребителя, в производстве которого сотрудничают прежде всего германские и британские фирмы... Как и общая валюта, независимая военная про-

мышленность будет существенной чертой интегрированной Европы, которая потребует своей собственной политической, экономической и военной инфраструктуры... Многие европейцы считают, что Европа должна достичь состояния, когда она будет способна на военные действия без поддержки и участия США»⁷⁶⁷. Наиболее амбициозным европейским проектом является план создания единой Европейской аэрокосмической оборонной компании (ЕАОК), в которую войдут французский «Аэроспасьяль», «Бритиш эйрспейс», немецкий «Даймлер-Крайслер Эйрспейс», испанская «КАСА», шведский СААБ, итальянская «Финмеканника-Алениа». Речь идет о создании суперкомпании, производящей самолеты, вертолеты, космические корабли, управляемое оружие и другие военные системы.

По разные берега Атлантики возникает собственное восприятие мира. Очевидно, что европейские интересы не всегда будут совпадать с американскими. «Европейцы,— полагает вашингтонский Институт мировой политики,— гораздо более американцев обеспокоены возможностью коллапса России и начала гражданской войны на бывших советских территориях, чем риском восстановления Россией своих сил... Опасности со стороны растущих держав, таких как Китай и Индия, а также угрозы со стороны держав-париев не видятся в Европе насущными и столь важными»⁷⁶⁸. Назначение главой Европейской комиссии Романо Проди, а ответственным за политику в сфере безопасности Хавьера Соланы говорит о возрастании интереса к самоутверждению.

Америка и Европа стоят на противоположных позициях по вопросам глобального потепления, политики в области энергетики, антитрестовского законодательства (скажем, о слиянии «Боинг» — «Макдоннел-Дуглас»), по поводу американских экономических санкций, стимулирования экономики, необходимости еще одного раунда («Раунд Тысячелетия»: ЕС — за, США — против), либерализации мировой экономики. В буднях атлантического мира США ограничивают импорт стали, машинного оборудования из Германии, шерсти из Италии и Британии и т.п.

К 2020 г. процесс формирования Европейского союза в общем и целом завершится. Последними (в плане расширения ЕС) бу-

дут вопросы о России и Турции. «История предполагает, что Россия будет включена в ЕС, а Турция — нет. Россия в течение долгого времени будет колебаться между богатой, развитой Европой и великим азиатским хинтерландом. Под руководством лидеров, ориентирующихся на Запад, она будет долгое время полагаться на ресурсы своих огромных земельных массивов. Если Россия преуспее в построении рыночной экономики западноевропейского типа (на это потребуется примерно двадцать лет), тогда она последует европейским путем, заимствуя опыт у западных соседей, овладевая их мастерством и снабжая их своими сырьевыми припасами»⁷⁶⁹. Тогда огромная евразийская масса станет *первым* силовым регионом мира.

Обозначим основные пункты противоречий.

Первое. Создание общей европейской валюты *евро* «увеличивает возможности создания биполярного международного экономического порядка, который может прийти на смену американской гегемонии»⁷⁷⁰. Для автономного от США плавания ЕС должен обрести необходимую прочность. *Евро* станет равновесным конкурентом доллара; на рыночном пространстве 15 членов ЕС в двадцать первом веке выделятся компании-чемпионы экономической эффективности. Экономисты Фельдстайн и Фридмен схожим образом выражают опасение, что Европейский валютный союз в конечном счете приведет Европу к столкновению с Соединенными Штатами. *Евро* будет отвлекать финансовые потоки с американского рынка, усложнит дефицит американского бюджета, станет мощным конкурентом доллара на рынках международных расчетов, ослабит Америку в фиксировании цены на нефть и другие сырьевые материалы.

Единый валютный союз превратит основанную на господстве доллара мировую финансовую систему в биполярный *доллар-евро порядок*, оттесняя Японию далеко на третье место. Нынешняя зона единой европейской валюты — *евро* — самая большая в мире зона богатых покупателей. Выпущенные в 1999 году в евро облигации составили 44% всех облигаций, выпущенных в мире, в то время как на доллар пришлось 43%⁷⁷¹. Создание зоны евро, по мнению американского эксперта П. Родмена, «освободит Европу от невыгодной подчиненности в отношении к доллару и подчиненности в конце концов в отно-

шении Соединенных Штатов»⁷⁷². Учитывая размеры колоссальной зоны евро, многие компании в Восточной Европе, Северной Африке, Азии и Латинской Америке уменьшают долю операций в долларах, переходя на евро. Оканчивается эра абсолютно-го господства доллара как единственной мировой валюты.

Создание евро «увеличивает возможности создания биполярного международного экономического порядка, который может прийти на смену американской гегемонии, последовавшей за Второй мировой войной»¹¹². Такие американские атлан-тисты, как Г. Киссинджер, полагают, что создание Европейского валютного союза ставит Европу на путь, который «противопо-ложен атлантическому партнерству последних пяти десятиле-тий... Нет никаких оснований предполагать, что объединенная Европа когда-либо добровольно пожелает помочь Соединенным Штатам в их глобальном бремени»⁷⁷⁴.

Второе. Страны Европейского союза, стремясь в будущем достичь американского технологического уровня, расходуют в год на приобретение вооружений, исследования, разработки, испытания и оценки 36 млрд. дол., что равняется примерно 40% сходных американских расходов (США — 82 млрд. дол.). Средства, идущие на проведение операций и поддержку, также составляют 40% американских. Ощущая свое отставание, Европейский союз на рубеже столетий назначил специального координатора своей политики безопасности, создает центры внешнеполитического планирования, принял решение о фор-мировании совместных сил быстрого реагирования.

Коллективное производство оружия ослабит зависимость от американцев. Американцы приходят к выводу, что «создание европейской военной промышленности является отличитель-ной чертой эволюции ЕС, который сможет держаться полити-чески на равных с Соединенными Штатами»⁷⁷⁵. Создание евро-пейского военного консорциума приведет к соперничеству между «крепостью Европа» и «крепостью Америка», что нане-сет капитальный удар по политическому единству и военной эффективности НАТО⁷⁷⁶. Западноевропейский союз (ЗЕС) уже претендует на роль фундамента сепаратной западноевропей-ской военной системы. В 1999 г. Франция поддержала инициати-ву Германии о превращении Западноевропейского союза в во-

енное крыло Европейского союза. Но для создания военной машины, сопоставимой с американской, западноевропейцам нужно будет минимум в четыре раза увеличить свои военные расходы. Они должны будут нагонять США в области производства сенсоров, точно наводимых боеголовок, военных спутников и пр.

Отчасти они уже делают шаги по этому пути. В феврале 2000 года на своей встрече в Португалии французский министр обороны А. Ришар предложил общий для всех потолок для расходов на капитальное военное строительство и производство вооружений — 0,7 от одного процента ВНП страны. ЕС с их общим ВНП в 8,5 трлн. дол. тем самым обязуется расходовать по данным статьям примерно 60 млрд. дол. (против 36 млрд. дол. ныне)⁷⁷⁷. Эта цифра уже ближе к 82 млрд. дол. американских расходов на эти цели. Коллективное европейское производство оружия позволит ослабить зависимость от американцев. Созданный еще в 1948 году Западноевропейский союз (ЗЕС) с его десятью странами-членами уже фактически является фундаментом сепаратной западноевропейской военной системы.

Желание Западной Европы значить больше в НАТО уже вызывает в США, по выражению Э. Понд, «шизофреническую реакцию и ведет к столкновениям в НАТО. Вашингтон не желает видеть противовес своим односторонним действиям»⁷⁷⁸. Трансатлантическая конкуренция в нескольких стратегически важных высокотехнологичных областях, которые обе стороны считают абсолютно необходимыми для своего экономического выживания, подводит атлантических военных союзников к грани разрыва. Логически напрашивающееся слияние крупнейших компаний в общем технологическом пространстве «политически неприемлемо,— пишет У. Пфафф,— для Европы. То же самое можно сказать о Соединенных Штатах, ибо любое такое слияние поставило бы у контрольных рычагов неамериканского партнера»⁷⁷⁹.

Третье. Речь идет о серьезной конфронтации в создании военных самолетов и ракетных установок. Конгломерату «Боинг-Локхид Мартин-Рейтеон» противостоит группа европейских авиационных компаний, и в этой битве не на жизнь, а

на смерть стоит вопрос о самом существовании европейской авиационной индустрии. Отказ от собственной авиационной промышленности будет неприемлем даже для дружественной американцам Британии. Глядя с американской стороны, представляется невероятным, чтобы американский конгресс позволил концерну «Нортроп», хранителю технологии «Стеле», войти в предлагаемую ему долю совместно с европейскими компаниями — германской «Даймлер-Бенц-Аэроспейс», французской «Томсон», британской «Маркони». В будущем американскому авиационно-космическому могуществу будет противостоять союз «Бритиш Эйрспейс», германской ДАСА и французской «Ароспасьяль». И нет сомнения в том, что к конкурентной борьбе присоединятся правительства всех заинтересованных стран.

Четвертое. Как формулирует У. Пфафф, «американское политическое сообщество все более воспринимает свою национальную роль в терминах гегемонии (используя этот термин в его необидном смысле), рационализируя свои обязательства укреплять необходимую оборону международного порядка, что оправдывает неоспоримое первенство американской военной мощи, скрепляемое элементом национального мессианизма, замешанного на теории божественной предопределенности пуритан»⁷⁸⁰. А Европейское сообщество для того и объединяет силы, чтобы не быть безнадежно зависимым.

Достижение этой цели — весьма сложная операция. Достаточно очевидно, что в течение ряда грядущих лет рождающаяся Западная Европа пока не будет представлять собой ни сообщества абсолютно независимых держав, ни наднационального союза государств. Силовая основа Европейского союза не централизована, она распределяется между номинальной столицей ЕС Брюсселем и основными национальными столицами — основные решения пока принимаются на национальной основе. Существует сложность не только в определении общей цели, но и единого понимания того, во что в конце своей эволюции превратится Европейский союз, — настолько различны взгляды на будущее устройство Евросоюза у Берлина, Парижа и Лондона. На фоне централизованных действий Вашингтона это несомненная геополитическая слабость.

Пятое. Серьезные сложности возникают в свете различных подходов в культурной области. Защита интеллектуального и культурного своеобразия становится в Европе частью национального «кодекса чести». Учтем при этом, что прямые выборы в Европарламент создадут единое политическое поле. Совместные выпуски газет, общие телеканалы и пр. сформируют единое информационное пространство.

Сильной стороной западноевропейской мощи всегда была ее культура. Это превосходство ныне пошатнулось — Западная Европа отстает по эффективности системы высшего образования. Возможно, лишь Британия имеет сопоставимые с американскими по уровню университеты. Европейские университеты выпускают в два раза меньше специалистов в технических областях (здесь — в отличие от США — стремятся резко отделить гуманитарные науки от технических).

По оценке американского исследователя И. Катбертсона, «восприятие мира на двух сторонах Атлантики разнится друг от друга в поразительной степени... Внутренние трения и конкурирующие экономические интересы могут эскалировать слишком быстро и потопить под собой партнерство»⁷⁸¹. Многолетний наблюдатель американо-европейских перипетий У. Пфафф (живущий в Париже) полагает, что «различия интересов, а не прихоть вызовут на протяжении грядущих десятилетий постоянно углубляющееся соперничество между Европой и Соединенными Штатами, конкурентное стремление укрепить свое экономическое и политическое влияние в остальном мире»⁷⁸². 24 процента американцев считают Западную Европу критической угрозой себе⁷⁸³.

Дрейф Европы в автономном от США плавании пройдет, видимо, ту промежуточную стадию, когда на основе партнерства более консолидированного Европейского союза с США западноевропейский «столп» обретет необходимую прочность. Подлинное определение Западной Европой отличного от американского «политического лица» произойдет тогда, когда все три «гранда» европейской политики — Германия, Франция и Британия — найдут основу для координации своих курсов, для совместных действий, для отчетливо выраженных совместных оборонных усилий. Видимым шагом в этом направлении было

бы создание чего-то вроде трехстороннего европейского директората. Это ослабило бы страх Франции перед большой Германией и опасения Берлина в отношении новой Антанты. Только в этом случае объединительная тенденция возобладала бы над тысячелетней тенденцией внутриевропейской розни.

Следует сказать, что ситуация в начале нового века несколько напоминает ту, которая предшествовала Первой мировой войне: все более определяющая свое главенство Германия и нестабильная, социально-политически неопределившаяся Россия, клубок противоречий на Балканах, неспособность Британии и Франции выступить с единых позиций. Чешский президент В. Гавел указывает на главную слабость региона: *«В современной Европе отсутствует общий набор идей, отсутствует воображение, отсутствует щедрость... Европа не представляется достигшей подлинного и глубокого смысла ответственности за себя»* ^{ТМ^d}. При этом лидер региона Германия в случае *«второсортности»* своего военного статуса согласится скорее на зависимость от далеких Соединенных Штатов, предпочитая ее зависимости от близких соседей — Франции и Англии.

Пока ни одно из правительств крупных западноевропейских стран не берет сегодня на себя инициативу возглавить региональную группировку и повести ее вперед. Германия даже при Шредере не рискует напугать остальных европейцев, Британия даже при Блэре боится показаться слишком проамериканской, Франция не чувствует необходимой силы и достаточной поддержки малых стран. Наиболее существенный общий проект — Европейский валютный союз — важен сам по себе (и по своим последствиям), но даже его реализация не дает оснований говорить о «едином голосе», паневропейской дисциплине, возникновении главенствующей идеологии.

Фундаментальной важности фактор: там, где дело будет касаться европейской экономики, где затронут интерес западноевропейцев в успешном функционировании их валюты, независимости их индустрии, безопасности их инвестиций, мировом уровне их технологий, безопасности и расширении их торговых потоков, вперед, на первый план в европейских столицах выходит энергичная национальная самозащита. Общий

рынок и общая валюта гарантируют то, что западноевропейцы в XXI веке будут координировать свои усилия — и уж определено в отношениях с Соединенными Штатами. Как резюмирует де Сантис, «реальностью является то, что Европа не может контролировать свою политическую судьбу, одновременно оставаясь зависимой в военной отрасли от Соединенных Штатов, равно как Соединенные Штаты не могут ожидать от своих союзников больших оборонных обязательств, осуществляя одновременно политическую гегемонию над ними. В отсутствие глобальной военной угрозы такие противоречивые цели постепенно подточат межатлантические связи... Как только валютный союз обозначит европейские глобальные экономические параметры, это немедленно скажется на трансформации трансатлантических обязательств в сфере безопасности. Европейский валютный союз даст импульс европейской интеграции и в конечном счете приведет к общей внешней и военной политике»⁷⁸⁵.

Соперничая на ограниченном рынке, Америка и Европа спорят по вопросам торговли, финансов, инвестиций, глобального потепления, политики в области энергетики, антitrustовскому законодательству, по поводу экономических санкций, о путях стимулирования экономики; особенно открыто спорят два региона в ходе раундов по либерализации мировой экономики. Таит потенциал отчуждения битва ЕС против американских сельскохозяйственных культур, подверженных генетической обработке (GM)..

Три сценария видятся реалистичными для развития событий в XXI веке.

Первый — замедление и фактическое прекращение процесса расширения Европейского союза. «Европейцы (за периодическим исключением французов), почти как японцы, стремятся присоединиться к поезду развития высокотехнологичного производства, ведомому в будущее Соединенными Штатами. Они не проявляют желания возвыситься себя до положения «равных соперников» Соединенных Штатов»⁷⁸⁶. Отвергнув Европейскую конституцию, европейские страны-члены ЕС фактически надолго отошли от создания единого государства. ЕС в этом случае фактически отказывается от амбиций достижения равных с США позиций.

В случае реализации *первого* сценария полностью проявляется то обстоятельство, что отсутствие восточной угрозы ослабляет движение к европейскому единству. Ослабление интеграции повлечет за собой утрату европейского интереса к глобальной (совместной) политике. Как предрекает англичанин С. Пирсон, «к 2004 году общий европейский военный бюджет упадет до уровня в две трети американского военного бюджета. Пятнадцать лет мирного дивиденда и мирового расстройтва приведут к тому, что США станут в военном смысле доминирующей и технически наиболее передовой военной державой в мире, несопоставимой ни с кем в мировой истории»⁷⁸⁷.

Это ослабление лишает и американцев особого интереса овладеть рычагами контроля над европейским развитием. В случае краха политики расширения ЕС последует ослабление американского вовлечения в европейские дела, главную роль сыграет изоляционизм американского конгресса. В целом американцы считают неудачу позитивной эволюции ЕС негативным поворотом событий; сама концепция диктуемой Западом системы безопасности и мировой роли Запада окажется под ударом.

Второй сценарий — процесс расширения Европейского союза продолжается, но идет с крайними трудностями — Европа превращается в структуру с многими уровнями (различные скорости интеграции), где поступательное движение сохраняется фактически лишь на верхнем уровне. Даже в этом случае избежать противоречий между двумя берегами Атлантики будет весьма сложно. Можно смело предсказать проявления сугубо культурных различий как на уровне элит, так в контактах населения обоих регионов, результатом чего будет их постепенное взаимоотчуждение. И в этом случае ЕС будет роковым образом ослаблен в проведении глобальной политики. *Но не откажется от достижения этой цели абсолютно.*

Второй сценарий — случай ослабления сближения стран ЕС между собой. Соединенные Штаты будут активнее поддерживать проатлантические силы в Европе, в значительной степени стимулировать различие скоростей (и направленности интеграционного процесса). В этом случае некий союз равных уходит за исторический горизонт. В США оживут схемы союза

англоговорящих стран — проявится стремление использовать дружественность и солидарность Британии. Но это же может вызвать антиамериканское ожесточение германо-французского «остова» ЕС.

Третий сценарий — Европа, несмотря на все трудности, превращается фактически в централизованную державу, способную отстаивать свои позиции в мире, осознающую, что она — единственный *реальный* и возможный соперник Соединенных Штатов (если речь идет об историческом пространстве в три или четыре десятилетия). Ее экономика сохранит сравнимые с американскими размеры (увеличивающиеся по мере приёма новых членов), ее технология будет находиться на сравнимом с американским уровне, ее дипломатические традиции позволят ей успешно маневрировать в хаотическом мире. В ее состав будут продолжать входить две ядерные державы со значительным запасом ядерного оружия и совершенными средствами доставки. В ее распоряжении будут значительные обычные вооруженные силы, экипированные почти на американском уровне и имеющие опыт взаимодействия друг с другом⁷⁸⁸.

При реализации *третьего* сценария (формирование фактически нового огромного европейского государства) ЕС возобладает на континенте, а роль США резко ослабнет. Брюссель увидит мировые горизонты. Этот *третий* вариант развития беспокоит США более всего. Это кратчайший путь лишиться гегемонии. Столкновение интересов может быть купировано лишь появлением *третьей*, враждебной всему Западу силы. Или хладнокровным разделом мира на зоны влияния. Или стимуляцией раскола среди европейцев — ведь любая гегемония прежде всего стремится разделять и властвовать.

Но существует опасность того, что американские усилия разделить европейцев могут лишь подтолкнуть европейцев друг к другу. Ведь «даже наиболее проатлантические европейские правительства признают, что их первостепенный интерес сегодня лежит в солидарности со своими европейскими соседями. И если США окажут давление «сверх нормы», европейский выбор,— пишет У. Пфафф,— будет предопределен. Экономический интерес, а не фривольный выбор вызовет углубляющееся соперничество Европы и Соединенных Штатов на

протяжении грядущих десятилетий; это соперничество будет сопровождаться конкурентной борьбой за экономическое и политическое влияние в остальном мире. В той мере, в какой европейская индустриальная и экономическая независимость окажутся в зоне угрозы из-за конкуренции, которая не знает ничего среднего между поражением и победой, под угрозой окажется европейская суверенность»⁷⁸⁹.

Не исключая реализации любого из указанных трех сценариев, отметим наиболее реалистический поворот событий: *Западная Европа* несколько отходит от атлантического руслу. Произойдет сближение более атлантически настроенной Британии с европейски самоутверждающейся Францией, а вместе они найдут общий язык с более умеренной Германией. Произойдут изменения в проблеме расширения Европейского союза на Восток: западноевропейцы начнут смотреть на Восточную Европу не как на «варварский Восток», а как на интегральную часть Европы, чья дополнительная сила укрепит западноевропейские позиции визави США.

Век атлантического партнерства отступает, потому что *«страны Северной Атлантики, видимо, никогда не достигнут интеграции столь глубокой, как у европейцев, и не смогут реализовать призыв государственного секретаря США Джеймса Бейкера синхронизировать межатлантическое сближение с западноевропейским»*TM. В этом случае однополярность неизбежно увядает, уступая место новому — биполярному миру.

Различие в восприятии. Для оформления европейского единства чрезвычайно важно сближение социальных ценностей. В этом плане приход к власти христианской демократки Ангелы Меркель сделало правящий слой Европейского союза менее гомогенным. В двух странах-лидерах Союза господствует правая половина политического спектра: президент Ширак во Франции, христианская демократка Меркель в Германии. В то же время в третьей важнейшей стране, Великобритании, прочно утвердился лейборист Тони Блэр. Левые с Проди победили в Италии, социал-демократы овладели властью в Швеции; они доминируют с 2005 г. в Испании, Австрии. Зато в Польше триумф правых, как и в посткоммунистической Чехии. Такой

политический ландшафт весьма резко отличается от системы социальных воззрений, так или иначе доминирующих в США. Удовлетворенный капиталистическим ростом своей национальной экономики республиканский президент и конгресс США в этом смысле весьма резко контрастируют с «более розовыми» западноевропейскими парламентами, осуждающими «бархатную гегемонию» Соединенных Штатов.

Примечательна растущая идейно-политическая гомогенность: во всех трех странах — лидерах Союза господствует право-левая половина политического спектра (правые во Франции, христианские-демократы в Германии, лейбористы в Британии) — весьма отличный от американского политический ландшафт. Так формируется тот центр, самостоятельный выход которого на мировую арену сразу превратил бы современную однополюсную систему в биполярный мир. При этом «динамика развития силовых факторов поощряет соперничество, а общие культурные основы ведут к сближению»⁷⁹¹.

Стойкая европеистская Франция находит понимание с «новой» Британией и «новой» Германией. Далеко не поклонница Блэра канцлер Меркель также стала весьма по-иному смотреть на возможности подключения Лондона. Для Германии критически важна благосклонность Британии к расширению германской активности на востоке Европы. Франция поддерживает инициативу Германии о превращении Западноевропейского союза в военное крыло Европейского союза. ЗЕС может взять на себя новые, более ответственные функции в миротворческих операциях, фактически оттесняя НАТО.

Слабость Европейского союза заключается не в экономических показателях, а в *способности принимать стратегические решения*. Особенно это ощутимо в периоды кризисов. Скептики не возлагают особых надежд на еврократов: «Механизм принятия решений Вашингтоном бесконечно более эффективен, чем брюссельский механизм... Это отставание органически присуще великому предприятию под названием «Европа». Возможно, первоначальная шестерка стран Европейского сообщества могла превратиться в подлинную федерацию. Но расширение до «двадцати плюс» практически не дает шансов ЕС стать единым государством»⁷⁹². С этой точки зрения воз-

можно лишь та или иная степень конфедерации, но не формирование единого государства.

Американские исследователи У. Уоллес и Ч. Капчен говорят об амбивалентности процесса западноевропейской интеграции, о *«страхе в США перед превращением Европы в подлинного глобального соперника»*¹⁹³. Оставить второй по могуществу регион Земли без всякого контроля американское руководство не готово — если только оно не согласно оставить планы долгого глобального лидерства. В обозримой перспективе *«Вашингтон не желает видеть Западную Европу и Японию сильными настолько, чтобы дать им возможность бросить вызов американскому лидерству. Соединенные Штаты будут стремиться сохранить свое геополитическое превосходство перед Западной Европой»*¹⁹⁴. Вашингтон готов немало заплатить за контрольные рычаги во втором по могуществу экономическом центре мира (способном мобилизовать и соответствующий военный компонент своего могущества).

В подходе к международной системе три различия в стратегии лежат на поверхности:

- США смотрят на текущие события с глобальной точки зрения, а ЕС с региональной;
- США предпочитают действовать односторонне, а западноевропейцы — через международные организации;
- США не исключают для себя военного решения вопроса, а западноевропейцы подчеркивают политические и экономические возможности⁷⁹⁵.

Уроки мировой истории заключаются в том, что более слабые всегда объединяются против гегемона. Это нежелательно. Неизбежно ли это? Оценки расходятся, но ослабляющий единство фактор исчезновения общего врага не может игнорировать никто. Как пишет С. Хантингтон, *«отсутствие общего врага, объединявшего союзников, неизбежно ведет к обострению противоречий между ними. Борьба за превосходство, которую мы признаем естественным явлением в поведении индивидумов, корпораций, политических партий, спортсменов, не менее естественна и для стран»*⁷⁹⁶. Отпустить в свободное плавание, ослабить военный и политический контроль над западноевропейской зоной означает, что почти половина эконо-

мики планеты сможет действовать вопреки американским стратегическим ориентирам. Концентрирующаяся вокруг мощной Германии Европа, возможно, и не будет угрожать непосредственно интересам американской безопасности, но едва ли станет соперником Соединенных Штатов на Ближнем Востоке и в Восточной Азии.

Главная американская задача — сдержать силы сепаратизма в Европе, ограничить горизонт самостоятельных сил, положить предел неопределенности в эволюции Европы, гарантировать работу объединительных механизмов, добиться координации политики двух регионов. Есть все основания полагать, что Соединенные Штаты приложат немалые усилия, чтобы заручиться дружественностью западноевропейского центра. Жесткий диктат в отношениях с этим центром уже невозможен, но это вовсе не означает, что у Соединенных Штатов нет мощных рычагов (политических, экономических, военных, культурных) воздействия на регион, находящийся в процессе интеграционной консолидации.

В Европе значительно больше сочувствуют Палестине даже при правящей партии «Хамас». И Европа (за заметным исключением Британии и Польши) категорически отрицательно относится к войне, которую США ведут в Ираке, — очень важный момент.

Переходный характер переживаемого момента, может быть, является главной характеристикой эволюционирующего западноевропейского центра, второго (по всем основным показателям) мирового силового центра после США, но еще далекого от американской эффективности. Западную Европу будет ослаблять не только экономическая стагнация (сопровожаемая высоким уровнем безработицы), но и почти повсеместное ослабление роли национальных правительств, усиление местнических тенденций; фрагментация общества; лингвистическое, культурное и, соответственно, политическое размежевание; сепаратистские устремления в основных странах (земли ФРГ, Бретань и Корсика во Франции, Каталония в Испании, Падания в Италии, Шотландия и Уэльс в Объединенном Королевстве и т.п.). Речь идет о восстановлении таких явлений «донационального» прошлого, как Ганзейский союз, Средиземноморская лига и т.п. На

фоне создания парламента в Шотландии и Ассамблеи в Уэльсе в значительной мере тормозится общее для всей Западной Европы движение, наступает ослабляющая всех фрагментаризация. Регионализм становится едва ли не главным препятствием на пути консолидации общеевропейских усилий.

Американец Ш. Швеннингер: *«Европейцы ощущают угрозу исламского фундаментализма в Северной Африке, не имеющего такого же значения для США. В прошлом такие различия между США и (Западной) Европой сглаживались не только в свете советской угрозы, но и ввиду двухпартийной поддержки элиты в США. Ныне мы видим фрагментацию этой элиты»*¹⁹¹.

Ирак способствует разъединению. В своей Нобелевской лекции британский драматург Гарольд Пинтер в конце 2005 г. буквально обрушился на американскую политику, начиная с президента Трумэна и особенно обличая Джорджа Буша-младшего. Теперь европейцы обличают американскую практику в Индонезии, Греции, Уругвае, Бразилии, Парагвае, Гаити, Турции, на Филиппинах, в Гватемале, в Сальвадоре, Чили, где «тысячи узников были убиты, «и вы должны знать это. Преступления Соединенных Штатов были систематическими, постоянными, злостными, безжалостными — но только единицы говорили об этом. Америка манипулировала властью в масштабах всей планеты как сила, якобы стремящаяся ко всеобщему благу, а на самом деле американская политика была brutальной, индифферентной, презрительной и безжалостной».⁷⁹⁸

В этот же декабрьский день 2005 г. американская газета «Уолл-стрит Джорнел» поместила редакционную статью, столь же жесткую и определенную, против европейских союзников США. Госсекретарь Кондолиза Райе перемещалась по европейским столицам в попытке ослабить обоюдное давление. Война в Ираке нанесла американско-европейским отношениям тяжелую травму.

Понятно, что наибольшее внимание привлекает не ажиотаж академических сторонников тезиса «не упустить исторический шанс», а государственная мудрость республиканцев Буша. Заметим, что поколение Чейни и Рамсфелда выросло в

годы обличения Мюнхена, теории «падающего один за другим домино», агрессивного активизма в отношении Ирана в 1953 г., Гватемалы в 1954 г., Кубы в 1961 г., Индокитая в 1960-е годы, Ирана в 1979 г., Гренады, Панамы, Никарагуа, Африки в 1980-е годы. Это поколение «испортил» триумф в холодной войне и апология рейганизма от земли до космоса. Для них, современных неоконсерваторов у власти, «доктрина Буша» — логический итог эволюции победителей в холодной войне.

Преждевременно делать окончательные выводы. Ни западноевропейцы, ни американцы не знают, в каком направлении и с какой скоростью расходятся их пути и что более соответствует их интересам. История в этом смысле безжалостна. Ясно, что прежде общая угроза их объединяла, ясно также, что этой угрозы более не существует. Как указывает один из ведущих американских исследователей, «без враждебной силы, угрожающей обеим сторонам, связующие нити никак не могут считаться гарантированными»¹⁴⁴. Различным, отличающимся друг от друга становится этническое, культурное, цивилизованное лицо Северной Америки и Западной Европы. А экономические интересы, как всегда, разделяют. Обе стороны имеют уже — в лице ЕС и НАФТА — собственную отдельную коалиционную лояльность. Вектор исторического развития североатлантической зоны начал смещаться с центростремительного на центробежное направление.

Первым среди конкурентов дышит в спину Америке объединяющаяся Западная Европа, которая с созданием *евро* и собственных вооруженных сил создала объективные возможности ослабления тесных политических связей с Соединенными Штатами. Далее последует десятилетие создания европейской армии, что предопределит и военное разъединение с США.

Атлантическая стратегия США. Американцы признают потенциальную силу европейского гиганта. 42 процента американцев — и 51 процент лидеров — считают Европу более важной для США, чем Азия (противоположного мнения придерживаются 28 процентов американцев)⁸⁰⁰. Государственное объединение таких размеров способно изменить соотношение сил в мире. В США можно выделить две крайние точки зрения:

тех, кто верит в политическую Европу, и тех, кто сомневается в реальности ее создания.

Еврооптимисты ожидают быстрого продвижения Брюсселя в XXI веке к положению одного из бесспорных мировых центров. Так, один из ведущих американских экономистов Ф. Бергстен считает, что ЕС вскоре «достигнет равенства или превзойдет Соединенные Штаты по всем ключевым показателям экономического могущества и будет говорить единым голосом по широкому кругу экономических вопросов... Экономические отношения между Соединенными Штатами и Европейским союзом будут во все большей степени становиться основанием фактического равенства»⁸⁰¹.

Европессимисты полагают, что западноевропейские столицы вольно или невольно обменяли *углубление* интеграции на ее *расширение*. Возможно, в ЕС через определенное время будут входить 35—40 государств (включая, как указывает Ж. Атали, Украину и Грузию⁸⁰²). И это резко ослабит ее внутреннее сближение. Именно в свете того, что европейская интеграция «вглубь» будет медленной и европейский механизм не будет похож на американский, «Америке не следует бояться возникновения соперника»⁸⁰³.

В результате США еще на одно поколение останутся единственной сверхдержавой. Они указывают на то, что «Европа, несмотря на всю свою экономическую мощь, значительную экономическую и финансовую интеграцию, останется *де-факто* военным протекторатом Соединенных Штатов... Европа в обозримом будущем не сможет стать Америкой... Бюрократически проводимая интеграция не может породить политической воли, необходимой для подлинного единства. Нет ударной силы воображения (несмотря на периодическую риторику относительно Европы, якобы становящейся равной Америке), нет страсти, создающей государство-нацию»⁸⁰⁴. Многостраничный договор, который предлагается подписать всякому новому члену ЕС, поражает воображение лишь своими 31 огромными разделами.

Калькуляция американских атлантистов: учитывая неизбежную грядущую американскую вовлеченность в азиатские дела, учитывая неизбежность кризисов в незападном мире, не следует радоваться европейским просчетам и временной немо-

щи, следует помогать становлению потенциального глобального партнера. Да, у Америки впереди еще от 10 до 20 лет преобладания в мире. В дальнейшем же судьбу гегемонии гарантировать не может никто. И важно иметь глобального партнера. А если определенное отчуждение западноевропейского центра неизбежно, американцы постараются «подороже» продать свое согласие на частичный европейский сепаратизм. Доминирующий в США мотив — не гасить западноевропейскую военную активность тотально, не порождать у западноевропейцев чувства бессилия и зависимости, концентрироваться на реально критически важных проблемах, использовать ЕС в главном — в солидарном совместном контроле над Центральной и Восточной Европой. Ведь главная задача — общая: инкорпорировать Европейский Восток в Большой Запад.

У западноевропейской политики Вашингтона будут три основания.

1. Осуществить стратегический контроль над европейским пространством *посредством НАТО и военного присутствия в Европе*. Максимально долгое сохранение НАТО — это лучший выход для Америки в двадцать первом веке, когда потенциальные конкуренты привязаны к статусу союзника. «Только сильная НАТО с США как осевой державой, — пишет американский исследователь К. Лейн, — может предотвратить дрейф Западной Европы к национальному самоутверждению и отходу от нынешнего уровня экономического и политического сотрудничества»^{*05}. Но НАТО, выполнившая свою миссию в Европе, — это своего рода «велосипед»; будучи в бездействии, эта организация теряет равновесие и падает. Чтобы задействовать своих западноевропейских союзников, США пошли на расширение состава и функций блока (операции в сопредельных регионах и т.п.).

2. Укрепить американские экономические позиции в западноевропейском регионе посредством активизации деятельности филиалов американских фирм, их активного инвестирования в Европе, привлечения в этот регион товаров высокой технологии, взаимослияниями фирм (как, скажем, «Даймлер-Крайслер»), кооперацией в производстве, высвобождением для европейских товаров части высокоприбыльного американского рынка. Все это, вместе взятое, может дать Америке долю конт-

роля над экономическим развитием западноевропейского региона. Ошибкой было бы поддаться протекционистскому импульсу, как это уже случилось с рынком сталеплавильной промышленности в США, убоявшейся иностранной конкуренции⁸⁰⁶. Целью американской внешней политики должно быть Североатлантическое соглашение о свободной торговле — «супер-НАФТА», на которую приходилось бы более половины мировой торговли и валового продукта мира.

3. Старинное «разделяй и властвуй». Если европейцы не могли договориться между собой тысячелетиями, почему это должно произойти сейчас? В США надеются на то, что Америка «навсегда» будет призвана в Европу благодаря страхам европейцев: Франция будет бояться германского преобладания; Германия — восстановления сил России; Британия — консолидации континента без ее участия; Европейское сообщество — нестабильности на Балканах; Центральная и Восточная Европа — быть «раздавленными» между Германией и Россией. Лишенный сплоченности Европейский союз не сможет противостоять Америке во время споров во Всемирной торговой организации, на раундах переговоров о снижении таможенных тарифов.

В этом ключе особое значение обретает возвышение в Европе Германии. В США рассчитывают на то, что их немецкие партнеры видят реальность достаточно отчетливо: если американцы покинут Европу, страх перед Германией будет таков, что произойдет немедленное объединение всех антигерманских сил. Этот страх является лучшим залогом притяжения американских войск в центре Европы. Если же Германия окажется несговорчивой, а процесс ее самоутверждения стремительным, то Вашингтону придется переориентироваться на англосаксонского союзника в надежде на то, что Британия, также опасаящаяся германо-французского главенства, сумеет затормозить опасную политическую эволюцию Европейского союза. Только веря в такой поворот событий, консервативный аналитик Ирвин Кристол мог сказать: *«Европа обречена быть квазиавтономным протектором Соединенных Штатов»*^{*01}.

4. Привлечь Западную Европу к «управлению миром» — сформировать глобальный кондоминиум двух (относительно

независимых друг от друга) западных регионов над трудноуправляемым миром. Если удастся «завязать» западноевропейский регион на эту задачу, то в XXI веке Европейский союз будет продолжать оставаться зоной опеки США, залогом крепости мировых позиций Вашингтона. При этом следует учитывать то обстоятельство, что Соединенные Штаты недостаточно сильны, чтобы доминировать в быстро растущем мире, полагаясь лишь на собственные силы. Переходу к определенной степени дележа прерогатив с Западной Европой нет альтернативы: *«Вопреки анахронистским разговорам о Соединенных Штатах как о «единственной сверхдержаве», следует признать, что США слишком слабы для доминирования в мире, если они будут полагаться лишь на собственные силы. Евроамериканский кондоминиум в системе мировой безопасности и мировой экономике — Паке Атлантика — должен заменить Паке Америка; вот единственный выход»*⁸⁰⁹. При этом Соединенные Штаты могут сохранить свое общее преобладание только за счет «дарования» Западной Европе в XXI веке определенной степени внутренней автономии.

5. Далеко не для всех в Европе активное самоутверждение, делающее акцент на противостоянии, привлекательно. Как пишет С. Эвертс из лондонского Центра европейских реформ, «подлинные союзники так редки в современном мире, а ведь по основным великим стратегическим вопросам европейцы ближе к Соединенным Штатам, они могут многое предложить Америке в области экономики и дипломатии — в отличие от любой другой группы стран»⁸⁰⁹. Ему вторят американцы Уоллес и Зелонка: «Европейские союзники — со всеми их очевидными недостатками и слабостями — являются единственными надежными партнерами Соединенных Штатов, разделяющими американские ценности и американское бремя»⁸¹⁰.

В ряде европейских стран очевидным образом преобладает стремление сохранить трансатлантические узы — им отдается предпочтение перед непроверенными еще вариантами западноевропейской самостоятельности. Речь идет о странах, где атлантизм имеет сильные позиции, — Британии, Нидерландах, Норвегии, Португалии. Сюда начинают примыкать новообразованные балтийские страны и «новички» натовской организации — Польша, Чехия, Венгрия.

Из разных углов Европы выражается мнение, что у ЕС еще долго не будет общих органов, что в игру сверхдержав Брюссель вмешается еще очень нескоро. «Европейские граждане ныне не доверяют своим правительствам, они уже не готовы умирать за свои правительства. Индивидуализм и потребительская этика трансформировали западноевропейских граждан в летаргических индивидуалистов, возлагающих надежды на «мировое сообщество» (т.е. на Соединенные Штаты) в случае необходимости гасить пожар в одном из углов огромного мира... Они ценят богатство и благосостояние, а не способность вести боевые действия. В своем новом окружении традиционные заботы, такие как защита границ, национальная идентичность, государственный суверенитет, подчинены стремлению к процветанию, демократическому правлению и индивидуальному благосостоянию»⁸¹¹. В грядущие десятилетия не следует ожидать возникновения Европы концентрических кругов, где одни страны находятся в центре, а другие — на периферии. «Система безопасности будет напоминать олимпийский флаг — круги на нем налагаются друг на друга. Здесь не будет одного центра. А будет несколько центров, три или четыре — и здесь не будет периферии»⁸¹². Всякий, кто постарается рассмотреть «великий проект» европейского строительства, будет сбит с толку — его попросту нет.

Осмелятся ли европейцы? Как характеризует ситуацию обозревающий европейскую сцену из Парижа У. Пфафф, «в определении стратегии высокотехнологичной индустрии будет решено, могут ли нация или блок наций обладать индустриальными и экономическими гарантиями своей суверенности. Хотя большинство западноевропейцев пойдут на противостояние с Соединенными Штатами с величайшей неохотой, вопрос индустриального доминирования, стратегического суверенитета и выживания заставит их пойти на это»⁸¹³.

Базируясь на вышеназванных основаниях, Америка надеется еще долго так или иначе контролировать европейские (а это значит во многом и мировые) процессы. Непосредственные задачи США на обозримое будущее — сохранить свой военный контингент в Европе, предотвратить принятие Европейским со-

юзом политических и военных функций, предотвратить экономическое отчуждение. Должно ли американское руководство открыто выражать свое недовольство самоограничением европейских партнеров? Дж. Ньюхауз полагает, что предпочтительнее не обострять пункты разногласий. *«Вашингтону не следует высказывать свои опасения открыто; если он будет прямо выражать свои опасения, то вызовет прямые обвинения в стремлении сохранить Европу разделенной»*™.

Смогут ли США гарантированно воздействовать на важнейший регион?

Двумя главными средствами непосредственного насильственного воздействия Соединенных Штатов на другие страны являются экономические санкции и военное вмешательство. Но, как характеризует эти рычаги С. Хантингтон, *«санкции могут быть эффективным средством воздействия только в том случае, если их поддерживают и другие страны, а гарантии этого, увы, нет»*. Что же касается военного вмешательства, то *«платя относительно низкую цену, Соединенные Штаты могут осуществить бомбардировку или запустить крылатые ракеты в сторону своих противников. Но сами по себе такие меры недостаточны. Более серьезное вооруженное воздействие должно отвечать трем условиям: оно должно быть легитимизировано международными организациями, такими, как Организация Объединенных Наций, где русские, китайцы и французы имеют право вето; оно требует подключения союзников; наконец, оно предполагает готовность американцев нести людские потери. При этом, если даже Соединенные Штаты согласятся выполнить все три условия, их вооруженное вмешательство рискует вызвать критику внутри страны и мощное противодействие за рубежом»**¹⁵.

Возможно, наиболее сильным аргументом и инструментом Америки явится то, что большинство западноевропейцев пока не желает ухода американских войск из региона. *«Во время растущей неясности и переменчивости (Западная) Европа не имеет адекватной альтернативы американскому военному присутствию и лидерству. Продолжающееся американское присутствие в Германии предотвращает ренационализацию обороны в Западной Европе и дает Центральной Европе опре-*

деленные гарантии в отношении Германии и России»^{bl6}. Напомним, что сугубо западноевропейские попытки решить боснийскую проблему оказались тщетными и в конечном счете именно Америке пришлось мобилизовать свои вооруженные силы и дипломатию. И в случае с Косовом США продемонстрировали силу блока, чтобы угрозы НАТО не оказались «пустыми словесами» и блок не потерял престижа наиболее эффективной западной организации. В этом историческом контексте европейские союзники Соединенных Штатов еще не видятся пока эффективными конкурентами, способными предложить альтернативу.

Сомнения в стратегии. Обеспечить контроль над европейским развитием всегда было непросто для США — ведь органическое единство никогда не было стабильной характеристикой Запада. После снятия прессы холодной войны Старый Свет теряет снование прежней солидарности с Новым, исчезает прежняя объединительная скоба. *«Система союзов, созданных в период холодной войны, — пишет главный редактор журнала «Нью рипаблик» Майкл Линд, — вступила в полосу кризиса под влиянием исчезновения советской империи и подъема Японии с Германией»TM*. Как полагает Д. Риеф, *«национальный консенсус, основанный на враждебности к советской империи, обеспечивал строгий порядок в определении американских целей. В этом системном крушении, в этом кризисе восприятия, а не в неких ошибках федеральной администрации, лежат основы кризиса межатлантических отношений»^{* TM}*. Происходит изменение взглядов миллионов американцев.

Поднимающаяся в США новая волна критиков традиционного атлантизма таит в себе большие угрозы сплоченности атлантического мира. Ведущий из неоконсервативных идеологов, Ирвинг Кристол, призывает не столько к изоляции, сколько к изменению американских географических приоритетов. *«Холодная война окончена и вместе с нею целая фаза в мировой истории — европейская фаза. Нации Европы еще обладают огромным технологическим, экономическим и культурным могуществом, но их внешняя политика мало что значит. Европа более не является центром мира, а НАТО становится органи-*

защитой без миссии, реликтом холодной войны. Главные внешне-политические проблемы США лежат за пределами Европы. Во-первых, это Мексика. Во-вторых, подъем исламского фундаментализма в Северной Африке и на Ближнем Востоке. В-третьих, это неизбежный подъем Китая как доминирующей азиатской державы»TM.

Сформировалась аргументация отхода от опоры на зыбкий европейский мир.

1. Главный тезис противников вовлечения в европейские дела — ресурсы Соединенных Штатов; не стоит их расходовать в благополучной Европе. Восточный противник повержен и трудно объяснить присутствие американских войск, траты из американского кошелька в самом богатом районе Земли некой опасностью нападения извне. В Ираке и Косове объем ударов США и западноевропейских стран НАТО находился в соотношении 9:1. Стоит ли продолжать делать за западноевропейцев грязную работу в их собственном регионе (Балканы) и в регионе, от нефти которого зависит именно Западная Европа? Противники европейской вовлеченности Америки напоминают, что американские войска в Европе обходятся Соединенным Штатам на 2 млрд. дол. дороже, чем если бы они размещались в США. США расходуют на оборону почти 4% своего валового национального продукта, а Франция и Британия по 3,1%, ФРГ — 1,7%. Европейские члены НАТО расходуют на военные нужды лишь 66% суммы американского военного бюджета⁸²⁰. Американцы ожидали после окончания холодной войны «мирный дивиденд» в виде, по крайней мере, экономии федеральных средств на содержание американских войск в Европе. Главное: самоутверждение Западной Европы, периодически проявляемое отсутствие солидарности ослабили позиции проатлантического истеблишмента в США. Американцы считают, что, расходуя примерно 60% от американского уровня и более 20% от мирового, не будучи завязанным на таких далеких регионах, как Восточная Азия, имея вооруженные силы в 1,8 млн. военнослужащих (против 1,4 млн. в США), расходуя на солдата 20 тыс. дол. в год против 59 тысяч в США, Европейский союз мог бы больше участвовать в американской «мировой вахте», мог бы активнее помогать стране-гегемону держать контроль по всем азимутам.

2. Растущая часть американцев, перестающих верить в грядущее силовое могущество Западной Европы. Будущее зависит от широкого мира, а не от узкого западноевропейского мыса Евразии. Творцы американской стратегии предостерегают от преувеличений относительно дружного и согласного подъема Европы. Не должно быть геополитического оболыщения — скорее всего Брюссель в ближайшие десятилетия будет столицей не мощного единого государства, а весьма рыхлой европейской конфедерации. Торговля в пределах ЕС вырастет. Но достигнет естественных пределов: англичане не хотят отдавать свои деньги в германские банки. Тысячу лет продолжают усилия по европейскому сплочению, и вопрос так и не получил окончательного решения. Не привлекательнее ли союз с заокеанским гигантом? Из Вашингтона достаточно отчетливо видны экономические и интеграционные сложности союзников. Сенатор Джесси Хелмс привел такую метафору: *«Европейский союз никак не может выбраться из мокрого бумажного пакета»*. А Роберт Альтман и Чарлз Капчен призвали правительство США не бояться вызревания конкурента, а *«помочь Европе затормозить свое падение»*^{*2*}.

3. Западная Европа, лишившаяся общего противника, все меньше будет интересоваться функцией партнера Соединенных Штатов, самостоятельный курс представится ей более многообещающим. Только на этом собственном маршруте исторического движения Западная Европа в будущем окажется способной на жертвы и на геополитический подъем. Крупнейшая величина региона — Германия, возвратившаяся к европейскому строительству после реструктуризации своих восточных земель, сумеет возглавить западноевропейское строительство. Твердую основу ЕС как межгосударственного образования составит Единая валютная система. *«Общая валюта даст Германии и Европе новую финансовую мощь, и это будет своего рода геополитической революцией»*.

4. Приобрел черты реальности следующий прогноз американского специалиста: трансатлантическая кооперация не приобретает устойчивых форм, торговые отношения США и ЕС становятся жертвами обострившейся конкуренции, ВТО становится форумом раздора, а не сближения; враждебность и агрес-

сивность Европейского союза заставит США обратиться к односторонней политике, руководствуясь сугубо национальными интересами. Многосторонняя торговая система деградирует в жестко соперничающий между собой регионализм, столкновение конкурентов по обе стороны Атлантики⁸²². Весьма различный подход демонстрируется США и ЕС по такому ключевому вопросу, как ядерное нераспространение⁸²³. Беспочвенными оказались надежды тех, кто ожидал, что с освобождением от советской угрозы Западная Европа пойдет на глобальное партнерство с США, помогая им в беспокойных регионах Земли. Произошло противоположное — отсутствие общей военно-стратегической опасности начало разъедать атлантическую основу идеологии правящего класса США. Европа уже наметила курс, далеко не параллельный американскому. Западноевропейцы сосредоточились на собственных региональных проблемах. Помимо европейского Востока новая Европа будет занята сверхнаселенным слаборазвитым Средиземноморьем и многими проблемами, далекими от американских. Теперь, не нуждаясь в американском ядерном зонтике, Западная Европа менее ценит НАТО с ее безусловным американским главенством.

5. Так ли опасно отпустить Западную Европу в самостоятельное плавание по жестоким волнам мировой политики? Часть американских политиков и политологов (например, Д. Каллео) полагают, что следует предпочесть самостоятельный дрейф Западной Европы — это веление истории и вряд ли разумно противостоять исторически неизбежному процессу. Верить в стабильность и долговременность постоянной исторической удачи не стоит. Тридцать лет назад Вьетнам — а завтра очередное Косово — остановил этот марш глупости и неверного расчета, обусловленного американской самоуверенностью. Каллео придерживается достаточно высокого мнения о потенциале западноевропейского единства, он видит складывание нового мирового центра, не просто удаляющегося от США, но становящегося конкурентом Америки. Этот процесс исторически неизбежен, и противодействие ему не согласовывалось бы со здравым смыслом. *«Пессимистический и даже презрительный взгляд на Европу только осложняет положение и увеличивает опасность»*^{*24}. Согласно данным ОЭСР, стареющая

Европа будет в грядущие 25 лет чрезвычайно нуждаться в 35 миллионах представителей молодой рабочей силы, а к 2025 году — в 150 миллионах новых рабочих. К 2030 году государственные пенсионеры будут получать 5,5% ВВП в Британии, 13,5 % во Франции, 16,5 % ВВП в Германии, 20,3 % в Италии (в США на эти цели будет тратиться лишь 6,6 %) ⁸²⁵. А кто поможет контролировать беспокойный исламский мир, откуда прибывают в Европу молодые рабочие? Отход Европы от Америки в значительной мере естествен. Америка не желает терять сильного друга, но для этого не следует превращать его в безмолвного натовского раба. В XXI веке сильный, хотя и более независимый друг понадобится больше, чем бессильный вассал. По мнению американского специалиста Д. Каллео, Америка должна быть заинтересована в сильной, сплоченной, даже сепаратно действующей Европе, а не в немошном конгломерате государств, на которые трудно надеяться в неизбежных конфликтах будущего.

Американская политика в Европе на распутье. Дебаты за усилия по реконструкции Североатлантического союза, за присутствие в регионе вооруженных сил США приобретают напряженный характер. Две точки зрения проявили себя в американских спорах о будущем Западной Европы и ее основы — Европейского союза. *Первая* исходит из того, что угроза, исходящая от сепаратизма Европейского союза серьезна. Здесь затронуты самые важные стратегические интересы Соединенных Штатов. Именно на это направлена аргументация тех в США, кто призывает не просмотреть самого существенного в глобальной стратегии страны. Р. Зеллик подчеркивает: «Трансатлантические и транстихоокеанские союзы должны пройти еще очень большую дорогу по пути обеспечения безопасности в восточной и западной части Евразии, где расположены державы, которые в прошлом представляли собой самую большую угрозу Соединенным Штатам. Лишь партнерство с этими странами могло бы увеличить способность Соединенных Штатов справиться с неопределенным будущим Китая и России» ⁸²⁶.

Вторая точка зрения призывает не преувеличивать степень потенциального роста и сплоченности западноевропейс-

кой «сверхдержавы». Существуют серьезные сомнения в достижимости Западной Европой состояния наднационального объединения. «Тысячелетняя история Западной Европы позволяет прийти к заключению, что она никогда не превратится в единое национальное целое. Европейская интеграция достигнет точки, далее которой она не сможет продвигаться, ибо национализм в отдельных странах слишком силен... Существуют объективные пределы интеграции. В малых странах будет набирать силу регионализм»⁸²⁷. Европейский союз так и не показал способности говорить в мировой политике одним голосом. Скажем, при обсуждении вопроса о военном наказании Ирака ЕС так и не выразил своей позиции, при этом Британия поддержала США, а Франция выступила против. Европа так и не выработала единой позиции относительно югославского кризиса, в ближневосточном конфликте — в обоих случаях Европа не смогла ни выработать единой линии, ни навязать своего решения. И нет оснований думать, что у ЕС неожиданно появится решимость и склонность компромиссным путем идти к единству. В целом проблемы Европы как потенциального глобального конкурента США — преимущественно политические. Европейский союз «может расколоться вследствие этнических конфликтов»⁸²⁸. Особая позиция Британии ослабит «центробежные силы». По крайней мере в течение ближайшего полувека, — считает футуролог Л. Туроу, — Европа не будет мировым лидером, поскольку ей придется сосредоточиться на осуществлении своего собственного объединения»⁸²⁹. Этому объединению препятствуют не только национальные столицы, но и сепаратизм Северной и Южной Италии, басков, каталонцев, корсиканцев, бретонцев, шотландцев, уэльсцев после Боснии и Косова, укрепившихся в самоутверждении.

И все же обе тенденции — *центростремительная* и *центробежная* сохраняют свой потенциал, свою значимость для будущего. В случае возобладания второй Атлантический союз потеряет свою значимость для США, НАТО будет как бы нейтрализована, а Америке придется думать об уходе в свое полушарие. Вашингтон в этом случае усилит значимость своего военного союза с Японией и в целом несколько повернется к Азии.

КИТАЙСКИЙ ВЫЗОВ

От Китая можно ожидать невероятного. К примеру, провозглашение Тайванем независимости или другие подобные события могут заставить Пекин предпринять шаги, от которых он в противном случае воздержался бы, точно так же, как и наращивание военной мощи Китая будет усиливать у его лидеров желание применить ее против Тайваня. В этом случае опасность вооруженного конфликта также может возрасти.

После Васко да Гамы. Пятьсот лет спустя после прихода Васко да Гамы в Индию (1498) вслед за экономическим самоутверждением начал смещаться баланс вооружений между Западом и Востоком. Десять азиатских стран вошли в мир баллистических ракет. Создаваемые рядом азиатских государств технологически совершенные системы потенциально угрожают западным позициям в Азии. Мир ступил не в эру «после холодной войны», а в период «после Васко да Гамы», когда «западное военное превосходство тает по мере того, как индустриализация и новоприобретенное богатство Азии позволяют ей совершить военное обновление, которое внешней силе превозмочь будет чрезвычайно трудно»⁸³⁰.

Китай будет продолжать наращивать военную мощь путем производства и получения современного оружия, включая оснащенные электронными системами самолеты-истребители и подводные лодки новейшего поколения и все большее количество усовершенствованных баллистических ракет. Китай превзойдет Россию и многие другие страны и через двадцать лет станет вторым в мире покупателем оборонного вооружения после Соединенных Штатов; в любом случае Китай превратится в первостепенную военную державу.

Возвышению Китая будет способствовать обширная и влиятельная китайская диаспора. Китайцы составляют 10% населения Таиланда и контролируют половину его ВВП; составляя треть населения Малайзии, китайцы-хуацяо владеют практи-

чески всей экономикой страны; в Индонезии китайская община не превышает 3% населения, но контролирует 70% экономики. На Филиппинах китайцев не больше 1 %, но они владеют не менее 35% промышленного производства страны. Китай явственно становится центральной осью «бамбукового» сплетения солидарной, энергичной, творческой общины, снова увидевшей себя «срединной империей».

Военный аспект. НОАК создает мирвированные боеголовки, технологию *стеле*, нейтронную бомбу, дозаправляемую в воздухе авиацию, вызывает интерес к созданию современных авианосцев⁸³¹. Западных специалистов особенно заботит ракетное оснащение Китая, поскольку «баллистические ракеты сводят на нет всю стратегию выдвинутых вперед баз, предназначенных для удаленных боевых действий. Эти ракеты направлены на уязвимые места западных держав в Азии, которые до самого недавнего времени были неуязвимы для азиатских держав»⁸³².

В будущем Китай сам защитит себя после двухсот лет унижений. Дэн Сяопин был своего рода гарантом китайской сдержанности, после него сторонники «концепции самоутверждения» получают новый шанс. На китайском политическом горизонте не видно фигур прозападной ориентации, зато открыто проявляют себя сторонники жесткости. Такие действия США, как активизация вещания на «Радио Свободная Азия», раздражают руководство КНР, подходы США и Китая приходят в противоречие. В закрытом китайском документе 1992 г. говорится: *«Со времени превращения в единственную сверхдержаву США жестоко борются за достижение нового гегемонизма и преобладание силовой политики — и все это в условиях их вхождения в стадию относительного упадка и обозначения предела их возможностей»*. Закрытые партийные документы КПК характеризуют США как подлинного врага Китая. Председатель КНР Чжао Цзяян заявил к 1995 году, что *«враждебные силы Запада ни на момент не оставили свои планы вестернизировать и разделить нашу страну»*. Министр иностранных дел КНР Цянь Цичень заявил перед ежегодным собранием лидеров АСЕАН в 1995 г., что США должны перестать смотреть на себя как на

«спасителя Востока... Мы не признаем посягательства США на роль гаранта мира и стабильности в Азии».

Как на будущее смотрят в Китае? Согласно исследовательнице Гао Шуцинь, «в XXI в. мировое сообщество разделится на две противостоящие друг другу коалиции, в первой из которых будут США, Западная Европа и Япония, а во второй — Россия, Китай, Иран и ряд развивающихся государств».⁸³³ За последние десять лет во внешней политике Китая произошли существенные перемены. Постепенно ослабевает «менталитет жертвы», якобы ввиду насилия европейцев потерявшего в своем развитии два с лишним века. Выдвинут лозунг «Больше доверия, больше сотрудничества».

У Китая огромные перспективы в глобальном плане. Наиболее серьезные футурологи предрекают через четверть века практически лобовое противостояние между Америкой и Китаем: монопольному лидерству США начинают все больше препятствовать встречное желание развитой Японии и крепнущего Китая доминировать в регионе.⁸³⁴ Возможности Китая станут очевидными тогда, когда валовой национальный продукт страны приблизится к американскому, а стратегические силы выйдут из почти эмбрионального состояния ныне.

Отношение к США. США, по мнению китайских лидеров, пытаются «разделить Китай территориально, подчинить его политически, сдержать стратегически и сокрушить экономически»^{*35}. Начальник генерального штаба НОАК генерал Дзан Ваньян осудил «вмешательство американских гегемонистов в наши внутренние дела и их откровенную поддержку враждебных элементов внутри страны». Член Постоянного комитета Политбюро КПК Ху Интао обличил противника: «Согласно глобальной гегемонистской стратегии США их главный враг сегодня — КПК. Вмешательство в дела Китая, свержение китайского правительства и удушение китайского развития — стратегические принципы США». Его коллега по Политбюро Дин Гуанджен: «США стремятся превратить Китай в вассальное государство»[™]. В аналитической работе «Может ли китайская армия выиграть следующую войну?» говорится: «После 2000 г. Азиатско-Тихоокеанский регион посте-

ленно приобретет первостепенное значение для Америки... Тот, кто овладеет инициативой в этот переходный период, завладеет решающими позициями в будущем... На определенное время конфликт стратегических интересов между Китаем и США был в тени. Но с крушением СССР он выходит на поверхность. Китай и США, фокусируя свое внимание на экономических и политических интересах в Азиатско-Тихоокеанском регионе, будут оставаться в состоянии постоянной конфронтации».

В 1993 г. группа высших офицеров Народно-освободительной армии Китая (НОАК) обратились к Дэн Сяопину с письмом, требующим прекратить политику *«терпимости, терпения и компромиссов по отношению к США»*. В том же году общенациональное совещание представителей вооруженных сил и партии КНР приняло документ, осью которого явилось следующее положение: *«Начиная с текущего момента главной целью американского гегемонизма и силовой политики будет Китай... Эта стратегия будет осуществляться посредством санкций против Китая с целью заставить его изменить свою идеологию и склониться в пользу Запада посредством инфильтрации в верхние эшелоны власти Китая, посредством предоставления финансовой помощи враждебным силам внутри и за пределами китайской территории — ожидая подходящего момента для разжигания беспорядков, посредством фабрикации теорий о китайской угрозе соседним азиатским странам — сеяния раздора между Китаем и такими странами, как Индия, Индонезия и Малайзия, посредством манипуляции Японией и Южной Кореей с целью склонить их к американской стратегии борьбы с Китаем»*. Решение США укрепить военные связи с Японией и Австралией было названо в Китае *«сдерживай и еч»*.

Это самоутверждение получило отклик в окружающих странах. Находясь с визитом в Индии, премьер-министр Малайзии М. Мохаммад в декабре 1996 г. заявил, что *«странам Юго-Восточной Азии не нужна американская военная поддержка... Мы не можем больше находиться в зависимости от настроений и доброй воли более экономически развитых членов мирового сообщества и должны сами решать проблемы, связанные с*

развитием национальных экономик. Страны Азии должны объединить усилия в борьбе за свои общие цели, главная среди которых состоит в том, чтобы занять достойное место на мировом рынке». В Северо-Восточной Азии Китай может рассчитывать на политически и культурно близкую КНДР; более благожелательным становится Сингапур, Малайзия явно дрейфует в китайском направлении, Таиланд готов проявить лояльность по отношению к новой силе в Азии.

Директор Института США китайской Академии наук (и бывшая переводчица Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая) Зи Зонгуан постаралась дать двусторонним отношениям обобщенную оценку: «В прошедшем десятилетии мы видели в американо-китайских отношениях больше спадов, чем подъемов. Их можно назвать *хрупкими*... Главным фактором здесь является американское отношение к превращению Китая в модернизированную, относительно сильную страну... Хотя официальные заявления остаются одними и теми же, по-прежнему стоит вопрос, до какой степени сильный Китай позволителен в сознании американцев. Америке кажется, что Китай развивается слишком быстро и его становится все труднее контролировать. Другими словами, ускорение китайской модернизации не всегда может видеться благоприятным для американских интересов. Многие в Китае полагают, что Америка вооружилась новой формой политики сдерживания, что она желает создать потолок китайскому развитию... В пользу этого говорит американская интерпретация американо-японского договора безопасности и инициированный Соединенными Штатами проект противоракетной обороны театра военных действий в западной части Тихого океана»⁸³⁷.

Зи Зонгуан, выступая в США, отметила растущее желание Америки сохранить преобладающее влияние в определении глобального развития в наступающем столетии. «Идея Pax Americana встроена в американское стратегическое мышление. Факт роста Китая рассматривается как потенциальный вызов американским стратегическим намерениям... Соединенные Штаты взяли на себя роль не только полицейского, но и судьи. Но кто будет судить о поведении самой Америки?»⁸³⁸

Военное строительство. Мировые военные расходы стран мира сократились между 1987 и 2000 годами с 1,3 трлн. дол. до 840 млрд. дол., но эта мировая тенденция не касается Восточной Азии, которая за это же время увеличила свои военные затраты на 50% (с 90 до 135 млрд. дол.). Военные расходы Японии увеличились с 32,4 до 45,8 млрд. дол., Южной Кореи — с 7,9 до 11,5, Таиланда — с 2,3 до 3,8, Малайзии — с 1,3 до 2,1 млрд. дол. Но, конечно, наибольший скачок военных расходов произошел в КНР. Начиная с 1991 г. КНР увеличивала их на 17% в год, доведя их, при оценке по официальному обменному курсу, до 40 млрд. дол. (а по реальной покупательной способности — до 90 млрд. дол.).

В ответ на планы США по созданию системы ПРО Китай в октябре 1999 г. выделил дополнительные 9,7 млрд. дол. на свои стратегические силы. Если американцы разместят 200 перехватчиков на Аляске, «Китай может прийти к выводу, что это обеспечивает проникновение на его территорию и, наряду с другими мерами, оснастит свои ракеты мирвированными боеголовками. Если Соединенные Штаты пойдут еще дальше и создадут широкий спектр запускаемых с воздуха, моря и космоса систем, тогда Китай пойдет на значительное усиление своих ударных возможностей... Китай скорее всего приступит к полномасштабному развитию мощных ядерных сил, разделяя мнение России и других критиков в том, что Соединенные Штаты не собираются останавливаться в развитии ПРО и намерены создать его полномасштабный вариант»⁸³⁹.

За 1990-е годы китайцы удвоили свои военные расходы. НОАК находится в процессе постоянной модернизации. Впервые созданы мощные научно-исследовательские институты в сфере анализа внешнеполитического окружения. «В течение ближайшего десятилетия, — пишут Р. Менон и Э. Вимбуш, — высокоточные, обладающие большим радиусом действия ракетные системы станут доступными большинству главных стран региона; множество других систем вооружений драматически изменит нынешний баланс сил»⁸⁴⁰.

Китай изменил военную стратегию, переориентируя свои ВС с северного направления на южное, развивая при этом ВМС — планируя их оснащение авианосцем, совершенствуя

способности дозаправки своих самолетов в полете, покупая истребители современного класса. КНР подняла вопрос о своем праве на острова Спратли, повторяя тезис о своем тысячелетнем владении ими. В 1992 г. был принят «Закон Китайской Народной республики о Внутреннем море (так стало называться Южно-Китайское море. — *А. У.*) и прилегающей зоне», создавший своего рода легальную базу для дальнейшего продвижения. Присоединившись в 1996 г. к Конвенции ООН по морскому праву, Пекин семикратно — на два с половиной миллиона квадратных километров — расширил экономическую зону в Южно-Китайском море. КНР своими военно-морскими маневрами как бы дала Тайваню ясный сигнал — не вовлекать США во внутрикитайские дела. Пекин опасается сонма «цветных революций» в Центральной Азии, с государствами которой он имеет столь протяженную границу. Нет сомнения в том, что степень стабильности политической системы в России и в центральноазиатских странах оказывает первостепенное влияние на внутривнутриполитическую стабильность и безопасность самого Китая. Китай опасается потока наркотрафика, который тесно связан и с политическими целями — вырученные средства используются для финансирования нелегальных политических и военных действий — для приобретения оружия, содержания вооруженных формирований и критической дестабилизации обстановки в его «ахиллесовой пяте» — Синьцзянь-Уйгурском районе. Пекин не желает расширения плацдарма синьцзянских сепаратистов.

Испытание ракеты ДФ-31 2 августа 1999 г. было своего рода предупреждением Вашингтону. Разрабатываемая ныне ракетная система ДжЛ-П предназначена для запуска с подводной лодки⁸⁴¹. Мобильность китайских ракет позволяет им надеяться на выход из-под контроля американских спутников и прочих следящих устройств. (А Тайвань в случае атаки КНР будет в невероятно сложном положении, учитывая его островное положение и уязвимость морских путей. Тайваню в случае конфликта можно надеяться лишь на помощь Соединенных Штатов). Не столь внушительные, если их сравнивать с американскими и российскими стратегическими ракетными силами, китайские стратегические силы (19 межконтинентальных баллистических

ракет) все же могут нанести удар по Соединенным Штатам из бетонных шахт, расположенных в Западном Китае. Чтобы не быть нейтрализованными, китайцы создают более совершенные ракеты. Китайские стратегические ракетные силы находятся в процессе модернизации. На острие этих сил две новые ракеты — ДФ-31 и ДФ-41, имеющие твердотопливное запускающее устройство и оснащенные мирвированными боеголовками и способные достичь территории США.

Китай способен произвести до тысячи новых ракет в течение следующего десятилетия, и некоторые данные убедительно говорят о его способности производить 10—12 межконтинентальных баллистических ракет в год. Комиссия по национальной безопасности палаты представителей США (т.н. Комиссия Кокса) пришла к выводу, что к 2015 году Китай будет способен «в агрессивной манере разместить до 1000 термоядерных боеголовок на своих межконтинентальных баллистических ракетах»⁸⁴². По распространенному мнению Китай догонит Америку в стратегических вооружениях через сорок пять лет⁸⁴³.

Оценить военные расходы КНР в начале нового тысячелетия непросто. Но большинство исследователей сходятся на том, что их цифра находится где-то между 28 и 50 миллиардами американских долларов, то есть в 4—7 раз превышают официальные цифры⁸⁴⁴. (Лондонский институт стратегических исследований определяет эти расходы в 36 млрд. дол.⁸⁴⁵. Есть и более масштабные оценки.) Военные расходы КНР по реальной покупательной способности достигли 90 млрд. дол. И основная статья расходов — вовсе не улучшение условий службы военного персонала (как убеждают неисправимые пацифисты), а *создание новых видов вооружений*. КНР расходует по этой статье и доходы от продаж оружия противостоящим США странам — Ирану, Ливии, Сирии.

Создаваемые азиатами ракеты имеют весьма четко обозначенные цели — американские базы в Азии. Их теперь нередко называют «ахиллесовой пятой Америки». То, что прежде было видимым всем символом американской вовлеченности и мощи, становится уязвимой целью США. Азиатские баллистические ракеты, вооруженные средствами массового поражения, делают американцев в лучшем случае заложниками ракетной атаки.

Азия делится не в американскую мощь, а в американскую слабость. Итак, в тот самый период, когда Вашингтон праздновал свой триумф в холодной войне и в войне в Заливе, Израиль, Сирия, Иран, Пакистан, Индия, Китай и Северная Корея усовершенствовали свое ракетное оружие, знаменуя тем самым новый болезненный для США факт.

Наличие. В начале XXI в. на вооружении армии КНР находятся 6 тыс. боевых самолетов, 9200 танков, 19 межконтинентальных баллистических ракет с разделяющимися боеголовками. По мнению Американской академии военных наук, к 2020 г. всеобъемлющая общенациональная мощь Китая уже сможет в определенной мере быть сравнимой с американской и превзойдет любую другую в мире⁸⁴⁶. Чтобы сохранить свою относительную энергетическую независимость, Китай будет упорно развивать военно-морской флот. Китайское строительство такого рода неизбежно беспокоит такие морские страны, как Индонезия. Создается основа и арена военно-морской гонки XXI века. С другой стороны, Китай непременно будет искать надежные источники энергии в Центральной Азии. Он постарается ввести Казахстан и Киргизстан в сферу своего влияния (что, разумеется, не может понравиться Москве).

Что более всего возбуждает китайскую сторону, так это вольная или невольная поддержка Соединенными Штатами сепаратизма китайских территорий. Случай с Тайванем широко известен и одиозен. Такую же реакцию в Китае вызывает поддержка американцами тибетского сепаратизма. Центральное разведывательное управление США оказывало сепаратистам здесь прямую поддержку, о которой китайцам достаточно хорошо известно⁸⁴⁷. Китайцы жестко выступают против признания за Соединенными Штатами, как за глобальным гегемоном, права вторгаться в этнические проблемы.

Пекин готов к «позитивному» и «негативному» вариантам будущего развития событий вокруг Тайваня, который Пекин твердо считает тридцатой провинцией КНР. *Первый* предполагал бы отказ США (и Японии) в поддержке стремления Тайваня к независимости — это облегчает сближение Пекина с Тайбэем. В этом случае новая стратегическая система в Восточной Азии

не зависела бы от мощи США, их военного присутствия в Азии. «*Негативный*» вариант предполагает провозглашение Тайванем независимости от континентального Китая. В этом случае КНР готова увеличить свои военные усилия, более откровенно противостоять США в восточноазиатском регионе.

Вашингтон ответил планами создания системы антиракетной обороны. Примечательно, что российские ракеты для достижения своей цели нуждаются в получасе времени, в то время как азиатские ракеты нуждаются в нескольких минутах. И никто уже не может представить себе, что такие страны, как Китай, Индия и Иран, способны (под любым давлением) приостановить свои ракетные программы. Для создания надежной противоракетной обороны Соединенным Штатам потребуются огромные материальные ресурсы. Это предопределяет будущий рост американских военных бюджетов, цена пребывания единой сверхдержавой растет.

Союзники Китая. Главным союзником нового азиатского конгломерата с Китаем во главе к началу нового века выходит исламский мир. Основой самоутверждения исламизма стало осуществленное во второй половине XX века практически полное признание идей материального развития Запада при одновременном отрицании западных социальных ценностей и западных постулатов, рекомендаций относительно общественного устройства. Представитель высшей администрации Саудовской Аравии выразил это так: «*Зарубежные товары просто ослепляют. Но менее осязаемые социальные и политические институты, импортированные из-за границы, могут быть смертоносными — спросите шаха Ирана... Ислам для нас не просто религия, а образ жизни. Мы в Саудовской Аравии желаем модернизации, но не вестернизации*»¹¹.

Оказавшиеся геополитическими союзниками, мусульмане и китайцы проявили вполне ожидаемую склонность к сотрудничеству. Китай выступил главным арсеналом мусульманского мира. За период между 1980 и 1991 г. Китай продал Ираку 1300 танков, Пакистану — 1100 танков, Ирану — 540 танков. Ирак получил от Пекина 650 бронетранспортеров, а Иран — 300. Число переданных Ирану, Пакистану и Ираку ракетных устано-

вок и артиллерийских систем: 1200, 50, 720; Пакистан и Иран получили, соответственно, 212 и 140 самолетов-истребителей, 222 и 788 ракет «земля-воздух»⁸⁴⁹. Китай помог Пакистану создать основу своей ядерной программы и начал оказывать такую же помощь Ирану. Китай секретно построил Алжиру реактор, способный производить плутоний; ядерную технологию получила Ливия; большое количество оружия получил Ирак. Между Китаем, Пакистаном и Ираном, собственно, уже сложился негласный союз.

Основой этого союза явился антивестернизм. Конфуцианско-исламский союз, приходит к выводу аналитик ЦРУ Г. Фуллер, «материализовывается не потому, что Мухаммед и Конфуций объединились против Запада, но потому, что эти культуры *предлагают способы выражения обид, вина* за которые частично падает на Запад — на тот Запад, чье политическое, военное, экономическое и культурное доминирование все более ослабевает в мире»⁸⁵⁰.

Китай будет стремиться имитировать Соединенные Штаты, расширяя радиус действия своих военно-морских сил и авиации, гарантирующих подход к базовым ресурсам.

Слабые места Китая. Проблема возможной демократизации Китая способна создать опасность национального раскола, своеобразного возврата к ситуации 20-х гг., когда страна фактически распалась на отдельные провинции. К тому же «единственным способом включить в свой состав Тайвань, содействовать процветанию Гонконга, получать дивиденды от китайских общин за рубежом может стать превращение Китая в ассоциацию полунезависимых государств... Наиболее опасным для Китая будет период до 2010 г., когда процветание новых индустриальных регионов приведет их к требованиям таких же политических свобод, как и у заморских общин»⁸⁵¹. Возможно, китайское общество будет в смысле политической структуры напоминать Европейский союз.

Примером такого уязвимого места огромной страны может служить огромная и отсталая провинция Синцзянь. Особую проблему представляет собой урбанизация, ликвидация миллионов безработных. Китайским властям уже пришлось признать

существование мощного в этой провинции уйгурского национализма, готовности местного населения восстать.

Решимость китайского руководства расширить связи и коммуникации со Средней Азией, судя по всему, будет только разжигать самоутверждение тюркского населения, каковым в Китае являются уйгуры. Китайцам уже пришлось закрыть свою границу здесь с Пакистаном; китайские власти предпринимают большие усилия, чтобы остановить местные поставки оружия и политической литературы для готовой восстать провинции. Насилие в данном случае может дать некое временное решение, но вероятность стабильного и долгосрочного решения пока не видится реальным — китайский режим теряет поддержку местного населения. «По мере интеграции Китая в мировую экономику,— утверждают американцы Р. Менон и У. Вимбуш,— китайское руководство убедится, что его возможности справляться с протестом на местном уровне будут сокращаться»⁸⁵².

Скептики полагают, что у китайской коммунистической системы мало шансов выжить в условиях быстрых перемен. Самое простое предсказание: миллионы новых ртов, быстро растущее население поставят марксизм-ленинизм за скобки общественной релевантности. Более сложные теории исходят из трудностей взаимосуществования процветающих прибрежных провинций, отчаянно отставших внутренних провинций и теряющего рычаги влияния центра. В такой ситуации будущее Китая как единого государства проблематично. Если даже Пекин сумеет удержать внутренний баланс, у него уже не будет средств, методов и энергии для активного воздействия на широкий внешний мир. Это сковывает исторический процесс становления КНР как мирового центра.

Для превращения Китая в мировую величину требуется не только рост экономических макровеличин, но и формирование соответствующей идеологии, которая была бы приемлема не только для соседей растущего гиганта, но и для мира в целом. Это, увы, слабое место Китая после Дэн Сяопина. «После коллапса коммунизма в Центральной Европе и исчезновения его в Советском Союзе марксизм-ленинизм едва ли может стать привлекательным символом веры, востребованным внешним миром экспортным товаром. Это ограничивает способность

Китай убеждать другие государства принять на себя роль идеологического клиента или союзника, даже если китайские лидеры предпримут серьезные усилия для распространения своего влияния в этой сфере. Пока таких усилий не видно. Китайские лидеры характеризуют свою идеологию как «социализм с китайскими чертами». Нынешние китайские лидеры не показали себя наследниками многовековой традиции китайской культуры. К тому же исторически китайцы всегда пытались скорее оградить себя от влияния внешнего мира, чем распространить свои идеи на внешний мир»⁸⁵³.

Глобализация может дать немало полезного огромному и трудолюбивому Китаю (прежде всего, богатейший рынок и поток новой технологии). Но китайское руководство еще, несомненно, ощутит, что по мере увеличения инвестиций, доступа к информации посредством электронной почты и Интернета, путешествий и проживания за рубежом напряженность взаимодействия между экономикой Китая, его обществом и политической системой будет, вне всякого сомнения, расти.

Грядет обострение битвы конкурентов внутри азиатского региона. Уже после кризиса 1997-1998 годов давление в регионе начало нарастать. Перед Китаем впервые за несколько десятилетий встала проблема: как обращаться и что делать с растущей безработицей, излишними производственными мощностями, проблемами внешних долгов. Выявилось весьма отчетливо, что АПЕК и АСЕАН не являются эффективными инструментами внутриазиатских противоречий. В отличие от Европы в Азии нет системы коллективной безопасности, здесь нет долгой и позитивной истории соглашений по контролю над вооружениями, нет системы коллективной безопасности. А есть нечто устрашающее — растущая гонка ядерных вооружений между США, Китаем, Индией и Пакистаном.

Военная система Китая зависит от помощи, осуществляемой Россией, от получения американских технических секретов, от степени преодоления отсталости. Седьмой флот США еще не скоро перестанет быть самой большой военной силой в регионе. «Понимание китайским руководством своей стратегической слабости можно усмотреть даже в том интересе, который молодые китайские стратеги проявляют к революционным

изменениям в военной технологии, к дебатам среди американских стратегов»⁸⁵⁴. Ощущая, что в ближайшей перспективе у них нет шансов, китайцы концентрируют силы для броска в будущем. Поскольку срок жизни одного поколения оружия в наши дни составляет примерно пятнадцать лет, китайцы ожидают возможности «вклиниться» на следующем витке или непосредственно после него.

Американская интерпретация. Специализирующиеся по Китаю Р. Бернстайн и Р. Манро в книге «Грядущий конфликт с Китаем» квалифицируют подъем Китая как «наиболее трудный вызов, потому что, в отличие от СССР, Китай не представляет собой могучей военной державы, основанной на слабой экономике, но мощную экономику, создающую впечатляющую военную силу. Ключом является постоянный рост китайского влияния повсюду в Азии и в мире в целом. Глобальная роль, которую Китай предусматривает для себя, связана с подъемом соперников Запада, антагонистичных США»⁸⁵⁵.

В следующем десятилетии, пишут американские специалисты, «не Россия или некое государство-пария, а Китай, принявший на вооружение новую ядерную политику, станет главным предметом забот Америки. КНР модернизирует свой ядерный потенциал уже в течение 20 лет и будет продолжать движение в этом направлении несмотря на противодействие других стран... Война в Персидском заливе и бомбардировка Косова усилили китайскую обеспокоенность в отношении точно наводимого обычного оружия, способного уничтожить существующую у Китая способность нанесения второго удара... Создание Америки противоракетной обороны воспринимается Китаем как вызов и угроза его ядерному потенциалу»⁸⁵⁶.

Складывается картина энергичного возвышения величайшей страны мира, до восемнадцатого века привыкшей быть «Срединной империей» — центром мира, а затем на полтора столетия униженной западной экспансией. Страны молодых, целеустремленных жертвенных людей, готовых повторить путь Японии как ровни мировому авангарду. Американский аналитик Д. Каллео отмечает, что «сегодня Китай является претендентом на роль сверхдержавы уже в близком будущем. Со сво-

им огромным, энергичным и одаренным населением, будучи впервые с девятнадцатого века объединенным, Китай совершенно определенно находится на подъеме»⁸⁵⁷. На этом пути так или иначе — в Тайваньском проливе, при вступлении в ВТО, в отношении к Тибету, в оценке внутренних процессов Китая — на пути Пекина стоит Америка. Американцы Р. Бернстайн и Р. Манро квалифицируют подъем Китая как «наиболее трудный вызов... Китай представляет собой мощную экономику и впечатляющую военную силу. Происходит рост китайского влияния в Азии и в мире в целом. Китай предусматривает для себя глобальную роль»⁸⁵⁸.

Такие обстоятельства, как бомбардировка американцами китайского посольства в Белграде, а также публикация доклада Комиссии Кокса о китайском атомном шпионаже, вызвали обострение американо-китайских отношений⁸⁵⁹. Характерно то, как китайцы реагировали на бомбардировку своего посольства в Белграде: началась подписка на средства, которые позволили бы Китаю приобрести свой первый авианосец⁸⁶⁰. В США популярной становится точка зрения, что самые опасные схватки будущего возникнут, скорее всего, из противостояния друг другу западного высокомерия, исламской нетерпимости и китайского самоутверждения⁸⁶¹.

Дж. Модельски и У. Томпсон предупреждают: «Китайские лидеры видят в Соединенных Штатах сверхдержаву, вступающую в полосу упадка, но полную решимости сдерживать находящийся на подъеме Китай. Они бросят вызов интересам и позициям Соединенных Штатов в Восточной Азии, их военному и военно-морскому присутствию в западной части Тихого океана. Китайцы уже проявили себя на этом направлении в 1996—1999 гг. в ходе спора по статусу Тайваня, демократии в Гонконге, будущему Тибета, объединению Кореи и контролю над островами в Южно-Китайском море»⁸⁶². По мнению американских специалистов, любое противодействие однополюсному миру «сможет послужить сборным пунктом противников статус-кво в Азиатско-Тихоокеанском регионе, равно как и среди прочих недовольных современной системой во всем мире»⁸⁶³.

Англичанин Х. Макрэй предсказывает превращение Китая в полнокровного конкурента Америки примерно в 2020 г. («если

США не улучшат свою систему образования и не продемонстрируют больше самодисциплины»⁸⁶⁴. Становится возможным предсказать возникновение биполярного мира с полюсами в виде США и Китая. Как формулирует влиятельная в республиканской партии К. Райе, «Китай не является державой, склонной сохранять status quo, напротив, он хотел бы изменить существующее положение, изменить баланс сил в Азии в свою пользу. Уже одно это делает его стратегическим соперником Америки»⁸⁶⁵.

Жесткий подход. Гигантские геополитические изменения в Азии вызвали глубокую озабоченность капитанов американского государственного корабля. Три концепции были выработаны в среде американских аналитиков: *жесткая, компромиссная и мягкая.*

Представители *жесткого* подхода о Китае говорят как о буквально завтрашней сверхдержаве, бросающей вызов Америке. С точки зрения экономической конкуренции, именно КНР видится потенциально мощным противником Америки. Огромные население и территория, необъятные ресурсы Китая усиливают чувство опасности противостояния. Партийная верхушка в Пекине показала себя способной к принятию жестких решений. Апологеты *жесткого* подхода исходят из того, что существует проблема, в решении которой ни США, ни КНР не готовы уступить. Речь идет о преобладании в Восточной Азии. В этом смысле «китайская долговременная цель регионального лидерства, если не превосходства, представляет собой прямую угрозу доминирующей роли Америки в регионе»⁸⁶⁶. В ближайшие годы и десятилетия КНР будет стремиться вовлечь в свою орбиту непосредственных соседей и ослабить американское влияние в своем регионе. Для достижения этой цели сил НОАК достаточно уже сейчас.

Представитель *жесткой* линии К. Либерталь без экивоков утверждает, что «*сильный Китай неизбежно представит собой главный вызов США и остальной международной системе*»^{*161}. Р. Бернстайн и Р. Манро, долгое время представлявшие в Китае американскую прессу, приходят к выводу, что «*скоро Китай превратится во вторую по мощи державу мира и будет не*

стратегическим партнером США, а их долговременным противником »⁸⁶⁸. Военный теоретик Колин Грей предупреждает, что «*формирующаяся китайская сверхдержава в силу своих размеров, характера территории, населения, социальных традиций и места размещения оказывает позитивное или негативное влияние на мировую систему, которое не может быть переоценено*»⁸⁶⁹. Что следует делать?

Представители жесткой линии обеспокоены тем, что у Вашингтона отсутствует перспективное видение своих отношений с гигантом Востока. «*Администрация Клинтона не смогла с должным вниманием воспринять рождение Китая как сверхдержавы*»¹¹⁰. Такие специалисты, как Дж. Най, полагают, что Соединенные Штаты должны вести за собой Азиатско-Тихоокеанский регион⁸⁷¹. США должны противостоять Китаю в главных спорных (для Китая) пунктах — в Тибете и в Южно-Китайском море. Представители этой линии подчеркивают, что «*Тибет никогда не был провинцией Китая и не был в положении данника, не был вассалом имперского Китая... Статус Тибета сегодня подобен статусу Кореи, когда та стала японской колонией в 1910 году*»¹¹². Еще более открыто антикитайскую позицию занимают представители «жесткого подхода» в отношении архипелага Спратли и Парасельских островов. США должны присутствовать здесь и опираться на антикитайские силы. «*В Южно-Китайском море должно осуществляться (так же, как и в Тайваньском проливе) постоянное военное присутствие США. Седьмой флот должен быть значительно укреплен, чтобы гарантировать свободное плавание через Южно-Китайское море и на всех морских путях Юго-Восточной Азии*»¹¹³. Такие специалисты, как Э. Фогель, полагают, что США должны перманентно расположить 7-й флот между Тайванем и КНР и осуществлять открытую военную поддержку Тайваня.

Жесткой линии придерживаются многие американские законодатели — именно конгресс потребовал аккредитовать посла при правительстве находящегося в изгнании Далай-ламы, потребовал признания независимости Тибета. Главная идея этой политики по убеждению стратегов Вашингтона: АТР как регион слишком важен, чтобы оставлять его эволюцию на волю

тихоокеанских волн. Войска США должны оставаться на Окинаве и в Южной Корее, следует договориться о прямых военных связях с Сингапуром, флот США должен патрулировать основные магистрали. В Азии можно попытаться повторить опыт с Конференцией по безопасности и сотрудничеству в Европе, но делать это следует деликатно, а не навязывать странам региона новую для них процедуру. Государственный секретарь США должен посещать не Ближний Восток, а прежде всего жизненно важную для США Азию. Таково кредо сторонников этого курса

Дж. Лилли, К. Форд и ряд других специалистов не пытаются доказать, что Китай вскоре превзойдет США по всем параметрам могущества, но они утверждают, что КНР вскоре получит возможность противостоять Америке в своем собственном регионе. Они указывают на то, что «стремительно растущая способность бросить вызов американским интересам в Восточной Азии, а не способность угрожать континентальным Соединенным Штатам угрожает вовлечением Америки в военную конфронтацию в грядущие годы»⁸⁷⁴.

Китаю не нужно обладать способностью победить США на Гавайских островах или в Персидском заливе. «Другое дело, когда боевые действия будут происходить в провинции Сычуань или в Тайваньском проливе. Каждый, кто думает, что конфронтация в *этих* местах будет простой прогулкой для вооруженных сил США, не понимает характера угрозы, которую представляет для Америки вызов, бросаемый НОАК американцам вблизи китайских берегов, не представляет себе, как трудно было бы Соединенным Штатам вести операции так далеко от дома... На своей территории Китай будет страшным противником»⁸⁷⁵. Японцы в 30—40-е годы ощутили трудность ведения конфликта с Китаем на его территории. А если не думать о наземной операции, то альтернативой может быть лишь продолжительная война с воздуха — в случае Китая она не имеет шансов на успех.

С этой точки зрения интересы Вашингтона и Пекина противостоят друг другу в Восточной Азии, в Китайском море, по поводу Тайваня, судьбы двух Корей, американского союза с Японией, присутствия американских войск в регионе; постоян-

ные рейсы американских военно-морских сил поблизости, давление США по вопросу гражданских прав — все эти проблемы так или иначе ведут к обострению двусторонних отношений и взаимному озлоблению. И обеспокоенность Вашингтона, его мучительная нерешительность в отношении выработки правильной и реалистичной оценки боевых возможностей Народно-Освободительной армии Китая дает идею «предотвратить опасность на ранней стадии» все новые возможности. «Во все большей степени политическое давление толкает Соединенные Штаты в направлении самореализующегося предсказания: обращайтесь с Китаем так, как если бы его враждебность являлась неизбежной и опасной»⁸⁷⁶.

Геоэкономически КНР представляет для США угрозу скорее не непосредственно — хотя за 90-е годы китайский экспорт в США увеличился феноменально, в пять раз. Пекин несомненно ценит американский рынок как наиболее обширный и прибыльный (а США вынуждены постоянно думать о дефиците своей торговли с КНР). Важнее то, что к XXI веку Китай начал фактически возглавлять общеазиатский торговый блок и напрямую встал вопрос, кто определяет условия экономического развития самого растущего региона мира. Гонконг внутри и хуаочяо вовне стали новыми мощными инструментами растущего китайского могущества.

США обязаны относиться серьезно и к территориальным претензиям КНР на острова Южно-Китайского моря, где проходят жизненно важные для США морские пути, где геологи предсказывают открытие богатых месторождений нефти и газа. Близкие американской стороне Филиппины, Малайзия, Индонезия — потенциальные союзники США — с недвусмысленным трепетом воспринимают военно-морское строительство КНР, они видят в ближайшие десятилетия обращение китайцев к силовой дипломатии, к жесткому давлению на более слабых соседей. Последние постепенно занимают все более жесткую антикитайскую позицию, что осложняет бесконечно долгое соблюдение американцами некоей формы нейтралитета.

Жесткий подход предлагает исходить из того, что «мы (США) не должны бояться встать в конфронтацию к Пекину там, где затронуты наши интересы»⁸⁷⁷. Решаемая континенталь-

ным Китаем задача модернизации своей армии играет на руку сторонникам именно *жесткой* линии, которые предлагают воспользоваться нынешним очевидным превосходством Америки (и даже в ряде военных аспектов Тайваня) для оказания давления на Китай, чтобы повлиять на его политико-стратегическую линию в намечающейся холодной войне еще до того, когда зреет угроза войны горячей.

Представители жесткого подхода призывают использовать прежде не опробованные тропы — укрепить отношения с далекими от дружественности Китаю (и даже враждебными) государствами — Индией, Ираном, Вьетнамом. Помимо прочего, в Азии сейчас не знают, в какой степени американцы будут готовы в XXI веке жертвовать кровью и материальными ресурсами. Для поддержания благоприятного для себя соотношения сил в Азии США должны применять новые по сравнению с периодом холодной войны методы. Эти американские политики и эксперты сомневаются в том, что Вашингтон фаталистически согласится на то, чтобы передать Пекину мантию регионального лидера. Практически неизбежен прямой конфликт из-за Тайваня между Пекином, рассматривающим его интегральной частью Китая, и Соединенными Штатами, осуществляющими и прямую и скрытую поддержку Тайваня, где на президентских выборах весной 2000 года укрепили позиции сторонники независимости острова.

Компромиссный подход. Представители *компромиссной* точки зрения (скажем, П. Кеннеди) призывают не драматизировать ситуацию — Азии понадобится еще много лет для посягательства на мировое лидерство. Скептиком выступает экономист из Стэнфорда П. Крюгер: к 2010 г. экстраполяция нынешних тенденций экономического роста Азии будет выглядеть столь же глупой, как и страхи 60-х годов относительно советского индустриального превосходства. Сомнения в отношении способности Китая сделать реальный бросок, преодолеть вековую отсталость высказывает Н. Такер: «*Внутренние противоречия Китая еще не позволяют ему стать великой державой*»^{*1*}.

Представители *компромиссной* линии боятся вовлечения США в политический и военный спор между КНР и Тайванем.

Они беспокоятся о том, что тайваньские власти однозначно воспримут поддержку Тайбэя за гарантию военно-стратегической помощи США в случае открытой попытки КНР инкорпорировать остров в единое государство. США не должны уходить из «южных морей», по мнению этих политиков, но не следует давать обязывающих сигналов, которые ввергнут США в борьбу, где не может быть ни победы, ни конструктивного решения. Эта группа экспертов склонна думать, что Китай будет антагонизировать прежде всего не США, а Японию, старого противника и непосредственного соседа. Устрашенная Япония постарается поддержать в Азии Америку, а объединенная мощь этих двух стран решит дело нужным образом.

Вашингтон должен оставить иллюзии относительно «управляемости» Китая. Санкции США способны породить не внутреннюю оппозицию коммунистическому режиму, а общенациональное китайское противостояние США. Лишь некоторые требования США могут оказаться реалистичными: увеличение прав автономии Тибета, присоединение к политике нераспространения ядерного оружия. Америка должна помнить, что в Китае вовсе не жаждут катаклизмов, подобных восточноевропейскому 1989 г. КНР может приветствовать инвестиции США, но китайцы твердо привержены политике «полагаться на себя».

По мнению М. Мейснера, КНР предстоят нелегкие времена внутреннего переустройства, когда возникающий средний класс восстанет против политического статус-кво. Это поневоле ослабит внешнеполитическую мощь огромной державы⁸⁷⁹. Инвестиции в КНР со временем неизбежно уменьшатся, темп развития страны станет сокращаться. Но даже умеренные по своим взглядам западные специалисты не видят безоблачного будущего. Ч. Карлейль утверждает: *«Трудно представить себе, что Китай и Япония желают создать зону свободной торговли с США и другими странами, выходящими к Тихому океану. Трудно представить себе, что население и конгресс США, а также их аналоги в развитых странах будут содействовать заключению соглашения, открывающего их границы импорту текстиля, одежды, электроники и других промышленных товаров»*⁸⁸⁰. Это значит, что та или иная степень отчуждения практически неизбежна. Яшен Хуан из Мичиганского универ-

ситета полагает, что следующее поколение китайских политиков не сможет после ухода Дэн Сяопина осуществлять жесткое руководство. Местные военные лидеры постараются урвать у центрального правительства власть над провинциями, ослабление коммунизма скажется на способности Пекина управлять страной.

Мягкий подход. Известный американский исследователь Дж. Най напоминает, что Китай движется в военной самоорганизации вперед, но при этом и США не стоят на месте: «Китай не может бросить глобальный вызов Соединенным Штатам, он не сможет осуществить региональную гегемонию до тех пор, пока Соединенные Штаты будут *привержены* задаче сохранения преобладания в Восточной Азии»⁸⁸¹.

Противники алармистов достаточно спокойно относятся к превращению Китая в подлинно великую державу. Американец Г. Роуз: «Быстрорастущие народы можно сравнить с подростками — одновременно и бесшабашными и неуверенными в себе, не желающими соглашаться с существующей иерархией и с современными институтами и в то же время требующими признания и фиксации их собственного статуса на их собственных условиях... Подъем Китая к мировой мощи несет с собой риск для всех. И все же конфликт не неизбежен и избежание ненужной конфронтации более существенно, чем движение в направлении конфронтации»⁸⁸².

Главными задачами американских политиков в грядущие годы должны быть хладнокровный анализ точной природы и возможный объем китайского ревизионизма, определяющего поведение этой страны. Китай нужно ввести в семью наций, следует при этом провести четкую линию в критических вопросах, способных вызвать столкновение, способных изменить сам характер современного соотношения сил. Мелкие вопросы следует просто игнорировать. Противники *жесткой* линии полагают, что не все международные проблемы поддаются решению, но они верят, что лучший путь к решению — сдержанность и умеренная политика.

«*Мягкий*» подход основывается на посылке, что с окончанием холодной войны в Азии уже некого бояться. Его сторон-

ники считают ситуацию на Корейском полуострове стабильной. В то же время Россия, Япония и КНР будут взаимно блокировать друг друга. Так, Э. Равенол (Джорджтаунский университет) полагает, что Китай будет ориентирован на внутренние нужды, Россия еще долго не сможет угрожать своим соседям. Индия, Индокитай и АСЕАН встретят в своем развитии трудности, поглощающие их ресурсы. США будут играть роль своего рода третейского судьи, «балансира», готового быстро мобилизовать силы в случае необходимости, но не будирующего регион понапрасну.

По мнению представителей *мягкой* линии, 13% китайского населения, окончившие университеты, иногда и выступают против коммунизма, но основная масса населения (по опросам самих американцев) более активно поддерживает свое правительство, чем, скажем, итальянцы или мексиканцы. Крушение коммунизма в СССР не предопределяет неизбежности подобного же в Китае, каждая страна уникальна. Режим в Пекине способен на адаптацию к новым социально-экономическим сдвигам. Более того, падение коммунизма в Восточной Европе в определенной степени укрепило коммунизм в Китае — функционеры в расстрелянной чете Чаушеску увидели свою судьбу и укрепили бдительность, желая избежать политического и социального хаоса любыми средствами. Сегодня национальный и социальный элемент в китайском коммунизме слились воедино⁸⁸³. Национально Китай, где живут 93% ханьских китайцев, — почти гомогенная страна.

Политическая картина в конце XX в. в КНР никак не напоминает 20-е гг. с их господством провинциальных генералов. В Пекине нет чуждой маньчжурской династии, Китай не унижен соседями. В конечном счете битва в Китае между интеграцией и децентрализацией управления действительно определит успех или поражение китайской модернизации, однако есть все основания полагать, что центральная власть в стране выстоит.

Приверженцы этой линии боятся того, что США «переиграют» в своей поддержке Тайваня, что мощь тайваньского лобби, крепость экономических связей с этим островом, помноженная на неверно понятые стратегические интересы, могут вовлечь США в конфликт с быстро растущей силой в мире —

Китаем. Эти страхи отчетливо выразил бывший госсекретарь Г. Киссинджер, выступая в марте 1995 г. в Национальном комитете по американо-китайским отношениям: *«Те в обеих американских политических партиях, кто готов направить США на путь, ведущий к столкновению с самой населенной и потенциально наиболее могучей страной в Азии, должны поразмышлять о последствиях... В течение более чем полувека Тайвань пытается увести США в сторону от мирного решения к практическому участию в китайской гражданской войне».*

В созданное Г. Киссинджером Американо-китайское общество вошли бывшие государственные секретари У. Роджерс, С. Вэнс, А. Хейг, советники президента по национальной безопасности 36. Бжезинский, Р. Макфарлейн, Б. Скаукрофт. Прокитайское лобби активно проявило себя в защите права КНР на статус наибольшего благоприятствования в торговле и с тех пор стало едва ли не влиятельнейшим региональным лобби во внешней политике США. В КНР для работы с этим лобби создана Центральная рабочая группа, возглавляемая Цзян Цземином. В промышленности дело укрепления связей с Китаем — часть стратегии ряда крупных американских компаний: «Боинг», «Моторола», «Элайед Сайнел», «Катерпиллер», «Америкен интернешнл груп», «Юнайтед Эйрлайнс», «Артур Андерсон», «Диър энд компани», организационно связанных между собой через «Деловой совет США — Китай».

Внутри США расширяют свою деятельность такие направленные на сближение с КНР организации, как Национальный комитет американо-китайских отношений в Нью-Йорке. Его директор М. Лэмптон заявил в ноябре 1994 г.: *«Основанная на санкциях внешняя политика на китайском направлении обречена на провал. Главные конкуренты США откажутся следовать ей, тогда как внутри Китая, равно как и в АТР в целом, она вызовет всплеск националистических настроений».* Предупреждает от жестких решений К. Либерталь: *«В конечном счете Китай скорее всего будет действовать в будущем конструктивно, будет безопасным, ориентированным на реформы, стабильным, открытым внешнему миру, способным эффективно справляться со своими проблемами»**TM. Уверенный в себе Китай не будет нуждаться в огромной военной машине, опа-

сясь внутренней фрагментации он будет опасаться внешних авантюр.

Сторонники *мягкой* линии полагают, что «сдерживание» Китая было бы большой ошибкой — оно придаст силу националистическим, милитаристским кругам китайской политической арены. Сотрудничество же с Китаем позволит США еще долгое время содержать значительный воинский контингент в Азии, сдерживать стремление Северной Кореи обзавестись ядерным оружием, оно даст американскому бизнесу возможность участвовать в грандиозном экономическом развитии Китая. Мировая торговля, нераспространение ядерного оружия, защита окружающей среды, осуществление таких операций, как посылка военных контингентов в регионы вроде Косова или Ирака, зависят так или иначе, по их мнению, от дружелюбности Китая.

Влиятельная часть внешнеполитической элиты США считает (приводим слова Зб. Бжезинского), что «распространение геополитического влияния Китая вовсе не обязательно будет противоречить реализации американских интересов... в Евразии не будет стабильного равновесия сил без стратегического взаимопонимания между Америкой и Китаем»⁸⁸⁵. Не следует становиться жертвой страха. У армии Китая недостаточно развита система снабжения, недостаточна огневая мощь. Китайская авиация достаточно велика, но оснащена устаревшей техникой, военно-морские силы недостаточны для океанского размаха действий.

У Китая ограниченные инновационные способности; по мере удешевления рабочей силы и сокращения потока иностранного капитала «восточноазиатское чудо» даст неизбежный сбой. Механического повиновения недостаточно, необходима творческая мысль, а с ней возникают сложности. В будущем скажется плохая инфраструктура, коррупция, недостаточная подготовка кадров, слабые рынки капиталов, растущие (с зарплатой) издержки в производстве.

Рост при Дэн Сяопине произошел за счет сверхэксплуатации сельскохозяйственных ресурсов. КНР стоит перед лицом кризиса в связи с быстрым ростом населения при уменьшении потенциала сельского хозяйства. Размеры площади земли, под-

дающей обработке, ограничены, ископаемые не бездонны. Пришло время расплачиваться за бездумную политику в области демографии, за беззаботное пользование водой, землей и минеральными ресурсами. В ближайшие 20 лет население КНР вырастет не менее чем на 300, а возможно 400 млн. человек — за это же время более 10% обрабатываемой земли будет потеряно полностью, а основной ее массив подвергнется эрозии. Несмотря на 15 лет экономического подъема 50 млн. китайцев не имеют гарантированной питьевой воды, а 80 млн. питаются ниже уровня выживания.

Скажется напряжение административной машины, спор между столицей и провинциями, между элитой и массами, между различными регионами, «вендеттой» партийной элиты и элитой, порожденной быстрым экономическим ростом отдельных провинций. Ускоренная модернизация потребует сдержанности военных. НОАК все больше подталкивается к дилемме: защищать общество или партию от оппозиции? Колоссальные последствия будет иметь миграция 100 млн. китайцев, которые бросили свои села ради городов. Подобные прогнозы китайской модели начала XXI в. укрепляют позиции сторонников *мягкого* подхода.

Есть и другие факторы. Китайский экспорт — около 100 млрд. дол.— трудно представить себе постоянно растущим. Китайские бизнесмены, не уверенные в устойчивости режима, начинают предпочитать экспорт капитала в более стабильные страны. Так, в 1994 г. китайские бизнесмены вывезли за границу 30 млрд. дол.⁸⁸⁶. В свете этого нельзя исключить повторения 1911 г. с его крушением многолетней монархии. Если Китай ждут такие сдвиги, утверждают сторонники *мягкого* подхода, то Западу не стоит бояться «китайской угрозы».

Р. Росс из Гарварда определил КНР в XXI веке как «консервативную силу»: *«Китайской опасности не существует не потому, что Китай — благожелательный сторонник статус-кво, но потому, что он слишком слаб, чтобы бросить вызов балансу сил в Азии; и он останется слабым еще много лет двадцать первого века... В обозримом будущем он будет стремиться сохранить статус-кво — и к тому же будут стремиться США»*^{TM'}. Выгоды от участия в международном

разделении труда будут отвращать Китай от конфронтации с США по поводу Тайваня. Пекин понимает, что лишь сдержанное поведение может побудить развитые индустриальные страны участвовать в развитии китайской экономики. Китай следует вовлечь в различные контрольные механизмы, такие как «новый КОКОМ» — Соглашение Вассенаара, в Группу по предоставлению ядерных материалов, в Режим контроля над ядерными технологиями, в Австралийскую группу по химическим и биологическим технологиям, во Всемирную организацию по торговле.

Сторонники *мягкого* подхода приводят аргументы, доказывающие, что китайские возможности резко преувеличиваются. Более того. Б. Гилл, М. О'Хенлон и другие убеждают в слабости Китая и его армии. Такие наблюдатели, как У. Пфафф, призывают Америку не преувеличивать китайской мощи: «Дискуссия в США идентифицирует Китай с неизбежным в будущем соперником, но события последнего времени (имеется в виду финансовый кризис в Азии 1997—1998 гг.— А. У.) определенно ослабили потенциал китайской сверхдержавности... Китай остается бедной страной, зависимой от иностранных инвестиций и импорта технологии»⁸⁸⁸. Не следует предаваться маниям и фобиям, «немногие могут представить себе, что Китайская Народная Республика сейчас или в обозримом будущем сможет превозмоить Соединенные Штаты в полномасштабной войне»⁸⁸⁹.

Сторонники *мягкой* линии предпочитают не угрозы, а создание ощутимой китайской вовлеченности, стимулирование процессов, приносящих огромному развивающемуся Китаю столь ощутимые экономические дивиденды. Они надеются на сопутствующие экономическому подъему страны внутренние перемены. Смягчение политического режима в Пекине должно привести на вершину политической власти в Китае более ориентированную на Запад фракцию, готовую на отказ от коммунистической ортодоксии, на фиксирование политического и территориального статус-кво в экономически бурно развивающемся регионе.

Не следует преувеличивать потенциал Народно-Освободительной армии Китая, нужно видеть несказанные трудности модернизации страны, ослабление централизующего влияния

марксистской догмы, сложность самоидентификации и развития этнически не китайских регионов — Тибета, Синьцзян-Уйгурского района. Американские синологи Б. Гилл и М. О'Хенлон подчеркивают, что безнадежно устаревшая система коммуникаций и снабжения Китая просто не позволяет его армии вести операции за пределами национальных границ⁸⁹⁰.

Главное: в Азии «американская дипломатия должна быть многосторонней»⁸⁹¹. Привлекательно для американцев создание Организации по безопасности и сотрудничеству в Азии (ОБСА), исходя из успешного для США опыта ОБСЕ. Вначале повестка дня такой организации была бы скромной. Но со временем и приобретением опыта ОБСА могла бы предстать полезным многосторонним форумом по созданию региональных мер обеспечения доверия, выработке контроля над обычным и ядерным оружием, по ядерному нераспространению, по мирному урегулированию территориальных споров. Определенные круги в Японии и Южной Корее уже заинтересованы в этой идее. Слышны позитивные отклики некоторых китайских ученых. Страны АСЕАН в целом благосклонно относятся ко всем схемам местной интеграции.

Азиатская стратегия США. Первое. Вашингтон содержит 100 тысяч своих военнослужащих в Японии (Окинава) и Южной Корее. В близрасположенной океанской акватории размещен Седьмой флот США. Это военное присутствие гарантирует Америке важную долю контроля над двумя крупнейшими, могущественными экономическими величинами — Японией и Южной Кореей. Хотя американцы и покинули свои военные форпосты на Филиппинах (базы Субик-бей и Кларк-филд), они отнюдь не собираются оставлять базы в Японии и в Южной Корее. Уменьшение численности американских войск на них — вовсе не свидетельство возможности ухода США из восточноазиатского региона. В таких обстоятельствах китайцы едва ли решатся рискнуть серьезно спровоцировать Соединенные Штаты⁸⁹².

Помимо этого Соединенные Штаты являются фактическим военным ментором Тайваня, Пакистана и Саудовской Аравии, юнабжая их современным оружием и приходя к ним на помощь

в трудный час. Ни один важный вопрос в этом огромном регионе не может быть решен без учета интересов США. Напомним, что США за оканчивающееся столетие вели здесь три крупномасштабные войны — против Японии, в Корее и Вьетнаме.

Второе основание — допуск избранных стран региона на богатейший — американский рынок. Экономическая взаимозависимость долгое время была могучим стабилизирующим фактором в Азии — она была как бы связана общим желанием получить доступ на американский рынок. Открытие богатейшего американского рынка для высококачественных и дешевых азиатских товаров было сделано с откровенной целью заполнить Азию на свою сторону в холодной войне. Без этого допуска трудно представить себе феноменальный экономический подъем Японии в 50—80-х годах, рождение «четырех тигров» (Южная Корея, Тайвань, Гонконг и Сингапур), невообразимый подъем КНР после 1978 года, ритм роста стран АСЕАН. Допуск на американский рынок — самый могущественный экономический рычаг Вашингтона. Недаром ежегодное возобновление статуса наибольшего благоприятствования Китаю подается как огромная уступка, за которую США хотели бы иметь компенсацию в той или иной сфере.

Многие местные конфликты были как бы «экспортированы» в США, которые поглощали избыточную продукцию азиатских заводов. Но все более обнаруживается факт, что американский рынок не безграничен. И это создает новую и потенциально очень опасную проблему: Запад теряет роль великого стабилизатора азиатских проблем и как бы *возвращает* их назад. США уже не могут «держат открытыми двери» перед всеми преуспевающими азиатскими экспортерами. По крайней мере, как минимум, формирование НАФТА требует увеличить поток мексиканской продукции за счет азиатов. На торговых потоках будет решаться судьба отношений Запада и Восточной Азии. Как пишет бывший японский министр Сабуро Окита, «армия в униформе — это не единственный вид армии. Научная технология и бойцовский дух под гражданскими костюмами будут нашей подпольной армией»⁸⁹³.

Фактом является то, что товарообмен между азиатскими странами растет значительно быстрее, чем экспорт в США и

Западную Европу: грозный фактор для расположенной далеко державы, намеренной держать ключи от развития и безопасности Азиатского региона.

В экономической области администрация Буша-мл. приняла усилия по укреплению Форума азиатско-тихоокеанской кооперации. В военной области Вашингтон предоставил поддержку Ассоциации южноазиатского регионального форума азиатских наций (АРФ). Были расширены двусторонние контакты с ведущими государствами региона, прежде всего с Китаем. Вашингтон стал подталкивать страны региона к некоему диалогу о безопасности. Сейчас у Вашингтона еще есть определенная свобода выбора. Какое из вышеуказанных трех направлений выйдет вперед и станет определяющим во внешней политике Вашингтона в XXI веке — *жесткое, умеренное или стремящееся к сотрудничеству с новой Азией* — покажет будущее. Общий курс США нащупывается осторожно. В Вашингтоне думают о следующем поколении китайских политиков, чье образование получено не в России, а на Западе. Среди средств противодействия антиамериканской эволюции Китая К. Райе выделяет «распространение информации, привлечение молодых китайцев к американским ценностям посредством образовательных обменов и обучения, поощрение роста класса предпринимателей, которые не зависят в достижении благосостояния от китайского государства и готовы занять более влиятельные места в китайской жизни»⁸⁹⁴. Для реализации глобальных экономических и внешнеполитических целей Соединенные Штаты нуждаются в создании в Китае «лестницы, ведущей к процветанию среднего класса».

Президент Буш-мл. демонстрирует приверженность *мягкой* линии: вовлечение элиты, создание заинтересованного в связях с Америкой торгового класса, предоставление китайским экспортерам части американского рынка, включение КНР во Всемирную торговую организацию. Но очевидны и элементы *жесткого* подхода: прежде всего, вахта Седьмого американского флота, фактически охраняющего Тайвань от Китая; нежелание извиняться после убийства китайского летчика над китайской территорией 1 апреля 2001 г. Президент Дж.Буш-мл. внимает предостережениям в отношении будущего китайского самоутверждения и не снимает свои «посты» на Окинаве, в

Тайваньском проливе и южнее (*жесткая линия*). Одновременно Китаю не было отказано в статусе наибольшего благоприятствования в торговле (*компромиссная линия*). Американское правительство помогает тем американским компаниям, которые расширяют бизнес в Азии (*мягкая линия*).

Обострение отношений в связи с атомным шпионажем и попаданием американской ракеты в китайское посольство в Белграде оживило жесткую линию, потребность выпутываться из сложной ситуации призвала к мобилизации компромиссности. Такая двойственность говорит о том, что проблема отнюдь не решена и ее значимость в двадцать первом веке будет лишь возрастать. В Вашингтоне приходят к выводу, что решение китайской проблемы не может быть искусственно отделено от выработки *общего* подхода к эволюции Азии в целом. В XX веке Вашингтон сепарировал эти две проблемы. В наступившем веке такая сепарация становится уже невозможной. В связи с этим обнажается отсутствие в Азии подлинной системы коллективной безопасности. (Хотя после образования Регионального Форума АСЕАН были созданы условия для дискуссий по вопросам взаимообмена военной информацией, сотрудничества в производстве вооружений, предотвращении региональных конфликтов, наглядное и практическое свидетельство чего — консультации о политике КНР в отношении спорных южных островов.) До сих пор США предпочитали подходить к экономическим и политическим проблемам отдельно. Но по мере продвижения в двадцать первый век невозможность такого разделения будет проявляться все явственнее.

На определенном этапе эволюции Китая американцам придется пересмотреть свою китайскую политику в свете того, что китайцы приближаются к такому уровню развития своих ядерных сил, который так или иначе заставит США перейти в отношении Китая к испытанной в отношениях с Советским Союзом стратегии *гибкого реагирования* (чтобы любой спор не перерос сразу же в ядерное противостояние). Это означает, что американцы будут вынуждены увеличить (и значительно) численность своих обычных сил в регионе.

Неподвижность в данном случае для США будет невозможна. А если речь пойдет о принятии Вашингтоном жесткого

курса, то несложно предположить формирование внутри США антикитайской политической атмосферы. Помимо прочего, «США должны убедить Россию и Китай, что, когда речь заходит о распространении оружия массового поражения, их собственная безопасность подвергается риску в случае нуклеаризации их евразийских соседей»⁸⁹⁵.

Сомнения в решимости США применить в будущем вооруженную силу в Азии выразил бывший премьер Сингапура Ли Куан Ю: *«Никто не верит в то, что правительство США, не сумевшее довести до успеха свою операцию в Сомали из-за местных засад и одного телевизионного кадра, показавшего как труп убитого американца тащат по улицам Могадишо, может серьезно рассматривать удар по ядерным установкам Северной Кореи подобно тому, который был нанесен израильтянами по Ираку»*^м. США не должны забывать, что они едва свели к ничьей войну в Корее, потерпели поражение во Вьетнаме, ведут фактически безнадежную войну в Ираке. А самый жуткий политический режим — Пол Пота в Кампучии — свергли не США, а вьетнамские коммунисты.

В начале XXI века США будут отвечать на этот вызов, в основном, укрепляя Японию. Две страны подписали меморандум об обмене информацией в ракетной области, декларацию о взаимной безопасности, соглашение о снабжении Японии информацией с разведывательных спутников, совместную оценку стратегических угроз Японии, сообщение о создании Совета по высоким технологиям в военной сфере.

Итак, в предстоящие десятилетия подъем Азии и ислама приведет к гигантскому смещению на геополитической карте мира. Двадцать первый век будет определяться новыми расовыми и культурными силами. «На протяжении нескольких столетий миром правили белые европейцы и американцы, представители иудео-христианской традиции. Они вскоре должны будут признать в качестве равных себе желтых и коричневых азиатов, приверженцев буддизма, конфуцианства, индуизма и ислама»⁸⁹⁷.

Главенствующая тенденция — впервые за пять столетий планируемое отступление Запада. Временный ли это поворот самосохраняющихся цивилизаций, или найдется планетарная

гуманистическая идеология, объемлющая этноцивилизационные различия? Этот вопрос будет так или иначе решаться в предстоящие годы. Но уже сейчас ясно, что впереди не бесконфликтное получение мирных дивидендов после «холодной войны», а серия жестких конфликтов, затрагивающих органические основы существования мирового сообщества.

Новая система в Азии. Если процессам в Европе предстоит своего рода «линейное» развитие, то события в Азии в XXI веке, утверждают американцы Р. Менон и У. Вимбуш, «не будут следовать заранее спроектированным и получившим предпочтение траекториям. События здесь будут напоминать каскад и породят множество неожиданных последствий. Ключевые государства и отдельные группы получают новые возможности и будут использовать в достижении своих целей новые стратегии... В свете всего этого напрашивается вывод, что союзы, которые так хорошо служили Америке в Азии в течение полувека, могут в предстоящий период дезинтегрировать. Поддержание военного присутствия и политических обязательств станет сложным делом, поскольку содержание необходимой сети баз уже не гарантировано. Возникнут новые центры мощи — Китай, Япония и Индия, они совместно с США создадут новый баланс сил, мало напоминающий структуру конца двадцатого века»⁸⁹⁸.

Китайское правительство крайне враждебно встретило модернизацию американско-японского договора безопасности, особенно когда стало ясно, что японцы отказались признать, что Тайваньский пролив не входит в «акваторию, окружающую Японию» (где Япония готова помогать американским войскам в случае кризиса)⁸⁹⁹.

То, что в Азии не существует системы коллективной безопасности — во многом результат сознательного американского отношения к этой проблеме. Вашингтон предпочел подписание двусторонних соглашений многосторонним, это обеспечивало американское доминирование в регионе в целом. Но со временем, прежде всего с укреплением сил Китая, эта простая система потеряла свою надежность. Возникает противоречие, выходящее не только на региональный, но и на глобальный уровень.

1. Двусторонняя американская дипломатия в случае ужесточения американо-китайских отношений постепенно создаст в Азии ситуацию «нулевой суммы» в области безопасности, когда приобретения одной стороны означают потерю другой. Скажем, когда в Вашингтоне выработали план передачи части ракетной технологии Японии (оправданиями официально служили ракеты Северной Кореи), Китай воспринял это как возникновение новой угрозы, посягающей на китайские стратегические силы сдерживания, как шаг в антикитайском направлении, как часть антикитайского окружения. Разумеется, таковыми же в Пекине рассматриваются все проекты создания американской противоракетной обороны.

2. Та же игра с «нулевой суммой» делает для Вашингтона исключительно сложной выработку стратегии по нейтрализации региональных амбиций Китая. Если США будут слишком энергично реагировать на потенциально силовые действия Китая — скажем, давление на Тайвань — то это усиливает китайское чувство, что Вашингтон отказывает китайцам в их исконных правах как великой державы региона. С другой стороны, слабая (или ее отсутствие) реакция Соединенных Штатов воспринимается соседями Китая как сигнал о дипломатическом наступлении Китая, которому следует либо подчиниться, либо начать противодействие в экономическом и военном отношении. Последнее тем более основательно, чем очевиднее становится начавшаяся гонка вооружений в Азии. Напомним, что налицо резкое увеличение военных расходов в Азии: Индия увеличила в 2000 фин. г. свои военные расходы на 30%, КНР — на 12,8%. Военное усиление Японии может быть воспринято Китаем как сигнал к следующему витку региональных военных усилий, в которых Китай очевидным образом претендует на роль самой мощной военной державы.

3. Отсутствие многосторонней системы ослабит возможности американского воздействия на Китай и Японию. Сближаясь с Китаем, США неизбежно вызовут ухудшение американо-японских отношений. Не желая последнего, Вашингтон сделает шаги по сближению с Токио, базируясь на двустороннем договоре безопасности, но это немедленно воспримется как антикитайский шаг в Пекине. При этом и растущий гигант — Южная Корея, получающая все больше шансов

объединить свой полуостров, воспримет это дипломатическое танго как прямую угрозу своим интересам.

Едва ли создание азиатской системы коллективной безопасности сразу разрешило бы местные азиатские проблемы. Но без нее велика вероятность «динамического развития событий, которые поведут в будущем к многосторонней гонке вооружений между Китаем, его соседями и Соединенными Штатами. И в торговле давление поднимется ввиду вероятия девальвации соперничающих валют и создания внутрорегиональных торговых барьеров; это давление может перелиться в сферу безопасности»⁹⁰⁰.

Значительная часть американского политического спектра уже увидела призрак следующего глобального противника на горизонте. Противодействие историческим тенденциям — всегда сложное предприятие. Глобальная диффузия мощи, сокращающиеся возможности однополярности, подъем Европейского союза и Китая, неуклонное обращение американского правительства к внутренним проблемам, ежегодный дефицит текущих расходов почти в четверть триллиона долларов⁹⁰¹ заставляют предполагать ослабление влияния США в мире и возникновение нескольких параллельных центров.

Американский прогноз. Существуют большие сомнения в том, что экономический рост Китая будет протекать гладко. В 2003 году агентство РЭНД-Корпорейшн выявило и сформулировало восемь основных опасностей для продолжения быстрого роста китайской экономики в следующем десятилетии. В разделе «Подводные камни китайского экономического курса» РЭНД-Корпорейшн резюмирует:

Хрупкость финансовой системы и нестабильность предприятий, находящихся в государственной собственности.

Экономические последствия коррупции.

Ограниченность водных ресурсов и слабость системы водосбережения.

Возможный спад прямых иностранных инвестиций.

СПИД и другие возможные эпидемии.

Безработица, бедность и социальное недовольство.

Потребление энергии и цены на нее.

Тайвань и другие политические конфликты.

Согласно оценке Рэнда, негативное воздействие вышеперечисленных факторов, взятых по отдельности, может варьироваться от низкого показателя (между 0,3 и 0,8%) для бедности, социального недовольства и безработицы до относительно высокого (между 1,8 и 2,2%) для эпидемий.

"Рэнд корпорейшн» оценивает вероятность того, что ни один из этих отрицательных факторов не даст о себе знать до 2015 года, как низкий, и отмечает, что они скорее проявятся в совокупности, чем по отдельности. Например, развал финансовой системы, скорее всего, будет сопровождаться усилением коррупции, безработицы, бедности и социального недовольства, что, в свою очередь, приведет к снижению уровня иностранных инвестиций. «Рэнд» оценивает вероятность того, что все эти отрицательные факторы скажутся до 2015 года, как очень низкую, но при этом отмечает: если все они проявятся в совокупности, то их общее воздействие приведет к снижению темпов экономического роста в Китае до уровня между 7,4 и 10,7%, что равносильно прекращению серьезного экономического развития в стране в этот период времени. Эксперты согласны также и в том, что демографические факторы будут играть ключевую роль в региональном развитии. Китай и другие страны Северо-Восточной Азии, включая Северную Корею, будут на протяжении ближайших пятнадцати лет испытывать замедление роста численности и старение населения. Китай к тому же столкнется с последствиями тендерного дисбаланса, вызванного политикой «одна семья — один ребенок». В странах Юго-Восточной Азии, таких как Филиппины и Индонезия, рост численности населения послужит испытанием для способности правительств оказывать базовые услуги населению. Увеличение плотности населения и бедность будут оказывать давление в сторону ограничения миграции внутри региона и в направлении Северо-Восточной Азии. Высокая концентрация населения и возрастающая свобода передвижения облегчат распространение инфекционных болезней, что приведет к риску возникновения пандемий.

Региональные эксперты полагают, что возможность возникновения межгосударственных конфликтов остается более высокой в Азии, чем в других регионах. По их мнению,

Корейский полуостров и Тайвань чреваты кризисами, которые могут разразиться к 2020 году, что может привести к глобальному конфликту. В то же время вспышки насилия внутри юго-восточных государств — в форме сепаратистских восстаний и терроризма — могут интенсифицироваться. Китай также может быть вовлечен в продолжительные вооруженные конфликты в связи с сепаратистскими движениями вдоль своих западных границ.

Наконец, распределение ролей между главными региональными силами — Китаем, Японией и Соединенными Штатами — претерпит существенные изменения к 2020 году. Соединенные Штаты и Китай имеют большое желание избежать конфронтации, однако поднимающийся в Китае национализм и опасения, существующие в Америке по отношению к Китаю как укрепляющемуся стратегическому сопернику, могут подлить масла в огонь противостояния и сделать его антагонистическим. Взаимоотношения Японии с Соединенными Штатами и Китаем будут формироваться под воздействием подъема китайской экономики, урегулирования на Корейском полуострове и на Тайване.

Глава 18

ДИСКУССИЯ О БУДУЩЕМ РОССИИ

Россия «модернизировала» себя, познав все соблазны Запада, но она никак не вестернизировала себя.⁹⁰²

С. Розенфилд, 2005

Перспективы. Едва красный стяг сошел с флагштока Кремля, как Френсис Фукуяма объявил о «конце истории»⁹⁰³ — используя ту самую фразу, которую Карл Маркс употреблял для характеристики эпохи, которая последует за полной победой коммунизма во всем мире.⁹⁰⁴ Оснований о суждениях относительно «конца истории» было немало: Советский Союз — вчерашний лидер полумира, радетель глобальной справедливости,

в кратчайшее время распался на части, воспел национализм и опустился во вчера еще презираемый консьюмеризм. Теперь, после 1991 г., уже не реактивные лайнеры и не атомные электростанции, а кольцо частных коттеджей вокруг городских неустроев, стало символом России. Ельцин принял решение порвать контракты с государственными предприятиями и отказался производить закупки продукции государственных предприятий, отчего доходы предприятий хлынули в карманы дирекции — завтрашних хозяев. Вместе с приватизацией страна стала опускаться на дно деиндустриализации.

Что последует дальше? Для большинства **западных наблюдателей** Россия продолжает оставаться, говоря словами Уинстона Черчилля, «тайной, покрытой мраком, за семью печатями». Немалое число русологов уверенно полагает, что побежденный последует примеру победителя — ассимилирует идеи Запада. Вот в этом они ошиблись. После совершенных по совету и с полного согласия специалистов Запада перемен, Москва начала размышлять, *в какой мере самоуверенный западный мир* релевантен в решении проблемы российской модернизации, а в какой он абсолютно чужд российским реалиям. Западники ликовали, их коллеги из западных университетов одобряли, а мудрая история улыбалась: Россия пошла не по навязанному западным миром пути, а согласно своему генетическому коду, органически вписываясь в свое тысячелетнее развитие.

Какими видят показатели на этом пути западные футурологи? Прямо скажем, не обнадеживающими. Судите сами.

Жизненные показатели Китая резко обойдут российские. Через двадцать лет российский валовой внутренний продукт будет составлять примерно *десятую* часть американского и китайского, а место России на мировом рынке сократится весьма значительно. Равным образом демографический рост Китая и Америки окажет свое стратегическое влияние. Полмиллиарда американцев и полтора миллиарда китайцев будут жить вместе с менее чем сотней миллионов россиян. Асимметрично будет военное производство. Московитское авторитарное производство может на определенном этапе помочь окруженной стране, но трудно верить в долговременность такого выхода, в присоединение к технологической революции, охватившей мировой авангард.

Идеи американской разведки. В России активно обсуждается доклад Национального разведывательного Совета США, в котором определяются контуры мирового будущего в пределах до 2020 года. Прогнозы доклада имеют сценарный характер. В целом нашей стране в докладе уделено не очень много внимания, и ей «отводится место скорее объекта, чем субъекта мирового порядка»⁹⁰⁵. Интерес к России в данном докладе отражает дискуссии в американском обществе о том, что же произойдет с прежним геополитическим противником не в столь отдаленной перспективе, а в относительно более близком будущем. В частности, американцев интересует Россия быстро приближающегося 2008 года, который — в связи заявлением Владимира Путина о своем уходе после второго президентского срока — становится **временем** подведения итогов его правления.

Характерна некоторая пренебрежительность. При любом развитии событий место России в мире представляется авторам не слишком значительным, особенно на фоне предположений о росте влияния Китая, Индии, а также Бразилии и Индонезии. Достаточно отчетливо видно, что, пытаясь определить основные направления развития России в будущем, американские аналитики не отличаются абстрактным академизмом, а исходят из потребностей защиты **собственных** интересов, а иногда даже из преувеличенного представления об опасности для Америки некоторых тенденций, происходящих **сейчас в России**.

Анализ России начинается с оценки сырьевого потенциала страны: «Россия, наряду с другими странами, обладает потенциалом для увеличения своей международной роли как крупнейшего экспортера нефти и газа». Но это сырье носит стратегический характер, и Москва, скорее всего, станет важным партнером как для уже закрепивших свое лидерство сверхдержав — США и Европы, так и для претендующих на эту роль Китая и Индии»⁹⁰⁶. В условиях грядущего оскудения нашей планеты это сырье повышает свою значимость.

Максималисты и минималисты. В оценке общей ситуации в сегодняшней России разногласий практически нет лишь по оценке десятилетия 1990-х годов. Американские

эксперты довольно единодушно отмечают, что хаос 1990-х годов, последовавший за распадом СССР, постепенно уступает место более здоровой атмосфере, сформировавшейся в новом столетии. Отмечается, в частности, что «Россия имеет наилучшие перспективы для расширения своей экономики за рамки добычи ресурсов и более глубокой интеграции в мировую экономику»⁹⁰⁷. То есть что Россия не остановится на роли обильного поставщика сырья.

Так *максималисты*, верящие в подъем России и в ее ориентацию на Запад, основные показатели развития считают достаточно определенными и впечатляющими. Россия выйдет за пределы роли поставщика сырья, овладеет современной технологией и станет источником высококачественных товаров на глобализированном рынке. Максималисты убеждены в **том, что Россия сохранит свою геополитическую значимость** в условиях противостояния «золотого миллиарда» и бедной части человечества.

Максималисты предсказывают в **обозримой перспективе** ежегодный прирост валового национального продукта не менее, чем на 3%. На **их взгляд**, если экономическая конъюнктура будет благоприятной в связи с возможным мировым энергетическим и ресурсным кризисом, российский ВВП на душу населения может в определенной степени приблизиться к уровню резко стареющего японского и западноевропейского населения, российский ВВП на душу населения может приблизиться к уровню Японии и ЕС.

В этом вопросе они возлагают свои надежды на необозримые просторы Сибири, **которые Россия наконец-то начнет по-настоящему осваивать. Приверженцы данной точки зрения** полагают, что страна с такими ресурсами **чрезвычайно** нужна Западу. Уже сегодня более половины экспорта и импорта России связано с Западной Европой.

Минималисты же, в подъеме России сомневающиеся, предрекают гигантской слабозаселенной стране роль кладеза истощающегося сырья. Минималисты предсказывают небольшой экономический рост — 0,2 процента за указанный период, да и то лишь за счет нефтедобычи. Немалое число прогнозистов этой школы предсказывает экономические беды ввиду веро-

ятия социальных и национальных взрывов, экономических бед ввиду социальных и национальных потрясений. Они убежденно настаивают на том, что ВВП России **станет** все больше отставать от американско-английского и определенно будет уступать от **аналогичных показателей** рвущихся вперед Китая, Южной Кореи, Тайваня и даже Индии. Согласно оценкам ЦРУ, ВВП СССР **составлял** в 1989 г. 47% от американского; а через 35 лет **ВВП России окажется соответственно в диапазоне от 5 до 15%**. Минималисты полагают, что России стоит сосредоточиться на развитии тихоокеанского направления в политике и экономике.

Стоит американцам удвоить долю военных расходов в своем бюджете, и Россия окажется в весьма сложном положении. В прогнозе о будущем России указывается на опасность усугубления демографического спада, распространения СПИДа, губительности нестабильности на южных границах государства, опасности терроризма. Что же делает государство, когда находится в такой опасности? Оно, во-первых, мобилизует свои силы и, во-вторых, уходит в свой собственный ментальный код, прячется в коконе привычных его населению человеческих ощущений, учреждений, установлений, канонов, веры.

Московское царство. По мнению американских аналитиков, в посткоммунистический период Россия проделала большой путь — от плановой экономики до смешанной системы авторитарно-рыночного типа. Последняя вовсе не напоминает Вебера, Адама Смита, Джона Мейнарда Кейнса. Нет, русский рынок весьма далек от фондовых бирж англо-саксонского мира, от меняльных контор средневековых итальянцев, от швейцарской строгости и корректности.

Современный русский рынок более всего напоминает об обрыве органичности в лихое петровское время; он, как это ни странно, невольно сближается «со своим» — с боярско-купеческими тулупами тишайшего Алексея Михайловича, говорившего самые страшные приказы спокойно, а громадной своей царской властью пользовавшийся как бы нехотя. Боярская дума преем в тулупах, государственную линию ведет только одна партия — царская. И воспоминания, как и ныне, страшные — о поляках в Кремле, о суровой гражданской неурядице.

И сегодняшнюю Россию влечет берег ее истории. А каким иным может быть ее путь, если Европа и помыслить не может о принятии православной Московии в свою католическо-протестантскую семью, если с юга одни набеги, если с Китаем только устанавливается граница. На этом фоне путинская Россия явно несет в себе черты далеких веков, признаки послемонгольской Московии: автократию, суверенную власть над частной собственностью, даваемые за служение поместья, кормление как право на получение ренты, **взаимную повязанность (или круговую поруку) «верхов»**, протекционизм и жесткое «держание за свое» — за свой православный мир.

Психология и культура, **как считают американцы, определяют развитие** России в собственном традиционном направлении. Какие бы стяги ни реяли над стенами Кремля, «русские полны рациональных ожиданий. Они знают, что многие другие народы отвергают Запад, и в то же время они уверены, что конструктивный диалог с ним, совместное ведение дел может возратить их на утраченные земли»⁹⁰⁸. Россия представляется американским специалистам страной, *пока еще* ориентированной на Запад, использующей Запад и одновременно желающей быть независимой от него. **Термин «Московия» становится в США привычным для обозначения проявившихся** в России на рубеже XX—XXI веков сходств с допетровской эпохой — с характерным отсутствием «царства закона» и жестоким общественным неравенством⁹⁰⁹. И с тульскими пушечными мануфактурами. И самой большой в Европе армией.

Администрация Путина стремится, как теоретизируют в Вашингтоне, представить себя сторонницей *laissez-faire*, прозрачности, как и пятьсот лет назад стремится очаровать прибывших в Архангельск англо-саксов, приехавших в Москву немцев и итальянцев. Она всячески демонстрирует свою приверженность частной **собственности** на средства производства, номинальному главенству закона, думая при этом о переводе «Шемякина суда» в северную столицу. Царство закона пока лишь царство, а не «потемкинская деревня» не в меру жалостливых «судов присяжных» — соединительное звено с западным законопочитанием, западным правосудием.

В США все активнее начинают отвергать *wishful thinking* в отношении послеельцинской России, рисуя абсолютно иную

картину **сегодняшней** Москвы: «В реальности это система «правителя-суверена», гарантирующего окружению ренту, в которой отчуждаемые привилегии на собственность маскируются под гражданские права, где производственные возможности верховного правителя прикрываются государственной бюрократией и рядом влиятельных местных правителей. Бюрократия включает в себя органы гражданского управления, но наиболее влиятельными являются органы государственной безопасности и круги военных... Влиятельные силы, типизируемые как путинские «олигархи», надзирают над производственной деятельностью, собирают и распределяют налоги»⁹¹⁰.

Новый военный приказ. Американские аналитики замечают, что ельцинская эрозия министерского управления в военно-промышленном комплексе России (включая Минатом) шла медленнее, чем в остальной российской экономике. Контроль над ценами сохранялся довольно долго⁹¹¹, хотя Ельцин уже в 1992 году в **одностороннем порядке прервал** основные государственные контракты. Весьма странным образом часть предприятий ВПК была приватизирована (где частично, а где полностью). Но древняя московская система подчинения **верховой** власти сохранилась здесь более, чем где-либо.

И стоило Путину указать рукой в эту сторону, как «новые бояре» заломили шапки. Они стали отчетливо понимать, что в их же собственных интересах не перечить **Кремлю**. Рынок есть рынок, а царь есть царь — и русские люди достаточно **тонко чувствуют реальное** соотношение сил⁹¹².

Нельзя **отказать приведенному толкованию в некотором резоне**. Главное, что случилось после падения стяга с серпом и молотом, **заключалось в том, что на всем пространстве огромной страны стремительно утвердился старый московский порядок**. Да, было трудно устанавливать более совершенные сборочные линии, обеспечивать взаимосвязь и кооперацию военных заводов, давать людям работу, гарантировать законный порядок, преодолевать криминал и обеспечивать развитие, качественно и количественно превосходящее уровень СССР. *Но исторический инстинкт сработал безупречно: страна приобщилась к своему победному (а не пораженческому) прошлому, она не пошла по чужой указке. И в том же направ-*

пени осуществлялось развитие транспорта, сельского хозяйства, системы коммуникаций, образования.

Сработал инстинкт самосохранения. Революционеры от управления после нескольких фантастических авантюр получили отпор. Был введен бартер, а экономические рычаги стали восприниматься как минное поле вражеского засева. Менталитет великой обиженной державы изменить Гайдарам и Чубайсам с налету не удалось. Адам Смит с его специализацией и «невидимой рукой» в Россию не проскользнул. Не проскользнул он и при более вдумчивом прочтении, объясняющем не только **историю и условия** богатства народов, но и **основания их** нравственных чувств. "It's Russian economy, stupid". Не рынок, а Владимир Путин гарантирует здесь ренту, положение и возможности.

Не выдающиеся западные идеи социального и политического устройства, а неискоренимое наследие уникальной, сложившейся многие столетия назад Московской цивилизации явилось в этот критический час основой стабильности России. И в идейной сфере на поверхность вышло нечто, сходное с либеральным автократизмом императора Николая II. Прерванный полет продолжился. Увы, не рынок, а вторжение *авторитарной командной системы* в национальную экономику, вторжение «людей сбоку» — олигархов, авантюристов, честных заблуждающихся, талантливых и бесталанных временщиков, людей, придерживающихся особого взгляда, часто весьма отличного от того, который прививают в западных университетах.

Особенно в этом смысле выделяются сотрудники секретных служб, военные интеллектуалы и многочисленные представители военно-промышленного комплекса. **Во многом по инерции, по многократно отработанным схемам тысячелетней истории в новой России** возникла весьма закрытая **корпоративная субкультура, способная так или иначе наращивать мощь страны, укреплять ее безопасность** и не опускать руки в случае критических ситуаций во внутри- и внешнеполитической сферах.

Святость государства. Эволюция российского политико-экономического механизма **в направлении усиления** позиций государственной бюрократии, неприкосновенности прези-

дентского поста, «святости» военной модернизации страны, указывает на то, что **упования российских реформаторов на легкий и органический переход от коммунизма к представительной демократии были изначально легкомысленными, более того, практически совершенно необоснованными.** И напротив, «нетронутый военно-промышленный комплекс России, стратегически мыслящий генштаб, одобренный руководством проект военной модернизации и выделенные материальные ресурсы (как основа реактивации структурно милитаризованного потенциала) оказали свое действие»⁹¹³.

Таким образом, американским аналитикам пришлось признать, что ничто не препятствует возвращению России статуса сверхдержавы. А русские достаточно быстро поняли, «что нужно делать»⁹¹⁴. И лидеры России воспользовались этими культурными особенностями своего народа. В этом они не были *невероятно* оригинальны, они действовали подобно китайским, индийским, японским, южно-корейским и прочим незападным лидерам. В свое время великий Джон Дьюи сказал, что *«любая страна встанет на путь автократии при двух условиях: национальное унижение и экономическая катастрофа».*

Главным в этом повороте от демократической риторики к патриотической молитве оказалось то, что Россия (как и Китай, Индия и другие страны, идущие на подъем) не хочет играть роль младшего партнера Соединенных Штатов. **А ведь именно на это рассчитывали многие американцы** осенью 2001 года, когда Россия оказала столь существенную помощь вооруженным силам США. **После чего, кстати,** Москве пришлось смириться с выходом США из Договора по Ограничению противоракетной обороны (ПРО), а также с противодействием Америки принятию РФ в НАТО.

Ответственность президента. Отмеченное выше «возвращение» **Московии** не стало чем-то неожиданным. **Более того, означенный зигзаг российской политической жизни начинает казаться вполне естественным (и даже закономерным), если взглянуть на него, отделяя друг от друга** политический авторитаризм и авторитарное общество⁹¹⁵. Россия имеет демократическую политическую систему, но является совре-

менным индустриальным обществом незападного типа (прошедшим ряд незавершенных модернизаций), **а значит, по определению, обществом авторитарным. Авторитарное** общество в качестве гражданского (с точки зрения влияния на власть, а не в содержательном, западном смысле) «переваривает» политическую систему в понятные ей формы. Южные корейцы ощущают то же самое, испытывая давление господствующего у них конфуцианства и католицизма на власть и демократически-модернизационные устремления части элиты. Китайцы **не отказались от авторитаризма, осознавая неспособность «верхов»** преодолеть ценности частично традиционного (доиндустриального), частично авторитарного (индустриального) Китая, являющегося незападным обществом, к тому же столь огромным по численности населения.

Судьба России в **значительной** степени будет зависеть от ответственности, проницательности и решительности лидера страны. Преемнику Путина придется выйти далеко за пределы «бумажных» реформ, обеспечивающих **лишь** консолидацию олигархов **да** гарантию прибыли при весьма своеобразной вестернизации страны, **постоянно при этом прислушиваясь к глубинно-тектоническим импульсам заново рождающихся авторитарных тенденций.**

Сможет ли политическая элита страны справиться с поставленными задачами? О Путине у многих американских аналитиков сложилось совершенно определенное мнение — нынешний глава государства вырос и сформировался в условиях «культуры москвитов» — в силу его военного воспитания и занимаемых должностей. Советская система в целом не была «москвитской», она ориентировалась на прогресс, на то, чтобы догнать Запад, была интернациональной **вообще** и национальной по сути — в периоды катастроф.

Даже при заигрывании Сталина с русским национализмом последний не мыслился как изоляционизм (а если и был им, то из-за внешней изолированности страны, обусловленной холодной войной) и учитывал сущность России как многонациональной и многоконфессиональной страны. Сегодня же приходится предупреждать об опасности изоляционизма (Владислав Сурков). Путин, по мнению американцев, желает иметь

своеобразное рыночное хозяйство — подчиняющееся Кремлю. Он не очень беспокоится о торжестве закона и права.

У него есть две определенных цели: снабжаемая послушной экономикой система административного контроля и мощный военный комплекс. По распространенному в США мнению, «Путин реализует мечты российских славянофилов, он пытается реализовать утопию московитов»⁹¹⁶. Его мировоззрение уже устоялось. Американцы считают, что переубедить Путина, попытаться изменить его взгляды принципиально невозможно. Они есть своего рода цивилизационная константа, которую **наследует и его преемник**. И преемник его преемника.

Удивление адвокатов «чистого капитализма». Отметим, что либерализация путинской **властной стилистики** осуществлялась медленными темпами — хозяева Кремля переходили к новому социальному строю на *своих* условиях. Владимир Путин, его команда, его олигархи, его служба безопасности, «новые русские» *не сразу* взяли за укрепление суверенитета верховного правителя и привилегий для зависящих от него подчиненных (включая особые права, имущество, владение прежней социалистической собственностью). Трезво оценивая сложившуюся ситуацию, Путин воздержался от поддержки ельцинских олигархов (с их коррумпированной приватизацией), требуя от них дополнительной платы за владение **фантастически** огромными ресурсами. Ходорковскому и всем прочим устремившимся к политической деятельности олигархам он постарался доказать, что их **собственность** без особого труда может быть отчуждена в пользу государства.

Американские адвокаты «чистого капитализма» пытались *учить* своих новых российских коллег, но натолкнулись на препятствия, которые трудно **охарактеризовать** иначе, как цивилизационные. **Вот пример их аргументации, совершенно не учитывающей вышеописанной системы собирания властного начала в единую и жестко иерархизированную вертикаль:** «Система московитов непродуктивна, она уничтожает равенство (даже перед законом). **Ее не поддерживает общество, причем с самого нижнего своего уровня.** Она не может быть интегрирована в мировую экономику, **не в состоянии экс-**

портировать высокотехнологичные продукты, и сохранит за Россией роль поставщика сырьевых товаров»⁹¹⁷.

Однако убедить Путина (равно как в будущем, видимо, и его преемников) в том, что Россия встала на неверную тропу, *трудно* не только с помощью простых **аргументов западной логики, логических выкладок на западный манер**, но и **посредством доказательств полезности для страны предлагаемых изменений**. Запад считает, что ему следует переделать безраздельно господствующий в России способ политического поведения, основанного на неразрывном взаимопроникновении лести и взяток, отказаться от сугубо декларативной поддержки либеральных начинаний в сегодняшней РФ, предоставив ей щедрую финансово-техническую помощь и нарисовав перспективу возвращения к статусу «сверхдержавы» западным путем, указав при этом на опасности поворота к Московскому Средневековью.

Слишком оторванно от почвы. Мысль о том, что России надо стать **средней европейской страной, чужда россиянам по целому ряду причин, среди которых: историческая гордость, неколебимый патриотизм, гигантский географический масштаб страны, обилие природных ресурсов, уровень образованности населения и, главное, неистребимый исторический опыт народа**. Запад не поддержал российский капитализм цивилизационно, **смирившись с его «дикой» формой и согласившись считать демократией либеральную риторику коррупционеров ельцинской эпохи**. Тем самым Запад **фактически отказался содействовать «цивилизационной миссии капитала»**, которую признавал даже Карл Маркс.

Радуясь **краху коммунистической системы и считая катастрофу своего геополитического оппонента однозначно благоприятным для себя фактом**, Запад принял «демократию», **которой заправляли**, которой командовал не русский Джефферсон, а буйная ватага коррупционеров, уверенных в том, что их «демократия» приживется в только что разрушенной стране. Сегодня западные специалисты **свидетельствуют**: общества, подобные российскому, обладающие столь поразительной волей, делают «невозможное возможным», платя при этом огромную цену. В 2001 году уровень самоубийств в

России составлял 42,1 самоубийств на 100 тысяч человек в год (что значительно превышало показатели 1990 года — 26,4 самоубийства на 100 тысяч человек в год). В Западной Европе **аналогичный** показатель равен 5 самоубийствам на 100 тысяч человек, а в Северной Америке — 4,1 самоубийств на 100 тысяч человек⁹¹⁸.

Судя по всему, лидеры Запада **попросту не хотят** открывать Путину неприятную для него истину. Ни одна из западных столиц не желает оказаться прямым ментором Кремля в цивилизационных вопросах, ибо это означало бы принятие обязательств, связанных с огромной ответственностью за итоги российских реформ. **Следуя такому пути** (в 90-е годы) без учета состояния общества, Запад скоро разочаровался в результативности **собственных** усилий и не захотел оказывать России более существенную помощь. А сегодня **он уже и** на деле утратил **подобные** возможности. Западные лидеры предпочитают просто петь гимны глобализации, сближению, прелестям совместного разрешения проблем, вашингтонскому консенсусу. Менее всего «восьмерка» хотела бы предъявлять Путину жесткие претензии. Она **не рискует каким-либо неаккуратным или непродуманным шагом спровоцировать отчуждение России в ситуации бурного усиления самостоятельности Китая.**

И все же могучая Россия страшит Запад. В США все громче слышны голоса тех, кто предостерегает: «Россия устремилась к структурной военной реактивации советского типа, которая приведет к полномасштабной милитаризации в качестве главного приоритета, к восстановлению прав государственной собственности, возвращению нации «назад к будущему». <...> Возвращение России в виде «московской сверхдержавы» угрожает мировой дестабилизацией»⁹¹⁹. Другие считают, что еще не все потеряно. Внушительная часть американских специалистов по России полагает, что можно опереться на Путина и его возможного преемника в том, что они называют продолжением «петровской вестернизации», благотворной даже в условиях ослабления страны.

Как не поверить в лучшее, если президент Путин открыто выступил за «главенство закона», за введение в торговый оборот земли, за построение современной банковской системы, за

цивилизированное управление крупными корпорациями, за анти-трестовское законодательство, за умеренный федерализм, за национальные проекты. **Подобные инициативы Кремля успокаивают смутившихся аналитиков США и вселяют в них надежду на возможность** «вернуться на почву здравого смысла» даже там, где эта почва весьма зыбка, — в России.

Окажутся ли **указанные** основания для **подобных упований** сильнее очевидной склонности России к традиции, авторитаризму, государственным привилегиям? За океаном полагают, что огромная пропасть между внушительным потенциалом России и **реальными практическими шагами по его использованию** сохранится еще долго. Думается, что после 2008 года новая реальность — национальные проекты — **окажутся способными** сдвинуть проблему с мертвой точки, если только отношение к ним будет серьезным, а не декоративно-популистским.

Последний элемент могущества. Через несколько лет личный состав американских вооруженных сил будет втрое превосходить **аналогичный показатель** российской и китайской армий. Столь же **значительным** станет разрыв и по **показателям оборонного производства**. Как уже говорилось, стоит американцам удвоить долю военных расходов в своем бюджете, Россия окажется в весьма сложном положении.

И все же, **по мысли американских экспертов**, «московитский» режим может **на какое-то время** оказаться полезным для России, фактически не имеющей сегодня военных союзников. (Когда-то, между Иваном Великим и Петром Великим слабеющие Швеция, Польша и Оттоманская империя *невольно* прикрывали Москву от Запада. Однако **не приходится** рассчитывать на то, что Путин сможет **обеспечить технологическую революцию** и в долгосрочной перспективе — а ведь только она может обеспечить прогресс на бескрайних просторах.

Если успех экономических, политических и военных реформ Путина, направленных на сближение с Западом, весьма сомнителен, **то обновление военно-промышленного комплекса, напротив, видится американским аналитикам** начинанием, вполне реалистичным и имеющим **значительные**

шансы на полномасштабное осуществление. России не привыкать к концентрированию ресурсов и человеческого потенциала в деле обороны. На протяжении XX века страна успешно укрепляла свою **обороноспособность**, и сейчас нет оснований сомневаться в том, что **она снова сможет мобилизовать свои ресурсы в этом направлении.**

Советский Союз был, а нынешняя Россия и остается, структурно милитаризованной страной. Советская экономика использовалась правящей элитой, прежде всего, для решения военно-промышленных задач. Экономическое развитие СССР, начиная с 1930-х годов, определяли генеральный штаб и военно-промышленный комплекс. И, как полагают в ЦРУ⁹²⁰, вовсе не военное-промышленное напряжение нанесло решающий удар по конкурирующему с Соединенными Штатами Советскому Союзу.

Нужен ли России такой путь модернизации? Не все уверены в его действенности. Но при этом большинство американских футурологов убеждено, что ни экономические потребности, ни демократические порывы не могут сдержать Путина, его соратников и его преемника от строительства мощной и современной военной машины, поскольку различные факторы требуют от государства сохранения боевой мощи. Исследования и научно-конструкторские работы ведутся регулярно и с твердой решимостью. Россия верит в необходимость самозащиты. Практически нет сомнения в том, что усилия Кремля по увеличению национальной мощи будут встречены в российском обществе с пониманием и согласием благосклонностью.

«Стараниями» Горбачева и Ельцина в начале 1990-х годов российской обороноспособности был нанесен сокрушительный урон. После венско-парижских соглашений 1990-го года **производство вооружений** продолжалось, а **неожиданно проявившемуся безразличию верховной власти к нуждам «оборонки» руководство советского (а затем — российского) ВПК не придавало должного значения.** Директорат военных заводов надеялся, что государство *очнется и закупит оружие.* Но нет. Возможность извлекать личную выгоду из святого прежде дела привела к лишению суровой работы в военной промышленности **всякого** смысла. Были испробованы са-

мые разные формы освобождения от налогов, косвенных субсидий, и, в конечном счете, произошел переход *к бартеру*: военные заводы начали расплачиваться со специалистами и рабочими расписками⁹²¹. По мнению американских аналитиков, в 1991 — 2001 годах на бартер приходилось 80% взаиморасчетов. Это **означало**, полагают они, что рыночные отношения были отвергнуты, **и в российской «оборонке»** свобода экономического маневра свернута, в военной сфере сработала исконная русская *круговая порука*⁹²².

России определенно сыграло на руку то обстоятельство, что президент Клинтон также сократил вооруженные силы Соединенных Штатов. В результате к рубежу тысячелетий обе стороны достигли *приблизительного* равенства в военной сфере.

Немного лет понадобилось для того, чтобы убедиться в **непредложной истине**: в военном деле, как и в экономике, болезненный социальный транзит в России конца XX века гарантированно обеспечил лишь депрессию, которая не была неизбежной. Она, по мнению американских исследователей, была вызвана неверной тактикой российской власти, ельцинским желанием за сотни дней превратить страну в органическую часть Запада.

Сегодня призыв Путина создать профессиональную армию к 2010 году диктуется геостратегическим положением России, колоссальной континентальной державы, имеющей выходы к трем океанам. Основой российской военной мощи являются поддерживаемые из космоса силы стратегического ядерного сдерживания и внушительные конвенциональные (т.е. обычные, неядерные) силы. **На Западе парит та точка зрения, что** Россия не нуждается в революционном обновлении своих вооруженных сил, ей не нужны прорывы в сфере плазменного оружия, если ее не особенно беспокоит мощь своих информационных систем.

Но поворот во взглядах возможен **в связи** с подъемом Китая, ориентированного, прежде всего, на США и на Западную Европу, — считают американские исследователи. Если же Россия восстановит против себя Америку, то ей, как и прежде, придется компенсировать качество количеством. Именно поэто-

му многие американские аналитики не верят в то, что Москва вступит в соревнование с Америкой при незначительных шансах на революцию вооружений. Россия просто восстановит свой статус младшего партнера в этой гонке, где ее успех более чем проблематичен. Такой поворот, полагают в Америке, будет возможен лишь в случае создания россиянами эффективной экономической системы. Поэтому военная реформа в России — это нечто большее, чем **просто** вопрос о «малых» или «крупномасштабных» вооруженных силах. *Это вопрос о гибкой и продуктивной экономической системе — только на ее основе Москва сможет провести революцию в военной сфере.*

«Московитская» модель позволит Путину сохранить структурную милитаризацию вопреки всем внешне убедительным доказательствам того, что прежняя мощь России невосстановима. **Страна** сохранила основу своей военной системы, созданной во второй половине XX века. И она может еще долго содержать ее в надлежащем состоянии, учитывая дешевизну рабочей силы и массовую безработицу⁹²³. Недостающие компоненты будут найдены и улучшены встроенными в экономику в последние годы рыночными отношениями, но не существует никакой объективной потребности в *реформе* российской военной системы. Олигархи не смогут соперничать в битве за ресурсы с государством, которое способно отдавать приказы своим финансовым «избранникам» и готово ввозить наиболее сложные образцы военной техники из-за рубежа, опираясь на уже имеющийся опыт.

При этом российский ВПК не без оснований рассчитывает на экспортные продажи (5,4 млрд. долларов в 2003 году)⁹²⁴, на совместное производство с зарубежными фирмами. В период с 1999 по 2004 годы оборот от одной только российско-китайской торговли оружием составил 5 млрд. долларов. Возросшие доходы от подорожавшей нефти (72 млрд. долларов в 2005 году) сделали российский ВПК практически независимым от продажи ядерной технологии Китаю и Ирану.

Российские нефтяные продажи приближаются к 10 млн. баррелей в день, что **фактически развязывает государству руки** в выборе партнера по оружию. **Москве** необходимо только приостановить утечку капитала и урегулировать поступления налогов **за** газ.

В то же время именно Соединенные Штаты **продолжают** упорнее всех поклоняться богу войны. 17 ноября 2005 года ВМС США провели успешные испытания перехватчика баллистической ракетной системы «Эгис», размещаемой на эсминце класса «Орли Барк». Тогда же на базе форта «Грили» развернулись испытания противоракетной обороны в штате Аляска.

Россия в новой фазе стратегического противоборства делает ставку на самую мощную со времен Советского Союза программу обновления своих баллистических ракет. По мнению специалистов, эпоха неудач России, вероятно, уходит в прошлое. **Огромные** средства направляются на модернизацию мобильных баллистических ракет СС-27 («Тополь-М») и ракеты морского базирования «Булава», боеголовки которых обретут способность активного маневрирования, что **лишит** смысла колоссальные усилия США, стремящихся создать национальную систему противоракетной обороны. В ноябре 2005 года российские космические войска провели успешные испытания ракеты «Тополь» РС-12М на **Плесецком полигоне**.

Аналитик газеты «Вашингтон пост» Джеймс Хакетт указывает, что «с начала 2006 года начинается развертывание мобильной версии этой ракеты, более трудной для обнаружения и подавления. Твердотопливную ракету с высоким ускорением на старте сложнее перехватить на активном участке траектории, как и маневрирующую боеголовку впоследствии»⁹²⁵. Модернизированные «Тополь-М» и создаваемая в настоящее время ракета «Булава» оснащены гиперзвуковой боеголовкой, способной маневрировать на основном и конечном участках траектории, нейтрализуя системы, разворачиваемые в настоящее время на Аляске и в Калифорнии. Исключительно низкий профиль полета — вероятная максимальная высота для ракет радиусом 250—400 км не превышает 30 км при плоской траектории, в условиях которой боеголовка способна менять курс полета, а также трудно определяемая из траектории дальность резко осложняет любой системе ПРО определение объектов, **против которых она используется**.

21 декабря 2005 года запуск «Булавы» был успешно осуществлен из подводного положения; каждая головная часть «Булавы» имела десять (потенциально ядерных) боезарядов и действовала на расстоянии 8 — 10 тысяч км.

Новое оружие России. На боевое дежурство уже поставлены 46 новых «Тополей», каждый из которых несет три боеголовки. Но, как представляется, это только начало. Быстро обновляются существующие мобильные комплексы СС-25 на аналогичных мобильных «Тополях». Россия не жалеет средств. Только в ноябре 2005 года министр обороны Сергей Иванов огласил увеличение расходов на модернизацию ракет на 1,8 млрд. долларов. Теперь встает вопрос о противостоянии российским ракетам *из космоса*. Но даже по западным оценкам для США может оказаться непосильным добавление космического сегмента и к без того чудовищно затратной программе наземной ПРО, да еще в условиях невиданного бюджетного дефицита. В поисках решения Пентагон уже выходит за рамки привычных ракетно-ядерных систем — в сентябре 2005 года он возобновил массовые закупки биологических вооружений⁹²⁶.

Согласно американским оценкам, российский генштаб желает осуществить модернизацию ядерного оружия, создать информационные системы двойного пользования, средства точного наведения, усовершенствовать основные типы обычного оружия, покрыть самолеты пятого поколения плазмой, чтобы сделать их невидимыми для радаров, усовершенствовать средства информационной войны, создать радар, фиксирующий самолеты-невидимки, развить химическое и биогенетическое оружие, оружие направляемой энергии, включая лазеры, микроволновые средства, генераторы частиц для уничтожения объектов удара со скоростью света, новое плазменное оружие, которое ионизирует атмосферу и уничтожает приближающиеся ракеты⁹²⁷.

Россия намерена создать высокотехнологичный истребитель общего боя, систему электронного контроля, оружие, **основанное** на новых физических принципах, тактическое ядерное оружие, используемое в конвенциональных конфликтах с целью достижения стратегического продвижения, системы нанесения ударов с целью глубокой разведки **возможностей противника в масштабах предполагаемого театра боевых действий и даже несколько шире**.

Среди наиболее перспективных образцов российской военной техники американские эксперты выделяют торпе-

доносную ракету «Шквал», разведывательный самолет М-55, противокорабельную сверхзвуковую ракету Х-31, стратегические крылатые ракеты Х-101 и Х-555, зенитный комплекс «Искандер», беспилотные воздушные корабли, способные сообщать всю **необходимую** информацию о потенциальном противнике.

Генштаб уведомил, что российские вооруженные силы насчитывают в своем составе три тысячи «нестратегических» ядерных боеголовок, хотя Москва готова к 2020 году довести их численность до тысячи единиц на всех **возможных** театрах военных действий. **По официальной информации российского оборонного ведомства**, российская армия нуждается ежегодно в 16 млрд. долларов для содержания в состоянии боевой готовности уже устаревшего оружия, чтобы сохранить необходимое соотношение сил. **Сюда относятся** до 300 мобильных артиллерийских систем, полторы тысячи гаубиц, до 200 самолетов и вертолетов, 5—7 зенитных комплексов, а также тридцать тысяч поездов, наполненных амуницией¹¹⁸ и боеприпасами.

Что касается флота, **то бывший главком ВМФ Владимир Куроедов** затребовал 12—15 стратегических подводных лодок, 50 атакующих подлодок, 35 дизельных субмарин, более семидесяти морских судов океанского радиуса действия, «чтобы бросить Америке глобальный вызов», вопреки всей **риторике** о совместной борьбе против терроризма. **Американские эксперты убеждены, что Куроедов делал свое заявление** от лица всего российского военного сообщества⁹²⁹.

ВПК России. По данным США, военно-промышленный комплекс России состоит ныне из 1700 предприятий, расположенных в 72 регионах страны, на которых работают примерно 3,5 млн. **специалистов и рабочих**, производящих примерно **27% от общей продукции** машиностроения и четверть машиностроительной продукции, идущей на экспорт. При этом **население** девятнадцати **российских** городов полностью состоит из **сотрудников** и обслуживающего персонала работников военных заводов.

К 2005 году лишь 43% российских предприятий являлись собственностью государства. 29% находились в смешанной соб-

ственности государства и частных лиц, а 29% были полностью приватизированы. **Рыночные отношения стали неременным элементом сегодняшней российской оборонки, однако государственный патронаж высоко ценится предприятиями всех без исключения форм собственности.**

В 2000 — 2005 годах на исследования и разработки было выделено 40% всех ассигнований на военные цели — вчетверо больше, чем за предшествующую пятилетку. На период после 2005 года предусмотрены значительные изменения — уменьшение на 15% расходов на исследования и разработки при одновременном увеличении расходов на серийное производство на 65 — 70%. **Именно такой инвестиционный разворот и призван обеспечить военную модернизацию России.** К примеру, массовое производство истребителя пятого поколения «Сухой» предполагается начать в 2009 году.

Мотивация Москвы. Американские аналитики спрашивают, если Россия присоединилась к демократической мировой системе, для чего ей так вооружаться. *Во-первых*, для того же, для чего вооружаются такие страны, как Франция и Англия, находящиеся в той же, что и США, демократической системе. *И во-вторых*, это знак того, что Россия не чувствует себя принятой на Западе (не принятой в НАТО, не принятой в ЕС, отброшенной на северо-восток Евразии). Но самое главное: в этих условиях Россия следует своему историческому коду, возвращаясь к **своим традиционным** ценностям, среди которых общественное признание получает исключительная вооруженность и готовность к историческим несчастьям.

Американцы все упорнее задают вопрос, чем руководствуется Москва, первоклассно вооружая бедную (по западным стандартам) страну? На этот американский вопрос российские власти дают ответ, который сохранит актуальность и после 2008 года: чтобы обеспечить защиту своей независимости и использовать военную модернизацию как **локомотив технологического обновления.** Медленно, но верно Москва будет освобождаться от иллюзий горбачевско-ельцинского периода, которые привели, выражаясь словами президента Путина, к «величайшей трагедии XX века — распаду СССР».

Двойные стандарты Запада в отношении России, приближение НАТО к ее границам привели к тому, что эйфория после окончания холодной войны сменилась предчувствием «холодного мира», **предчувствием**, толкающим Россию к вооружению. В очередной раз на вызов Запада Россия отвечает старым способом — так же, как Китай, Индия, Иран и другие незападные страны.

Противоречия. Американский анализ российских проблем изучается в России. В нем есть немало интересного — «на расстоянии» видится лучше.

Россия достаточно быстро обнаружила, что коммунизм не был единственной преградой на пути сближения с Западом. Православие, коллективизм, иная трудовая этика, отсутствие организованности, своеобразие исторического опыта, отличный от западного менталитет, **разница в мировосприятии** элиты и народных масс — все эти и многие другие факторы смутили даже стопроцентных западников, увидевших трудности построения рационального капитализма в «нерациональном» обществе, создания свободного рынка при вакууме власти, формирования очага трудолюбия в условиях отторжения конкурентной этики.

Философ Иван Ильин считал, что народ, который хочет быть «братом» других народов, должен сначала сам творчески, самобытно, самостоятельно растить свой дух, укреплять и воспитывать инстинкт *национального самосохранения*, по-своему трудиться, строить, властвовать и молиться. И лишь в меру своей содержательной, качественной, субстанциональной русскости можно стать «наднационально» и «братски» настроенным «всечеловеком». Национально безликий «всечеловек» и «все-народ» не могут ничего сказать другим людям и народам.

Мысль о том, что Россия должна войти в глобальное сообщество и для этого подняться с колен, заставляет власть проводить **именно такую** политику. Идеал независимости и свободы, **забота** о влиянии страны **в мире**, о ее **причастности к ведущим достижениям современной цивилизации** занимают сегодня российские власти **несравнимо** больше, чем **радение о сохранении** прозападной ориентации.

Во внешней политике вызревают разные сценарии, объединенные желанием России играть значительную роль на мировой сцене, но предполагающие ситуационность выбора приоритетных направлений. Хотелось бы надеяться, что нам удастся избежать изоляционизма, ибо стремление России к могуществу и самостоятельности изначально направлено на вхождение в глобальный мир и в глобальную экономику.

С лидером или без? В политике всегда полезнее идти вместе с лидером, а не против него. Сближение с самой мощной державой современности не может не иметь своих привлекательных сторон. Это сближение способно укрепить позиции России в борьбе с терроризмом. В прошлом союзные связи с Америкой помогли России сохранить Дальний Восток и Восточную Сибирь. Россия как огромная часть мира ощущает эмоциональную, интеллектуальную, эстетическую мощь Запада, где расположены 17 из 20 лучших в мире университетов, где книг издается больше, чем во всем остальном мире, куда направляется львиная доля Нобелевских премий, где расположена передовая наука и сосредоточена мощь информационного пространства в целом. Особенностью современной ситуации является то, что Россия — самая большая «белая» страна, которая теряет свое население, а США — самая большая растущая (на Западе) страна.

Россию с Соединенными Штатами связывает достаточно многое, начиная с преобладания в военно-стратегической сфере. При этом важно четко понимать, что Москва может осуществить совместно с Вашингтоном, а чего определенно не может. Две страны могут вместе сохранять режим нераспространения ядерного оружия, но Россия не приветствует стратегии предвещающих ударов, наступательных операций типа иракской. Необходимо определить, *какие элементы* сотрудничества возможны и желательны. Конструктивный диалог необходим ради подтверждения заинтересованности сторон в сохранении ООН, в ядерном нераспространении, в сближении позиций по ряду региональных проблем.

Американские специалисты полагают, что современная международная система построена *не вокруг баланса сил, а вокруг американской гегемонии*. Привлекательность страны-лиде-

ра создает в России проамериканскую элиту. Для влиятельной гуманитарной и технической российской интеллигенции гуманизм и наука западного лидера **имеют принципиальное значение**. «Фонд Сороса» (Макартуров, Форда, Наследия, Карнеги и др.) реально *помогли десяткам тысяч* российских ученых, национальной фундаментальной науке. В то же время становится ясным, что *глобализация — это, во многом, и распространение американского влияния, в том числе и культурного*.

В начале XXI века все **активнее** проявляет себя то, что в США получило название *soft power* — идейно-культурное воздействие на внешний мир. Америка может достичь желаемых результатов в мировой политике вследствие того, что другие страны хотят следовать по ее пути, подражать ей, восхищаются ее ценностями, стремятся подражать ее примеру, достичь уровня процветания и открытости этой страны. Это обстоятельство столь же важно для достижения целей в мировой политике, как и использование вооруженных сил или экономического давления. Необходимо кооптировать народы, а не грубо принуждать их — полагают американские идеологи. Особенно это американское влияние сказывается в России в двух столицах, среди либеральных слоев общества. Но Россией из американского опыта берется не все и не всегда лучшее. А Америка смотрит на Россию перфекционистски (желая исправить) и прагматически (желая использовать). В этом — **один из главных источников противоречий между нашими странами**.

Таким образом, **прогнозируемые американскими аналитиками тенденции российской политики после 2008 года** в значительной мере представляются продолжением нынешних. Во внутривнутриполитическом аспекте они являются обращением к модели Московии, во внешнеполитическом — многосторонностью, намерением сохранить хорошие отношения с США, **поддерживать и развивать** сотрудничество с Китаем и Западной Европой, **дабы** избежать изоляционизма.

Не поддержанная «новым планом Маршалла» и вернувшаяся к своим давним историческим традициям, Россия на этом пути ищет свою судьбу, в которой бы воплотились многие черты недостроенного ею демократического проекта. Мы имеем дело с национальным способом строительства демократии и поисками достойного места в мире и в глобальной экономике.

Часть третья

ЧЕТЫРЕ ЗОНЫ ОДНОГО МИРА

Глава 19

МНОГОПОЛЮСНЫЙ МИР

Осуществлять гегемонию в современном пестром мире не просто. Государства неравновелики, соответственно разнится степень их влияния. Из примерно 200 современных государств 87 населены менее чем 5 млн. человек, 58 государств насчитывают менее 2,5 млн., а 35 государств — менее полумиллиона⁹³⁰. Может ли суверенный атолл Науру с населением 8 тыс. человек быть равным странам с многомиллионным населением? А движение за национальное самоопределение ставит вопрос уже о нескольких тысячах (!) новых субъектов мировой политики⁹³¹. Это дробление ослабляет основную массу государств — кроме самых мощных, которые получают шанс снова войти в воды мировой политики.

Статичная жизнь отдельного человека и человечества в целом закончена. Годы и века стагнации ушли в прошлое. А ведь совсем недавно человечеству понадобилось само понятие прогресс — так монотонно развивалась экономика и все прочие виды человеческой деятельности, что изменения были видны лишь отдельным острым умам. Они-то и придали *прогрессу* постоянно ускоряющийся характер. Политически мотивированный доступ таких стран, как Япония, Южная Корея и особенно Китай, обрушила окончательно европоцентрический мир.

Через четверть века центр мировой экономической мощи окончательно сместится с Севера и Запада на Юг и Восток, вслед за чем последует перемещение культурного влияния.

Телевизионная «Аль-Джазира» — лишь вершина процесса, который говорит о том, что мир начинает смотреть на основные процессы *собственными* глазами, а не при помощи средств массовой информации Запада. Фабрика грез у индийского Мумбая имеет все шансы стать самым массовым производителем фильмов, открывая дорогу и другим старым цивилизациям.

По оценке лондонского «Экономиста», США до 2025 г. сохранят свое первенство в мире: 21,1 трлн. дол. против 15,2 трлн. у Китая. Третье место будет занимать Япония (6,7 трлн. дол.), за которой будет следовать Индия — 6,4 трлн.. Затем Германия (4,1 трлн.), Британия (3,3 трлн. дол.), — а далее — **Россия — 2,7 трлн. дол.** (затем Бразилия, Франция, Индонезия, Южная Корея, Италия). Видно очевидное относительное падение Европы. Европейский союз с 25 членами опустится с 31 процента мирового ВВП в 2006 г. до 24 процентов в 2026 году.⁹³²

Происходящее нынче в мире позволяет говорить об особенном характере перехода от однополярной системы к многополярной. Четверти века, видимо, будет достаточно для возникновения, как минимум, четырех полюсов. Две разделительные линии (Север-Юг и Восток-Запад будут границами между демократиями и автократиями; между странами, устремленными к равновесию силы, и государствами, которые хотят строить геополитику, используя международные институты и международное право.

Соединенным Штатам, при всем их могуществе, не удалось создать такого мирового порядка, который делал бы предпочтительной благожелательную гегемонию и обесценивал бы интерес нескольких очевидных претендентов на владение собственной сферой влияния. В частности, «отношения США в области безопасности с Россией и Китаем не обнадеживают. Обнажились серьезные разногласия с Россией по поводу расширения НАТО, противоракетной обороны, распространения средств массового поражения, каспийской нефти. Очевидны трения с Китаем по поводу Тайваня, Тибета, гражданских прав, средств массового поражения, распространения ядерного оружия, регионального ПРО, шпионажа и экономической политики. Война между НАТО и Сербией, бомбардировка китайского посольства в Белграде и даже концепция «гуманитарной интер-

венции» усилили существующие противоречия»⁹³³. В мировой эволюции обнажились серьезные противоречия, по многим параметрам не совпадающие с желательным в Америке развитием событий.

Реализм требует критически подойти к объединяющим началам и по достоинству оценить факторы разъединения, своекорыстия, эгоистической самососредоточенности государств. Даже адепты глобализации признают, что граждане готовы умереть за свою страну, но не за свою корпорацию. Именно суверенное государство может защитить свою легитимность и влияние, а это значит, что сильные государства постараются отстоять роль региональных центров. Государства, претендующие на «свой полюс», не откажутся от усилий по выходу из-под крыла любого опекуна — таков урок новейшей истории.

Критические умы даже в США приходят к выводу: «Если ни мировое правительство, ни возглавляемая Америкой система обеспечения безопасности не способны дать достойные гарантии, тогда международный мир должен стать предметом совместной ответственности небольшой группы государств, каждое из которых возьмет на себя обязательство поддерживать мир в подведомственном регионе»⁹³⁴. Немалое число аналитиков соглашаются с американским политологом П. Тейлором, который видит в будущем «мозаику национальных экономик, остающуюся основой мира вопреки массивной глобализации не в меньшей степени, чем при Адаме Смите и Дэвиде Рикардо»⁹³⁵. Как пишет видный американский политолог К. Уолте, «всем, кроме жертв близорукости, на горизонте видна многополярность... Более слабые государства системы будут стремиться восстановить баланс, повернуть систему к биполярное™ и многополярности»⁹³⁶.

Аналитики английского журнала «Экономист» считают, что к середине будущего века ситуация будет напоминать существовавшую до начала холодной войны и мощь будет распределена по политической карте мира более равномерно, чем ныне.

Способность обеспечить гарантированный ответный ядерный удар начала служить сдерживающим средством против самых могучих держав. Великий упрости́тель — ядерное оружие — предлагает крупным государствам шанс возвращения к статусу мировых центров. Формированию многополюсного мира будет

содействовать распространению средств массового поражения (СМП), прежде всего ядерного оружия (освобождающего от необходимости в создании дорогостоящих армий и флотов). Политическая структура многополюсного или полицентричного мира будет состоять, полагают многие эксперты, из «автономных центров, обладающих собственной, отчетливо выраженной культурой, имеющих собственный арсенал ядерного оружия и космические системы, ... Каждый из центров обзаведется собственной сферой влияния. Это будет вариант, близкий к классическому типу баланса сил»⁹³⁷. Конкретной реализацией этого процесса является становление трех блоков: *Европейского союза, Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА) и восточно азиатской группировки*. Скажем, Массачусетский технологический институт предсказывает формирование «трехполюсного мира, основанием которого являются Япония, Европейский Союз и Соединенные Штаты»⁹³⁸. Другая группа аналитиков: «Азия, Европа и обе Америки возникнут как региональные экономические блоки соответственно во главе с Японией, Германией и Соединенными Штатами. Остальной мир во все возрастающей степени будет зависеть от этих трех ключевых регионов в плане технологического развития»⁹³⁹.

Прорицатели многополярного мира видят к середине XXI века сообщество титанов. Канцлер ФРГ Коль говорил в Лувэне в 1996 году о мире трех примерно равных по силам блоков — Соединенные Штаты, Восточная Азия, Европейский союз. «Его (канцлера Коля. — А. У.) политические наследники едва ли настроены миролюбивее и дружественнее»⁹⁴⁰.

Немалое число аналитиков не верят в наднациональные объединения типа Европейского союза. Они полагают, что к глобальному возвышению, помимо США, пойдут суверенные государства, прежде всего *Китай*⁹⁴¹. «Еще четырем претендентами на роль великих держав являются: *Европа*, если она решит отойти от Америки и увеличить вдвое-втрое свои военные расходы на создание вооруженных сил, равных американским; *Россия*, если китайское давление не бросит ее в объятия Запада; *Япония*, если она выйдет из-под защиты Америки и готова будет соревноваться с Китаем; и, возможно, *Индия*»⁹⁴².

Ряд футурологов призывают учитывать возрастающую роль Азии в глобальной экономике и особо выделяют Японию,

Китай и Индию. В руках этих стран возможности, которые европейский ум еще с трудом постигает. Другая группа футурологов дает шанс ведущим европейским странам. «В очень недалеком будущем, скажем, в течение ближайших 10—20 лет,— пишет американский исследователь К. Уолте,— три политические силы могут вырасти до статуса великих держав — Германия или сформировавшееся Западноевропейское государство, Япония и Китай»⁹⁴³. Классик современной политологии С. Хантингтон предсказывает выявление трех уровней стран: американская мировая сверхдержава — главные региональные державы (Бразилия, Индия, Южная Африка, Нигерия, Иран, Китай и, возможно, Япония, Россия, Франция, Германия) — второстепенные региональные державы (Аргентина, Пакистан, Южная Корея, Украина, Британия)⁹⁴⁴.

Признавая огромную значимость Соединенных Штатов как колоссального инвестора, торгового партнера и стратегического гиганта, эти страны желают утверждения своей независимой роли. Этому может послужить укрепление связей между собой, интенсификация торговых отношений внутри своих регионов, укрепление связей с другими регионами. Отдавая дань реализму американских политологов, нужно подчеркнуть, что они ощущают «холод отчуждения» союзников и не придают особого значения декларациям относительно «стратегического партнерства», «специального статуса» этих стран в мировидении Америки. Так, республиканский теоретик Р. Зеллик указывает, что «ни Китай, ни Россия не являются «стратегическими партнерами» Соединенных Штатов... Эти две великие державы, чье будущее столь неопределенно, находятся в напряженных или потенциально напряженных отношениях с США, и эти отношения становятся все более жесткими»⁹⁴⁵.

Об объединенном потенциале Европы мы говорили в предшествующей главе. Но и отдельные крупные европейские страны имеют ресурсы усилить свою значимость в качестве независимых центров.

Франция. Такие страны, как Франция (ВВП в 2006 году — два и двадцать восемь сотых триллиона долларов и население 61 млн. человек), традиционно подчеркивают свое противостояние Америке. Французы — признанные противники междуна-

родной системы, держащейся на всемогуществе единственной *гипердержавы*. Париж готов участвовать в формировании контрбаланса. Биограф цитирует слова французского президента Ф. Миттерана: «Возможно, не все население Франции знает это, но мы находимся в состоянии войны с Америкой. Да, постоянной войны, войны не на жизнь, а на смерть, экономической войны, войны без конца. Да, они очень сильны, эти американцы, они поглощают все, они желают иметь неразделяемую ни с кем власть над миром»⁹⁴⁶. Подобные же идеи выражал многолетний премьер Лионель Жоспен. Президент Ж. Ширак превозносит будущую победу «европейских ценностей» над идеологией американского консерватизма.

Прежний министр иностранных дел Франции Юбер Ведрин назвал Соединенные Штаты «гипердержавой» и огласил готовность своей страны стремиться к созданию надежного контрбаланса. Необходимость движения к нему Ведрин назвал «самоочевидной аксиомой»: «Не имея сдерживающего противовеса, Соединенные Штаты испытывают искушение проявлять себя гегемоном. Политика Франции заключается в том, чтобы способствовать созданию нескольких полюсов, способных обеспечить равновесие»¹¹⁴⁷.

Внутри страны в предстоящие годы грядет борьба между возглавляющим правый Центр аристократом Домиником де Вильпеном и намеренным возглавить левый центр Николя Саркози. Победитель станет наследником президента Ширака. Правые во Франции намерены осуществить программу *приватизации*.

Франция является лидером сил, борющихся против глобализации, ставя вопрос так: «англосаксонская глобализация» против сохранения национальных и культурных ценностей. Выражая подспудные страхи, пожелания и опасения других стран, политика Парижа воздействует на европейскую интеграцию и на международное антиглобализационное движение. Французы говорят не о потенциальных жертвах системы свободной торговли, не о компаниях, теряющих значение в мировом соревновании, а о глобальных заботах — защите окружающей среды, демократии, гражданских прав и культуры: глобализация отвратительна тем, что убивает само основание

претензий Франции на существование в качестве одного из мировых центров — на уникальную французскую культуру. Наиболее влиятельная французская газета «Монд» подчеркивает, что «красные и желтые цвета «Макдоналдса» являются новым вариантом звездно-полосатого американского знамени, чья торговая гегемония угрожает сельскому хозяйству и чья культурная гегемония сокрушает все на своем пути, даже манеру питаться, — священные черты французской идентичности»⁹⁴⁸.

Защита подобных идей, пишет французская исследовательница, «дает Франции возможность найти новую мировую роль в качестве лидера оппозиции глобализации. Поступая таким образом, Франция провозглашает себя защитником развивающегося мира. Французские интеллектуалы, ученые и политики с готовностью указывают на возрастающее неравенство богатых и бедных стран как побочный продукт глобализации и постоянно повторяют, что у Франции есть священная обязанность бороться с этими тенденциями ради наиболее обездоленных нашей планеты»⁹⁴⁹. В результате Франция получает пояс государств-последователей помимо традиционного круга стран-франкофонов.

Париж теперь уже изнутри военной организации НАТО — и частично поддерживаемый гласно и негласно Федеративной Республикой Германией — стремится подготовить переход от натовского единоначалия. Франция — как в старые голлистские времена — выступила главным выразителем западноевропейских интересов. «Франция, — полагают эксперты британской палаты общин, — придерживается той точки зрения, что формирование европейской оборонной идентичности должно быть независимым процессом, а не шагом в укреплении трансатлантического союза»⁹⁵⁰. Усилиями президента Ширака, показавшего прямое противодействие американцам, была сделана оговорка о «североатлантическом характере» НАТО, что снизило декларативную значимость объявления Североатлантическим союзом своего выхода за пределы традиционной географически ограниченной зоны. Президент Ширак «зарезервировал» возможность потенциального развития Западноевропейского союза как вооруженной организации Европейского союза. Главное, он отстоял возможность в гипотетическом будущем

заменить американский контингент в западноевропейском регионе для решения сугубо европейских дел.

Франция стремится положить серьезное основание под подобные геополитические схемы. В XXI веке она будет продолжать развитие стратегической триады. Военный бюджет страны в 2000 году составил 27 млрд. дол. Министр обороны А. Ришар предложил соседним европейским странам расходовать на капитальное военное строительство 0,7% от ВВП, что предусматривает значительное военное укрепление региона⁹⁵¹.

Британия. Британское правительство, очевидным образом опасаясь германской гегемонии в Европе, прежде традиционно стремилось сохранить привилегированные отношения с США, выступая в роли наиболее преданного и эффективного американского союзника в Европе. И в новые времена англичане поддерживали фиксирование новой, «над-ооновской роли» Североатлантического союза, глобальное распространение его функции. Они не бросались на защиту интересов европейской половины блока, не предлагали своих проектов создания механизмов сдерживания американского влияния в Европе. Более того, они явственно выразили нежелание «рассоединения» двух частей НАТО, нежелание ухода американцев (особенно из Германии). И, конечно же, безоговорочно и действительно поддерживали балканскую политику Вашингтона.

Но ветер перемен задул и в британские паруса. Британское самоутверждение базируется на двухпартийной основе: лейбористы в Британии сделали определенный крен в направлении западноевропейского центра, а часть антиамерикански настроенных тори выражают свое недовольство «вульгарной Америкой»⁹⁵². Историк Х. Тревор-Ропер и многие другие призывают консолидировать национальные усилия, а не поддаваться давлению сепаратизма, ослабляющего шансы возвышения страны как независимого международного центра. Историк обвинил премьер-министра Т. Блэра в том, что тот «не интересуется историей». Временами кажется, что он готов пустить по ветру историю последних 300 лет, представивших конструктивную альтернативу европейской централизации власти. Союз с Шотландией, который он расторгает, является частью пересмотра нашей кон-

ституции. Обе перемены более важны по своим последствиям, чем он себе представляет»⁹⁵³.

Британия — с населением 60 млн. человек — имеет валовой внутренний продукт 2 и 34 сотых триллиона долларов. Она стремится набрать вес за счет денационализации и поощрения частного сектора.

Новые лейбористы стараются компенсировать национальную мощь более самостоятельной политикой. Пришедшие к власти в Лондоне в 1997 году лейбористы сразу же показали иной подход к проблеме на саммите ЕС в Портшахе (Австрия) в октябре 1998 года — упрекнули своих коллег в том, что их внешняя и оборонная политика отмечена «слабостью и смятением» и поэтому «неприемлема». Блэр начал говорить о нескольких возможных вариантах будущего развития Западно-европейского союза как военного крыла ЕС. Британский премьер к удивлению многих начал настаивать на создании современных и гибко действующих европейских вооруженных сил. Перемена в британской позиции подстегнула французов.

Выступая в Королевском военном институте, премьер-министр Блэр призвал Европейский союз к собственным европейским усилиям, чтобы быть готовым к вызовам XXI века. Британия также настороженно относится к процессу расширения НАТО и требует того, чтобы между первой волной вступлений и последующими состоялась пауза, которая позволит установить степень «усвояемости» новых членов.

Британия расходует в мирное время на военные нужды 589 дол. на жителя страны при общем уровне ЕС в 333 доллара (США — 1016 дол.). Доля расходов на собственно вооружения одна из самых высоких в Европе — 39,6% военного бюджета⁹⁵⁴. Она содержит современные ядерные подводные лодки и хорошо подготовленную армию. О движении в этом направлении говорит новое желание Британии возглавить формирование коллективной военной политики, признание в Европе своего отставания в военной сфере — что ярче прочего продемонстрировала югославская операция. Бывший военный министр в британском консервативном кабинете М. Портильо видит в тяге к Европейскому политическому союзу политику, которая «в лучшем случае является не-американской и совершенно воз-

можно станет антиамериканской»⁹⁵⁵. Но Британию «извиняет» ее роль наиболее верного союзника Америки в Ираке.

Германия. Прежнее особое политическое положение Франции как основного мотора западноевропейского развития, как «первой среди равных» теперь переходит к Германии, чей ВВП достиг 3 трлн. дол. в 2006 г. Она получает уникальный исторический шанс. «Впервые,— справедливо указывает Дж. Ньюхауз,— Германия окружена ориентирующимися на нее соседями и рынками. С Австрией, большинством скандинавских стран, вошедших в ЕС, и с Бенилюксом, уже входящим в Европейский союз, Германия находится в центре неформальной, но отчетливо обозначившейся группы стран; Бонн желает расширить границы этого блока на восток, чтобы включить в него государства Центральной Европы»⁴⁵⁶.

Для реализации объединительных программ ЕС необходим лидер. Европейцы начинают смотреть на эффективную Германию как на такого регионального координатора. В определенном смысле Европейский союз все больше возглавляется социал-демократической Германией, заручившейся отчасти вынужденной поддержкой французов и англичан. Некоторые специалисты в отношении ЕС уже говорят: «Куда пойдет Германия, туда пойдет и Европа». Сами немцы подчеркивают, что география и история поместили ее в центр европейского развития» (любимое выражение бывшего министра иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншера). На новой приливной волне интеграции германская мощь характеризуется в русле идеи, что «в мире будущего не азиатский блок, а Великая Европа, ведомая Германией, объединяющая высокую технологию Западной Европы с высококвалифицированной рабочей силой посткоммунистического Востока, будет главным экономическим блоком мира»⁹⁵⁷. Британский дипломат признает: «Если вы спросите в любой европейской стране, какие связи являются для данной страны самыми важными, ответом неизменно будет — с Германией, хотя и сказано это нередко будет сквозь зубы»^{95*}.

Уход России из Восточной Европы открыл обширный политический вакуум, в который продолжает входить крупнейшая индустриальная страна континента, что становится твердым

основанием для лидерства Германии в новой Европе. Берлин действует достаточно осторожно, не желая повторения ошибок прошлого, не желая раньше времени ожесточать европейское окружение, пытаясь выиграть время за счет «скромного» поведения, за счет сговорчивости сегодня. Как говорят некоторые эксперты, Германия хотела бы *смотреть на Восток и видеть Запад*, то есть за счет укрепления позиций в Восточной Европе повысить свою значимость в Западной Европе.

Немецкие политики вырабатывают новую платформу для национального геополитического подъема. В любом практическом смысле связка Париж-Берлин проецируется как основа западноевропейского центра, особенно если речь идет об отношении к трансатлантическому партнеру. При этом отметим смещение акцентов. На этапе от Аденауэра до Коля речь шла о «европеизированной Германии». При канцлере Шредере встает вопрос о «германизированной Европе». В любом случае очевидно смещение западноевропейского центра притяжения от оси «Лондон-Париж» значительно восточнее. Но при этом Франция уже не имеет в своих руках ничего похожего на предвоенную «малую Антанту» (Югославия, Чехословакия, Румыния), ни верной себе предвоенной Польши. Все эти страны, раздробленные и ослабленные, перешли на германскую орбиту. Вектор сил совершенно очевиден, интересы главных игроков разнятся буквально диаметрально: Германия устремлена в Центральную и Восточную Европу, а Франция — на Магриб. В противовес французам немцы говорят, что их Алжир лежит на востоке Европы.

Руководство Христианско-демократического союза Германии предупредило французов: *«Никогда более не должна повториться ситуация с дестабилизирующим вакуумом власти в Центральной Европе. Если европейская интеграция не поможет, то у Германии появится искушение создать собственные инструменты безопасности для стабилизации Восточной Европы»*⁴. Это довольно старые аргументы, много раз использованные в XX веке: Германия должна быть щитом Запада на европейском Востоке, а для этого она должна возглавить блок центрально- и восточноевропейских государств, свою старую «Миттельойропу».

Германские политические круги так определяют значимость валютного союза ЕС: «Введение единой валюты является актом не экономической политики, а проявлением суверенности — стало быть, преимущественно политическим актом. Объединением своих валют Европа избрала автономную дорогу в будущее»⁹⁶⁰. В мае 1999 года Фишер и министр обороны Р. Шарпинг призвали к быстрому развертыванию общих сил ЕС с целью контроля над конфликтами в Европе *даже без участия Соединенных Штатов*. Косовский конфликт, по мнению Фишера, показал необходимость создания таких сил для обеспечения будущего Европы.

Германия, завершающая внутреннее переустройство и впервые так открыто посылающая свои вооруженные силы за прежние натовские пределы, в общем и целом солидаризировалась с Францией, а не с Британией. Канцлер Шредер заявил о том, что *«существует угроза проведения Соединенными Штатами одностороннего курса»*. А тогдашний министр иностранных дел Фишер в американской прессе указал на *«растущую тенденцию в американской политике избегать многосторонних решений, что Европа рассматривает как вызов своей политической власти»*⁹⁶¹. Стало яснее, чем прежде, что можно говорить о германо-французском кондоминиуме в Европе, значительно расходящемся с линией Лондона на привлечение к европейским делам Вашингтона. Германия все еще опасается быть флагманом европеизма, но она уже, в лице канцлера Шредера, выразила свой «легитимный» интерес к западноевропейскому самоуправлению, где видит для себя место лидера.

Увы, деликатная осторожность не является немецкой добродетелью. Самостоятельность Германии в югославском вопросе уже напугала европейцев в 1991 году, когда германское правительство неожиданно признало суверенитет двух тогдашних республик Югославии, что обрекло югославское государство, но обеспечило германское влияние в Словении и Хорватии. Определенное время после словенско-хорватского выпада Г.-Д. Геншера Бонн вел себя сдержанно и инициативой во время кризиса 1993—1994 годов в Боснии владели французы с англичанами, затем передавшие эстафету американцам. Но уже в 1999 году в небе над Югославией появились самолеты люфтваффе.

А германские танки впервые вышли за границы Североатлантического блока — в Македонию. Не подходит ли к концу период германской сдержанности?

Германия пока не заинтересована в сворачивании американского военного присутствия в Европе: ведь тогда экономическая сверхдержава ФРГ будет определенно зависеть от двух европейских военных сверхдержав — Франции и Британии. Бундесвер уже вышел за зону ответственности НАТО, но ФРГ еще ограничена в военном росте. В косовском вопросе канцлер Шредер выступил энергичным союзником американцев. (Не было ли в этом желания показать, кто в Европе держит ключи от Балкан? В США поневоле вспоминают, что это уже третья за столетие активизация Германии на Балканах.)

В Америке особые претензии к Германии касаются оценки роли США в германском объединении. Не забыли ли в Бонне и Берлине, что в 1989—1990 годах именно американская администрация была той опорой, на которую опирались немцы в процессе германского воссоединения, воспринимавшегося в Париже и Лондоне с таким подозрением? *«Это была более чем поддержка. Президент Буш и его советники проявили большое искусство не только защищая дело объединения немцев перед советским президентом Михаилом Горбачевым, но также сумев заручиться его согласием на принятие Большой Германии в качестве интегральной части НАТО. Люди Буша сделали это без дополнительных просьб»*². Париж и Лондон обостренно реагировали на слова президента Буша, что Америка и Германия будут «партнерами по лидерству» (июнь 1989 г.) за четыре месяца до падения Берлинской стены. В Западной Европе остро ощутили опасность возникновения особых американо-германских отношений, в тени которых Париж и Лондон могут играть лишь второстепенную роль.

Но с лета 1991 года утекло много воды. Мир изменился едва ли не радикально. Германское правительство восприняло в «далеких» 1989—1990-х годах американскую поддержку как гарантированную и достаточно быстро позабыло о благодарности. Силою объективных обстоятельств Берлин начал склоняться к более близкому французам самоутверждению. С этого времени относительно малозначительное для США фрондерс-

тво французов приобрело новую, гораздо более значимую силу. Американцам пришлось убедиться, насколько удобнее было управлять Североатлантическим союзом в условиях советской угрозы и разделенной Германии. Соединенным Штатам ничего не остается, кроме как начать процесс адаптации к той новой Европе, где отныне (экономически) главенствует ФРГ. Канцлер Ангела Меркель намерена поддерживать здоровые отношения с Россией.

Президент Буш-мл. как бы «признал» факт германского лидерства, обращаясь прежде всего к Германии, как к главному американскому контрпартнеру в Европе. Германский валовой продукт — 3 трлн. дол. значительно превышает ВВП Франции и Британии. И в Германии уже говорят о том, что процесс «европеизации» Германии завершился, страна встала во главе основных европейских структур. Произойдет ли «германизация» Европы? Невозможно утверждать, что страхи прежних жертв германского динамизма и надежды немцев в данном развитии обстоятельств (когда Центральная и Восточная Европа попадают под немецкое крыло) лишены всяких оснований.

Ряд американских политологов (в частности, Ч. Лейн) обеспокоены тем, что быстрый подъем Германии произведет «ренициализацию» внешней политики в североатлантической зоне и возродит дремлющие германские амбиции. По существу «ренициализация» — это эвфемизм, скрывающий глубокий страх перед отчужденной западноевропейской зоной. Это своего рода благодущие не вечно, и американская сторона будет вынуждена прибегать к угрозам и давлению. Напомним, что в связи с проектом создания постоянного военного трибунала для суда над военными преступниками в июле 1998 года представители американской стороны на переговорах в Риме *впервые* угрожали Германии выводом войск из Европы в случае, если Германия проголосует против создания такого трибунала. Тем не менее Германия присоединилась к абсолютному большинству (133 против 2), не поддержавшему американское предложение.

Япония. В XXI в. на место одного из мировых лидеров будет претендовать Япония — могучий экономический титан, чей ВВП в 2006 году составил 4,9 трлн. дол. В течение полувека она

была самой динамичной страной Азии, главным проводником американского влияния здесь и даже «главной призмой, сквозь которую Соединенные Штаты оценивали свои интересы в регионе»⁹⁶³. 90-е гг. оказались потерянными временем страны, периодом стагнации второй экономики мира. У нее ограниченные природные ресурсы, ее население быстро стареет, способность лидеров организовать национальное могущество не вызывает восхищения.

В официальном японском докладе «Япония в XXI веке» говорится: «Если не произвести решительные перемены, Японию ждет глубокий упадок»⁹⁶⁴. Доклад призвал японцев осуществить перемены, равные по значимости революции Мэйдзи и периоду после Второй мировой войны. Но в первом случае революция уничтожила правящий слой в полтора миллиона самураев, а во втором чистку прошли двести тысяч чиновников. За счет кого собирается обновляться Япония будущего? При этом японские экономические и геополитические стратеги ожидают таких перемен в Азии, которые могут резко усилить уязвимость страны — речь идет о впечатляющем подъеме Китая.

До 1990 года две трети американцев воспринимали Японию как главного претендента на гегемонию в Азии и соперника Америки. Теперь эти страхи ушли в прошлое. В последующие полтора десятилетия значимость Японии уменьшилась значительно. Ныне лишь 45 процентов американцев ныне видят в ней полнокровного конкурента. Но 59% американцев полагают, что в следующем десятилетии Япония восстановит свои позиции⁹⁶⁵. По крайней мере, так было во время революции Мэйдзи и после Второй мировой войны. Каковы основания не верить, что Япония найдет в себе силы подняться в третий за полтора столетия раз?

На данном этапе самые растущие в Японии отрасли идентичны американским — сфера высоких технологий и телекоммуникации. В последней наблюдается ежегодный рост в 12 процентов. У Японии появилась своя Силиконовая долина в токийском районе Шибуйа (по-японски «еще более хорошая долина»). Возможно, Японии понадобятся еще несколько лет, для того чтобы выйти из кризисного ступора. Возможно, новая Япония будет еще более конкурентоспособной, она расширит собственный рынок и бросится на все мировые рынки.

Американские исследователи определяют происходящие ныне в Японии процессы как «тихую революцию». По мнению американской исследовательницы Д. Хелвег, «когда Япония встанет на ноги, она сможет бросить вызов Америке сразу на нескольких фронтах. На экономическом фронте, если высокотехнологичные японские компании возглавят новую волну технологического развития, — к чему они готовятся — они смогут понизить стоимость акций американских лидеров высокой технологии и занять их место... Упрочившая свои позиции Япония в сфере национальной безопасности может оказаться менее склонной следовать за США в Азиатско-Тихоокеанском регионе и повсюду в мире. Если Япония изберет новую политическую линию или найдет новых союзников, Соединенным Штатам придется пересматривать свою военную стратегию в регионе — особенно если Япония пересмотрит свою конституцию и создаст постоянную армию. Азиатские страны будут тогда смотреть не на США, а на Японию»⁹⁶⁶. По авторитетным прогнозам примерно через пять лет японская экономическая машина заработает на полных оборотах.

Япония не замерла в стратегической неподвижности. Ведь вся история страны, особенно после революции Мейдзи, являет собой поток удивительных перемен, неожиданной смены курса, постоянного геополитического лавирования. Японская элита не потеряла самообладания, надеясь на перелом неблагоприятной тенденции. Глава японского концерна «Мацусита» Коносукэ обратился к иностранным менеджерам с такими словами: «Мы собираемся победить, а индустриальный Запад потерпит поражение; и вы ничего не сможете сделать, потому что причины вашего поражения лежат внутри вас. Вы считаете, что правильным является такое положение, когда боссы думают, а рабочие закручивают гайки. Вы считаете сутью менеджеризма получение идей из голов боссов и передачу их в руки рабочих... Для нас же главное — мобилизация и концентрация интеллектуальных ресурсов всех членов фирмы. Умение узкой группы технократов, сколь бы блестящими они ни являлись, не может быть стабильной основой успеха»⁹⁶⁷.

После десятилетней стагнации Япония предпринимает фундаментальные перемены в экономической системе. Изменится

система пожизненного найма на работу, внутренней взаимозависимости компаний, система *кейрецу* в поставках. Растет объем иностранных инвестиций. Структурные барьеры, мешавшие стабилизации отношений Токио с Вашингтоном, начинают ослабевать. Реструктуризация японской экономики делает ее могучим конкурентом прежде всего Соединенных Штатов.

Япония опирается на технологическую и экономическую компетентность и политическое единство. В 2005 г. году премьер-министр Юничиро Коидзуми объявил о том, что «пришло время для Японии начать распространять свои ценности»⁹⁶⁸. Речь идет о самом эффективном защитнике «азиатских ценностей».

Американцы уже отмечают, что для японских политических деятелей стало своего рода рутиной подчеркивать свою автономию от Соединенных Штатов. Немалая часть японских политиков призывают изменить продиктованную американцами конституцию, воздействовать на японскую идентичность (воспринимая ее как мост между Западом и Востоком), постараться найти более весомые рычаги воздействия на Соединенные Штаты, проявить новую активность на форуме ООН, бросить вызов Америке в мировой экономике. Японская пресса была по-своему довольна массовыми выступлениями против США и глобализации в 2000 — 2006 годах. «Асахи Симбун»: «Развитые и развивающиеся страны сказали «нет» Соединенным Штатам, самососредоточенным и слишком гордым собою в качестве единственной сверхдержавы мира»⁹⁶⁹.

Японию трудно назвать пигмеем по военной мощи. Начиная с 80-х годов, у нее *третий* в мире военный бюджет на совершенствование военной машины. И многие американцы, видимо, ошибаются, усматривая в Японии повторение эволюции ФРГ в ходе холодной войны против СССР. Однако, в отличие от ФРГ, Япония — островной архипелаг и не ощущает со стороны Китая такой угрозы, которую усматривали западные немцы в отношении Советского Союза. Японцы видят в Китае прежде всего огромный рынок, а не геостратегическую угрозу. Америке было бы трудно заручиться безоговорочной поддержкой Японии в случае регионального конфликта с Китаем. А если наступят действительно тяжелые времена, Япония скорее сможет воспользоваться имеющимися технологическими возможностями и создать собственную систему стратегической обороны.

Не следует недооценивать японский потенциал. Какие бы сложности ни испытывала «страна восходящего солнца», пишет Д. Каллео, «японцы являются главным экономическим соперником Америки в Азии, и наши общие торговые отношения находятся в состоянии глубокого конфликта уже много лет... Поэтому никого не должно удивлять, если японцы завершат свою эволюцию, имея очень отличные от американских идеи».

Но у развития страны есть *слабые* места. *Во-первых*, Япония, неядерная и не имеющая стратегической глубины, располагается на стыке интересов трех ядерных держав — Соединенных Штатов, Китая и России (а в будущем, возможно, и объединенной ядерной Кореи). Это весьма уязвимая позиция. Окружение Японии — АСЕАН, Китай, обе Кореи — не готово еще забыть страшный опыт японского гегемонизма. Еще очень значимо восприятие японского динамизма как страшной разрушительной силы.

Распространенным становится мнение, что главным препятствием на пути к овладению статусом сверхдержавы или положения регионального превосходства Японии в Азии является *идеологический* барьер. После окончания Второй мировой войны сменявшие друг друга японские правительства не предприняли серьезных и систематических мер по выработке неких общих для азиатских (или мировых) реалий принципов. Видимо, опыт 30—40-х годов произвел неизгладимое впечатление. Англичанин Д. Рэпкин: «Когда вопрос заходит об универсальных нормах, ценностях и главенствующих принципах, которые могли бы служить основаниями будущего мирового порядка, Япония практически никогда не выдвигает искомым положений»⁹⁷⁰. Без приемлемой для геополитического окружения идеологии Японии не поднять свой статус и не выйти на просторы глобальной политики.

Есть и *второе* важное препятствие японскому возвышению. У азиатских партнеров Японии уже возникает насущная потребность «не обидеть Китай» как главную растущую величину. Возникает своего рода соперничество двух азиатских гигантов, и азиатские страны отчетливо понимают, что гегемония одной из них может негативным образом сказаться на их независимости, росте и влиянии. В отсутствие надежных азиатских

союзников Токио не может рассчитывать на повышение своего статуса. Весьма трудно представить себе Токио, дающим гарантии роста, процветания и безопасности своим соседям подобно тому, что обеспечивают США европейским союзникам и Японии в Азии. Токио будет еще долго находиться в тени транстихоокеанского соседа. Мощь Японии в третьем тысячелетии еще долго будет приложением к американской военной машине.

Япония боится военного усиления Китая. Процессы на этом направлении немедленно порождают противодействие. «Все изменилось с передачей Китаю мантии наиболее вероятного противника Соединенных Штатов. Поэтому неудивительно, что Япония становится еще более надежным партнером Соединенных Штатов. Двустороннее соглашение 1997 года укрепило японскую вовлеченность в союз с США в Восточной Азии. Японская элита почувствовала опасность»⁹⁷¹. М. Мошизуке и М. О'Хенлон констатируют: «Японским военным все еще запрещено осуществлять опасные миссии за пределами национальной территории. Новая доктрина по существу направлена на то, чтобы делать еще эффективнее то, что Япония делала и прежде, — действовать совместно с Соединенными Штатами как лидером, при котором Япония реализовывает функцию помощи»⁹⁷².

Пока в отношении Японии в Америке царит оптимизм. Институт мировой политики (Вашингтон) считает, что «в высшей степени маловероятно, что Япония в обозримом будущем будет играть активную роль в военных операциях даже в своем собственном регионе»⁹⁷³. «Заклинания относительно того, что Япония является ключевым двусторонним партнером Соединенных Штатов, не предотвратят ослабления этого союза, который лишен убедительной для обеих сторон миссии и в котором подлинно несущие опасность обязательства и ответственность распределены неравным образом. Лишившись рациональной основы, азиатский баланс сил будет изменен вследствие радикальной перемены в оборонительной политике Японии, которая уже имеет третий в мире военный бюджет»⁹⁷⁴.

Договор 1960 года о взаимном обеспечении безопасности может в относительно короткое время потерять свое глобальное значение, и его поддержка ослабнет в обеих странах. Ее во-

оружейные силы невелики, но они хорошо оснащены, ее оружие современно и совершенно (хотя национальная решимость применить это оружие не впечатляет). Полувековая сдержанность Японии расходится с трехтысячелетней традицией, она не гарантирована.

Японские стратеги уже предчувствуют перемены, грозящие их безопасности, увеличивающие ее уязвимость. В США с трудом мирятся с возможной трансформацией Японии в самоутверждающуюся величину. Р. Менон и У. Вимбуш свидетельствуют, что «американское видение сводится к тому, что Япония заморожена в своей военной сдержанности — что, собственно противоречит японской истории. Эта история со времен революции Мейдзи в 1868 году характеризуется драматичными и скорыми поворотами как внутренней, так и внешней политики, стимулируемыми обычно событиями за пределами японских границ»⁹⁷⁵. Покорная и мирная Япония не всегда будет таковой.

Резонны и сомнения. «Япония, как вторая по величине экономика мира, претендует на глобальное лидерство, не имея стратегических вооруженных сил и, что более важно, политического интереса к происходящему в мире... Она не смогла бы быть глобальным лидером без фундаментальной перестройки своей экономики и общества. Глобальный лидер должен иметь экономику и общество, понятные и доступные для иностранцев. Японская экономика и общество не таковы»⁹⁷⁶. Мощь Японии частично как бы «переместится в другие страны»: к 2010 г. японцы будут вторыми после Германии производителями автомобилей в Европе, первыми (по объему доходов) владельцами гостиничного бизнеса в США. Но главный поток японских капиталовложений устремится в Азию. Япония будет делиться с КНР высокой технологией, помогать России осваивать Сибирь и Дальний Восток. В 1997 году Япония выдвинула идею создания регионального валютного фонда для Азии самостоятельно от МВФ, США и Западной Европы (с целью гарантии от возможных финансовых кризисов)⁹⁷⁷.

Отсюда проистекает стратегический выбор. Союз с Китаем видится логичным — союз быстро стареющей страны, обладающей невероятной по сложности технологией, с молодым полуторамиллиардным континентальным гигантом. Растет убеждение в

том, что Япония почти определенно увеличит свою военную машину и будет играть более значительную военную роль в Азии. Вопрос о безопасности в Азии все больше будет решаться не в Вашингтоне и на Окинаве, а между Пекином и Токио.

Прогнозируется ослабление страны в середине наступающего века. На определенном этапе после 2020 г. Япония несколько повернется от внешнего мира к улучшениям в своем стареющем обществе. Скажется влияние выхода Китая в лидеры региона и неоизоляционизм американцев. Внешняя экономическая экспансия Японии — одно из чудес второй половины XX в. — замедлится. Японцы, помимо прочего, плохо знают иностранные языки. Лишь несколько японских ученых получили Нобелевские премии за новаторские научные достижения. При этом «Япония — чрезвычайно однородное в этническом отношении государство, что создает трудности вовлечения в ее систему — фирмы, университеты — талантливых людей не-японского происхождения»⁹⁷⁸.

Если союз с Китаем покажется в Токио опасным своей зависимостью, тогда рабочим вариантом может стать сближение с Россией, способной также испытать трепет перед китайским ростом. Не исключен и корейский вариант.

Корейский фактор. В то время как мир еще привычно смотрит на Северную Атлантику, история начинает вершиться в прежде богом забытых местах. Не падение Берлинской стены, а детонация пяти индийских атомных зарядов, пакистанские ядерные испытания, запуск северокорейских, иранских, индийских и пакистанских ракет, размещение Китаем ракет среднего и дальнего радиуса напротив Тайваня — вот подлинно значимые в мировом балансе сил явления, не предсказанные никем. Отныне «Азия несогласна на неазиатскую монополию на военные инструменты, необходимые для обеспечения порядка, и она приходит к выводу, что обеспечившие определенное благосостояние страны должны сами защищать свои интересы»⁹⁷⁹.

Даже самые большие скептики соглашаются с тем, что объединение Кореи рано или поздно произойдет. И скорее всего, на условиях Южной Кореи — экономического гиганта Азии (при

населении в 49 млн. человек ее ВВП в 2006 году достиг 900 млрд. дол., среднегодовой прирост за последние годы — 6,1 %). Надобность в американских войсках на юге Кореи отпадет. Данное обстоятельство скажется на японцах — они не захотят быть единственной базой и арсеналом американских войск в Азии. «Если же объединенная Корея станет опираться на китайскую мощь, а Соединенные Штаты станут уходить из данного региона, тогда Япония начнет искать союзников на всех возможных направлениях. Она могла бы вооружить Тайвань, не исключая при этом оснащения ядерным оружием. Или она могла бы искать пути стратегического сближения с Индией как способ обойти Китай с фланга, способ обеспечить безопасность жизненно важных морских путей. Япония может пойти по одному из этих путей, или двигаться по ним одновременно»⁹⁸⁰.

Индия. В 2005 году валовой национальный продукт ставшей миллиардной (по населению) Индии достиг 857 млрд. дол. Прирост населения (ныне 1,8% в год) замедлился (позитивный фактор), а экономический рост — 6,5% в год с 1992 года — усилился очень значительно. Это открывает огромной державе в новом веке новые горизонты. Ее темпы роста обещают обгон старых европейских метрополий. Прогноз ЦРУ обещает ей четвертое место по валовому национальному продукту в мире в 2020 году. Новая ядерная мощь и неожиданный талант в информационном программировании, дешевизна рабочей силы, помноженные на относительную политическую стабильность и массовое применение патентов создают новые перспективы. Выявились необычайные внутренние ресурсы — сообщество талантливых ученых и инженеров, отрасли высокотехнологичного производства вплоть до успешной ракетной программы. Не составляет секрета факт готовности Дели оснастить свои ракеты ядерными боеголовками. Отойдя от идейного наследия Неру относительно самообеспеченности и самодостаточности, Индия готова к выходу на мировую арену.

Появились даже теории, что главной силой страны явилась ее главная слабость: хаотическое смешение народов, языков и

религий предотвратило проявления четко выраженного сепаратизма. Относительная децентрализация политической системы, равно как и этнически-лингвистическая пестрота, привели к спасительной локализованное™ индийских политических и экономических кризисов, не посягающих на всю политическую систему страны в целом. При этом, если раньше критики писали о схожести гетерогенной Индии с габсбургской Австро-Венгрией, то теперь исследователи обращают внимание на ее поразительную устойчивость и стабильность. Ее политическая устойчивость проявила себя в незыблемости страны, несмотря на убийство основателя государства и двух премьер-министров. Процесс распада был успешно сдержан вопреки конфликтам из-за Кашмира и Пенджаба. Армия не воспользовалась возможностью установить господство хунты. Спор за и против превращения хинди в официальный язык страны не расколол Индии.

Индия в XXI веке будет выходить из трехвековой летаргии, она начнет определять свои стратегические потребности. Фокус политического внимания, ранее направленный на внутренние дела, начинает смещаться на внешние пределы. Индия начинает обращать все больше внимания на Персидский залив, Среднюю Азию, Юго-Восточную Азию, Северо-Восточную Азию.

У Индии превосходный опыт взаимодействия с Россией. Россия предоставила Индии два тысячемегаваттных атомных реактора. Российский Главкосмос продал государственной индийской научно-исследовательской организации технологию и некоторые прототипы криогенных ракетных двигателей. Этот трансфер «гарантирует Индии модернизацию ее жидкотопливных ракетных двигателей»⁹⁸¹. По существу Россия готова предоставить Индии любую запрашиваемую технологию. Но в будущем могут произойти осложнения. Индия может увидеть в Центральной Азии рынок для своих товаров — и она постарается перекрыть путь сюда исламскому Пакистану. Усомнившись в Москве и не желая попадать в безусловное китайское влияние, Центральная Азия может плотно опереться на Индию⁹⁸².

Для лидера — Соединенных Штатов — будет трудно совладать с новой индийской реальностью. Индия — номинально крупнейшая демократия мира наказывается за испытание ядерного оружия, в то время как Китай, вопреки всем его внутрен-

ним реальностям, демонстративно называется *стратегическим партнером*. Америка утверждает, что Индия нарушила нормы нераспространения, но эти нормы кодифицированы в *американском*, а не индийском правовом законодательстве. При этом США никак не помогли Индии сформировать соглашение о нераспространении, применимое к Индостану. Придет время, и эти азиатские государства могут припомнить западную обструкцию, непонимание региональных сложностей, подход в области нераспространения — «все или ничего», припомнить, кто мешал им обрести высший военный статус. «Проповедь нераспространения индусам, чья решимость создать ядерное средство сдерживания является и понятной и логичной, — пишут американцы Менон и Вимбуш, — становится для США, стоящих на огромной горе ядерного оружия, просто смехотворной. Американское нежелание воспринять реальность — ив риторике и в политике — ядерной Индии порождает антиамериканские чувства в этой стране и замедляет отход от противостояния»⁹⁸³.

На Западе говорят об возможном ослаблении прежней оси Дели — Москва и о возможной ориентации Дели на Токио. «Индийско-японское согласие имело бы смысл для обеих стран. Такой союз вынудил бы Китай рассредоточить свои военные силы по максимальному периметру, обезопасил бы нефтяные пути из Персидского залива в Северо-Восточную Азию. Тайвань также мог бы стать членом подобной коалиции... Другие страны, обеспокоенные китайским самоутверждением, от Вьетнама до России, могли бы также войти в подобный союз. Но принципиальными главными партнерами были бы Индия и Япония»⁹⁸⁴.

И все же, хотя Индия проявила необычайную стабильность, ей, если в Дели решат увеличить свое воздействие на внешний мир, предстоит еще избавиться от многих препятствий — речь идет о кастовой системе, внутренней концентрации ресурсов, решении продовольственной проблемы, консолидации политических сил вокруг двух полюсов — Индийского национального конгресса и Джаната парти. Бич страны — массовая неграмотность и тормозящая прогресс бюрократия. Индии вредит и наличие «перманентных» проблем, связанных с Пакистаном, Кашмиром, Пенджабом.

СЦЕНАРИИ КАТАСТРОФ

Общая тональность футурологических расчетов будущего, несмотря на феноменальные обещания современной науки, выглядит пессимистичной. Ответственные исследователи не могут игнорировать факторов мировой несправедливости, генерирующей озлобление, иррациональность, жесткую решимость обратиться к силовым рычагам. А порой и простое неумение просчитать ход своих действий на несколько шагов вперед.

В основных сценариях на 30-50 лет вперед нет сигналов о «конце света», но они характерны предсказанием масштабных конфликтов вплоть до мировых войн. *Семь прогнозов* заслуживают особого внимания.

1. Дж. Модельски и У. Томпсон основное внимание обращают на *соперничество из-за земных пространств и невозможных ресурсов*. Еще более важным они считают имперское самоутверждение — стремление лидирующей державы занять позиции гегемона. Это, по их мнению, неизбежно вызовет яростное противодействие⁹⁸⁵. Ближайший кризис породит геополитический подъем Китая и то, как будет воспринято в мире его новое могущество.

2. Дж. Арриги полагает, что *начало упадка мировых лидеров* нанесет удар по мировым фондовым биржам, приведет в хаос мировую торговлю, вызовет деградацию производства, результатом чего будет ужесточение межгосударственных отношений, обострение конкурентного соперничества, грозящее силовым конфликтом между 2030 и 2040 гг.⁹⁸⁶.

3. И. Валлерстайн предвидит *окончание длительного периода экономического роста*, что обусловит социальную поляризацию и сделает безнадежными попытки удержать социальный мир. Всеобщее ожесточение будет связано с яростным неприятием Соединенными Штатами своего относительного ослабления, что приведет к противостоянию США (совместно с Японией и Китаем) и объединенной Европы — вплоть до глобального катаклизма⁹⁸⁷.

4. Дж. Голдстейн объясняет грядущий конфликт *слишком быстрым экономическим развитием*, которое обостряет борьбу за естественные и невозстановимые ресурсы, за земельные пространства. Богатые страны не согласятся на более скудный ресурсный рацион, а бедные найдут способы своей консолидации. И в условиях общего экономического подъема (не спада!) ведущие страны столкнутся между собой примерно в 2030 г.⁹⁸⁸.

5. С. Хантингтон считает *цивилизационные противоречия* принципиальными, практически не поддающимися компромиссу. «Линии соприкосновений цивилизаций станут фронтами будущего». Каждая из цивилизаций имеет глубокий тыл, неиссякаемые сотни миллионов приверженцев, моральную обусловленность жертвенности. Он предвидит ту или иную форму конфронтации Запада против введомой Китаем коалиции китайской и исламской цивилизаций, и даже более широкую конфронтацию «Запада против не-Запада», ведущую к хаосу и конфликту⁹⁸⁹.

6. К. Уолте предвидит *противостояние Запада со всем прочим миром* в условиях растущей многополярности (он видит некий сдерживающий фактор в обладании ядерным оружием, в страхе перед его применением). Конечный конфликт разразится в свете того, что современный международный политический менеджмент, система международных организаций (начиная с ООН), третейский арбитраж неадекватны встающим перед миром проблемам⁹⁹⁰. Как утверждает К. Райе, «для Америки и наших союзников наиболее важной задачей является найти правильный баланс в отношении России и Китая»⁹⁹¹.

7. Х. Макрэй полагает, что довлеющим надо всем является *распространение ядерного оружия*. Мир становится все более опасным местом для жизни «из-за неизбежности несчастных случаев и возможности ядерной войны»⁹⁹². Более четырехсот атомных электростанций и множество других атомных объектов в мире не могут однажды не обнаружить естественной способности человека ошибаться. Мир после 2020 г. будет значительно более опасным. Даже в самом оптимистичном и пригретом историей обществе — американском — 53 процента населения считают, что наступающий XXI век будет еще более кровавым, чем его предшественник⁹⁹³.

Несколько сценариев основываются на столь реалистических предпосылках, что их игнорирование было бы вызовом разуму и осмотрительности. На нашей планете существуют несколько узлов противоречий, способных вызвать колоссальный по масштабам мировой взрыв. Дело и в задействованных в потенциальном конфликте силах, и в исключительной значимости нескольких регионов для общей жизнедеятельности человечества и его отдельных регионов.

Распространение ядерного оружия. Мир молчаливо признает наличие ядерного оружия у Израиля. Не является фантастическим предположение, что Северная Корея может во второй раз (как это она уже делала в 1998 году) запустить баллистическую ракету через территорию Японии в акваторию Тихого океана. На этот раз с ядерной боеголовкой. Не далее корейцев подошел к ядерному оружию Иран.

Вслед за этим сенат США проголосует за развертывание национальной системы противоракетной обороны (НПРО), даже если технические возможности реализации такого замысла еще не будут казаться убедительными. Администрация США объявляет, что возражения России не являются для США препятствием для развертывания системы НПРО. Тогда российское правительство объявляет себя свободным от следования положениям Договора СНВ-2. В результате проблема легальных и практических основ возобновления Договора о нераспространении ядерного оружия остается открытой, поскольку американский Конгресс не принял закон о всеобщем и полном запрещении ядерных испытаний.

Напуганная северокорейскими испытаниями Япония согласится внести свою долю в создание системы противоракетной обороны. В ответ это заставит КНР выступить с предупреждением, что создание Японией или Тайванем такой системы обороны поведет Пекин к ускорению процесса создания наступательных вооружений (располагая некоторыми новыми американскими ядерными секретами, КНР может быстрее миниатюризировать свои боеголовки — решающий шаг на пути создания мировированных боеголовок — когда одна общая боеголовка может нести несколько строго индивидуально на-

правленных ядерных боезарядов, что фактически обесценивает систему противоракетной обороны). Эта угроза будет более чем ощутима в Индии, работающей над созданием баллистических ракет дальнего радиуса действия. Бумеранг делает полный оборот: конгресс США теперь уже будет полностью уверен в необходимости создания НПРО. Так малый запуск очень бедной страной ракеты сомнительного качества может привести в действие силы, изменяющие весь мировой баланс. Станет еще более ясно, что ядерная эскалация сейчас касается всего мирового сообщества, а не только двух-трех его членов. И кризис может инициировать далеко не самый мощный его член. По словам американца Джонатана Шелла, «любое развитие ядерного оружия или систем его доставки создает давление, ощущаемое повсюду в том, что является сейчас глобальной сетью действий и противодействий»⁹⁹⁴.

Блокада Персидского залива. Одним из критически важных регионов является Персидский залив. Природа распорядилась так, что в его недрах и недрах прибрежных стран находится треть главного энергоносителя Земли — нефти. Государство, которое перекроет соединяющий Персидский залив с Индийским океаном Ормузский пролив, будет обладать контролем над жизнедеятельностью двух наиболее развитых регионов Земли — Западной Европы и Восточной Азии. Со времени перехода своих дредноутов на жидкое топливо этот пролив контролировала Британия. Выйдя на орбиту глобального всемогущества, Америка с 1947 года разместила здесь свои значительные силы, косвенно получив контроль над физическим развитием двух вышеназванных регионов.

Соединенные Штаты строили свое преобладание в Персидском заливе (или просто *Заливе* — всем понятное геостратегическое сокращение), опираясь на два крупнейших прибрежных государства — Иран и Саудовскую Аравию. Оба стратегических союзника Америки в Персидском заливе были оснащены почти исключительно американским оружием, военная элита обеих стран получила образование в американских военных училищах. Но революция 1979 года в Иране подорвала эту схему, Иран превратился во враждебное США государство, и с тех

пор господство над Ормузским проливом находится в пределах удара недовольной существующим положением силы.

На Иран приходится 9% мировых разведанных запасов нефти и 15% газа⁹⁹⁵. Иран имеет претензии к Катару, он осваивает спорный остров Абу-Муса, ищет нефть на шельфе Персидского залива. Параллельно происходит быстрое и значительное военное усиление Ирана. С 4,7 млрд. дол. в 1997 году иранские военные расходы выросли до 5,8 млрд. дол. (последние известные цифры военных расходов) в 1998 году — рост на 23% за год и утроение военных расходов с 1990 года. В начале XXI века Иран будет осуществлять пятнадцатилетнюю программу перевооружения с особым упором на военно-воздушные силы. Вооруженные силы страны увеличились с 350 тысяч в 1988 году до 545 тысяч в 1999 году (плюс 350 тысяч революционных гвардейцев и резервистов)⁹⁹⁶. Иран ежегодно выделяет 2 млрд. дол. на закупку новейших вооружений, стремясь превратиться в безусловно крупнейшую силу Залива. За последние пятнадцать лет XX века он уже израсходовал примерно 40 миллиардов долларов на закупки оружия. Сделки с Россией предполагают закупку двухсот современных истребителей (МиГ-29, Су-24, Су-22), пятисот танков, трех подводных лодок, патрульных торпедных кораблей.

Не меньшую значимость имеет сотрудничество Ирана с Китаем в области ядерной энергии, в ходе которого китайская сторона поставит 300-мегаваттный реактор. (Иранская ядерная программа началась еще в 1974 году, когда шах решил построить двадцать три атомных реактора. Новое революционное правительство выделило на эти цели 6 млрд. дол.⁹⁹⁷.) Иран сотрудничает в этой сфере с Россией, Китаем, Северной Кореей, Пакистаном, Аргентиной, Бразилией. Пентагон полагает, что Иран получает усовершенствованные радары, навигационные приборы, высокоскоростные компьютеры, реактивные моторы — технику *двойного* назначения. Согласно западным источникам, Иран в новом веке вскоре испытает ядерное устройство⁹⁹⁸. Особую значимость иранским закупкам придает приобретение подводных лодок и дальней авиации, грозящей авианосцам — явный прицел на контроль в будущем над Ормузским проливом. Именно здесь может разразиться один из наиболее острых

кризисов начала XXI века. Ведь здесь Ирану противостоят США, провозгласившие себя гарантом региона и пролива, предоставляя ядерный зонтик местным режимам.

Стоя на страже Ормуза, США предложили соседним странам (ни одного демократического режима) программу из четырех пунктов: 1) создать общее военное планирование; 2) укрепить военные связи с США; 3) обеспечить американское военное присутствие в регионе; 4) привлечь в регион таких своих союзников, как Британия и Франция⁹⁹. Здесь, на подходе к Ормузу, будет находиться одна из самых болевых точек двадцать первого века. Кризис в Заливе немедленно выплеснется в мировой экономический (нефть) и политический кризис, где арабский мир будет расколот в своем отношении к США.

Наиболее вероятный сценарий глобальной войны. Сценариев немало, но широкую известность получили лишь некоторые из них. Приведем созданный бывшим директором Отдела планирования госдепартамента, известным политологом из Гарварда С. Хантингтоном. Главным источником, наиболее опасной причиной будущего конфликта является, по его мнению, «меняющийся баланс мощи между различными цивилизациями и главными государствами, представляющими различные цивилизации. Если современные тенденции продолжатся, подъем Китая и его растущее самоутверждение окажут колоссальное воздействие на международную ситуацию в двадцать первом веке.

Интересы США и КНР в XXI веке явственно вступят в противоречие. Как может начаться конфликт? Хантингтон предлагает представить себе 2010 год. Американские войска выведены из уже объединившейся Кореи, и контингент американских войск в Японии значительно сокращен. Тайвань и континентальный Китай нашли взаимоприемлемый компромисс, когда *де-факто* независимый Тайвань признал верховенство Пекина и с его помощью принят в Организацию Объединенных Наций по модели Украины и Беларуси советского времени. Конфликт начался после открытия в Южно-Китайском море американской компанией нефтяных месторождений — частично на территории, находящейся под юрисдикцией Китая, частично под

вьетнамской юрисдикцией. Ощущая свое новоприобретенное могущество, Китай объявил всю найденную нефть своей собственностью.

Протест Вьетнама привел к столкновению военно-морских судов двух стран. Помнящие об унижении 1979 года, китайцы начали вторжение во Вьетнам с севера. Вьетнам в отчаянии обратился к мировому гегемону. Китайцы предупредили американцев от опрометчивых действий. Происходящее привело в трепет Японию и другие страны региона. Тем не менее Вашингтон серьезно воспринял просьбу Ханоя и заявил, что не может спокойно воспринять завоевание Вьетнама китайцами. США ввели санкции против Китая и ввели военно-морские суда (авианосную группу) в Южно-Китайское море. Китай квалифицировал этот шаг как нарушение китайского суверенитета и нанес удар по американским кораблям. Попытки Генерального секретаря ООН и японского премьер-министра объявить перемирие ни к чему ни привели. Боевые действия начали распространяться на всю Восточную Азию. В панике от возможности быть втянутой в смертоносный конфликт Япония запретила США использовать американские базы на японской территории для нанесения ударов по Китаю. Но США игнорировали это запрещение, и Япония объявила о карантине вокруг американских баз на японской территории. Китайские подводные лодки, действуя с баз на континентальном Китае и с Тайваня, нанесли серьезные удары по Седьмому флоту США. В то же время сухопутные силы Китая прорвались в Ханой и захватили значительную часть Вьетнама.

На этом этапе образовалась пауза: обе великие державы обладали способностью уничтожить друг друга, но борьба грозила взаимоуничтожением. В США начали задавать вопрос, стоит ли рисковать существованием страны ради нескольких островов в неведомом море? Особенно сильным был протест испаноязычной общины страны. Возникло движение «Это не наша война» и желание Юго-Запада страны избежать участия в боевых действиях, подобно тому, как того желала Новая Англия в войне 1812 года. Настроения в пользу начала переговоров начали крепнуть.

Но мир не стоял на месте, и в экстренной ситуации новые процессы пришли в движение. Пользуясь «связанностью» ки-

тайских рук, Индия нанесла сокрушающий удар по Пакистану, стремясь полностью парализовать его ядерный потенциал. Общие угрозы оживили союзнические отношения между Китаем, Пакистаном и Ираном. Последний пришел на помощь Пакистану, и индийские войска начали отступать, сдерживая восстания меньшинств за спиной своих войск. Тем временем пример Китая воодушевил антиамериканские силы в мусульманском мире, исламские лидеры в арабских странах и в Турции начали теснить прозападных политических деятелей и заставили свои правительства выступить против Израиля, чему ослабленный Шестой флот США не смог воспрепятствовать.

Китай предложил России заключить пакт о взаимной безопасности, но на Москву усиление Китая в Азии произвело впечатление, противоположное произведенному на Японию, — здесь устрашили китая гегемонии в Азии. Москва начала усиливать свои войска в Сибири и на Дальнем Востоке. Тогда Китай оккупировал Владивосток и долину Амура, после чего начались затяжные бои в Восточной Сибири. В захваченной китацами Монголии началось антикитайское восстание.

Вставший на сторону Китая мусульманский мир обеспечил снабжение Китая и Японии из Персидского залива через Индонезию нефтью. А Запад оказался чрезвычайно зависимым от нефти из России, Закавказья и Центральной Азии, что обеспечило западные симпатии России. Америка обратилась к Западной Европе с критическим призывом о помощи. Чтобы запугать западноевропейцев, Китай и Иран тайно разместили в Боснии и Алжире ракеты промежуточного радиуса действия, способные нести ядерные боеголовки, и предупредили западноевропейские столицы, что их ждет в случае присоединения к США в данном конфликте. (Тем временем Хорватия и Сербия вторглись в Боснию и поделили ее между собой.)

Итак, США, Западная Европа, Россия и Индия оказались ввергнутыми в глобальный конфликт против Китая, Японии и большинства исламского мира. Обе стороны имели ядерное оружие и полагались на понимание противником того, что его применение самоубийственно. Оставалось рассчитывать на обычные вооруженные силы, и в этом отношении Россия была бесценным союзником для Запада в свете ее потенциала — и

особенно протяженной общей границы с Китаем, позволявшей Западу начать наступление с западного направления. С целью сохранения российского контроля над центральноазиатской нефтью и газом, сохранения возможности помочь антикитайским повстанцам в Тибете и Синьцзян-Уйгурском районе и приобретения мощного союзника Совет НАТО приветствовал вступление России в свои ряды. Наметилось движение российско-натовской коалиции через Восточную Сибирь и Великую Китайскую стену на Пекин, Маньчжурию и весь китайский хинтерланд.

Каким бы ни был итог этого великого столкновения, выигравшей стороной будут те цивилизации, которые сумеют удержаться от грандиозных потерь и разрушений. Речь идет об Индии, Латинской Америке, Индонезии. В Америке резко ослабнет влияние обвиняемых всеми белых англосаксов-протестантов. В целом глобальный центр мощи сместится на Юг, где резко усилившаяся Индонезия начала противостоять от Новой Зеландии до Шри Ланки восстанавливающему свои силы Китаю. Конфликт на вторую половину XXI века — противостояние Индии и Китая.

Все может показаться фантастическим в этом сценарии¹⁰⁰⁰, но каждое из отдельно взятых действий фантастическим не является. Для США подобное поведение представлялось бы *абсолютно необходимым* как для глобального гегемона и стража международного порядка: поддержание мировых правовых норм, противостояние агрессии, сохранение свободы морей, сохранение свободы подхода к источникам энергии, предотвращение доминирования в Восточной Азии одной державы. С точки зрения Китая, силовое противостояние необходимо в случае с *нетерпимым* поведением в *его* регионе далеко отстоящей державы, самопровозгласившей себя мировым стражем закона и порядка, отрицающей за Китаем права на решение проблем в собственной сфере влияния, самоправно отрицающей за Китаем роль великой державы в мировых делах. По мнению С. Хантингтона, «в наступающей эре избежание межцивилизационных войн требует от центровых государств воздержания от вмешательства во внутренние конфликты других цивилизаций. Эту истину некоторым государствам, особенно Соединенным Шта-

там, будет трудно воспринять. Но только это *правило отстояния* от конфликтов в других цивилизациях будет первым правилом сохранения мира в многоцивилизационном, многополярном мире. Вторым правилом явится *совместное рассмотрение* между центровыми государствами разных цивилизаций спорных вопросов на границах между ними... Признание этих правил и в целом мира, характерного большим равенством между цивилизациями, не будет простым делом для Запада»¹⁰⁰¹.

«Американская эра» закончится (прогноз германских ученых). Процесс миросистемных изменений после Второй мировой войны можно условно разделить на три этапа. На первом этапе — 1945-й — начало 1970-х — в миросистеме установилась беспспорная гегемония США. На втором — 1970—2000-е годы — Америка стала сдавать позиции лидера, но происходило это постепенно вследствие попыток США замедлить данный процесс и минимизировать ущерб от экономического спада. На третьем этапе — в 2001-2025 годах — США попытаются восстановить былое величие посредством более независимой и агрессивной политики, которая тем не менее обернется против них, ускоряя и усугубляя падение их мирового авторитета.

Америка-2025. Новая внешняя политика, проводимая Бушем-младшим, ускорила падение мирового авторитета США, а не замедлила его, как предполагалось. В миросистеме произошло неструктурированное многостороннее разделение геополитических сил. Основными центрами власти стали США, Великобритания, страны Западной Европы, Россия, Китай, Япония, Индия, Иран и в меньшей степени Бразилия. Ни один из этих центров не имеет явного экономического, политического, военного или культурно-идеологического превосходства. Сегодня нет и сильной международной коалиции, которая могла бы обрести лидерство в решении геополитических вопросов, хотя в скором времени она может сформироваться.

Какие общие направления и тенденции развития миросистемы можно выделить, попробовав заглянуть в 2025 год? Во-первых, потерпит полный крах программа ядерного разоружения: в дополнение к существующим появится десятка два но-

вых небольших ядерных держав. Резкий спад влияния США на мировой арене и столкновение интересов многочисленных центров власти приведут к тому, что страны, свернувшие ядерные разработки в 1970-2000-х годах, вновь запустят ядерные программы, и это удержит многие страны мира от военных вторжений, сделав значительно более опасными их последствия.

В сфере мировых финансов будет постепенно уменьшаться влияние американского доллара, место которого займет многовалютная система. Очевидно, что евро и иена станут чаще использоваться для операций на финансовых и товарных рынках. Сложно сказать, какие именно валюты войдут в список наиболее распространенных, а также оценить степень нестабильности (или, по крайней мере, повышения волатильности) экономической системы в результате этого. В любом случае снижение влияния доллара в мировой экономике усугубит проблемы США с выплатой накопившегося государственного долга и, возможно, приведет к снижению уровня жизни населения в Соединенных Штатах.

Европа-2025. Особое внимание следует уделить рассмотрению трех регионов, характеризующихся сейчас довольно нестабильной политической ситуацией. Это Европа, Юго-Восточная Азия и Южная Америка. Последствия происходящих там сегодня событий существенно преобразят мировую геополитическую структуру.

В Европе изменения в данный момент находятся в самой активной фазе. С 2001 по 2005 год здесь произошло два важных события. Первое стало прямым следствием изменения курса внешней политики США: Франция и Германия с некоторыми другими странами официально выступили против вторжения в Ирак. В то же время они укрепляли политические отношения с Россией, в результате чего образовалась геополитическая ось Париж — Берлин — Москва. В ответ на это США при поддержке Великобритании организовали другой блок, переманив на свою сторону большую часть стран Центральной Европы. Дональд Рамсфелд назвал эту ситуацию противостоянием «старой» и «новой» Европы. Страны Центральной Европы стремятся к более тесному сотрудничеству с США из-за своей исторически сложившейся боязни России.

Вторым важным событием стал провал проекта по введению общеевропейской конституции, против которого проголосовало большинство на референдумах во Франции и Нидерландах. Неприятие проекта вызвано двумя причинами. Одни голосовали против в силу оппозиции неолиберальному курсу и опасений, что в конституции будут содержаться неолиберальные принципы. Другие голосовали против, опасаясь негативных последствий возможного расширения Евросоюза на восток (в особенности вступления в него Турции). Но в конечном счете и те и другие выступали за сохранение независимости Европы от США.

Тем не менее два этих события помешали созданию более сильной, сплоченной и независимой Европы. Сложно сказать, будет ли в следующие десять лет предложен новый проект конституции, разработанный на более твердой институциональной и национальной основе. Также не ясно: если все-таки проект будет снова запущен, приведет ли это к сближению с Россией и можно ли будет говорить об их геополитическом союзе?

Азия-2025. Сценарий развития стран Северо-Восточной Азии значительно отличается от европейского. Прежде всего мы имеем здесь дело только с тремя большими странами: Китаем, Кореей и Японией. Сейчас две из них разделены, и их правительства, несомненно, планируют в будущем объединиться (Северная и Южная Корея, КНР и Тайвань). И первого, и второго объединения добиться будет непросто, но к 2025 году это, скорее всего, произойдет.

В тенденциях развития Юго-Восточной Азии наблюдается еще одно отличие. В Европе исторически сложившиеся политические разногласия между Францией и Германией в значительной степени устранены, чего нельзя сказать о Японии, Китае и Корее. С другой стороны, слишком уж велики экономические выгоды от сближения трех стран, и, возможно, именно это заставит их забыть прошлые обиды. Остается еще один сложный вопрос: кто станет лидером будущей Восточно-Азиатской коалиции — Китай или Япония? Для достижения позиции лидера от их правительств потребуется проведение очень разумной и осмысленной политики в военной и финансовой сферах, а также в области культуры.

Но, если все помехи будут устранены, страны Юго-Восточной Азии объединятся в одну из самых влиятельных сил триады — Северной Америки, Европы и Восточной Азии. И если это объединение все-таки произойдет, то им, возможно, удастся привлечь в свой лагерь США в качестве «опытного политического игрока» и «младшего партнера». Не о такой роли сейчас мечтает правительство Буша, но, видимо, к 2025 году для США это будет самый привлекательный вариант.

Наконец, Южная Америка может стать серьезным игроком, обособленным от США и объединившим страны континента в одну экономическую зону. Особый прогресс в политическом влиянии региона (в ущерб власти США) произойдет, если в такой союз удастся вовлечь Мексику. Сложнее всего представить, какое место в новом геополитическом разделении мира займут Индия, Иран, Индонезия и Южная Африка. Решающими здесь станут такие экономические преимущества, как запасы энергии и воды — довольно значимые в условиях назревающих экологических проблем и потенциального кризиса перепроизводства. Между этими странами развернется ожесточенное соперничество за достойное место в миросистеме, и исход его будет зависеть не только от геополитических маневров.

*Иммануил Валлерстайн,
Йельский университет (США)*

Доклад «Мир-2020 — контуры мирового будущего» — основа амбициозного американского «проекта 2020». К этому году, по мнению тамошних аналитиков, окончательно сформируются новые «контуры глобального будущего».

На подготовку доклада ушел почти год, и участвовало в этом около тысячи человек. Но, в итоге, как и в предыдущие два раза, получилось нечто среднее между рефератом по политологии студента Гарвардского университета и четырьмя изысканными сценарными заявками автора голливудских политических блокбастеров. И в самом деле — четыре сценария возможных эффектов воздействия ключевых тенденций глобализации на формирование нового миропорядка к 2020 году. Это — действительно круто.

Сценарий первый — «**Давосский мир**». Китай, Индия и «азиатские тигры», перессорившись, заставляют Запад придать процессу глобализации «менее западный» облик. Всемирный экономический форум проводится то в Швейцарии, то в Китае.

Сценарий второй — «**Рах Americana**». Все объясняет название. Однако самим США надоедает роль единственной супердержавы и обязанность отвечать за все, что творится в мире.

Сценарий третий — «**Новый Халифат**». Очень правдоподобный. Всемирное исламистское надгосударственное движение во главе с новым халифом объединяет врагов США и Запада. Халиф не запятнан «кровью невинных людей». И поэтому Аль-Каида с ее списком терактов теряет поддержку мусульман. Далее — трехсторонняя война, в которой победителей нет.

Сценарий четвертый — «**Конгур страха**». Страны «третьего мира» теряют веру в глобальную систему безопасности и скупают ядерное оружие. Ядерные державы ставят под контроль международные торговые операции и прибегают к превентивным интервенциям в страны, откуда они ждут атак террористов. Глобализация терпит крах. Устанавливается «оруэлловский мир».

Во всех сценариях США выступают гарантом стабильности, не всегда всесильным, но всегда — единственным.

В связи с этим есть ряд интересных моментов. Согласно тексту, Иран и Северную Корею к 2020 году США все же не тронут. Более того, иранцы и северные корейцы обзаведутся межконтинентальными ракетами. В 2010 году в Европе произойдет страшный террористический акт, который заставит европейцев поверить в США как в единственную силу, способную их защитить (сценарий № 2). **Крайне важно понять: почему в головах аналитиков НРС появилась эта дата? И уточнить — в какой стране произойдет теракт.**

Г-н Коновалов продолжает: «Согласно Докладу, иракские сунниты разрушат «хрупкий мир», скроенный усилиями США в Ираке (сценарий №3). Это означает, что американцы убеждены, что мир, выгодный хотя бы с их точки зрения, в Ираке в ближайшие пятнадцать лет они все-таки установят. Но на чем основана эта убежденность? Ход событий говорит об ином ис-

ходе. Партизанская война будет разгораться сильнее, войска коалиции рано или поздно придется вывести, в Ираке начнется гражданская война, а в итоге власть возьмут фундаменталисты. Тогда-то и будет реализован сценарий, о котором в НРС, судя по всему, бояться даже подумать, не то что конструировать».

Однако, в том, что США будут править миром, в НРС не сомневаются, но опасаются растущей военной и экономической мощи Китая и Индии. Есть даже «горькие мысли» о том, что Китай «выдавит» Америку из Азиатско-Тихоокеанского региона. С Россией дело обстоит, как им кажется, куда проще. У нее есть газ, нефть, стратегические ядерные силы, президент Путин и его возможный преемник. Этого достаточно, чтобы Россия продолжала играть «значительную международную роль» в качестве партнера США, Европы или Китая.

Что же до американских страхов по поводу русского национализма, то в НРС явно плохо понимают, что происходит в России, принимая за национализм бессознательный поиск новой российской идентичности. Православие... Империя Российская... Империя Советская... Великая история русского народа... Поиск идет, и цель и смысл существования России-РФ будут найдены. **Вот когда сплоченная и «детерминированная» Россия станет намного опаснее для США.**

Между тем крупных межгосударственных конфликтов в ближайшие пятнадцать лет не случится. Помешает глобализация. Гипотетические исключения составляют лишь Индия и Пакистан, а также Китай и Тайвань. **В обоих случаях возможно использование ядерного оружия.** «Впрочем, — считает эксперт, — война будущего уже идет. В США ее называют войной против международного терроризма (формулировка, не отражающая реальную суть вещей, ведь, например, до вторжения американцев в Ирак там террористов не было).

А сейчас США создали в Ираке идеальный полигон для тренировки бойцов Аль-Каиды, «Хезболла» и других группировок. В сценариях НРС справедливо отмечено, что они становятся все более рассредоточенными и не зависящими от поддержки какого-либо государства. Уничтожить их практически невозможно. И к 2020 году их технологический уровень значи-

тельно повысится. Тут-то оно и начнется — применение новых взрывчатых веществ, беспилотных летательных аппаратов, биологического оружия, массированных компьютерных атак и так далее. В одном флаконе с реализацией стратегических разработок, произведенных в засекреченных центрах и детально разработанных в этих же центрах операций».

Кстати, толковая мысль озвучена в сценарии «Новый халифат». Россия и США становятся настоящими союзниками в борьбе с исламистами. Российские силовые структуры получают американскую помощь. Причем, США идут на это с неохотой, и лишь после того, как терпят ряд военных и политических поражений. В Пакистане фундаменталисты разжигают гражданскую войну, на территории Афганистана возникает новое государство Пуштунистан, а в самих США число сторонников нового халифа растет с каждым днем. Короче — война, тотальная нестабильность, бедствия и разрушения.

Есть ли будущее у будущего?

(«Le Nouvel Observateur», Франция)

Будущее сейчас бьется в агонии. Жиль Анкетиль (Gilles Anquetil), Франсуа Армане (Francois Armanet), 17 февраля 2006
Дж. Баллард (J. G. Ballard), автор романа «Автокатастрофа», недавно выпустивший новую книгу «Миллениум: инструкция по применению» предсказывает конец дивного нового мира.

О научной фантастике

Большинство предсказаний писателей-фантастов не оправдались. Межпланетные путешествия, колонизация далеких планет по образу великих открытий эпохи Возрождения были самой дерзкой мечтой XX в., до тех пор пока не стало ясно, что большинство планет человеку недоступны. Конечно, Герберт Уэллс предсказал атомную бомбу, а другие писатели — общество сверхпотребления. Но в целом научная фантастика ошиблась насчет нашего будущего, хотя и пережила короткий золотой век в 1950—1960-е гг. Тогда призраком ядерной войны

заставил ее повзрослеть, этим жанром заинтересовались перво-классные авторы. Но сегодня фантастика служит для развлечения широких масс и обходит стороной большинство современных проблем: конфликт между исламским и западным мирами, тиранию потребительского инстинкта, торжество материализма в Европе, где не верят больше ни общим ценностям, ни правителям, а политика стала похожа на рэкет... Для меня научная фантастика умерла.

Есть ли будущее у будущего? Нет. Мне кажется, что будущее сейчас бьется в агонии. Может быть, эта агония началась после взрыва космического корабля «Челленджер», разбившего великую мечту оторваться наконец от земли. В этот день человечество перестало мечтать, у него остался только шопинг. Люди думают только о следующем отпуске! Им не хватает жажды будущего. Когда я был маленьким, книги и радио (это было еще до телевидения) развивали мифологию авиации. В 1930 г., когда я родился, рекордная скорость полета составляла всего лишь 200 км/ч. То и дело что-нибудь изобретали — новые лекарства, способные спасти тысячи жизней, антибиотики, ядерную энергию. .. Будущее казалось безграничным. У американских автомобилей 1950-х гг. был очень футуристический дизайн, как будто бы они на всей скорости неслись в будущее.

О пригородах

Технологическое варварство, манипуляция общественным мнением, культ отдыха — вот что нам угрожает. Западная цивилизация впала в детство. Мы, как дети богатых родителей, у которых полно игрушек, а им все равно скучно. Это очень опасно, потому что дети любят ломать игрушки. А чтобы сломать все, самый простой путь — это фашизм. Но не черно-рубашечный, активный фашизм, а вялый фашизм спальных районов. Следующий Гитлер будет ведущим ток-шоу, который очарует сначала домохозяйек. Мы добровольно отдаем себя в рабство.

Когда люди замечают вдруг, что великая мечта века Просвещения, времен Ньютона и Вольтера, мечта о царстве разума умерла где-то после 11 сентября, у них остается только один выбор — между фанатизмом и нигилизмом. Проект Просвещения провалился. Разум не может помешать французс-

кой молодежи жечь машины только потому, что они хотят развлечься и чтобы их показали по телевизору. Разум бессилён перед городским хулиганством, бушующим в Англии. Полгода назад в подземном переходе рядом с вокзалом Ватерлоо четверо подростков (два мальчика-негра и один белый, и еще одна белая девочка, в возрасте лет пятнадцати) нападали на одиноких прохожих и снимали все это на встроенную в мобильный телефон камеру. В конце концов, они до смерти забили ногами тридцатилетнего мужчину. Недавно их приговорили к большим срокам. Эта молодежь забавляется с темными зонами своего мозга, которые можно назвать психопатологическими. Вот в чем они находят для себя удовольствие. Современное общество можно сравнить с машиной с прекрасной подвеской, способной выдержать самые тяжелые толчки и сохранить равновесие. Мы в безопасности, но только до тех пор, пока не выйдем из машины. . .

Привлекательность безнаказанного насилия как раз в его безнаказанности, вызове здравому смыслу. Вот бессмысленная реальность XX в., которую я попытался показать в книге «Люди Миллениума». Беспорядки в пригородах Парижа, расстрел школьников в американской Колумбине, безнаказанные убийства в Англии... пригороды, которых в нашем обществе становится все больше, стали индикаторами перемен. Именно там скука давит больше всего. Жилье становится все более закрытым, разрозненным, нет никакой общественной жизни, никакой основы для общества. Ничего общего с маленькими провинциальными городами XIX — начала XX вв., жизнь которых выстраивалась вокруг церкви и мэрии. Люди больше не работают там, где они живут. Единственное развлечение — это телевидение, адюльтер и походы в турагентства. Я хочу быть на передовой, когда все это взорвется! Поэтому я до сих пор и живу в Шеппертоне, который можно назвать глубоким пригородом Лондона.

О Великобритании

Со временем я становлюсь все более политизированным писателем. Блэр — это актер, который соблазнил англичан своим буржуазным шармом. Это фальшивый социалист. Раньше я обожал Маргарет Тэтчер, особенно в сексуальном плане!

Она — как строгая гувернантка, которая очень возбуждает маленьких мальчиков. . . Но сегодня я больше склоняюсь к левому крылу. Моя привязанность к Англии всегда была очень сложной. Я приехал сюда уже в возрасте 15 лет, в 1946 г., и для меня это было большим потрясением. Во многих отношениях Англия проиграла войну, но тогда не осознавала этого. Люди произносили победные речи, но были мрачны и деморализованы, не видели перспектив на будущее. Я вырос во Французской концессии в Шанхае, очень закрытой среде, где все, в общем-то, были равны. Приехав в Великобританию, я открыл для себя классовую систему, которая по сложности оставила далеко позади Японию XVII в. Нужно было быть антропологом, чтобы понять функционирование этого общества и его язык. Достаточно было назвать «туалет» «уборной», чтобы стать парией. Можно было общаться только с людьми одного круга. И эти различия до сих пор не исчезли. Создается ощущение, что ты находишься на старомодном курорте, где разорившиеся, подавленные буржуа к чаепитию упорно надевают свое лучшее платье. Я спрашивал себя — в чем их проблема? Ответа не нашел до сих пор.

О видеонаблюдении

Лондон — это город с самой развитой системой видеонаблюдения в Европе. Это ужасно. Как в романе «1984». Я возмущен тем, что никто не протестует. Система компьютерного наблюдения, которую в городе установил мэр-социалист, позволяет определить местонахождение кого угодно и где угодно. Пассивность общественного мнения на этот счет — еще одно доказательство его мазохизма. Видеонаблюдение дошло и до провинции, и до спальных пригородов, до самого Шеппертона! Несомненно, благодаря камерам наблюдения были арестованы подозреваемые в совершении терактов в Лондоне, но это крайний пример, который не оправдывает их использование. Цена слишком велика. Где бы вы ни находились в Лондоне, вас снимают. Подобная система, в которой возможны любые злоупотребления, будет легко использоваться тоталитарным режимом. Скоро англичан заставят оформлять паспорта, в которых будут записаны всевозможные биометрические данные, а еще бан-

ковские счета, судимости, медицинские данные и т.д. Правительство будет все о нас знать. И никто не возмутится, никто даже не ошутит этого. Мы, как лунатики, позволяем запеть себя в нами же придуманную тюрьму.

О влиянии

На меня повлияли Уэллс, Хаксли и Оруэлл. Предсказания Хаксли в 'Дивном новом мире' и 'Вратах восприятия' оказались куда более точными, чем у Оруэлла в «1984», ведь там был описан, прежде всего, сталинский режим. Как добрый социалист, он боялся, что это отклонение от социализма распространится и на Западную Европу. А Хаксли сумел предсказать общество, основанное на униформизации, бегстве от реальности с помощью наркотиков, клонировании, а также идею использовать галлюциногены для стимуляции мозгового потенциала — у него была интуиция пророка. Почему все эти три автора появились в Великобритании? Несомненно, потому, что она из всех сил сопротивляется переменам, и эти писатели выразили свой протест против такого застоя.

О Шанхае

Когда я вернулся в Шанхай в 1991 г., в этом городе еще сохранились следы 1930-х гг. Дом моего детства и большинство строений Французской концессии. Но Шанхай состоит из двух очень разных городов. Когда удаляешься от центра, попадаешь в научную фантастику. Китайцев ничто не остановит!

В подростковом возрасте я три года провел в японском лагере для военнопленных Лунхуа, в пригороде Шанхая. Этот экстремальный опыт научил меня всему. Типичное буржуазное детство очень ограничено, очень закрыто: нужно жить по правилам, соблюдать незыблемое расписание, не входить в контакт с взрослыми. И я открыл реальность, от которой чаще всего закрывают буржуазных детей: родителей, живших под невыносимым грузом голода, страха, неизвестности, отчаяния. Это решающий опыт для подростка. Только бедные дети ощущают эту физическую и моральную уязвимость своих родителей. За три года в плену я узнал о человеческой натуре больше, чем если бы

всю жизнь жил в защищенном ото всех месте. Это было для меня ускоренным воспитанием. Я увидел, что мужество помогает выдержать плохое обращение, голод, малярию. Только так понимаешь, что обычная реальность — всего лишь театральная или киношная декорация. Но несмотря на все это, в лагере у меня была практически полная свобода действий. Это был мир наизнанку. Странно, но я никогда не чувствовал себя более свободным.

Три книги, которые я бы взял с собой на необитаемый остров

Я бы не читал там много. Я бы лучше занимался перегонкой алкоголя из кокосов! Ну ладно, я взял бы «Постороннего» Камю, абсолютный шедевр, который сохранил всю свою загадочность, и «О дивный, новый мир» Хаксли. Ну и еще «Пожар в Лос-Анджелесе» Натаниэля Уэста, апокалиптическую книгу о культе и ненависти к голливудским звездам. Он предсказал это британское реалити-шоу, цель которого унижать разных людей для нашего же удовольствия...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная футурология постепенно избавляется от синдрома «конца истории», от триумфализма, имевшего место после окончания холодной войны.

Теоретики обнаруживают между собой взаимопонимание относительно кризисности грядущего развития, сложности восприятия этой кризисности после десятилетий относительно предсказуемого существования. Словами американского политолога Т. Франка: «В начале третьего тысячелетия придет ощущение всеобщего кризиса идентичности. Наша психика и наше материальное благосостояние будут осложнены фрагментацией сознания и усложнением процесса нашей новой самоидентификации»¹⁰⁰².

Нуждается ли мир ради планомерного развития и самоутверждения в наличии доминирующей державы? Сторонники статус-кво, аналитики сверхдержавной мощи дают положительный ответ, правящий политический класс готов бороться за сохранение своего привилегированного положения. «Лидирующая держава выступает за международную стабильность, за сохранение системы, которая позволяет ей пользоваться большим влиянием и благосостоянием»¹⁰⁰³. Однако основная масса интерпретаторов международных отношений едва ли готовы дать положительный ответ. *Однополярности*, тем более посягательствам на *гегемонию*, будут противостоять мощные силы.

Иран манкирует мнением Совета безопасности ООН, продолжая развивать свою ядерную программу. Ожившее движение «Талибан» активизирует терроризм в своем регионе, в Афганистане и Пакистане. КНДР близится к обладанию ядерным оружием. Два латиноамериканских президента, Уго Чавес из Венесуэлы и Эво Моралес из Боливии, словесно уничтожают американский империализм. Независимые опросы обществен-

ного мнения показывают, что рейтинг имиджа Соединенных Штатов в мире прочно занимает *последнее* место. Внутри США: массовая нелегальная иммиграция, феноменальный национальный долг — 8 трлн. дол.

Но лидер — США — не готов сдавать своих позиций с философским спокойствием. Процесс перехода к *многополярности*, неизбежные потери позиций державой-гегемоном не сулят спокойных времен. «Американское могущество, — пишет вице-президент Брукингского института (Вашингтон) Р. Хаас, — сколь оно ни велико, ограничено временем и обстоятельствами. Мощь страны небезгранична в плане ресурсов (деньги, время, политический капитал), что может ослабить внутреннюю поддержку глобальной американской империи»¹⁰⁰⁴.

Осевой линией развития мирового сообщества в XXI веке будет — как и в предшествующие пятьсот лет — противостояние и сотрудничество безусловного лидера — Запада и стремящегося настичь его экономические, научные, силовые показатели остального мира. При продолжении действия современных тенденций Западу еще как минимум на несколько десятилетий почти гарантировано положение мирового авангарда. Он будет оставаться мировой научной лабораторией, планетарным университетом, источником гуманитарных и технических знаний, центром производства высокосложного оборудования и требующих специальных знаний услуг, мировым инвестором, средоточием военной мощи.

При этом в механическом смысле Запад уступит первенство: из Северной Атлантики центр современной (второй в истории человечества) технологической революции переместится к антиподам, прежде всего в Восточную Азию. Конвейерное и «дымное» производство уйдут из ареала Запада. Еще более важным показателем явится то, что практически впервые за последнее полтысячелетие наука станет подлинно интернациональной, университеты, лаборатории и испытательные полигоны незападных стран войдут в единую сферу взаимообмена с Силиконовыми долинами, Гарвардами и Оксфордами Запада.

Глобализация даст огромные возможности изошренному производству Запада, она же предоставит шанс молодому и трудолюбивому населению Востока. Квалифицированные рабочие

Запада вышли в 2000-х годах на улицы западных городов, чтобы выразить свое негодование превратностями глобализации. А в конгрессе законодатели впервые начали гордиться тем, что не имеют заграничных паспортов — пока это еще самое мягкое проявление ксенофобии. В то же время огромные регионы (скажем, вся Африка) превратятся в жертву глобализации. У остальных задача использования революции в информатике и управлении будет зависеть от готовности и действенности национальных элит.

Бурлящее море абсолютного большинства человечества, неудовлетворенного неблагоприятным и унижительным для него *статус-кво*, приложит все силы к позитивным для себя изменениям. Сколько бы не расписывались благоприятные характеристики американской гегемонии, такие идеологические лидеры Запада, как Г. Киссинджер, в конечном счете признают: «На Соединенные Штаты ляжет бремя, вынести которое бесконечно не могло и не может ни одно общество. Вне зависимости от того, насколько бескорыстно воспринимает Америка свои цели, даже подспудное стремление к преобладанию приведет к тому, что *постепенно все начнут объединяться против Соединенных Штатов* и постепенно доведут дело до того, что эта страна окажется изолированной и исчерпавшей свои ресурсы. Дорога к империи ведет и к внутреннему упадку, потому что посягательство на всемогущество размоет внутренние ограничители. Ни одна империя не избежала пути, ведущего к цезаризму, если только не следовала примеру Британской империи, разделившую свои полномочия еще в самом начале этого процесса. В долго существующих империях каждая проблема превращается в вопрос внутренней жизни, потому что внешний мир уже не обеспечивает необходимого противовеса. И, по мере того, как масса вызовов растет и удаляется от исторической внутренней основы, междоусобная борьба становится все более ожесточенной, а насилие всеобщим»¹⁰⁰⁵.

Однополярность миропорядка во главе с Америкой подвергается жесткой критике как в РФ, так и в КНР и ЕС. Российская точка зрения в основном сводится к тому, что однополярная модель мирового порядка во главе с США неминуемо породит противодействие со стороны государств, несогласных с ролью

вассалов. По крайней мере, опыт двух мировых войн показывает, что возникновение коалиции государств, стремящихся к перевесу сил в свою пользу, к экономическому, политическому и военному доминированию, вызывает создание антикоалиции, которая увеличивает свои силы, свою экономическую и военную мощь, чтобы не позволить реализации гегемонистских планов объединившихся в коалицию государств.

Две силы способны бросить Америке вызов уже в ближайшие десятилетия. Европейский союз, основная часть которого приняла общую валюту, в случае качественного интеграционного скачка грозит объединить силы, сопоставимые с американскими. Интересы материального развития, овладения рынками и источниками сырья — материальные мотивы, а не надуманные персонифицированные раздражители — способны противопоставить ЕС Соединенным Штатам. Если Брюссель сумеет подняться над отдельными столицами, если Старый континент обретет общую политику и единые вооруженные силы, то Североатлантический союз потеряет объединительную функцию, а два региона, на каждый из которых приходится треть мирового валового продукта, встанут не плечом к плечу, а лицом к лицу, завися от внутренней конъюнктуры, требующей защиты собственных интересов.

В Восточной Азии, на виду у столь неожиданно остановившейся Японии, упорно поднимается китайский гигант. Если Америка не согласится на региональное главенство страны, которая несколько тысячелетий доминировала в своем регионе (и лишилась этого доминирования только на последние полтора-два года), то произойдет антикитайская мобилизация Америки. Слов нет, силы еще несопоставимы, но безудержный китайский рост оставит Вашингтону надежду только в случае децентрализации Китая. Сохранив же единство, крупнейшая страна Азии на протяжении двух десятилетий обойдет даже несравненный ВВП США. Перемещение центра материального могущества быстро меняет структуру мира — посмотрите на имперскую судьбу Британии.

Три обстоятельства с огромной силой наложатся на реструктуризацию силовых основ мирового сообщества. *Первое* — демографические процессы, которые еще более сместят миро-

вой баланс к Востоку, изменят лицо Америки, скажутся на стареющих Европе и Японии. В 2000 году впервые число пользователей Интернета, *не знающих английского языка*, превысило число англофонов. Новый миллиард людей в зоне конфуцианского мира, еще миллиард в мусульманском ареале, полумиллиардный рост в индуистском мире изменят мир ближайших десятилетий, полтысячелетия бывший европоцентричным.

Второе важнейшее обстоятельство — растущая пропасть между богатым миллиардом и страждущим остальным миром. Если трое богатейших людей Земли имеют богатства, превышающие таковые у 48 наиболее бедных стран, социальный взрыв недалек. И едва ли помогут ядерное оружие и снимающие всю мировую информацию спутники. Полутора миллиардам голодающих сегодня людей попросту нечего терять, а информационная революция открывает им глаза на бесперспективность их существования. Новые социальные теории — или нисхождение к цивилизационным первоосновам — дадут обиженной части планеты объединяющее начало, и всадники Апокалипсиса снова появятся на горизонте.

Третье роковое обстоятельство — упадок национально-государственных структур вследствие нового всевластия транснациональных монополий, не знающих границ информационных потоков, стремительного перемещения не зависящих от столиц капиталов, смещение центров принятия решений, подъема неправительственных организаций (прежде всего энвайронменталистских) приведет мир к окончанию более чем трехсотлетней т. н. Вестфальской эпохи господства суверенных государств. Дисциплинирующая роль государства и его институтов будут дискредитированы, а вместе с этим и дисциплина национального самосознания. Возможно, глобалисты ликуют зря. Кто сможет сдержать нарастающий хаос, то первозданное состояние, когда старые лояльности рухнули, а новым еще предстоит определиться?

Под тяжестью помолодевшего голодного мира, лишённого государственных тормозов и — в свете информационной распаханности мира — не имеющего спасительных иллюзий, привычная пирамидальная картина мира, на вершине которой так уверенно разместились Соединенные Штаты, довольно быстро

станет анахронизмом. По большому историческому счету Соединенные Штаты *не могут* рассчитывать на феноменальную историческую исключительность. Ее лидерская миссия ограничена: 1) природой человеческих и межгосударственных отношений¹⁰⁰⁶; 2) разительным демографическим ослаблением Запада; 3) отсутствием глобально ориентированной элиты (американские таланты предпочитают делать карьеру не во внешнем мире, а в 50 американских штатах; 4) еще один конфликт ранга Ирака заставит Вашингтон вводить непопулярную воинскую повинность; 5) мир все менее согласен предоставлять 5 процентам населения Земли, живущих в США, сорок процентов мировых ископаемых богатств.

Американская гегемония не продлится более тридцати лет. Переход к многополярности произойдет естественным образом. Трудно представить себе самоуспокоенность тех, кто верит в то, что мировые конфликты можно будет решить операциями типа «Бури в пустыне» и бомбардировками Югославии. На наших глазах бедный мир (в лице Индии и Пакистана) обрел ядерное оружие, к средствам массового поражения и орудиям его доставки упорно стремятся несколько десятков стран. Удивительно не то, что они его обретут, а то, как надолго развитому миру удастся замедлить этот процесс. Но, увы, не остановить. И тогда сверкающее будущее может покрыться ядерным пеплом.

Какой мир дает максимальные возможности развития для обращенных к модернизации стран: гегемония, биполярный мир, многополярный мир, разделенное между семью цивилизациями мировое сообщество? В книге, которую вы держите в руках, не даются однозначные ответы. Автор постарался не упустить основное из того, над чем думают футурологи наших дней. Его интересовали две вещи: тенденции стремительно разворачивающейся мировой конstellляции сил и основные точки зрения на наше безусловно бурное планетарное будущее.

Окончится пятисотлетнее господство Запада. Центр экономического развития станет переходить к Шанхаю, Осаке, Тайбэю. В мире усилится схватка за нефть, воду и квалифицированную рабочую силу. Террористы найдут доступ к средс-

твам массового поражения. Компьютеры обретут несказанную силу. В мире появятся варианты «оборонительного империализма». Овладение влиянием над соседями станет обычной международной практикой. Созреют *незападные* аналитические центры, которые дадут шанс собственным телеканалам, своим влиятельным газетным империям и интернетным порталам. И мир расколется по линиям цивилизаций и крупных индустриально-научных центров.

Гегемония США начнет уступать место системе с *четырьмя зрелыми центрами* и двумя протоцентрами:

1) Американская зона влияния будет еще исключительно могущественной.. Христианство получит новый шанс. Ради сохранения своего грандиозного богатства Америка постарается обрести союзников в Южной Азии — прежде всего в Индии. А вот прежние американские союзники, такие, как Западная Европа, Япония и Южная Корея, отойдут от позиций прежней чрезвычайной близости с Вашингтоном. США, Европа и Япония, скорее всего, договорятся о создании противоракетного щита над собой. Доллар будет продолжать свое падение, но военная мощь Америки останется непревзойденной.

2) Увеличенная европейская зона с усиленным арабским элементом. Ее признаками будет старение и потеря привилегированных мест в мировом раскладе сил — с 31 процента мирового внутреннего продукта до 24 процентов в 2026 г.¹⁰⁰⁷ Европа все же является претендентом на роль великой державы, если она решит отойти от Америки и увеличить вдвое-втрое свои военные расходы на создание вооруженных сил, приблизительно равных американским. Вероятен вариант сближения семидесяти стран Европы и бывшего советского мира — это сблизит со старым западноевропейским центром такие страны, как Молдавия, Турция, балканские государства, Украину (и даже Белоруссию — если Москва, потеряв стратегическое видение, так и не сумеет образовать единого государства). Новая Европа будет дружественна по отношению к Соединенным Штатам. От Евросферы, дружественной по отношению к США, будут зависеть (во многом) Россия, Ближний Восток, Северная Африка — да и вся Африка, — от Европы будет зависеть торговля, инвестиции.

Общие усилия дадут шанс всем участникам объединения. Возможно, что и Россия, преодолев период первоначального накопления с газом, нефтью и древесиной, восстановит рельсы прогресса на основе союза с Европой, давшие ей космос, атомные электростанции и реактивную авиацию. Она сумеет показать, что не оскудела талантами и может сотрудничать в традиционном европейском ключе. Но «если Россия не создаст экономику, производящую не мечи, а орала, кажется неизбежным, что следующее поколение увидит новую глобальную войну»¹⁰⁰⁸.

Хотелось бы более оптимистически взглянуть на будущее нашей страны, но мы сами лишили себя многих рычагов воздействия на мировой процесс. Впрочем, не всех. Пока оснащенное знаниями, повзрослевшее, лишившееся праздных иллюзий население России видит себя творцом своей истории, а не углым челном на волнах глобализации, пока сила и воля не покинули нас после всех испытаний двадцатого века, пока лжепророки не лишили трезвых и трудолюбивых спасительного патриотического чувства, будущее, надеемся, еще будет в наших руках. А стремительно меняющийся мир не может не предложить новых — и фантастических возможностей.

Война в Ираке скоординировала российско-китайскую солидарность, укрепляющуюся по мере роста очевидности тупика американской военной дипломатии. Стало очевидно, что, в пику американской гегемонии, проявляет себя отсутствие гарантированной солидарности американских союзников. Против однополярности выступает организованное противодействие потенциальных жертв, нежелание значительной части американского народа нести бремя имперской ответственности, трудности на пути использования американской военной мощи.

3) Китай с приграничными государствами (а возможно, и с Россией) образует третью зону, в которую войдет демографически быстро растущая Средняя Азия.. КНР превзойдет Америку по основным экономическим показателям. Россия будет благожелательно смотреть и на Китай, не желая быть безусловным данником ЕС. Япония, если она выйдет из-под опеки Америки и готова будет идти на сближение с Китаем, сделает Восточную Азию могучим индустриальным центром. Российско-китай-

ский союз, вырастающий из Шанхайского объединения, будет в известной мере противостоять G-7.

Москва и Пекин наметили довести совместную торговлю до 60 млрд. дол. к 2010 году (20 млрд. в 2005 году). На саммите ШОС в 2005 году они фактически потребовали от Соединенных Штатов предоставить график вывода своих войск из Центральной Азии. В конечном счете они заставили американцев покинуть ключевую в Узбекистане базу Ханабад. (Но министру обороны США Доналду Рамсфелду удалось уговорить киргизское руководство принять 1000 своих солдат из Узбекистана и большое число самолетов *без ограничения времени*. За это Вашингтон платит 50 млн. дол. в год, что составляет 5 процентов валового национального продукта Киргизии). Увеличивая значимость Южной Азии, в фарватере Китая, возможно, пойдет Индия, превосходя по объему ВВП любое западноевропейское государство. Индонезия, Таиланд — все «тигры» Южной Азии плюс Южная Корея — создадут свой феноменальный центр.

4) Осью *четвертой* зоны будет своего рода ближневосточный «центр веры», преимущественно исламской. Здесь не будет порывов создать ни совершенную демократию, ни «царство закона». Иран, Ливан и Палестина будут строить свой мир на основе законов шариата, а за ними последуют и соседи. У этой зоны будут потуги к религиозным войнам, но торговая связка будет препятствовать окончательному отчуждению. Влияние Голливуда и Болливуда будет как бы взаимноуравновешено; всемирный культурный обмен будет стоять на пути всемирного отчуждения.

Остальные государства земли будут так или иначе зависеть от четырех вышеуказанных зон, и смыслом мировой политики будет переманивание к себе колеблющихся стран. Крупнейшим «колеблющимся призом будет Индия.. При этом не исключено, что в Латинской Америке вокруг Бразилии начнет складываться *пятый* протоцентр, хотя элемент солидарности здесь всегда шаткий.. На отдельный полюс будут претендовать и государства исламского мира, создавшие свой тип исламской демократии (Иран, Палестина, Ливан — к которым присоединятся сметающие коррумпированные элиты Египет, Саудовская Аравия,

Ирак) — возможный *шестой* протоцентр, который может и обрушиться в свете непрекращающегося соперничества ближневосточных государств..

Указанные *четыре* главных полюса вовсе не обязательно будут враждовать друг с другом, мировая торговля будет взаимовыгодной и насыщенной. Возникнет некая единая торгово-социальная система, которая не позволит региональным гегемонам обращаться к насилию. Как и при гегемонии, при многополярности обострится борьба за резко сокращающиеся полезные ископаемые, становящиеся драгоценным сырьем. Приход на мировые рынки новых, во многом алчных потребителей сырья делает закат «эры богатой Земли» преисполненным столкновений и споров. Россия, Бразилия и Индонезия будут нуждаться в первичном сырье не менее, чем четверо грандов глобального масштаба. Будет идти открытая борьба за воду, за нефть, за специалистов — вплоть до глобальных столкновений.

Насилие останется в мире. Значимость терроризма увеличится — сравнительно небольшие группы террористов смогут посягать на часть мировой сцены. Поэтому крупные государства укрепятся в своем праве защищать свой регион от хаоса. Западная «демократия» получит новое прочтение в незападных регионах. Шок 11 сентября 2001 года «осветил» возможную перспективу мирового развития. Не может быть стабильным мир с кричащими различиями в уровне развития, с противоположными цивилизационными ценностями. Наибольшую опасность Западу представляет прямая или косвенная помощь решительным антагонистам со стороны технологически развитых государств. Россия с ее расстроенным военным потенциалом, результатом многих десятилетий соперничества на глобальном уровне, в этом ряду стоит первой. Программа Нанна-Лугара не покрывает всех аспектов замороженного военно-экономического наследия Советского Союза. Химическое и биологическое оружие, «грязные» ядерные отходы, квалификация многих тысяч специалистов — все это в случае похолодания в американо-российских отношениях немедленно станет предметом обхаживания международных террористов, равно как и заинтересованных государств. Да и сама Москва, согласно циркулирующему в США мнению, в случае разочарованности попыток мирными, дипло-

магическими средствами пробиться в ряды Запада, может поддаться чувствам разочарованного отвергнутого партнера: «Россия тоже может обратиться за стратегическим решением к международным преступникам, ведущим необъявленную войну».¹⁰⁰⁹

Различные страны и различные слои населения испытывают тревогу по разным соображениям. Представители деловых кругов и средств массовой информации указывают в качестве главной угрозы мировой стабильности на *национализм и этнические конфликты*. Ответственные за безопасность опасаются распространения *средств массового поражения*. Религиозные лидеры более всего обеспокоены *нарушением гражданских прав, потоками наркотиков, криминализацией*; ученые и инженерная среда более всего опасаются последствий неконтролируемого *демографического роста*¹⁰¹⁰.

Взятое по отдельности каждое из этих явлений не может вызвать системного кризиса. Но синхронное общее их обострение грозит подрывом базовых основ.

Итак, впереди вовсе не обязательно безграничный прогресс, а уже проявляющийся себя терроризм, вооруженный высокотехнологичными средствами, периодические коллапсы отдельных экономик, замешанная на разочаровании и экстремизме воинственность. Оптимисты, подобные американскому политологу Ф. Фукуяме, верящему во всеисцеляющие свойства либеральной демократии, на этом фоне смотрятся неубедительным меньшинством.

Главной проблемой будет разочарование догоняющих Запад стран, со временем погружающихся в сомнение относительно мудрости быстрого изменения своих социополитических и экономических оснований (не дающих быстрой отдачи), и в то же время растущее ожесточение страдающих элементов общества, готовых ответить на силовую рекультивацию вспышками насилия.

Наступит время и для «столкновения цивилизаций», и для бунта бедных против богатых, и для силового передела истощающихся ресурсов Земли¹⁰¹¹. Если Запад будет настаивать на том, что успешное его развитие — попросту «результат уникальной культуры»¹⁰¹², — то подобный вывод для огромного развивающегося мира может действительно оказаться не только «плохой

историей, но и опасной интерпретацией»¹⁰¹³, ведущей, в конечном счете, даже полных надежд имитаторов западного пути развития к трагическому выводу, что уникальный западный пример повторен быть не может *принципиально*. Тогда в повестку дня встанет вопрос о вызове глобальному доминированию менее обласканных историей регионов. Такой вывод делают, заметим, сами западные футурологи¹⁰¹⁴.

Обратите внимание: если в считанные годы Индия стала мировым поставщиком квалифицированных программистов, если списанный со счетов истории Китай так убедительно движется к мировым вершинам, если наука и трудолюбие являются главными предпосылками фантастических изменений в мире, то дорога к подъему не закрыта. *Организация* (а не отсутствие таланта и жертвенности) была слабым местом нашей страны на протяжении всей ее тысячелетней истории, с этого слабого места и следует начинать. Незримым оружием процветающих народов был и является патриотизм — повсюду: от Соединенных Штатов до Китая. По этому показателю наша страна еще никогда не уступала. И если, поддавшись лжепророкам, она это делает в годы мирового н"аучно-технического ускорения — отдавшись на волю глобализационным фантазиям, положившись на «невидимую руку» рынка, словно иррациональное (очередные «законы» истории) может быть сильнее организующей силы человеческого разума, — тогда мы заслужили свою незавидную участь.

История никогда не повторяется буквально, и наши возможности предвидеть будущее ограничены. В 1895 г. британское Королевское общество сделало «окончательный вывод» о принципиальной невозможности аппаратов тяжелее воздуха подниматься в небо. Спустя столетие, находясь в мире управляемых космических кораблей и сверхзвуковой авиации, мы имеем не меньший потенциал для ошибочных суждений. Но мы определенно сделаем крупные ошибки, если откажемся размышлять о будущем вообще, перестанем следить за ходом мысли соседей. Мир XXI века, на пороге которого мы стоим, таит в себе много неведомого, не думать о котором означает стать жертвой разворачивающихся событий.

Претендующие на региональное лидерство и на владение одним из полюсов мирового могущества Россия имеет богатые природные ресурсы, внушительную промышленную базу и современное оружие, а Китай является развивающейся державой, которая располагает огромным рыночным потенциалом, рабочей силой и большим набором потребительских товаров. Экономика обеих стран имеет черты взаимодополняемости — сотрудничество между ними имеет огромный потенциал, способствующий развитию торгово-экономических и научно-технических связей. Различны направления. Китай стремится развивать экономические связи со странами Юго-Восточной Азии, расширяет экономическое и техническое сотрудничество с развитыми странами в целях привлечения инвестиций капитала и передовой техники. Россия развивает традиционное экономическое и техническое сотрудничество со странами СНГ и Европы. Экономическое сотрудничество России и Китая имеет огромный потенциал, хотя в краткосрочной перспективе трудно достигнуть такого высокого уровня, которого достигли их политические отношения и военно-экономическое сотрудничество.

При этом обе стороны признают, что стратегическое сотрудничество России и Китая не являет собой военный альянс. Важную роль играют личные отношения лидеров. В Китае лидеры второго поколения во главе с бывшим председателем Цзянь Цзэмином, учившиеся в России, очень доброжелательно относились к России. Они передали эту эстафету и своим преемникам во главе с Ху Цзиньтао. Однако невозможно предсказать, какими — прозападными или антизападными будут взаимоотношения лидеров *третьего* поколения. В то же время сугубо прозападная внешняя политика А. Козырева, которая опустила российско-китайские отношения на весьма низкий уровень, уже практически невозможна.

По мнению ряда экспертов, «рано или поздно в силу неизбежного стечения обстоятельств, в силу необходимости принятия государственными лидерами России и Китая прагматических решений, обусловленных защитой национальных интересов своих стран, как и рядом геополитических факторов, Россия и Китай окажутся в одном политико-экономическом сообществе».

ее. Причем произойдет такой расклад сил в АТР вопреки сопротивлению и нажиму на руководителей России со стороны проамерикански настроенных сторонников западной цивилизации». В то же время США и Япония останутся в другом сообществе, отвечающем интересам и идеалам их правящих кругов.

Возможно ли военное противостояние? Едва ли. Россия и Китай слишком нуждаются в западных инвестициях и технологиях, они не могут рисковать своими отношениями с обладателями этих благ, объединяясь друг с другом ради модернизации без вестернизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Контурсы мирового будущего. Доклад по «Проекту-2020» Национального разведывательного совета США. Вашингтон, Декабрь 2004, с. 4

² «Контурсы грядущего будущего». Доклад к «Проекту-2020» Национального разведывательного Совета США. Вашингтон, Декабрь 2004, с. 71.

³ Fukuyama F. The Troubles with Names («Foreign Policy». Summer 2000. P. 60).

⁴ Wright R. Pax Kapital («Foreign Policy». Summer 2000. P. 67).

⁵ Cardoso F. An Age of Citizenship («Foreign Policy». Summer 2000. P. 42).

⁶ Creveld van M. The New Middle Ages («Foreign Policy». Summer 2000. P. 39).

⁷ Sorrel M. Branding the New Era («Foreign Policy». Summer 2000. P. 61-61).

⁸ Soros G. The Age of Open Society («Foreign Policy». Summer 2000. P. 53).

⁹ Bertram Ch. Interregnum («Foreign Policy». Summer 2000. P. 45).

¹⁰ Цит. по: International Studies Review. Summer 1999. P. 115.

¹¹ Heisburg F. American Hegemony? Perceptions of the US Abroad («Survival», Winter 1999-2000, p. 16).

¹² The World in 2000. The Economist Publications. London, 2000, p. 86.

¹³ «International Studies Quarterly», March 1994, p. 13.

¹⁴ Rielly J. (ed.) American Public Opinion and U.S. Foreign Policy, 1995, Chicago: Council on Foreign Relations, 1995, p. 24-25.

¹⁵ «Survival», Winter 1999-2000, p. 112.

¹⁶ OECD, Science, Technology, and Industry: Scoreboard of Indicators 1997. Paris, OECD, 1997; «New York Times», May 11, 1999, p.C1.

¹⁷ «International Security», Summer 1999, p. 17 (note).

¹⁸ Zakaria Fareed. The Challenges of American Hegemony («International Journal», Winter 1998-9, p. 13).

¹⁹ Waltz K. Globalization and American Power («The National Interest», Spring 2000, p. 54).

²⁰ Kagan R. and Kristol W. The Present Danger («The National Interest», Spring 2000, p. 63).

²¹ Renwick N. America's Word Identity. The Politics of Exclusion. New York: St.Martin's Press, 2000, p. 96.

- ²² Kegley Ch., Wittkopf E. *American Foreign Policy*. New York, 1996, p. 146.
- ²³ Lieber K. and Press D. *The Rise of U.S. Nuclear Primacy* («Foreign Affairs», March/April 2006, p. 27).
- ²⁴ «International Security», Spring 2006 ("The End of MAD? The Nuclear Dimension of U.S. Primacy").
- ²⁵ Renwick N. *America's Word Identity. The Politics of Exclusion*. New York: St. Martin's Press, 2000, p. 96.
- ²⁶ Kagan R. and Kristol W. *The Present Danger* («The National Interest», Spring 2000, p. 63).
- ²⁷ Wohlforth W. *The Stability of a Unipolar World* («International Security», Summer 1999, p. 18).
- ²⁸ «The National Interest», Spring 2000, p. 53.
- ²⁹ Bacevich A. *Policing Utopia. The Military Imperatives of Globalization* («National Interest», Summer 1999, p. 5).
- ³⁰ Контуры мирового будущего. Доклад по «Проекту-2020» Национального разведывательного Совета США, с. 13.
- ³¹ Wallerstein I. *Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World-System*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991, 193.
- ³² Baruah S. *Globalization — Facing the Inevitable?* («World Policy Journal», Winter 1999/2000, p. 108).
- ³³ Modelski G., Tompson W. *The Long and Short of Global Politics in the Twenty-first Century: An Evolutionary Approach* («International Studies Review». Summer 1999, p. 137).
- ³⁴ «Foreign Affairs», May/June 2000, p. 121.
- ³⁵ Barber B. *Jihad vs Mc World: How the Planet is both Falling Apart and Coming together and What this Means for Democracy*. N.Y., 1995, p. 299-301.
- ³⁶ Renwick N. *America's Word Identity. The Politics of Exclusion*. New York: St.-Martin's Press, 2000, p. 64.
- ³⁷ Huntington S. *The Erosion of American National Interests* («Foreign Affairs», Sept.-Oct. 1997).
- ³⁸ Rieff D. *A Second American Century? The Paradoxes of Power* («World Policy Journal», Winter 1999/2000, p. 7).
- ³⁹ McRae H. *The World in 2020. Power, Culture and Prosperity*. Boston, 1994, p. 268.
- ⁴⁰ Bell C. *American Ascendancy. And the Pretense of Concert* («The National Interest», Fall 1999, p. 59).
- ⁴¹ U.S. Department of Commerce, Office of Technology Policy. *The New Innovators: Global Patenting Trends in Five Sectors*. Washington, 1998.
- ⁴² Туроу Л. *Будущее капитализма*. Новосибирск, 1999, с. 195.
- ⁴³ Chace J. and Rizopoulos N. *Toward a New Concert of Nations. An American Perspective* («World Policy Journal», Fall 1999, p. 2).
- ⁴⁴ Kennedy P. *The Next American Century?* («World Policy Journal», Spring 1999, p. 57).
- ⁴⁵ Pfaff W. *The Coming Clash of Europe with America* («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 6).

⁴⁶ Kagan R. and Kristol W. The Present Danger («The National Interest», Spring 2000, p. 69).

⁴⁷ Ikenberry J. America's Liberal Hegemony («Current history», January 1999, p. 26).

⁴⁸ Cutter B., Spero J., Tyson L. New World, New Deal. A Democratic approach to Globalization («Foreign Affairs», March/april 2000, p. 81).

⁴⁹ Kupchan Ch. Life after Pax Americana («World Policy Journal», Fall 1999, p. 21).

⁵⁰ Haass R. The Reluctant Sheriff. The United States After the Cold War. N.Y., 1997, p. 2.

⁵¹ Haas R. What to Do With American Primacy («Foreign Affairs», September/October 1999, p. 37).

⁵² Renwick N. America's Word Identity. The Politics of Exclusion. New York: St.Martin's Press, 2000, p. 64.

⁵³ Kagan R. and Kristol W. The Present Danger («The National Interest», Spring 2000, p. 67).

⁵⁴ Brands H. W. What America Owes the World: The Struggle for the Soul of Foreign Policy. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1998, p. VII.

⁵⁵ Santis De H. Mutualism. An American Strategy for the Next Century («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 43).

⁵⁶ Santis De H. Mutualism. An American Strategy for the Next Century («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 42).

⁵⁷ Zuckerman M. A Second American Century («Foreign Affairs», May-June 1998, p. 18-31).

⁵⁸ Santis De H. Mutualism. An American Strategy for the Next Century («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 42).

⁵⁹ Zuckerman M. A Second American Century («Foreign Affairs», May/June 1998, p. 31).

⁶⁰ Cutter B., Spero J., Tyson L. New World, New Deal. A Democratic approach to Globalization («Foreign Affairs», March/april 2000, p. 80).

⁶¹ Rice C Promoting the National Interest («Foreign Affairs», Jan/Feb. 2000, p. 46).

⁶² Krauthammer Ch. The Unipolar Moment. («Foreign Affairs», Summer 1991,p.23-24).

⁶³ Santis De H. Mutualism. An American Strategy for the Next Century («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 42).

⁶⁴ Mallaby S. The Reluctant Imperialist ("Foreign Affairs", March/April 2002, p.2-7).

⁶⁵ «New York Times», September 19, 2001.

⁶⁶ Mallaby S. The Reluctant Imperialist ("Foreign Affairs", March/April 2002, p.6).

⁶⁷ «New York Times», March 8, 1992, p. A14.

⁶⁸ «The National Interest», Spring 1999, p. 5.

⁶⁹ «New York Times», October 12, 2000.

⁷⁰ «New York Times", June 2, 2002.

- ⁷¹ «Nouvel observateur», 16 mars, 2002, p. 12
- ⁷² Kissinger H. *Diplomacy*. New York: Touchstone, 1994, p. 21.
- ⁷³ Joffe J. How America Does It («Foreign Affairs», 1997, N 5, p. 13-27).
- ⁷⁴ Lewis F. The 7 1/2 Directorate («Foreign Policy», 1991, N 2, p. 34-35).
- ⁷⁵ Kegley C And Raymond G. *A Multipolar Peace? Great Powers Politics in the 21st Century*. N.Y., 1994, p. 195-196.
- ⁷⁶ Ashley R. *Living on Border Lines*. (In: Der Derian J., Shapiro M. — eds. *International/Intertextual Relations*. Lexington: Lexington Books, 1989, p. 264-265).
- ⁷⁷ Pfaff W. The Coming Clash of Europe with America («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 5).
- ⁷⁸ Maynes Ch. Pax Americana: The Impossible Dream («Foreign Service Journal», March 2000, p. 23).
- ⁷⁹ Maynes Ch. Pax Americana: The Impossible Dream («Foreign Service Journal», March 2000, p. 24).
- ⁸⁰ Parker J. Two new presidents (In: *The World in 2000*. The Economist Publication. London, 1999, p. 14).
- ⁸¹ «World Policy Journal», Winter 1999/2000, p. 113.
- ⁸² Cuthbertson I. Chasing the Chimera. Securing the Peace. («World Policy Journal/), Summer 1999, p. 74).
- ⁸³ Rosenau J. *Along the Domestic-Foreign Frontier: Exploring Governance in a Turbulent World*. Cambridge, 1997, p. 115.
- ⁸⁴ Steinberg R. Reconciling Transatlanticism and Multilateralism (In: Burwell F., Daalder I. -eds. *The United States and Europe in the Global Arena*. London: Macmillan Press, 1999, p. 224).
- ⁸⁵ Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. N.Y., 1992.
- ⁸⁶ Santis De H. Mutualism. An American Strategy for the Next Century («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 45).
- ⁸⁷ Friedman Th. *The World is Flat. A Brief History of the Twenty-first Century*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2006. p. 38.
- ⁸⁸ Renwick N. *America's Word Identity. The Politics of Exclusion*. New York: St. Martin's Press, 2000, p. 82.
- ⁸⁹ Kaplan L. Meanwhile on the Left («The National Interest», Spring 2000, p. 154).
- ⁹⁰ Waltz K. Globalization and American Power («The National Interest», Spring 2000, p. 49).
- , Held D. e.a. *Global Transformations. Politics, Economics and Culture*. Cambridge: Polity Press, 2000, p. 4.
- ⁹² Giddens A. *Modernity and Self-identity*. Cambridge: Polity Press, 1991; Robertson R. *Globalization: Social Theory and Global Culture*. London: Sage; Albrow M. *The Global Age*. 1996, Cambridge: Polity Press; Connolly W. E. *The Ethos of Pluralization*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.
- ⁹³ Amin S. *Capitalism in the Age of Globalization*. London: Zed Press, 1997; Benton L. *From the world systems perspective to institutional world*

history: culture and economy in global theory («Journal of World History», N 7, 1996.

⁹⁴ Callinicos A. e. a. *Marxism and the New Imperialism*. London: Bookmarks, 1994.

⁹⁵ Glazer N. Two Cheers for «Asian Values» («The National Interest», Fall 1999, p. 27).

⁹⁶ Keohane R., Nye J. *Power and Interdependence*. N. Y., 1977.

⁹⁷ Ohmae K. *The Borderless World*. London: Collins, 1990; Ohmae K. *The End of the Nation State*. New York: Free Press, 1995, p. 5.

⁹⁸ World Bank. *World Development Report 1995*.

⁹⁹ Albrow M. *The Global Age*. Cambridge: Polity Press, 1996, p. 85.

¹⁰⁰ *Ibid.*, p. 243-244.

¹⁰¹ Doyle M. *Ways of War and Peace: Realism, Liberalism, and Socialism*. New York: W.W.Norton, 1997, p. 480-481.

¹⁰² Rosenau J. *Turbulence in World politics*. Brighton: Harvester Wheatsheaf, 1990; Rosenau J. *Along the Domestic-Foreign Frontier*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997; Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press, 1990; Giddens A. *Beyond Left and Right*. Cambridge, 1995.

¹⁰³ Castells M. *The End of Millennium*. Oxford: Blackwell, 1998.

¹⁰⁴ Sassen S. *Loosing Control? Sovereignty in an Age of Globalization*. New York: Columbia University Press, 1996.

¹⁰⁵ Rosenau J. *Along the Domestic-Foreign Frontier*. Cambridge: Cambridge University Press. 1997, p. 4-5.

¹⁰⁶ Mann M. Has globalization ended the rise and rise of the nation-state («Review of International Political economy», 1997, N 4).

¹⁰⁷ Hoogvelt A. *Globalisation and the Postcolonial World: The New Political Economy of Development*. London: Macmillan, 1997.

¹⁰⁸ Sandel M. *Democracy's Discontent*. Cambridge: Harvard University Press. 1996.

¹⁰⁹ Keohane R. O. *Hobbes' dilemma and institutional change in world politics: sovereignty in international society* (Holm H. and Sorensen G.- eds. *Whose World Order?* Boulder: Westview Press).

¹¹⁰ Falk R. *World Orders, Old and New* («Current History», January 1999, p. 31-33.

¹¹¹ Strange S. *The Retreat of the State: The Diffusion of Power in the World Economy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996, p. 4).

¹¹² Maynes Ch. W. *America's Fading Commitments* («World Policy Journal», Summer 1999, p. 18).

¹¹³ Kaplan L. *Meanwhile on the Left* («The National Interest», Spring 2000, p. 153).

¹¹⁴ Friedman Th. *The Lexus and the Olive Tree*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1999, p. 46.

¹¹⁵ Bacevich A. *Policing Utopia. The Military Imperatives of Globalization* («National Interest», Summer 1999, p. 10).

¹¹⁶ Mazur J. Labor's New Internationalism («Foreign Affairs», January/February 2000, p. 79).

¹¹⁷ Clinton Bill. Remarks by the President at the United States Naval Academy Commencement, Annapolis, MD, May 22, 1998.

¹¹⁸ Barber D. *Jihad vs McWorld*. New York: Times Books, 1995; Korton D. *When Corporations Rule the World*. West Hartford: Kumarian Press, 1995; Daly H. and Cobb J. *For the Common Good: Redirecting the Economy toward Community, the Environment, and a Sustainable Future*. Boston: Beacon Press, 1989; Buchanan P. *The Great Betrayal: How American Sovereignty and Social Justice Are Being Sacrificed to the Gods of the Global Economy*. New York: Little, Brown, 1998; Sir James Goldsmith. *The Trap*. New York: Carol! and Graf, 1994.

¹¹⁹ Waltz K. Globalization and American Power («The National Interest», Spring 2000, p. 52).

¹²⁰ Gray J. *False Dawn: The Delusions of Global Capitalism*. New York, 1998, p. 16.

¹²¹ Calleo D. The United States and the Great Powers («World Policy Journal», Fall 1999, p. 12).

¹²² Weiss L. *The Myth of the Powerless State: Governing the Economy in a Global Era*. Cambridge: Polity Press, 1998, p. 186.

¹²³ Menon R., Wimbush E. Asia in the 21st Century. Power Politics Alive and Well («The National Interest», Spring 2000, p. 84-85).

¹²⁴ Santis De H. Mutualism. An American Strategy for the Next Century («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 47).

¹²⁵ Wade R. Globalization and its Limits: Reports of the Death of the National Economy are Grossly Exaggeration (Berger S., Dore R. eds. *National Diversity and Global Capitalism*. Ithaca: Cornell University Press, 1996, p. 62).

¹²⁶ «Foreign Affairs», May/June 2000, p. 184.

¹²⁷ «World Policy Journal», Fall 1999, p. 82.

¹²⁸ Menon R., Wimbush E. Asia in the 21st Century. Power Politics Alive and Well («The National Interest», Spring 2000, p. 85).

¹²⁹ Lawrence R. Workers and Economists II: Resist the Binge («Foreign Affairs», March/April 1994).

¹³⁰ Weiss L. *The Myth of the Powerless State: Governing the Economy in a Global Era*. Cambridge: Polity Press, 1998, p. 176.

¹³¹ Hirst P. *The Global Economy: Myths and Realities* («International Affairs», № 73, 1997; Hirst P. and Thompson G. *Globalization in Question: The International Economy and the Possibilities of Governance*. Cambridge: Polity Press, 1996.

¹³² Keohane R. And Nye J. Power and Interdependence in the Information Age. («Foreign Affairs», September/October 1998, p. 89).

¹³³ Gray J. *False Dawn: The Delusions of Global Capitalism*. New York: New Press, 1998, p. 4.

¹³⁴ Mathews J. Power Shift («Foreign Affairs', 1997, N 76, p. 50).

¹³⁵ Krugman P. *Pop Internationalism*. Boston: MIT Press, 1996.

- ¹³⁶ Thompson G. and Allen J. Think global, then think again: economic globalization in context («Area», N 3, 1997).
- ¹³⁷ Broad R. and Cavanagh J. The Death of Washington Consensus? («World Policy Journal», Fall 1999, p. 86).
- ¹³⁸ Waltz K. Globalization and American Power («The National Interest», Spring 2000, p. 47).
- ¹³⁹ Broad R. and Cavanagh J. The Death of the Washington Consensus? («World Policy Journal», Fall 1999, p. 83).
- ¹⁴⁰ Kaplan L. Meanwhile on the Left («The National Interest», Spring 2000, p. 155).
- ¹⁴¹ «World Policy Journal», Spring 1999, p. 96.
- ¹⁴² «The National Interest», Spring 2000, p. 152.
- ¹⁴³ «The National Interest», Spring 2000, p. 152 — 153.
- ¹⁴⁴ Mazur J. Labor's New Internationalism («Foreign Affairs», January/February 2000, p. 79).
- ¹⁴⁵ Gray J. False Dawn: The Delusions of Global Capitalism. New York, 1998.
- ¹⁴⁶ Heisburg F. American Hegemony? Perceptions of the US Abroad («Survival», Winter 1999-2000, p. 17).
- ¹⁴⁷ Cutter B., Spero J., Tyson L. New World, New Deal. A Democratic approach to Globalization («Foreign Affairs», March/April 2000, p. 97).
- ¹⁴⁸ Cutter B., Spero J., Tyson L. New World, New Deal. A Democratic approach to Globalization («Foreign Affairs», March/April 2000, p. 97).
- ¹⁴⁹ Bacevich A. Policing Utopia. The Military Imperatives of Globalization («National Interest», Summer 1999, p. 9).
- ¹⁵⁰ Mazur J. Labor's New Internationalism («Foreign Affairs», January/February 2000, p. 83).
- ¹⁵¹ Runge F. and Senauer B. A Removable Feast («Foreign Affairs», May/June 2000, p. 39).
- ¹⁵² «Контурь мирового будущего. Доклад по «Проекту-2020» Национального разведывательного совета США. Вашингтон, декабрь 2004, с. 6.
- ¹⁵³ «Strategic Analysis», June 1999, p. 366.
- ¹⁵⁴ Modelski G., Tompson W. The Long and Short of Global Politics in the Twenty-first Century: An Evolutionary Approach («International Studies Review». Summer 1999, p. 109).
- ¹⁵⁵ Mazur J. Labor's New Internationalism («Foreign Affairs», January/February 2000, p. 84).
- ¹⁵⁶ Mazur J. Labor's New Internationalism («Foreign Affairs», January/February 2000, p. 86).
- ¹⁵⁷ Kennedy P. The Global gales ahead. («New Statesman and Society», May 3, 1996, p. 28-29).
- ¹⁵⁸ Kennedy P. The Next American Century? («World Policy Journal», Spring 1999, p. 57).
- ¹⁵⁹ Beck U. The Fight for a cosmopolitan future («New Statesman», November 5, 2001, p.34).

¹⁶⁰ Kearney A.T. Measuring Globalization: Economic Reversals, Forward Momentum ("Foreign Policy", March/April 2004).

¹⁶¹ "Foreign Policy", March/April 2004, p. 42.

¹⁶² Доклад по «Проекту-2020» Национального разведывательного Совета США. Вашингтон, 2004, с. 23.

¹⁶³ Rieff D. A Second American Century? The Paradoxes of Power («World Policy Journal», Winter 1999/2000, p. 11).

¹⁶⁴ Reinecke W. Global Public Policy («Foreign Affairs», Nov./Dec. 1997, p. 137).

¹⁶⁵ The World in 2006. London: Economist, 2005, p. 88.

¹⁶⁶ Huntington S. Who We Are? The Challenges To America's National Identity. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 340.

¹⁶⁷ «Foreign Policy», Fall 1999, p. 46.

¹⁶⁸ Held D. e.a. Global Transformations. Politics, Economics and Culture. Cambridge: Polity Press, 1999, p. 53.

¹⁶⁹ Zacher M. International organizations (In: Krieger J. — ed. The Oxford Companion to Politics of the World. Oxford: Oxford University Press, 1993.

¹⁷⁰ Kenichi Omae. The End of the Nation State. New York: Free Press, 1995.

¹⁷¹ Rieff D. A Second American Century? The Paradoxes of Power («World Policy Journal», Winter 1999/2000, p. 12).

¹⁷² Castells M. The End of Millennium. Oxford: Blackwell, 1998.

¹⁷³ Kennedy P. The Next American Century? («World Policy Journal», Spring 1999, p. 57).

¹⁷⁴ Strange S. The Retreat of the State. Cambridge, 1996, p. 199.

¹⁷⁵ Moynihan D. P. Pandemonium: Ethnicity in International Politics. New York: Oxford University Press, 1993, p. 83.

¹⁷⁶ Waltz K. Globalization and American Power («The National Interest», Spring 2000, p. 51).

¹⁷⁷ Enriques J. Too Many Flags? «Foreign Policy», Fall 1999, p. 31).

¹⁷⁸ James H. The Roman Predicament. Princeton: Princeton University Press. 2006, p. 7.

¹⁷⁹ Hannum H. The Specter of Secession. Responding to Claims for Ethnic Self-Determination («Foreign Affairs», March-April 1998, p. 13)

¹⁸⁰ Hodge C Op. cit., p. 13

¹⁸¹ Buchheit L. Secession: The Legitimacy of Self-Determination. New Hawen, 1978, p. 222

¹⁸² Crawford B. Explaining Defection from International Cooperation: Germany's Unilateral Recognition of Croatia («World Politics», July 1996, p. 482-521).

¹⁸³ Fuller G. Redrawing the World Borders («World Policy Journal», Spring 1997, p. 11).

¹⁸⁴ «World Policy Journal», Spring 1997, p. 16

¹⁸⁵ Popper K. The Open Society and Its Enemies. Vol.2. Princeton, 1963, p. 49

- ¹⁸⁶ Cobban A. *The Nation State and National Self-Determination*. New York, 1970, p.280
- ¹⁸⁷ Smith A. *The Ethnic Origins of Nations*. Oxford, 1986, p.219
- ¹⁸⁸ *Ibid.*, p.16
- ¹⁸⁹ «World Policy Journal», Summer 1998, p. 30
- ¹⁹⁰ Fuller G. *Op. cit.*, p. 17
- ¹⁹¹ *Ibid.*, p.19
- ¹⁹² Blank S. *Drift and Mastery*. («European Security», Autumn 1997, p. 3).
- ¹⁹³ Bell C. *American Ascendancy. And the Pretense of Concert* («The National Interest», Fall 1999, p.61)
- ¹⁹⁴ «World Policy Journal», Summer 1999, p. 1.
- ¹⁹⁵ «Foreign Policy», Fall 1999, p. 42.
- ¹⁹⁶ «Foreign Policy», Fall 1999, p. 44.
- ¹⁹⁷ *Ibid.*, p. 243-244.
- ¹⁹⁸ Zakaria F. *The challenges of American hegemony*. («International Journal», Winter 1998-9, p. 24).
- ¹⁹⁹ Mandelbaum M. *The Future of Nationalism* («The National Interest», Fall 1999, p. 19).
- ²⁰⁰ Rohde D. *Kosovo Seething* («Foreign Affairs», May/June 2000, p. 77).
- ²⁰¹ Rieff D. *A New Age of Liberal Imperialism?* («World Policy Journal», Summer 1999, p. 3).
- ²⁰² Rieff D. *A New Age of Liberal Imperialism?* («World Policy Journal», Summer 1999, p. 8).
- ²⁰³ Rosenau J. *Along the Domestic-Foreign Frontien Exploring Governance in a Turbulent World*. Cambridge, 1997, p. 151-152.
- ²⁰⁴ Cuthbertson I. *Chasing the Chimera. Securing the Peace* («World Policy Journal», Summer 1999, p. 79).
- ²⁰⁵ Miller J. and Broad W. *Clinton Sees Threat of Germ Terrorism* («International Herald Tribune», Jan. 23-24, 1999, p. 1).
- ²⁰⁶ *The Weapons Proliferation Threat*. Washington: Central Intelligence Agency, March 1995.
- ²⁰⁷ Gurr T. *Ethnic Warfare on the Wane* («Foreign Affairs», May/June 2000, p.64).
- ²⁰⁸ CM. : Gurr T. *Ethnic Warfare on the Wane* («Foreign Affairs», May/June 2000, p. 64).
- ²⁰⁹ Haass R. *The Reluctant Sheriff. The United States After the Cold War*. N.Y., 1997, p. 41.
- ²¹⁰ Paarlberg R. *The Global Food Fight* («Foreign Affairs», May/June 2000, p. 26).
- ²¹¹ CM.: Modelski G., Tompson W. *The Long and Short of Global Politics in the Twenty-first Century: An Evolutionary Approach* («International Studies Review». Summer 1999, N 1, p. 116).
- ^{2.2} Gurr T. *Ethnic Warfare on the Wane* («Foreign Affairs», May/June 2000, p.63).

²¹³ Glennon M. The New Interventionism. The Search for a Just International Law («Foreign Affairs», May /June 1999, p. 3-7).

²¹⁴ Kennedy P. Preparing for the Twenty-First Century. N.Y., 1993.

²¹⁵ Kymlicka W. (ed). Introduction to: The Rights of Minority Cultures. New York: Oxford Press, 1995, p. 5.

²¹⁶ Toffler A. and H. War and Anti-War. Survival at the Dawn of the 21st Century. Boston, 1993, p. 23.

²¹⁷ Kaplan R. The Coming Anarchy («Atlantic», February 1994, p. 44-76; Kaplan M. The Ends of the Earth: A Journey at the Dawn of the Twenty-First Century. New York: Random House, 1996.

²¹⁸ Toffler A. and H. War and Anti-War. Survival at the Dawn of the 21st Century. Boston, 1993, p. 242.

²¹⁹ Mandelbaum M. The Future of Nationalism («The National Interest», Fall 1999, p. 22).

²²⁰ Mandelbaum M. Is Major War Obsolete? («Survival», Fall 1998).

²²¹ Woods N. Order, Globalization and Inequality in World Politics (In: Held D. and McGrew A. The Global Transformations Reader. Cambridge: Polity Press, 2000, p. 396).

²²² Waltz K. Globalization and American Power («The National Interest», Spring 2000, p. 51).

²²³ Waltz K. Globalization and American Power («The National Interest», Spring 2000, p. 50).

²²⁴ Toffler Alvin and Heidi. War and Anti-War: Survival at the Dawn of the 21st Century. London, 1994, p.299.

²²⁵ Curr T. Ethnic Warfare on the Wane («Foreign Affairs», May/June 2000, p. 59).

²²⁶ «World Policy Journal», Spring 1999, p. 98.

²²⁷ «Strategic Analysis», July 1999, p. 555.

²²⁸ Russett B., O'Neill and Sutterlin J. Breaking the Security Council restructuring logjam («Global Governance», N 2, 1996, p. 65-80).

²²⁹ Rivlin B. UN reform from the standpoint of the United States (In: «UN University Lectures: II.Tokio, 1996).

²³⁰ Woods N. Order, Globalization and Inequality in World Politics (In: Held D. and McGrew A. The Global Transformations Reader. Cambridge: Polity Press, 2000, p. 393).

²³¹ Woods N. Order, Globalization and Inequality in World Politics (In: Held D. and McGrew A. The Global Transformations Reader. Cambridge: Polity Press, 2000, p. 394).

²³² Gold J. Voting and Decisions in the International Monetary Fund. Washington, 1972, p. 18.

²³³ Greider W. The American Military and the Consequences of Peace. N. Y.: Public Affairs, 1998.

²³⁴ Maynes Ch. W. America's Fading Commitments («World Policy Journal», Summer 1999, p. 11).

- ²³⁵ Rieff D. Sustaining the Unsustainable («World Policy Journal», Spring 1999, p. 97).
- ²³⁶ Rieff D. Sustaining the Unsustainable («World Policy Journal», Spring 1999, p. 96).
- ²³⁷ Maynes Ch. W. America's Fading Commitments («World Policy Journal», Summer 1999, p. 12).
- ²³⁸ Cutter B., Spero J., Tyson L. A Democratic Approach to Globalization («Foreign Affairs», March/April 2000, p. 80).
- ²³⁹ Maynes Ch. W. America's Fading Commitments («World Policy Journal», Summer 1999, p. 13).
- ²⁴⁰ «National Review», November 2001.
- ²⁴¹ Kramer M. Ivory on Sand: The Failure of Middle Eastern Studies in America. Washington: Washington Institute for Near East Policy. 2001, p. 12.
- ²⁴² Simes D. What War Means («The National interest», Spring 2002, p.47).
- ²⁴³ "Le Figaro", avril 8, 2002.
- ²⁴⁴ Nairn M. Our Inequality Anxiety ("Foreign Policy", May/June 2006, p. 72).
- ²⁴⁵ "Foreign Policy". Ranking the Rich 2004, p. 31.
- ²⁴⁶ Garten G. The Big Ten: The Big Emerging Markets and How They Will Change Our Lives. New York: Basic Books, 1997.
- ²⁴⁷ Scholte J. Can Globality Bring a Good Society? (Aulakh P. And Schechter M. (eds). Rethinking Globalization(s). London: Macmillan Press, 2000, p. 22).
- ²⁴⁸ UNDP Report 1999, N. Y, 1999, p.3./
- ²⁴⁹ «The National Interest», Summer 2000, p. 57.
- ²⁵⁰ CM.: Hirst P. The Global Economy—Myths and Realities («International Affairs», 1997, N73, p. 425).
- ²⁵¹ Hoogvelt A. Globalization and the Postcolonial World (Held D. and McGrew A. — eds. The Global Transformations Reader. Cambridge: Polity Press, 2000, p. 355-356).
- ²⁵² Speth J.G. The Plight of the Poor. The United States Must Increase Development Aid («Foreign Affairs», May/June 1999, p. 13-14).
- ²⁵³ «Foreign Affairs», Jan/Feb. 2000, p. 83.
- ²⁵⁴ Scholte J. Can Globality Bring a Good Society? (Aulakh P. And Schechter M. (eds). Rethinking Globalization(s). London: Macmillan Press, 2000, p. 23).
- ²⁵⁵ Ibid., p. 14.
- ²⁵⁶ «The National Interest», Summer 2000, p. 57.
- ²⁵⁷ Globalization with a Human Face. UNDR Report 1999, N. Y, 1999, p. 4.
- ²⁵⁸ Harrison L. Culture Matters («The National Interest», Summer 2000, p. 55).
- ²⁵⁹ Globalization with a Human Face. UNDR Report 1999, N. Y, 1999, p. 5-6.
- ²⁶⁰ Gardner G., Halweil B. Underfed and Overfed. The Global Epidemic of Malnutrition. Worldwatch paper, N 150, W., March 2000, p. 7.
- ²⁶¹ Kapstein E. Reviving Aid. Or Does Charity Begin at Home? («World Policy Journal», Fall 1999, p. 35).

- ²⁶² Buvinic M. and Morrison A. Living in a More Violent World («Foreign policy», Spring 2000, p. 63-65).
- ²⁶³ Gardner G., Halweil B. Underfed and Overfed. The Global Epidemic of Malnutrition. WorldWatch paper, N 150, W., March 2000, p. 11.
- ²⁶⁴ Haddad L., Ruel M., Garrett J. Are Urban Poverty and Undernutrition Growing? Discussion Paper N 63, Washington, IFPRI, April 1999.
- ²⁶⁵ «Foreign Affairs», Jan/Feb. 2000, p. 83.
- ²⁶⁶ Paarlberg R. The Global Food Fight («Foreign Affairs», May/June 2000, p. 36).
- ²⁶⁷ «The National Interest», Summer 2000, p. 56.
- ²⁶⁸ «Foreign policy», September/October 2000, p. 58.
- ²⁶⁹ Brownell K. and Yach D. The Battle of the Bulge ("Foreign Policy", November/December 2005, p. 27.
- ²⁷⁰ Kapstein E. Reviving Aid. Or Does Charity Begin at Home? («World Policy Journal», Fall 1999, p. 35).
- ²⁷¹ Gardner G., Halweil B. Underfed and Overfed. The Global Epidemic of Malnutrition. Worldwatch paper, N 150, W., March 2000, p. 49.
- ²⁷² Development Assistance Committee, OECD, 1999.
- ²⁷³ Schwenninger S. American Foreign Policy in the Post-Cold War World («World Policy Journal», Summer 1999, p. 69).
- ²⁷⁴ Kapstein E. Reviving Aid. Or Does Charity Begin at Home? («World Policy Journal», Fall 1999, p. 39).
- ²⁷⁵ Speth J.G. The Plight of the Poor. The United States Must Increase Development Aid («Foreign Affairs», May/June 1999, p. 122.
- ²⁷⁶ McRae H. The World in 2020. Power, Culture and Prosperity. Boston, 1994, p. 5.
- ²⁷⁷ «Strategic Analysis», June 1999, p. 362.
- ²⁷⁸ Wallerstein I. Peace, Stability, and Legitimacy, 1990 -2025/2050.- In: Fall of Great Powers: Peace, Stability, and Legitimacy. Oslo. 1996.
- ²⁷⁴ Greider W. The American Military and the Consequences of Peace. N. Y.: Public Affairs, 1998.
- ²⁸⁰ Ibidem.
- ²⁸¹ Gurmeet Kanval. The New World Order: An Appraisal-1.(«Strategic Analysis», June 1999, p. 352).
- ²⁸² Speth J.G. The Plight of the Poor. The United States Must Increase Development Aid («Foreign Affairs», May/June 1999, p. 13).
- ²⁸³ Kaufman S/ Approaches to Global Politics in the Twenty-first Century. A Review Essay// International Studies Review, p.201.
- ²⁸⁴ "International Herald Tribune", September 21, 2001.
- ²⁸⁵ Buvinic M. and Morrison A. Living in a More Violent World («Foreign policy», Spring 2000, p. 65).
- ²⁸⁶ Singer M. The Challenge to Science: How to Mobilize American Ingenuity (In: Talbott S. and Chanda N. (eds).The Age of Terror. Oxford: The Perseus Press, 2001, p.217).

- ²⁸⁷ Gurmeet Kanval. *The New World Order: An Appraisal-1*. («Strategic Analysis», June 1999, p. 352).
- ²⁸⁸ Hirsh M. Bush and the World ("Foreign Affairs", September/October 2002, p.39).
- ²⁸⁹ Strange S. *The Retreat of State*. Cambridge, 1996, p. 102; Ferguson Y., Mansbach R. *Global Politics at the Turn of the Millenium: Changing Bases of «US» and «Them»* (« International Studies Review», p. 86).
- ²⁹⁰ «Foreign Affairs», Jan/Feb. 2000, p. 83.
- ²⁹¹ Schlesinger A. Has Democracy a Future? («Foreign Affairs», Sept./Oct. 1997, p. 6).
- ²⁹² «Foreign Affairs», Sept./Oct. 1997, p. 8.
- ²⁹³ Kapstein E. Reviving Aid Or Does Charity Begin at Home?(«World Policy Journal», Fall 1999, p. 4).
- ²⁹⁴ World Bank. *Assessing Aid*. New York: Oxford University Press, 1998, p.2-4, 27.
- ²⁹⁵ Friedman Th. Globalisation is Here, Like it or Not. («Times of India», April 5, 1999).
- ²⁹⁶ Fieldhouse D. The West and the Third World (In: Held D. and McGrew A. eds. *The Global Transformations Reader*. Cambridge: Polity Press, 2000, p. 362).
- ²⁹⁷ World Population Prospects: 1999 Revision; UN, 1999, Demographic Yearbook; Council of Europe. *Recent Demographic Developments in the Member States in OECD Long-term Prospects for the World Economy*, 1992.
- ²⁹⁸ Runge F. and Senauer B. A Removable Feast («Foreign Affairs», May/June 2000, p. 40).
- ²⁹⁹ Moffett G. *Global Population Growth: 21st Century Challenges*. Headline Series, #302. New York: Foreign Policy Association, 1994, p. 6.
- ³⁰⁰ Cohen J. *How Many People Can the Earth Support?* New York: W.W. Norton, 1995, p. 67.
- ³⁰¹ Kennedy P. *Preparing for the 21st Century*. New York: Random House, 1993, p. 25.
- ³⁰² Eberstadt N. The Population Implosion ("Wall Street Journal", October 16, 1997, p. 22).
- ³⁰³ Mazarr M. *Global Trends 2005*. New York: St.Martin's 1999, p. 25-33.
- ³⁰⁴ Mazar M. *Global Trends 2005. An Owner's Manual for the Next Decade*. New York: Palgrave, 2001, p. 37.
- ³⁰⁵ Buchanan P. *The Death of the West*. N.Y.:Thomas Dunne Press, 2002, p. 34.
- ³⁰⁶ *The World at Six Billions*. Population Division, Department of Economic and Social Affairs, United Nations, 1999.
- ³⁰⁷ Durant W. *Caesar and Christ*. New York: Simon and Schuster, 1944, p. 666.
- ³⁰⁸ Durant W. *Caesar and Christ*. New York: Simon and Schuster, 1944, p. 666.
- ³⁰⁹ Buchanan P. *The Death of the West*. N.Y.:Thomas Dunne Press, 2002, p. 48.
- ³¹⁰ Burnham W. *Suicide of the West*. New York: The John Day Company, 1964, p. 301.

- ³¹¹ Kurth J. The American Way of Victory ("National Interest", Summer 2000, p. 5).
- ³¹² Noebel D. The Legacy of John Lennon: Charming or Harming a Generation? Nashville: Thomas Nelson, 1982, p. 11.
- ³¹³ Noebel D. The Legacy of John Lennon: Charming or Harming a Generation? Nashville: Thomas Nelson, 1982, p. 53.
- ³¹⁴ Buchanan P. The Death of the West. N.Y.:Thomas Dunne Press, 2002, p. 58.
- ³¹⁵ Population Division. Department of Economic and Social Affairs, United States. World Population prospects: The 2000 Revision, Highlights. February 28, 2001, p. 1.
- ³¹⁶ Buchanan P. The Death of the West. N.Y.:Thomas Dunne Press, 2002, p.12.
- ³¹⁷ "New York Times", Section 6, p. 31, January 24, 2000.
- ³¹⁸ U.S. Census Bureau. Statistical Abstract of the United States: 2001, p. 45.
- ³¹⁹ Huntington S. Who We Are? The Challenges To America's National Identity. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 199.
- ³²⁰ Waters M. Ethnic and Racial Identities of Second-Generation Black Immigrants in New York City ("International Migration Review", Winter 1994, p. 799.
- ³²¹ Miller J. The Unmaking of Americans. New York: Free Press, 1998, p. 134-135.
- ³²² "Freedom Review", Fall 1997, p. 51-52.
- ³²³ Huntington S. Who We Are? The Challenges To America's National Identity. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 204.
- ³²⁴ Suro R. Strangers Among Us. New York: Knopf, 1998, p. 124.
- ³²⁵ Renshon S. Dual Citizens in America. Washington: Center for Immigration Studies, July 2000, p. 6.
- ³²⁶ Schak P. and Smith R. Citizenship Without Consent: Illegal Aliens in the American Polity. New Haven: Yale University Press, 1985, p. 108.
- ³²⁷ Huntington S. Who We Are? The Challenges To America's National Identity. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 219.
- ³²⁸ Simcox D. Backgrounder: Another 50 Years of Mass Mexican Immigration. Washington: Center for Immigration Studies, March 2002.
- ³²⁹ Barzun J. From Down to Decadance: 500 Years of Western Cultural Life. N/Y: Harper-Collins Publishers, 2000, p. 91.
- ³³⁰ Buchanan P. The Death of the West. N.Y.:Thomas Dunne Press, 2002, p. 109.
- ³³¹ Buchanan P. The Death of the West. N.Y.:Thomas Dunne Press, 2002, p. 109.
- ³³² Туроу Л. Будущее капитализма. Новосибирск, 1999, с. 111.
- ³³³ McRae H. The World in 2020. Power, Culture and Prosperity. 1994, p. 102.

³³⁴ Runge F. and Senauer B. A Removable Feast («Foreign Affairs», May/June 2000, p. 40).

³³⁵ Runge F. and Senauer B. A Removable Feast («Foreign Affairs», May/June 2000, p. 41).

³³⁶ Доклад по «Проекту-2020» Национального разведывательного Совета США. Вашингтон, 2004, с. 22.

³³⁷ Wattenberg B. Counting Change in Euroland ("Washington Times", January 28, 1999, p. A18).

³³⁸ Peterson P. Gray Down: How the Coming Age Wave Will Transform America and the World. New York:Times Books, 1999, p. 18.

³³⁹ Jenkins Ph. The Next Christendom. The Coming of Global Christianity. Oxford: Oxford University Press, 2002, p. 97.

³⁴⁰ Steele J. The New Migration: Affluent, Controversial ("Guardian", October 30, 2000, p. 17).

³⁴¹ См.: Jenkins Ph. The Next Christendom. The Coming of Global Christianity. Oxford: Oxford University Press, 2002, p. 82.

³⁴² Browne A. UK Whites Will be Minority by 2100 («Observer", September 3, 2000, p. 17).

³⁴³ «Контурь мирового будущего». Доклад по «Проекту-2020» Национального Разведывательного Совета США. Вашингтон, декабрь 2004, с. 44.

³⁴⁴ Gurmeet Kanval. The New World Order: An Appraisal-1.«Strategic Analysis», June 1999, p. 365).

³⁴⁵ «Time», June 2000, p. 26.

³⁴⁶ «Time», June 2000, p. 28.

³⁴⁷ Туроу Л. Будущее капитализма. Новосибирск, 1999, с. 117.

³⁴⁸ McRae H. The World in 2020. Power, Culture and Prosperity. 1994, p. 271-271.

³⁴⁹ Jervis R. The Future of World Politics (In: Lynn-Jones S. And Miller S.- eds. America's Strategy in a Changing World. Cambridge, 1993, p. 28).

³⁵⁰ Borjas G. Immigration and Welfare. NBER Working Paper N 4872, September 1994, p.22.

³⁵¹ Pearson S. Total War 2006. The Future history of global conflict. London: Hodder and Stoughton, 1999, p. 8.

³⁵² Franklin D. The conquistadors return (The World in 2000. London, The Economist Publications, 1999, p. 22).

³⁵³ Population Projections of the United States, by Age, Sex, Race, and Hispanic Origin: 1991 to 2050. Wash., 1992.

³⁵⁴ Huntington S. Who We Are? The Challenges To America's National Identity. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 317-318.

³⁵⁵ "Economist", March 11, 2000, p. 4.

³⁵⁶ Fears D. Seeing Red Over "Whiteness" Studies ("Washington Post Weekly Edition", July 13, 2003, p. 30).

³⁵⁷ Swain C. M. The New White Nationalism in America: Its Challenge to Integration. New York: Cambridge University Press, 2002, p.423.

³⁵⁸ Huntington S. Who We Are? The Challenges To America's National Identity. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 318.

³⁵⁹ «Контурь мирового будущего». Доклад по «Проекту-2020» Национального разведывательного Совета США. Декабрь 2004, с. 58.

³⁶⁰ Barrett D., Kurian G., Johnson T. World Christian Encyclopedia. N.Y.: Oxford University Press, 2001, p. 12-15.

³⁶¹ Jenkins. Ph. The Next Christendom. The Coming of Global Christianity. Oxford: University Press, 2002, p. 3.

³⁶² Hurvey R. Global Disorder. How to Avoid a Forth World War. London: Robinson, 2003, p. 88.

³⁶³ Kwame Bediako. Christianity in Africa. Edinburgh: University Press, 1995, p. 154.

³⁶⁴ Ibid., p. 160.

³⁶⁵ Jenkins. Ph. The Next Christendom. The Coming of Global Christianity. Oxford: University Press, 2002, p. 186.

³⁶⁶ Global Trends 2015. (<http://www.cia.gov/cia/publications/global-trends2015/>).

³⁶⁷ Jenkins. Ph. The Next Christendom. The Coming of Global Christianity. Oxford: University Press, 2002, pp. 2, 169.

³⁶⁸ Global Trends 2015. (<http://www.cia.gov/cia/publications/globaltrends2015/>).

^m Jenkins. Ph. The Next Christendom. The Coming of Global Christianity. Oxford: University Press, 2002, p. 171.

³⁷⁰ «Контурь мирового будущего»... с. 64.

³⁷¹ «Контурь мирового будущего»... с. 64.

³⁷² «Контурь грядущего будущего»... с. 66.

³⁷³ Brack von, M. Christianity and Buddhism. Maryknol: Orbis, 2001.

³⁷⁴ Доклад по «Проекту-2020» Национального разведывательного Совета США. Вашингтон, 2004, с. 22.

³⁷⁵ Jenkins Ph. New Christian Kingdom: Coming of Global Christianity. N.Y.,2001.

³⁷⁶ "New York Times Book Review', June 1, 2002.

³⁷⁷ Barber B. Jihad Vs. McWorld. N.Y.: Times Books, 1995.

³⁷⁸ Jenkins. Ph. The Next Christendom. The Coming of Global Christianity. Oxford: University Press, 2002, pp. 2, 159.

³⁷⁹ Global Trends 2015. (<http://www.cia.gov/cia/publications/globaltrends2015/>).

³⁸⁰ Jenkins. Ph. The Next Christendom. The Coming of Global Christianity. Oxford: University Press, 2002, p. 163.

³⁸¹ -Bacevich A. American Empire. The Realities and Consequences of U.S. Diplomacy. Cambridge:Harvard university Press, 2002, p. 229-230.

- ³⁸² Kohut A. a. o. *The Diminishing Divide: Religion's Changing Role in American Politics*. Washington: Brookings Institution Press, 2000, p. 4-5.
- ³⁸³ Bell D. *The End of American Exceptionalism* (In: Glazer N. and Kristol I. — eds. "The American Commonwealth 1976", New York: Basic Books, 1976, p. 209).
- ³⁸⁴ Glynn P. *Prelude to a Post-Secular Society* ("New Perspectives Quarterly", Spring 1995, p. 17).
- ³⁸⁵ Kurtz P. *Center for Inquiry* ("New York Times", August 24, 2002, p.A17).
- ³⁸⁶ Institut fur Demoscopie. Allenbach, 1998, p. 71.
- ³⁸⁷ Hantington S. *Political Order in Changing Societies*. New Haven: Yale University Press, 1968, p. 93-95.
- ³⁸⁸ World Bank, *Global Economic Prospects and the Developing Countries 1993*. Washington, 1993 p.66-67
- ³⁸⁹ Betts R., Christensen Th. *China: Getting the Questions Right* («The National Interest», Winter 2000/01, p. 8).
- ³⁹⁰ Halloran R. *The Rising East* («Foreign Policy», Spring 1996, p. 3-21).
- ³⁹¹ Fishman T *China, Inc. How the Rise of the Next Superpower Challenges America and the World*. New York: Scribner, 2005, p. 17.
- ³⁹² Naisbitt J. *Megatrends Asia*. N.Y.,1995, p.7.
- ³⁹³ Art Pine, *Bloomberg News*. *China Steals the Spotlight on the Global Stage* ("International Herald Tribune", July 7, 2004).
- ³⁹⁴ Hale D. *China Growing Appetites* ("The National Interest", Summer 2004, p. 138).
- ³⁹⁵ Hale D. *China Growing Appetites* ("The National Interest", Summer 2004, p. 137).
- ³⁹⁶ Fishman T. *China, Inc. How the Rise of the next Superpower Challenges America and the World*. New York: Scribner, 2005, p. 273.
- ³⁹⁷ Fishman T. *China, Inc. How the Rise of the next Superpower Challenges America and the World*. New York: Scribner, 2005, p. 276.
- ³⁹⁸ McElroy J. *Chinese Suppliers Make a Mark Overseas* ("World's Auto World", September 1, 2003).
- ³⁹⁹ UC Berkeley Study *Assesses Potential Impacts of "Second Wave" of Outsourcing Jobs from US*. October 29, 2003.
- ⁴⁰⁰ Betts R., Christensen Th. *China: Getting the Questions Right* («The National Interest», Winter 2000/01, p. 12).
- ⁴⁰¹ Rozman G. *A New Sino-Russian-American Triangle?* («Orbis», Fall 2000, p. 550).
- ⁴⁰² *Sino-EU Trade Volume Witnessing Rapid Growth* ("China Daily", October 6, 2004).
- ⁴⁰³ Mason I. *New Challenge: Capitalist Competition* ("Philadelphia Enquirer", July 18, 2004).
- ⁴⁰⁴ Bracken P. *The Second Industrial Age* («Foreign Affairs», Jan/Feb. 2000, p. 156).

⁴⁰⁵ Quadrennial Defense Review. Wasington, D.C., Seprember 30, 2001, p.2-4.

⁴⁰⁶ Ba Ren. The United States Meddles with Afganistan to Kill Three Birds with One Stone. Hong Cong, September 24, 2001.

⁴⁰⁷ Lampton D. Same Bed, Different Dreams: Managing US-China Relations, 1989-2000. Berkeley: University of California Press, p.385.

⁴⁰⁸ «The National Interest», Summer 2000, p. 35.

⁴⁰⁹ Halloran R. The Rising East. («Foreign Policy», Spring 1996, p. 17)

⁴¹⁰ Lieberthal K. Governing China: From Revolution through Reform. N.Y., 1995, p. 6.

⁴¹¹ Elling R., Olsen E. A New Pacific Profile («Foreign Policy», Winter 1992-1993, p. 122.

⁴¹² Halloran R. The Rising East («Foreign Policy», Spring 1996, p. 3).

⁴¹³ «Foreign Affairs», Nov.,-Dec. 1993, p.74.

⁴¹⁴ Lieberthal K. A New China Strategy («Foreign Affairs», Nov.-Dec. 1995, p.41

⁴¹⁵ «Economist», July 31, 1999 (The Road to 2050).

⁴¹⁶ «Economist», March 9, 1996, p.33.

⁴¹⁷ Hale D. and Dale H. China Takes Off ("Foreign Affairs", November/December 2003, p. 44-46.

⁴¹⁸ Waldron A. Eueope's Crisis ("Commentary", February 2005).

⁴¹⁹ Hale D. China Growing Appetites ("The National Interest", Summer 2004, p. 147).

⁴²⁰ Kurlantzick J. China's Chance («Commentary», March 2005).

⁴²¹ «Контурьы мирового будущего». Доклад по «Проекту-2020» Национального разведывательного Совета США. Декабрь 2004, с. 80.

⁴²² "Die Welt", 17 Februar 2006.

⁴²³ "Le Monde", 17 fevrier 2006.

⁴²⁴ Blankly T. The West's Last Chance. Will We Win the Clash of Civilizations? Washington: Regnery Publishing, 2005, p, 17-18.

⁴²⁵ Anonimous Op. cit, p. 16.

⁴²⁶ Blankly T. The West's Last Chance. Will We Win the Clash of Civilizations? Washington: Regnery Publishing, 2005, p, 25.

⁴²⁷ Roy O. Globalized Islam. New York: Columbia University Press, 2004, p. 294-313.

⁴²⁸ Roy O. Globalized Islam. New York: Columbia University Press, 2004, p. 41.

⁴²⁹ Blankly T. The West's Last Chance. Will We Win the Clash of Civilizations? Washington: Regnery Publishing, 2005, p, 38.

⁴³⁰ Радикальный ислам в Европе (www.aspenberlin.org) special feature.php?Igedminid=8.

⁴³¹ Kater M. Hitler Youth. Cambridge: Harvard University Press, 2004, p. 29.

⁴³² Evans R. The Coming of the Third Reich. New York: Penguin, 2004, p. 236.

⁴³³ Friedman Th. Divided We Stand («New York Times", January 23, 2005).

- ⁴³⁴ Kepel G. *The War for Muslim Mind*. Cambridge: Belknap, 2004, p.256.
- ⁴³⁵ Roy O. *Globalized Islam*. New York: Columbia University Press, 2004, p. 60-81.
- ⁴³⁶ Blankley T. *The West's Last Chance. Will We Win the Clash of Civilizations?* Washington: Regnery Publishing, Inc. 2005, p. 51.
- ⁴³⁷ «London Times», January 17, 2005.
- ^{43g} «London Times», January 17, 2005.
- ⁴³⁹ German Intelligence Says Islamists Present Major Threat («Deutsche Welle», May 18,2004.
- ⁴⁴⁰ "U.S. News and World Report", January 10, 2005.
- ⁴⁴¹ Blankley T. *The West's Last Chance. Will We Win the Clash of Civilizations?* Washington: Regnery Publishing, Inc. 2005, p. 56.
- ⁴⁴² Clever H. Turkish Workers a Mistake, Claims Schmidt ("London Telegraph", November 25, 2004.)
- ⁴⁴³ Interpol Sounds Bioterror Alarm. BBC, February 23, 2005.
- ⁴⁴⁴ Kushner H. *Holy War on the Home Front*. New York, 2005,p. 56.
- ⁴⁴⁵ Spenser R. *Onward Muslim Soldiers:How Jihad Still Threatens the West*. London, 2005, p.47.
- ⁴⁴⁶ Robertson B. *Shaping the Current Islamic Reformation*. London: Frank Cass Publishers, 2003, p. 82-142.
- ⁴⁴⁷ Blankley T. *The West's Last Chance. Will We Win the Clash of Civilizations?* Washington: Regnery Publishing, Inc. 2005, p. 72-73.;
- ⁴⁴⁸ Europe Gets Tough with Islamists. [Penraker.com](http://www.penraker.com/archives/0009111.html), December 4,2004,<http://www.penraker.com/archives/0009111.html> .html.
- ⁴⁴⁹ Blankley T. *The West's Last Chance*; *. Will We Win the Clash of Civilizations?* Washington: Regnery Publishing, Inc. 2005, p. 96.
- ⁴⁵⁰ Schlesinger A. *The Disuniting of America*. New York, 1992, p. 34
- ⁴⁵¹ Burnham J. *The Suicide of the West: An Essay on the Meaning and Destiny of Liberalism*. Washington: Regnery, 1985, p. 24-26.
- ⁴⁵² Blankley T. *The West's Last Chance*; *. Will We Win the Clash of Civilizations?* Washington: Regnery Publishing, Inc. 2005, p. 104.
- ⁴⁵³ Schell J. *The Folly of Arms Control* («Foreign Affairs», September/October 2000, p. 28).
- ⁴⁵⁴ «В мире науки. Будущее человечества». № 12, 2005, с. 15.
- ⁴⁵⁵ Brown L., Renner M., Halweil B. *Vital Signs 2000*. New York: W.W. Norton and the Worldwatch Institute, 2000, p. 71.
- ⁴⁵⁶ *The World in 2003*. The Economist, London, 2003, p. 102.
- ⁴⁵⁷ "The National Interest", Summer 2004, p. 140.
- ⁴⁵⁸ Gardner G. and Sampat P. *Mind over Matter: Recasting the Role of Materials in Our Lives*. Worldwatch Paper # 144. Washington, D.C.: Worldwatch Institute, 2000, p. 71.
- ⁴⁵⁹ Klare M. *Resource Wars. The New Landscape of Global Conflict*. New York: A Metropolitan, p. 18.

- ⁴⁶⁰ Robbins J. Diet for a New America. New Jersey: Kramer, 1987.
- ⁴⁶¹ Hartman Th. The Last Hours of Ancient Sunlight. The Fate of the World and What We Can Do Before It's Too Late. New York: Three Rivers Press, 2004, p. 27.
- ⁴⁶² "Nature", May 15, 2003.
- ⁴⁶³ The U.S. National Intelligence Council's Global Trends 2015: Excerpts, Commentaries, and Response («Environmental Change and Security Project Report», Summer 2001, p. 60).
- ⁴⁶⁴ М источник: World Bank. The World in 2003.
- ⁴⁶⁵ «Foreign Affairs», Jan/Feb. 2000, p. 31.
- ⁴⁶⁶ The WorldWatch Institute. State of the World. 2001, New York, 2001, p. 88.
- ⁴⁶⁷ Department of Energy. International Economic Outlook, 1999, p. 142-143.
- ⁴⁶⁸ The WorldWatch Institute. State of the World. 2001, New York, 2001, p. 109.
- ⁴⁶⁹ «The National Interest», Winter 2003/2004 ("The New Geopolitics of Oil").
- ⁴⁷⁰ Petroconsalts Study. The World Oil Supply 1930-2050.
- ⁴⁷¹ BP Amoco. Statistical Review of World Energy 2000. London: BP Amoco, 2000, p. 4.
- ⁴⁷² Klare M. Resource Wars. The New Landscape of Global Conflict. New York: A Metropolitan, p.55-56.
- ⁴⁷³ Hartmann Th. The Last Hours of Ancient Sunlight. The Fate of the World and What We Can Do Before It's Too Late. New York: Three Rivers Press, 2004, p. 92.
- ⁴⁷⁴ СМ.: Adriaanse e.a. Resource Flows: The Material Basis of Industrial Economies. Washington, D.C.: World Resources Institute, 1997.
- ⁴⁷⁵ «Wall Street Journal», January 7, 2000.
- ⁴⁷⁶ Feldstein M. Achieving Oil Security («National Interest», Spring 2002).
- ⁴⁷⁷ U.S. National Security Council. A National Security Strategy for a New Century. Washington, D.C: White House, October 1998, p. 32.
- ⁴⁷⁸ Harvey R. Global Disorder. How to Avoid a Fourth World War. London: Robinson, 2003, p. 118.
- ⁴⁷⁹ Klare M. Resource Wars. The New Landscape of Global Conflict. New York: A Metropolitan, p. 41.
- ⁴⁸⁰ «Scientific American», March 1998, p. 78-83.
- ⁴⁸¹ Hartman Th. The Last Hours of Ancient Sunlight. The Fate of the World and What We Can Do Before It's Too Late. New York: Three Rivers Press, 2004, p. 114-115.
- ⁴⁸² Institute for National Security Studies (INSS). Strategic Assessment 1999, Washington, 1999, p. 30.
- ⁴⁸³ Hartman Th. The Last Hours of Ancient Sunlight. The Fate of the World and What We Can Do Before It's Too Late. New York: Three Rivers Press, 2004, p. 294.

⁴⁸⁴ Hartman Th. *The Last Hours of Ancient Sunlight. The Fate of the World and What We Can Do Before It's Too Late*. New York: Three Rivers Press, 2004, p. 16.

⁴⁸⁵ Hartman Th. *The Last Hours of Ancient Sunlight. The Fate of the World and What We Can Do Before It's Too Late*. New York: Three Rivers Press, 2004, p. 25.

⁴⁸⁶ «Christian Science Monitor», March 19, 2002.

⁴⁸⁷ «Le Monde», 18 mars, 2002.

⁴⁸⁸ Newsweek, April 3, 2002.

⁴⁸⁹ Morse E. and Richard J. *The Battle for Energy Dominance* («Foreign Affairs», March/April 2002, p.28).

⁴⁹⁰ Morse E. and Richard J. *The Battle for Energy Dominance* («Foreign Affairs», March/April 2002, p.31).

^{4,1} Hill F. *Russia. The 21st Century's Energy Superpower?* ("Brookings Review", Spring 2002, p.31).

⁴⁹² «The New York Times», November 30, 2001.

⁴⁹³ Homer-Dixon Th. *Environmental Scarcities and Violent Conflict* («International Security», Summer 1994, p. 5-40).

⁴⁹⁴ Klare M. *Resource Wars. The New Landscape of Global Conflict*. New York: A Metropolitan, p. 24.

⁴⁹⁵ Klare M. *Resource Wars. The New Landscape of Global Conflict*. New York: A Metropolitan, p. 20.

⁴⁹⁶ Held D. t. a. *Global Transformations*. Cambridge: Polity Press, 1999, p. 6.

⁴⁹⁷ Harrison L. *Culture Matters* («The National Interest», Summer 2000, p.59).

⁴⁹⁸ Harrison L. *Culture Matters* («The National Interest», Summer 2000, p.59).

⁴⁹⁹ Sakakibara Eisuke. *The End of Progressivism — A Search for New Goals*. («Foreign Affairs», September/October 1995, p. 8-14).

⁵⁰⁰ Abrams E. *To Fight the Good Fight* («The National Interest», Spring 2000, p. 74).

⁵⁰¹ Franck Th. *Tribe, Nation, World: Self-Identification in the Evolving International System// Ethics and International Affairs*. 1997, N 11, p. 151.

⁵⁰² Appadurai A. *Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy* (In: Held D. and McGrew A.-eds. *The Global Transformations Reader*. Cambridge: Polity Press, 2000, p. 230).

⁵⁰³ Smith A. *Toward a Global Culture?* (In: Held D. and McGrew A. -eds. *The Global Transformations Reader*. Cambridge: Polity Press, 2000, p. 244-245).

⁵⁰⁴ Toffler A. and H. *War and Anti-War: Survival at the Dawn of the 21st Century*. London, 1994, p. 338-339.

⁵⁰⁵ «The National Interest», Spring 2000, p. 74.

- ⁵⁰⁶ Huntington S. The Clash of Civilization? («Foreign Affairs», Summer 1993, p. 22).
- ⁵⁰⁷ McRae H. The World in 2020. Power, Culture and Prosperity. Boston, 1994, p. 154.
- ⁵⁰⁸ Barber B. Jihad vs McWorld: How the Planet is Both Falling Apart and Coming Together and What This Means for Democracy. N. Y. 1995.
- ⁵⁰⁹ Curr T. Ethnic Warfare on the Wane («Foreign Affairs», May/June 2000, p. 61).
- ⁵¹⁰ «El Pais», 31,03,2002.
- ⁵¹¹ Cohen E. A Strange War ("The National interest", Spring 2002, p.32).
- ⁵¹² Flynn S. America the Vulnerable ("Foreign Affairs", January-February 2002, p.62).
- ⁵¹³ Talbott S. and Chanda N. (eds).The Age of Terror. Oxford: The Perseus Press, 2001, p.XIII.
- ⁵¹⁴ Curr T. Ethnic Warfare on the Wane («Foreign Affairs», May/June 2000, p. 63).
- ⁵¹⁵ «Strategic Analysis», June 1999, p. 364.
- ⁵¹⁶ Sakakibara Eisuke. The End of Progressivism — A Search for New Goals. («Foreign Affairs», September/Oktober 1995, p. 12-13).
- ⁵¹⁷ Smith A. Towards a Global Culture? (Held D. and McGrew A. — eds. The Global Transformations Reader. Cambridge: Polity Press, 2000, p. 245).
- ⁵¹⁸ Smith A. Towards a Global Culture? (Held D. and McGrew A. — eds. The Global Transformations Reader. Cambridge: Polity Press, 2000, p. 240).
- ⁵¹⁹ Smith A. Towards a Global Culture? (Held D. and McGrew A. — eds. The Global Transformations Reader. Cambridge: Polity Press, 2000, p. 240-241).
- ⁵²⁰ Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y., 1996, p. 76.
- ⁵²¹ Rieff D. A Second American Century? The Paradoxes of Power («World Policy Journal», Winter 1999/2000, p. 7).
- ⁵²² Grook C Gambling on the new economy (In: The World in 2000. The Economist Publication. London, 1999, p. 14).
- ⁵²³ «Foreign Affairs», March/April 1999, p. 37.
- ⁵²⁴ Wilkinson D. Unipolarity Without Hegemony.(«International Studies Review», Summer 1999, p. 152).
- ⁵²⁵ Ibidem.
- ⁵²⁶ Wilkinson D. Unipolarity Without Hegemony.(«International Studies Review», Summer 1999, p. 155).
- ⁵²⁷ Rosenau J. Along the Domestic-Foreign Frontier: Exploring Governance in a Turbulent World. Cambridge, 1997, p. 103-114; Wilkinson D. Unipolality Without Hegemony («International Studies Review», Summer 1999, p. 141).
- ⁵²⁸ Bell C American Ascendancy. And the Pretense of Concert («The National Interest», Fall 1999, p. 55).
- ⁵²⁹ Falk R. World Orders, Old and New («Current History», January 1999, p. 20).

⁵³⁰ Ikenberry J. America's Liberal Hegemony («Current history», January 1999, p. 26).

⁵³¹ Rose G. Present Laughter or Utopian Bliss? («The National Interest», Winter 1999/2000, p. 43).

⁵³² Santis De H. Mutualism. An American Strategy for the Next Century («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 41).

⁵³³ Tucker R. Alone or With Others. The Temptations of Post-Cold War Power («Foreign Affairs», November/December 1999, p. 19).

⁵³⁴ «The National Interest», Spring 2000, p. 75.

⁵³⁵ Cm.: Maynes Ch. W. U.S. role in the world: what are the choices? («Great Decisions 2000». W., 2000, p. 13).

⁵³⁶ Maynes Ch. W. U.S. role in the world: what are the choices? («Great Decisions 2000». W., 2000, p. 13).

⁵³⁷ General Graves B. Erskine Distinguished Lecture, Marine base at Quantico, VA, February 23, 1998.

⁵³⁸ Bacevich A. Policing Utopia. The Military Imperatives of Globalization («National Interest», Summer 1999, p. 12).

⁵³⁹ Rice C Promoting the National Interest («Foreign Affairs», Jan/Feb. 2000, p. 47).

⁵⁴⁰ Rice C Promoting the National Interest («Foreign Affairs», Jan/Feb. 2000, p. 48-51).

⁵⁴¹ Mallaby S. The Reluctant Imperialist. Terrorism, failed States, and the Case for American Empire ("Foreign Affairs", March/April 2002, p.2).

⁵⁴² Haass R. The Reluctant Sheriff. N.Y.: Council on Foreign Relations, 1997.

⁵⁴³ Abrams E. To Fight the Good Fight («The National Interest», Spring 2000, p. 75).

⁵⁴⁴ Maynes Ch. W. U.S. role in the world: what are the choices? («Great Decisions 2000». W., 2000, p. 15).

⁵⁴⁵ Maynes Ch. W U.S. role in the world: what are the choices? («Great Decisions 2000». W., 2000, p. 14).

⁵⁴⁶ Bergsten C.F. America and Europe: Clash of the Titans? («Foreign Affairs», March-April 1999, p. 20).

⁵⁴⁷ Maynes Ch. W. U.S. role in the world: what are the choices? («Great Decisions 2000». W., 2000, p. 16).

⁵⁴⁸ Kupchan Ch. Life after Pax Americana («World Policy Journal», Fall 1999, p. 26).

⁵⁴⁹ «International Journal», Winter 1998-9, p. 23.

⁵⁵⁰ Zakaria Fareed. The Challenges of American Hegemony («International Journal», Winter 1998-9, p. 23).

⁵⁵¹ «The National Interest», Spring 2000, p. 76.

⁵⁵² Walker M. The President They Deserve. London: Vintage Books, 1997, p. 365.

- ⁵⁵³ Mallaby S. The Reluctant Imperialist. Terrorism, failed States, and the Case for American Empire ("Foreign Affairs", March/April 2002, p.3).
- ⁵⁵⁴ Krauthammer Ch. What's Wrong with the «Pentagon Paper?» («Washington Post», March 13, 1992, p. A25).
- ⁵⁵⁵ Kristol W and Kagan R. Toward a Neo-Reaganite Foreign Policy («Foreign Affairs», July/August 1996, p. 23).
- ⁵⁵⁶ Bell C. American Ascendancy. And the Pretense of Concert («The National Interest», Fall 1999, p.61).
- ⁵⁵⁷ Waltz K. The Origins of War in Neorealist Theory («Journal of Interdisciplinary History», 1988, N 4, p. 615-628).
- ⁵⁵⁸ Wohlforth W. The Stability of a Unipolar World («International Security», Summer 1999, p. 35).
- ⁵⁵⁹ Wohlforth W. The Stability of a Unipolar World («International Security», Summer 1999, p.29).
- ⁵⁶⁰ Wohlforth W. The Stability of a Unipolar World («International Security», Summer 1999, p. 31).
- ⁵⁶¹ Brzezinski Zb. A Geostrategy for Eurasia («Foreign Affairs», September/October 1999, p. 58).
- ⁵⁶² Haass R. The Reluctant Sheriff. The United States After the Cold War. N.Y., 1997, p. 55.
- ⁵⁶³ Rodman P. The World's resentment («The National Interest», Summer 2000, p. 33).
- ⁵⁶⁴ Heisburg F. American Hegemony? Perceptions of the US Abroad («Survival», Winter 1999-2000, p. 16).
- ⁵⁶⁵ Sanger D. US is 80-Pound Gorilla («International Herald Tribune», July 19, 1999).
- ⁵⁶⁶ Haass R. The Reluctant Sheriff. The United States After the Cold War. N.Y., 1997.
- ⁵⁶⁷ Prentice E.-A. Cost of NATO Damage Estimated at \$29 bin («The Times», July 7, 1999).
- ⁵⁶⁸ СМ. «Survival», Winter 1999-2000, p. 9.
- ⁵⁶⁹ Храпчихин А. США достигнут пика могущества (prognosis.ru/news/secure/2005/4/4/usarmy.html)
- ⁵⁷⁰ Храпчихин А. США достигнут пика могущества (prognosis.ru/news/secure/2005/4/4/usarmy.html)
- ⁵⁷¹ Контуры мирового будущего. Доклад по «Проекту — 2020». Вашингтон, декабрь 2004 г., с. 12.
- ⁵⁷² Hartz L. The Liberal Tradition in America. New York: Harcourt, Brace, 1955.
- ⁵⁷³ Tocqueville A. de. Democracy in America. New York: Vintage, 1945, v.2, p. 30.
- ⁵⁷⁴ Huntington S. Who We Are? The Challenges To America's National Identity. New York: Simon and Schuster, 2004, p, 38.

- ⁵⁷⁵ Vaughan A. *Seventeen Century Origins of American Culture* (In: Cohen S. and Ratner L., eds. *The Development of an American Culture*. New York: St.Martin's. 1983, p. 30-32.
- ⁵⁷⁶ Kymlicka W. *Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights*. New York: Oxford University Press, 1995, p. 14.
- ⁵⁷⁷ Barone M. *A Place Like No Other* ("U.S. News and World Report", June 26, 2004, p. 39).
- ⁵⁷⁸ Huntington S. *Who We Are? The Challenges To America's National Identity*. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 62.
- ⁵⁷⁹ "National Review", June 22, 1992.
- ⁵⁸⁰ «The New York Times», December 10, 1995.
- ⁵⁸¹ Buchanan P. *The Death of the West*. N.Y.:Thomas Dunne Press, 2002, p.3.
- ⁵⁸² Buchanan P. *The Death of the West*. N.Y.:Thomas Dunne Press, 2002, p. 32.
- ⁵⁸³ Buchanan P. *The Death of the West*. N.Y.:Thomas Dunne Press, 2002, p. 4.
- ⁵⁸⁴ "Washington Post", July 16, 2000, p. B3.
- ⁵⁸⁵ Flores W. and Benmayor R. *Latino Cultural Citizenship: Claiming Identity, Space, and Rights*. Boston: Beacon Press, 1997, p. 3-10.
- ⁵⁸⁶ "Boston Globe", January 8, 1995.
- ⁵⁸⁷ Castaneda J. *Ferocious Differences*. ("Atlantic Monthly", July 1995, p. 76).
- ⁵⁸⁸ Crawford J. *Hold Your Tongue: Bilingualism and the Politics of "English Only"*. Reading: Addison-Wesley, 1992, p. 149-150.
- ⁵⁸⁹ Skerry P. *Mexican Americans: The Ambivalent Minority*. Cambridge: Harvard University Press, 1993, p. 289.
- ⁵⁹⁰ "Economist", July 7, 2001, p. 29.
- ⁵⁹¹ "New York Times", August 6, 2003, p. A1, A14.
- ⁵⁹² "Economist", August 24, 2002, p. 21-22.
- ⁵⁹³ Krikorian M. *Will Americanization Work in America?* ("Freedom Review", Fall 1997, p. 48-49).
- ⁵⁹⁴ Huntington S. *Who We Are? The Challenges To America's National Identity*. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 230.
- ⁵⁹⁵ Huntington S. *Who We Are? The Challenges To America's National Identity*. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 177.
- ⁵⁹⁶ "The New York Times", November 29, 1999, p. A14.
- ⁵⁹⁷ Cruse H. *The Crisis of the Negro Intellectual*. New York: Morrow, p. 256.
- ⁵⁹⁸ Stotsky S. *Losing Our Language*. New York: Free Press, 1999, 59-62.
- ⁵⁹⁹ Glazer N. and Ueda R. *Ethnic Groups in History Textbooks*. Washington: Ethics and Public Policy Center, 1983, p. 15
- ⁶⁰⁰ Schlesinger A.M. *The Disuniting of America*. New York: Norton, 1992, p. 123.
- ⁶⁰¹ Stotsky S. *Losing Our Language*. New York: Free Press, 1999, p. 72-90.

⁶⁰² Glazer N. *We Are All Multiculturalists Now*. Cambridge: Marsilio, 1992, p. 83.

⁶⁰³ Huntington S. *Who We Are? The Challenges To America's National Identity*. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 176.

⁶⁰⁴ Glazer N. and Moynihan D.P. *Beyond the Melting Pot*. Cambridge: MIT Press, 1963, p. 16-17.

⁶⁰⁵ Craige B.J. *American Patriotism in a Global Society*. Albany: State University of New York, 1996, p. 66.

⁶⁰⁶ Craige B.J. *American Patriotism in a Global Society*. Albany: State University of New York, 1996, p. 65-66.

⁶⁰⁷ Nava e.a. *Educating Americans in a Multicultural Society*. New York: McGraw-Hill, 1994, p. V.

⁶⁰⁸ Banks J. *Multiethnic Education: Theory and Practice*. Boston: Allyn and Bacon, 1994, p. 3.

⁶⁰⁹ "The New York Times", June 15, 1998.

⁶¹⁰ Janovitz M. *The Reconstruction of Patriotism: Education for Civic Consciousness*. Chicago: University of Chicago Press, 1983, p. 128-137.

⁶¹¹ Kennedy D. *Can We Still Afford to Be a Nation of Immigrants?* ("Atlantic Monthly", November 1996, p. 68).

⁶¹² Kaplan R. *History Moving North* ("Atlantic Monthly", February 1997, P- 24).

⁶¹³ Walzer M. *What It Means to Be an American*. New York: Marcilio, 1992, p. 49.

⁶¹⁴ "International Migration Review", Winter 1994, p. 799.

⁶¹⁵ "Foreign Policy", May-June 2004, p. 12.

⁶¹⁶ Huntington S. *Reconsidering Immigration: Is Mexico a Special Case?* Center for Immigration Studies Background. November 2000, p. 5.

⁶¹⁷ Huntington S. *The Clash of Civilizations*. New York: Simon and Schuster, 1996, p. 305.

⁶¹⁸ Carlson R. *The Quest for Conformity: Americanization Through Education*. New York: John Wiley, 1775, p. 6-7.

⁶¹⁹ Saveth E. *American Historians and European Immigrants, 1875 — 1925*. New York: Columbia University Press, 1948, p. 121-122.

⁶²⁰ Kotkin J. *In God We Trust Again* ("The New Democrat", January-February 1996, p. 24).

⁶²¹ McRae H. *The World in 2020. Power, Culture and Prosperity*. 1994, p. 219-220.

⁶²² *America's Place in the World II*. Washington: Pew Research Center for the People and the Press. October 1997, p. 3, 26.

⁶²³ McRae H. *The World in 2020. Power, Culture and Prosperity*. 1994, p. 220-221.

⁶²⁴ McRae H. *The World in 2020. Power, Culture and Prosperity*. 1994, p. 223.

⁶²⁵ «Foreign Affairs», March/April 1999, p. 36-41.

- ⁶²⁶ Huntington S. The Lonely Superpower («Foreign Affairs», March/April 1999, p. 40).
- ⁶²⁷ Wills G. Bully of the Free World («Foreign Affairs», March/April 1999, p. 56).
- ⁶²⁸ Paarlberg R. The Global Food Fight («Foreign Affairs», May/June 2000, p. 35-36).
- ⁶²⁹ Rose G. Present Laughter or Utopian Bliss? («The National Interest», Winter 1999/2000, p. 43).
- ⁶³⁰ Schlesinger A. The Disuniting of America* Reflections on a Multicultural Society. N.Y., 1992, p. 118.
- ⁶³¹ Цит. по: «Foreign Affairs», September/October 1997, p. 38-39.
- ⁶³² The World in 2000. The Economist Publications. London, 2000, p. 54-55.
- ⁶³³ Цит. по: «Foreign Affairs», September/October 1997, p. 40.
- ⁶³⁴ Huntington S. The Erosion of American National Interests («Foreign Affairs», March/April 1999, p. 42).
- ⁶³⁵ Huntington S. The Erosion of American National Interests («Foreign Affairs», September/October 1997, p. 35).
- ⁶³⁶ American National Interests. A Report from the Commission on America's National Interests. Cambridge, Harvard University, 1996, p. 1.
- ⁶³⁷ Waller D. How Clinton decided on NATO expansion («Time», July 14, 1997).
- ⁶³⁸ Huntington S. Robust Nationalism («The National Interest», Winter 1999/2000, p. 39).
- ⁶³⁹ Huntington S. Robust Nationalism («The National Interest», Winter 1999/2000, p. 39).
- ⁶⁴⁰ Wills G. Bully of the Free World («Foreign Affairs», March/April 1999, p. 55).
- ⁶⁴¹ Bell C American Ascendancy. And the Pretense of Concert («The National Interest», Fall 1999, p.61).
- ⁶⁴² «Foreign Affairs», March/April 1999, p. 42.
- ⁶⁴³ Layne Ch. The Unipolar Illusion: Why New Great Powers Will Arise («International Security», Spring 1993, p. 5-51).
- ⁶⁴⁴ Waltz K. Globalization and American Power («The National Interest», Spring 2000, p. 54).
- ⁶⁴⁵ Waltz K. Globalization and American Power («The National Interest», Spring 2000, p. 54).
- ⁶⁴⁶ Haass R. The Reluctant Sheriff. The United States After the Cold War. N.Y., 1997, p. 41.
- ⁶⁴⁷ Wilkinson D. Unipolarity Without Hegemony («International Studies Review», Summer 1999, p. 152).
- ⁶⁴⁸ Kissinger H. Diplomacy. N.Y., 1994.
- ⁶⁴⁹ CM: Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. N.Y., 1987.

- ⁶⁵⁰ Reisman M. The US and International Institutions («Survival», Winter 1999-2000, p. 79).
- ⁶⁵¹ Snyder G. Alliance Politics. Ithaca, 1997, p. 18.
- ⁶⁵² Wills G. Bully of the Free World («Foreign Affairs», March/April 1999, p. 50).
- ⁶⁵³ Zakaria F. The challenges of American hegemony. («International Journal», Winter 1998-9, p. 24).
- ⁶⁵⁴ «The National Interest», Spring 2000, p. 55.
- ⁶⁵⁵ Bacevich A. Policing Utopia. The Military Imperatives of Globalization («National Interest», Summer 1999, p. 7).
- ⁶⁵⁶ Joffe J. How America Does It («Foreign Affairs», September/October 1997, p. 13).
- ⁶⁵⁷ «Foreign Affairs», March/April 1999, p. 42-43.
- ⁶⁵⁸ Gurmeet Kanwal. China's Long March to World Power Status: Strategic Challenge for India. («Strategic Analysis», February 1999, p. 1714).
- ⁶⁵⁹ Ibid., p. 44.
- ⁶⁶⁰ «Foreign Policy», Winter 1998/99, p. 31.
- ⁶⁶¹ World Almanac and Book of Facts, 1999.
- ⁶⁶² Fishman J. The New Linguistic Order. («Foreign Policy», Winter 1998/99, p. 27).
- ⁶⁶³ UN Population Division. Department of Economic and Social Information and Policy Analysis/World Population Prospects. N.Y., 1993.
- ⁶⁶⁴ Туроу Л. Будущее капитализма. Новосибирск, 1999, с. 182-183.
- ⁶⁶⁵ Туроу Л. Будущее капитализма. Новосибирск, 1999, с. 376.
- ⁶⁶⁶ Haass R! The Reluctant Sheriff. The United States After the Cold War. N.Y., 1997, p. 2.
- ⁶⁶⁷ Huntington S. The Erosion of American National Interests («Foreign Affairs», September/October 1997, p. 34).
- ⁶⁶⁸ Цит. по: Kitfield J. The Falk Who Live on the Hill («National Interest», Winter 1999/2000, p. 50-51).
- ⁶⁶⁹ Bacevich A. Policing Utopia. The Military Imperatives of Globalization («National Interest», Summer 1999, p. 13).
- ⁶⁷⁰ Binnendijk H. Back to Bipolarity? («The Washington Quarterly», Autumn 1999, p. 10).
- ⁶⁷¹ Zakaria Fareed. The Challenges of American Hegemony («International Journal», Winter 1998-9, p. 20).
- ⁶⁷² Wilkinson D. Unipolarity Without Hegemony. («International Studies Review», Summer 1999, p. 145).
- ⁶⁷³ Kagan R. and Kristol W. Present Dangers: Crisis and Opportunity in American Foreign and Defense Policy. New York: Encounter books, 2000.
- ⁶⁷⁴ Rieff D. A Second American Century? The Paradoxes of Power («World Policy Journal», Winter 1999/2000, p. 9).
- ⁶⁷⁵ Rodman P. The World's resentment («The National Interest», Summer 2000, p. 33).

⁶⁷⁶ Pfaff W. The Coming Clash of Europe with America («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 8).

⁶⁷⁷ Pfaff W. The Coming Clash of Europe with America («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 8).

⁶⁷⁸ Цит. по: «Foreign Affairs», November/December 1999, p. 16.

⁶⁷⁹ «Foreign Affairs», July/August 1996, p. 23.

⁶⁸⁰ Rice C. Promoting the National Interest («Foreign Affairs», Jan/Feb. 2000, p. 54).

⁶⁸¹ Krepinevich A. How to Win in Iraq ("Foreign Affairs", September/October 2005, p. 67).

⁶⁸² Bracken P. The Second Industrial Age («Foreign Affairs», Jan/Feb. 2000, p. 152).

⁶⁸³ «Foreign Policy", March 30, 2006, p. 45.

⁶⁸⁴ http://www.cfr.org/publications/0194/civil_war_becomes_the_question.html

⁶⁸⁵ <http://www.cbsnews.com/stories/2006/03/29/politics/printable1453138.shtml>

⁶⁸⁶ Santis De H. Mutualism. An American Strategy for the Next Century («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 44).

⁶⁸⁷ Calleo D. The United States and the Great Powers («World Policy Journal», Fall 1999, p. 17).

⁶⁸⁸ Pfaff W. The Coming Clash of Europe with America («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 7).

⁶⁸⁹ Rieff D. Sustaining the Unsustainable («World Policy Journal», Spring 1999, p. 93).

⁶⁹⁰ Rieff D. A Second American Century? The Paradoxes of Power («World Policy Journal», Winter 1999/2000, p. 12).

⁶⁹¹ Kennedy P. The Next American Century ? («World Policy Journal», Spring 1999, p. 57).

⁶⁹² Santis De H. Mutualism. An American Strategy for the Next Century («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 44).

⁶⁹³ McRae H. The World in 2020. Power, Culture and Prosperity. 1994, p. 224.

⁶⁹⁴ Haas R. The Squandered Presidency. Demanding More from the Commander-in-Chief («Foreign Affairs», May/June 2000, p. 140).

⁶⁹⁵ Zakaria Fareed. The Challenges of American Hegemony («International Journal», Winter 1998-9, p. 25).

⁶⁹⁶ America's Place in the World II. Washington DC: Pew Research Center for the People and the Press. October 1997, p. 18.

⁶⁹⁷ Santis De H. Mutualism. An American Strategy for the Next Century («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 49).

⁶⁹⁸ Huntington S. The Lonely Superpower// Foreign Affairs, March/April 1999, P.35.

- ⁶⁹⁹ Pfaff W. The Coming Clash of Europe with America («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 8).
- ⁷⁰⁰ Tucker R. The Future of a Contradiction («National Interest», Spring 1996, p. 20).
- ⁷⁰¹ Renwick N. America's Word Identity. The Politics of Exclusion. New York: St. Martin's Press, 2000, p. 210.
- ⁷⁰² Haas R. The Squandered Presidency. Demanding More from the Commander-in-Chief («Foreign Affairs», May/June 2000, p. 140).
- ⁷⁰³ Greider W. Fortress America: The American Military and the Consequences of Peace. N. Y.: Public Affairs, 1998, p. 146
- ⁷⁰⁴ Rieff D. Sustaining the Unsustainable («World Policy Journal», Spring 1999, p. 94).
- ⁷⁰⁵ Туроу Л. Будущее капитализма. Новосибирск, 1999, с. 152.
- ⁷⁰⁶ Pfaff W. The Coming Clash of Europe with America («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 6).
- ⁷⁰⁷ «World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 2.
- ⁷⁰⁸ Binnendijk H. Back to Bipolarity? («The Washington Quarterly», Autumn 1999, p. 13).
- ⁷⁰⁹ Joffe J. How America Does It («Foreign Affairs», September/October 1997, p. 20).
- ⁷¹⁰ Zakaria Fared. The Challenges of American egemony («International Journal», Winter 1998-9, p. 19).
- ⁷¹¹ «Foreign Policy», Spring 1999, p. 102
- ⁷¹² Kagan R. and Kristol W The Preset Danger («The National Interest», Spring 2000, p. 63)
- ⁷¹³ Kupchan Ch. Lif after Pax Americana («World Policy Journal», Fall 1999, p. 26)
- ⁷¹⁴ Binnendijk H. ack to Bipolarity? («The Washington Quarterly», Autumn 1999,p. 13).
- ⁷¹⁵ Santis De H. Mutualism. An American Strategy for the Next Century («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 50).
- ⁷¹⁶ Haass R. The Reluctant Sheriff. The United States After the Cold War. N.Y., 1997, p. 6.
- ⁷¹⁷ Santis De H. Mutualism. An American Strategy for the Next Century («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 44).
- ⁷¹⁸ Cuthbertson I. Chasing the Chimera. Securing the Peace («World Policy Journal», Summer 1999, p. 81).
- ⁷¹⁹ Ikenberry J. America's Liberal Hegemony («Current history», January 1999, p. 26).
- ⁷²⁰ Conquest R. Toward an English-Speaking Union («The National Interest», Fall 1999,65).
- ⁷²¹ Conquest R. Toward an English-Speaking Union («The National Interest», Fall 1999,67).
- ⁷²² «The National Interest», Fall 1999, 68.

⁷²³ Black C. Britain's Atlantic Option. And America's Stake. («The National Interest», Spring 1999, p. 19).

⁷²⁴ Black C. Britain's Atlantic Option — And America's Stake («The National Interest», Spring 1999).

⁷²⁵ Cutter B., Spero J., Tyson L. New World, New Deal. A Democratic approach to Globalization («Foreign Affairs», March/April 2000, p. 91-92).

⁷²⁶ Binnendijk H. Back to Bipolarity? («The Washington Quarterly», Autumn 1999, p. 14).

⁷²⁷ Kagan R. and Kristol W. The Present Danger («The National Interest», Spring 2000, p. 67).

⁷²⁸ Kennedy P. The Next American Century ? («World Policy Journal», Spring 1999, p. 58).

⁷²⁹ Kupchan Ch. Life after Pax Americana («World Policy Journal», Fall 1999, p. 20).

⁷³⁰ Calleo D. The United States and the Great Powers («World Policy Journal», Fall 1999, p. 11).

⁷³¹ McRae H. The World in 2020. Power, Culture and Prosperity. 1994, p. 276.

⁷³² Kupchan Ch. Life after Pax Americana («World Policy Journal», Fall 1999, p. 23).

⁷³³ «Foreign Policy», Spring 1999, p. 100.

⁷³⁴ «Foreign Policy», Spring 1999, p. 102.

⁷³⁵ Haas R. The Squandered Presidency. Demanding More from the Commander-in-Chief («Foreign Affairs», May/June 2000, p. 140).

⁷³⁶ Chace J. and Rizopoulos N. Toward a New Concept of Nations. An American Perspective («World policy Journal», Fall 1999, p. 8).

⁷³⁷ Kupchan Ch. Life after Pax Americana («World Policy Journal», Fall 1999, p. 21).

⁷³⁸ Chace J. and Rizopoulos N. Toward a New Concept of Nations. An American Perspective («World policy Journal», Fall 1999, p. 2).

⁷³⁹ «Foreign Policy», Spring 1999, p. 105.

⁷⁴⁰ «Контуры мирового будущего» Доклад по «Проекту-2020» Национального разведывательного Совета. Вашингтон, декабрь 2004 г., с. 77.

⁷⁴¹ Huntington S. The Lonely Superpower// Foreign Affairs, March/April 1999, P.35-37

⁷⁴² Ibid. p. 163.

⁷⁴³ Wallerstein I. The Global Picture, 1945-90, and The Global Possibilities,

1990-2025 (In: Hopkins T. and Wallerstein I., eds. The Age of Transition: Trajectory of the World System, 1945-2025. London, 1996).

⁷⁴⁴ Aldred K. and Smith M. Superpowers in the Post-Cold War Era. London: Macmillan Press, 1999, p. 94).

⁷⁴⁵ «Financial Times», December 19, 1994.

- ⁷⁴⁶ Bell C. American Ascendancy. And the Pretense of Concert («The National Interest», Fall 1999, p. 59).
- ⁷⁴⁷ Blank S. Russia as Rogue Proliferator («Orbis», Winter 2000, p. 97).
- ⁷⁴⁸ «Jane's Defense Weekly», August 19, 1998, p. 3.
- ⁷⁴⁹ Blank S. Russia as Rogue Proliferator («Orbis», Winter 2000, p. 98).
- ⁷⁵⁰ Binnendijk H. Back to Bipolarity? («The Washington Quarterly», Autumn 1999, p. 13).
- ⁷⁵¹ «Контуры мирового будущего». Доклад по проекту Национального Совета США. Вашингтон, 2004, с. 43.
- ⁷⁵² Segal G. The Coming Confrontation between China and Japan? («World Policy Journal», 1993, N 2, p. 27-32).
- ⁷⁵³ Gilson J. Japan and the European Union. A Partnership for the Twenty-First Century? New York: St.Martin's Press, 2000, p. 139.
- ⁷⁵⁴ Yasutomo D. Japan and the New Multilateralism (In: Curtis G. (ed.) Japan's Foreign Policy, London, 1993, p. 338).
- ⁷⁵⁵ Gilson J. Japan and the European Union. A Partnership for the Twenty-First Century? New York: St.Martin's Press, 2000, p. 150.
- ⁷⁵⁶ Gilson J. Japan and the European Union. A Partnership for the Twenty-First Century? New York: St.Martin's Press, 2000, p. 171 -172.
- ⁷⁵⁷ Kennedy P. The Next American Century ? («World Policy Journal», Spring 1999, p. 57).
- ⁷⁵⁸ «Economist», January 24, 1999, p.27.
- ⁷⁵⁹ UN Population Division. Dept of Economic and Social Information and Policy Analysis. World Population Prospects. N.Y., 1997.
- ⁷⁶⁰ Huntington S. The Lonely Superpower («Foreign Affairs», March-April 1999, p.45).
- ⁷⁶¹ Brzezinski Zb. Living With a New Europe («The National Interest», Summer 2000, p. 17).
- ⁷⁶² The World in 1999. The Economist Publications. London, 1999, p.105.
- ⁷⁶³ Bergsten F. America and Europe: Clash of the Titans? («Foreign Affairs», March-April 1999, p. 20).
- ⁷⁶⁴ McRae H. The World in 2020. Power, Culture and Prosperity. 1994, p. 253.
- ⁷⁶⁵ Pfaff W. The Coming Clash of Europe with America («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 1).
- ⁷⁶⁶ Pfaff W. The Coming Clash of Europe with America («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 1).
- ⁷⁶⁷ Deutch J., Kanter A., Scowcroft B. Saving NATO's Foundation («Foreign Affairs», November/ December 1999, p. 55-56).
- ⁷⁶⁸ Cuthbertson I. Chasing the Chimera. Securing the Peace («World Policy Journal», Summer 1999, p. 78).
- ⁷⁶⁹ McRae H. The World in 2020. Power, Culture and Prosperity. 1994, p. 226.

- ⁷⁷⁰ Bergsten C.F. America and Europe: Clash of the Titans? («Foreign Affairs», March-April 1999, p. 20).
- ⁷⁷¹ Everts S. America and Euroland («World Policy Journal», Winter 1999/2000, p. 26).
- ⁷⁷² Rodman P. Drifting Apart? Trends in US-European Relations. Washington: Nixon Center, June 1999.
- ⁷⁷³ Bergsten C.F. America and Europe: Clash of the Titans? («Foreign Affairs», March-April 1999, p. 20).
- ⁷⁷⁴ «The National Interest», Spring 1999, p. 21.
- ⁷⁷⁵ Deutch J., Kanter A., Scowcroft B. Saving NATO's Foundation («Foreign Affairs», November/ December 1999, p. 59).
- ⁷⁷⁶ Ibid., p. 60.
- ⁷⁷⁷ «Survival», Summer 2000, p. 14.
- ⁷⁷⁸ Pond E. Come Together. Europe's Unexpected New Architecture («Foreign Affairs», March/April 2000, p. 11).
- ⁷⁷⁹ Pfaff W. The Coming Clash of Europe with America («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 1).
- ⁷⁸⁰ Pfaff W. The Coming Clash of Europe with America («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 1).
- ⁷⁸¹ Cuthbertson I. Chasing the Chimera. Securing the Peace («World Policy Journal», Summer 1999, p. 93).
- ⁷⁸² Pfaff W. The Coming Clash of Europe with America («World Policy Journal», Winter 1998/1999, p.8).
- ⁷⁸³ «Foreign Policy», Spring 1999, p. 107.
- ⁷⁸⁴ «The New York Times Review of Books», Nov. 18, 1993, p. 3.
- ⁷⁸⁵ Santis De H. Mutualism. An American Strategy for the Next Century («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 49).
- ⁷⁸⁶ Bell C American Ascendancy. And the Pretense of Concert («The National Interest», Fall 1999, p. 54).
- ⁷⁸⁷ Pearson S. Total War 2006. The Future history of global conflict. London: Hodder and Stoughton, 1999, p. 3.
- ⁷⁸⁸ Bell C American Ascendancy. And the Pretense of Concert («The National Interest», Fall 1999, p. 54).
- ⁷⁸⁹ «World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 8.
- ⁷⁹⁰ Bergsten C.F. America and Europe: Clash of the Titans? («Foreign Affairs», March-April 1999, p. 34).
- ⁷⁹¹ «Foreign Affairs», March/April 1999, p. 48.
- ⁷⁹² Bell C American Ascendancy. And the Pretense of Concert («The National Interest», Fall 1999, p. 59).
- ⁷⁹³ Wallace W., Zielonka J. Op. cit., p. 66.
- ⁷⁹⁴ Layne Ch. Rethinking American Grand Strategy. Hegemony or Balance of Power in the Twenty-First Century? («World Policy Journal», Summer 1998, p. 12.)

- ⁷⁹⁵ Burwell R, Daalder I. (eds) *The United States and Europe in the Global Arena*. London: Macmillan Press, 1999, p. 289.
- ⁷⁹⁶ «International Security», Spring 1992, p. 47.
- ⁷⁹⁷ «International Journal», Summer 1997, p. 404.
- ⁷⁹⁸ Hodgson G. The U.S. — European Torture Dispute: An Autopsy (*"World Policy Journal"*, Winter 2005/6, p. 47).
- ⁷⁹⁹ Newhouse, J. *Op.cit.*, p. 308.
- ⁸⁰⁰ «Foreign Policy», Spring 1999, p. 107.
- ⁸⁰¹ Bergsten R *America and Europe: Clash of the Titans*(«Foreign Affairs», March-April 1999, p. 20).
- ⁸⁰² «The National Interest», Summer 2000, p. 23, note.
- ⁸⁰³ «The National Interest», Summer 2000, p. 28.
- ⁸⁰⁴ Brzezinski Zb. *Living With a New Europe* («The National Interest», Summer 2000, p. 18, 20-21).
- ⁸⁰⁵ *Ibid.*, p. 17.
- ⁸⁰⁶ Bergsten C.R *America and Europe: Clash of the Titans?* («Foreign Affairs», March-April 1999, p. 22).
- ⁸⁰⁷ Layne Ch. *Rethinking American Grand Strategy. Hegemony or Balance of Power in the Twenty-First Century?* («World Policy Journal», Summer 1998, p. 66.
- ⁸⁰⁸ Lind M. *Pax Atlantica*, p. 6.
- ⁸⁰⁹ Everts S. *America and Euroland* («World Policy Journal», Winter 1999/2000, p. 7.
- ⁸¹⁰ Wallace W. and Zielonka J. *Misunderstanding Europe* («Foreign Affairs», November-December 1998, p. 67).
- ⁸¹¹ Ham P. van, Grudzinski P. *affluence and Influence. The Conceptual Basis of Europe's New Politocs* («The National Interest», Winter 1999/2000, p. 84).
- ⁸¹² Ham P. van, Grudzinski P. *affluence and Influence. The Conceptual Basis of Europe's New Politocs* («The National Interest», Winter 1999/2000, p. 87).
- ⁸¹³ Pfaff W. *The Coming Clash of Europe with America* («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 5).
- ^{8,4} Newhouse J. *Europe Adrift*. New York, 1997, p. 114.
- ⁸¹⁵ Huntington S. *The Lonely Superpower* («Foreign Affairs», March-April 1999, p. 39).
- ⁸¹⁶ *Reflections on European Policy. Policy Paper. CDU/CSU Parliamentar Group. Bundestag, Bonn, September 1, 1994.*
- ⁸¹⁷ Lind M. *Pax Atlantica. The Case for Eurameric* («The World Policy Journal», Spring 1996, p. 1.
- ⁸¹⁸ Rieff D. *Whose Internationalism, Whose Isolationism?* («World Policy Journal», Summer 1996, p. 3).
- ⁸¹⁹ Kristol I. *Who now cares about NATO?* («Wall Street Journal», February 6, 1995).
- ⁸²⁰ «Foreign Affairs», November-December 1998, p. 72.
- ⁸²¹ Wallace W., Zielonka J. *Op. cit.*, p. 66.

- ⁸²² Steinberg R. Transatlanticism and Multilateralism (In: Burwell E, Daalder I. (eds) *The United States and Europe in the Global Arena*. London: Macmillan Press, 1999, p. 235).
- ⁸²³ Burwell E Cooperation in US — European Relations (In: Burwell E, Daalder I. (eds) *The United States and Europe in the Global Arena*. London: Macmillan Press, 1999, p. 283).
- ⁸²⁴ Calleo. D. An American Skeptic in Europe. («Foreign Affairs», November-December 1997, p. 147).
- ⁸²⁵ «The National Interest», Summer 2000, p. 23.
- ⁸²⁶ Zoellik R. A Republican Foreign Policy («Foreign Affairs», Jan/Feb. 2000, p. 74).
- ⁸²⁷ McRae H. *The World in 2020. Power, Culture and Prosperity*. 1994, p. 268.
- ⁸²⁸ Тур°у Л. *Будущее капитализма*. Новосибирск, 1999, с. 152.
- ⁸²⁹ Туроу Л. *Будущее капитализма*. Новосибирск, 1999, с. 187.
- ⁸³⁰ Bracken P. The Second Industrial Age («Foreign Affairs», Jan/Feb. 2000, p. 149).
- ⁸³¹ Shen Zhongchang et al., *21st Century Naval Warfare* (In: Pillsbury M. -ed. *Chinese Views of Future Warfare*. Washington: National Defense University Press, 1998, p. 261-274).
- ⁸³² Bracken P. *Fire in the East*. New York: Harper Collins, 1999, p. 48.
- ⁸³³ Гао Шуцинь. *Российско-китайские отношения в условиях глобализации*. Москва, 2005, с. 131.
- ⁸³⁴ Болятко А.В. *Угрозы и вызовы России в азиатско-тихоокеанском регионе (Китай в XXI веке: шансы, вызов и перспективы*. Москва, 2000, с.34.
- ⁸³⁵ «New York Times», April 21, 1992, p. A10; «New York Times», August 1, 1995, p. A2.
- ⁸³⁶ Bernstein R., Munro R. *The Coming Conflict with China*. N. Y., 1997, p. 23-24
- ⁸³¹ Zi Zhongyun. U.S. — China Relations. Breaking a Vicious Circle («World Policy Journal», Fall, 1999, p. 119).
- ⁸³⁸ Zi Zhongyun. U.S. — China Relations. Breaking a Vicious Circle («World Policy Journal», Fall, 1999, p. 120).
- ⁸³⁹ Roberts B., Manning R., Montaperto R. China: The Forgotten Nuclear Power («Foreign Affairs», July/August 2000, p. 59).
- ⁸⁴⁰ Menon R., Wimbush E. Asia in the 21st Century. Power Politics Alive and Well («The National Interest», Spring 2000, p. 79).
- ⁸⁴¹ Kynge J., Fidler S. China's Submarine-Launched Missile To Be Tested («Financial Times», June 3, 1999).
- ⁸⁴² «Foreign Affairs», July/August 2000, p. 57.
- ⁸⁴³ Bell C American Ascendancy. And the Pretense of Concert («The National Interest», Fall 1999, p. 57).
- ⁸⁴⁴ «The National Interest», Fall 1999, p. 73.

- ⁸⁴⁵ IISS, *The Military Balance 1998-99*. Oxford: Oxford University Press, 1998, p. 165-169.
- ⁸⁴⁶ «Economist», July 31, 1999 (The Road to 2050).
- ⁸⁴⁷ Mann J. How the CIA Tried, and Failed, to Protect Tibetans' Right («International Herald Tribune», July 7, 1999).
- ⁸⁴⁸ «New York Times», July 10, 1994, p.20.
- ⁸⁴⁹ Eikenberry K. Explaining and Influencing Chinese Arms Transfers (McNair Papers, N36, February 1995, Washington, National Defense University, Institute for National Strategic Studies) p. 12.
- ⁸⁵⁰ «National Interest», Fall 1994, p. 95.
- ⁸⁵¹ McRae H. *The World in 2020. Power, Culture and Prosperity*. Boston: Harvard Business School Press, 1994, p. 253.
- ⁸⁵² Menon R., Wimbush E. *Asia in the 21st Century. Power Politics Alive and Well* («The National Interest», Spring 2000, p. 84).
- ⁸⁵³ Aldred K. and Smith M. *Superpowers in the Post-Cold War Era*. London: Macmillan Press, 1999, p. 91-92).
- ⁸⁵⁴ Pillsbury M. (ed). *Chinese View of Future Warfare*. Washington: National Defense University Press, 1997.
- ⁸⁵⁵ Bernstein R., Munro R. *The Coming Conflict with China*. N. Y., 1997, p.19.
- ⁸⁵⁶ Roberts B., Manning R., Montaperto R. *China: The Forgotten Nuclear Power* («Foreign Affairs», July/August 2000, p. 53-54).
- ⁸⁵⁷ Calleo D. *The United States and the Great Powers* («World Policy Journal», Fall 1999, p. 11).
- ⁸⁵⁸ Bernstein R., Munro R. *The Coming Conflict with China*. N. Y., 1997, p.19.
- ⁸⁵⁹ Carpenter T. and Dorn J. (eds). *China's Future. Constructive Partner or Emerging Threat?* Cato Institute, 2000.
- ⁸⁶⁰ Lanxin Xiang. *The Chinese Military: Problems of Modernization*. PSIS Ocasional Papers, N 3, Geneva, 1999.
- ⁸⁶¹ Huntington S. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. N.Y., 1996, p.183.
- ⁸⁶² Modelski G., Tompson W. *The Long and Short of Global Politics in the Twenty-first Century: An Evolutionary Approach* («International Studies Review», Summer 1999, p.133).
- ⁸⁶³ Ibidem.
- ⁸⁶⁴ McRae H. *The World in 2020. Power, Culture and Prosperity*. 1994, p. 276.
- ⁸⁶⁵ Rice C *Promoting the National Interest* («Foreign Affairs», Jan/Feb. 2000, p. 56).
- ⁸⁶⁶ Schweninger S. *American Foreign Policy in the Post-Cold War World* («World Policy Journal», Summer 1999, p. 60).
- ⁸⁶⁷ Lieberthal K. *A New China Strategy* («Foreign Affairs», Nov.-Dec.1995, p.36).

- ⁸⁶⁸ Bernstein R., Munro R. *The Coming Conflict with China*. N.Y., 1997, p.12.
- ⁸⁶⁹ Colin S.Grey. *How Geography Still Shapes Security* («Orbis», Spring 1996, p. 26).
- ⁸⁷⁰ «The Bulletin of Atomic Scientists», Jan.-Feb.1997, p. 18-19.
- ⁸⁷¹ Nye J. *The Case for Deep Engagement* («Foreign Affairs», July-August 1995, p. 102).
- ⁸⁷² Johnson Ch. *The Chinese Way* («The Bulletin of Atomic Scientists, January — February 1997, p. 22).
- ⁸⁷³ *Ibid.*, p. 23.
- ⁸⁷⁴ Lilly J., Ford C *China's Military: A Second Opinion* («The National Interest», Fall 1999, p. 71).
- ⁸⁷⁵ Lilly J., Ford C. *China's Military: A Second Opinion* («The National Interest», Fall 1999, p. 72).
- ⁸⁷⁶ Seib G. *Another Threat Looms: China As New Demon* («Wall Street Journal», May 26, 1999.
- ⁸⁷⁷ *Ibid.*, p. 57.
- ⁸⁷⁸ Tucker N. *China and America: 1941-1991* («Foreign Affairs», Winter 1991-92, p. 92).
- ⁸⁷⁹ Meisner M. *The Deng Xiaoping Era. An Inquiry into the fate of Chinese Socialism, 1978-1994*. N.Y., 1996.
- ⁸⁸⁰ Carlisle Ch. *Is the World Ready for Free Trade?* («Foreign Affairs», Nov.-Dec.1996, p. 121).
- ⁸⁸¹ «The Economist», June 27, 1998, p. 25.
- ⁸⁸² Rose G. *Present Laughter or Utopian Bliss?* («The National Interest», Winter 1999/2000, p. 45).
- ⁸⁸³ Yasheng Huang. *Why China Will Not Collapse* («Foreign Policy», Summer 1995, p. 50).
- ⁸⁸⁴ Lieberthal K. *A New China Strategy*, p.36.
- ⁸⁸⁵ Brzezinski Zb. *A Geostrategy for Eurasia* («Foreign Affairs», September/October 1999, p. 58-59).
- ⁸⁸⁶ Goldstone J. *The Coming Chinese Collapse* («Foreign Affairs», Summer 1995, p.36).
- ⁸⁸⁷ Ross R. *Beijing as a Conservative Power.*(«Foreign Affairs», March-April 1997, p. 34).
- ⁸⁸⁸ Pfaff W. *The Coming Clash of Europe with America* («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 1).
- ⁸⁸⁹ Gill B., O'Hanlon. *China's Hollow Military* («The National Interest», Summer 1999).
- ⁸⁹⁰ Gill B., O'Hanlon. *China's Hollow Military* («The National Interest», Summer 1999).
- ⁸⁹¹ Schwenninger S. *American Foreign Policy in the Post-Cold War World* («World Policy Journal», Summer 1999, p. 63).

- ⁸⁹² Aldred K. and Smith M. Superpowers in the Post-Cold War Era. London: Macmillan Press, 1999, p. 94).
- ⁸⁹³ «Foreign Affairs», July–August 1995, p. 112.
- ⁸⁹⁴ Rice C Promoting the National Interest («Foreign Affairs», Jan/Feb. 2000, p. 55).
- ⁸⁹⁵ Binnendijk H. Back to Bipolarity? («The Washington Quarterly», Autumn 1999, p. 13).
- ⁸⁹⁶ Ibidem.
- ⁸⁹⁷ Halloran R. The Rising East («Foreign Policy», Spring 1996, p.3).
- ⁸⁹⁸ Menon R., Wimbush E. Asia in the 21st Century. Power Politics Alive and Well («The National Interest», Spring 2000, p. 85).
- ⁸⁹⁹ Aldred K. and Smith M. Superpowers in the Post-Cold War Era. London: Macmillan Press, 1999, p. 94–95.
- ⁹⁰⁰ Schwenninger S. American Foreign Policy in the Post-Cold War World («World Policy Journal», Summer 1999, p. 63).
- ⁹⁰¹ OECD Economic Outlook, June 1999, p. 41.
- ⁹⁰² Rosefielde S. Russia in the 21st Century. The Prodigal Superpower. Cambridge University Press, 2005, p. 2.
- ⁹⁰³ Fukuyama F. The End of History and the Last Man. New York: The Free Press, 1992.
- ⁹⁰⁴ Фукуяма скромно приписывает этот тезис бежавшему из сталинской России Сергею Кожеву (Кожевникову), преподававшему в Сорбонне в 1960-е годы и утверждавшему, что либеральная демократия не может быть замещена авторитаризмом.
- ⁹⁰⁵ Ibid.
- ⁹⁰⁶ Контуры мирового будущего. Мир 2020 года // Со-общение. 2005. № 6-7 (64). С. 26.
- ⁹⁰⁷ Там же. С. 91.
- ⁹⁰⁸ Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York, 1996. P. 127.
- ⁹⁰⁹ Pipes R. Property and Freedom. New York, 1999; Hedlund S. Can They Go Back and Fix It? Reflections on Some Historical Roots of Russia's Economic Troubles // Acta Slavica Iaponica. 2003. № 20. P. 50-84.
- ⁹¹⁰ Rosefielde S. Russia in the 21st Century. The Prodigal Superpower. Cambridge University Press, 2005. P. 68.
- ⁹¹¹ Bedkhen A. Kremlin Can't Control Secretive Nuke Agency // San-Francisco Chronicle. September 1, 2002.
- ⁹¹² Seghers K (ed.). Explaining Post-Soviet Patchworks: Pathaway from the Past to the Global. Vol. 2. Aldershot, 2001. P. 78-103.
- ⁹¹³ Rosefielde S. Russia in the 21st Century... P. 9.
- ⁹¹⁴ Lurie O. The IMF Loan That Vanished Has Been Found in Abramovich's Swiss Company // Johnson's Russian List. № 7096. Art. 11. March 10, 2003.

⁹¹⁵ Сафронов А.П. Авторитарное общество как объект структурной реформы (Социально-философский аспект). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. М.: ИФ РАН, 2005.

⁹¹⁶ Rosefelde S. Russia in the 21st Century... P. 19.

⁹¹⁷ Johnson's Russian List. № 7257. July 20, 2003.

⁹¹⁸ Webster P. Suicide Rates in Russia on the Increase // The Lancet. № 9379 (Johnson's Russian List. № 7257. July 20, 2003).

⁹¹⁹ Rosefelde S. Russia in the 21st Century... P. 94, 10.

⁹²⁰ Noren J. and Kurtzig L. The Soviet Union Unravels: 1985-1991 // The Former Soviet Union in Transition. Washington, Joint Economic Committee of Congress, February 1993. P. 12.

⁹²¹ Gaddy C The Price of the Past: Russia's Struggle with the Legacy of a Militarized Economy. Washington, D.C., 1996.

⁹²² Seabright P. (ed.). The Vanishing Rouble: Barter Networks and Non-Military Transactions in Post-Soviet Societies. Cambridge University Press, 1998.

⁹²³ Johnson's Russian List. March 19, 2003.

⁹²⁴ Johnson's Russian List. January 27, 2004.

⁹²⁵ [http://www. cnews.ru/news/ top/index.shtml?/2005/12/05/192731](http://www.cnews.ru/news/top/index.shtml?/2005/12/05/192731)

⁹²⁶ [http://www. cnews.ru/news/ top/index.shtml?/2005/12/05/192731](http://www.cnews.ru/news/top/index.shtml?/2005/12/05/192731)

⁹²⁷ Blank S. The Material Technical Foundations of Russian Military Power (Draft). August 2002; Blank S. The 18th Brumaire of Vladimir Putin // Paper Conference on Succession Crisis in Russia. Boston, April 20, 2004.

⁹²⁸ Russia Possesses Secret Weapon// Jonson's Russia List. № 8140, art. 4 . March 28, 2004. P. 34.

⁹²⁹ Blank S. Material Technical Foundations of Russian Military Power... P. 34-35.

⁹³⁰ «International Studies Review», Summer 1999, p. 91.

⁹³¹ Ibid., p. 95.

⁹³² The World in 2006. London: Economist, 2005, p, 86.

⁹³³ Binnendijk H. Back to Bipolarity? («The Washington Quarterly», Autumn 1999, p. 12).

⁹³⁴ Santis De H. Mutualism. An American Strategy for the Next Century («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 49).

⁹³⁵ Taylor P. Embedded Statism and the Social Sciences: Opening Up to New Spaces («Environment and Planning», 1996, N 28, p. 1925).

⁹³⁶ Waltz K. Evaluating Theories («American Political Science Review», December 1997, p. 915-916).

⁹³⁷ Modelski G., Tompson W. The Long and Short of Global Politics in the Twenty-first Century: An Evolutionary Approach («International Studies Review». Summer 1999, p. 138).

⁹³⁸ Thurow L. Head to Head: The Coming Economic Battle Among Japan, Europe, and America. N.Y., 1992.

- ⁹³⁹ Modelski G., Tompson W. The Long and Short of Global Politics in the Twenty-first Century: An Evolutionary Approach («International Studies Review». Summer 1999, p. 111).
- ⁹⁴⁰ «The National Interest», Spring 1999, p. 22.
- ⁹⁴¹ Zakaria Fareed. The Challenges of American Hegemony («International Journal», Winter 1998-9, p. 15).
- ⁹⁴² «Economist», July 31, 1999 (Road to 2050).
- ⁹⁴³ Waltz K. The Emerging Structure of International Politics («International Security», 1993, N18, p.50)
- ⁹⁴⁴ Huntington S. The Lonely Superpower («Foreign Affairs», March-April 1999.
- ⁹⁴⁵ Zoellik R. A Republican Foreign Policy («Foreign Affairs», Jan/Feb. 2000, p. 66).
- ⁹⁴⁶ Benamou G.-M. Le Dernier Mitterand. Paris, 1998, p. 314.
- ⁹⁴⁷ «The National Interest», Summer 2000, p. 36.
- ⁹⁴⁸ «Foreign Affairs», July/August 2000, p. 107.
- ⁹⁴⁹ Meunier S. The French Exception («Foreign Affairs», July/August 2000, p. 106).
- ⁹⁵⁰ House of Commons. Session 1998-99. Report: The Future of NATO: The Washington Summit. London, 1999, p.XXXI.
- ⁹⁵¹ Heisbourg F. Europe's Strategic Ambitions: The Limits of Ambiguity («Survival», Summer 2000, p. 11-12).
- ⁹⁵² «London Review of Books», December 10, 1998.
- ⁹⁵³ Trevor-Roper H. Prime Minister Without a Past («The Spectator», December 19/26 1998).
- ⁹⁵⁴ «Survival», Summer 2000, p. 13.
- ⁹⁵⁵ («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 2).
- ⁹⁵⁶ Newhouse J. Op.cit., p. 9.
- ⁹⁵⁷ Ibid., p. 4.
- ⁹⁵⁸ Newhouse J. Europe Adrift. N.Y., 1997, p. 8.
- ⁹⁵⁹ Newhouse J. Europe Adrift. N.Y., 1997, p. 19.
- ⁹⁶⁰ «The National Interest», Summer 2000, p. 36.
- ⁹⁶¹ «New York Times», February 15, 1999.
- ⁹⁶² Newhouse J. Op.cit, p. 156.
- ⁹⁶³ Menon R., Wimbush E. Asia in the 21st Century. **Power Politics Alive and Well** («The National Interest», Spring 2000, p. 78).
- ⁹⁶⁴ «Foreign Affairs», July/August 2000, p. 52.
- ⁹⁶⁵ «Foreign Policy», Spring 1999, p. 108.
- ⁹⁶⁶ Helweg D. Japan: A Rising Sun? («Foreign Affairs», **July/August 2000, p. 38-39**).
- ⁹⁶⁷ McRae H. Op. cit., p. 75.
- ⁹⁶⁸ «The Economist», January 1997, p. 67.
- ⁹⁶⁹ «The National Interest», Summer 2000, p. 38.
- ⁹⁷⁰ Rapkin D. Japan and World Leadership (In: Rapkin D. -ed. World Leadership and Hegemony. Boulder: Lynne Rienner, 1990, p. 199).

- ⁹⁷¹ Bell C. American Ascendancy. And the Pretense of Concert («The National Interest», Fall 1999, p. 58).
- ⁹⁷² Mochizuki M. and O'Hanlon M. A Liberal Vision for the US-Japanese Alliance («Survival», 1998, N 2, p. 129-130).
- ⁹⁷³ Cuthbertson I. Chasing the Chimera. Securing the Peace («World Policy Journal», Summer 1999, p. 79).
- ⁹⁷⁴ Menon R., Wimbush E. Asia in the 21st Century. Power Politics Alive and Well («The National Interest», Spring 2000, p. 80).
- ⁹⁷⁵ Menon R., Wimbush E. Asia in the 21st Century. Power Politics Alive and Well («The National Interest», Spring 2000, p. 80).
- ⁹⁷⁶ Турой Л. Будущее капитализма. Новосибирск, 1999, с. 187.
- ⁹⁷⁷ «The Economist», February 8, 1998, p. 74.
- ⁹⁷⁸ Fredman L. Foreigners Lament: We are Going Nowhere («Nikkei Weekly», April 4, 1994, p. 16).
- ⁹⁷⁹ Ibidem.
- ⁹⁸⁰ Menon R., Wimbush E. Asia in the 21st Century. Power Politics Alive and Well («The National Interest», Spring 2000, p. 81).
- ⁹⁸¹ Blank S. Russia as Rogue Proliferator («Orbis», Winter 2000, p. 99).
- ⁹⁸² Menon R., Wimbush E. Asia in the 21st Century. Power Politics Alive and Well («The National Interest», Spring 2000, p. 83).
- ⁹⁸³ Menon R., Wimbush E. Asia in the 21st Century. Power Politics Alive and Well («The National Interest», Spring 2000, p. 86).
- ⁹⁸⁴ Menon R., Wimbush E. Asia in the 21st Century. Power Politics Alive and Well («The National Interest», Spring 2000, p. 82).
- ⁹⁸⁵ Modelski G., Tompson W. The Long and Short of Global Politics in the Twenty-first Century: An Evolutionary Approach («International Studies Review». Summer 1999, p.111).
- ⁹⁸⁶ Arrighi G. The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times. L., 1994.
- ⁹⁸⁷ Wallerstein I. The Capitalist World-Economy: Middle-Run Prospects (In: Wallerstein I., ed. Geopolitics and Geoculture: on the Modern World-System. Cambridge, 1989, p. 123-136).
- ⁹⁸⁸ Goldstein J. Long Cycles: Prosperity and War in the Modern Age. New Haven, 1988.
- ⁹⁸⁹ Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y., 1996.
- ⁹⁹⁰ Waltz K. The Emerging Structure of International Politics («International Security», 1993, N18, p. 44-79).
- ⁹⁹¹ Rice C Promoting the National Interest («Foreign Affairs», Jan/Feb. 2000, p. 55).
- ⁹⁹² McRae H. The World in 2020. Power, Culture and Prosperity. 1994, p. 270.
- ⁹⁹³ «Foreign Policy», Spring 1999, p. 112.
- ⁹⁹⁴ Schell J. The Folly of Arms Control («Foreign Affairs», September/October 2000, p. 27).

- ⁹⁹⁵ «The Middle East Journal», Summer 1998, p. 341.
- ⁹⁹⁶ «American Studies International», February 2000, p. 82.
- ⁹⁹⁷ The Military Balance, 1998/99, p. 117.
- ⁹⁹⁸ The Military Balance, 1998/99, p. 20.
- ⁹⁹⁹ «American Studies International», February 2000, p. 86.
- ¹⁰⁰⁰ Сценарий взят из: Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon and Schuster, 1996, p. 313-314.
- ¹⁰⁰¹ Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon and Schuster, 1996, p. 315.
- ^{m2} Franck Th. Tribe, Nation, World: Self-Identification in the Evolving International System («Ethics and International Affairs», 1997, N 11, p. 151.
- ¹⁰⁰³ Kennedy P. Preparing for the Twenty-First Century. N.Y., 1993, p. 293.
- /« j - [aass R what to Do With American Primacy («Foreign Affairs», September/October 1999, p. 37).
- ЮБ Kissinger H. Does America Need a Foreign Policy? Toward a Diplomacy for the 21st Century. New York: Simon and Schuster, 2001, p.287-288.
- ЮБ у т к и и д и Мировой порядок XXI века... с. 187.
- ¹⁰⁰⁷ Economist Research Center. The World in 2006. London, 2006, p. 86.
- ¹⁰⁰⁸ Pearson S. Total War 2006. London: Hodder and Stoughton, 2000, p. 410.
- ¹⁰⁰⁹ Kaplan R. The World of Achilles. Ancient Soldiers, Modern Warriors ("National Interest", Winter 2001/02, p.40).
- ¹⁰¹⁰ America's Place in the World II. Washington: Pew Research Center for the People and the Press, October 1997, p. 17-18, 22.
- ¹⁰¹¹ Denmark R. World System History: From Traditional International Politics to the Study of Global Relations («International Studies Review», Summer 1999, p. 59).
- ¹⁰¹² Landes D. The Wealth and Poverty of Nations: Why Some Are So Rich and Some So Poor. N.Y., 1998.
- ¹⁰¹³ McNeill W. How the West Won. («New York Review of Books», April 1998, p. 35-37).
- ¹⁰¹⁴ Denmark R. World System History: From Traditional International Politics to the Study of Global Relations («International Studies Review», Summer 1999, p. 58).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	5
Часть первая. КТО СОЗДАЕТ НОВУЮ КАРТУ МИРА	
<i>Глава 1.</i> Доминирование Америки.....	19
<i>Глава 2.</i> Глобализация.....	48
<i>Глава 3.</i> Ввержение в хаос.....	101
<i>Глава 4.</i> Фактор неравенства.....	142
<i>Глава 5.</i> Демографический взрыв.....	165
<i>Глава 6.</i> Иммиграция.....	186
<i>Глава 7.</i> Конфессиональное будущее мира.....	198
<i>Глава 8.</i> Фактор Китая.....	229
<i>Глава 9.</i> Падение Европы.....	249
<i>Глава 10.</i> Научная революция.....	267
<i>Глава 11.</i> Скудеющие недра Земли.....	274
Часть вторая. МЕНЯЮЩИЙСЯ МИР	
<i>Глава 12.</i> Поиск новой идентичности.....	302
<i>Глава 13.</i> Меняющийся облик Америки.....	315
<i>Глава 14.</i> Переход от однополюсного мира.....	394
<i>Глава 15.</i> Биполярный мир.....	432
<i>Глава 16.</i> Западноевропейский вызов.....	442
<i>Глава 17.</i> Китайский вызов.....	478
<i>Глава 18.</i> Дискуссия о будущем России.....	514
Часть третья. ЧЕТЫРЕ ЗОНЫ ОДНОГО МИРА	
<i>Глава 19.</i> Многополюсный мир.....	538
<i>Глава 20.</i> Сценарий катастроф.....	562
Заключение.....	583
Примечания.....	597

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

После поражения советской сверхдержавы и распада социалистического лагеря США затеяли тотальный пересмотр итогов Второй мировой войны и начали борьбу за контроль над природными ресурсами планеты. Автор книги, известный ученый-американист А. И. Уткин, убедительно доказывает, что войны, развязанные США в последнее время в Афганистане и на Ближнем Востоке, «бархатные» и «оранжевые» революции на постсоветском пространстве – это часть стратегии США по установлению «нового мирового порядка».

ISBN 5-699-18776-6

9 785699 187768 >